4
Б90

Л. А. Булаховский

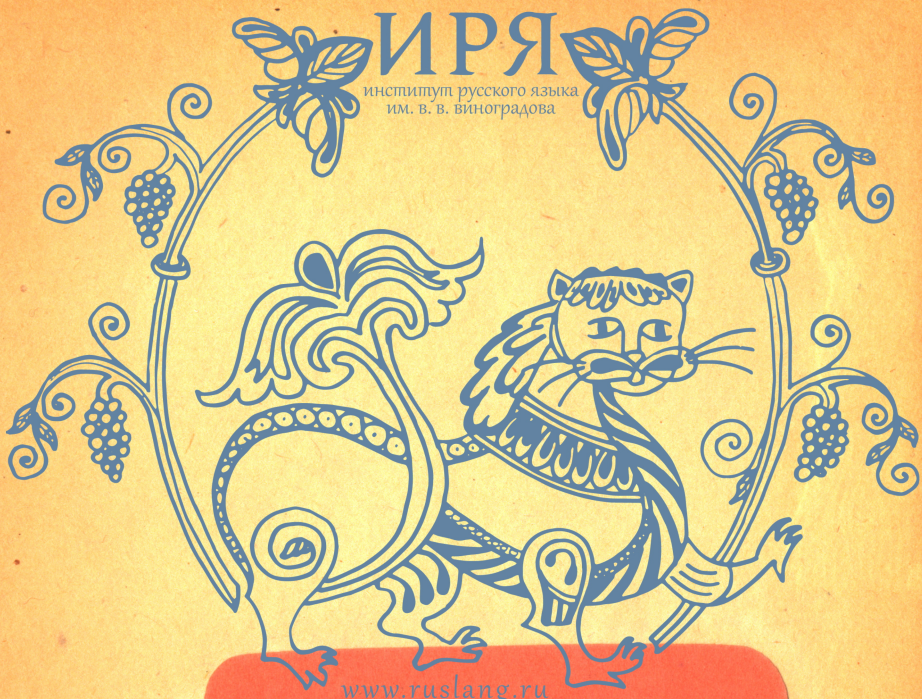
РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ТОМ II

„РАДЯНСЬКА ШКОЛА"
1948

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

ПРОВЕРЕНО

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ
Действительный член Академии наук УССР

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ТОМ II

ФОНЕТИКА. МОРФОЛОГИЯ. УДАРЕНИЕ. СИНТАКСИС.

Допущено Управлением по делам высшей школы при Совете Министров УССР как пособие для студентов филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы педагогических институтов.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАДЯНСЬКА ШКОЛА"
КИЕВ 1948

4
Б-90
РУССК
АН.СССР
79710
38100

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФОНЕТИКА.

§ 1. Вводные замечания.

Фонетическая система русского литературного языка как общерусская устанавливалась в течение всего XVIII века. „Российская грамматика" М. В. Ломоносова (1755—1757) узаконяла по мнимоэстетическим основаниям в качестве основы литературного произношения говор Москвы. Эстетический фундамент („Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается...", § 115) подводился великим учёным pia fraude под факт культурно-политический.

В „Практической русской грамматике" Николая Греча 1827 года „Орфоэпия, или произношение слов" выступает как особый отдел грамматики: указываются правила произношения, расходящегося с письмом, напр.: *што* (что), *скушно, нарошно* (скучно, нарочно), *желею, чесы, шелун, щедить* (жалею, часы, шалун, щадить) и под.

Носителями образцовой фонетической системы литературного русского языка, вряд ли, впрочем, особенно строгой, являлись в первые десятилетия XIX века образованные дворяне, преимущественно — москвичи и, вероятно, образованные же представители разночинства. Как свидетельствует Н. А. Плетнёв (Переписка с Гротом, III, 400), родившиеся в Москве Пушкин и Дельвиг всегда этим гордились и утверждали, что „тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьею ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно русских выражений"[1].

Греч, op. cit., в примечании к § 470 указывает, что правила произношения в грамматике даются им „по употреблению, существующему в наречии Великороссийском (т. е. господствующем в губерниях Московской и смежных с оною) и принятому образованными людьми по всей России".

Той строгой школы литературного произношения, которою стал во второй половине XIX века русский столичный театр, в первые десятилетия ещё, повидимому, и не создавалось. По всей вероятности, замечание Батюшкова (<Прогулка по Москве>,

[1] Цитировано в книге И. Н. Розанова „Поэты двадцатых годов XIX века". М., 1925, стр. 46.

1811—1812) о плохом петербургском театре, где он видел „дурных актеров, слышал на сцене нестройные крики, ***провинциальное наречие***...", театре, ещё хуже которого, по его словам, московский, близко к действительности.

Принципиальных сдвигов литературное произношение второй половины XIX и начала XX века сравнительно с первой половиной XIX знало очень немного, вернее, — только один — отказ от церковнославянского произношения **е** в длинном ряде отдельных слов и в таких категориях, как причастия страдательного залога на **-ен, -енный** или 3-ье лицо ед. **ч.** глаголов на **-ет** с подударным **е**. Относительно приметные изменения произошли также, видимо, в произношении иностранных слов, обнаруживших позже стремление к большей руссификации.

§ 2. Церковнославянские огласовки.

Практика поэтического языка, особенно первых трёх десятилетий XIX века, с фонетической стороны относилась к церковнославянскому лексическому материалу[1] как такому, который с очень значительной свободой может быть использован в угоду требованиям размера. Расслоение чисто-семантическое по сферам значений, эмоциональности и под. строгим сделалось только позже. Коснулось оно, если говорить об особенности наиболее бросающейся в глаза, главным образом, различия огласовок древнейших групп ***tort, *tert*** и т. д.—церковнославянской **(ра, ре, ла, ле)** и русской (полногласия — **оро, ере, оло**)[2].

В первой четверти века и несколько позже случаи употребления церковнославянских форм, не определяющегося стилистическими мотивами, вполне обычны. Вот несколько примеров из множества:

[1] Равно как и к церковнославянизированному русскому — образованиям типа: *пренеслась* (**-сь**—черта уже русского языка), *власы́*, род. мн. *власо́в* (флексия—русская), им. мн. *брега́* (падежное окончание и ударение—русские) и под. Подробно — в статье при томе V „Библиотеки великих писателей" под редакцией проф. С. А. Венгерова, Пушкин — Е. Ф. Будде, О поэтическом языке Пушкина, стр. 237 и след.

[2] Относительно того, когда и как совершалось стилистическое расслоение полногласных и неполногласных форм, известный интерес представляет беллетристизированное в духе его обычной публицистической манеры сообщение Сенковского в „Письме трех тверских помещиков к барону Брамбеусу" (1837). Дело идёт о том, что „явился Пушкин и могуществом своего гения вдруг перенес в поэзию подлинный русский язык со всею его жизнию", но при этом у него всё-таки в стихах ещё: „иногда попадаются *сей, младой, злато* и прочая". Доказывая, что и сам Пушкин принципиально не стоял за сохранение подобных форм (без специальных мотивов, как надо думать), Сенковский рассказывает: „Будучи в Петербурге, я посетил одного литератора, и застал у него Пушкина. Поэт читал ему свою балладу „Будрыс и его сыновья". Хозяин чрезвычайно хвалил этот прекрасный перевод. „Я принимаю похвалу вашу, сказал Пушкин, за простой комплимент. Я не доволен этими стихами. Тут есть многие недостатки".—Например?— „Например, полячка *младая*".— Так что ж? „Это небрежность, надо было сказать *молодая*, но я поленился переделать три стиха для одного слова". Но хозяин утверждал, что это прекрасно. Пушкин никак с ним не соглашался и ушёл, уверяя, что все подобные отступления от настоящего русского языка „лежат у него на совести".

Не те несчастливы, которы умирают, Но те, которые любезных *преживают* (Озер., Поликсена, 1809). И коль захочешь силой Отсель меня извлечь, на свой корабль *пренесть*... (там же). Под тению черемухи *млечнóй* [NB — с руссифицированным ударением] И золотом блистающих акаций Спешу восстановить алтарь и Муз и Граций (Батюшк., Беседка муз, 1817). Вокруг *брады* его седой Рабы толпились молчаливы (Пушк., Русл. и Людм., 1820). ...И в час ночной Он сам нередко с самопалом *Стрежет* врагов в траве густой... (Рылеев, Гайдамак, 1825). Дохнул осенний *хлад* — дорога промерзает... (Пушк., Осень, 1833). Французских рифмачей суровый судия, О классик Депрео, к тебе взываю я: ...В своем отечестве *престал* ты быть пророком... (Пушк., 1833).

Или в „Медном всаднике" (1833): „Прошло сто лет, и юный град, Полнощных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи *блат* Вознесся пышно, горделиво".

Если такие примеры позволяют подозревать использование предоставлявшейся языком свободы в выборе тех или других форм — в сторону неполногласных как подходивших к соответствующим размерам стиха, то в некоторых других случаях догадка о подобных мотивах выбора церковнославянских огласовок вовсе исключена; ср., напр.: „...И мощно рассекал татарскою рукою Все, что противилось *могущему* герою" (Давыд., гр. П. А. Строганову, 1810). „...Как ты, *могущ*, глубок и мрачен..." (Пушк., К морю, 1824). „... Где изредка одни *елени*, Орла послышав грозный *крик*, Теснясь в толпу, шумят ветвями..." (Жуковск., К Воейкову, 1814). „Уже приюта между скал *Елень* испуганный искал" (Пушк., Кавк. пленн., 1821—1822).

Только очень редко сохранение архаических форм являлось, может быть, на службе у отдельных рифм: „Навис покров угрюмой *нощи* На своде дремлющих небес. В безмолвной тишине почили дол и *рощи*..." (Пушк., Воспом. в Царск. Селе, 1814). „Елизиум *полнощный*, Прекрасный царскосельский сад, Где, льва сразив, почил орел России *мощный* На лоне мира и отрад?" (там же)[1]. „Анджело бледнеет и *трепещет* И взоры дикие на Изабелу *мещет*" (Пушк., Анджело, 1833). „Расписные раковины *блещут* В переливах чудной позолоты, До луны жемчужной пеной *мещут* И алмазной пылью водометы" (Фет, 40-ых годов). „Во цвете здравия, и мужества, и *мощи*, Владыке *Полунощи* Владыка Запада грозящий предстоял" (Пушк., 1823). „Я русский, я люблю молчанье дали *мразной*, Под пологом снегов как смерть *однообразной*..." (Фет, 1842).

§ 3. Свобода выбора форм с выпадением гласных и удлинённых на один слог.

Поэты, главным образом в первые десятилетия века, пользуются для ритмических целей относительно большой свободой

[1] Но подобное же *полунощный* у Пушкина, напр., и в „Казаке" (1814), где эта форма не вызывалась рифмой.

в выборе форм с выпадением требуемых нормой гласных или, наоборот, с заменой нормативных форм удлинёнными на один слог.

К этой свободе выбора относятся, напр., случаи:

1. Префикс выступает в форме без гласного:

...Он должен чувствовать священну связь сердец, Которая меня с тобою *съединяет*... (Озер., Поликсена, 1809). *Съедини* уста с устами (Батюшк., Отрыв. из элегии, 1810). ...Он *съединился* дивно с небесами (Огарев, Марии, Александру и Наташе, 1839). ...Да *съединит* их песнь живая, Как электрическая цепь (К. Павлова, Н. М. Языкову, 1842). Не *съединит* нас буква мненья... (К. Аксак., Союзникам, 1844), но у него же: „И весь народ *соединится* В одну великую семью" (Поэту-укорителю, 1845).

Воспламенив их *воображенье*, Повелевал он без труда (Лерм., Изм.-бей, 1832). *Вобще* я мог году в последнем В девицах наших городских Заметить... (Лерм., Казначейша, 1836). Затрясся Каратай и, стулом *воружен*, На переплетчика метнулся разъяренный (Шаховск., Расхищ. шубы, II, 1812). Когда Смоленский князь, Противу дерзости искусством *воружась*, Вандалам новым сеть поставил... (Крыл., Ворона и Курица, 1812). ...Чтоб им зверей *съобща* ловить (Крыл., Лев на ловле, 1808).

...Как много дум *взбудила* вдруг она... (Хомяк., Две песни, 1833). ...Не *взмущает* двукраты экватора... (Дельвиг, Пушкину, 1815). Их *вспламенив* воображенье, Повелевал он без труда (Лерм., Изм.-бей).—Ср. у него же („Поэт", 1839): „Бывало, звук твоих могучих слов *Воспламенял* бойца для битвы". — Ужель красавиц взор, иль почестей исканье, Иль суетная честь приятным в свете слыть Загладят в сердце *Вспоминанье*?.." (Жуковск., Вечер, 1806—1809). *Вспоминаний* ядовитых Старость мрачная полна (Лерм., Два сокола, 1829). Ей оставались *вспоминанья*, но изменили и оне (Тютч.). Россия *вспрянет* ото сна (Пушк., К Чаадаеву, 1818).— Ср. у него же: „...Но как он вздрогнул, как *воспрянул*..." (Полтава, 1828—1829).

Подобным образом и в стихах и в прозе можно встретить: *отвсюду* и *отовсюду*, *отдвинуть* и *отодвинуть*.

Любопытно, что тяжёлое со стороны фонетической сочетание *отмстить*: „Как ныне сбирается вещий Олег *Отмстить* неразумным хозарам..." (Пушк., Песнь о вещем Олеге, 1822) в первые десятилетия века более употребительно, чем нынешнее; ср. в прозе: „По крайней мере, мы сумеем за него *отмстить*..." (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). „...[Шенье] *отмстил* ей [Жанлис] одним стихом..." („Моск. телеграф", 1834, № 3).

2. Префикс выступает в более редкой форме с гласным:

Рано друг твой незабвенный Вздохом смерти *воздохнул*... (Пушк., К молодой вдове, 1817). ...Чтоб даже замужем она *Воспоминала* с умиленьем Девичье время, дни забав (Пушк., Бахчисар. фонтан, 1823—1824). Подъезжая под Ижоры, Я взглянул на небеса И *воспомнил* ваши взоры, Ваши синие глаза

(Пушк., Вельяшевой, 1829). В ауле дальнем Росламбек угрюмый *Сокрылся* вновь (Лерм., Изм.-бей). ...И время на тебе не тронуло венка, Который *соплели* веселье и рассудок... (Вяземск., Деревня, 1827). Певца *спутник* милый, Мечтанье легкокрыло, О, будь же ты со мной! (Пушк., Городок, 1814).

Ср. у прозаика *невозлюбить*: „Обратимся теперь к нашей героине, которую, может быть, читатель успел уже невозлюбить и согрешил" (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

3. В положении перед й (j) в определённых категориях вместо орфографического ь может выступать и: Там сети преклонив ко утлой *ладие*... (Батюшк., Вечер, 1810). ...Их в Эмпирей и в хаос уносила Живая мысль на *крылиях* своих (Баратынск., Последн. смерть, до 1835 г.). *Италиянский* день. Открытый неба свод Лазурью, золотом и пурпурами блещет... (Язык., Переезд через приморск. Альпы, 1839). ...Когда в восторге мы своем Небесное о всем Забвение *пием*... (Милон., Блаженство, 1812). Свечка трепетным огнем Чуть *лиет* сиянье (Жуковск., Светл., 1813). Уже вблизи на дом красивой Лучина яркой свет *лиет*... (Бестуж.-Марлинск., Андрей, кн. Переяслав., 1828). Ручей, *виющийся* по светлому песку... (Жуковск., Вечер, 1806—1809). И день и ночь была слышна В него *биющая* волна... (Жуковск., Шильонск. узник, 1822).

Но по всей видимости только поэтическую вольность представляет: „...Когда он [отлив луны] светлою и длинной полосою Лежит над спящею водою И *листия* дерев как будто серебрит..." (Мятлев, Лунная ночь).

Различие *судия — судья* сопровождается разницею в смысловой окраске слов: *судия* торжественно и чаще имеет окраску религиозную, *судья* характеризует прямое употребление понятия: „С тех пор, как Вечный *Судия* Мне дал всеведенье пророка..." (Лерм., Пророк, 1841).

4. В положении перед й (j) в определённых категориях и может элидироваться (устраняться):

Который Чацкий тут? Известная *фамилья*... (Гриб., Горе от ума, 1824)[1]. ...Хвалю тебя за то, что под враньем твоим Утаена твоя *фамилья*! (Вяземск., Эпигр., 1825). Вперед, вперед, моя *исторья* (Пушк., Евг. Онег., гл. VI, 1826—1828). Поручик с камер-юнкером Затеяли дуэль; *Исторья* неприятная... (Мятлев, Коммеражи, 1836). ...С *предчувствьем* мрачным вопросил Сибирь, подземные затворы И книгу, кою открывал... (В. Ф. Раевский, Певец в темнице). ...Доигрывает с *партьей* виста И *партью* жизни на крестах (Вяземск., Коляска, 1826). „Как *тальи* носят?" — „Очень низко..." (Пушк., Граф Нулин, 1825). Пролетает, Как *молньи* яркая струя (Хомяк., Вдохнов., 1831). ...Весну роскошную, цветы И завыванье непогоды, *Поэзью*, думы и мечты И дев веселых

[1] Ср. из прозы (просторечие): „К нам приезжает каждую весну один чиновник, Евдоким Романович, *фамилью* позабыла" (Греч, Поездка в Германию, 1830).

хороводы (Мятлев, А M-lle Любовь). Был вредный член — язык Густава дядьки, Который мог про *операцью* эту Невыгодно шепнуть Густаву,—вон! (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Такую же элизию иногда встречаем в случаях, где **и** только произносительное; ср.: „Охотник, взяв ружье, патронницу, суму И друга верного по праву и *обычью*, Гектора, в лес пошел за дичью...“ (Крыл., Охотник, 1819).

5. Слово *яйцо* часто выступает у поэтов, реже — в прозе, в диалектной теперь форме с **-и-**:

...Какой где птице боле вод... Какие *яица* несет (Крыл., Воспит. Льва, 1811). Я *яица* всегда в чужие гнезда клала (Крыл., Кукушка и Горлинка, 1816). Он Курицу имел..., Котора *яица* несла, Но не простые, А золотые (Крыл., Скуп. и Кур., 1819). Есть еще и другая забавная сцена, та, в которой маленький Питер просит великого Кина поучить его пляске с *яицами*... (Библ. для чтения, XVIII, 1836, Смесь).

Ср. и форму род. пад. мн. ч. с диалектным ударением: „Чудо!“ вскричал он, и гнездо и пташки живые. Только сегодня пробились малютки из *яи́ц*“ (Катенин, Гнездо голубки, 1836).

Ср. формы с **и** и с **й** в той же самой басне Жуковского („Орел и Жук“, 1806): „...И *яица* кладут на Зевсовой порфире“ и: „Тряхнулся, *яйца* хлоп! Орел взбесился...“

6. В нескольких четырёхсложных словах допускается элизия в неударяемых группах полногласия, что́ довольно близко к фактическому произношению:

Вчера уж не в его прихожей Вертелось счастья *вертено*... (Вяземск., Давным-давно, 1824). И *жавронок* вился над зеленью полей (Батюшк., Послан. И. М. Мурав.-Апостолу, 1814 — 1815). ...Незримый *жавронок* поет Заздравный гимн весне (Баратынск., 1831). С утра дней счастлив и славен, Кто тебе, мой мальчик, равен? Только *жавронок* живой... (Баратынск., 1842). ...И я у *притолки*! Любезные слова Их слушать осужден с досадой, с нетерпеньем... (Давыд., Договоры, 1808). Иной копье из тела вырывает, и в *судоргах* влачится по земле (Язык., Меченосец Аран, 1825). ...Ты лишь одним сердечным потрясеньем Да *судоргой* неровно-бьющих жил Сочтешь тела и длинный ряд могил! (Соколовск., Хеверь, 1837).

Ср. и в прозе: „...Хозяин подрезал *проволку* у бутылки шампанского...“ (Вельтман, Неистов. Роланд, 1835—1836).

У Грибоедова: „Теперь... да в *полмя* из огня“ (Горе от ума, 1824). Ср. *полымя* вм. „поломя“.

Недопустимой элизией уже современники Грибоедова считали: „Чацкий: Куда? Софья: К *прикмахеру*“.

7. К морфолого-фонетическим особенностям языка поэзии первой половины XIX века относится довольно большая свобода употребления предлогов с гласным **о** и без него. Последний случай, где он противоречит нынешнему употреблению, касается только положения предлога перед формами *мне* и *мною*; формы с гласными выступают или, вернее, могут выступать перед двумя

или тремя согласными последующего слова, вне зависимости от того, представляют ли они как группа результат выпадения былого редуцированного или стояли рядом искони.

1) Я нарядилась в бездну жемчугу, В тьму бриллиантов, в пышность и *во блеск* (Язык., Жар-птица, 1836). И молча прислонясь *ко гриве*... (Пушк., К Юдину, 1815). ...*Во плен* отдался я мечтам (там же). Я сильную, пылающую грудь Хочу прижать *ко груди* равносильной (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821). ...И утаить их как-нибудь И от себя и *ото света*... (Барат., Вот верн. список, 1835). Ах, некогда и ты горел *Ко славе* чистою любовью! (Кюхельб., К самому себе, 1818). *Ко смеху* приучать себя нужней... (Лерм., К***, 1831). ...И рек, и Олоферн *со трона* К нему склонил и слух и взор (Пушк., Когда владыка ассир., 1835).

Из случаев, относящихся к сочетаниям, где в имени существительном был редуцированный гласный, впоследствии выпавший (**ъ, ь**), в качестве примеров можно привести: „И *ото сна* для наслаждений Живым дыханьем вызвал мир!“ (Кюхельб., К брату, 1819). „И вышел *изо тьмы* дубов...“ (Кюхельб., Юрий и Ксения, 1833).

2) ...И новая гроза *над мною* собрана! (Гнедич, Танкред, 1809). ...*Пред мной* и пред тобой чист в совести моей... (там же). *Пред мной* готическое зданье Стоит, как тень былых годов (Лерм., В Воскресенске, 1830). Во зло употребила ты права, Приобретенные *над мною* (Лерм., К*** 1831). ...И верный конь *под мною* пал (Лерм., Изм.-бей, 1832). И *над мной* распространится Мертвой скуки пустота... (Ростопчина, Ночн. мотылек, 1840).

3) Ср. и случаи вроде: „Он, долго власть свою нам обращая *в вред*, Здесь приобрел врагов“ (Гнедич, Танкред, 1809). „Холодный сон моей души *С сном* вечности меня сближает“ (Вяземск., Отложенн. похороны, 1822). „Из теплых гнезд изгнанники в дубраве, Они *с стыдом* пустились“ (Вяземск., Заметки, 1823).

4) Обращает на себя внимание употребление **о** вм. „обо“: *О мне* спроси седого земледельца... (Кюхельб., 1823). — Пусть оживет в тебе *о мне* воспоминанье... (Кюхельб., К Криштофовичу, 1823). ...И что молва кричит *о мне*... боюсь! (Лерм., 1830 июля 15-го). О! пожалей *о мне*, краса моя! (Лерм., Смерть, 1830).

§ 4. Вставка и выпадение *о, е* при сонорных в конце слова.

В ряде слов с сочетанием на конце в именительном падеже ед. ч. „согласный шумный + сонорный“ в течение первой половины XIX века устанавливалась диференциация: подобные формы становились приметой стилей отборочных, приподнятых, а получившие между шумным и сонорным гласный (**о, е**)[1] — бытовых,

[1] **о** — после велярных, **е** — после других согласных. Ср. „Исторический комментарий к литературному русскому языку“, 2 изд., 1939, стр. 58—59.

разговорных. В языке стихотворном, разумеется, требования размера могли влиять в сторону смещения подобных отношений.

Несколько примеров таких слов:

Ветр:

Бушует *ветр*, удвоил силы он (Крыл., Дуб и Трость, 1806). Сей друг, кого и *ветр* в полях не обгонял... (Жуковск., Песнь араба над мог. коня, 1810). Зачем крутится *ветр* в овраге?.. (Пушк., 1833). Волшебного их сна Не будит ранний *ветр*, Играя с камышами (Майков, Жизнь, 1841).

Вихорь:

Как *вихорь* на курган, он с лирой возлетел (Жуковск., Песнь барда, 1806). Но там же: „И праха черный *вихрь* Вознесся до небес". — Как *вихорь*, свистнул острый меч (Пушк., Русл. и Людм., 1820). Был сильный *вихорь*, сильный дождь; Кипя, ярилася пучина (Жуковск., Уллин и его дочь, 1833). ...Я правлю, и на Пинд как *вихорь* он [стих] взлетает... (Майк., Подраж. древним, Овид., 1842). Чаще обычное *вихрь*: „Из края в край, из града в град Судьба, как *вихрь*, лютей мятет..." (Тютчев, 1828—1829).

См. в том же стихотворении Козлова „Сон" (1831): „...И *вихрь* шумит, как бездна в бурном море, И тени мчит — и *вихорь* роковой Сливает в гул их ропот..."

Вымысл, замысл, промысл и под.:

Первое внимание должно обратить на самый *замысл* ее [картины] (Хомяк., Сочин., I, 696). Пусть говорят — поэзия мечта... Что мир ее есть мир пустой и ложный, И бледный *вымысл* — красота (Майк., Сомнение, 1839). — Ср. у него же: „...Иль это умной лжи Несбытный *вымысел*, их мир и наслажденья?" (Мрам. фавн, 1841). У Пушкина („Полт.", 1828—1829): „Издавна *умысел* ужасный Взлелеял тайно злой старик..."

Огнь:

На дымном очаге трескучий *огнь*, сверкая, Их в зимни вечера не будет веселить... (Жуковск., Сельск. кладб., 1802). В крови палящий *огнь*! В очах померкнул свет (Жуковск., Сафина ода, 1806). Пожарный *огнь* их домы истребил... (Пушк., Бор. Годун., 1825—1830). ...И дар блестящий, дар унылый, Небесный *огнь* — я проклинал (Майк., Иафет, 1840). ...Гнутся ноги, *огнь* во взорах (Майк., Подраж. древним, Горац., 1841).

Очень часто и обыкновенное *огонь*.

При обычном *пепел* ср. **пепл**:

...На хладный *пепл* родного пепелища... (Вяземск., К Жуковск., 1812). ...Когда Мелецкого иль Дмитриева дар Питал бы творческою силой В груди моей, как *пепл* таящийся остылой, Бесплотный стихотворства жар... (Вяземск., К Е. С. Огаревой, 1816).

Плеснь:

И тускло на сырых стенах, Покрытых *плеснью*, как корой, Свет, поглощенный темнотой, Туманным отблеском лежал (Жуковск.,

Суд в подзем., 1832). Здесь, кроме рта, весь *плеснью* заростешь (Хомяк., Димитр. Самозв., 1833). Зеленая *плесень* уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах (Гоголь, Мертв. души, 1842).

Полн:

На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих *полн*... (Пушк., Медн. всадн., 1833). На них глядел он *полн* любви... (Майк., Иафет, 1840).

И: „Щеки впалы, тускло око, *Полон* мрачный лоб морщин" (Жуковск., Братоубийца, 1832). „*Полон* злобы, полон мести, Без ума, без чувств, без чести..." (Пушк., На гр. А. А. Аракчеева).

Вместо нынешнего *резв* в первой половине XIX века обычно **резо́в:**

Ребенок был *резов*, но мил (Пушк., Евг. Онег., I, 1823—1825).

Стебль:

...И мертвый в поле *стебль* колышет, И елей ветви шевелит (Тютчев, 30-ых годов?).

Угль:

Ср. у Пушкина в стилизованном под древний язык „Пророке" (1826): „...И *угль*, пылающий огнем, Во грудь отверстую водвинул". Наоборот, кажется, единичный случай представляет: „Глаза — два *уголя* горящих" (Тепляков, Фрак. элег., „Возвращение", 1836).

Хитр:

Ты прост в душе своей, но *хитр* воображеньем (А. Бунина, О счастии, 1821). Суворов говаривал: тот уже не хитрый, о ком все говорят, что он *хитр* (Вяземск., Стар. зап. книжка, IX).

Но ср. и обычное *хитер*: „Лиза: Да-с, так сказать, речист, а больно не *хитер*" (Гриб., Горе от ума, 1824).

Особый случай представляет при обычном *скипетр* форма с отсутствием **е — скиптр**, точно соответствующая греч. σκῆπτρον.

То *скиптр* в его руках (Батюшк., К Тассу, 1808). ...Что Пактолы Златая россыпь для меня, Всемирный *скиптр*, венец тяжелый И бармы пышные царя! (Майк., Подраж. древним, Проперц., 1841).

Ср. и несколько подобных случаев колебания в родительном падеже мн. числа.

Ведр:

В 1597 году отпускали к столу Австрийского Посла из „Дворца Сытного"... 5 *ведр* смородинного [меду] (Карамз., Ист. гос. Росс., X).

Искор:

Встало пурпурное знамя, *Искор* высыпала рать (Бенедикт., Пожар, 1837).

Обычно — *искр*.

Кресл:

Когда при свисте *кресл*, партера и райка Торжественно сошел со сцены твой „Коварный"... (Вяземск., Поэт. венок Шутовского, 1815).

Кукл:

...И, глядя на людей — на пестрых *кукл* — мечтал... (Батюшк., Послан. к Н. И. Гнедичу, 1805—1809).

Ребр:

На иных [крышах] оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде *ребр* (Гоголь, Мертв. души). Бочковатость *ребр* умунепостижимая... (там же).

Сестр:

...Отъятая от пажитей домашних, От груди милого отца, от милых *сестр*... (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821). Но для смиренных *сестр* была Она лишь ласковая мать (Жуковск., Суд в подземелье, 1832).

Сосн:

Под кровом черных *сосн* и вязов наклоненных (Жуковск., Сельск. кладб., 1802). В приюте *сосн* густых (там же). ...И мрачных *сосн* суровый ропот... (Козл., К другу В. А. Жуковскому). От *сосн* и от угрюмых скал Простерлись тени перебежны (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Как сладок дух от *сосн* смолистых И от черемухи младой! (Майк., Призыв, 1838). Рассеянно гляжу на дремлющие воды Лесного озера и верхи *сосн* густых... (Майков, Е. П. М., 1842).—И у него же: „На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой, Покрытом кустарником ветхим и зеленью *сосен*...“ (1840).

§ 5. Полногласные формы и родственные огласовки в случаях, где впоследствии возобладали церковнославянские.

Путь приближения русского литературного языка к разговорному на народной основе не был, однако, во всех элементах путём неуклонным, последовательно выдержанным. Заслуживает внимания, что в некотором количестве случаев у ряда писателей первой половины XIX века возможны в корнях слов и приставках русские огласовки там, где позже возобладали, видимо, под влиянием школы, архаические церковнославянские. К таким случаям относятся, напр.: *бесперестанный* (беспрестанный), *небережный* (небрежный), *перерывать* (прерывать), *отсторонить* (отстранить), *охолодеть*, *холоднокровие* (охладеть, хладнокровие), *середний* (средний) и под.; *ровный* (в смысле „равный“), *розный* (разный) и др.

Примеры:

...Зачем скользит *небережно* покров С плеч белых и груди высокой? (Давыд., 1817). Отцы наши жили *небережно* — они не подорожили ни нашим имением, ни здоровьем (В. Одоевск., Саламандра, II). Я весь тогда желал *оборотиться* в зренье... (Дельвиг, К Т-ой). ...Еще осталось время, Чтоб ловкими пособьями ума *Отсторонить* ударные грома (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Как шум *прибережной* дубравы И разыгравшихся валов (Язык., Родина, 1825). Когда в груди жар первых впечатлений *Охолодел* от частого свиданья... (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833).

...Нет зажигательных стекол, которые снова запалили бы *охолодевшее* сердце мужа (Павлов, Именины, 1835). Одумайтесь, *прохолодитесь*, хотя на льду своих чернил (Вяземск., К журн. благоприятелям, 1831). Иль нет! Сорви покров долой!.. Мне легче горя своеволье, Чем ложное *холоднокровье*, Чем мой обманчивый покой! (Давыд., 1809). ...В рассказах — бережливость слов, *холоднокровье* — в жарких спорах... (Вяземск., Устав столов., 1820). Срезал себе я тростник у *прибережья* шумного моря (А. Майк., Искусство, 1841). *Середний* брат наш — я сказал — Душой скорбел и увядал (Жуковск., Шильонск. узн., 1822).

Полногласие в префиксе:

Знаменитый роман Сю отозвался не столько в литературе, сколько в обществе; результаты его были: *переобразование* в устройстве тюрьм, составление человеколюбивых обществ и т. п. (И. Киреевск., Обзор современн. состояния литературы, 1845). „Довольно!" *перервал* Макбет с негодованьем... (Вяземск., Визирь Гассан, 1823). ...И вздох за вздохом, грудь вздымая, Его *перерывают* глас (Вяземск., Выход Вздыхалова, 1822). Если хотите... я вам расскажу историю этой страны по порядку... это мне будет легче... одно будет напоминать другое... только не *перерывайте* меня (В. Одоевск., Русск. ночи, V—Город без имени). ...Проступал *бесперестанно* Пот холодный на челе (Рылеев, Димитр. Самозв., 1825). И шум *бесперестанный*, И стон стоит в горах... (Язык., Альпийск. песня, 1840).

Группа с начальным **ро-** (из **ort*)[1].

Искусства нас в одно семейство сопрягли, На *ровный* жребий благ и бедствий обрекли (Вяземск., Послан. к М. Т. Каченовскому, 1821). Шьют *ровной*, кажется, иглой, Но видишь, всматриваясь строго, Что каждый шьет на свой покрой (Вяземск., Всяк на свой покрой, 1823). ...Но всего чаще слагают свои буйные головы в *неровном* бою (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Но там удел назначен нам неравный, И *розный* нам оставить в мире след (Пушк., Послан. к Горчакову, 1816). Броню терпенья ты надень И под дождем дурачеств *розных* Осмелься в укоризнах грозных Мне выговаривать за лень (Вяземск., К гр. Чернышеву в деревню, 1824). А скольких слез, тоски, борений *розных* Он зритель был на лоне гневных бурь, И сколько дней, то радостных, то грозных, Изведал он — ненастье и лазурь (Вяземск., Листок, 1829).

§ 6. *е — ё.*

Едва ли не самое приметное явление литературной фонетики первой трети XIX века сравнительно с позднейшей — возможность произношения в стихотворном языке подударного **е** перед твёрдым согласным там, где живой язык имел **ё** (**о** с предшествующим смягчением согласного), как **е** (**э** с предшествующим смягчением

[1] См. „Историч. комментарий", 2 изд., стр. 54.

согласного). Такое произношение в практике стихотворного языка, не бывшей в этом отношении выдержанной уже и в ломоносовское время, всё время шло на убыль, так что, напр., в языке Лермонтова, кроме одной специальной категории, исторически более других связанной с церковнославянским языком (причастия на **-ен-ный**[1]), очень мало случаев рифм, предполагающих чтение в этом положении не **ё**, а **е**. Само собою разумеется, что и у старых авторов, отражающих в чтении **е** как **е** литературную манеру XVIII века, такое чтение чаще в жанрах высоких, нежели сниженных. Характерно однако, что даже басня и стихотворная комедия (Дмитриева, Крылова), как и другие виды сниженного слога, в этом отношении оставляют за авторами очень большую свободу.

Примеры архаического чтения **е**:

Дмитриев:

...Что прыткий наш Олень В минуту стал их *жертвой*: Настигнут, поражен И пал пред ними *мертвый* (Челов. и Конь, 1803). Я, право, добр! и всей душою Готов обнять, любить весь *свет*!.. Я слышу стук... никак за мною? Так точно, наш земляк *зовет* На ужин... (Путеш. N. N. в Париж и Лондон, 1803—1807).

Крылов:

Расселись, начали *квартет*, Он все-таки на лад *нейдет* (Квартет, 1811). Когда в товарищах согласья *нет*. На лад их дело не *пойдет*... (Лебедь, Щука и Рак, 1814—1816). ...А солнце разу не *взойдет*, Чтоб новых от тебя не осветило *бед* (Сочинитель и Разб., 1817).

Но в этой же басне: „Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид *облек* И страсти и *порок*?"

Практику Жуковского иллюстрируют, напр., рифмы:

И снова в темном сердце воскресает Стремленье в оный таинственный *свет*; Давнишний глас на лире оживает, Чуть слышимый, как гения *полет* (Двен. спящ. дев, 1810—1817). И резвостью, и взором, и улыбкой Она тебя к веселости *зовет*!.. Но для тебя в сем зове смысла *нет*! (К А. П. Киреевской, 1813). С потоком благодарных *слез*. В последний раз с *полунебес*. На мир земной она воззрела... (Пери и ангел, 1821).

И даже в 1849 году: „Птичка летает, Птичка играет, Птичка *поет*; Птичка летала, Птичка играла, Птички уж *нет*!" (Птичка).

Ср. с нынешним произношением:

...Величествен, гордый, с бессмертной *красою*, Ты пламенной солнца помчишься *стезею* (Песнь араба над могилою коня, 1810). Любезный друг, гусар и *Бок*! Планетам изменять нимало нам не стыдно! Их путь от нас *далек* (К Т. Е. Боку, 1815). Здесь часто в дождик и в грозу Стою, к земле *пригвожден*; Все жду,

[1] Форма на **-ен** у Пушкина выступала только в живом произношении. Случай в „Полтаве": „Его щедротою безмерной Осыпан, дивно *вознесен*..." с рифмой: „Ему ль теперь у двери гроба Начать учение *измен*..." единичен и может быть, как основательно догадывались, объяснён стилистической установкой здесь слова *вознесен*.

чтоб дверь отворилась... Но то обманчивый *сон* (Жалоба пастуха, 1818).

Пушкин, в ранних своих произведениях часто пользовавшийся рифмами с **е** вм. **ё**, позже прибегает к ним всё реже и лишь в отдельных случаях сохраняет старое произношение.

В пустыне чахлой и скупой, На почве, зноем *раскаленной*[1], Анчар, как грозный часовой, Стоит один во всей *вселенной* (Анчар, 1828). На холмах пушки *присмирев* Прервали свой голодный *рев* (Полтава, 1828—1829). Приготовь же, Дон *заветный*, Для наездников лихих Сок кипучий, *искрометный* Виноградников твоих (Дон, 1829).

Впрочем, уже в „Руслане и Людмиле" (1820), рифмы, предполагающие чтение **ё**, нередки, а одна *копием — кругом*, где ё попало в церковнославянское слово, даже возмутила Каченовского как „мужицкая".

Для 1840 года рифма вроде той, какую встречаем у Мея без специальной стилистической установки: „Поэт! ты лунатик. Чрез суетный *свет* Тебя, как луна, вдохновенье *ведет*..." (Лунатик), должна считаться уже устарелой.

§ 7. *я — е*.

Произношение орфографического **я** как **е** под ударением в нескольких словах, где такое чтение установилось аналогически и в наше время расшатывается орфографией, иногда свидетельствуется рифмами поэтов первой половины XIX века, а иногда самими написаниями:

Рифмы: „...Не велеть ли в санки Кобылку бурую *запречь*?" Рифма — *печь* (Пушк., Зимнее утро, 1829).

Ср. *потрёс* у Жуковского даже в торжественном стиле: „...И грешнику душу привет сей *потрёс*". Рифма — *Христос* (Покаяние, 1831). Но: „Гибкий, резвый, звучно-ясный, В этот мертвый поздний *час*, Как безумья смех ужасный, Он всю душу мне *потряс*" (Тютч., 30-ых годов).

Написания: Более писать нечего из степей моих, к тому же я не *стрес* с себя еще грязи дорожной (Письмо Д. В. Давыдова Н. М. Языкову, 1836). ...Сухим листом *затресся* каждый член... (Соколовск., Хеверь, 1837).

§ 8. О произношении *о — а, е — и, ье — ья*.

Несмотря на определённо засвидетельствованное уже для XVIII века литературное произношение безударного **о** как **а**, поэзия XVIII века и пушкинской эпохи, как правило, не пользуется рифмами этого рода. Нужно согласиться с объяснением данного явления, которое В. Жирмунский предлагает в своей книге

[1] **-енный**, как замечено, у него стойко держится в таком произношении.

38100

„Рифма, ее история и теория", 1923, стр. 155 и сл., 329—330. Констатируя постепенную деканонизацию точной рифмы и непрерывное расширение круга приблизительных созвучий в течение XIX и последующего времени, он справедливо утверждает: „На самом деле, однако, перед нами не изменение произношения, а изменение поэтического вкуса и стиля: поэты XVIII и первой трети XIX века требуют в области неударного вокализма не только акустической, но и графической точности..." Ср. цитируемое им высказывание Шевырёва („Москвитянин", 1841), хотя и неверно связывавшего данное явление только с „музыкальной школой" Батюшкова и Жуковского: „Взгляните на рифму этой школы: какая строгая отточенность до последнего звука! Мы не даром приглашаем глядеть на нее: она в самом деле существует не для одного слуха, но и для глаза. Она не пользуется даже счастливым свойством нашего языка, который, по сходству звука, дозволяет рифмовать буквам **о** и **а** в словах женского окончания. Но музыкальная школа считала это за ошибку против верности звука"[1].

В существенном это же относится к безударному **е**, кроме определённых категорий, для которых есть своё объяснение, не рифмующемуся с **и** (подробности см. в названной книге Жирмунского, стр. 159—160, 331).

Что касается рифм **ье : ья**, проходящих в стихотворную практику раньше **о : а** и **е : и**, то, несмотря на их точность акустическую (и то и другое окончание в московском произношении звучит как **йъ**), и они долго различаются под влиянием графического момента. Любопытно отношение к ним отдельных поэтов: Баратынский, консервативный в своей стихотворной технике, такой рифмовки не допускает; Пушкин в лицейский период разрешает себе относительно большую свободу, но затем почти отказывается от неё; Лермонтов и Тютчев придают мало значения графической точности этих рифм (op. cit., стр. 160—162).

Рифмы **е : я** (акустически — **ъ** со смягчением предшествующего согласного): *го́ре : мо́ря, по́ле : во́ля* ещё чужды практике XVIII и пушкинской поры XIX века (op. cit., 123—125, 325).

---

[1] Заметим, впрочем, что в утверждении Шевырёва есть и довольно серьёзная доля преувеличения. Если, с одной стороны, действительно, русская версификация почти со второго десятилетия XIX века предъявляла к авторам относительно строгие, иногда кажущиеся нам преувеличенными требования (ср., напр., замечания Вяземского в его письме к Батюшкову 1810 г. о том, что „*несказанна* не может служить рифмою слова *тирана*"), то, с другой стороны, она разрешала им вольности рифмовки, явно неприемлемые для „строгой рифмы" позднейшего времени. Конечно, в пушкинский период не перешли державинские рифмы с грубыми несоответствиями согласных (их можно встретить ещё нередко у версификаторов старшего поколения), но и сам Пушкин рифмует, напр., *небеса : глаза, светел* и *пепел* и под.

Точнее, таким образом, было бы сказать, что пушкинская школа узаконила свои, в общем высокие, требования к строгости рифмы, требования, среди которых известное место принадлежало верности графическим соответствиям.

§ 9. О рифмующихся *г—х*.

Литературное произношение XVIII века и позже, как правило, держалось („за исключением словенских речений",— Ломоносов) соответствия графическому **г** в конце слова — в виде **к** (взрывного велярного глухого): друг > друк, мог > мок. Тем не менее у поэтов, наряду с подобными рифмами (у Пушкина, напр.: *друг*: *звук*, *крик* : *миг*) встречаются и случаи рифмовки **г : х**, как будто по южнорусскому произношению[1]. Соответствующие примеры не следует, однако, толковать как факт живого произношения: ряд исследователей (Дурново, Жирмунский и др.) справедливо рассматривают их только как традиционно узаконившуюся вольность, так или иначе связанную с влиянием на речь московских образованных людей церковного (в древности киевского) произношения **г** как длительного звука. Относительность значения римф **г : х** особенно ясна из наличия, правда не частых, рифм **к : х**, вроде *мрак*: на *крылах*[2].

§ 10. *чн—шн.*

Группа **чн** в русском языке фонетически подвергалась переходу в **шн**. Под влиянием, главным образом, письма, в отдельных случаях — родственных форм, этот переход не отражён в литературном произношении ряда слов. Норма и сейчас по отношению к некоторым словам не может считаться вполне установившейся (очень значительное расхождение наблюдается, напр., между литературным произношением Москвы и Ленинграда); повидимому, насколько позволяет судить стихотворный язык и орфография первой половины XIX века, она ещё менее строга была в это время.

Ср. рифмы:

Конечно с произношением орфографическим:

Я, например, люблю, *конечно*, Читать мои куплеты *вечно* (Дмитр., Путеш. N. N. в Париж и Лондон, 1803—1807). ...Хоть я *сердечно* Люблю героя моего, Хоть возвращусь к нему, *конечно*... (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828). О древней верности, *конечно*, Слыхали как-нибудь и вы! Но как сказания молвы Все дело перепортят *вечно*, То я вам точный образец Хочу представить наконец! (Лерм., Незабудка, 1830).

Фонетическое произношение:

Конечно, Не надо было б мысли *грешной* Дорогу в сердце пролагать... (Лерм., Казначейша, 1836). Вы отгадаете, *конечно*, Кто этот гость нежданный был. Немного, может быть, *поспешно* Любовник смелый поступил (там же).

---

[1] Ср., напр., у Подолинского: „Но пламень синий В лампаде с треском дрогнул *вдруг* И пред иконами *потух*" (Глинский, 1830). Юный Пушкин рифмует, напр.: „Вонзилися шпоры в увлаженный *мох*, Лежит неподвижно, и месяца *рог* Над ними в блистаньи кровавом (Сраж. рыцарь, 1815).

[2] Подробности см.: В. Жирмунский, Рифма, её история и теория, 1923, стр. 142—145, 326—327.

Нарочно:

Орфографическое произношение:

...Упал вдругорядь,— уж *нарочно*! А хохот пуще: он и в третий, так же *точно*! (Гриб., Горе от ума, 1824). Давно он знал ее *заочно*. С его глазами *ненарочно* Глазами встретилась она (Баратынск., Цыганка, 1842).

Скучно, скучный:

Орфографическое произношение:

...Ступай *благополучно* — Моя Наташа, под венец: Одной в светелке *скучно* (Пушк., Жених, 1825). По дороге зимней, *скучной* Тройка борзая бежит, Колокольчик *однозвучный* Утомительно гремит (Пушк., Зимн. дорога, 1826). Рассуждать не учись, это *скучно*. Живописец задумчивый глуп... Вот — мечта! С ней лети *неразлучно*!.. (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Как тяжело мне, как мне *скучно*! Мазурка между тем так *звучно*, Так весело, так сладостно гремит... (Мятлев, Фантазия, 1842).

Фонетическое произношение:

Ну что ж, ей может быть единобразье *скучно*, И муж на то глядеть обязан *равнодушно* (Гриб., Молод. супруги, 1815). Аглаева (*тихо Саше*): Я слушать этого не в силах *равнодушно*!.. (*Альнаскарову*): Но если вам самим с женою будет *скучно*, Так скоро и жене такой наскучит муж (Хмельницк., Воздушн. замки, 1818). „Не спится, няня: здесь так *душно*! Открой окно да сядь ко мне!“—„Что, Таня, что с тобой?—„Мне *скучно*...“ (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). Ему в гостиных стало *душно*: То было глупо; это *скучно* (Баратынск., Цыганка, 1842).— Лермонтов пишет: И *скушно* и грустно... (1840).

Табачный:

Лермонтов рифмует „дым табачный“ и „взоры страшны“. Написание *табашный* встречается, напр., у Карамзина, Гоголя и др.

Едва ли не стилизация под „народный“ тон у Вяземского в стихотворении „Что, мой светик луна...“ (1827):— „Слушай: в чаще ветвей Молодой соловей В тишь *полношную*, Кроткий свет твой любя, Все поет про тебя Песнь *роскошную*“. Но ср. там же в другом, в большей мере народном слове: „Грустен путь пред тобой, Путь в степи голубой Без *сердечного*; Столько ходишь ты лет, А попутчика нет И нет *встречного*“.

Не совсем ясен случай у Пушкина в „Бахчисарайском фонтане“ (1823—1824): „Забав их сторож *неотлучный*, Он тут; он видит, *равнодушный*, Прелестниц обнаженный рой“. Существовало ли действительно произношение „неотлушный“ или перед нами только разрешённая себе поэтом неполная рифма,— трудно решить с уверенностью.

Из написаний сто́ит указать, напр.: у Карамзина („Путеш. вокруг Москвы“, 1803): „Давно известны коломенские фабрики, *кумашные*, полотняные, шелковые...“[1]; у Крылова

[1] Другие встречающиеся у Карамзина слова с написанием шн упоминает С. П. Обнорский в статье „Сочетание чн в русском языке“, Труды Комиссии по русск. яз., 1931, стр. 108.

(„Совет мышей", 1811): „И, наконец, в *мушном* ларе Открыто заседанье..."; у Нарежного („Два Ивана", 1825): „...распевал *святошные* песни"; у Вяземского („Изв. о жизни и стихотв. И. И. Дмитр.", 1823): „...*святошные* игрища..."; у Вельтмана („Неистов. Роланд", 1835—1836): „...с *лубошной* кровлей".

Юный Лермонтов пишет („Вадим", ок. 1832 г.): „...Под этими атласными веками, окруженными легкой *коришневатой* тенью..." и у него же („Девятый час...", 1832): „...И на стену с *лубошною* картиной";— не говоря уже о *буднишний*, *буднишный*: „...Но цвет вдохновенья Печален средь *буднишних* терний",— Фет, „В *буднишной* жизни ты их красоты не узнаешь",— Щербина („Жизнь и искусство", 1847), вытесненных в нашей орфографии искусственным и неправильным написанием, не оправдываемым этимологией,— *будничный*.

Прямое свидетельство о произношении представляют написания во фразеологизме „встречному и поперечному", которые находим в письме А. И. Тургенева Вяземскому (1822): „... „К Без[образовой]"— читаю *встрешнему* и *поперешнему*, переменив один стих..."

Характерен для изучаемого времени, вероятно, только орфографический гиперизм: *альманачник*, *альманачный* (от *альманах* фонетически должно было явиться только *альманашный*). Ср.: „Несмотря на то, что каждый *альманачник* успевает что-нибудь вымолить..." („Моск. телеграф", XXV, № 1, 1829, стр. 85). „На это время [вторая половина декабря] всякая литература отменяется: господствуют одни только словесность конфектная и словесность *альманачная*, которая не стоит даже конфектной" (Библ. для чтения, XIV, 1836)[1].

§ 11. *-жск-, -шск-.*

В положении перед суффиксом имён прилагательных **-ск-** (из **-ьск-**) **г** по правилу в старых славянских (русских) словах переходило в **ж**. От слова *Петербург* и других слов на *-бург* и *-борг* установились формы без такого перехода: *петербургский*, *выборгский* и под. Попытка „Отечественных записок" в сороковых годах завести форму **петербуржский** не имела успеха: появился даже водевиль „Сей и оный", где действующие лица, к веселью зрителей, понимавших намёк, произносили *сижара* вм. „сигара" и „*всеможущая* сила" вм. „всемогущая"[2].

С *петербургский* и под. ср. и **прагский** вм. *пражский* в письме Н. В. Станкевича 1837 г.: „Читаю *прагские* газеты, статьи о приехавших".

---

[1] Иные примеры см. В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, I, изд. 2, 1914, стр. 70—71.

[2] Н. Энгельгардт, История русской литературы XIX столетия, I, 2 изд., 1913, стр. 510.— Ср., наоборот, у Вяземского (Письмо к А. И. Тургеневу, 1828): «Спесь, свойственная *петербургцам*...»

Батюшков в „Предславе и Добрыне“ (1810) подобным образом оставляет неизменённым **х**: „Меж ними блистали красотой и храбростью: Горислав *Ляхский*... и сильный Андроник *Чехский*...“

§ 12. *-сл- — -шл-, -зн- — -жн-.*

Старая фонетическая рефлексация ***слj*** как **шлъ** и ***знj*** как **жнъ**, представленная вообще небольшим количеством примеров, затиралась с течением времени действием аналогии форм того же этимологического ряда. У писателей первой половины XIX века фонетических случаев несколько больше: „...*Мышлю*, следственно существую“,— сказал Декарт (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Вампиров *передражнивал* Аглаева... (<Бегичев>, Семейство Холмских, V, 1832). „Если вы имеете законные доказательства“, повторил князь, *передражнивая* Набойкина (Ушаков, Последн. из княз. Корсунских, 1837).

§ 13. О смягчённом *р*.

Произношение с мягким **р** в словах со старой группой **tьrt** не перед твёрдыми зубными, видимо, было широко распространено и иногда (впрочем, нечасто) отражается ещё и в печатных изданиях этого времени, ср., напр., *сверьх* и под. в „Повестях“ Алек. Вельтмана, 1836, в „Последнем из князей Корсунских“ (1837) В. Ушакова. П. Я. Чаадаев, слабо владевший и русским языком и правописанием, пишет даже не только „верьхушки“: „...Мы прежде того потеряли наши topsels (как по-русски не знаю), *верьхушки* мачт“ (Письмо брату 1823 г.), но и „*во-перьвых*“: „*перьвое* к тебе письмо“ (письма). Так пишет, напр., в 1826 г. и Вяземский (Письмо А. И. Тургеневу). Ср. и *верьба*: „...Взлез он на *верьбу* сухую...“, „И вокруг *верьбы* плясал...“ (Н. Маркевич, Удавленник, 1829, „Моск. телеграф“, XXVII, № 11).

§ 14. *В* перед начальным подударным *о*.

К характерным особенностям фонетики первой половины XIX века относится различение начального подударного **о** с предшествующим **в** в слове „восемь“ и отсутствие этого **в** в формах, где начальное **о** не было подударным: **восемь**, но *осьми*, *осьмью* и соответственно — *осьмой* и под. (реже под влиянием последних — *осемь*). И в других случаях, где при так называемой второй интонации краткостей древнейшего славянского языка выступает начальное подударное **о**, оно в литературном языке этого времени чаще, чем теперь, имело, в соответствии с народной речью, перед собою **в**: **воспа**, **вотчина** и под.[1]. Под влиянием **вострый** — с **в** употреблялось иногда и *востер*, *завострить* и под.; ср., напр., у Белинского: „Не все то поэзия, что укладывается в размер и *завостряется* рифмами“ (VII, 166).

[1] Ср. „Исторический комментарий к литературному русскому языку“, 2 изд., 1939, стр. 184—185.

§ 15. Фонетика грецизмов.

Звуковая сторона заимствованных слов отражает в тех различиях, через которые прошёл русский литературный язык, главным образом особенности фонетики языков-источников, из которых в разное время поступали соответствующие слова.

Для грецизмов характерны преимущественно варианты, зависевшие от произношений эразмовского и рейхлиновского.

XVIII век в большом числе случаев, где теперь у нас установилось западноевропейское чтение **th** как **т**, культивировал **ф** (писалась фита): ***феатр*** „театр" и под. У отдельных слов такое чтение встречаем и в первой половине XIX века, напр.:

Лавиринф (гр. λαβύρινθος): ...Сады, ***лавиринфы***, чертоги, столпы... (Тютч., Сон на море, 1828—1829).—Ср.: „Кто заблуждался более в ***лабиринте*** жизни, неся светильник мудрости человеческой в руке своей?" (Батюшков, Нечто о морали, 1815).

Как древний ***Промефей*** с безоблачного свода Похитил луч живой предвечного огня... (Вяземск., Байрон, 1827).

Пушкин употребляет такие формы, как ***рифм***, ***есфетика***, ***анфология*** и под. Учёное сочинение проф. П. Лодия, вышедшее в 1828 году, называется „***Феория*** общих прав". Н. Полевой пишет (1829): „Надобно учиться у него [Карамзина] этому ***рифму*** ораторскому..."

Наоборот, в отдельных словах, где теперь возобладало **ф**, иногда встречается передача **th** как **т**; ср., напр.: „...Эта ***апотеоза*** абстрактной любви к человечеству..." (Белинск., Письмо к Н. Станкевичу, 1839).

Колеблется передача греч. β: латинское и французское посредство поддерживает **б**; старые византинизмы церковнославянского языка выступают с **в**. Ср.: ***Бахус*** и ***Вакх***, ***бакхический*** (напр., у Пушкина: „Помилуй, трезвый аристарх Моих бакхических посланий",— Моему Аристарху, 1815), ***лабиринт*** и ***лавиринф***, ***Феб*** и ***Фив*** (ср.: „Фив не стыдится Вакховых уз",— Катенин, Песнь пиршества, 30-ых годов).

Непосредственные грецизмы отличаются от латинизмов сохранением перед гласными переднего ряда звука **к** (лат.— **ц**): ***кентавр*** — ***центавр***, ***киклоп*** — ***циклоп*** и под.

Далее, различия касались эразмовского и рейхлиновского чтения греческих дифтонгов οι, αι и гласного η (эты).

К таким случаям относятся, напр.: **пиит**, **пиитический** (при возобладавших ***поэт***, ***поэтический***; „Вестник Европы" писал ***поет*** и под.). „...Восторженный ***пиит*** Уж прочитал свое предназначенье..." (Дельвиг, Вдохновение, 1823). „...Они [развалины древних замков] возбуждают в душе странника воспоминания о грозных ***пиитических*** временах средних веков" (Греч, Путев. письма, 1817—1838). „Произведения человека — что бы то ни было: огромное ли ***пиитическое*** творение, откровенный ли разговор, беспечная ли заметка путешественника,— я уверен, что есть причина, почему одно из этих явлений следует за другим в том,

а не в другом порядке“ (В. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833). „...И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один *пиит*“ (Пушк., Я памятник себе воздвиг, 1836); **Омир** и **Гомер**, **Ира** и **Гера** и под.

Ср. и сохранение или отсутствие **г** в соответствии греч. густому придыханию: **Эростра́т** и **Геростра́т** и под.[1].

Учёный редактор „Вестника Европы“ М. Т. Каченовский, профессор истории, держался для своего журнала сугубо-своеобразной орфографии, усложнявшей и без того нелёгкую, этимологическую, русскую: он последовательно писал (и тем самым требовал соответственного произношения) во всех заимствованных из греческого словах, где в языке-источнике была thёta (θ, ϑ), фиту (θ), а в соответствии ипсилону—ижицу (v). Для греческого η сохранялась передача в виде русского **і**, и под.

Эти выдумки учёного педантизма не имели, конечно, успеха и не могли иметь его хотя бы уже потому, что среди русского общества греческий язык знали только единицы и мало кто хотел отвыкать от произношения ряда грецизмов, усвоенных русским через языки-посредники в иной фонетической оболочке (th > t).

„Сын отечества“ (1829, № 17) по этому поводу зло писал о разных „недоучившихся студентах, настоящих недоумках[2]“, которые, вместе с г. Каченовским, „въ есθетическомъ своемъ *Вѣстникѣ*, съ паθетическимъ ощущеніемъ, курятъ θміамъ поетамъ древности: Оміру и Піндару“, „окропляютъ златыя лvры ихъ vссопомъ Іппокрены изъ раструбистой vжицы и, чтобы не придать своимъ твореніямъ мvстической фvзіономіи, которою запечатлѣны антіесθетическія и дvсгармоническія произведенія варваровъ романтиковъ“, „хотятъ оживить окаменѣлый свой журналъ греческою етvмологіей“[3].

В этом же духе „Московский телеграф“, XXVI, № 7 (1829), стр. 257—258, осмеивал орфографию „Вестника Европы“ в „Vсторіческой епіграммѣ“: „Хвала, мастvтый нашъ Зоілъ!..“

§ 16. Начальное э в иностранных словах.

Ряд нарицательных слов иностранного, особенно греческого происхождения, теперь произносящихся с начальным **е** (**йэ**), в изучаемое время ещё нередко выступал с произношением **э**:

[1] Эту неупорядоченность произношения А. А. Шаховской карикатурно изображает в комедии „Урок кокеткам, или Липецкие воды“ (1815):

Фиалкин: Я выбрал модный род баллад...

Саша: А прозвище какое?

Фиалкин: Омир или Омер. Еще не решено, Как должно звать его, и для того я *или* Поставил, чтоб меня журналы не бранили.

Саша: Да, дело в чем? а *ме* иль *ми*, нам все равно.

Фиалкин: Поэт бессмертный, кем была воспета Троя, Лишенный глаз, любви талант свой посвятил.

Графиня: Гомер влюбился!

[2] Намёк на псевдоним Н. И. Надеждина — „Надоумко“, ближайшего в это время сотрудника Каченовского.

[3] Цитировано Н. Козминым, Ник. Ив. Надеждин, 1912, стр. 116 — 117.

Эвнух:

Меж ними ходит злой *эвнух*, И убегать его напрасно... (Пушк., Бахчисар. фонтан, 1823). Недвижим и дохнуть не смея, У двери знака ждет *эвнух* (там же). Любимую султана одалиску Вернее б *эвнух* не берег (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).— Ср. в „Словаре русск. яз." Акад. наук, II, вып. 1, 1897, стр. 9: „...произносится также эвну́х... э́внух".

Элей:

Да!.. мы должны, как дорогим *элеем*, Все умащать любовию в себе... (Соколовск., Хеверь, 1837).

Эпанча (тюркизм):

Маска, доселе безмолвно стоявшая у стены, гордо завернувшись в бархатную, расшитую золотом *эпанчу*, вдруг сбросила ее с себя на пол... (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830).— Ср. в „Словаре русск. яз." Акад. наук, II, вып. 1, стр. 108: „Кроме произношения епанча́, изв. „эпанча́..."

Эхидна и производн.:

...Чтоб смелою рукою, презря *эхидно* жало, С злодейства, с глупости я сорвал покрывало (Д. Горчаков, Послан. к кн. С. Н. Долгорукову; Горчаков — 1756—1824).— Ср. в „Словаре русск. яз." Акад. наук, II, вып. 1, стр. 166: „Произн. также эхидный... *Эхидную сестру*... Тург., „Степн. кор. Лир".

В редких случаях подобное произношение соответствует нашему **е** в начале срединного слога; ср.: „...Чему смеются, басурмане? разве гробовщик — гаэр святочный?" (Пушк., Гробовщ., 1830). Нем. Geiger „скрипач".

§ 17. Колебания в фонетике европеизмов.

Довольно долго наблюдается колебание в передаче ставшего европеизмом вообще греч. суффикса -ισμ-: новогреч. произношение -izm- и франц. -isme — -ism.

Ср.: „Раз однако мой кипячий *патриотисм* чуть не поссорил меня с Миллером" (Греч, Поездка в Германию, 1830); „...Но немец оставляет свое подданство герцогу Ангальт-Кетенскому или Шварцбург-Зондерсгаузенскому на кронштатской [sic!] бранд-вахте. Этому виною политическое раздробление Германии и вообще немецкий *космополитисм*" (там же).

Но Пушкин, напр., и многие другие пишут: ***романтизм***, ***прозаизм*** и под.

К медленно устанавливавшимся особенностям относится ещё, напр., передача английского **l** в конце слога: **Вальтер Скотт** и реже — **Валтер Скотт**. В переводе „Дон Жуана" Байрона Н. Маркевича („Москов. телеграф", 1829, XXVI, № 7) рядом, напр., **Нельсон**, но **Трафалгар** (повидимому, перенятое через английское посредство).

Немецкое **ü** там, где теперь установилось **ю**, ещё часто передавалось через русск. **и**; ср., напр.:

Я видел все лучшие театры Германии, т. е. Дрезденский, *Минхенский* и Венский... (Письмо П. Киреевского Н. М. Языкову,

1833). Надеюсь найти письма в *Минхене*... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1832). ...А император Венцель за четыре воза [виногра́да] дал свободу городу *Нирнбергу* (Греч, Путев. письма, 1817—1838).

Очень колеблется произношение испанизмов, поступающих в русский литературный язык обыкновенно через посредство других языков (французского, английского): **Дон Гуан** и **Дон Жуан**, **Дон Жоз** и **Дон Хозе**, **Севилла** и **Севилья**, **лланосы** и **льянос**ы. В отличие от принятой теперь передачи — в обращении **Лопец де Вега**.

Главное мое занятие покуда состояло... в переводе *шпанской* трагедии El magico prodigioso... (П. Киреевский, Письмо Н. М. Языкову, 1832).— Ср. совр. *шпанская муха*.— Н. И. Тургенев в своём дневнике пишет рядом: „Слава тебе, славная армия *Гиспанская*, Слава *Гиспанскому* народу! Во второй раз *Гишпания* доказывает, что́ значит дух народный...“ (1820).

...И вообрази себе, что Барт(енев) при целом обществе говорит ему без обиняков, что он врет чепуху, что он *Дон-Кишот*... (П. Киреевск., Письмо Языкову, 1832).— Ср. принятое теперь испанское произношение: „Полно, полно, любезный мой *дон-Кихот*! мы между друзьями“ (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830).

§ 18. *Ё* в некоторых галлицизмах.

Среди фонетических особенностей слов, заимствованных из французского, обращают на себя внимание сравнительно с современным произношением:

Мёбель:

...В новых покоях, убранных с роскошью, удивившею Париж, который ходил смотреть *мёбли*, обои и украшения (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1820). В самом деле, в его доме не нашли ничего, кроме золотой посуды, богатых куриль*ниц*, покойных *мёбелей*... (В. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833).

Портфёль:

...Перервал целый *портфёль* книг, которые трудился собирать Платон Андреевич (Вельтман, Захарушка Добрая душа, 1841).

Фёльетон:

Одним словом, „Эвелина де-Вальероль“ примечательный tour de force таланта, который не так слаб, чтоб ограничиваться безделками, доставляющими *фёльетонную* известность, и не так силен, чтоб создать что-нибудь выходящее за черту посредственности (Белинск., Русск. литерат. в 1841 году). Франц.— meuble, portefeuille, feuilleton.

Ср. и англизм fashionable: „Говорят, что в издании *Листка* участвует лондонское *фешёнебельное* общество...“ (Белинск., Русск. литерат. в 1841 году).

§ 19. *Я* после *и* в иностранных словах.

В тех случаях, где **и**, предшествующее гласному суффикса **а**, не выпадает, в заимствованных словах теперь обычно употребляются формы с **а**; в первой половине XIX века здесь решительно преобладало употребление с **я**: *гениальный, официяльный, провинцияльный, гербартиянец* и под.

§ 20. *г — h.*

Греч, Практич. русск. грамматика, 1827, § 486, свидетельствует, что в его время в словах, заимствованных из иностранных языков, ещё различалось произношение **g** и **h**: т. е. произносили география (geographia), губерния (gubernium), но hоспиталь (hospitium), hерой (heros). Скорее, однако, здесь действовало не различение особенностей фонетики таких языков, как греческий и латинский, а те различия, на которые указывал французский, единственный для образованных людей этого времени — живой источник иностранных слов: l'hôpital, le héros (с непроизносимым h); Греч же удостоверяет, что, при общем произношении конечного **г** (европ. **g**) как **к**, в слове *Петербург* на конце звучало **х**.

§ 21. Звуковые особенности отдельных заимствованных слов.

Упомянем ещё другие слова, иногда употреблявшиеся в фонетической форме, отличной от нынешней:

Акведюк; ср. фр. aqueduc:

Вода проведена за несколько миль через знаменитый Мадалонский *акведюк*... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Альбум, — фр. album (произносится albóm):

...Как скоро отыщу здесь хорошего миньятурного живописца, то вслед за тем явлюсь в ее *альбуме* (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Ср.: „Машенька моя просит портрета твоего для *альбома*...“ (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1832).—Для неполной упроченности слова в русской его форме характерно: „Он привезет в П. бург... прекрасный album, с произведениями русских художников, в Риме живущих“ (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому).

Аристокрация; ср. фр. aristocratie (произносится aristocra-*si*) и польск. arystokracja. Заимствовано из последнего:

Но ты знаешь, что́ значит наша *аристокрация* (Пушк., Роман в письмах, 1830). Говоря в пользу *аристокрации*, я не корчу английского лорда (там же). Несмотря на бернскую мрачную *аристокрацию*... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Ср. *дипломация* (польск. dyplomacja), напр., у Лажечникова („Ледян. дом“, 1836) и у Д. В. Давыдова: „...Я старался выведать от пленных офицеров об истинном намерении Наполеона, но *дипломация* изменила мне“ (Дневн. партиз. действий 1812 г., 1820—1822).

Бакенбарты, — нем. Backenbart:

Притом, усы, *бакенбарты*, закрученные виски... (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821).

Булевар, — фр. boulevard:

Все тропки знаю *булевара*, Все магазины новых мод (Дмитриев, Путеш. N. N. в Париж и Лондон, 1803—1807). ...Иду на светлое гулянье, На многолюдный *булевар* (Шевырёв, Гулянье, 1827). Один *булевар* оживился, а я и по воскресеньям в Архиве (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1837, Остаф. арх., IV). Ср. название стихотворения Лермонтова — „Булевар" (1830), но в нём же первая строка — „С минуту лишь с *бульвара* прибежав..."

У Батюшкова — „Прогулка в Акад. худож." (1814): „Я хотел отдохнуть, и мы сели на одну из лавок *бульвара*. Площадь была покрыта каретами, *бульвар* — гуляющими".

Ваканция, — лат. vacatio и фр. vacance; польск. wakancja:

...*Ваканции* как раз открыты... (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Это было во время *ваканций* между Новым годом и Крещеньем... (Погорельский-Перовский, Черн. курица). Француженки тотчас заняли очистившиеся *ваканции* (Греч, Поездка в Герм., 1830).

Воаль, — фр. voile:

Там, на окне, картон с петинетовыми *воалями*... (Крыл., Модн. лавка, 1806). В это самое время Саломея, закрытая *воалем*, взглянула в двери... (Вельтман, Саломея, 1846—1847). Обычно — *вуаль*.

Волкан, — фр. volcane:

Пылающий *волкан* пожрал сии страны! (Жуковск., Отрыв. перевода элегии Парни, 1806). И волновались океаны, И разверзалися *волканы*... (Шевырёв, На новый (1828) год). Если бы вы знали моего брата [Ксенофонта] — такой души редкой: это *волкан* под ледяною корою (Письмо Н. А. Полевого А. А. Бестужеву, 1831).

Гирланда, — от ит. ghirlanda:

На ступенях внутри пещеры стояли саркофаги с барельефами и с *гирландами* (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Гошпиталь, — лат. hospitalis „гостеприимный", нем. Hospital:

В самом деле, молчаливые мои спутники походили на больных, которых везут в *гошпиталь*... (Погорельский-Перовский, Двойник, II, 1828). Салоны есть, но этот смотрит детской, А тот, увы! — глядит *гошпиталем* (Барат., 1841).

Грасьезный; ср. фр. gracieux:

...Но это кривлянье как-то *грасьезнее* французского (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1832).

Гриб, — фр. grippe:

В Москве теперь царствует болезнь, известная под именем *грипа* или *гриба* (Письмо П. Киреевск. Н. М. Языкову, 1833).

Интригант, фр. intrigant:

...Решительно уничтожу до тла этих *интригантов* (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841). Не *интригант* и этим горжусь

(Достоевск., Двойник, 1846). Роксолана... была большая *интригантка* (Сенковск., Вост. драма, 1835).

Канделабр,— фр. candélabre:

Вдоль стен перегибались *канделабры*, и в этих *канделабрах* горело так много свеч... (Веревк.-Рахманн., Кокетка, 1836). ...Он не украшал комнат... ни бумажными люстрами и *канделабрами*, ни гипсовыми золочеными амурами... (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Карафин,— нем. Karaffine из ит. уменьш. caraffina:

...Облупленным подносом с изукрашенным золотыми цветами *карафином* (Лажечн., Посл. новик, 1832). ...Чтобы ты не принял за хрустальную пробку с *карафина* (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).— Уже, однако, в „Словаре Акад. российск.", часть II, 1790,— **„графинъ"** („а слѣдуя произвожденію надлежало бы *карафинъ*")...

Квартера,—фр. quartier, нем. Quartier, польск. kwartera:

Он просился следовать за главною *Квартерою*... (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1828). ...В это кладу я и *квартеры*, и стол, и всякую непредвиденную всячину (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).—Ср. *квартира*, напр., в письме А. И. Тургенева же от 12 окт. 1833 г.

Клоб,— англ. club:

Собраний, *клобов* член, как будто свету нужной... (Филим., К Д. А. Остафьеву, 1812—1822). ...Он ездил в английский *клоб*, играл до глубокой ночи в вист... (Греч, Черн. женщина, 1834).

Грибоедов в „Горе от ума" (1824) употребляет безразлично *клоб* и *клуб*: „Ну, что ваш батюшка? Все Английского *клоба* Старинный, верный член до *гроба*?" И: „Потом подумайте, член Английского *клуба*, Я там дни целые пожертвую молве Про ум Молчалина, про душу *Скалозуба*".

Форма **клоп**, род. **клóпа** выходит из употребления около начала XIX века.

Компилатор,— лат. compilator:

Блистательный пример Шлецера свел с ума многих бесталанных немецких *компилаторов* (Греч, Поездка в Герм., 1830). Так и в словаре Акад. наук, 1847 г.

Комфорт и **конфорт;** ср. англ. comfort и фр. confort:

На ночлегах чтоб „отели" Английский *конфорт* имели... (Мятлев, Сенс. и замеч. г-жи Курдюковой, I, 1840).

Ср.: „Ему надобно поставить себя решительно под егиду и европейского права и под *конфортабельность* европейского житья-бытья" (Письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1832).

Кондитор,— нем. Konditor:

...В отечестве поэт, *кондитор* в барском доме! (Вяземск., Сибирякову, 1820).

Консюльтировать,— фр. consulter:

...Но мой доктор Копп, коего я *консюльтировал*, не пустил меня... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Контрбанда,— фр. contrebande; ср. ит. contrabbando:

...Для избежания *контрбанды* в Кантоне... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Кошемар,— фр. cauchemar:

Выдумывать *кошемаров* — я также не выдумывал, *кошемары* эти давили мою собственную душу... (Гоголь, Четыре письма... по поводу „Мертв. душ", 1843). Ср. и у Тютчева: „...И жизнь над нами тяготеет И душит нас как *кошемар*" (А. В. Никитенко).

Крат „карат"; через европейские языки из арабского:

На перстне в десять *крат* алмаз... (Жуковск., Эпигр., 1806). „Словарь русск. яз." Акад. наук, IV, вып. 9, 1916, стр. 2737, отмечает как „стар.". У других писателей обычно *карат*.

Куверт — „конверт"— фр. couvert, -e „покрытый, покрытая". Обычно — *конверт*:

Мой милый друг, как удивишься ты, получив письмо мое не обыкновенным путем, не в *куверте*, не на почтовом листе бумаги, а тиснутое в журнале („Моск. телеграф", 1834, № 3).

Латинь (ср. лат.— latinus):

...А *по латини* не умеют и по складам читать („Моск. телеграф", 1834, № 3). Я... один из тех, кого вы столь красноречиво называете *литературными подонками*[1], и при всем том готовый служить вам *латинью* сколько угодно (там же). Но ср.: *„Латынь* из моды вышла ныне" (Пушк., Евген. Онег., I, 1823—1826), с влиянием русского суффикса *-ынь*.

Лежитимизм,— фр. légitimisme:

Какими переворотами журнализма, доктринизма, конституционализма или *лежитимизма* попалась моя статья в „Gasette de Françe?" (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1838, Остаф. архив, IV).

Льетенант,— фр. lieutenant:

Не Гете ли был его [Шатобриана] *льетенантом* в Германии? (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833). Слово употреблено во французском значении „заместитель".

Магазейн,— фр. magasin, magazin, нем. Magazin:

Арист: Ты едешь? Эльмира: В *магазейн* (рифма — *навеян* предполагает чтение „*магазеин*") (Гриб., Молод. супруги, 1815). Вуаль отброся, дама С девицей в локонах вступает в *магазейн* (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). Позволение, данное помещикам опростать запасные *магазейны*... (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1833).

Но ср., напр., *магазин* уже в цитированном (при *булевар*) отрывке из Дмитриева.

Маншета,— фр. manchette:

Тогда же вошли в моду и *штибель-маншеты* и фишбейны (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Она подала ему... *маншеты* из лучшего батиста... (Булгарин, Победа от обеда, 1841).

---

[1] Курсив — „Московского телеграфа".

Маскарад,— ит. mascherata, нем. Maskerade, фр. mascarade:

...Дабы хранимое дотоль обыкновенье На святках балами сограждан веселить Бесчинно в *маскерад* позорный применить (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815). Пред взором мудреца свет— пестрый *маскерад*... (Вяземск., Сибирякову, 1820). Не вы— театры, *маскерады*...— Кипящих дум его предмет (Полежаев. Сашка, 1825).

Но ср.—„*Маскарад*", драма Лермонтова (1835) и под.

Миньятура,— ит. miniatura, нем. Miniatur:

...Как скоро отыщу здесь хорошего *миньятурного* живописца... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Музеум,— лат. musaeum:

Я не мог отказать себе в удовольствии списать для своего *музеума* литературных курьезностей некоторые параграфы этой пространной исповеди Морсочникова... (Жихарев, Дневн., 1807). Всякое утро собираюсь к вам, почтеннейший Михайло Петрович, для обозрения вашего *музеума* (Письмо Чаадаева М. П. Погодину, 1847).

Негосиация — негоциация,— фр. négociation, лат. negotiatio, нем. Negotiation:

Он просил у меня на эту *негосияцию* два или три дни (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, Остаф. арх., III). И: „Ответ жены моей по нашей *негоциации* не очень удовлетворителен" (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1833).

Пасиент,— фр. patient:

Также не должен, для спасения своего *пасиента*, извинять добрым намерением дела, противные порядку (Дневн. Н. И. Турген., 1817).

Пашпорт. Так иногда пишут в соответствии польск. paszport:

Посылаю тебе копию с *пашпорта* ямщика (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1826).—Я. К. Грот ещё в своём „Русском правописании" (1885) писал: „Паспортъ" (фр. passe-port). Так это слово обыкновенно пишется, но произносится *пáшпорт* (польск. paszport)".

Паяс,— фр. paillasse:

Паясы с зыбких галерей Зовут, манят к себе гостей (Баратынск., Цыганка, 1842),— откуда принятое и сейчас *паясничать*.

Но ср. нынешнее *паяц* (нем. Pajazzo из итал.): „Посмотрите: вот *паяц* на своей сцене, т. е. на подмостках балагана" (Белинск., Бенефис Живокини).

Пеньоар,— фр. peignoir:

Люди высшего тона, накинув на себя род белого бумажного *пеньоара*, из этой залы переходили в другую... (Сенковск., Падение Ширванск. царства, 1842). Ср. *воаль — вуаль*.

Пергамент и **пергамен** (род. п. ед. ч. **пергамена** и **пергамна**):

Этот архив Бенедиктинский... богаче всех... *пергаментными* документами... *Пергамнов* до 20 тыс.... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Покал,— нем. Pokal:

...Не было благодетельной руки, которая бы *покал* у меня вырвала... (Каменев, письмо 1800 г.). Кто за *покалом* не поет, Тому неполная отрада (Язык., Песня, 1823).

Но ср., напр., у Пушкина: „Кипит в *бокале* опененном Аи холодная струя“ (Всеволожскому, 1819). „Еще *бокалов* жажда просит Залить горячий жир котлет...“ (Евг. Онег., I, 1823—1826),— фр. bocal. В стихотворении Языкова „Я помню...“ (предполож. 1834—1836 г.): „И равно с краями *бокала*“, и под.

Явление того же рода представляют заимствования из немецкого языка *пукет* и *пукли*, вытесненные галлицизмами *букет*, *букли*.

Постильон,— фр. postillon „ямщик, форейтор“:

Все, начиная от дорожной повозки, которая сплетена лучше, нежели наша сбита, до лошадей, которые повинуются всякой гримасе *постильона*,— все отлично (Письмо Н. Станкевича, 1837).

Ср. **почтильон** — контаминация первой формы с *почта*: „Афанасий сидит на козлах подле *почтилиона*...“ (Греч, Поездка в Герм., 1830). „*Почтилион* затрубил: мы приближаемся к Ниммерзату“ (там же), и **почтальон** (пример см. ниже — при *турф*); ср. и: „По случаю тихой езды саксонских *почтальонов*, я не прежде как через семь часов получил ответ от Ланского“ (Д. Давыдов, Занятие Дрездена, 1836).

Пульпитр, пюльпитр,— нар.-лат. pulpitum, фр. pupitre:

Вся банда двадцати четырех скрипок Генриха IV сидела перед *пульпитрами* и ожидала короля (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841). Кривой *пульпитр* на пружинах ходил около кресел с кучею бумаг (там же). ...И перо лежит на *пюльпитре* с следующею надписью... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Пунцовый и **пунсовый**,— фр. ponceau (через польск. ponsowy):

Вербицкий поклонился, и через минуту повлек Извекова к *пунсовому* табурету (Верёвкин-Рахманный, Кокетка, 1836). Ср.: „...А вечером или когда солнце ударяло в стеклы, опускались *пунцовые* шторы...“ (Лерм., Кн. Лиговская, ок. 1836 г.).

Редижировать „редактировать“,—фр. rédiger:

...И сверх того *редижировал* иные рескрипты... (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому, 1826).—Я. К. Грот ещё в 1885 году этой форме отдавал предпочтение перед *редактировать* („Русск. правописание“).

Роут,— англ. rout:

...Толкался на *роуте* австрийского посла... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1832). Чаще — *раут*.

Ср. в „Евгении Онегине“ Пушкина (гл. VIII, 1831): „Он оставляет *раут* тесный...“

Рюматизм. Слово обыкновенно употреблялось не в греческом, как теперь, а во французском произношении — rhumatisme:

...Уж лучше предать тело, чем душу, *рюматизмам* (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1821). Нат. Дмитр.: *Все рюма-*

тизм и головные боли (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Но Женева — отчизна *рюматизмов* (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Сивилизация,— фр. civilisation:

Мы были на земле, на гробах Этрурии, которой *сивилизация* древнее римской (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833). Так же это слово звучит и у Пушкина.

Сирены?— лат. syringa,—из греч. (во французск. чтении?).

...Под сению *сирен* цветущих... (Кюхельб., Юрий и Ксения, 1833). Ср. у Пушкина („Евг. Онег.", III): „...Кусты *сирень* переломала..."— У Тютчева диал., нар.-этим. *синель*.

Ситировать,— фр. citer, нем. zitieren:

...Хвалю и *ситирую* молодым людям польские напечатанные стихи и восхищаюсь с отцом славою Косцюшки (Бестуж.-Марлинск., Вечер на кавказских водах в 1824 году).

„Словарь церк.-слав. и русск. языка" Акад. наук ещё в 1869 году давал только формы **строус, строусовый**. Ср. у Лажечникова в „Ледян. доме": „...*Строусовые* перья развеваются на голове". Нем. Strauß.

Табатерка,— фр. tabatière:

Отдай приложенную *табатерку* Мерзлякову (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). *Табатерку* отдал Мерзлякову (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, там же); эту форму употребляет и И. С. Тургенев.

Титло,— лат. titulus:

...До монастыря Комальдульского, от коего он, по своему поместью, принял *титло* и новое имя (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833). *Титло* поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров (Письмо Белинского Гоголю, 1847). Но и: „А так она княгиня!.. Следственно, в ее княжении есть какой-то князь с *титулом* мужа" (Сенковск., Предубеждение, 1834).

Тоалет,— фр. toilette:

...Новый день Саломеи Петровны начался заботой о *тоалете* (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Турф,— нем. Torf, фр. tourbe:

Болтливый почталион, разумевший по-французски, объяснил нам, как делается *турф* (Н. А. Бестужев, Записки о Голланд., 1815, 1821). Долго надобно разжигать *турф* (там же).

Устерс,— лат. ostrea (edulis), голл. oester, англ. oyster, нем. Auster. -**с**- из множ. числа. Наряду с *устерс* (такую форму употребляет ещё, напр., Белинский) уже в начале века в широком употреблении народная форма *устрица*.

Физиогномия; ср. нем. Physiognomie — искусственное слово из греческих корней: во второй части — -gnom- — со значением „знания, познания". Возобладала форма, восходящая к фр. physionomie, собственно другому образованию с корнем „nom" — „закон" и под.; ср. во французском грецизм того же рода, что и *физиогномия*,—physiognomonie „физиогномика":

Нынешний Сейм имеет свою *физиогномию* и свой голос... (Письмо Вяземск. С. И. Тургеневу, 1820).

Филограмный „филигранный"; ср. фр. filigrane, ит. filigrana:

Двое серег *филограмной* работы, генуэзские... (Письмо А. И. Тургенева Жуковскому и Вяземскому, 1833).

Цензор, цензура,—лат. censor, censura:

Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлены были в *Цензурный* Комитет три экземпляра... (11 июня 1836 года. *Цензор* А. Никитенко (Джулио Мости... Н. К. <укольника>).

Ср.: „Послание *Цензору*" (Пушкина, 1822).

Цифр „шифр", **цифровать** „шифровать"; ср. нем. Zifferschrift, фр. chiffre:

Во тьме ночной они как воры Ведут свои переговоры, Измену ценят меж собой, Слагают *цыфр* универсалов... (Пушк., Полт., 1828—1829). От него [автора] зависело означить сию выпущенную главу точками или *цифром* (Пушк., Отрывки из Путеш. Онегина, 1829—1830). Все бумаги его состояли из коммерческих переписок... нескольких арабских рукописей и кипы бумаг, сверху донизу исписанных цифрами. Сначала эти последние очень обрадовали полицейских чиновников: они думали найти в них *цифрованное* письмо; но по внимательном осмотре оказалось, что то были простые черновые счеты... (В. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833).

Чакал и шакал; ср. нем. Schakal, фр. chacal из тюркск.:

...И быть добычею *чекалам* плотоядным (Гриб., Груз. ночь, 1827?). Чего здесь услыхать, кроме шелеста ветра да *чакальего* плача? (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836). ...Но кровью жаркою обрызганный *чакал* Гостей бездомный прах разбросит по ущельям (А. Одоевск., 1837).— У Белинского, напр., *шакал*.

Эксекуция,— лат. exsecutio:

Где же Зуда?— спросил Эйхлер.— Он сослан в Камчатку,— отвечал офицер, наряженный в *эксекуцию* (Лажечн., Ледян. дом, 1835).

Экскурзия,—лат. excursio:

Жаль, что я и поумничать не умею по части астрономической, а то бы описал вам эту *экскурзию* с астрономом... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Эстафета — штафета,— фр. estafette, ит. staffeta, нем. Stafette, польск. sztafeta.

Ср. в переписке Вяземского и А. И. Тургенева: первый обыкновенно пишет по-нынешнему *эстафета*, второй — *штафета*. У Гоголя: „...И уже хотели позвать почталиона, чтоб отправить скорей с *эштафетой*" („Ревиз.", 1 изд.).

Ярмонка,— нем. Jahrmarkt, польск. jarmark:

Я узнал и полюбил эту малютку на Макарьевской *ярмонке* (Письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх., III). Крепко тебя обнимаю и от души благодарю за великолепный *ярманочный* гостинец... (Письмо П. Киреевского Н. Языкову, 1833).

Но и: „...Были ли какие-нибудь средства получить понятие о действиях *ярмарки...*“ (Вяземск., Стар. записн. книжка, 1818—1828). „Здесь начинается *ярмарка*“ (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1827, Остаф. арх., III).

Ясмин, — лат. jasminum:

Да и в самом покое, т. е. в горнице, везде расставлены горшки с *ясминами*, лилеями и нарцисами... (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Душистые розы и гибкий *ясмин* Ветвями над ним сплетались (Жуковск., Теон и Эсхин, 1815). Недалеко от Обожженной Колонны, в самой средине Константинополя, живет старый продавец розовой эссенции и *ясминов*, именем Мустафа (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834). *Ясмин* и мирт благоухает (Майк., Эпикур. песни, 1840). Когда-то видали брамина На ложе из роз и *ясмина* (Щербина, Покой, 1847).

Значительно реже *жасмин* (фр. jasmin): „...С духами стклянночки: резеда и *жасмин*“ (Гриб., Горе от ума. 1824). „*Жасмины* понеслись по всей комнате“ (Гоголь, Мертвые души, 1842).

Звуковая сторона заимствованных слов, выступающих в литературной практике первой половины XIX века в форме, отличной от нынешней, в большинстве случаев указывает, что перед нами галлицизмы, позже уступившие своё место учёным европеизмам, восстановленным в оболочке античных языков. Сюда относятся, напр.: *акведюк*, *волкан* (возобладало *вулкан* в соответствии более частой латинской форме Vulcanus), *грасьезный*, *коксюльтировать*, *лежитимизм*, *негосиация*, *редижировать*, *рюматизм*, *сивилизация* и под. Но слово *пульпитр*, не представляющее настоящего учёного латинизма, к тому же выступавшее и в галлицизированной форме *пюльпитр*, естественно заменилось прямым заимствованным из французского — *пюпитр*.

Вопреки общей тенденции, лат. *неутр-* (*неутральный* и под.), бывшее в обиходе первой половины XIX века, не выжило, уступив место *нейтр-* с более обычным дифтонгом **-ей-**.

В отдельных случаях французская оболочка слова возобладала над заимствованием из менее влиятельных языков, напр., из польского; ср.: *ваканция* — *вакансия*, *пашпорт* — *паспорт*; *чакал* — *шакал*.

В ряде слов, где колебание шло между схожими формами немецкими и французскими, вытесненными оказались первые; ср.: *маскерад* — *маскарад*, *покал* — *бокал* и под.

Не выжили заимствованные слова, имевшие при себе соперничавшие формы в виде. омонимическом по отношению к русским: *гриб*, *клоп* (ср. и *клоб* в им. п. ед. ч.), *крат*.

Некоторые искажённые формы отступили перед более близкими к этимологическим: вместо *перламутный* (так, напр., у Гоголя) установилось *перламутровый*; *сурьезный* (вероятно, народная этимология; ср. *суровый*) уступило место литературному *серьезный*; *филограмный* естественно заменилось правильным

филигранный; ***ярмарка*** возобладала над ***ярмонкой*** (стар. и народн.), и под.

Вместо этимологического ***карафин*** в общее употребление вошло, однако, искажённое ***графин***.

В случае ***табатьерка — табакерка*** возобладала форма, для говорящих этимологически более мотивированная; так и при ***постильон — почтальон***. Произносительное ***кошмар*** вытеснило графическую передачу ***кошемар***.

Победа форм ***канделябр***; ***компилятор*** (ср. и ***Рафаэль*** и под.) над ***канделабр*** и под. отражает рост тенденции к передаче европейских **l** в литературном русском предпочтительно через мягкое **л**.

Установилась более точная передача франц. **oi** как русск. **уа**, и поэтому вместо ***воаль, тоалет*** укрепились ***вуаль, туалет*** и под.

В борьбе отдельных слов распределение фактов оказалось несколько случайным; ср. возобладавшее ***паяц***, видимо в немецкой форме, но ***паясничать*** (к ***паяс*** во французской оболочке), вероятно по привычке русского языка к группе **-сн-** и по необычности для него **-цн-**.

Из литературы:

В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи. Вып. 1 — Фонетика, изд. 2, СПБ, 1914.

В. В Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2, М., 1938.

Р. Кошутич, Граматика руског језика, I. Гласови, друго изд., П., 1919.

В. Жирмунский, Рифма, её история и теория, П., 1923.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОРФОЛОГИЯ.

ГЛАВА I.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Грамматическая система литературного русского языка после М. В. Ломоносова („Российская грамматика", 1755—1757) не имела авторитетных нормализаторов до самого начала второй четверти XIX века. По всей вероятности об этом и не приходится особенно жалеть: состояние филологической науки второй половины XVIII и начала XIX века таково, что если бы в этот период выступили достаточно энергичные и влиятельные нормализаторы, они, по состоянию науки, оказались бы почти необходимо задерживающими живые тенденции языка и борющимися за нормы языка устарелого, ещё очень зависимого от церковнославянской грамматики.

Во второй половине XVIII века происходил очень важный процесс в практике самого литературного языка: в первую очередь журналы Н. И. Новикова и Н. М. Карамзин как писатель создавали новый литературный слог, обновлённый в лексике, морфологии и синтаксисе, давали художественно убедительные образцы преимуществ этого русского слога перед ещё не изжитым и в художественной, и особенно в научной литературе слогом „словено-российским" и, таким образом, независимо от рекомендаций школьных авторитетов, уверенно пролагали путь в жизнь грамматической системе разговорного общения культурного круга столиц. С победой карамзинской системы в литературной практике, она естественно могла стать основанием для новой грамматики, которая, как ей полагается по самым её свойствам, может предписывать только тогда, когда фундаментом имеет систему языка, уже приобретшую, основательно или неосновательно, прочный, не оспариваемый или, по крайней мере, малооспариваемый авторитет. Карамзинский язык, который, действительно, во второй четверти XIX века, когда уже и он был пройдённым этапом литературной речи, нашёл своего грамматиста-фиксатора (Н. И. Греч), с двадцатых годов однако встретил очень влиятельных соперников в мастерах нового поколения. Быстрый и богатый расцвет русской литературы и языка этого времени, расцвет в несравненно большей степени стихийный, нежели освещаемый серьёзно аргументированной теорией, снова

раньше или позже должен был поставить вопрос о норме, приведённой с ним в соответствие. Этого, однако, очень долго на самом деле не случилось: и лучшая по своему времени грамматика А. Х. Востокова (1831) отражает не более, как уже давно пройдённый этап языка.

При всём том характерна позиция самих писателей в отношении грамматической рецептуры своего времени.

Обыкновенно авторитет „грамматики" признавался писателями безоговорочно. Её не критиковали, с ней не спорили, не выдвигали против её предписаний каких-либо „своих" соображений, не видели за „грамматикой" отдельных нормализаторов, лиц, могущих быть противопоставленными одно другому,—ей подчинялись, будучи убеждёнными в её единстве и обязательности. Чертой времени являлось при этом не столько строить грамматику на языке лучших писателей, сколько проверять морфологическую и синтаксическую практику писателей, независимо от их значительности, тем, в какой мере эта практика находится в соответствии с положениями школьной (а никакой другой в то время и не было) грамматической рецептуры. Повидимому, здесь очень сильно действовал пример Франции и вековая привычка её писателей безоговорочно в области грамматики подчиняться авторитету Академии.

Кажется, единственным „бунтарём", писателем, отстаивавшим полушуточно, полусерьёзно право по-своему оформлять свою речь и со стороны грамматической был П. А. Вяземский. В этом отношении любопытно его письмо к А. И. Тургеневу от 3 июля 1822 года[1]: „Валерио" иначе исправить не в силах: и то довольно тебя потешил. „Сталь" отдаю на твое рассмотрение и исправление только в грубых ошибках против языка и её величества благочестивейшей государыни нашей (нет, вашей), законно царствующей Грамматики и его высокопревосходительства Алексея Андреевича Синтаксиса. Но... не касайтесь мыслей и своевольных их оболочек; я хочу наездничать; хочу, как Бонапарт, по выражению Шихматова, взбежать с убийством на престол, попрать все, что кидается мне под ноги, развенчать всех ваших князьков; разрушить систему уделов, которая противится единству целого: престолы ваших школьных держав подгнили, академические скипетры развалились в щепки. Живописнейший, ощутительнейший, остроконечнейший, горелиефнейший способ выразить свою мысль есть и выгоднейший. Пожалуй, проклинайте меня в церквах, называйте антихристом, а я все-таки

[1] Ср. отрывок из письма к Вяземскому А. И. Тургенева (3 июня 1822 г.): „Ты неправ, первое, — потому, что сердишься; второе, — потому, что пишешь против правил грамматики и хочешь установлять свои в газетных объявлениях. Я хотел печатать с мелкими поправками, но Карамзин, Жуковский и здравый смысл запретили мне предавать тебя свету во всей наготе твоей... Ошибки грубые. Ошибками законодательствовать в языке нельзя. Будет с нас и Бал. (*Бальдуса* — кличка Шишкова). Не пиши, как Карамзин, как Жуковский, но пиши правильно: оригинальность правильности не изъемлет".

буду шагать от Сены до Рейна, от Рейна до Эльбы, от Эльбы до Немана и так далее. А там и кончу жизнь свою на пустынной скале, оставляя по себе на память язык потрясенный и валяющиеся венцы разбитые и престолы раздробленные; а там и придут разжалованные мною цари подбирать обломки своих венцов и кое-как подправлять их и сколачивать свои престолы и сядут на них и бариться на них будут; а там и зазевают читатели, возьмет их тоска, и скажут они все в один голос: „Жаль, что нет этого куралесника; от него приходилось иногда ушам жутко, и грамматика от него морщилась, и язык, стиснутый его железным кулаком, подчас визжал и ревел, на зато при нем было весело, было чего послушать, было чего ожидать; дух жизни, хотя и бурный, воспламенял сердца. Язык был унижен, но, по крайней мере, своевольством великана; теперь его морит сообщничество пигмеев, которое пустило кровь у него изо всех жил, чтобы спасти его от полнокровья". Ты говоришь: „Не приходи со своими уставами в газетных объявлениях"; хорошо, но дайте размахаться: то ли я хочу делать! Выучится ли конь скакать через рвы, кидаться в стремнины, влетать на крутизны, если вы и на дворе держите его целый день с связанными ногами?.."[1]

Два года спустя в третьей главе „Евгения Онегина" Пушкин, не отрицавший серьёзных прав грамматики вообще, шутливо заметил о своём к ней добродушно-непокорном отношении: „...Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю. Быть может, на беду мою, Красавиц новых поколенье, Журналов вняв молящий глас, К грамматике приучит нас; Стихи введут в употребленье: Но я... какое дело мне? Я верен буду старине".

Уважение к грамматике, характерное для большинства авторов, сопровождалось далеко не у всех их достаточным знакомством с нею. Скорее, наоборот. Как раз авторы-аристократы, люди в большей или меньшей мере двуязычные, обыкновенно чувствовали серьёзные пробелы в настоящем хорошем знании нормы литературного языка и обыкновенно же без споров подчинялись в этом отношении указаниям тех, кого имели основание признавать более себя сведущими. Вряд ли нужно говорить о том, что и авторы, не получившие аристократического образования, в этом отношении не всегда от них заметно отличались. Писатели, в основном относящиеся своей жизнью и деятельностью к XVIII веку, едва ли не в большинстве имели довольно смутное представление о грамматике и орфографии. Безграмотность, напр., писем Г. Р. Державина представлялась А. И. Тур-

[1] Ср. и его презрительное замечание: „Когда возьмет меня запой парнасской И явится схоластика с указкой, Сказав мне: „стих твой вольничать привык; Будь он хоть пошл, но у меня в границах, Смирись, пока пострела не настиг *Журнальный рунд деепричастий в лицах*". Я ей в ответ: „теперь мне недосуг, А после ты зайди ко мне, мой друг!" (Теперь мне недосуг, 1872).— Курсив—мой. Л. Б.

геневу настолько примечательной, что он упоминает о ней в письме к Вяземскому ещё в 1837 г. (Остаф. арх., IV, стр. 12).

Орфография писем автора известной баллады „Громвал" Г. П. Каменева, человека, в других отношениях развитого и образованного, поражает своею произвольностью, доходящей иногда до дикости (*эхать* — ехать, *без рукова* — без рукава, *нынешой год* — нынешний год, и под.)[1].

Хорошо образованный В. С. Филимонов в примечании к своему стихотворению 1809 года „К Лауре" („Проза и стих", II, 1822) откровенно сообщает: „Я написал сии стихи тогда, когда не знал не только размера стихов, но даже Русской грамматики".

Известный поэт Д. В. Давыдов с полной откровенностью в 1830 году писал Загоскину:

„...Я так мало ценю мои произведения, так твердо знаю, что

Я не поэт — я партизан, гусар;
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком—

что не мог и не могу подумать, чтобы люди, занимающиеся словесностью, имели время на хвалу или порицанье произведений человека, совершенно чуждого не только словесности, но почти и грамматики — в чем, я полагаю, вы удостоверитесь и по письму сему".

А. А. Бестужев-Марлинский в письме к Андрееву отмечает роль, какую сыграл в усовершенствовании его в русском языке Греч: „[Он] первый ободрил меня,—пишет Бестужев,— и первый оценил. Ему обязан я грамматическим знанием языка, если реже прежнего ошибаюсь в ятях, тому виной опять он же"[2].

Не высока была грамотность и самого А. С. Пушкина, и то, что он практически не в ладу с требованиями правописания, было ему хорошо известно[3]. В письме брату Льву и П. А. Плетнёву от 15 марта 1825 года он, напр., пишет: „Ошибки правописания, знаки препинания, описки, бессмыслицы — прошу самим исправить — у меня на то глаз не достанет[4].

В первой трети века не редкость, что язык, и ещё более орфография, даже представителей гуманитарных наук на кафедрах, как заметно более грамотным современникам, оставляет

---

[1] „Письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову" — Е. Бобров, Литература и просвещение в России XIX в., том III, стр. 109 и след.

[2] „Русск. проза", стр. 138.

[3] Ср. подробности: Н. С. Державин, О языке и орфографии Пушкина, „Книга и революция", 1920, № 6, стр. 15—19; В. А. Малаховский, Произношение и орфография А. С. Пушкина, „Русск. язык в школе", 1937, № 2.

[4] Вместе с тем характерно, что серьёзности орфографии как таковой Пушкин никогда не думал отрицать. Ср., напр., черновой набросок его письма к неизвестному лицу 1827 года. „М. Г. NN! Вы не знаете правописания и пишете обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбою: не выдавайте себя за представителя целого народа и решителя споров двух литераторов..." Любопытно также, что Пушкин своеобразно, по-феодальному смотрел на орфографию, уважая в ней „геральдику" языка — отложение прожитых им исторических эпох.

желать очень многого. Профессор русской словесности П. А. Плетнёв, друг Пушкина, являвшийся для своего времени заметным критиком, пишет, напр., с грубыми орфографическими ошибками[1]; М. И. Погодину, журналисту и профессору всеобщей русской истории, Пушкин в 1830 году, восторженно отзываясь о его „Марфе Посаднице", вынужден заметить: „Одна беда — слог и язык. Вы неправильны до бесконечности — и с языком поступаете, как Иоанн с Новым городом. Ошибок грамматических, противных духу его — усечений, сокращений — тьма".

Естественно возникает вопрос, кто же при таком положении вещей являлся в первые три-четыре десятилетия века настоящим представителем правильности в смысле грамматическом и орфографическом, на кого именно можно было ориентироваться и за кем признавалось право решать в области грамматической и орфографической нормы. Самый факт постоянного, иногда придирчивого внимания критики к нормативной стороне языка художественной литературы (о лексике не приходится и говорить) не был бы возможен при полной неустойчивости нормы. Норма, конечно, существовала, но ещё допускала и в теории, и в практике очень значительные расхождения между школьными авторитетами и, ещё больше, между писателями[2]. В большей или меньшей мере отставая от живого литературного употребления, грамматики, особенно такие, как „Практическая русская грамматика", изданная Николаем Гречем (1827) или „Русская грамматика" Александра Востокова (первое издание — 1831 г.), регулировали морфологию, синтаксис и орфографию, фиксируя моменты уже устоявшиеся. В ряде случаев живые тенденции языка сламывали навязываемые им ошибочные или устарелые предписания, но, конечно, среди предписаний грамматик преобладали соответствующие действительным фактам литературного языка, и какая-то средняя линия законных требований в области нормы, проводившаяся через школу, получала общее признание.

---

[1] А. И. Тургенев в письме Вяземскому (1829) удивлённо восклицает: „Вообрази себе, что Плетнев, учитель языка и литературы и корреспондент, пишет письмо ко мне, хотя с чувством о старых наших сношениях, которое меня тронуло, но с грамотностью замоскворецкой дамы. И он — наследник журналиста Пушкина и биограф его!"

[2] Характерно, что ещё в сороковые годы Белинский небезосновательно говорит об отсутствии в литературном русском языке настоящей грамматической устойчивости. „...Ведь стыдно сказать,— писал Белинский в рецензии на „Грамматические разыскания" В. А. Васильева (1845), — грамматика полагается у нас в основание учению общественному и частному, а между тем у нас нет решительно ни одной удовлетворительной грамматики! И как же бы могла она явиться у нас, когда теория языка русского почти не начата и для грамматики, как систематического свода законов языка, не приготовлено никаких данных? Оттого, если сличить две русские грамматики разных составителей, напр., грамматику г. Греча с грамматикою г. Востокова,— подумаешь, что каждая из них рассуждает об особенном языке или что они отделены одна от другой большим промежутком времени. Каждый пишущий в России руководствуется своею собственною грамматикою; нововведениям, этимологическим, синтаксическим и орфографическим, нет числа и меры: всякий молодец на свой образец!" — Эту характеристику надо однако принимать cum grano salis.

То, что в закон вменяли грамматики, отражалось в языковой практике книг и журналов, особенно, вероятно, последних. Необходимость обрабатывать для печати разнородный материал, материал, поступавший от разных авторов, ставила перед редакторами журналов особенно остро вопрос о грамматической и орфографической норме. Редакции журналов естественно становились лабораториями, в которых определялась и фиксировалась литературная норма, притом с особенно большой оглядкой не только на прошлое, но и на потребности настоящего, на публику. Так, важными регуляторами литературного языка уже в XVIII веке, как уже сказано, оказались Н. И. Новиков и Н. М. Карамзин, писатели-журналисты. Так, судя по всему, серьёзную роль играли в таком же направлении М. Т. Каченовский, Н. И. Греч, Н. И. Надеждин, Н. А. Полевой, О. И. Сенковский и др. Каченовский и Надеждин, профессиональные учёные, мало считаясь с духом современности, отдавали слишком большую дань учёному педантизму и регулировали, напр., орфографию и произношение иностранных слов так, как было возможно только для людей, специально владеющих греческим языком (отсюда — полное восстановление в их практике ижицы как эквивалента ипсилона и широчайшее употребление фиты)[1]. О. И. Сенковский, хотя тоже профессиональный учёный-ориенталист, но человек с определённым чутьём журналиста и потребностей публики, регулировал, в узких рамках возможностей своего времени, и язык и орфографию в духе прогрессивных тенденций — приближения к живому употреблению „общества“ и некоторому опрощению. Есть все основания думать (в этом отношении очень важно прямое свидетельство Белинского), что в ряде особенностей и грамматических, и правописных практика редактируемой Сенковским „Библиотеки для чтения“ не ограничивалась рамками его журнала, но находила подражателей себе и среди других представителей прессы, даже таких, как Греч, в теории её отрицавших. Дело не обходилось, конечно, и без отдельных ошибок, в большей или меньшей мере грубых,—ориентация Сенковского только на „светский“ язык была узкой, и потому недостаточной, но для практического приближения грамматики (и лексики) к живому употреблению его редакторская работа сделала, повидимому, немало. Н. И. Греч, у которого грамматические интересы всегда были в центре его внимания, как журналист проявлял в практике своей редакторской работы особую заботу об этой стороне дела. Его заслуги в этом отношении признавались большинством современников, даже тех, кто имел основание относиться насмешливо к его претензиям на роль исключительного хранителя чистоты русского языка.

---

[1] См. „Фонетика“, стр. 23—24.

ГЛАВА II.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

Мы не имеем возможности дать здесь полный очерк морфологии изучаемого времени (с ней достаточно подробно знакомят, напр., „Российская грамматика“ Академии наук, 1802 г.— для самого начала века, „Практическая русская грамматика“ Николая Греча (2 изд., I, 1834) — для первой и второй четверти века, для того же времени много раз переиздававшаяся „Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная“; 12 изд., 1874 г., как своеобразный итог первой половины века — „Опыт исторической грамматики русского языка“ („Историческая грамматика русского языка“) Ф. Буслаева). Ограничиваемся поэтому лишь наиболее примечательными особенностями.

1. Суффиксы имён существительных мужского и женского рода.

§ 1. *-ник, -ница.*

В ходу в первой половине XIX века был ряд установившихся слов с этим суффиксом, позже вышедших из употребления:

Торжественник! полно твое веселье... (Катенин, Мир поэта, 1822). ...Может быть, праведное небо и покраше его отделает, и тогда посмотрим, как *бездушник* плясать станет (Нарежн., Два Ивана, 1825). Безбожник, *бездушник*! Нет, гробом предков и саблями сыновей клянусь: ты никогда не будешь зятем моим, знакомцем, гостем моим! (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). „*Купальницы*“ — идиллия А. А. Дельвига (1825). Любо стало видеть, как разбрызнуло оно [ядро] *купальников*... (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1830). Я покидаю землю плода, чтобы перенестись в землю труда, этого великого изобретателя всего полезного; одушевителя всего великого, этого *будильника* души человеческой... (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек). Морозова я терпеть не могу: он *смутник*, клеветник... (Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Разговаривать на улицах не смеют: сейчас налетит *подслушник*... (Лажечн., Ледян. дом, 1835).

И там — весна, и в той весне — тепло, И в том тепле *роскошницей* счастливой Моя душа... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Уж слышно мне, как эта вся страна Стенаньями *враждебников* полна (там же). Проворные *услужники*, по мановѐнию волшебницы, летают по всем краям ее царства... (Греч, Путев. письма, 1817—1837). Великий Парацельс, мудрейший из врачей, Глубокомысленный *таинственник* природы, Уже исследовал живые эти воды (Язык., Гастуна, 1840—1842). Я — нищих, Я — *угольников* блажь сам унимать Пойду? (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Нередки однако и новообразования вроде:

Ты уморительный *бессовестник*! (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1822). ...Труд можно распределить не по эпохам, а по дворам, а после бы одному поручить свести частные истории в одно целое и назвать этого *сводника* историографом (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1837, Остаф. арх., IV).

§ 2. *-тель.*

С большой свободой создавались образования с суффиксом **-тель**, многие из которых очень быстро и выходили из употребления. Несколько примеров из множества:

Какую ж весть принес ты, мой *пленитель*, Или опять мечтой ли поманишь, И, прежних дум напрасный *пробудитель*, О счастии шепнешь и замолчишь? (Жуковск., К мимолетевш. знаком. гению, 1819). ...Явлюсь ли как творец или как *преложитель* (Воейк., Послан. к Н. И. Гнедичу, 1823). ...Навруз-бек, один из старинных дагестанских наездников, долго бывший *дружителем* русских... (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). О сон, о тайный чародей! Безмолвной Леты житель! Пришлец невидимый ночей, Спокойствия отрадный *водворитель* (Вельтман, Странник, 1832). ...Неровно, порывисто оно [сердце] билось в груди его, как ягненок под ножом *жертвоприносителя* (Лерм., Вадим, ок. 1832). ...Тот, для блага и спокойствия общества, должен еще решиться быть *смешителем* женщин (Сенковск., Предубеждение, 1834). В дни былые сорванец, Весельчак и *веселитель*... (Давыд., Челобитная, 1836). Но земли *колебатель*... с такой обратился молитвой К Зевсу (Жуковск., Одисс., 1842—1849). И корабль, *обтекатель* морей, приближался Быстро (там же).

И. Н. Розановым, Поэты двадцатых годов XIX века, 1925, стр. 75, специально отмечено пристрастие к образованиям с суффиксальным элементом *-тель* в существительных и прилагательных у Жуковского.

§ 3. *-ун.*

Этому суффиксу со значением презрительности у писателей изучаемого времени принадлежит некоторая, не резко подчёркнутая роль. Из бытового аффективного языка к Далю, напр. („Дышло"), попадает: „А ловкий законник, смышленный подьячий и *стряпун*, тертый приказный — куда как в ину пору вертит делами, беда, да и только..." — Ср. *стряпчий.*

У Достоевского в „Двойнике“ (1846) встречаем сконцентрированную группу: „В кучке молодых окружавших его сослуживцев вдруг, и словно нарочно, в самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился Голядкин-младший, веселый по-всегдашнему, с улыбочкой по-всегдашнему, вертлявый тоже по-всегдашнему, одним словом: *шалун, прыгун, лизун, хохотун,* легок на язычок и на ножку...“

Характерное слово начала века с этим суффиксом (окраска грубости) — **хрипун**: им Чацкий в „Горе от ума“ Грибоедова (1823) характеризует Скалозуба: „А тот — *хрипун,* удавленник, фагот, созвездие маневров и мазурки!“ Ср. и: „У нас война, Красавцы молодые! Вы, *хрипуны* (но хрип ваш приумолк), Знавали ль вы походы боевые?..“ (Пушк., Домик в Коломне, 1830). Имело оно не только прямое этимологическое значение, но и специальное — употреблялось приблизительно в смысле — „высокомерно держащий себя офицер“[1].

Форму **воркун** (ср. *ворчун*) В. Чернышёв, Правильн. и чистота русск. речи, I, изд. 2, 1914, стр. 71, считал особенностью петербургского говора, сомнительной в качестве общелитературной. Форму эту употребляет уже Бестужев-Марлинский („Поездка в Ревель“). Параллельное слово **воркотун** Греч (в „Путев. письмах“, 1835) сопровождает объясняющим французским: „...Тех угрюмых *воркотунов* (grognards), которые выносят на плечах судьбу сражений“.

Окраски презрительности не вносит **-ун** в очень распространённых в поэтическом языке этого времени словах **вещун** „предвестник“ и **пестун;** первое могло звучать даже торжественно-отборочно:

Как роковой *вещун,* всегда Кассандры глас Печали рассевал и ужас между нас (Озер., Поликс., 1809). Вот прах *вещуна,* вот лира висит на ветвях кипариса... (Дельвиг, На смерть Держ., 1816). Тебе ль, младой *вещун,* любимец Аполлона, На лиру звучную потоком слезы лить?.. (Дельвиг, К А. С. Пушк., 1817). Эрик: ...То чаек пестрая семья, Качаяся на синем гребне волн, Печально выкликает бурю. Христиерн: *Вещун* негодный! бурю?.. лжешь (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Пестун:

Отечески пенаты, О *пе́стуны* мои! (Батюшк., Мои пенаты, 1814). ...Чтоб я, питомец праздной лени И *пестун* прихотей ее, Ловил крылатых мыслей тени Под сонное перо мое (Бест.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). А *пестун* глупый — поделом язык Ему отрезали: меня ругал! (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза).

С другим ударением: И вот сперва украдкой, шаг за шагом К той стороне, где вязь огней видна, Притворствуя идет от *пестуна́,* Потом смелей к предмету увлеченья (Соколовск.,

[1] Подробные справки, относящиеся к этому слову, см. в книге В. В. Виноградова, Язык Пушкина, 1935, стр. 427.

Хеверь, 1837). ...Тогда *пестýн,* взглянув на все умом, Вдруг сыщет путь и средства для спасенья (там же).

Заслуживает из образований с суффиксом **-ун (-юн)** быть отмеченным ещё слово **горюн,** принадлежащее народному языку. Баратынский в стихотворении „Дельвигу" (1825) употребляет его как общелитературное: „...Останусь я в углу своем, Скажу, вздохнув: *Горюн* неловкой! Грусть простодушная смешна..."

§ 4. *-щик.*

Несколько замечаний о словах с суффиксом **-щик.**

В первой половине XIX века обычное слово не ***миллионер***, как теперь у нас, а **миллионщик**; ср., напр., у Нарежного в „Российском Жильблазе" (1814), у Гоголя в „Мертвых душах" или у Д. В. Давыдова—„...И я встречаю, Как *миллионщик*, новый год" (Моя песня, 1811).

Меткое и на своём месте искусно поставленное слово создаёт А. А. Бестужев-Марлинский в статье „О романе Н. Полевого „Клятва при гробе господнем": „...Но я рад, что всякий герой находит себе у нас по *писальщику* и всякий *писальщик*— публику по себе". Пушкин едва ли не как аффективно-фамильярные новообразования употребляет **журнальщик** и **литературщик**: „Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашников, *журнальщиков* и прочих щепетильных *литературщиков*" (Письмо С. А. Соболевскому 1 дек. 1826 г.). По-видимому, уже перенятым словом является *литературщик* у Белинского: „Как на величайшую нелепость со стороны нашего журнала, как на самое темное и позорное пятно на нем, указывали разные критиканы, сочинители и *литературщики* на наше мнение о Гоголе" (Похожд. Чичикова, 1842).

Этого же характера слово — ***предисловщик*** создаёт Н. И. Надеждин, пренебрежительно намекая на П. А. Вяземского и его предисловие к „Бахчисарайскому фонтану" Пушкина.

§ 5. Суффиксы названий народов и под.

Названия народов, жителей городов и под. в течение изучаемого времени проходят через довольно значительные колебания в выборе суффиксальных элементов. В ряде случаев в употреблении образования, отличающиеся от установившихся теперь. Ограничиваемся несколькими примерами:

Трудно вообразить себе, как легко взбунтовать *азиатцев*! (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Правду сказать, *азиатцу* не много терять (там же). Я поехал с равнодушьем, которым был обязан пребыванию моему между *азиатцами* (Пушк., Из дневн. о холере).

Форма **азиатец** как нормативная выступала, впрочем, ещё в „Словаре русск. яз." Акад. наук, I, 1891.

Белорусец:

...*белорусцы* под войлоком колтуна... (Лажечн., Ледян. дом, 1835).

При обычном *грузин*: „У огня сидели старухи, множество детей и один худощавый *грузин*“ (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840), **грузинец**:

...И замечал с презрением, какое действие производило сравнение помещика Маслова с разбойниками Швецова и *грузинца* Джужи (Дневн. Н. И. Тургенева, 1819). ...Черномазый *грузинец*, не понимавший ни слова по-французски, подошел ко мне после чаю и попотчевал меня табаком! (Сенковск., Предубеждение, 1834).— Форму *грузинец* как литературную „Словарь русск. яз.“ Акад. наук даёт ещё в издании 1892 года (вып. 2).

Лезгинец, слыша голос брани, Готовит стрелы и кинжал (Лерм., Изм.-бей). Он сам *лезгинец*; уж давно (Так было небом суждено) Не зрел отечества (там же). ...Сидит на камне между ними *Лезгинец* дряхлый и седой (Хаджи-абрек, 1833) и тут же: „Рассказу старого *лезгина* Внимали все“.

...Старик *чеченец*, Хребтов Казбека бедный уроженец... Про старину мне новость рассказал (Лерм., Изм.-бей, 1832).— Но ср. там же в той же главе: „...И под столетней мшистою скалою Сидел *чечен* однажды предо мною“.—...На кинжал *чеченца* злого Сложит голову свою (Лерм., Казачья колыб. песня, 1840).

„Граждане Ревеля скоро последовали примеру *рижцев*...“ (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821).

Н. А. Полевой в „Клятве при гробе господнем“ (1832) употребляет при мужском роде *литвин* имя женского рода в виде **литвянка**: „...Гордая *литвянка*, мной спасенная...“; „Сказав, что София была дочь неукротимого Витовта, что с дикостью *литвянки* она соединяла горячую кровь русской женщины, мы изобразили Софию вполне“. Ср. в это же время у Лермонтова „Литвинка (отрывки из повести)“.

Характерны и такие формы ед. числа, как **болгар, молдаван, мусульман** (к множественному — *болгаре, молдаване, мусульмане*):

По берегу Дуная, близ огней Лежат бойцы — смирители *болгара* (Язык., Услад., 1823—1825). Кирджали был родом *булгар* (Пушк., Кирджали, 1834). ...Где ходит гордый славянин... И грек, и *молдаван* тяжелый (Пушк., Евг. Онег., Из путеш. Е. О., 1829—1830). ...Где, в гаремах, наслаждаясь, Дни проводит *мусульман*... (Пушк., Талисман, 1827).

§ 6. *-ай* и *-тай*.

В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, изд. 2, вып. 2 — Части речи, 1915, упоминает у Жуковского форму **лешай** с соответствующим склонением по образцу *оратай* и под. Как замечает он, „интересная форма эта, к сожалению, в позднейших изданиях истреблена“. Из издания 1849 года он цитирует: „Два *лешая* дерутся на дороге, Кусаются, брыкаются...“ (Сказка об Ив. царевиче). „Поехал, глупым *лешаям* оставив На произвол, начать ли снова драку Иль помириться“ (там же).

Ср. и в „Полн. собрании сочин. В. А. Жуковского", под редакцией проф. А. С. Архангельского, том IV: „С тех пор замок опустел, почти развалился и сделался жилищем привидений, волотов, *лешаев*, русалок" (Богатырь Алеша Попович, 1805—1808). и под.

Вм. нынешней формы *вожатый* Батюшков („Умирающ. Тасс", 1817) употребляет ещё старинную **вожатай**: „Уж ангел предо мной, *вожатай* оных мест..."

2. Суффиксы имён существительных среднего рода.

§ 7. *-ств(о), -ствu(е).*

Мы встречаем у авторов первой половины XIX века ряд образований с суффиксом **-ств(о)**, позже вышедших из употребления. Вот некоторые из них:

Аристократство:

...Он [Фонвизин] решился обратить в смех жалкую смесь русского *аристократства* с невежеством и модною полуобразованностью... („Моск. телеграф", XXVI, № 5, 1829, стр. 89).

Бедство:

...И силу—в *бедстве* сохранить Души возвышенной свободу (Батюшк., Надежда, 1815 — 1821). Как Цезарь, в страшный день начавши *бедство* Рима... (Шаховск., Расхищ. шубы, II, 1812). Ср. там же: „Но если может жизнь подвергнуться твоя Хоть малым *бедствиям...*" — *За бедством бедство* подымалось (Барат., Пересел. душ, 1829).

Болтовство:

Всегда ссылалось на него Его блажное *болтовство* (Баратынск., Цыганка, 1842).—„Словарь русск. яз." Акад. наук. I, ещё в 1891 году даёт это слово как нормативное.

Весельство (редко):

Потом он рассказывал о городских *весельствах* (Лерм., Вадим, ок. 1834).

Действо:

Предвижу бедственны сей новой распри *действа* (Озер., Поликсена, 1809).

Доброхотство:

На рынке купил я две булки, одну для себя, а другую для Кастора, ибо в продолжение целой недели он более всех оказывал мне *доброхотства* (Нарежн., Бурсак, 1824).

Досужство (досужество):

...*Досужство*, хитрость, ум она ему дала (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815).—Форма *досужество* как нормативная допускалась ещё „Словарем Акад. наук", I, 1891 г.

Дружество:

Стихи готовы! для залога Отдать их *дружества* я рад (Милон., В. И. Панаеву). Пес *дружества* слывет примером с давних пор (Крыл., Собач. дружба, 1815). Обольщенный моею славою, он стал было искать моего *дружества*... (Пушк., Выстрел, 1830).

Журналиство (*журналистство*?):

Пока ты в Париже, если ты решительно не хочешь переломить себя и заняться *журналистством*, то заставляй Толстого писать, под руководством своим или надзором, письма для „Телеграфа" (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1827, Остаф. арх., III).

Лицемерство:

Лицемерство его [Фигнера] доходило до того, что, будучи безбожником во всем смысле слова, он, по занятии Москвы, другой книги не имел и не читал кроме Библии (Письмо Д. В. Давыдова Загоскину, 1830).

Насильство:

Насильством прихоти потоптаны уставы (Вяземск., Негодование, 1820). Любовь *насильства* не боится... (Лерм., Ангел смерти, 1831). ...И страх *насильства* и могилы Не мог бы из родных степей Их удалить... (Лерм., Изм.-бей, 1832).

Нестройство:

...Но надобно вам хорошо знать литературу нашу за последние пять лет... что это сделалось? Хаос, *нестройство*; старое упало; нового нет (Письмо Н. А. Полевого А. А. Бестужеву, 1830).

Педантство:

Этот **ум** — просто *педантство* (Сенковск., Предубеждение, 1834).

Предчувство:

Предчувство ль томное мне некия беды... (Озер., Фингал, 1805). ...Ужель, ужель тогда *предчувства* тайный страх Ужасной клятвы слов... Не заграждал в твоих устах! (Филимон., К Лауре, 1809).— Ср. *чувство.*

Приятство:

. Коль нет в **чьем** голосе ослиного *приятства*, Не принимать тех на Парнас (Крыл., Парнас, 1808). Печаль красавице *приятства* умножает... (Батюшк., Отрыв. из „Освоб. Иерус.", 1809).

Ср. **неприятство**: Хоть при богатстве нам есть также *неприятства*... (Крыл., Откупщ. и Сапожн., 1811).

Роскошство:

Роскошством, негою, всей прелестью искусства Мои пленялись чувства (Филимон., К друзьям отдаленным, 1814—1822).

Свирепство:

...Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор: Везде разметаны ее *свирепства* жертвы... (Крыл., Мор зверей, 1809). ...Скамья, на которой сидел он, полетела на пол, и с неописанным *свирепством* закричал он громко... (Н. А. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Он с таким *свирепством* овладел светлою особою Сычана и так его измучил, что... (Сенковск., Паден. Ширванск. царства, 1842).

Смиренство:

...Бывало, за пример тебя *смиренства* кажут... (Крыл., Кот и Повар, 1813). ...Затем, чтоб ты ценил мое *смиренство* боле (Гриб., Молод. супруги, 1815).

Содейство:

...В Москву переведен через мое *содейство*... (Гриб., Горе от ума, 1824).

Спокойство:

...Не прерывается ничем *спокойство* ночи (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824).

Учтивство:

Сей суетных *учтивств* обманчивый язык... (Гнедич, Танкред, 1809).

Шутство:

Так ты, Мольер, без злобы и без *шутства,* Смеялся над людьми, умел людей смешить (Шаховск., 1807). Позже — *шутовство.*

К фонетической стороне форм стоит заметить варианты: **досужство — досужество, дружство — дружество, замужство — замужество.**

Реже случаи образований с суффиксом **-стви(е)**, позже вытесненных нынешним **-ств(о),** напр.:

Самодовольствие:

Самодовольствие и вместе некоторая неуверенность изображались на его лице (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840). „Плут!" сказал, остановившись, Кошкарев, с *самодовольствием*... (Гоголь, Мертв. души, II).— Ср. *удовольствие.*

Чувствие:

Чей дух ленивый дремлет вечно, В том мысль и *чувствие* сердечно, Как в луже мутная вода (Нахим., Песнь Луже). Ты знаешь, государь, все *чувствия* мои... (Катенин, Ариадна, 1811).

Слово *чувствие* даётся уже как смешная архаика Гончаровым в „Обыкновенной истории" (1847): его употребляет в письме к Адуеву-дяде тётка Александра, вспоминающая, как Пётр Иванович в юности был в неё влюблён.

В ряде случаев практика первой половины XIX века, особенно в первой его четверти, обнаруживает ещё колебание в выборе вариантов **-ство-** — **-ствие**; напр., в той же партии Моины в „Фингале" Озерова (действ. второе, явл. третье) читаем: „Ты возмутить пришел моих *спокойство* дней" и: „Она с *спокойствием* Моину примирит..."; или наряду с: „Но чуждо для жрецов высокое толь *чувство*" — „Давно желает Старн явить пред целым светом Те *чувствия*, к тебе которые хранит", „И *чувствиям* твоим готовлю я покой".

Пушкин в „Евгении Онегине" (гл. I, 1823—1825) употребляет: „...Рано *чувства* в нем остыли", но, видимо, с чёрточкой своеобразной архаизации: „...*чувствий* пыл старинный..." (гл. IV, 1826—1828).

В соответствии установившемуся теперь *беспокойство* („Им овладело *беспокойство*...", Пушк., Евг. Онег., VIII, 1831—1832) в употреблении также форма, параллельная слову *спокойствие*: „Я в ужасном *беспокойствии* о Карамзиных..." (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1833, Остаф. арх., III). „Мы все это время

провели в жестоком *беспокойствии* о Николеньке Карамзине" (там же). Впрочем, последнюю форму как нормативную допускал ещё „Слов. русск. яз." Акад. наук, I, 1891 г.

§ 8. Образования среднего рода на *-ние, -тие.*

Среди вышедших из употребления образований очень много префиксальных отглагольных на **-ние, -тие,** создававшихся значительно свободнее, чем теперь.

О каком вы говорите *защищении* невинности? (Письмо И. И. Дмитриева А. И. Тургеневу, 1820). На пастбищах поставлены китовые ребра, около которых скотина трется для *защищения* себя от насекомых (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 года, 1821). Разночинцам, имеющим оружие, назначить место для *защищения* города... (Пушк., Ист. Пугач., 1834). Переправившись, я отрядил сотню казаков для *забрания* пленных... (Д. Давыдов, Дневн. партиз. действий 1812 г., 1820—1822). Напал на рать врагов несчетных, И тем *разбитье* заслужил (Катенин, Мстисл. Мстиславич, 1819). ...По крайней мере *разбитие* чашек не было случайностью (Лерм., Кн. Лиговская, ок. 1836 г.). Известен ли вам опыт физики, в котором, от *разбития* одного стеклянного сосуда, другой, настроенный в одном с ним тоне, разлетается вдребезги без малейшего к нему прикосновения? (Греч, Черн. женщина, 1834). Заметьте, что мы помним только те сновидения, которые грезились нам пред *просыплением* (там же). Не так милостиво поступал он с теми челобитчиками, которые дерзали сопровождать *подание* бумаги словесным объяснением... (там же). Запасшись нужными для дома пожитками и орудиями, я принялся с помощью батрака за *обработание* сада и огорода... (Нарежный, Бурсак, 1824). Когда я при *занятии* зари поворотил коня назад... (там же). ...И равнодушно спросил армянина, сколько il signore должен заплатить за *испорчение* переплета (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834). ...Малейший ушиб в младенчестве, бездельное *уколотие* руки, незначащая простуда — обращались в болезнь смертельную... (В. Одоевск., Русские ночи, VII — Импровизатор, 1833). ...Его крутобокий корабль... Зевес и блестящий Гелиос громом разбили своим за *пожранье* священных, Солнцу любезных быков... (Жуковск., Одисс., 1842—1849), и мн. др.

Право на подобные образования признавала и грамматика. Так, А. Востоков, Русская грамматика (1 изд.—1831 г.), § 73, учит: „В существительном отглагольном теряется означение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, неоконченный, совершенный и многократный, напр., *читание, прочтение, читывание*". Последнее, впрочем, характеризуется как редкое (§ 78). В § 78 упоминаются как иллюстративный материал к правилам образования отглагольных существительных *колóтье, воевáние (-нье), люблéние, обрúтие, обмы́тие, пропéтие, разбúтие, согнú-*

тие, простёртие и др. Практически язык, особенно язык художественной литературы, всей представлявшейся ему в этом отношении грамматиками свободой, однако, не пользовался.

3. Суффиксы имён существительных женского рода.

§ 9. *-на, -ня.*

В нескольких словах у авторов изучаемого времени вместо нынешнего окончания *-ня* выступает ещё архаическое (и диалектное?) **-на**:

Раздор взошел и эрит сквозь борющуся мглу С *светильной* гаснущей за верстаком в углу Крестьяна Гашпара... (Шаховск., Расхищ. шубы, 1811).

Вероятно, диалектная форма с заменой *-ыня* на **-ина** выступает в повести В. Ушакова „Последний из князей Корсунских“ (1837): „...Я как будто *милостину* подавала нищему, всеми оставленному“.

Наоборот, суффикс **-ин-я** (род. **-ин-и**) выступает иногда в случаях, где впоследствии возобладало *-ин-а* (род. *-ин-ы*): „...костная плева, *мозговиня*, белочная и внешняя оболочки глаза...“ (Е. Мухин, Курс анатомии, 1818). „...брюшина, *сердцевиня* и *мозговини* (там же). В „Клятве при гробе госп.“ Н. А. Полевого (1832) можно отметить в соответствии обычному *мошна* — **мошня**: „Ты, конечно, не заставишь нас зубы в *мошню* спрятать, а задать им работу“. Диалектное *мошня* отмечается, напр., в „Опыте областного великорусского словаря“ 1852 года.

Видимо, европеизируя слово, Пушкин в „Евг. Онегине“ (гл. III) употребляет форму **героина** (ср. фр. héroïne): „Воображаясь *героиной* Своих возлюбленных творцов, Кларисой, Юлией, Дельфиной, Татьяна в тишине лесов Одна с опасной книгой бродит...“

§ 10. *-ша.*

Суффикс **-ша**, по преимуществу в значении жены чиновника, военного или, реже, профессионала, авторы изучаемого времени употребляют смелее, чем теперь.

Из бытовой речи:

...По милости милой *посольши*... (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1832). Ну, тот молодой заседатель, что сперва танцовал с *повереншей*, а потом со мною! (А. Шидловский, Пригож. казначейша, 1835). *Повереншa* — „жена поверенного“; ср. *казначейша.*

Вуаль отброся, дама С девицей в локонах вступает в магазейн, И милости прошу: *баронша* Крепсенштейн! (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). Муж не бобер,— сказала одна *баронша* своей соседке,— проседь только меху цены придает“ (Бестуж.-Марлинск., Замок Эйзен, 1825).

В языке журнала:

Между дамами не трудно было мне отличить *маршальшу* Бово, тетку шевалье Буффлера, богатую анекдотами, приятную рассказчицу и объявляющую себя партизанкою простолюдинов (Вечера у г-жи Сталь в 1789 — 1790 г., „Московск. телеграф", 1834, № 3).

К немногим словам, в которых **-ша** обозначало женскую профессию, относится **музыкантша**: „...Говорят вы большой музыкант, а ко мне приехала погостить *музыкантша*, внучка моя" (Н. Павл., Именины, 1835).

Ср. и: „Недалеко от Мат[усевича] памятник Клотильде Tambroniae, *профессорше* греческого языка в Болонском университете..." (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Н. И. Греч в своей „Практической русской грамматике" 1827 года, § 73, примеч. 8, определённо указывает: „Должно еще заметить, что в языке отличается название чьей-либо жены от имени особы, которая сама отправляет должность; например: *дьяконица, дьяконисса*; *директорша, директриса*; *управительша, управительница*; *учительша, учительница*; *мастерша, мастерица*; *лекарша, лекарка*; *акушерша, акушерка* и т. д.".

4. Из бессуфиксных образований.

§ 11. Из слов, склоняющихся по женскому склонению типа *печь—печи*, отметим несколько бессуфиксных образований, отчасти новообразований имён существительных, относительно редких или даже представленных только отдельными авторами:

Бережь:

...С такою *бережью* диковинка ль, что дом Скорешенько пойдет вверх дном? (Крыл., Мельник, 1824).

Это же слово (под влиянием Крылова?) ввёл в свой перевод „Илиады" Гнедич (см. А. Кукулевич, Учён. записки Ленингр. гос. унив., № 33, 1939, стр. 63). Есть оно и в „Ледян. доме" (1835) Лажечникова.

Слово не представляет литературного новообразования: это, повидимому, диалектизм, встречающийся уже у Ломоносова („Словарь русск. яз." Акад. наук, I, 1891, стр. 176). Ср. и „Толк. словарь" Даля.

Близь (ср. даль):

Вся наша *близь* — удары да бичи, А наша даль — пугает страшно гробом (Соколовск., Хеверь, 1837).

„Словарь русск. яз." Акад. наук, I, 1891, стр. 210, упоминает *близь* как малоупотребительное существительное.

Седь:

...И смолкну ль я потом, Когда навис над этой *седью* [сединой] гром? (Соколовск., Хеверь, 1837).

Старь:

Пора же нам оставить нашу *старь*, Как ветхий, давнолетний календарь... (Язык., Встреча Нов. года, 1840—1841).

Видимо, по образцу пушкинского *топ* „топот“ Гоголь создаёт **топь** женского рода: „Глухо отдавалась *конская топь* да скрып иного колеса...“ (Тар. Бульба, 1835—1842).

Шаль:

Пусть сбудется воображенья *шаль* (Вяземск., Послание к А. И. Тургеневу, 1820). Какой пострел, какая *шаль*! (Вяземск., Из Москвы, 1821).— Известно как народное слово (ср. Даль, Толк. слов., IV).

5. Замечания о склонении имён существительных.

§ 12. Родительный падеж единственного числа мужского рода.

Приметное место в истории морфологии литературного языка первой половины XIX века занимает вопрос об объёме употребления в мужском склонении родительного падежа ед. числа на **-у, -ю**. Как известно, живые тенденции народного русского языка к употреблению формы родительного падежа ед. числа на **-у, -ю** были задержаны в языке литературном сильным церковнославянским влиянием. Практика отдельных писателей в этом отношении неодинакова: из авторов XVIII века форм на **-у, -ю** значительно больше, напр., у Ломоносова сравнительно с Державиным, в XIX веке у Гоголя и Лермонтова — сравнительно с Пушкиным, и под.[1]. Если, напр., пристрастие Гоголя к формам на **-у, -ю**, видимо, нужно отнести на счёт украинских его ещё детских и юношеских языковых впечатлений, то у других авторов приходится прежде всего считаться со степенью свободы, с которой определённый писатель обращается с грамматическими фактами. Кроме того, важно иметь в виду и многочисленные частные причины, определяющие выбор; у поэтов, напр.,— потребности рифмы; бóльшую склонность к сохранению окончания **-а** у суффиксальных и под. Обоими названными моментами определяется, напр., различие в употреблении **-а** и **-у** у Крылова в басне „Трудолюбивый медведь“ (1818): „Пошел по лесу треск и стук, И слышно за версту проказу. Орешни*ка*, березня*ка* и вя*зу* Мой Мишка погубил несметное число“.

К остаткам старинного употребления нужно отнести довольно частые у писателей первых десятилетий века случаи родительного падежа ед. числа — *дому*:

Вон бывший, например, того хозяин *дому* Пошел счастливо торговать... (Крыл., Фортуна и Нищий, 1816). Сделали десять шагов от подъезда *дому* к крыльцу (Вельтман, Саломея, 1846—1847). Постройка *дому* как будто стала целью его жизни (там же).

Такого употребления требовала и грамматика этого времени, настаивавшая на различении: род. пад.— *дому*, наречие — *дома*.

Абстрактные существительные, обнаруживающие в народном языке тенденцию к употреблению родительного падежа ед.

[1] Ср.: С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., 1927, стр. 103.

числа на -у, -ю, в литературном полностью попали в сферу влияния книжно-церковнославянских образцов. Авторы первой половины XIX века здесь употребляют ещё нередко формы народного типа:

Беспечность — твой удел! стократ она милей И пышности владык и *блеску* богачей! (Вяземск., Послан. к*** в деревню, 1808). Фамусов: ...Где чудеса, там мало *складу*... (Молчалину): Идем бумаги разбирать. Молчалин: Я только нес их для *докладу*... (Гриб., Горе от ума, 1824). Что касается до вашего *голосу*, то я никогда не был против, уверен даже, что вы можете петь очень приятно... (Крыл., В. А. Олениной, 1825). ...После же узнаю, что он отрекается от своего *долгу* (Письмо Пушкина В. И. Туманскому, 1825). ...Грудь дышит легче и вольней, Освобожденная от *зною* (Тютч., Летн. вечер, 20-ые годы). Итак, мой друг, я жду *ответу*: Будь верен дружества завету... (Шевырёв, Четыре новоселья, 1827). Ты не умчался *без возврату* (Шевырёв, На нов. 1827 год). Но прежним чувствам нет *возврату*... (Лерм., Раскаяние, 1830). ...Быть может, в стране, где не знают *обману*, Ты ангелом будешь, я демоном стану (Лерм., 1832). ...Но она много ходит и не похожа на то, что была прошлого *году* (Пушк., Письмо жене, 1834). Я до этого времени не знала еще *вкусу* вина... (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836). „Вот и наши грехи, сказал Людовик, подавая дю-Карру песню, написанную им с *напеву* Депорта“ (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841). Вот и здесь с *приезду* не был ни в одной зале (там же). Платон Васильевич обомлел от *ужасу* ...Для *приему* дорогих гостей... *Ответу* нет... (Вельтман, Саломея), и под.

К фактам, с теоретической точки зрения более своеобразным, относятся, напр.:

Балу: ...И надо кое-что для нынешнего *балу* (Гриб., Молод. супруги, 1815).

Берегу: Станицами они у *берегу* резвились (Крыл., Лещи. 1830).

Валу: Я вошел в город через ворота с *валу*... (Греч, Поездка... в 1817 году). И с *валу* ударил перун вестовой... (Козл., На погреб. англ. генер. сира Дж. Мура, 1826).

Порогу: В нем [домишке] нет нищих *у порогу*... (Давыд., Бурцову, 1804). Не любишь *у порогу* Толпящихся забот; Нашли к тебе дорогу Веселость и Эрот (Пушк., К Пущину, 1815). Побег мой произвел в семье моей тревогу, И дети и жена кричали мне *с порогу*, Чтоб воротился я скорее (Пушк., Странник, 1835).

...Когда с домашнего *порогу* Она смотрела на дорогу... (Пушк., Таинг, 1833?).

Убору: ...Эльмира вне себя от шляпки, *от убору* (Гриб., Молод. супруги)[1].

[1] Ряд указаний на практику авторов первой половины XIX века см. в книге С. П. Обнорского, Именное склонение в современном русском языке. I, стр. 107 и след. ценный материал и у В. Чернышёва, Прав. и чистота русск. речи, вып. 2, изд 2, 1915, стр. 10 и далее.

Особенное пристрастие к родительному единств. числа на **-у, -ю** обнаруживает в своём языке О. И. Сенковский и авторы, так или иначе с ним связанные (по „Библиотеке для чтения", „Ста русским литераторам" и под.),—А. Ф. Вельтман, Н. И. Верёвкин-Рахманный и др. Сенковский в той пропорции употребления форм на **-у, -ю**, которую он допускал, явно подчинялся впечатлениям своего родного — польского языка. Его злоупотребление этими формами было слишком очевидно, и Белинский („Русск. литература в 1841 г. ") иронически, намекая на пристрастие Сенковского к формам на **-у**, замечает: „После этого стиха, о „Б. для ч." скорее можно сказать, что она не выдумает порох*у*, нежели, что она не сочинит стих*у*..."

Ср. в подобном же роде — в „Литературном разговоре, подслушанном в книжной лавке" (1842): „И мне кажется, что я уже слышу громкий хохот и бешеного восторг*у*, оттого, что в поэме нет никакого размер*у*, а может и от смешной претензии пыхтящего рецензент*у* преобразовать правописание язык*у*, который чужд ему, и которого дух*у* он совсем не знает"; в „Литературных и журнальных заметках" (1843), в „Русской литературе 1843 году" и др.

Впрочем, раз Сенковский выступил, и как раз некстати, против формы на **-у**—именно против „из носу" у Гоголя. По поводу его ссылки на другие „словенские языки" Белинский в основном справедливо заметил („Литерат. разгов., подслушанн. в книжн. лавке"): „Я не знаю, да и знать не хочу, как в польском или другом славянском языке склоняются в родительном падеже слова: *нос, шум, ветер* и *дым;* но как природный русский, знаю достоверно, что слова эти в русском языке принимают в родительном падеже окончание, равны **и а** и **у**, а когда которое именно, на это нет постоянного правила, но это слышит ухо природно-русского, слышит—и никогда не обманывается. Всякий русский скажет, как у Гоголя: „Волос, вылезший из носу" и ни один русский не скажет: „Волос, вылезший из носа". Точно также должно говорить *порывы ветра*, а не *порывы ветру*".

Белинский был прав: *из носу* с характерным переносом ударения на предлог получило в языке значение выражения, близкого к наречному типу, и подобно последнему естественно выступает с **-у** (ср. *и́з лесу* и под.).

У Пушкина („Каменн. гость") даже, опять-таки в соответствии с подобной тенденцией (ср. *до носу*): „А сам покойник мал был и тщедушен. Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку *До своего* он *носу* дотянуть".

§ 13. Местный падеж единственного числа мужского рода.

Употребление форм местного падежа ед. ч. от имён мужского рода — на **-у -ю** (при предлогах *в, на,* редко — *при*) — в изучаемое время несколько шире, чем теперь, и, повидимому, стоит в связи в большинстве случаев, отступающих от нынешней

практики, с большей близостью речи некоторых старых писателей к живой народной стихии, отступившей перед школьно-книжными влияниями.

Сохранение старины надо видеть в распространённой в языке первой половины XIX века форме *в дому* (*дом*—старая ъ-основа с местным падежом на -у):

В дому сластей и вин, чего не пожелай (Крыл., Откупщ. и Сапожн., 1811). Веселость между тем княжит *в дому* забав... (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815). ...И ужасом той мертвой пустоты, Которую *в* моем *дому* встречаю (Пушк., Пир во время чумы, 1830). Останьтесь! *В дому* моем чужих распоряжений Я не терплю... (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Примеры других слов с таким окончанием:

Остаток свода от одной из сих башен, так сказать, *на волоску* держится (Лажечн., Послед. новик, 1831—1833).—Ср. у Жуковского: „Уверился, что жизнь его была *на* тонком *волоске*“ (Кап. Бопп, 1843).

В гербу каждого дворянина вырезаны слова чести, долга, славы (Лажечн., Лед. дом, 1835). *В* твоем *гробу* восторг живет (Пушк., К тени полководца, 1831). ...Ходил день-деньской *в дегтю* и в смоле... (Даль, Пав. Алекс. Игривый, 1847). ...И царь тот раза три *на дню* Ходил смотреть на дочь свою (Лерм., Бояр. Орша, 1835). А я лишь час какой-нибудь *на дню* Могу сказать тебе два слова (Лерм., Маскар., 1835). ...Странствующие музыканты стоят *в кружку*... (Письмо Н. Станкевича, 1837). С Эльмирой можно близь тенистого просека Под свесом липовым *на* бархатном *лужку* Любиться, нежиться, как надо пастушку... (Гриб., Молод. супруги, 1815). *В миру* с соседями, в чести, довольстве жил (Пушк., К другу-стихотворцу, 1814). *На* холмистом *мыску*, обведенном речкою Байдау, стоял красивый господский домик (Лажечн., Последн. новик). *На* знакомом *острову* Чудо видят наяву (Пушк., Сказка о царе Салтане, 1831).—Форма отражает, вероятно, народный колорит сказки.

Они [деньги] *в песку* Днепра-реки зарыты (Пушк., Русалка, 1830—1833).—Но у него же, напр.: „...Мертвый виден *на песке*“ (Утопл., 1828).

Почему же простая низкая природа является у одного художника *в* каком-то *свету*... (Гоголь). Охотно отпускаем ему *на суду* нашем упомянутую слабость (Лажечн., Последн. новик). ...Закружится Столь же легко, как *в стану* колесо под рукою испытной... (Гнедич, Илиада, 1829).—Ср. „в стане“ с другим значением.—„А хозяюшкой она *В терему* меж тем одна...“ (Пушк., Сказка о мертв. царевне, 1833).—Форма выбрана, видимо, с установкой на народный колорит; ср.: „Иной бы рад был запереть жену *в тереме*“ (Арап Петра В., 1827).

Вечером, расставшись с вами, *В уголку* сидел один... (Воейк., Дом сумасш., 1814). ...И ваши слезы в одиночку, И речи *в уголку* вдвоем... (Пушк., Признание, 1824). Неужели и *в уголку* мерзлой хижины не хочешь ты дать бедняку местечка? (Н. Полевой,

Клятва при гробе госп., 1832).— В этом слове употребление **у** в местном падеже у авторов первой половины XIX века едва ли не правило.

...И *на холму,* там, где, белея, Руины замка вдаль глядят... (Тютч., начала 30-ых годов). ...*В шуму* сих страшных вражьих оргий... (Жуковск., 1 июля 1842 г.).

В стихах относительно нередки случаи книжного, церковнославянизированного употребления:

...Так наших дней Прадон прославился и *в аде* (Вяземск., Эпиграмма, 1822). ...Мне — пеною выкипеть *в* праведном *бое*... (Веневит., Импровизация, 1825). *В бое* зрев погибель сына, Рано Строганов увял (Жуковск., Бород. годовщ., 1839). Вдруг солнце в пламени лучей *На крае* неба стало... (Жуковск., Громобой, 1810—1817). ...Но вдали, *На крае* неба, месяц полный Со всех сторон заволокли Большие, облачные волны (Язык., Тригорское, 1826). *В лесе* ищет зверь свободы... (Жуковск., Элевз. праздн., 1833). ...Как звучно топор их *В лесе* густом раздавался, рубя вековые деревья! (Жуковск., Сельск. кладб., 1839). Им круг большой! Ты действуй в малом круге! Орел летит отважно в горный край, Пчела свой мед *на* скромном копит *луге*! (Жуковск., К А. Н. Арбеневой, 1812). Итак, присяду здесь *на луге* И полюбуюсь на досуге Я красотою здешних мест (Вяземск., Перв. отдых Вздыхалова, 1822).

Возможно, что *в угле* у Тургенева („Андрей", 1845)—диалектизм: „...Там *в угле* Она платок забыла на столе".

Согласно указаниям Востокова (§ 29) при **в** и **на** окончание **-у** обязательно для слов: клев[1] (хлев), шкап, погреб, ям, Дон, плен, чан, полон, мел, пол, угол, бор, жар, пар, пир, яр, ветр, вечер, бред, лед, мед, под (sic!), пруд, ряд, сад, перед, лет, мост, рост, цвет, воз, низ, квас, лес, нос, луг, торг, берег, бок, крюк, полк, сук, верх, мох, пух, пых (sic!), цех, бой, клей, пай, рай, чай, хмель.

§ 14. Именительный падеж множественного числа имён существительных мужского рода.

К явлениям склонения, заметно отличающим наше время главным образом от первых трёх десятилетий XIX, относится рост употребления форм именительного падежа множ. числа мужского рода на **-а**, **-я**. Для средины XVIII века М. В. Ломоносов давал („Росс. грамм.", § 190) только очень ограниченный список слов, принимающих в имен. падеже мн. числа такие окончания. К началу XIX века количество слов с этими окончаниями в практике литературного языка сильно возрастает и непрерывно увеличивается на протяжении всего последующего времени, захватывая особенно слова иностранного происхо-

[1] По старой орфографии—клѣвъ.

ждения[1]. Заметно выступает и различие между словами с односложными основами, с одной стороны, и двусложными и трёхсложными иностранного происхождения со значением лиц — профессионалов,— с другой. Последняя группа, более свободная от влияния книжных (церковнославянских) образцов, несколько полнее отражает тенденции разговорного языка, однако не без учёта того, к какого рода понятиям — „почётным" или „непочётным" относятся соответствующие слова.

Примеры разрешаемых практикой первой половины XIX века форм односложных (и двусложных с полногласием) на **-ы, -и**, которым теперь соответствуют только формы с окончаниями **-а, -я**:

Веки—„века":

Промчались *веки* вслед векам... (Жуковск., Двен. спящ. дев, 1810—1817). ...И мимо *веки* протекали, Святыни не касаясь их (Батюшк., Посл. к Д. В. Дашкову, 1812). И по небу *веки* проходят... (Фет, Солов. и роза, 1847).

Домы:

Одни спешили бежать *в домы* свои; другие спрятались за заборами... (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Длинные деревянные дворянские *домы* были выстроены на дворе... (Ушак., Последн. из княз. Корсунских, 1837).

Греч употребляет в своих сочинениях почти исключительно *домы*, и потому редкие у него случаи вроде: „...Княгиня... пользовалась его доходами, как собственными, называла его деревни и *дома* своими..." (Черн. женщина, 1834), дань новой тенденции литературного языка, обращают на себя внимание.

Из стихотворного языка см.: „В раздумии глядит на обнаженный лес, На *домы*, крытые ковром младого снега..." (А. Майк., Зимн. утро, 1839).

Долго держится и в прозе и в стихах старая форма *краи*:

Две мухи собрались лететь *в* чужие *краи*... (Крыл., Пчела и Мухи, 1817). Сергей уже отпущен *в* чужие *краи* (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). ...Деньги вам помогут лучше людей... а там проберетесь *в* чужие *краи*... (Лажечн., Ледян. дом, 1835), хотя уже почти с начала века можно отметить и *края*: „Нежные ласки ее переносили родину нашу *в края*, для нас совсем чужие..." (И. М. Долгорук., Журнал путешеств. из Москвы в Нижн. 1813 г.).

Роги:

...И пенистый фиал, Венком украсив *роги*, Лениво осушал (Пушк., Фавн и Пастушка, 1816). Тряс головой и *на роги* мои и на бороду злился (Дельвиг, Купальницы, 1825); но в этом же

---

[1] Ср. L. Beaulieux, D'extension du pluriel masculin en **-а, -я**, en russe moderne. Mémoires de la Société de Linguist. de Paris, 1913, стр. 201—218.

С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, Л., 1931, стр. 1 и след.

Л. А. Булаховский, Истор. коммент. к литер. русскому языку, 2 изд., 1939, стр. 93—98.

стихотворении и разговорное *рога*.— Вдруг за горами послышался топот, Лаянье псов и охотничьи *роги* (А. Майк., Эхо и молч., 1840).

Снеги:

Как розы денницы живые, Как ранние *снеги* полей — Ланиты ее молодые и Девственных бархат грудей (Язык., 1828). Нет, нет, путь зимний не по мне: Мороз, ухабы, вьюги, *снеги* (Вяземск., Зимн. карик., 1828).

Черепы:

...Или я раскрою не только двери, но и *черепы* ваши! (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831).

Но: „...Да *черепа*, торча между костьми, Смеются там над небом и людьми" (Соколовск., Хеверь, 1837).

Ср. ещё: „...Мертвые кости, *черепья* хрустят" (Каменев, Громвал, 1802).

Шелки:

Скорее пяльцы мне; скорей иглу, *Шелки*, чтоб этих подвигов узоры На память будущим векам изобразить (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Ср. и **óяс** (двусложное слово без полногласия):

Получила ли княгиня *поясы* и письмо мое из Торжка? (Пушк., письмо Вяземскому, 1826). Ах! каламбур: скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои *поясы* (там же).

Примеры употребления с окончаниями **-ы, -и** названий профессионалов (западноевропейского, реже—церковнославянского, польского и русского происхождения):

Поутру, едва успеешь сделать первый туалет, явятся *учители*: танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный (Крыл., Урок дочкам, 1807). Чего, казалось, лучше было Царевичу царя в *учители* сыскать (Крыл., Воспит. льва, 1811). Язык чистый и благозвучный, как говорят наши *профессоры* (Письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). *Офицеры*, каждый занятый своими письмами, ничего не заметили (Пушк., Выстрел, 1830). Русские *приставы*, пользуясь их [калмыков] простотою и отдаленностию от средоточия правления, начали их угнетать (Пушк., Истор. Пугачева, 1832—1833).— Ср. в „Борисе Годунове" 1825—1830): „Входят *приставы*".— *Егери* отняли пушки, и Михельсон двинулся вперед (Пушк., Истор. Пугач.). Великолепный балет! Испытайте задать нам подобный, гг. *директоры* театров! (Лажечн., Ледян. дом, 1835). У Лермонтова („Свидание", 1841): „И колокольни черные, Как *сторожи*, стоят".

К употребительным с окончанием **-а** относятся чаще других: ...*Кучера* и форейторы хлопочут около карет и колясок (Нарежн., Аристион, 1822). ...В *учителя* не могу итти: хоть я знаю закон божий и 4 первые правила — но служу я не по воле своей и в отставку итти, кажется, невозможно (Письмо А. С. Пушкина брату, 1823). Фундамент крытый, и всякое дело мастера боится. А у нас ли не *мастера* на Парнасе! (Письмо Батюшкова

Н. И. Гнедичу, 1821). ...Корабельные *мастера* в куртках и полосатых панталонах толпою двигались взад и вперед (Пушк., Арап Петра В., 1829—1830). Мне признаются *авторá*, Что отбивают им охоту, И публике давно пора Платить им лучше за работу (Хмельницк., Актеры между собой, 1821). ...О рыцари пера Знаменовательный мой сон вам будь в науку, Чтоб никому из вас, о братья — *Авторá*, Не привелось сказать: ах! сон его мне в руку". (Шевырёв, Кошмар, 1831). — Но ср. замечание Пушкина в письме брату (1825): „Мой Коншин написал, ей-богу, миленькую пьесу: „Девушка влюбленному поэту" — кроме *авторáми*". — Мы живем в исторические годы, и *цензора* наши страх как не любят таких годов (Письмо Н. А. Полевого А. А. Бестужеву, 1830). Между горцами есть весьма искусные *лекаря*, особенно для всех переломов и ран (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). При этом столкновении финикияне, естественные *маклера* в торговле двух соперничествующих держав, переходили от одной стороны к другой... („Моск. телеграф", 1834, № 3). Немедленно прибыли к нам на корабль французские *лоцмана* с предложением своих услуг... (Греч, Путев. письма, 1817—1838). Я получил от министра приказание смотреть как можно строже за духом и направлением „Библиотеки для чтения". Приказание это такого рода, что если исполнять его в точности, то Сенковскому лучше итти куданибудь в *писаря*, чем оставаться в литературе (Никитенко, Записки и дневн., под 16 янв. 1834). ...Станционные *смотрителя* — чрезвычайные невежи... (Гоголь, Ревиз., 1 изд.). Встают молодцы *егеря*, Встают старики гренадеры (Жуковск., Ночн. смотр, 1836). *Тенора* поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту (Гоголь, Мертв. души, 1842).

Буслаев (Ист. грамм., 2 изд., I, § 96) считал литературными формами даже для своего времени *бояра* (наряду с *бояре*), *татара*.

§ 15. Именительный падеж множественного числа среднего рода.

Именительный падеж множ. числа средн. рода с безударным окончанием звучал в разговорной речи не с **-а**, **-я**, а с **-ы**, **-и**. Произносительные формы находили себе широкое отражение главным образом в языке поэзии, причём далеко не всегда только по требованиям рифмы; не чуждалась их, однако, и орфография прозы.

Ограничиваемся немногими примерами:

...И тот, кто, от граждан приняв верховны *правы*, Их расточает жизнь для личной только славы (Озер., Поликсена, 1809). Опять украшены весной Луга, пригорки, долы: И пахарь весел Над сохой, И счастья полны *селы* (Жуковск., Двенадц. спящ. дев, 1810—1817). Встрепенулся, развернул легкие он *крилы*... (Жуковск., Светлана, 1813). Поведал Курц тогда, смиря души *волненьи*... (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815). ...В одно все *чувствы* съединить (Козл., К другу В. А. Жуковскому, 1822—1825).

Люблю смотреть, когда *созданьи* Как бы погружены в весне... (Тютч., Слезы, 1823). И в нас душа кипела в ваши *леты*, Как вы, за честь мы проливали кровь, Вино, войну нам славили поэты... (Дельвиг, Романс, 1824—1829). Для них и *солнцы*, знать, не дышат... (Тютч., 30-ых годов). Не у груди — под буркою согретый, Один провел младенческие *леты*... (Лерм., Изм.-бей, 1832). Всегда безмолвно на долины Глядел с утеса мрачный дом; Но пир большой сегодня в нем—Звучит зурна и льются *вины* (Лерм., Демон, 1838). Иль проснулись птички за кустами Там, где ветер колыхал их *гнезды*? И, дрожа ревнивыми лучами, Ближе, ближе к нам нисходят звезды? (Фет, 40-ых годов).

Из прозы:

На голове, на шее, на руках — *кольцы*, *монисты* и ожерелья без всякого вкуса (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Я люблю начинать мои *письмы* с дела (Н. П. Огарев, письмо А. А. Тучкову, 1828,— Русск. пропилеи, IV, 1917). Спутники князей улеглись в свои сани и закутались в теплые полсти и *одеялы* (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Господа дворяне! я вам ручаюсь за все *блюды* (Загоск., Официальный обед, 1841)[1].

Но ср. и нередкие примеры вроде: „Меня любовь преобразила: Я стал задумчив и уныл; Я ночи бледные *светила*, Я сумрак ночи полюбил“ (Язык., Элегия, 1825). „Я не исполнил *обещанья*: Не все и плохо написал; Но я прекрасного желал, Но я имею *оправданья* Во глубине моей души“ (Язык., Извинение, 1825).

§ 16. Родительный падеж множественного числа имён существительных мужского и среднего рода.

Отдельные слова, теперь употребляющиеся в родительном падеже множ. числа только с окончанием **-ов**, в первой половине XIX века были известны исключительно или преимущественно без окончания.

Таково слово **пуд**, при котором как понятии, сочетающемся по преимуществу с числовыми наименованиями, как раз, в соответствии с обычною тенденцией литературного языка, ожидалась бы именно такая форма; ср. у писателей:

А в те поры все важны, в *сорок пуд*! (Гриб., Горе от ума, 1824). Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось *десять пуд* (Гоголь, Нос, 1836). ...Кроме того, что шло на варенье, которого в доме Николая Ивановича Маслова зимою выходило *несколько десятков пуд*... (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837).

Востоков (§ 29) именно форму род. мн. ч. *пуд* давал как нормативную, не упоминая ни о какой другой.

---

[1] См. и материал С. П. Обнорского, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Множ. число, Л., 1931, стр. 122—127.

Отражающая влияние *губ* форма зуб очень часта у писателей первой половины XIX века и заходит ещё приблизительно в два ближайшие десятилетия. Встречается она как у писателей южнорусов (напр., Жуковского), которые в этом отношении могли находиться под влиянием родных своих говоров[1], так и у москвичей и северян:

...Повис на нем и *зуб* не разжимал (Крыл., Собака, Челов., Кошка и Сокол, 1816). ...Змей подымался, и от *зуб* Его уж не было спасенья (Жуковск., Сказка об Ив. царев., 1845).— Но ср. и *зубов*: „...И Щетки тридцати родов, И для ногтей, и для *зубов*“ (Пушк., Евг. Онег. I, 1823—1826).

Как редкий случай стоит отметить форму род. падежа мн. числа **старожил** у И. М. Долгорукого („Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.“): „...по замечанию *старожил* тамошних...“, повидимому, результат влияния многочисленных слов на **-ила** и под.

Наоборот, теперь нормативные формы *волос* и *сапог* были известны, первая нечасто, вторая—нередко, с окончанием **-ов**:

На бронзе изражал в диковинку людей И мягкость *волосов*, и нежный вид ногтей (Мерзляк., Послан. о стихотв., 1808). ... И кудри черных *волосов* Упали тучей по плечам (Жуковск., Суд в подзем., 1834).

Н. А. Полевой в „Клятве при гробе господнем“ (1832) употребляет только *волосов*. Ср. церковнославянизированную форму: „...И в кудри свил сей мягкий шелк *власов*“ (Дельвиг, С. Д. Пономаревой, 1823).

...Не ваксил царских *сапогов* (Пушк., Моя родословн., 1830). Дюбоа расправлял фрезы у королевских *сапогов*... (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841). От лаковых *сапогов* сделалось у него что-то вроде подагры (Вельтман, Саломея, 1846—1847). ...*Сапогов* его тоже нигде не было,—несомненный признак, что Петрушки действительно не было дома (Достоевск., Двойник, 1846).

Довольно част род. п. мн. ч. **турков**:

Это жаль и как-то затмевает лучезарность поэтическую войны против *турков* (Письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1828).

Ср. замечание Пушкина: „Как надобно писать *турков* или *турок*? То и другое правильно. Турок и турка равно употребительны“.

К слову *братья* очень распространён, особенно в поэзии, род. п. мн. ч. **братий**:

На них видна кровь наших *братий*... (Милон., Освоб. пленники, 1815). Не грамота ль подложная твоя, Что уловила кровожадных *братий*? (Кукольник, Рука Всев. отеч. спасла, 1832). Клянуся сонмищем духов, Судьбою *братий* мне подвластных (Лерм., Демон, 1838). Я был на корабл е в отечестве, посреди

[1] Ср. В. Чернышёв, Правильность и чистота русск. речи, вып. 2, изд. 2, 1915, стр. 75.

друзей и *братий*... (Греч, Путев. письма, 1817—1837). Мы все с ужасом возразили ему: „Ты — русский и проливаешь кровь своих *братий*!“ (Д. Давыдов, Дневн. партизанск. действий 1812 г., 1820—1822).

При *мужей*: „...Надзоры теток, матерей И дружба тяжкая *мужей*!“ (Пушк., Евг. Онег., IV, 1826—1828) возможна была в смысле „супруг“ и народная форма **мужьёв**: „...И им сулили каждый год *Мужьев* военных и поход“ (Евг. Онег., V, 1826—1828).

Род. п. мн. ч. к слову *полдень* обыкновенно **полден (полудён)**:

После *полден* поехали мы в Лукоянов... (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Миргородский сотник Гордей до самых *полуден* упражнен был со своею свитою рассмотрением пожитков Занозы (Нарежн., Два Ивана, 1825). ...А полнеба тучей черной С *полуден* заволокло (Хомяк., 1859).

Батюшков употребляет от слова *бард* род. п. мн. ч. без окончания: „...Средь сонма древних *бард*, средь копий и мечей...“ (Стихи Г. Семеновой, 1809)[1].

Останавливает на себе внимание форма **ковшев** у Кюхельбекера („Юрий и Ксения“, 1833).

В родительном падеже мн. ч. среднего рода у отдельных слов обычно окончание **-ов (-ев)**:

...Белый крест на груди из платков и *полотенцов* (Даль Цыганка, 1830). ...Не кончил еще описания разных мнений о хаосе, в коем погружены были зародыши *солнцев*, лун, звезд и планет разного рода... (Нарежн., Аристион, 1822). ...И сколько *солнцев* так светло, Так радостно на небе воссияло (Шевырёв, Перв. вечер по изгнании Адама, 1825). В долинах неба осиянных Не видел я двух *солнцев* бранных... (Шевырёв, Сон, 1827). Согласитесь, что... солнце подвержено влиянию на него других *солнцев*, других солнечных систем (Греч, Черн. женщина, 1834). ...Когда не кружились вкруг *солнцев* планеты... (Мей, Мысли и звуки, до 1841 г.). Вот титло славное превыше *титлов* всех! (Озер., Эдип в Аф., 1804). Каких нам благ просить?.. Чинов — за ними рой забот! Высоких *титлов*? — Тщетны звуки! (Вяземск., Недовольный, 1825).

Наоборот, вм. нынешней формы *доньев* можно указать, напр., у Бенедиктова, **дон**: „...Поглотим струю кроваву До осушки в чашах *дон*“ (Тост, 1845),— форму, рекомендованную и современной грамматикой (Востоков, Русск. грамм., § 26).

Форма **дерев** обычна и в прозе; ср., напр.: „...Не видно ни *дерев*, ни лугов“ (Греч, Путев. письма, 1817—1838).

У поэтов в употреблении с архаически-торжественной окраской форма родительного падежа мн. числа **облак**:

---

[1] О других см. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русск. языке, вып. 2, Множ. число, Л., 1931, стр. 153 и далее.

...Но курам никогда до *облак* не подняться (Крыл., Орел и Куры, 1808). Но ненастье заревет И до *сблак*, свод небесный Омрачивших, вознесет Прах земной и лист древесный... (Баратынск., Недоносок, 1842). ...И выше *сблак* унесло (Язык., Землетряс., 1844).

К *крылья* в торжественном и поэтическом языке возможен род. пад. мн. числа **крылий:** „...Вас всех Психей, лишенных *крылий*, Немых сестер моей души" (К. Павлова, Двойн. жизнь, 1846). Ср. и **крыл** (дат. *крылам* и т. д.).

§ 17. Родительный падеж множественного числа имён существительных женского и мужского рода на *-я* и *-а* (после шипящих).

Связь мягкого женского склонения, имеющего именительный падеж единственного числа на орфографическое **-я** или на **-а** после шипящих, с женским склонением на мягкий согласный была в первой половине XIX века в ряде слов теснее. Она сказывалась в том, что родительный падеж множ. числа относительно многочисленных слов, теперь выступающих в этой форме только с нулевым окончанием, ещё употреблялся или исключительно, или допускал параллельно окончание **-ей**. Слова, где это наблюдалось, являлись, впрочем, в большинстве книжными; ср., напр.:

Афишей:

Афишей целый пук лежит (Дмитр., Путеш. N. N. в Париж и Лондон, 1803—1807).

Басней:

Прочтите в Российском Феатре Комедию Крылова Проказники и после некоторые из *басней* его (Вяземск., Стар. зап. книжка, VIII). Ср., впрочем, им. ед. ч. *баснь*.

Бурей:

Средь *бурей* жизни и недуг... (Батюшк., Воспоминания, 1814?).— Такую форму, наряду с *бурь*, в том же самом стихотворении употребляет Жуковский: „...О нем благовести, крылатых *бурей* свист..."; ср.: „...Гремите песнь тому, чей *бурь* звучнейший глас" (Гимн, 1803).— Я слышал треск громов и *бурей* завыванье (Веневит., Сонет, 1825).

Вельможей:

Счастлив он, и втрое боле, Всех *вельможей* и царей (Батюшк., К Петину, 1810).— Но у него же („Счастливец", 1810): „Временщик, *вельмож* любимец..."— О, сколько на веку *вельможей* видел я... (Вяземск., Малютка на лошади, 1819).— Подобным образом и у Пушкина (ср. Будде, V, 242).

Зарей:

...И день, чудесный день, без ночи, без *зарей* (Батюшк., Послан. И. М. Мурав.-Апостолу, 1814—1815). ...Восточный край, где розовых *зарей* Луч радостный... Не услаждал страдальческих очей (А. Одоевск., Кн. М. Н. Волконской, 1829).—

Пушкин к приведённому стиху Батюшкова сделал примечание — „зорь“ (1830?).

Кастрюлей:

...Ты, хищник дерзостный, *кастрюлей* полоскатель? (Жуковск., Коловратно-курьезн. сцена, 1811).

Ловлей:

Но он удержал прежние правила и запрещения касательно... рыбных *ловлей*... („Моск. телеграф“, XXV, № 3, 1829, стр. 372).

Пустыней:

В глуши лесной, средь муромских *пустыней*, Встречал лихих Полканов и Добрыней... (Пушк., Сон, 1816).— Но у него же и форма *пустынь*.

Рощей:

Вдали от храма Муз и *рощей* Геликона... (Батюшк., Эпиграмма на перев. Виргилия, 1809—1810). И зелень *рощей* и полян Сливалась с твердью голубой (Козлов, К другу В. А. Жуковскому, 1822—1825). К условности употребления форм *рощей*: *рощ* ср., напр., в том же стихотворении А. Киреева („Моск. телеграф“, 1829): „Что пользы мне иметь *сокровищей* собор?..“ и „...А без тебя царей *сокровищ* не желаю“.

Саблей:

...Туда, мой конь, где *саблей* стук... (Рылеев, Святослав, 1822).— Но ср. у него же („Димитр. Самозв.“, 1825): „...при стуках *Сабель*, копий и мечей“.

Сплетней:

Что может быть скучней Злословья, клеветы, и *сплетней*, и вестей?.. (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Позор событий наших лет, Великих *сплетней* и сует Тебя не долго позабавил (Язык., Д. Н. Свербееву, 1827). ...Не слушайся петербургских *сплетней* (письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1827, Остаф. арх., III). Смолкнул яркий говор *сплетней*... (Фет, 40-ых годов).

Султаншей:

...Под золочеными решетками окон *султаншей* (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834)[1].

Востоков, „Русск. грамм.“, § 29, считал употребление окончания **-ей** правилом вообще для слов на **-жа, -ша, -ча, -щэ**, если шипящему в них предшествует согласный звук. Из других он упоминал ещё *межей*, *пашей* и *юношей*[2]. В его перечень слов, имеющих родительный падеж множ. числа на **-ей**, при этом таких, у которых основа не оканчивается на шипящий, из более или менее употребительных вошли: *броня, пеня, клешня, четверня* (и под.), *сопля, козуля, распря, ноздря, дядя*.

Тоня, доля, заря, стезя он относил к допускающим оба окончания — нулевое и **-ей**.

---

[1] Ср. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, Л., 1931, стр. 185 и след.

[2] Ср. в духе обычной для него архаизации *юнош* у Катенина: „...Меняя *юнош* без числа...“ (Мадригал, 1830). „К счастливцу из *юнош* любовию страстной Богиня грудь Сафы зажгла“ (Сафо, 1838).

§ 18. Родительный падеж множественного числа от слов на *-ище*.

Слова на **-ище** могут выступать в род. падеже мн. числа с окончанием **-ей**. Ср., напр.:

Что потеряла ты? Льстецов бездушный рой, *Пугалищей* ума, достоинства и нравов (Батюшк., В день рожд., 1810). Что пользы мне иметь *сокровищей* собор?.. (А. Киреев, К Неэре, 1829). Но в этом же стихотворении и: „...А без тебя царей *сокровищ* не желаю".—...Ездил три дня сряду в Вольфенбюттель, где в библиотеке Лейбница и Лессинга нашел кучу *сокровищей*... (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1839). ...Не возвратит *убежищей* прохлады... (Батюшк., Ты пробуждаешься, о Байя..., 1819).

§ 19. Винительный падеж, совпадающий с родительным у имён существительных неодушевлённых.

Как довольно характерную особенность изучаемого времени можно отметить ещё нередкое употребление имён неодушевлённых, когда они выступают в роли метафор и под., в винительном падеже по склонению одушевлённых, т. е. внешне в форме родительного.

Вот несколько примеров:

...Растрепанна Печаль По сцене бегает и водит за собою Свояка *Голода* с сестрицею Чумою (Вяземск., Объявление, 1810). (В подлиннике вм. нужных здесь прописных букв — строчные). Он [Кипренский] пишет их [греческих богов] портреты, Которые от Леты Спасли бы *образцов*... (Батюшк., Послан. к А. И. Тургеневу, 1817—1818?). Но заготовить продовольствие можно было гораздо удобнее чрез городских *властей*... (Д. Давыдов, Взятие Дрезд., 1836). Здесь не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что Озеров нашел себе такого достойного *образца*... или тому, что С. Н. Глинка так хорошо упомнил разговор, происходивший *сорок пять*[1] лет назад тому... (Белинск., Реценз. на „Очерки жизни и избранн. сочин. Александра Петровича Сумарокова", изд. Серг. Глинкою, I, 1841"). ...Но и тот [Озеров] заковал своего *гения* в академические формы и в рифмованные стихи (Бестуж.-Марлинск., Взгляд на стар. и нов. словесность в России). Пожалуйста, уйми *„Телеграфа"* и запрети печатать имя или буквы из имени Бор[атынского]. (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). Судьба на алчное желанье В нас обрекла жрецов и *жертв* (Вяземск., На новый 1828 год). Челн от брега мчится вечно, Но УНОСИТ лишь *теней* (Колачевский, Стон Цереры, 1829). Не время выкликать *теней*: И так уж этот мрачен час (Тютч., 1828—1829?). Как родственник Суворова, он [Д. И. Хвостов] благодарил меня за мою статью и хвалит ее до нельзя, уверяя, что я один разгадал этого нераз-

[1] Здесь курсив—Белинского.

гаданного *метеора* и проч. (письмо Д. В. Давыдова Н. М. Языкову, 1835). Теперь ничего подобного не встретишь, но я еще застал таких вельмож, *останков* царствования Елисаветы Петровны (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837). ...Голодным псам дадут на растерзанье Их гнусных чад, их *отпрысков* гнилых... (Соколовск., Хеверь, 1837).

§ 20. Творительный падеж множественного числа на *-ьми*.

В женском склонении на мягкий согласный (или отвердевший теперь шипящий) твор. падеж мн. числа иногда оканчивался на **-ьми**. Количество слов, сохранивших такое употребление, сокращалось главным образом в течение первой половины XIX века. В настоящее время ещё существуют: *лошадьми, плетьми, дверьми, дочерьми,* во фразеологическом употреблении — *костьми*.

У писателей (поэтов) первой половины XIX века, особенно в первые два десятилетия, таких форм намного больше; ср., напр.:

Не *доблестьми* души,— пронырством вознесенный (Милонов, К Рубеллию, 1810). Тогда бы дни мои я *радостьми* считал (Батюшк., Тибул. элег., X, 1810?). Знобит его внизу *учтивостьми* своими (Шаховск., Расхищ. шубы, II, 1812). О вы, которые здесь *прелестьми* гордитесь!.. (Давыд., 1814). Ах! горько насладясь под небом благодатным Живыми *прелестьми* роскошныя весны... Отплыть... (Катенин, Мир поэта, 1822). Ах, лучше скрыть себя в безвестности простой, Чем с низкими *страстьми* и подлою душой Себя, для строгого своих сограждан взора, На суд их выставлять, как будто для позора! (Рылеев, К временщику, 1820). Здесь власть в дремоте закоснелой. Даров небесных лютый бич, Грозит *цепьми* и мысли смелой... (Вяземск., Негодование, 1820). Я видел рабскую Россию: Перед святыней алтаря, Гремя *цепьми*, склонивши выю, Она молилась за царя (Язык., Элегия, 1824). И возвратился домой, куда пришел за *вестьми* о тебе и Жуковский... (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). ...Но человек с ужасными *страстьми,* С земным умом, с надеждами земными! (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Ящик... положится с *вещьми* Уваровой и пошлется морем (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833). ...И прорытые в утесах дороги виляют над *пропастьми,* в коих шумят водопады... (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833), и под.

Пушкин употребляет **страстьми** и *страстями*, **печатьми** (характерно, что последнее — в прозе); ср. Будде, Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, 77 (1904 г.), стр. 91.

Востоков (§ 26), кроме тех слов, которые с окончанием **-ьми** употребляются и теперь, допускал его при *речь, кость, страсть* и „других некоторых".

Встречаем это окончание в изучаемое время даже у нескольких слов мужского рода мягкого склонения:

...А ведь ворон ни жарят, ни варят: Так мне с *гостьми* немудрено ужиться (Крыл., Ворона и Курица, 1812). Эти счастливые дети своего времени в сборнике часто являются *гостьми* (Белинск., VIII, 371). Котомкой с *желудьми* сушоными ссудил (Батюшк., Странствователь и Домосед, 1815). ...Жадно питаяся там *желудьми* и водой запивая Пищу... (Жуковск., Одиссея, XIII). ...Кого *зверьми* владеть поставила природа... (Крыл., Воспит. Льва, 1811). ...С хвостом, *когтьми*, рогами (Жуковск., Громобой, 1810—1817). ...И, видя жертвы меж кустов, *Когтьми* хватает вдруг (Лерм., Кавк. пленник, 1828).—У Кукольника („Генерал-поручик Паткуль", 1846): „...Шипят, железными *когтьми* поводят..."

От слова среднего рода „ухо" в употреблении форма **ушьми** (пишут также *ушми*). Все известные мне случаи относятся к животным; ср.:

Питомец резвой Карабаха Прядет *ушьми*... (Лерм., Демон, 1829—1838). Она [лошадь] шла гордо, сгибая шею кольцом и быстро водя *ушьми* (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836).

Подобным образом, при *плечами*, форма твор. падежа мн. числа может звучать **плечьми**: „Вздохнул, пожал *плечьми*..." (Батюшк., Странствов. и Домосед).

§ 21. Склонение слов среднего рода на *-мя*.

Склонение слов среднего рода на **-мя** у авторов, главным образом первых трёх десятилетий XIX века, обнаруживает тенденцию к утрате старых форм церковнославянского образца и замене их формами без тематического **-ен-** в единственном числе. Особенно много таких форм у Крылова и у Лермонтова.

Ср.: Но толковать теперь ни *время*, ни охоты, Ни пользы нет (Крыл., Колос, 1819). Поверь, что у него ни *время*, ни охоты На это нет... (Крыл., Василек, 1823). Ни сил я не имел, ни *время* отвечать (Полеж., День в Москве, 1829—1831). ...Хоть на холсте хранится блеск очей, Погаснувших *от время* и страстей (Лерм., 1831). Мой Сашка меж друзей своих не знал Другого *имя* (Лерм., Сашка, 1833). Не встретит ответа Средь шума мирскова *Из пламя* и света Рожденное слово (Лерм., 1841). Напрасно ногу бедный лях Освободить *из стремя* рвется (Рылеев, Наливайко, 1824—1825). ...И с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем Плыли как будто *по стрему* легко... (Жуковск., Одиссея, XIV). ...То *к темю* их [очки] прижмет, то их на хвост нанижет... (Крыл., Мартышка и очки, 1815). Не трать без нужды слов и *времем* дорожи (Шаховск., Расхищ. шубы, II, 1812). *Над темем* каменистых гор Заря, как пышный метеор, Пылает в радужном разливе И тихо гаснет (Е. Зайцевск., Вечер в Тавриде). Как дуб *на теме* гор растущий, Тиранов дерзость возросла (Рылеев, Наливайко). Разлитое струями злато Волнуется *на темях* гор (Вяземск., Весенн. утро, 1815), и под.

Родительный падеж множ. числа на **-ян** в этом типе склонения узаконен грамматикой только для *семян* и — менее решитель-

но — для *стремян*. В XVIII веке относительно нередко, а в начале XIX — в виде исключения встречаем подобную форму и от *время*:

...То древню Русь и нравы Владимира *времян*, И в колыбели Славы Рождение славян (Батюшк., Мои пенаты, 1814). ...Достойна старых обезьян Хваленых дедовских *времян* (Пушк., Евг. Онег., IV, 1824—1828).

Об этой (севернорусской) форме как „стихотворческой вольности" Пушкин упоминает по поводу выступления одного из критиков „Евгения Онегина" в своей заметке 1830 года (начинающейся словами: „Наши критики долго оставляли меня в покое"). Ср. и другую его заметку того же времени, заключающую, как и эта, ссылку на Батюшкова.

Бестужев-Марлинский иногда употребляет форму *стремено*: „...Сей перстень возьми и ступи в *стремено*..." (Саатырь). См. Даль, Толк. слов.

§ 22. Склонение слов с тематическим *-ес-*.

В стихотворном языке от слова **око** допускались церковнославянизированные формы с наращением **-ес-**. В двадцатых годах они, впрочем, расценивались (напр., Вяземским) как некрасивая архаика. Несколько примеров:

Как звезды блещут *очеса* (Жуковск., Двенадцать спящ. дев, 1810—1817). ...И ангельского состраданья Слезой блеснули *очеса* (Жуковск., Пери и Ангел, 1821). Минуту нас она собой пленяла. Как милый блеск, пропала из *очес* (Жуковск., 1820). С нее в лазоревую ночь Не сводим мы *очес*, И провожаем мы ее На небо и с небес (Баратынск., Звезда, 1824—1825). Верьте сладким убежденьям Вас ласкающих *очес* И отрадным откровеньям Сострадательных небес (Баратынск., Послед. поэт, 1835). Вниз постепенно стелется лес, Необозримый для слабых *очес* (А. Одоевск., Глетчер, 1838).

Ср. у Пушкина с шутливо-архаизирующей установкой в „*Акафисте* Екат. Никол. Карамзиной" (1827): „...Тебе, сияющей так мило Для наших набожных *очес*".

Дольше держались подобные формы от церковнославянизма **древо**:

Вдруг путь широкий меж *древес*... (Жуковск., Двен. спящ. дев, 1810—1817). ...И ветер, лаская листочки *древес*, Тебя с успокоенных гонит небес (Пушк., Туча, 1835). Запахнет ландыш у корней *древес* (Огарёв, Весна).

Словеса употреблялось только в стилизованной речи: „И полные святыни *словеса*" (Пушк., 1830).

§ 23. Склонение слова *дитя*.

Грамматики первых десятилетий XIX века и позже требовали склонять слово *дитя* более или менее близко к церковнославянскому образцу. Н. Греч, Практич. русск. грамматика, 1827,

стр. 80, в отличие от нынешнего употребления, правильной формой твор. падежа ед. ч. считал **дитятем.**

А. Востоков, Русск. грамм., 1831 (12 изд., 1874), § 28, узаконял **дитятею**, говоря о форме *дитятем* как о вышедшей из употребления. См. однако практику писателей, иногда отражавших факты живой речи:

Не тот ли вы, к кому меня еще с пелен, Для замыслов каких-то непонятных, *Дитей* возили на поклон? (Гриб., Горе от ума, 1824). А, помню, ты *дитей* с ним часто танцовала (там же). Дитя, дитя! ...Но будь всегда *дитею*... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Смотрю за ним я неусыпным оком, Как за *дитей* своим, чтобы убийцы нож Его на праздниках народных не коснулся... (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

В качестве формы, употребляемой в согласии с грамматикой, у писателей обыкновенно выступает **дитятею (дитятей):**

...Сиди дома и нянчись с *дитятею* (Нарежн., Бурсак, 1824). ...Кашу заварит, нянчится с *дитятей* (Пушк., Сказка о попе и работн. его Балде, 1830?). А будешь ли ты умным *дитятей*, как прежде? (Достоевск., Неточка Незванова, 1849).

Менее заметным отступлением от нормы, нежели склонение ед. числа без тематического **-ят-**, является форма твор. пад. мн. числа на **-ями**:

...Любя страну своих отцов, Женой, *детями* и собою Ты ей пожертвовать готов... (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824).

Эту форму как параллельную форме *детьми* допускал для литературного языка ещё „Словарь русск. яз." Акад. наук, III, 1895.

§ 24. Несколько мелких явлений из области склонения имён существительных.

1. Слово *день* изредка выступает у старых авторов с род. падежом ед. ч. **дни**[1]:

Премена жалкая столь радостного *дни*! (Батюшк., К Тассу, 1808). Рифма—„пелены".—Подколесин: Я сегодняшнего *дни* даже не считаю (Гоголь, Женитьба, 1842).

Очень широкое употребление в течение всей первой половины XIX века имеет в языке писателей эта форма только в сочетаниях с *два*, *три* и *четыре*.

2. Слово *сосед* склоняется во множ. числе и по-нынешнему, и целиком по твёрдому склонению: „Впоследствии, глядя на удачные разбои своих *соседов* чеченцев и черкесов, пробудились лезгины..." (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831).—**Соседов** встречается у Пушкина; см. в „Повестях Белкина": „по усердию *соседов*", „Близких *соседов* около меня не было"; „*Соседы* дивились ее постоянству".—Но ср.: „...И скоро ль на радость *соседей*-врагов Могильной засыплюсь землею?" (Песнь о вещ. Олеге, 1822); в „Метели", где употреблено *соседы*, встречаем и: „*Соседи* постоянно ездили к нему".

[1] Ср. „Истор. коммент. к литер. русск. языку", изд. 2, 1939, стр. 110.

Форма *соседов* в единичном случае отмечена Чернышёвым и у Белинского.

3. В широком употреблении у поэтов форма имен. пад. мн. ч. **други**: *Други* милые, терпенье! Расскажу вам чудный сон (Воейк., Дом сумасш., 1814). Поедем.— Поскакали *други* (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827).

4. Наряду с обычной и теперь формой им.-вин. падежа мн. числа *плечи*, в широком употреблении была народная форма **плеча**:

...И стройные твои *плеча* в роскошной неге Круглее и белей, чем ангела крыло! (Вяземск., Лилия, 1830). ...И чернеясь бегут *на плеча* Косы лентой с обеих сторон (Фет, На заре ты её не буди, 1842). Его заставляют для потехи неверных танцовать публично во дворце с девушками, у которых лицо, *плеча* и грудь полны, как полная луна (Сенковск., Падение Ширванск. царства, 1842). ...И *по плеча* ушедши В распаханную землю, упирался В нее руками... (Жуковск., Сказка о Ив.-царев., 1845).

5. В поэзии часто употребляется архаическая форма им.-вин. падежа дв. числа **криле** (**крилѣ**) „крылья“:

И веселью, и печали На изменчивой земле Боги праведные дали Одинакие *криле* (Баратынск., 1835). ...Как бы с огромной цепи Сорвавшися и распрямив *криле*, Он налетал порывисто во мгле (Соколовск., Хеверь, 1837).

6. Как торжественно-книжные формы, характерные для поэзии первой половины XIX века, заслуживают упоминания остатки вин. падежа ед. ч. старинного склонения — **матерь** и **дочерь**, получившие значение также именительного:

О *матерь* горестна! ты можешь ли себе Приписывать беды, угодные судьбе? (Озер., Поликс., 1809). Нет, *матерь* нежную всегда благословлю... (там же). О *матерь*, слезный ток коль можно осуши (там же). ...И с видом грустным стала просить удивленную *матерь*... (Дельвиг, Конец золот. века, 1829). Клянусь... *о матерь* [illegible] лаждений, Тебе неслыханно служу... (Пушк., Египетск. ночи, 1835). Кто лучше матери то в силах изъяснить, Что́ сердце чувствует, теряя *дочерь* милу! (Озер., Поликсена). Ни *дочерь*, ни жена, ни верный сонм друзей, Ни музы, легкие подруги прежних дней, Изгнанного певца не усладят печали (Пушк., Овидию, 1821).

В церковнославянской оболочке слово *дъшти* в практике языка этого времени существовало тоже только в виде остатка винительного — **дщерь**; ср.: „И я сюда пришел, надеяся теперь, Что ты без ропота свою мне выдашь *дщерь*“ (Озер., Поликс.).

7. Дательный и предложный падеж единственного числа слова **земля**.

В течение всей первой половины XIX века в языке не только поэзии, но и прозы держится церковнославянская форма предложного (реже — дательного падежа) — **земли**. Примеры её многочисленны. Ограничиваемся немногими:

www.ruslang.ru

Дат. пад.:

Я, царь земли, прирос к *земли* (Тютч., 20-ых годов). Боюсь зажиться там, а грустно без дружбы и любви скитаться по *земли* (А. Тургенев Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III).

Ср.: „Дуб держится,— к *земле* Тростиночка припала" (Крыл., Дуб и Трость, 1806). „Я верил, что путь мой лежит по *земле* К прекрасной возвышенной цели" (Жуковск., Теон и Эсхин, 1815).

Предл. пад.:

Смешно и безрассудно доказывать публике, что великий актер равен всем великим на *земли* („Библ. для чтения", XVIII, 1836, смесь). С тобой, один, вблизи, вдали, Тебя любить — одна мне радость, Ты мне все блага на *земли* (Жуковск., Песня <М. А. Протасовой>, 1808). У нее один сердечной Милой друг был на *земли* (Катенин, Наташа, 1814). Корнелия... ты ангел на *земли* (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Мой дар убог и голос мой не громок, Но я живу, и на *земли* мое Кому-нибудь любезно бытие... (Барат., до 1835?). ...Мученьем, отрадой ему на *земли* — Лишь образ ее незабвенный! (Козл., Байрон, 1824).

Но и: „Не много истинных пророков С печатью власти на челе, С дарами выспренных уроков, С глаголом неба на *земле*" (Веневит., 1827). „...Там перед небом самим повторил он обет свой: С ней неразлучно жить на *земле* и делить все земное" (Жуковск., Ундина, 1836). „...Один, среди богатств цветущего наследства, Он предан на *земле* в добычу зла и бедства" (Вяземск., Осень, 1830 г.).

8. Склонение слова **Новгород**.

В слове *Новгород* склоняются обыкновенно обе части имени. Это имеет место не только в текстах с архаизирующей окраской вроде: „Раздался звук вечевого колокола, и вздрогнули сердца в *Новегороде*" (Карамз., Марфа Посадн., 1802). „Казимир великодушно предлагает *Новугороду* свое заступление, говорит он" (там же). „Густая туча висела и волновалась над *Новымградом*" (там же). „Один только боярин Суздальский спасся изо всей дружины его, чтобы возвестить *Новугороду* и потомству о геройском подвиге" (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821), но и в таких, как: „...И даже если бы совсем о том упомянуто не было, то бы главное происшествие ничего не потерпело, и участь *Новагорода* была бы та же" (Крыл., Реценз. на пьесу „Марфа Посадн. или покорение Новаграда", 1808). „Письма Луизы Миллер к С. Н. Криновой в Нижнем *Новегороде*" (Греч, Поездка в Герм., 1830).

9. Склонение на **-ина** мужского рода.

Из редких случаев склонения отметим у Даля от слова мужского рода на **-ина** винительный ед. числа, совпадающий с именительным: „Этот-то барин из-за стойки вздумал построить *такой домина*, чтоб и самому жить, и всю контору со всеми потрохами поместить..." (Полукаменн. дом). „...Но кому у нас в уездном городе купить *такой домина*, кто в состоянии выстроить его и к чему?" (там же).

10. По двум склонениям женского рода, твёрдому и мягкому, могло изменяться церковнославянское по происхождению слово **вежды** „глаза“; ср. имен. пад. мн. ч.— **вежды** и более старое **вежди**:

...Но ветров шум и моря колыханье На *вежды* томное забвенье навели (Батюшк., Тень друга, 1816). ...Чтоб *вежды* гаснущих очей Ему смежить рукой любови... (Жуковск., Пери и Ангел, 1821).

И: Спокойно Закрою я измученные *вежди* (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). ...И смыкала ему *вежди* на сон грядущий (Лажечн., Басурман, 1838).

§ 25. Украинские фамилии на *-ко*.

Неустойчивость в склонении украинских фамилий на **-ко** характерна и для первой половины XIX века, с тем, однако, отличием от нашего времени, что тогда гораздо реже наблюдалась тенденция к отказу от склонения их вообще.

Обычное склонение — по образцу имён существительных с именительным ед. числа на **-а**:

За здравие пана *Белбородки*! — говорил один, выпивая разом полный ковшик (Лерм., Вадим, ок. 1832 г.). Да власти нет... старшина велит вести их *к Белбородке* (там же).

...Я нашел между письмами Державина, довольно безграмотными, и то, где он благодарит его [отца Тургенева] за стихи Жуковского и *Родзянки*... (А. И. Тургенев, Остаф. архив, IV, 1837, стр. 12).

У Достоевского („Двойник“, 1846): „...Фигурка, впрочем, была не Остафьева, а другого писаря, *Писаренки* по прозванию...—„Ну, что, мой друг?“, проговорил он, обращаясь к *Писаренке*...“

Гоголь, отправляющийся от украинского языка, правильно изменяет их в соответствии последнему: „Часа через два кибитка остановилась пред крыльцом,— думаю, не нужно говорить: пред крыльцом дома *Сторченка*“ (Ив. Фед. Шпонька и его тетушка, 1832).

Даль обычно такие фамилии склоняет по мужскому типу; ср., напр., в рассказе „Кто кого одурачил?“: „Довершил в глазах многих чудачество *Кумаченка*“; „Псарь подвернулся очень ловко к *Кумаченку*“; „Случай сблизил ее раз-другой с *Кумаченком*“ и под. Один раз, впрочем, здесь же, если это не опечатка: „...успел убедить *Кумаченко*“ (вин. пад.).

Иногда у Даля смешаны оба типа; ср., напр.: „Ваша воля, наша доля“: *Бондаренке* (дат. пад.), „Люди заропталн на *Бондаренку*“ (вин. пад.), но рядом и: „Шаг за шагом тянулись волы *Бондаренка*“ (род. п.); „Взвели подозрение на *Бондаренка*“ (вин. п.).

Лажечников („Посл. новик“, 1831—1833) оставляет фамилию *Мурзенко* (татарина) без изменения. „Он остановился, за ним весь отряд по свисту *Мурзенко*“, и под.

Белинский, повидимому, решительно предпочитал такие формы не склонять[1].

§ 26. О склонении иностранных слов и собственных имён.

Ряд заимствованных из иностранных языков слов (главным образом мужского и среднего рода), теперь не склоняющихся, у некоторых писателей первой половины XIX века склонялись; многие из них имели при этом форму именительного падежа ед. числа, соответствующим образом изменённую:

...Ест плов, курит *алой* и пьет всегда шербет (Вяземск., Визирь Гассан). Твой воздух амброй растворен, Им дышит лавр и мирт с *алоем* (Л. Якубович, Иран). Важнейшее, что я здесь узнал, состоит в том, что модные духи называются pacciuli и пахнут *алоем* (письмо Герцена к Ю. Ф. Куруте, 1839). На *бюре*, выложенном перламутною мозаикой..., лежало множество всякой всячины (Гоголь, Мертв. души, 1842). Полки выстроены были в боевом порядке и составляли три фаса одного *каррея* (Пушк., Записки Моро-де-Бразе, 1835).

В XVIII веке в употреблении ещё было **кофь**. Такая форма встречается, естественно, у Дмитриева:

И на столе, где *кофь* стоит, Меркюр и Монитер разбросан... (Путеш. N. N. в Париж и Лондон, 1803—1807).— Ср. в „Семейной хронике" С. Т. Аксакова: „Аксютка принесла *кофь*. (Так произносилось это слово в семействе Багровых)." У Бестужева-Марлинского в „Поездке в Ревель" (1821): „...Проэкзаменовав ее в искусстве варить *кофе*..." и: „Уже никто не может угодить на избалованный вкус его *кофеем*..." Ср.: „Та же история и с *кофеем*" (письмо Н. Станкевича, 1837).

Широко употребляется в разных падежах форма **кофий**; ср., напр.: „Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить *кофию*", сказал Иван Яковлевич (Гоголь, Нос, 1836). Вельтман в „Страннике" (1832) использует параллелизм *кофе — кофий* для шутки: „*Кофе* или *кофий* с славными сливками и трубка должны быть всегда заключением завтрака".

...А как меня часто за уборами посылают, то мне бы от них и от *мадамов* что-нибудь перепало (Крыл., Урок дочкам, 1807). А тут ваш батюшка с *мадамой*, за пикетом (Гриб., Горе от ума, 1824).

Там сонны ангелов, там *перий* дивный рой (Мятлев, Фантазия, 1842). Им. п. ед. ч. *пери* — из иранск. (перс.).— Ср. названия поэм: А. И. Подолинского — „Див и Пери", В. А. Жуковского — „Пери и Ангел".

...Пела следующее, аккомпанируя чистый выразительный голос свой звуками *фортепиана*... (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Алевтина... играла на *фортепиане* и на арфе... (Греч, Черн. женщина, 1834).— У ряда писателей слово *фортепиано* остаётся, однако, несклоняемым.

[1] Ср. В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, вып. 2, изд. 2, 1915 г., стр. 87.

В первой половине XIX века доминировала тенденция иностранные собственные имена изменять в склонении, приравнивая их к русским с такими же и даже только сходными окончаниями. Особенно сильна была эта тенденция в первые десятилетия века. Ограничиваемся немногими примерами случаев, где теперь у нас соответственные имена никогда не склоняются.

...В дорожном платье входит Вилие и видит пред собою государя. Можно себе представить удивление Павла Петровича и страх, овладевший *Вилием* (Вяземск., Стар. записн. книжка, VIII). ...Страданья, пытки *Уголины* (им. п. ед. ч.— *Уголино*) Стихами Данта воспоет! (В. Ф. Раевск., К друзьям в Кишинев, 1822). Сравнивают меня с *Микель Анджелом* — но как работал творец „Моисея"? (В. Одоевск., Русск. ночи, VI, 1831). Здесь-то, в темнице, он [Мендисаваль] начал приводить в действие план возвращения Португалии *Дон Педру*... („Библ. для чтения", XIV, 1836). Погодин идет прямо в *Лопы де Веги* (им. п. ед. ч.— *Лопе де Вега*). Едва поспеваю два или три раза в неделю к *Тальме* (им. п. ед. ч.— *Тальма́*, фамилия мужчины) и в итальянскую оперу (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). Мадригал новой *Сафе* (Батюшк., 1809). В тексте: „Ты— *Сафо*, я — Фаон..." Это мне было открыто *Калипсой* божественной... (Жуковск., Одисс., XII)[1].

Гораздо реже случаи вроде: „...Моя кузина Азбукина еще прошедшей осенью уехала в Одессу, а теперь она вышла замуж за одного американца *Вельс*" (письмо П. Киреевского Н. М. Языкову, 1833).

Любопытно замечание Пушкина (1830?) к стихам Батюшкова —„Напрасно вопрошал я опытность веков И *Клии* мрачные скрижали": „*Клио*, как *депо*, не склоняется. Но это правило было бы затруднительно". Пушкин не оговорил, однако, того, что *Клио*—женского, а не среднего рода.

Иностранные женские фамилии нередко переводятся в склоняемые путём присвоения им суффикса **-ов-**; ср.: „*А. А. Фуксовой*" (стихотв. Баратынского) —„Фукс".

§ 27. О некоторых словах с беглыми *о, е* в склонении.

В немногих словах с былым редуцированным в корне практика литературного языка первой половины XIX века знала, в отличие от нынешней, формы с выпадением гласного:

Зов:

...Как сыплют к курице дождем по *зву* цыпляты (Крыл., Кукушка и Горлинка, 1817). ...Во тьме седой извилисто светлея, Сзывали *звом* на грозный бранный пир... (Соколовск., Хеверь, 1837). Нет, вас не примем мы к совету, Не вам внимать родному *зву*... (К. Аксаков, Союзникам, 1844).

---

[1] Другие примеры, главным образом из Карамзина, см. В. Чернышёв, op. cit., вып. 2, изд. 2, стр. 117.

Лесть (при обычном род. п. ед. ч. и далее *лести*):

Хозяин человек уже моих лет, всегда доброй, кроткой и откровенной. Никакой *льсти* в устах его, ни малого принуждения в обычаях (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.).— Может быть, форма употреблена здесь с церковнославянским значением — „хитрости".

Косвенные падежи от слова **мох,** как и теперь, не имели единообразной огласовки: употреблялись параллельно формы *мохом* и *мхом* и под.

Вместо позднее установившегося *причт*, в первой половине XIX века обычно употребляется фонетическая форма *причет*: „Пусть Рунич на язык повиснет, И с *причетом*, и с попадьей..." (Вяземск., Из письма, 1821). „Егоровна... пригласила попа и весь *причет* церковный на похоронный обед" (Пушк., Дубровск., 1833).

У Козлова („Умирающ. Эрменгарда, 1831) к слову *стебель*— род. п. мн. ч.— **стебелей**": „...И ствол зеленых *стебелей* Студит..."

Игумен (грецизм со старым **е**), по старинному и областному употреблению, у Пушкина в „Борисе Годунове" в творительном падеже ед. ч. выступает без **е**: „Кромешники в тафьях и власяницах Послушными являлись чернецами, А грозный царь — *игумном* богомольным"[1].

В заимствованном из немецкого слове **трюфели** Батюшков и Пушкин опускали звук **е**: „...И сочны апельсины, И с *трюфлями* пирог..." (Батюшк., К Ж-му, 1814). „...И телятиной холодной *Трюфли* Яра поминать" (Пушк., Дорожн. жалобы, 1829).

Н. И. Гнедич упрекал Катенина за употребление в балладе „Ольга" (1815) неправильной формы (по аналогии остальных) **турк**: „На сраженьи пали шведы, *Турк* без брани побежден..."

§ 28. О существительных, употреблявшихся в форме множественного числа.

Отметим несколько имён существительных, употреблявшихся в первой половине XIX века преимущественно или очень часто во множественном числе:

Кресла:

Как отмечает „Словарь русск. языка" Акад. наук, том IV, вып. 9, 1916 г., стр. 2778, „у Пушкина, Лермонтова и у Жуковского форм ед. ч. совсем не встретилось, а у Гоголя встретилась только один раз".

Ср.: Дуня... сидела на ручке его *кресел*, как наездница на своем английском седле (Пушк., Станц. смотритель, 1830—1831). Встав с *кресел*, медленно и плавно К столу в молчаньи подошла (Лерм., Казначейша, 1837).

---

[1] В рукописи Пушкина сначала было: „Он говорил *игумену* и братье", „А грозный царь *игуменом* смиренным".

У Кукольника в „Эвелине де-Вальероль" (1841): „В *креслах* сидела герцогиня". И там же: „...Посередине низкое *кресло* с огромною спинкой, без ручек; бархатная покрышка *кресла* доходила до самого намоста..."

Мебели:

Здесь мы нашли большой мраморный камин, тот самый, который согревал Вольтера, несколько новых *мебелей*: клавесин, маленький орган и два комода (Батюшк., Путеш. в замок Сирей, 1814). *Мебели* делаются в Париже чрезвычайно хорошо (Греч, Путев. письма, 1817—1838).— Но ср. там же: „Самая великолепная *мебель* во Франции есть кровать".—В ней [горнице] все *мебели* были разломаны... (Д. Давыдов, Дневн. партиз. действий 1812 г., 1820—1822). Из всех народов... ни один не возвел далее древних египтян величия и пышности зданий, вкуса и изысканности в *мебелях*, в домашних вещах, в наряде и украшениях („Моск. телеграф", № 3, 1834). ...Он затевает там какой-нибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу убирает *мебелями* дом... а ему давай деньги взаймы! (Гоголь, Мертв. души, II).

Фортепианы (фортепиана). Ср. *клавикорды*:

Вы ныне не играли *на фортепианах* (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817). „Его простят",— думала княжна утром перед зеркалом, в сумерки за *фортепьянами* и в полусонном забытьи на постели (Н. Павл., Ятаган, 1835). Она начала учить его на *фортепианах*... *Фортепианы* из залы были перенесены в комнату Саломеи Петровны (Вельтман, Саломея, 1846—1847).— Но тут же: „...Нельзя в большом свете не уметь стучать на *фортепиано*".

Характерно для времени частое употребление во множ. числе и слов *общество* и *оружие*:

Она [красота] зреет равно при восковых свечах лучших *обществ* и при пламени скромного очага (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). В *обществах* петербургских наше предприятие не без защитников... (письмо Веневитинова М. П. Погодину, 1826). Ну так! только, верно, их сердце больно сжимается, видя, что любезный братец ездит во дворец и в лучшие *общества* и живет в богатых барских палатах, а они, голубушки-сестрицы, много-много, что смеют показаться в Панском или Суровском ряду! (Ушак., Последн. из княз. Корсунских, 1837).

На древнем том кладбище есть палата, Где множество набросано *оружий* (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821). Журналы... дают огнестрельные *оружия* в руки, не наученные, как ими пользоваться (Вяземск., Взгляд на литературу нашу в десятилет. после смерти Пушкина, 1847).

Карамзин нередко употребляет во множ. числе слово *флот*:

Но то правда... что Франция в мирное время конечно умножит *флоты* свои... („Вестн. Евр.", 1802). Но главным приобретением Англии в течение сей войны останется слава ее непобедимых *флотов*, истребивших морские силы Франции, Голландии, Гишпании (там же).

Из его употребления стоит упомянуть ещё: „Как ум и характер людей есть дело ее [природы]: отец, учитель, обстоятельства могут помогать его дальнейшим *развитиям*, но не более" (Чувствит. и Холодный, 1803).

§ 29. Колебания в грамматическом роде и в типах склонения.

Благоприятные условия для колебания рода были, прежде всего, у слов, оканчивавшихся на мягкий согласный. С родом, отличающимся от нынешнего и, соответственно, с другим склонением в языке первой половины XIX века выступают такие, напр., заимствования из французского и других европейских языков:

Виолончель (ит. violoncello).

В соответствии с языком-источником у Вяземского в „Стар. записн. книжке", VIII: „Он имел для приятелей и вообще для слушателей своих несчастную страсть к *виолончелю*". — Когда же *виолончель твой дивкый*... Пробудит силою своей Те звуки тайные страстей... (Козл., Гр. М. Виельгорскому).

Вуаль (фр. le voile) — м. р.:

...Если магазейн Француженки Тру-тру слывет Пале-Роялем, То ей, окутанной *огромнейшим вуалем*, Едва ль не совестно с девицей приезжать В такой свободный дом товары покупать (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). Какое подозренье! отверните *Ваш вуаль*, пока мы здесь (Лерм., Маскарад, 1835).

По мужскому роду и склонению это слово идёт и значительно позже — у Тургенева, Лескова, Чернышевского и др.

Госпиталь (нем. das Hospital из лат. hospitalis) — ж. р.:

Вот дом Ост-Индийской компании; тут *большая госпиталь* (Н. Бестужев, Зап. о Голланд. 1815 г., 1821). — Возможность такого рода и склонения допускалась ещё академическим „Словарём русского языка" в 1891 г.

Уже в первой же половине XIX века известно было, однако, и нынешнее употребление, но, главным образом, с конечным (французским и немецким) ударением; ср.: „Салоны есть, — но этот смотрит детской, А тот, увы! — глядит *гошпиталéм* (Баратынск.).

Дуэль (фр. le duel).

Употреблялось часто в роде источника: „...А с отцом и с дядей башмачником *дуэля*, кажется, не будет" (Пушк., Письмо к жене, 1833). „...На *нашем дуэле*..." (В. Одоевский, Кн. Мими, 1834).

Ср. Греч, Чтения о русск. яз., I, 216—217: „У нас говорят и пишут: *морская госпиталь* и *морской госпиталь*, *страшный дуэль* и *страшная дуэль*..."

Кадриль (фр. le quadrille и la quadrille) — в мужск. роде:

Наконец послышалась одушевленная музыка *французского кадриля*... (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Я кинулся

искать моего сопостата, и нашел его в одном *кадриле* (Греч, Черн. женщина, 1834).

В женском роде: „*Французская кадриль* заменила Адама Смита" (Пушк., Отр. из ром. в письмах, 1829).

Карусель (нем. das Karussel, фр. le carrousel) — в мужском роде:

Карусель, который стоил столько издержек, родился от скуки (Батюшк., <Прогулка по Москве>, 1811—1812). *Карусель был* очень богат и довольно неинтересен (Батюшк., Письмо Гнедичу, 1811).

Портфель — ж. р. (фр. le porte-feuille):

Портфель моя уехала, и я принужден писать на этой бумаге из Нарвы (письмо Батюшкова Н. И. Гнедичу, 1807).

Профиль — ж. р.:

Горе, кто знает его *с профили*... (Батюшк., N. N., 1817). Нет, право, маменька, когда вы этак говорите или сидите в *профили*, у вас губы все... (Гоголь, выключ. сцена из „Ревизора", 1835). *Черная профиль* высокой кровли кабака и сосны... (Григорович, Антон-горемыка, 1847).

Но ср. у Пушкина: „Зачем твой дивный карандаш Рисует *мой арабский профиль*?" (To Dawe, Esqr., 1828).

Ударение в этом слове (*про́филь*), отступающее от французского и немецкого (le profil, das Profil), если здесь не имело места польское влияние (prófil), в данном случае маловероятное, легче всего понять, допустив, что первоначальным было употребление в женском роде: в этом типе женского склонения решительно преобладало ударение первого слога: *про́пасть, про́резь, про́рубь* и под., и аналогия изменила ударение слова по этому типу.

Рояль:

Когда ты, склонясь над *роялью* До клавишей звонких небрежно Дотронешься ручкою нежной... (Мей, 1844).

Из несклоняемых в женском роде могло употребляться **шоссе**: „*Шоссе ваша* очень *гладка, по ней* катишься, как по маслу (письмо Вяземского С. И. Тургеневу, 1820). Фр.— la chaussée.

Особо надо упомянуть о слове **пращ** (ср. *праща*):

„...И *пращ,* и стрела, и лукавый кинжал Щадят победителя годы" в „Песни о вещем Олеге" Пушкина (1822) Ф. Е. Корш считал (Изв. Отд. русск. яз. и слов., III, кн. 3, отт., 1898, стр. 78) погрешностью Пушкина против русского языка. Что это не ошибка, а употребление, известное его времени, видно хотя бы из примера: „Мчатся всадник и девица, Как стрела, как *пращ,* как птица" (Катенин, Ольга, 1815).

К женскому роду у некоторых авторов принадлежат **ковыль**: „Что ж *заструлась ковыль*?" (Кюхельб., Memento mori, 1819); „Лишь налетая ветр порою *Сухой ковылью* шелестит..." (Рылеев, Гайдамак, 1825); „*Покрыла* гроб его *ковыль*" (Полежаев, Иван-козел, 1826)" и **ясень**: „...И, корнем плиту разрывая, Взбегает *ясень молодая*..." (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828).

Лермонтов в стилизованной под народный склад „Песне“ („Что в поле за пыль пылит?“, 1830) слово **кудель** употребляет в мужском роде: „А второе дело — *бел кудель* прясти...“, „...И я рученьками *бел кудель* пряду...“

Сенковский, „Восточная драма“, 1835, в женском роде употребляет слово **перечень**: „Вот *самая простая* и *самая достоверная перечень* всего события“.

Студень могло тоже относиться к женскому склонению; ср. *зрительная студень* в „Курсе анатомии“ Е. Мухина (1818).

Упомянем несколько слов женских склонений, в изучаемое время относящихся зачастую не к тому типу, который возобладал впоследствии.

Бекеша и **бекешь**. Венг. bekes, польск. bekiesza, укр. бекеша.

Славная *бекеша* у Ивана Ивановича! отличнейшая (Гоголь, Повесть о том, как Ив. Ив. поссор. с Ив. Никиф., 1835).— У Погорельского (Черн. курица): „Алеша поспешно надел свою красивую *бекешь* на кроличьем меху...“

Добычь:

Тогда-то он узнал, что *добычь* не по нем (Крылов, Вороненок, 1811). И первый сокол князь Андрея, *Добычь* узрев издалека, Стрелой взвился под облака (Бестуж.-Марлинск., Андрей, кн. Переясл., 1828).

Картеча и **картечь**,— польск. kartecza из нем. Kartätsche:

Вдруг свистнула *картеча* (Жуковск., 1827). Как град посыпалась *картеча* (Лерм., Изм.-бей, 1832); но ср.: „Турки рады были бы действовать *картечью*, но не смели без позволения русского начальства: *картечь* непременно перелетела бы на наш берег“ (Пушк., Кирджали, 1834). „Бывало в деле под *картечью* Всех насмешит надутой речью“ (Лерм., Казначейша, 1836).

Постеля:

Когда уж Лев стал хил и стар, То жесткая ему *постеля* надоела (Крыл., Лев, 1830), и там же: „Друзья! для старика *Постель* моя уж чересчур жестка“. „*Постеля* есть, покой вам нужен...“ (Пушк., Альфонс садится на коня, 1835).

Роля:

К тому ж, вы знаете, я *ролю* старика Взялся играть у вас единственно из дружбы (Загоскин, Благородн. театр, 1828). Обычно — **роля**. В отдельных случаях здесь же, однако, и **роль**, напр.: „Я думаю, на сцену. Там лучше *роль* пройти,“ „А ты кричал: „Им надо *роль* пройти!..“—...Бледнеет, *ролю* забывает... (Пушк., Русл. и Людм., 1820). Не даром один из тех людей, взора которых трепещут миллионы, не смел являться народу, пока не выучился играть *ролю* свою у какого-то скомороха (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Франклину так удалось разыграть свою *ролю*, что до сих пор ее трудно отличить от сущности хитрого дипломата (В. Одоевск., Русские ночи, VII—Импровизатор, 1833). Знаем также, что, явись опять новое, свежее дарование, первыми своими созданиями обещающее великую

будущность,—„прямая критика“ также[1] честно разыграет свою *ролю*... (Белинск., „М. Д.“ Гоголя, 1842).

Сушь:

Неба своды... Да не падут на *сушь* и воды (Пушк., Подр. Корану, 1824).

В соответствии нынешним формам мужского рода с окончанием на твёрдый согласный в первой половине XIX века встречается несколько префиксальных слов, относящихся к женскому склонению на **-а**.

Таковы:

Занавеса:

Под *занавесою* тумана... Стоит могила Оссиана (Лерм., Гроб Оссиана, 1830).

Испуга:

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! *испуга*!.. (Гриб., Горе от ума, 1824). Я от *испуги* дух перевожу едва (там же).— Ср. *Испуга* в „Слов. церк.-слав. и русск. языка“ Акад. наук, 1869 г.

Недуга:

Средь бурей жизни и *недуг* Хранитель ангел мой... (Батюшк., Воспоминания, 1814). Пушкин к этим строкам заметил: „бурь, недугов“.

Оттенка:

Пред ним, с *оттенкой* голубою, Полувоздушною стеною Нагие тянутся хребты... (Лерм., Изм.-бей, 1832). ...В их взаимных ласках дышала одна печаль близкой разлуки, без малейших *оттенок* страсти... (Лерм., Вадим, ок. 1832 г.).— Ср. *Оттенка* в „Слов. церк.-слав. и русск. языка“ Акад. наук, 1869 г.

Укора:

...Я плакал без *укор*, без гнева угрожал... (Давыд., 1816). Твой милый взор, невинной страсти полный... Он служит им *укорою* безмолвной (Тютч., К Н., 1824). *Укора* другим, недостойным боярам и царедворцам, жертва смелой правды и женской необдуманной вспыльчивости... (Н. Полев., Клятва при гробе госп., 1832).— Ср. *Укора* в „Словаре церк.-слав. и русск. яз.“ Акад. наук, 1869 г.

Упрека:

...Вот страха и *упрек* незнающий Баярд... (Катенин, Мир поэта, 1822).

Наоборот, нашим формам женского склонения соответствуют:

Завес:

Тогда кругом луны венец Сквозь *завес* снежного тумана Сиял на мутных небесах (Жуковск., Подробн. отчет о луне, 1820). Но сквозь воздушный *завес* окон Недолго лился мрак ночной... (Тютчев, 30-ых годов).

Замен:

...И этот муж копил, чтобы любить,— *Замен* души он находил в крови (Лерм., Булевар, 1830). Благодарю,— отвечал Сурков:— только не худо было бы предложить этот *замен*

[1] По смыслу следовало бы „так же“.

пораньше... (Гончар., Обыкнов. история, 1847).— Ср. *Замен* в „Слов. церк.-слав. и русск. яз." Акад. наук, 1869.

Просек:

В старину я резвился с хозяевами в простых стенах, ничем не обитых: не было ни *просеков,* ни беседок (И. М. Долгорукий, Журн. путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). С Эльмирой можно близь тенистого *просека*... Любиться, нежиться, как надо пастушку... (Гриб., Молод. супруги, 1815).— Ср. *Просек* в „Слов. церк.-слав. и русск. языка" Акад. наук, 1869 г.[1].

Ср. и: „...Я не беру совсем никаких *взятков*" (Гоголь, Ревиз., первоначальный текст). Ед. число *взяток*?

Для ряда заимствованных слов характерны колебание рода и в соответствии с этим различные окончания именительного падежа. В отдельных случаях в обращении были только формы, отклоняющиеся от нынешних.

Амальгам и амальгама; арабск. из греч. μάλαγμα, фр. amalgame — мужск. рода, нем. das Amalgam, польск. amalgam:

...И ее надо считать сильным *амальгамом* в этой связи (Лажечн., Басурм., 1838).

Как погрешность *амальгам* у Лажечникова отмечалось в „Отечеств. записках", 1839 г., II[2].

Анализ и анализа; ср. фр. analyse женск. рода:

Из этой *анализы* трудно составить себе эстетическое понятие о творении... (письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1825).

Апогей и апогея:

...А где же эта *апогея* развития? А если она грань принципа, то вместе с своей *апогеей* принцип доходит до конца... (письмо Огарёва Грановскому, 1847). — Отклонение неясное: греч. ἀπόγειον — среднего рода, фр. apogée — мужского.

Архив и архива: лат. archivum, фр. archives (pl.) женск. рода, нем. das Archiv:

...Пусть сей оценщик слов и в азбуке знаток [Каченовский] Теребит труд ума с профессорских досок, Как поседевшая в углах *архивы* пыльной Мышь хартии грызет со злостью щепетильной (Вяземск., 1821).

Гоголь в „Мертвых душах" (I, 1842) колеблется между **бакенбард и бакенбарда:**

Ему [Чичикову] даже показалось, что и один *бакенбард* был у него [Ноздрева] меньше, и не так густ, как другой. — Ср.: „...Или же задавали передержку его густым и очень хорошим бакенбардам, так что возвращался домой он иногда с одной только *бакенбардой* и то довольно жидкой".

При обычном **балюстрада** (фр. la balustrade) ср.: „Ее [часовню] окружает *балюстрад*, непрерывно освещаемый лампами..." (письмо Н. Станкевича, 1840).

[1] Ср. В. Чернышёв, Правильность и чистота русск. речи, вып. 2 — Части речи, 2 изд., 1915, стр. 119 и след.

[2] В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, вып. 2, изд. 2, I, 1915, стр. 124.

Гравюр и **гравюра**; фр. la gravure:

Княжне же отдал я на палке обвернутые три *гравюра* для К. Булгакова (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).— Ср. в другом письме 1833 же года: „Тут и для тебя три *гравюры*“. Длинный пожелтевший *гравюр* какого-то сражения (Гоголь, Мертв. души).

Грот и **грота**; ит. grotta, фр. la grotte:

Сойдите вниз, и вы в двух шагах от *гроты* Позилипа... Действие света в отверстиях сей *гротты*... также очаровательно (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Карьер и **карьера**; фр. la carrière:

Ведь надобно ж, служа, открыть себе *карьер* (Хмельн., Воздушн. замки, 1818). ...Вы теряете все расположение общества, *карьер,* уважение друзей... (Лерм., Кн. Лиговская, ок. 1836 г.). В Италии ни один молодой человек, кроме художника, не может сделать себе *карриера* (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836). ...Весь мой *каррьер,* начатый столь удачно под сению заслуг отца, расстроился невозвратно (Верёвк.-Рахманн., Любовь петербургск. барышни, 1841). Он и продолжал бы *карьер* свой по винной части и со временем достиг бы, без сомнения, почетного звания откупщика; но судьба решила иначе... (Вельтман, Саломея, 1846—1847). — Ср.: „С какою радостью узнал я, что *карьера* ваша совершена достохвально...“ (Гончар., Обыкн. истор., 1847).

Каскад и **каскада**; фр. la cascade, польск. kaskada:

...Искал прыгучих вод мне памятной *каскады*... (Баратынский, Запустение, 1835). — Ср. нынешн.: „...*Каскад* дымится и шумит, Разбрызнув млечной пены воды“ (Жуковск., 1819).

Киоск и **киоска**; тур. kösk, нем. der Kiosk:

В *киоске* пышной, золотой, Под шумом резвого, блестящего фонтана Дремал визирь Гассан... (Вяземск., Виз. Гассан, 1823).

Комод и **комода**; фр. la commode, польск. komoda.

В письме Пушкина П. В. Нащокину (1832) читаем: „Перешли мне мой опекунский билет, который оставил я в секретной твоей *комоде*“. Но у него же: „Она догадывалась, что сурьма и белила похищены из ее *комода*“ (Барышня-крестьянка, 1830).

Миниатюр и **миниатюра**; фр. la miniature:

Ваше сравнение Баратынского с Миерисом удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных *миниатюров* (письмо Пушкина И. В. Киреевскому, 1832).

Мирт и **мирта**; греч. μυρτος женск. рода, лат. myrtus женск. рода, фр. le myrte, нем. die Myrte:

...Где *мирт* благоухал и липа трепетала... (Пушк., Воспом. в Царск. Селе, 1814). ...Где *мирт* душистый расцветает (Батюшк., Пленный, 1814). ...Где *мирт* колеблется и блеск златых плодов В густой тени дерев с лучами дня играет... (Вяземск., К итальянцу, возвращающ. в отеч., 1821).

Ср.: „...И бог любви младой Спокойно спит в цветах под *миртою* густой“ (Батюшк., К Тассу, 1808). „Сплети из *мирт* ему венок“ (Вяземск., На бракосочет. Е. А. Вяземской, 1808).

Мозаик и **мозаика**; фр. la mosaïque:

Раскрашенный согласно с оригиналом *мозаик*... (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Слово *нервы* встречается часто с род. пад. **нерв**: „*Нерв* избалованность, причуда“ (Гриб., „Горе от ума“, 1824). Но известно было и нынешнее окончание: „*Нервов* же, кровеносных и пасочных сосудов не имеет“ (Е. Мухин, Курс анатомии, 1818).

Ниш и **ниша**; фр. la niche:

...И в темный *ниш,* где сумрак воцарился, Чуть крадется неверный свет дневной (Пушк., Сон, 1816).

Папах; тюркск. *папах* „меховая шапка“:

В большом *папахе,* в цветной рубахе... Счастливый муж по царству ходит (Полежаев, Тарки, 1830—1831). Привстав на звонких стременах, Надвинув на брови *папах,* Отважный князь не молвил слова (Лерм., Демон, 1829—1838). Эриванский *папах,* закинутый назад, вполне открывал его загорелое, но приятное лицо... (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836).

Перл и **перла**, **перло**; фр. la perle, нем. die Perle, польск. perło, укр. *перло*:

Океан взлелеял и сохранил его девственное сердце, как многоценную *перлу* (Бестуж.-Марлинск., Фрегат „Надежда“, 1832). Для детей твоих посылаю две нитки римских *перл*... (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833). ...Но в четвертой части стихотворений Пушкина есть одно драгоценное *перло*... (Белинск., II, 417).

Ср.: „Покоится луна в глуби эфира, Как ясный *перл* в безбрежности морской“ (К. Павлова, Двойн. жизнь, 1848).

Пурпур и **пурпура**; лат. purpura, нем. der Purpur:

На рубеже мелькают Кое-где *пурпуры* блестящей лоскутки (Мерзляк., Послан. о стихотворстве, 1808).

Террас и **терраса**; фр. la terrasse:

...*Тер*[*р*]*ас,* пред ним дерновый Узорный полукруг (Жуковск., К Батюшкову, 1812). Из гостиной Вели две-три ступеньки на *террас* (И. С. Тургенев, Андрей, 1845). И на *террас* они пошли все трое (там же).

Фарса; фр. la farce, польск. farsa:

Фарса наших депутатов... имела в Европе свое действие (Пушк., Истор. замеч.). ...В воскресенье обыкновенно дается Русалка или другая подобная ей *фарса,* наполненная налепостями <Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836).

Фрегат и **фрегата**; ит. fregata, фр. la frégate.

В том же письме А. И. Тургенева Вяземскому (1833): „Перед нею летит на парусах французская *фрегата*...“; „*фрегат* в пристани, и якорь брошен“.

Фреск и **фреска;** ит. fresco, фр. la fresque:

Я пытался выдернуть оставшийся на одном *фреске* гвоздь, но надлежало разломать стену и повредить живописи (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1833).

Чинар и **чинара** (кавк.): Посмотрите! этот *чинар* расколол

корнем гору... (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836). И: „*Чинар* развесистые сени, Густым венчанные плющом...“ (Лерм., Демон, 1829—1838).

Ширм и **ширма**; нем. der Schirm.

У Лермонтова („Казначейша“, 1836) по мужскому склонению — „...А из-за *ширмов* раза два Такие слышал я слова...“ — Ср. у Пушкина („Пиков. дама“, 1833): „Paul! — закричала графиня из-за *ширм*...“

Эстафет и **эстафета**; фр. estafette женск. рода:

На другой день, утром, отправив *эстафет*, явился он к бабушке... (<Бегичев>, Семейство Холмских, IV, 1832).

О немногих других (*апофеоза, гардероба, мифа*) см. у С. П. Обнорского, Именное склонение, I, стр. 38—39.

Большинство колебаний относится, как видим, к словам, заимствованным из французского, и объясняется расхождением между родом языка-источника и окончанием, которое, при отпадении французского немого **е**, звучало в русском как характерное для твёрдого мужского склонения.

В первой половине XIX века женский род языка-источника чаще отражался во внешней стороне слова — оно попадало в склонение на **-а**; позже возобладали по преимуществу формы мужского рода, ближе соответствовавшие французскому произношению. В отдельных случаях решающим оказывались частные моменты; так, при предпочтении формы *карьера* в смысле „служебный путь и под.“ наверное сыграла роль тенденция отличить это понятие от *карьер* как термина верховой езды; *гравюра* и *миниатюра* возобладали над *гравюр* и *миниатюр*, может быть, не без поддержки одно время существовавшего ит. *миньятура*, и под.

Результаты отбора в случаях *ниш — ниша, террас — терраса* в достаточной мере случайны, как вообще в категории слов, особенно часто употребляющихся в предложном падеже, где нет признака различения грамматического рода. Ср. и категорию парных вроде *ботфорт — ботфорта* и под. или по преимуществу pluralia вроде *арабеск — арабеска*.

Любопытно, что некоторые (немногие) заимствованные слова с окончаниями мужского склонения иногда принадлежат у авторов изучаемого времени к женскому роду. Это явление тем более останавливает на себе внимание, что языки оригиналов, о которых может итти речь в соответственных случаях, относятся к неразличающим грамматический род.

Так, в „Ашик-Керибе“ Лермонтова (1841) читаем: „И видит он: на стене висит в пыльном чехле его *сладкозвучная сааз*...“; „...Если я должен достигнуть до желанной цели, то *моя семиструнная сааз* будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней“. (Влияние рода слова „балалайка“?). У Жуковского расхождение между двумя произведениями разного времени: „...И в мечтании грустно глядит На поля, небеса, на Мертонски леса, На прозрачно *бегущую Твид*“ (Иван. ночь, 1822). Но: „Хоть тяжкий гроб из камня был, но от Мельроса вдруг поплыл По *Твиду* он, как легкий челн“ (Суд в подзем., 1832).

§ 30. Частица *-от, -ат.*

К характерным частицам старинного дворянского просторечия, присоединявшимся к именам существительным, принадлежит **-от, -ат** (по происхождению постпозитивный член)[1]. У писателей (чаще всего, представителей комедии) частица эта выступает обыкновенно только в речи престарелых персонажей.

Примеры:

Однако ж *мост-ат* наш таков, Что лгун не сделает на нем пяти шагов, Как тотчас в воду (Крыл., Лжец, 1815). ...В учении *прок-ат* не велик (Гриб., Горе от ума, 1824). Ну, вспомнить не могу: *бурак-ат* — самый цельный (Кокошк., Воспитание, или вот приданое, 1824). Княгиня... продолжала начатое: „...Вот умная женщина. *Покойник-от* князь все спустил в карты, а она, матушка, видишь, как поправляется" (Греч, Черн. женщина, 1834).

---

[1] Подробнее — „Истор. коммент. к литерат. русск. языку", 2 изд., 1939, стр. 280–281.

ГЛАВА III.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ.

1. Аффиксы.

§ 1. Префикс *пре-*.

В очень широком употреблении префикс превосходной степени **пре-**. В это время он ещё вовсе свободен от того несколько аффективного (обыкновенно шутливого или фамильярного) налёта, который принадлежит ему в относительно редких случаях, когда его применяют теперь.

Примеры:

...И выбрал, наконец, Барана, да какого? *Прежирного, прематерого,* Который доброму б и волку был в подъем (Крыл., Вороненок, 1811). Что хуже и всего, так на баране том Тулуп такой был *прекосматый*... (там же). ...Новобрачные считали себя *преблагополучными* людьми... (Нарежн., Два Ивана, 1825). До вашей братьи я охотник *пресмертельный*... (Загоскин, Благородн. театр, 1828). Знаешь ли ты кузину Загорскиных, княжну? Вот *прехорошенькая* и *прелюбезная* девушка (Лерм., Странн. человек, 1831). Знаете вы Белинского? *премилый* малый, *прелюбезный* — не правда ли? (там же). Мне *предосадно* было слушать этот вздор... (Греч, Поездка в Герм., 1830). *Прежаркий* день — но вовсе не такой, Каких видал я на далеком юге... (И. Тург., Параша, 1843). Стареем мы *прескоро* В наш скорый век (А. Григорьев, 1845).

Любопытно, что, напр., Н. И. Греч в своей беллетристической прозе пользуется почти только такими формами превосходной степени, обходясь без обычных в настоящее время форм „положительной“ степени прилагательных с *очень*.

Иногда допускались образования с **пре-** в том же значении превосходной степени и для имён существительных: „...Ты так мал, водой так беден, А у тебя всегда *премножество* гостей?“ (Крыл., Водопад и Ручей, 1816—1817). „*Премножество* всякого вздора мне насказал...“ (Жуковск., Ундина, 1836). „Ведь я *превесельчак,* а часом и проказник“ (Ф. Ф. Кокошк., Воспитание, 1824).

§ 2. *-ечьк-* (*-оньк-*), *-ехоньк-* (*-охоньк-*).

К характерному эмоциональному фонду языка первой половины XIX века нужно отнести суффиксы **-еньк-** (**-оньк-**), **-ехоньк-** (**-охоньк-**), которыми писатели этого времени пользуются намного чаще, чем позднейшие. Ограничиваюсь несколькими примерами из множества:

Маша: Уж будто и не можете? Лестов: Ни *малехонько* (Крыл., Модн. лавка, 1806). ...Невольник робкий и покорный, Вздыхал *частехонько* в хитон (Пушк., Послан. Лиде, 1816). „Как! жив еще курилка журналист?“—„*Живехонек*! все так же сух и скучен...“ (Пушк., Жив, жив курилка, 1825). ...Ввалил *прямехонько* в ту комнату, где я Готовил скромное занятье для себя (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). ...И пошел... *легонько* притворяя за собою дверь (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Служит Роллон на конюшне, а время идет; Вот наконец совершился *ровнехонько* год (Жуковск., Рыцарь Роллон, 1832). Вдруг, шатнувшись, *тихохонько* стукнула дверь; и невольно Вздрогнули все, как будто недоброе что-то почуя (Жуковск., Ундина, 1836). Для успеха в этом стоило *умненько* да *хитренько* намекнуть боярину, что Андрюше непригоже ходить в светлицу боярышни (Лажечн., Басурм., 1838). Признайтесь, вы усердьем пылким вашим Из этих нищих полк сформировали *Скоренько*... (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). Гаральд (*тихо Эрику*): *Тоненько*! да не проведешь ты нас: На хитреца всегда хитрец найдется (там же). *Ранехонько* ушел он со двора, И все еще не возвращался (Жуковск., Тюльпанн. дерево, 1845).

§ 3. *-енек-* (*-еньк-*), *-онек-* (*-оньк-*) в нечленных формах.

Постепенно выходившие из употребления нечленные формы имён прилагательных на **-енек-**, **-онек-** в практике литературного языка первой половины XIX века вполне живая категория:

Что он *ленивенек,* и прежде то мы знали (Крыл., Лентяй, 1803—1805). Сад у меня *простенек,* но велик... (И. Тург., Параша, 1843). На вид Иван-чай ни дать ни взять китайский, на вкус немножко *кисленек,* да еще и лучше, с похмелья всегда хочется чего-нибудь покислее (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Примеры *белёнек, краснёнек* упоминаются в „Русской грамматике“ Н. Греча, стр. 514.

§ 4. *-ний, -няя, -нее.*

Нынешнее правило относительно имён прилагательных на **-ний, -няя, -нее**, как примету слов, обозначающих понятия места, времени, родства и свойства́, в известной его строгости — результат влияния на литературный язык школы (учебников грамматики). В первой половине XIX века, иногда и позже, у ряда слов ещё были в употреблении севернорусские окончания **-ный, -ная, -ное**. Сюда относятся:

Давный:

В последний раз, быть может, я с тобой, Задумчиво внимая шум *дубравный,* Над озером иду рука с рукой. Где вы, лета беспечности *недавной*? (Пушк., Послание к кн. А. М. Горчакову, 1816). Душевных мук волшебный исцелитель, Мой друг Морфей, мой *давный* утешитель (Пушк., Сон, 1816).

Ср. и *давний*: „...Да будет Феб с тобой, Наш *давний* покровитель!" (Батюшк., К Жуковск., 1811—1814). „...И согласились в тишине Исполнить *давнее* желанье" (Пушк., Братья-разб., 1822—1825).

Дальный:

Друзья! Боюсь, чтоб бег мой *дальной* Не утомил вас, если вы, Простя мне пыл *первоначальной,* Дойдете до конца главы... (Вяземск., Коляска, 1826). Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии *печальной*: Напоминают мне оне Другую жизнь и берег *дальный* (Пушк., 1828). Для берегов отчизны *дальной* Ты покидала край чужой; В час незабвенный, в час *печальный* Я долго плакал пред тобой (Пушк., 1830). Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он, Едущих в *дальную* землю, насыщенных в путь отпускает (Жуковск., Одисс., 1842—1849).

Дружный вм. *дружний* „относящийся к другу, дружеский": Как *дружных* слов простому звуку Мне будет весело внимать (Дельвиг, К Шульгину). ...Когда во мне во дни разлуки Будил замолкнувшие звуки Словоохотный твой язык, На голос *дружного* привета Ответ созвучный я давал... (Вяземск., Станция, 1828).

Зимный:

...Где всюду тут и там огнь засвечался *дымный,* Как звезды на небе в бесснежный вечер *зимный* (Катенин, Мстисл. Мстиславич, 1819).

-летный:

[Храбрость] с малою опытностию торжествует над искусством *долголетным* (Карамз., Ист. госуд. Росс., I, 1816). Он [Рюрик]... скончался в 879 году, вручив правление и *малолетного* сына — Игоря родственнику своему Олегу (там же). ...Позволь, чтоб пред тобой Открыл я притчею простой, Что размышленья мне внушили *многолетны* (Крыл., Водолазы, 1813). Весь опыт браней *долголетных* Одним я разом погубил (Катенин, Мстислав Мстиславич, 1819). Стоишь, клад скромный и *заветный,* Красноречиво предо мной,—Ты странный, *двадцатисотлетный* Свидетель бренности земной!.. (К. Павлова, Лампада из Помпеи, 1850).

Поздный:

О, насладись закатом *поздным* В отраду общих их надежд, И будь всегда *Иваном Грозным* Для всех зоилов и невежд! (Вяземск., Ив. Ив. Дмитриеву, 1822). ...На солнце иней в день *морозный,* И сани, и зарею *поздной,* Сиянье розовых снегов (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). Но уже все воззвания были *поздны*... (В. Одоевск., Русск. ночи, Ночь 5 — Город без имени).

-сторонный:

Притом еще надо заметить и то, что русская жизнь до Петра Великого была слишком спокойна и *односторонна* (Белинск., Литер. мечт., 1834).

Тутошный:

...И, вспомнив *тутошное* мое пребывание, имел много причин задумчиво продолжать мое путешествие... (И. М. Долгорукий, Журн. путеш. из Москвы и Нижн. 1813 г.).

С твёрдой основой выступают в изучаемое время нередко и соответствующие наречия:

Вероятно ли сказание нашего летописца, что Борис *внутренно* не жалел о смерти Иоакима? (Карамз., Ист. госуд. Росс., XI, 1824). ...В самом деле, они [Пушкина и ее сестра Аврора] замечательно милы *внутренно* и *внешно* (письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1833, Остаф. арх., III). Кабинет-министр *внутренно* досадовал (Лажечн., Ледян. дом, 1835). Флетчер... *излишно* чернит нравы монастырские (Карамз., Ист. госуд. Росс., X, 1824).

Внешно, внутренно как исключительные формы (без параллельных на **-е**) выступают ещё в „Словаре церковнославянского и русского языка" Академии наук, 2 изд., 1869 года, но там же — только *излишне. Внутренно* (только так!) и в „Словаре русского языка" Академии наук, изд. 1891 года[1].

§ 5. *-н(ый, ая, ое).*

В языке писателей первой половины XIX века, естественно, встречается ряд вышедших теперь из употребления образований с суффиксом **-н(ый, ая, ое).** Упомянем несколько более других примечательных:

Непостижное слиянье восхищенья и тоски... (Жуковск., Плач Людм., 1808—1809). ...Их окружусь блаженною толпой, Восторгом *непостижным* упоенной... (Кюхельб., Давид, 1829). Он имел одно виденье, *непостижное* уму... (Пушк., Сцены из рыцарск. времен, 1835).— Слово это, являющееся церковнославянизмом, было уже в употреблении Державина.

Слепцы! к чему ведет тоска *завистной* жажды?.. (Вяземск., Послан. к М. Т. Каченовскому, 1821). Что́ вольным соседей *завистных* вражда?.. (Язык., Новгородск. песнь 1170 г., 1825).

Трофим также почти каждый день в послеобеденное время навещал отшельников... и забавлял их *безумолкными* рассказами (Нарежный, Аристион, 1822).— **Безумолкный,** вытесненное в настоящее время параллельным *безумолчный,* упоминалось как нормативная форма ещё в „Словаре русского языка" Акад. наук, том I, 1897 г.

Это был мужественный гермейстер Вальтер фон Плеттенберг, человек мочный телом и душою, *советный* в мире, страшный в

[1] Ср. и В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, вып. 2, изд. 2, II, 1915, стр. 163—166.

боях (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821).— Слово это встречается относительно нередко и у других авторов.

Так не одно с молвою тихой Молва *науличных* речей... (Бестуж.-Марлинск., Андрей, кн. Переясл., 1828).

Поселение казаков на *бесхозяйном* Яике могло казаться завоеванием, коего важность была очевидна (Пушк., Ист. Пугач., 1832—1833).

...Сиянье *хвального* венца Бывает тяжко вдохновенным (Бенедикт., Скорбь поэта, 30-ых годов).

Я устремлю свои слепые очи В глухую бездну *нерассветной* ночи... (Кюхельб., 1845).

А ты, кому в *разлучный* миг Я молча сжать не смею руку... (И. Тург., Андрей, 1845).

§ 6. *-ательн-, -ительн-.*

Значительное распространение принадлежало сложному суффиксу **-ательн-, -ительн-.** Многие образованные при помощи его слова, однако, жили недолго, иногда лишь как новообразования, ограниченные в своём употреблении отдельными произведениями.

Вот несколько примеров:

Но здесь я видела несносну грусть порока: Она мучительна, *терзательна,* жестока (Озер., Эдип в Афин., 1804). Чем более вижусь с Боратынским, тем более люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, *раздробительный* (письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1828, Остаф. арх., III). При *умертвительной* холодности, досуг ли читателям отставать от привычек и вникать во внутренний смысл поэтических произведений? (Кс. Полевой, отзыв о „Полт." Пушкина, 1829). ...Таскать по кислым водам молодую жену, чтобы золотить ему пилюли, вместо того, чтобы, оставя ее в столице, украсить свое родословное дерево золотыми яблоками! Это *умертвительное* неумение жить на свете! (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Налетит шведский лев, и в могучей лапе замрет ее [„ученой вороны"] *вещательное* карканье! (Лажечн., Последн. новик, 1831—1832). Таким образом явился я в назначенный день в дом министра Неккера вместе с Гретри, сделавшимся моею *покровительною* эгидою („Моск. телеграф", № 3, 1834). Когда же нигде не нашелся друг желанный, то страх *предвещательный* душу пронзил ей (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1837—1841). ...Не представил ей в себе *вознаградительных* условий... (Гончар., Обыкн. истор., 1847).

Для большинства этих образований в литературном языке существовали как отправные „узаконенные" образования имён существительных на **-тель.**

§ 7. *-им-, -аем-.*

В литературном обращении писателей первой половины XIX века встречается ряд вышедших теперь из употребления

образований имён прилагательных с суффиксами **-им-**, **-аем-** и префиксом **не-**, имеющих значение невозможности что-либо осуществить:

...Северная печатная Звезда едва-ли будет звездою *незаходимою* („Моск. телеграф", 1829). Сияет день *незаходимый*... (Баратынск., Вера и неверие, 1832). ...Нет минут непоэтических в жизни поэта, все явления бытия освещены для него *незаходимым* солнцем души его... (В. Одоевск., Русск. ночи, VIII—Себаст. Бах, 1835). В *незаходимую* ты погружен зарю... (Кюхельб., Дим. Рост., 1845). ...Со страхом мнит о силе той, Которая, во мгле густой Скрываяся, *неизбежима,* Вьет нити роковых сетей... (Жуковск., Ивик. журавли, 1813). Несусь, куда несет суровый Всему *неизбежимый* рок (Д. В. Давыд., Листок, 1816—1818). ...Позволяю Определить *неизбежимый* жребий... (Лерм., Смерть, 1830). Я с *ненасытимым* страданьем Вопьюсь очами в прах его... (А. Одоевск., Элегия на смерть А. С. Грибоедова, 1829). ...Простой, незначащий механизм охлаждал весь порыв и стоял *неперескочимым* порогом для воображения (Гоголь, Портрет, 1835—1842). Во мгле *непробудимой* ночи, Казалось, блещут злые очи... (Бестуж.-Марлинск., Наезды, 1831, стихотв. эпиграф к IX главе). Ты улыбкою небесною Разрушаешь все намеренья Разлюбить *неразлюбимую* (Д. В. Давыд., 1809). ...И он бродил в *нерешимых* Мыслях около хижины (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1844). — Ср. современное *решимость.* — Грешный дух его терзает *Несносимая* тоска... (Мятлев, Артамоныч). ...Блестит между минутных роз *Неувядаемая* роза... (Пушк., 1827). ...Взлелеет в памяти моей *Неувядаемые* розы (Вяземск., Слезы прощания, 1827).

§ 8. *-л-*.

Значительно чаще, чем теперь, в первой половине XIX века в употреблении имена прилагательные на **-лый, -лая, -лое,** производные от глаголов совершенного вида (чаще все с префиксом **о-, об-**). Функционально они довольно близки к причастиям прошедшего времени, так как иногда выступают с управляемыми формами и наречиями. Ограничиваемся немногими примерами:

...Но я слышу голос твоего *огрубелого* сердца... (В. Одоевский, Русск. ночи, Город без имени). Сидят рука с рукой, Та с розой молодой, Та с розой *облетелой*... (Жуковск., Уединение, 1814). ...Тебе сей глас, глас *неокреплый,* юный (Шевырёв, Послан. к А. С. Пушк., 1830). Сказывают, что они [ученики Университетского пансиона] порядочно поколотили географа. *Опоздалые* и напуганные видят и в этих детских шалостях die Zeichen der Zeit (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1821, Остаф. арх., III). Безмолвен терем *опустелый* (Баратынск., Пиры, 1820—1833). ...Не раз избитый в схватке смелой, Заране кровью *опьянелый,* С бойцом желанным наконец Так грозный сходится боец (Пушк., Полтава, 1829). Изнемогает жизнь в груди моей *остылой* (Батюшк., Из греч. антол., 5). ...В груди моей, как

пепл таящийся *остылой*... (Вяземск., К Е. С. Огарёвой, 1816). Пирам! В безжизненные лета Душа *остылая* согрета Их утешением живым (Баратынск., Пиры). Он [Карамзин] преобразовал книжный язык русский, звучный, богатый, сильный в сущности, но уже *отягчалый* в руках бесталанных писателей и невежд-переводчиков (Бестуж.-Марлинск., Взгляд на стар. и новую словесность в России). Там скрыт их пепел *охладелый* (Баратынск., Пиры). А ты, брат наших ты сердец, Герой, столь рано *охладелый*, Взносись в небесные пределы... (Рылеев, На смерть Чернова, 1825). ...Слушайте ж меня: *Охриплый* голос мой приличен песне (Пушк., Пир во время чумы, 1830).— Ср. *хриплый*. Видит: труп *оцепенелый*, Прям, недвижим, *посинелый*... (Жуковск., Людмила, 1808).

Нет, нет, другому свой *завялый* Неси, прелестница, венок (Пушк., Прелестнице, 1818). Ах, мысль о той душе *завялой* Могла бы юность оживить... (Пушк., Разг. книгопрод. с поэтом, 1824). Отец ее был добрый малый, В прошедшем веке *запоздалый* (Пушк., Евг. Онег., II, 1823—1826). Иногда причалит с неводом туда Рыбак на ловле *запоздалый* (Пушк., Медн. всадн., 1833). ...И скоро, снегом убеленных, Своих дубров и холмов зимний вид *Застылый* ток туманно отразит (Баратынск., Осень, 1837).

...Дней сладости и ясных, и веселых, мелькнувших нам едва и *отлетелых* (Вяземск., К Жуковск., 1812).

Быть *поседелым* с горести подобно Дубам сим, жертвам некой краткой бури (Вронченко, перев. „Манфреда“ Байрона, 1827). „К *постарелой* красавице“—Батюшкова (Из греч. антологии, 4, 1817—1818). Тысяча рублей, выданные за Меймене, вознаграждение Мустафе, европейское платье для моего нового товарища и наконец третье *прибылое* лицо в нашей неротской квартире довели мой кошелек до крайнего истощения (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834). Так сочный плод до времени *созрелый* Между цветов висит *осиротелый* (Лерм., 1832).

...Две клячи на дворе и есть, Да их хоть *выбылыми* счесть... (Вяземск., Станция, 1828).— Ср. *выбылый* в Акад. слов. 1869 г. ...На все тогда гляди бесстрастно И чувство в *убылых* пиши... (Вяземск., На новый 1828 год).— Ср. *убылый* в Акад. слов. 1869 г.

В „Медном всаднике“ у Пушкина встречается и, видимо, неудачно (ср. пассивное значение) образованное им *обуялый*: „...В опасный путь, средь бурных вод, Его пустились генералы Спасать и страхом *обуялый* И дома тонущий народ“.

Ср. с этим правильное: „...И, зубы стиснув, пальцы сжав, Как *обуянный* силой черной, „Добро, строитель чудотворный!“ Шепнул он, злобно задрожав“.

Неправильно образовано и: „Стран *невидалых* не нужны явленья, Чтобы мечтам дать стремленье моим!“ (Ростопчина, Туда, где жизнь, 1840). Ср. *невидаль* и *небывалый*.

§ 9. *-ическ-*.

Этот суффикс в языке первой половины XIX века выступает в ряде слов иностранного происхождения, позже решительно установившихся в другой форме. Все принадлежащие к этой группе понятия в большей или меньшей мере относятся к научным, культурным и под.

Примеры:

Дельфический:

Навечно ль душу мне зажгли Огни *дельфического* бога? (Язык., А. В. Тихвинскому, 1829—1833).

Литографический:

Мне извинительно пристрастье К *литографическим* трудам (Вяземск., Послан. к А. А. Б., 1829).

Нервический:

Траги-нервических явлений, Девичьих обмороков, слез Давно терпеть не мог Евгений... (Евг. Онег., V, 1826—1828). Все заметили эту необыкновенную веселость, и княгиня внутренно радовалась, глядя на дочку; а у дочки просто *нервический* припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840).

Олимпический:

Этим *олимпическим* смехом окончилось служебное поприще доброго приятеля нашего, Владимира Петровича Бельтова (Герцен, Кто виноват?, 1845—1846). Чаще — *олимпийский*.

Телеграфический:

...Получают *телеграфические* депеши о привозе свежих устриц... (Бестуж.-Марлинск., Фрегат „Надежда", 1832).

Типографический:

У нас альманахи не подарки для Нового года, не сбор повестей и не игрушки *типографического* и гравировального искусства... („Моск. телеграф", XXVI, № 7, 1829).

Философический:

Ужин был приправлен нравственными и *философическими* замечаниями Миллера (Греч, Поездка в Герм., 1830). Недавно, кто-то имел счастливую мысль составить новую науку: физическую философию, или *философическую* физику, которой цель: действовать на нравственность посредством знания (В. Одоевск., Русск. ночи, VI — Последн. Квартет Бетховена, 1831).

Энергический:

Энергический Лессинг — этот литературный Лютер — мощно восстал против французского направления и победоносно низверг его (Белинск., Русск. нар. поэзия, 1841).

Под влиянием этого суффикса ещё очень частое в употреблении *студентский* превращается в *студенческий*. Языков, напр., употребляет ту и другую форму.

§ 10. *-ов (-ев)*.

Притяжательные формы имён прилагательных образуются к именам существительным одушевлённым в изучаемое время гораздо чаще, чем теперь.

В стихотворном языке, при его свободном порядке слов, употребление притяжательных прилагательных форм на **-ов** в мужском роде связано было с некоторой неясностью относительно числа; ср.: „Щит *великанов* взяв потом, Он талисман, блиставший в нем..., Искусной выломал рукою" (Жуковск., Роланд оружен., 1832),— рассказ идёт об одном великане. „И вот он на бедро свое Повесил меч *отцов* тяжелый: Взял длинное его копье..." (там же),— о том, что речь идёт о мече отца, а не о наследственном мече (мече отцов), можно узнать только из контекста... „Или в полночный час Он слышит *скальдов* глас Прерывистый и томный" (Батюшк., Мечта, 1806). „Но вдруг пробудил их *погонщиков* голос" (Жуковск., Ундина, 1836).

Употребление таких форм в течение XIX века сокращается и в прозе и в стихах довольно медленно, замирая приблизительно только к последней его четверти.

Стоит привести ещё несколько примеров той свободы, с которой писатели, особенно первых десятилетий XIX века, образовывали притяжательные формы прилагательных: „Другою восторжены вы, как *Мурилловым* идеалом для его Conception" (Лажечн., Ледян. дом, 1835).— Ср.: *Мурильо*. „В *Полевовском* собрании [т. е. собрании Полевого] я еще не уверен..." (письмо П. Киреевского Н. М. Языкову, 1833). „...И *Фихтов* ихтеизм с Берклея идеизмом..." (Шаховск., Пустодомы, 1820).— Ср.: *Фихте*. „От устья *Тагова* до дальней Палестины..." (Катенин, Мир поэта, 1822).— Ср.: *Таго*.

Очень редки случаи образования форм на **-ов (-ев)** не от имён существительных одушевлённых вроде только что приведённого примера из Катенина. Ср. ещё, напр.: „...И не увижу ни лесов... Ни *солнцева* чудесного восхода" (Кюхельб., 1845).

Указанием на уже сильно действовавшую тенденцию сократить употребление притяжательных прилагательных является ограничительное замечание Греча: „Этот способ особенно употребляется там, где должно избегать стечения родительных падежей, вместо: „он рано выехал из *дома отца*", говорят: „он рано выехал из *отцовского дома*" (Чтения, II, 200).

Притяжательные прилагательные на **-ов**, естественно, выступали, как и теперь, без дополнительного окончания **-ый**. В качестве раритета можно отметить в стихотворении Кюхельбекера „К брату" (1819): „Я вижу, вижу: в град *Петровый* Плывет корабль из дальных стран".

2. Аналитические формы превосходной степени.

§ 11. Сочетание **самый** и форм превосходной степени на **-ейший (-айший)**, всё более редкое в книжном употреблении чем ближе к нашему времени, очень обычно в первой половине XIX века и упорно держится в это время, несмотря даже на то, что наиболее авторитетный представитель нормативной грамматики тридцатых годов Греч прямо указывает на него как на

ошибочное (Чтения, II). Ср. и Востоков, Русск. грамм., 12 изд., § 34.

Что этот способ легок, не спорю; но вы должны также согласиться, что он и *самый вернейший* (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817). ...Еще сладостнее покой и доверенность открытой взаимности. Тогда в любви находим мы все радости, все утешения дружбы, *самой нежнейшей,* самой предупредительной... (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). У меня все что ни привезли из деревни, продали по *самой выгоднейшей* цене (Гоголь, Мертв. души, I, 1842). Как ни хромает Ифест, но поймал он Арея, который *Самый быстрейший* из вечных богов, на Олимпе живущих (Жуковск., Одисс., VIII, 1842—1849). ...И даже кое-кто из *самых юнейших,* т. е. из самых бесчиновных чиновников, втихомолочку и под общий шумок составили орлянку, в углу, у окошка (Достоевск., Двойник, 1846)[1].

3. Формы сравнительной степени.

§ 12. Формы сравнительной степени наречного типа у писателей первой половины XIX века зачастую отличаются от принятых теперь, причём в этой морфологической категории нередки и значительные колебания.

Несколько примеров:

А в доме так одно *богатее* другого (Крыл., Свинья, 1811). ...И мне бы быть *богатей* не мешало (Крыл., Откупщ. и Сапожн., 1811).—Но в этой же басне и: „И так, мой друг, ты быть *богаче* не желаешь?“— Стучите чашами *громчей* (Дельвиг, Романс, 1823). Вот звуки ближе и *громчей*... (Рылеев, Рогнеда, 1823). ...Недаром, о розы, на ваших листах *Жарчее* румянец, свежей аромат... (Тютч., Cache-cache, 1826?). — Ср.: „...*Жарче* летнего дня“ (Пушк., Цыганы, 1823).— Твое повествованье И оные рассказы для меня Острей меча и *жгучее* огня! (Соколовск., Хеверь, 1837). Пойдем, помыслим об отъезде Теперь *зараней* в Киев град (Восток., Светл. и Мстислав, 1802). Но выбор всех угоднее Годфреду: *Зараней* он благовестит победу (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831). Творец мой! оглушил: *звончее* всяких труб (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Тобою занята гораздо будет *меней* (Гриб., Молод. супруги, 1815). ...Тем с виду он неосторожней И в обхождении *простей* (Пушк., Полтава, 1828—1829). Досадно слышать: Sta, viator! Иль, изъясняяся *простей*: Извольте ждать, нет лошадей... (Вяземск., Станция, 1828). Если мы сказали выше, что у наших стариков еще более было обрядов и условий при свадьбах, зато они *простее* смотрели на все, что делали (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Она всегда была пылка, нетерпелива, итак, не диво, что, сделавшись женою и матерью, стала еще *пыльчее,* нетерпеливее (Нарежн., Бурсак, 1824).

[1] Другие примеры см. В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, изд. 2, вып. 2—Части речи, II, 1915, стр. 193—194.

...Он был *старее* меня четырьмя годами (Жихар., Дневн., 1807). Нет-с, *старее* меня по корпусу найдутся (Гриб., Горе от ума). Худо только то, что Джулио влюбился в Генуе *старее* его по крайней мере восемью годами (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836). Будь этот оригинал в Англии, подумал я, там бы на него написали поэму не хуже Гудибраса и не *тонее* его самого (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). И пламень священный *Ярчее* горит... (Козл., Байрон, 1824). За что же? ранее встает, *Ярчей* горит она? (Баратынск., Звезда, 1825).

В языке поэзии в ходу сокращённые формы сравнительной степени: **боле, дале, доле, мене, старе, тяжеле**, ещё довольно долго держащиеся в поэтическом обиходе и последующего времени. Ср., напр.:

Но отчего же я от света не отстал, А дорожу тобой все более и *боле*? (Гриб., Молод. супруги, 1815). Я к вам пишу — чего же *боле*? (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). Сегодня поутру, на что искать мне *дале,* В смятеньи были вы, погружены в печали, Когда напомянул я об деревне вам (Гриб., Молод. супруги). Она умрет: жить вместе с нею *доле* Я не могу (Лерм., Маскар., 1835). Я раньше начал, кончу *ране*... (Лерм., 1831). ...Там солнце *ране* слышит ваш привет... (Кюхельб., Племянницам, 1833). ...Я день от дня все *старе* (Лерм., Бояр. Орша, 1835). Часто он твердит, Что всех трудов его труды *тяжеле* (Пушк., Русалка, 1832). Да силы уж не те, да все *тяжеле* путь... (Кюхельб., 1845).— Ср. и у Гоголя („Мертв. души"): „...И потому *тяжеле* ему было очутиться вновь в тех рядах, где все отзывалось пенником и неприличьем в поступках". У Достоевского („Неточка Незванова", 1849): „Только *тяжеле* мне становилось на сердце..."

Отметим ещё очень распространённую, особенно в поэзии, и без окраски народного стиля, форму *краше*: „...И луч его [солнца] живительней и *краше* И ваших щек свежее нежный цвет" (Кюхельб., Племянницам, 1833).

В „Русской грамматике" А. Востокова (§ 34) упоминаются как нормативные формы к „слабкий" — *слабже,* к „тяжкий" — *тягчае*; их употребительность сомнительна.

4. Склонение имён прилагательных.

§ 13. Именительный падеж единственного числа мужского рода.

Именительный падеж ед. числа мужского рода произносился в изучаемое время в большинстве случаев с русской рефлексацией неударяемого гласного (**ой>ъй**), а не с (книжной) церковнославянской — **ый**.

Об этом определённо свидетельствуют и рифмы, и орфография,

хотя и неустойчивая, но достаточно широко представленная формами на **-ой**[1].

Вот примеры таких форм на **-ой** у писателей первой половины XIX века:

Меня оставил он, *жестокой,* И в край безвестный улетел! Чего искать в стране *далекой*?.. (Жуковск., 1806). ...Когда я вдоль реки *широкой* Скитаюсь мрачный, *одинокой*... (Веневит., К моей богине, 1826).

Подобное чтение предполагает и случай, где в фамилии сохранено написание **-ий:** „Отца и матери *Елецкий* Лишился в годы те, когда Обыкновенно жизни *светской* Нам наступает череда" (Барат., Цыганка, 1830—1842).

А ты, *осиротелой,* Дорогой *опустелой* Ко гробу осужден... Тащить свои железы? (Жуковск., К Батюшк., 1812). — В том же самом стихотворении Жуковского („Светлана", 1808—1812): „Что ты смолкнул, *милый*?" Ни полслова ей в ответ: Он глядит на лунный свет, Бледен и *унылый*" и: „И гласит протяжно поп: „Буди взят *могилой*!" Пуще девица дрожит; Кони мимо; друг молчит, Бледен и *унылой*".

Орел с улыбкою *надменной,* Ни слова не сказав, толкнул жучка крылом... Жучок, жестоко *оскорбленной,* В гнездо к Орлу! и в миг яички все побил... (Жуковск., Орел и Жук, 1806). Феб, возьми твой дар *опасной*... Тяжко истины *ужасной* Смертною скуделью быть (Жуковск., Кассандра, 1808—1809). ...Наряжался В листочек *атласной* Лилеи *прекрасной* (Жуковск., Мальч. с пальчик, 1849). Свободно говорил язык *словоохотной,* И легкие часы летели *беззаботно*! (Язык., К няне А. С. Пушк., 1827). Всегда и всюду *благосклонно* Вы чаем угощали нас. Вы прогоняли омрак *сонной* От наших дум, от наших глаз (Язык., М. В. Киреевской, 1830). Пусть нам звездою *путеводной* Святая истина горит, И верьте, голос *благородной* Не даром в мире прозвучит! (Плещеев, 1846).

И также в тексте с художественной, частично церковнославянизированной речью: „Се он, на жизни путь судьбою *приведенной*!" Рифма — „О, чистая краса невинности *священной*!" (Жуковск., Младенец, 1806). Мирно стой, утес наш *твердой,* Отшибая грудью *гордой* Вкруг ревущий океан! (Жуковск., К русск. великану, 1848).

Значительно чаще однако выступают книжные формы на **-ый**: Померкла неба синева, Безмолвны рощи и *поляны*; Так под горой едва-едва Бежит, журчит ручей *стеклянный* (Язык., Ночь, 1827). — В цитированном стихотворении Языкова „М. В. Киреев

---

[1] Случаи, когда подударное **-ый** следует читать в соответствии орфографии, редки; к таким относятся, напр.: „...И сросшийся в один, их корень *вековый* Смеется наглости бунтующих *стихий*" (Вяземск., Послан. к М. Т. Каченовскому, 1821). „Все, что похитил жребий гневный, Все, что ни взвидел взор *слепый*, Я перенес в тайник душевный От глаз завистливой *толпы*" (Вяземск., Воспоминание, 1826).

ской", где „омрак *сонной*": „И в те часы, как дождь *холодный* Ненастье нам предвозвестил И труд наш *мило-пешеходный* Ездою тряской заменил..."

...Голову на шее гордо *распрямленной* К небесам подъемля — весь *воспламененный* Лебедь благородный дней *Екатерины* Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой *лебединый*! (Жуковск., Царскосел. лебедь, 1849).

Как ясно из приведённых примеров, руководящей при выборе формы являлась обыкновенно рифма: если рифмующееся слово — форма родительного, дательного, творительного или предложного падежа женского рода на **-ой**, это определяло выбор из двух возможных форм имени прилагательного — именительного (винительного) на **-ой**, а не на **-ый**; ср. и рифмы в виде наречий на **-о**. Употреблялись, однако, формы на **-ой** иногда и без такого мотива.

В тех случаях, когда употреблялось в им. падеже ед. числа окончание **-ой**, имело место, таким образом, формальное совпадение с окончаниями родительного, дательного, творительного и предложного падежей ед. ч. женского рода. Особенно в поэтическом языке, при его свободе в размещении слов и часто прихотливых движениях смысловых ассоциаций, совпадение этих окончаний могло приводить к неясности и даже двусмысленности. Вот несколько подобных случаев из большого числа возможных:

...И миг разлуки призывал Уж как свободы миг *счастливой* (Баратынск., Эда, 1833). — „Счастливой" может быть согласовано с „миг" (им. пад. ед. ч. муж. р.) и с „свободы" (род. пад. ед. ч. женск. р.).

Страданий любви *исступленной* певец, Он высказал сердцу все тайны сердец... (Козл., Байрон, 1824). Возможны „исступленной любви" и „исступленный певец".

Он оттенит все милые черты, Напомнит вам предмет душой *любимой,* Но умолчит про сердца красоты, Не выскажет души невыразимой (Шевырёв, Звуки, 1827?). — Ср.: „предмет, любимый душой" и „напомнит любимой душой предмет".

Что уже со второй четверти XIX века с живым произношением безударных окончаний *-кой, -гой, -хой* соперничало аналогическое, до сих пор не победившее первого, ясно хотя бы из критического замечания в „Московском телеграфе", июнь, 1829 г., стр. 382, по поводу соответствующего правила в седьмом издании „Начальных правил Русской Грамматики": „*Прилагательные* на *ый,* и с предыдущими буквами *г, к, х,* на *ій* переменяют окончания свои на *ой,* когда употребляются в простом слоге: *сильный, строгій, великій, ветхій*; простее: *сильной, строгой, великой, ветхой*". Рецензент решительно замечает, что „эта простота есть не иное что, как неправильность" и, не желая считаться с разрешением просторечных вариантов, настаивает только на Гречевом правиле о разнице написаний слогов полударных и неударяемых.

§ 14. Родительный падеж единственного числа женского рода.

В стихотворном языке до конца тридцатых годов, — у писателей старшего поколения — иногда и позже, — в употреблении, впрочем, неуклонно сокращающемся, церковнославянизированные формы родительного падежа ед. числа женского рода имён прилагательных на **-ыя, -ия.** Даём несколько примеров из множества:

Томлюсь, Фортуны раб *слепыя*, Без наслажденья трачу дни... (Милон., К сестре моей, 1812). Вдруг видит Эсхина — и вмиг узнает Сопутника *юныя* жизни (Жуковск., Теон и Эсхин, 1815). Моим подругам завещаю Воспоминание ночей, Утраченных у ног Венеры В лесах *веселыя* Цитеры... (Пушк., Мое завещание, 1815). Не быть тебе душой семьи *родныя*... (Жуковск., Прощ. Иоанны д'Арк, 1818). Досталось мне пасти иное стадо На пажитях *кровавыя* войны (там же). *Болтливыя* молвы не требуя похвал, Я подвиг бытия означил тесным кругом (Вяземск., Уныние, 1819). Иль тянет тебя из *земныя* неволи Далекое светлое небо к себе? (Жуковск., Море, 1822). Под тяжестью густой овчинки Он скрипом *хриплыя* волынки Немилосердно режет слух (Вяземск., Прелести деревни, 1824). С *Олимпийския* вершины Сходит мать Церера вслед Похищенной Прозерпины... (Жуковск., Элевзинск. праздн., 1833). ...В мраке прохладном, под сенью *дуплистыя* липы! (Майк., Пустыннику, 1841).

§ 15. Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода.

И написания авторов XVIII века, и определённое свидетельство Н. Греча: „В родительном падеже, мужеского и среднего родов имен прилагательных и местоимений, кончающемся на *-аго, -яго, -ого* и *-его,* буква *г* произносится[1] как *в*; например, слова: *краснаго, синяго, одного, моего* произносятся *краснава, синева, однаво, моево*“ (Русск. грамм., § 486, 1827) заставляют думать, что произношение окончаний родительного падежа мужского и среднего рода имён прилагательных и местоимений в изучаемое время принципиально не отличалось от нынешнего. Орфография, однако, отражала такое произношение лишь в случаях, где на него прямо указывала рифма, напр.: „...Под звуком живым человечьего *слова,* Меж страшных жильцов подземелья *немова*“ (Жуковск., Кубок, 1831); „...И если уж должно быть опыту *снова,* То рыцаря вышли, — не пажа *младова*“ (там же); „Не долго жениха *младова,* Невеста, взор твой ожидал, Сдержал он княжеское *слово*: На брачный пир он прискакал... Увы! но никогда уж *снова* Не сядет на коня *лихова*“ (Лерм., Демон, 1829—1838), или где имелась в виду фольклорная окраска текста: „...А

[1] В подлиннике опечатка — „произносятся“.

хозяйка ждет *милóва,* Не *убитаго, живова*“[1] (Пушк., Шотланск. песня, 1828), — ср. ударение „милóва“ вм. литературного „мúлого“.

Сенковский склонялся даже к радикальному решению: „Говорят, наш умный и даровитый Лажечников предлагает писать **ова** вместо **аго.** Я одобряю это и желаю ему полного успеха. К чему нам все эти жалкие, ничем не оправдываемые, ухищрения педантизма, рогатый остаток фокусов того времени, когда русские слова натягивали на славянские формы и надеялись наш русский язык переделать в моравский?..“ (Письмо тверских помещиков, 1837).

§ 16. Творительный падеж единственного числа женского рода.

По поводу твор. падежа ед. ч. женского рода Н. Греч, Русск. грамм., 1827, замечает (§ 114, примеч. 27): „...а **ой** или **ей**, в творительном падеже единственного числа женского... рода, есть сокращение, употребляемое в просторечии; например: *схватил сильной рукой*“.

Стихотворный язык, однако, такие формы разрешает, и они в нём очень часты даже в высоких жанрах в течение всего XVIII века; ср., напр.: „Умой *росой Касталъской* очи“ (Ломон., Ода на взятие Хотина, 1739). Практика не меняется и в XIX веке: „...Как сладостный покой Над станом царствовал с *глубокой тишиной* (Озер., Поликсена, 1809) и т. п.

Язык „важной“ прозы отражает в этом отношении требования грамматики довольно долго, но беллетристика, по крайней мере, второй четверти века, уже определённо с ними считается мало; ср. хотя бы: „*Под каждой картинкой* прочел я приличные немецкие стихи“ (Пушк., Станц. смотритель, 1830). „Она все еще была в глазах его тою же *миловидной Любашей,* как прежде“ (Даль, Игривый, 1847), и под.

§ 17. Множественное число от слова *рад.*

К характерным особенностям морфологии первой половины XIX века должна быть отнесена сказуемая форма множ. числа **ради**[2], постепенно выходящая из употребления и заменяемая формой *рады* в ближайшие десятилетия:

Ради вы или не *ради,* Но указ уж получен, Вам отсель нельзя ни пяди... (Воейков, Дом сумасш., 1814). Англичане избаловали этих негодяев... Теперь они сами не *ради* следствиям своей щедрости, особенно потому, что ездят во Францию из экономии (Греч, Путев. письма, 1817—1838). Что ж, *ради*? Нет? В лицо мне посмотрите (Гриб., Горе от ума, 1824). Зато, если случится вам нужда в холоде, дожде и слякоти, то присылайте

[1] В однотомнике под ред. Б. Томашевского, 1936, стр. 399, соответствующие слова даны в обычной орфографии.

[2] О ней и подобных с исторической точки зрения см. „Истор. коммент. к литер. русск. языку“, 2 изд., 1939, стр. 135–136.

наверное к нам: мы *ради* вам служить, сколько угодно: такие-то мы здесь добрые (письмо Крылова В. А. Олениной, 1825). Взять тебя мы все бы *ради*... (Пушк., Сказка о мертв. царевне, 1833). Это кресло у меня уже ассигновано для гостя; *ради* или не *ради*, но должны сесть (Гоголь, Мертв. души, I, 1842).

Ср. и диал. *сыти* у Крылова („Пир", после 1811 г.): „Когда не хочется домой вам натощак, Так оставайтесь у порогу: Вы *сыти* будете..."

ГЛАВА IV.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИМЕНАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ.

Имена числительные в практике первой половины XIX века в общем мало отличаются от того, что мы имеем в употреблении теперь. Нужно только отметить бывшие в живом обращении и позже вымершие формы имён числительных типа **двои, трои, четверы** и т. д. при именах существительных, не имеющих единственного числа: „Прошли они еще *сутки трои* либо *четверы* вместе...“ (Даль, Ракита). „Может быть, я промедлю в своих исканиях *сутки* или *двои*... (Нарежный, Бурсак, 1824); у Крылова („Червонец“, 1811—1812) в соответствии диалектному *пригоршни* без единственного числа: „...Однако ж пятаков *пригоршни трои* Червонца на обмен крестьянину дают“, — и тот любопытный факт, что у старейших писателей в ходу ещё формы церковнославянского образца — вроде **первыйнадесять, второйнадесять** и под.: Напр.: „[Опытная физика] ...представляет чудесное действие сил натуры, о которых не только древние, но и самые ученые физики *седьмогонадесять* века не имели понятия“ (Карамз., О публ. преподав. наук в Моск. универс., 1803). Ср. и свидетельство А. Х. Востокова, Русск. грамм., § 37.

Менее примечательны формы творительного падежа вроде: „...Я сам поспешил с остальными четырьмя сотнями и *пятидесятью*... гусарами к Чеченскому...“ (Д. Давыдов, Взятие Дрездена, 1836).

Повидимому, только индивидуальным отклонением является у Гнедича (Военный гимн греков, 1821): „С *трехстами* храбрых — персов силы Один сдержал герой“.

Со стороны звуковой заслуживают внимания иногда употреблявшиеся церковнославянизмы **един, седьм, осмь** (русск. *один, семь, восемь*), **вторы́й, шесты́й, осмы́й** (русск. *второ́й, шестой, осьмой*) и под.

ГЛАВА V.

ИЗ СКЛОНЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ.

§ 1. К склонению местоимения 3-го лица и под.

При предлогах форма род. пад. ед. ч. женск. р. звучит часто **ней**; как и теперь, это обыкновенно имеет место, прежде всего, при предлоге **у** — *у ней*; но, в отличие от нынешнего употребления, мы находим такую форму иногда у при **без, для, из, от** и др., — случаи, теперь отошедшие к просторечию. Встречаются они главным образом у Крылова, Грибоедова, Баратынского, Мятлева. Отражают они давнюю, известную уже в древнерусском языке тенденцию[1], задержанную, видимо, в литературном языке искусственным регулированием.

От пленников ее *вкруг ней* бывало тесно (Крыл., Разборч. невеста, 1811). ...Феб скроется, узрев природы разрушенье И, в скорби, сократит *для ней* свое теченье... (Милон., Уныние, 1811). ...Или, восстав из сени гробной, Ты вестник радости *для ней*? (Милон., К Сильвии, 1812). В те дни, как сельскую свободу возлюбя, Я покидал *для ней* и славу, и науки... (Язык., К няне А. С. Пушкина, 1827). *Для ней* погиб надежды луч (Полеж., Чир-Юрт, 1832). Тогда еще Антон не знал любви; а *для ней*, как вы изволите знать, и Геркулес взялся за прялку... (Лажечн., Басурман, 1838). Меж люлькою и гробом спит Москва; Но и *до ней*, глухой, дошла молва, Что скучен вист и веселей салоны Отборные... (Баратынск., 1842—1844). Лель, улыбнись, когда *из ней* Случится девице моей Унесть во взорах пламень томный... (Баратынск., Возвращ., 1822—1835). Дай им отчет после верный в употреблении вырученной суммы и не бери *из ней* ничего для своего ежедневного обихода (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1824, Остаф. арх., III). Примета у простых людей, Что чем Подагру мучишь боле, Тем ты скорей Избавишься *от ней* (Крыл., Подагра и Паук, 1811). ...И настоялась так в два дни она вином, Что винный дух пошел *от ней* во всем... (Крыл., Бочка, 1815). *От ней* по мостовой и стукотня, и гром, И пыль столбом (Крыл., Две бочки, 1819). Но, получа рану, долг солдата изле-

[1] См. „Историч. коммент. к лит. русск. языку", 2 изд., стр. 126—127.

читься *от ней* совершенно, ибо он полезнее здоровым, нежели больным (письмо Д. Давыдова А. И. Якубовичу, 1824). *От ней* в двенадцати верстах Аул (Полежаев, Чир-Юрт, 1832). А пользы нет,— она все отравляет. Избавиться *от ней* нет средства. Бежать? (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Много чести!— я *от ней* отказываюсь (Сенковск., Похожд. одн. ревижск. души, 1834). Я приезжал тогда послом *от ней*, Христиерну самому едва не равный... (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). *Подле ней* только отдыхал от забот и досад; *подле ней* только лицо его находило улыбку, а сердце шутки (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Здесь влагой тяжкую рыбарь на ветвях ивы Развешивает сеть, и каплет *с ней* вода (Катенин, Сафо, 1838). Христиерн: Ну, руку мне! Густав: Не троньте, государь, Еще не стерлось *с ней* клеймо железа (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза). Беги ее... Чего ты ждешь *от ней*? (Мей, 1844).

Литературное употребление нашего времени и, за редкими исключениями, второй половины XIX века и начала XX не допускает сокращённой формы творит. пад. ед. ч. женск. р. **ей** вне сочетания с предлогами. (В таких сочетаниях эта форма звучит **ней:** *за ней*, *с ней*). В первой половине XIX века, хотя и нечасто, такое употребление встречается, но исключительно в поэзии. Не выжило оно по понятным основаниям: если в именах прилагательных, как согласуемой категории, омоморфемность родительного, дательного и творительного падежей ед. ч. женск. рода не была опасной для смысла предложения, то в данной, употребляемой, подобно именам существительным, в качестве самостоятельной, подобная омоморфемность могла бы иногда являться угрозой ясности.

Примеры:

И подшед Филон к прекрасной, *Ей* не встречен в первый раз (Гриб., Молод. супруги, 1815). Найдется тысячу несчастных от нее На одного, кто не был *ей* обманут... (Крыл., Пастух и Море, 1819). Ах! Софья! Неужли Молчалин избран *ей*! (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога! Зачем же *ей* играть, и так неосторожно? (там же). Моя тоска живет со мной, Я *ей* ни с кем делиться не могла (Шевырёв, Цыганка, 1828). Будь ложка вам колесовая Символом сердца моего: *Ей* управляйте, как хотите! (Язык., Дорожн. экспр., III, 1830). ...Все... даже счастие того, кто избран *ей*, Кто милой деве даст название супруги (Пушк., 1832). А там он *ей* [палочкой] по воздуху Вокруг себя ведет... (Мятлев, Коммеражи, 1836). ...Поры не дождавшись, Чтоб *ей* наигравшись — Остынула кровь... (Мятлев, Облака). Как я любовался *ей*, Без заботы, без затей, В светлой юности моей... (Мятлев, Соловей). Месть вскормил в душе своей, Ада мрачного черней. Он во сне *ей* наслаждался, И случая дожидался (Мятлев, Скрипка). Но эта лень, невозмутимость эта — не верится, что вновь когда-нибудь, Мы усладим *ей* жизненный наш путь (Мей, 1844). Когда его покойная княгиня О детище, зачатом *ей*, спросила... (Мей, Царск. невеста, 1849).

Редкий случай такой формы в прозе: „Я полагаю напротив того, что... нам очень нужно *ей* [Европой] теперь заняться“ (письмо Чаадаева А. С. Хомякову, 1849).

Род. пад. ед. ч. женск. рода от местоимения третьего лица в живом произношении, как свидетельствуют рифмы, звучал так же, как и теперь, — **её**; ср.:

Бывало, бедствие *мое* Я верой услаждал всечасно; Теперь — до гроба жить ужасно! За гробом — вечность без *нее*! (Козлов, Чернец, 1825). ...Одно имела я в предмете: Твою любовь. Я для *нее* Сгубила счастие *мое* (Пушк., Полт., 1828—1829), и под.

Но под влиянием графики нередко выступает и руссифицированный церковнославянизм **ея**:

Как звезды задумчивой ночи, Как вешняя песнь *соловья* — Ее восхитительны очи И сладостен голос *ея* (Язык., 1828). На крик испуганный *ея* Ребят дворовая *семья* Сбежалась шумно (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1830), и под.[1].

Искусственная форма им. пад. мн. ч. женск. р. **оне (онѣ)** как произносимая часто встречается в поэзии изучаемого времени. С ней иногда, однако, соперничает живое **они**. В ряде случаев, частично, может быть, под влиянием северного наречия, а иногда — в результате грамматического гиперизма (ложного понимания *оне* как формы, требуемой грамматикой), **оне** употребляется по отношению также к мужскому и — особенно — среднему роду, у прилагательных совпадавшему во множественном числе с женским.

Примеры:

1. Нет, жены робкие Гирея, Ни думать, ни желать не смея, Цветут в унылой *тишине*, — Под стражей бдительной и хладной На ложе скуки безотрадной Измен не ведают *оне* (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Мечты любви — мечты пустые! Я верно знаю их: *оне* Не раз победы удалые И рай предсказывали *мне* (Язык., Элегия, 1825). Страстям Я предал молодость... *оне* Меня сгубили... но клянусь: Того, что прежде было *мне* Святыней,— нет! — я не стыжусь (И. Тург., Разговор, 1845).

2. Гляжу вперед сквозь сумрак лет, Сквозь луч надежд, которым нет Определенья, и *они* Мне обещают годы, *дни*, Подобные минувшим дням (Лерм., Стансы, 1831). Отец! отец! оставь угрозы, Свою Тамару *не брани*. Я плачу. Видишь эти слезы? Уже не первые *они* (Лерм., Демон, 1829—1838).

3. Богатый в мире, сильный *на войне*, Когда к нему являлися *оне* [соседи] — Он убегал доверчивых бесед (Лерм., Литвинка, 1832). Полуночные образы стонут, Как больной в утомительном *сне*, И всплывают, и стонут, и тонут, — Но о чем это стонут *оне*? (Фет, 40-ых годов). Здесь вечны блага не бывали, И никогда нам без печали Не доставалися *оне* (Жуковск., Поликрат. перстень, 1831). Ужель я ошибался? — невозможно Мне ошибиться —

[1] Ср. большой материал в „Извест. Отдел. русск. яз. и слов.“ Акад. наук, XXIII, кн. 2, 1921, стр. 92—108.

кто докажет *мне* Ее невинность — ложно, ложно! Где доказательства — есть у меня *оне* (Лерм., Маскарад, 1835). Увы! твой страх, твои моленья, К чему *оне*? Покоя, мира и забвенья Не надо *мне*! (Лерм., Любовь мертвеца, 1840).

В существенном то же имеем в форме мн. ч. **одне — одни:** Ах, Наташа, ретивое Уж давно кипит *во мне*; Все тебя жалел, но вдвое Рад, что мысли в нас *одне* (Катенин, Наташа, 1814). Но вянут девы в *тишине*; А волны, волны все *одне*!.. (Лерм., Моряк, 1832). Тамара: Зачем мне знать твои печали, Зачем ты жалуешься *мне*? Ты согрешил... Демон: Против тебя ли? Тамара: Нас могут слышать... Демон: Мы *одне* (Лерм., Демон). Услыша вести в отдаленье О чудном храме в той *стране*, С востока облака *одне* Спешат толпой на поклоненье (там же).

Ср. в склонении:

Верх земных утех — Из-за угла сме́яться надо *всеми*! Но сам в толпу не суйся... или смех Плохой уж выйдет: шутками *одними* Тебя, как шапками, и враг и друг, Соединясь, все закидают вдруг (Пушк., Домик в Коломне, 1830). Но у него же, напр.: „Для вас, души моей царицы, Красавицы, для вас *одних* Времен минувших небылицы, В часы досугов *золотых*, Под шопот старины болтливой Рукою верной я писал“ (Посвящ. к „Русл. и Людм.“, 1820). — Другие примеры см. Е. Ф. Будде, Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, часть I, вып. II, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. LXXVII, № 5, 1904, стр. 81—82.

§ 2. Замечания об эпентетическом *н*.

Эпентетическое (наставное) **н** при местоимении третьего лица в практике литературного языка первых четырёх десятилетий XIX века ограничено употреблением только при предлогах в точном значении слова; при наречиях-предлогах его обыкновенно ещё нет. К наречиям-предлогам в частности относятся в этом отношении **между** и **меж.**

Примеры:

Я нравлюсь дамам, ибо скромен, И *между ими* есть одна... (Пушк., Паж, 1830). *Меж ими* все рождало споры... (Пушк., Евг. Онег., II, 1823). Ты ввел меня в семейство добрых Муз, Деля досуг *меж ими* и тобою, Я ль чувствовал ее свинцовый груз И перед ней унизился душою? (Барат., Дельвигу, 1827). ...Он все видел, все понимал, но *между им* и людьми, *между им* и природою была вечная бездна... (В. Ф. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833). ...*Между ею* и супругою Иоанна младого начинало возрождаться какое-то завистливое соперничество... (Лажечн., Басурман, 1838). Чтобы увидеть разницу *между им* и другими уездными городами... (Загоск., Офиц. обед, 1841).

...Стара́йтесь *вкруг ее*, а наслаждаюсь я (Гриб., Молод. супруги, 1815).

Я вижу замки богачей И их сады кругом... Моя ж дорога *мимо их* С заботой и трудом (Жуковск., Песня бедняка, 1816). Не зная пароля, я хотел молча проехать *мимо их* (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834).

...Старшие трое все *около ее*... (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.).

§ 3. Винительный падеж единственного числа от слова *сама*.

Наряду с формами *саму* и *самоё*, некоторые старые грамматики допускали форму винит. падежа ед. ч. **самую́** [1].

Последняя в фактическом употреблении первой половины XIX века хорошо засвидетельствована, тогда как позже она становится определённо редкой. Повидимому, известное влияние на её вытеснение оказала „Практическая русская грамматика" Ник. Греча (1827), признававшая только „*саму* (или *самоё*)".

Примеры из авторов:

Обманывала всех: его, князей, тебя, И небо, и людей, и *самую себя* (Озер., Поликсена, 1809). ...Кассандру *самую* я, из твоих объятий Исхитив, привлеку на сей надгробный холм (Озер., Поликсена, 1809). ...Которую, заметьте, она любит, как *самую себя*, или себя в ней любит (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). ...И мысль впутать имя ее между гнусными изветами злодеев и *ее самую* привёсти на очную с ними ставку, эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). Он, дескать, ловкий говорун, будет у меня забавлять гостей, да и *меня самую*... (Сенковск., Предубеждение, 1834). ...И если бы не томные движения рук около головы, *ее самую* и ее отражение в зеркале можно было бы принять за два прелестные изваяния, поставленные для сравнения одно возле другого (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836).

---

[1] А. Востоков, Русск. грамматика, § 53, форму *самоё* относил к просторечию, а **самую́** (он ставил такое ударение) ошибочно считал церковнославянской.

ГЛАВА VI.

ГЛАГОЛЫ И ФОРМЫ, ВХОДЯЩИЕ В ИХ СИСТЕМУ.

§ 1. Формы неправильной кратности, давнопрошедшего времени и под.

Несомненно, употребление форм „многократного" вида во всех его функциях (неправильная кратность в давнем прошлом, решительное отрицание и т. д.) — черта литературного языка, сильно пошедшая на убыль в XIX веке сравнительно даже с XVIII. Однако в первые три десятилетия XIX века пристрастие ряда писателей к этим формам ещё заметно или, вернее сказать, они составляют ещё живой практический фонд их морфологии.

Примеры:

Как он, нашедши здесь и волю и простор, Из комнаты шага *не делывал* с тех пор (Крыл., Лентяй, 1803—1805). Писать всю ночь! Да я, как молод-то *бывал,* Ни книги, ни пера, ни стула *не знавал* (там же). Я чай, твой Ахиллес пьяный столько вина и водки *не пивал,* как я походом (Батюшк., Письмо Н. И. Гнедичу, 1807). Ослы, не знаю, как-то знали, Что прежде музы тут *живали*... (Крыл., Парнас, 1808). ...Охотники таскаться по пирам Из первых с ложками явились к берегам, Чтоб похлебать ухи такой богатой, Какой-де откупщик и самый тароватый *Не давывал* секретарям (Крыл., Синица, 1811). ...Живет хорошо: сие доказал он нам завтраком. Мы заходили к нему, в келью; он нас *угащивал* прекрасно (И. М. Долгорукий, Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). „Неужели ты, — вскричал он, — никогда *не любливал* прекрасных девушек?.." (Нарежн., Аристион, 1822). Я знал живое заблужденье, Любовь *певал* я; были дни — Теперь умчалися они... (Языков, Элег., 1825). Так *певал* без принужденья, Как на ветке соловей, Я живые впечатленья Полной юности моей (Дельвиг, Эпилог, 1829). Как не узнать? Антоньев монастырь Мне памятен, *Езжали* вы сюда, А лошадей держал я в этой роще (Пушк., Каменн. гость, 1830). Не даром же покойник был ревнив; Он Дону Анну взаперти держал: Никто из нас *не видывал* ее (там же). Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто *бирал* я с бою то, что, во мнении моем следовало мне по праву (Пушк., Станц. смотритель, 1830). С вашими енералами

ведь я же управляюсь; а они его *бивали*. Доселе оружие мое было счастливо (Пушк., Капит. дочка: слова Пугачева, 1833—1834). Подвели бойкую черкесскую лошадь, и два калмыка собирались уже силою втащить Вольдемара на нее и привязать его к седлу, как они обыкновенно *делывали* это с другими проводниками своими... (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Бывало и то, что долго, долго *сиживал* Аммалат, склонясь у ног своей Селтанеты, не вымолвив слова... (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). ...Из высшего класса я *не знавал* италиянцев до сих пор, а в простонародьи есть, между прочим, черты, очень напоминающие наших русских мужичков (письмо Н. Станкевича, 1840).

Вышедший впоследствии из употребления случай представляет *бывал* с отрицанием в значении обычного „не был“ (в ближайшее время):

Посошков (Оленьке): Да, да! Вам с Вельским должно вместе Всю сцену повторить. Ну, что! Какие вести? Изведов: Покуда никаких. Посошков: Так Вельский *не бывал*? Изведов: И слуху нет о нем (Загоскин, Благородн. театр, 1828).

§ 2. Формы на *-ива-*, *-ыва-* и их эквиваленты.

В изучаемое время в ряде случаев формы несовершенного (многократного) вида на **-ива-** образовывались свободнее, нежели теперь, когда их решительно вытеснили некоторые образования на **-я- (-а-)**, установившиеся в качестве нормативных.

Несколько примеров:

...Отец, старый заслуженный офицер в изорванном майорском камзоле, *починивает* старые башмаки и ветхий плащ... (Батюшк., <Прогулка по Москве>, 1811—1812). Поспешность, с которою пишет он [Шаховской] для сцены, *опереживает* отделку стихов и правила языка... (Бестуж.-Марлинск., Взгляд на стар. и новую словесность в России). Болезнь моя совершенно одна с твоею, только что нет таких сильных пальпитаций, как у тебя, потому что я не *отравливаю* себя водкою, как ты (письмо Чаадаева брату, 1823). Все существительные уже высказаны; нам остается заново *оттенивать* их прилагательными (Вяземск., рец. на „Сочин. в прозе“ Жуковского, 1827). Бледность, худоба и старость... *разрушивали* гармонию между чертами довольно правильными и остроумным выражением (Лерм., Кн. Лиговская, 1836). Маленькие кулички-песочанки со свистом *перелетывают* вдоль каменистых берегов... (Тургенев, Ермолай и мельничиха, 1847).

Есть, однако, ряд случаев, когда, в соответствии нынешним образованиям на **-ива-**, **-ыва-**, выступают в языке писателей первой половины XIX века формы с **-я-**, **-а-**:

Казалось, некий бог меня *остановлял*... (Батюшк., Элегия из Тибулла, 1815). ...Коня пред ним *останавляет*... (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828). ...Здесь по сугробам тень лесная Не

протягается вовек (Кюхельб., К брату, 1819). Вот дождик начал *накрапать* (Крыл., Цветы, 1816). ...Спесивое педантство, *оценяющее* произведения искусства на вес... (Вяземск., Извест. о жизни и стих. И. И. Дмитр., 1823). *Захлипаясь* от слез и рыдания, духовенство прерывало священнодействие (Карамз., Ист. гос. Росс., X, 1824). Беду ль бедами *излечать*? Права ль неправдой водворять? (Бестуж.-Марлинск., Андр., князь Переясл., 1828). Кибитка тихо подвигалась, то въезжая в сугроб, то *обрушаясь* в овраг... (Пушк., Кап. дочка, 1833—1834). Арбы, запряженные волами, *перегорожали* дорогу (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). ...Они не постигали, что слава подвига *оценяется* большим или меньшим количеством средств, употребленных на предприятие... (Д. Давыд., Занятие Дрезд., 1836). Роман Фредерики Бремер... местами страшно *наскучает* (Белинск., VII).

§ 3. Формы типа *обязуюсь*.

Из старинного употребления, допускавшего при основах на **-ыва-** от некоторых глаголов формы настоящего времени на подударное **-у-**, в современном языке сохранились немногие: *обязу́юсь*, *противопоказу́ется*. Количество таких глаголов, употреблявшихся по преимуществу в поэтическом языке первой половины XIX века, больше. Некоторые из них как архаизмы заходят и в позднейшее время:

Меня *связу́ет* с вами Лада Узлом родительской любви (Восток., Светл. и Мстисл., 1802). Издревле сладостный союз Поэтов меж собой *связу́ет*... (Пушк., К Языкову, 1825). ...За искренний союз, *Связу́ющий* Моцарта и Сальери, Двух сыновей гармонии (Пушк., Моц. и Сальери, 1830). Один язык *цветами*[1] говорит: Он прелести весны *живопису́ет*... (Шевырёв, Звуки, 1827?). ...Так и о ней воспоминанье *Живопису́ется* в мечтах... (Вяземск., Саловка, 1829). Перст *указу́ет* на даль... (Дельвиг, Надп. на стат. Флорент. Меркурия, 1820). Ты рек: я миру жизнь дарую, И также смертью *наказу́ю* (Пушк., Подр. Корану, IV, 1824). Прости, наставник и пророк, Я с укоризной *указу́ю* Тебе на лавровый венок (Баратынск., К***, 1827). Я *указу́ю* Тебе последний долг (Пушк., Полт., 1829). Поэт великий не должен быть так долго *наказу́ем* За то, что он и чище нас и лучше (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Но нет... Не *испыту́й* меня напрасно. Я не могу открыться (Кукольник, Джулио Мости, 1836).—Ср.: „Ты мирно скажешь: „Это сон, Дар *испыту́ющего* неба...“ (Язык., Бар. Дельвигу, 1828—1829).

§ 4. Глагольный суффикс *-ну-*.

У ряда глаголов с инфинитивом на **-ну-**, для которых теперь правилом является опущение этого **-ну-** в прошедшем времени изъявительного наклонения и в причастии прошедшего времени

[1] Курсив — Шевырёва.

активном, язык первой половины XIX века, особенно стихотворный, свободно употреблял формы без такого опущения (рядом с установившимися теперь). Ср.:

...*Воскреснули* поля: цветет лазурный свод (Жуковск., Гимн, 1808). Ужель *иссякнули* всех радостей струи? (Жуковск., Вечер, 1806). Роза *поникнула* Пышной главой, Листья *поблекнули*... (Жуковск., Песня, 1808). Воззвал... безответен... *угаснула* сила (Жуковск., Песнь араба над мог. коня, 1810). Дней новых Прометей, *Угаснул* император В неволе на скале (Жуковск., Четыре сына Франции, 1849). *Погаснул день*! И тьма ночная своды Небесные как саваном покрыла (Лерм., Смерть, 1830). Когда средь оргий жизни шумной Меня *постигнул* остракизм... (Пушк., 1822)[1]. *Исчезнули* бесплодные года... (Баратынск., Последн. смерть, 1828). *Исчезнули* при свете просвещенья Поэзии младенческие сны... (Баратынск., Последн. поэт, 1835). *Отвергнул* он обряд чужбины... (Лерм., Изм.-бей, 1832). В царствование Рамзеса Великого, или Сезостриса, Египет *достигнул* высшего политического могущества... („Моск. телеграф", № 3, 1834). Шиллер особенно глубоко *постигнул*... трагическую сторону жизни... (Белинск., Стих. Ап. Майкова, 1841). ...И вот, на верх Горы взбежав, он хижины *достигнул*... (Жуковск., Маттео Фальконе, 1843).

Как редкое образование отметим у Вяземского (письмо к А. И. Тургеневу, 1826): „Право, приезжай, когда от сердца *отлегнет*..."

Значительно реже противоположные случаи — формы без **-ну-**, где в настоящее время употребляются только формы с ним:

Когда, воспрянув ото сна, Воздвиглась обновясь Эллада И *вспыхла* чудная война... (Кюхельб., К Вяземскому, 1823). *Вспыхла* брань полков воздушных! (Кюхельб., Кассандра, 1822—1828). ...Неистовый вой поднялся за тиуном, Печора бросается в бой! Разбойники *дрогли* — назад!.. (Кюхельб., Кудеяр, 1833). ...И *вздрогли* основанья града... (Кюхельб., Кассандра).

Ср. и причастие:

„Чуть *неутопшая* Собака тут узнала О глупости своей..." (Филимонов, Тень, 1819—1822).

Необычное образование имеем в:

„О нет! я б нет! я б не решился *проклянуть*..." (Лерм., К***).

§ 5. О некоторых синтетических формах будущего времени совершенного вида.

Можно отметить отдельные случаи, когда авторы изучаемого времени образуют синтетические (цельные) формы будущего

[1] В языке Пушкина, наряду с формами нынешнего типа, Е. Ф. Будде, Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, Сборн. Отдел. русск. яз. и словесн., 1904, отмечает (стр. 150 и след.): исчезнул, умолкнул и под., низвергнул, потухнул, приникнул и под., засохнул, погаснул, померкнул, воскреснул, утихнул, настиг. ул и под., распухнувшее, привыкнул.

времени совершенного вида страдательного залога, в наше время заменяемые аналитическими:

Остается узнать, *раскупится* ли хоть один экземпляр печатный — теми, у которых есть полные рукописи (Пушк., письмо брату, 1824). *Закроются* глаза мне чуждою рукой (Гнедич, Танкред, 1809). Я готовлю к нему „Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны". *Припечатаются* и „Разбойники", ради составления книжечки (Вяземск. А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх., III). Если *напечатается*, то, разумеется, пришлю (там же). Часть моего возражения переводится теперь на немецкий и, вероятно, здесь *напечатается* (А. И. Тургенев Вяземскому, 1827, Остаф. арх., III). Единственный акт, коим король Антон ознаменовал первый день правления в своем манифесте, есть объявление в оном, что государственная печать остается та же, пока новая не *сделается* (там же). ...Введет, введет меня в их круг священный, Их *окружусь* блаженною толпой... (Кюхельб., Давид, 1829). ...К какому-то купцу, к которому тогда *вышлется* тебе письмо... (П. Киреевский Языкову, 1833). И в самом деле, и там, где ты педантствуешь или описываешь какой-нибудь itinéraire, все *выпечатается* что-то тургеневское (Вяземский А. И. Тургеневу, 1833, Остаф. арх., III). Если когда-нибудь... подобная переписка *произведется* на сем основании, я непременно потребую патента на изобретение (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836). Это вам задаток той мучительной жажды, которою *накажетесь* в джегеннеме (там же). Могила милосерднее ее [старости], на могиле *напишется*: „здесь погребен человек"... (Гоголь, Мертв. души, I, 1842).

§ 6. О некоторых глаголах несовершенного вида.

У нескольких глаголов формы настоящего времени не совпадали с нынешними по значению. Такими вышедшими из употребления формами, получившими значение будущего (совершенного вида) являлись, напр., из более употребительных глаголов:

Кончить:

Кончу здесь длинное свое письмо. Оно тебе наскучило, верю... (Вяземск., письмо Батюшкову, 1810). *Кончу* здесь равняется „оканчиваю" (наст. время).

Кончится — „кончается, оканчивается":

Зачем сей создан мир? кто правит им и как? Чем *кончится* земля? где гордый Нил родится? (Батюшк., Странствователь и Домосед, 1815). ...Где *кончится* поверхность озера, там начинаются крепкие стены замка (Жуковск., Предисловие к „Шильонскому узнику", 1822). К оному [первому спряжению] относятся *кончащиеся* на **-ать**, следующие глаголы... (Греч, Русск. грамматика, 1827).

Паду в значении настоящего времени — „падаю":

Твой кающийся сын *падет* к твоим ногам... (Озер., Эдип в Афин., 1804). Чтоб умолить тебя, *паду* к ногам твоим... (там же).

Как звери вторглись янычары... *Падут* бесславные удары — Погиб увенчанный злодей (Пушк., Вольность, 1817). ...И сердце, сжатое боязнью и тоской, Слабеет и *падет* под мыслью роковой (Вяземск.,Осень, 1830).

Решу (ср. совр. *решаю* и буд. вр. соверш. вида *решу*):

Иоанн во все входит, все *решит* (Карамз., Ист. госуд. Росс., IX). ...В неистовом жару, законов власть клянет; Лорнетом, как жезлом, *решит* судьбу вселенной... (Филимонов, К Д. А. Остафьеву, 1812—1822). В одно мгновенье верный бой *Решит* удар его могучий... (Пушк., Кавк. пленн., 1821). Ах, милый, слышишь обвиненье, не слыша оправданья, и *решишь*: это Шемякин суд (письмо Пушкина Вяземскому, 1826).

По поводу этой формы среди заметок Пушкина есть такая: „У нас многие (между прочим и Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: решаю, решаешь, решает — решаем, решаете, решают вместо решу, решишь и проч. Решу спрягается, как грешу". Пушкин правильной считал старинную форму.

Отметим и глагол **забавить**, который существовал в употреблении первых десятилетий XIX века в значении несовершенного вида:

Век целый публику *забавил* И никого не *забавлял* (Вяземск., Эпиграмма, 1815). Я не рожден царей *забавить* Стыдливой музою моей (Пушк., Ответ на вызов написать стихи в честь импер. Елис. Алекс., 1818). *Забавить* прихоти чужие Для пропитанья мы должны (Баратынск., Цыганка, 1842).

§ 7. О некоторых залоговых образованиях.

Среди залоговых образований у авторов первой половины XIX века нередки случаи, отступающие от позднейшего употребления. Одни из них представляют грамматические факты, законные для своего времени и позже вышедшие из практики, но есть и такие, которые надо квалифицировать как вольности или погрешности в отношении нормы и своего времени.

К первой категории относятся, напр.:

1. **Виднеть** — „виднеться":

...И где б всего созданья бытие, Разверзшися, *виднело* предо мною... (Соколовск., Хеверь, 1837). Уже теперь причина тех страданий, Как на горе поднятой с утра знак, *Виднеет* мне... (там же). Далече *виднеют* по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков (Гоголь, Мертв. души, I, 1842).— „Словарь русск. яз.", Акад. наук, I, 1891, не оговаривает форму *виднеть* как устарелую.

Загореть — „загореться":

Я весь затрепетал — И *загорел* желания пожаром! (Соколовск., Хеверь). ...Когда он [отлив луны] светлой полосою Лежит над спящею водою И листия дерев как будто серебрит, В моей душе всегда так сильно *загорит* Любовь к высокому... (Мятлев,

Лунн. ночь). ...И нежная мечта во взорах *загорела* (Ростопчина, Милее прежнего, 1841). ...И много есть вновь *загоревших* И мыслей и чувств на душе! (Молчанье, 1848).

Помолвить — „помолвиться“:

Каллисты не было уже на свете: супруг ее, еще не скинув траура, *помолвил* на другой, и ровно через год обвенчался (Карамзин, Чувствит. и Холодн., 1803).

Прислушивать — „прислушиваться“:

...*Прислушивая* волн однообразный шум... (Батюшк., Послан. И. М. Муравьеву-Апостолу, 1815). *Прислушивать,* о Волга величава! Глас поэтический твоих священных волн! (Вяземск., Вечер на Волге, 1821). — Ср. *прислушивать* ещё в Акад. словаре 1869 г.

Пришло и под. — „пришлось“:

Что слово скажут не по-русски, а няня Василиса тут с носом, так что от няни Василисы *приходит* хоть в петлю (Крыл., Урок дочкам, 1807). Кони измучились, и кучер как ни бился, *Пришло* хоть стать (Крыл., Муха и Дорожные, 1808). Но если эта страсть выходит из границ: То верь, мой друг, *придет* с веселием проститься... (Загоскин, Благородн. театр, 1828). Чтоб худо не *пришло,* Убраться поскорей! (там же).

С окраской народной речи:

„Харитон: Пожалуйте... Викул: Не что, *пришло* допить! (Выпив, кланяется и, обернув чарку, ставит на поднос)“. (Плавильщиков, Сиделец, 1804).

Распорядить, распоряжать — „распорядиться, распоряжаться“:

Он сам *распорядил,* и я слышал на сей счет любопытную его шутку (И. М. Долгорук., Журнал путеш. из Москвы в Нижн., 1813 г.). ...Одежду на себе *распорядить* печется... (Мерзл., Сцены из траг. Еврипид. Гекубы, изд. 1825 г.). Как истинный делец, успел уже за сутки Вперед *распорядить* явленье пирога... (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). Вино и брага приметно *распоряжали* их словами и мыслями (Лерм., Вадим, ок. 1832 г.). Он [Джон Ди] *распоряжал* представленьем одной Аристофановой пьесы („Библ. для чтения“, XIV, 1836). Амур *распоряжает* пляской... (А. Д. Илличевск., Три слепца).

Слезить:

Он вежды матери *слезящие* смежит! (Мерзл., Сцены из траг. Еврипид. Гекубы, изд. 1825 г.). Ср. и в поэме Т. Шевченка „Тризна“ (1844): „...Он подымал *слезящий* взор На красоту святой природы“. — Акад. словарь 1869 года *слезить* сопровождает ссылкой только на церковнославянский текст.

Совещать — „совещаться“:

О мерах *совещать* спешу я к Менелаю (Озер., Поликсена, 1809).

2. **Воображаться** — „воображать себя“:

Воображаясь героиной Своих возлюбленных творцов..., Татьяна в тишине лесов Одна с опасной книгой бродит... (Пушк.,

Евген. Онег., III, 1824). — „Словарь русск. яз." Акад. наук, 1891 г., форму *воображаться* не отмечал как устарелую.

Миноваться — „миновать":

Довольно, сокройся, пора *миновалась*... (Пушк., Туча, 1835). ...Но когда *миновалася* буря... (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841).

Остриться — „острить":

...И в старину над этим *острились* (Пушк., Крит. заметки). Но не *острись*! Приемля вчуже боль, Мы чувствуем, твои читая шутки, Как на руке, над ними мучась сутки, Тугим пером ты натрудил мозоль (Вяземск., Эпигр., 1825). Гусар крутит свои усы, Писатель чопорно *острится* (Баратынск., Бал, 1825 — 1828). Князь П. И. бранился, *острился*... („Моск. телеграф.", XXIX, 1829, № 19, стр. 368). ...Низор создает Федру, характер, не оправдываемый никаким свидетельством, и потом *острится* над этим характером (Сенковск., Эпохи упадка словесностей, 1834).

Примыкаться — „примыкать":

...Во все пространство двора вдоль оного возвышался решетчатый забор, отделяющий двор от сада, и *примыкался* к небольшому деревянному домику... (Нарежный, Аристион, 1822).

Реяться — „реять":

Так в туче *реются* огни... (Язык., К Пельцеру, 1828).

Скакаться — „состязаться в скачке":

Потом казацкие офицеры часто *скакались* на лошадях, и предлагали и мне испытать быстроту моего Алкида против их лошадей (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836).

Трепетаться — „трепетать":

Не *трепещися* так; не будь, мой друг, упрям; Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать (Крыл., Кошка и Соловей, 1823).

К категории ошибок надо, повидимому, отнести:

Не всех *беснующих* людей Бог истребил в Тивериаде... (Пушк., На А. Н. Муравьева, 1831). — Ср. у него же: „Не думай, цензор мой угрюмый, Что я *беснуюсь* по ночам, Объятый стихотворной думой" (Моему Аристарху, 1813). — Но чувство презрев, он *доверил* уму; Вдался в суету изысканий... (Баратынск., Приметы, 1840). Иль то капли дождевые *Зачинающей* грозы? (Тютчев, 30-ых годов). Горячий капал жир в копченое корыто, И *лопал* на огне печеный ростовщик (Пушк., неизв. года). — „Камень лопает" как погрешность у Бенедиктова отмечал Белинский („Стихотворения Владимира Бенедиктова", 1835). ...Задумчиво глядим с полудороги На спутников, *оставших* позади... (Жуковск. Тургеневу, 1813). Сомнительно, чтобы здесь была опечатка вместо „отставших". И вот под острою пилой Скрипит железо; *Распадает,* блистая, цепь... (Лерм., Кавказск. пленник, 1828)[1]. ...Чутким ухом Припав к *растреснувшей* земле,

[1] Ср. В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, изд. 2 вып. 2, 1915, § 37.

Чему-то внемлет жадным слухом (Тютч., Безумие, 30-ых годов.) ...И станешь ты средь жизненных полей Все с каждым днем *свежеться* веселей, Могучего владыку восторгая (Соколовск., Хеверь).

§ 8. О формах повелительного наклонения.

Немногочисленны иногда встречающиеся у авторов изучаемого времени отклонения от принятых теперь форм повелительного наклонения.

Так, изредка в стихотворном языке разрешаются отпадения конечного гласного при двух согласных:

Молвь имя злодея и в миг (Кюхельб., Рогдаевы псы, 1824). Раз!.. Господи, скорей *дополнь* Меж смертию и жизнью промежуток!.. (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Наоборот, в стилизованной речи возможно в неударяемом положении и окончания. В. Чернышёв, Правильность и чистота русск. речи, II, 2 изд., 1915, стр. 312, приводит в качестве примеров: „*Увековечи* песнь нетлением своим" (Батюшк., Отрыв. из „Освобожд. Иерусалима", 1808) и „*Настави* грешных нас" (Пушк., К другу стихотворцу, 1814). — Ср. ещё: „*Восстани! Восстани*, праведный, на суд!" (Ф. Глинка, Псал. 34-ый, 1829). „Ты, воин, *встрети* день счастливый: Победой выкуплен твой плен" (Вяземск., Русск. пленн. в стенах Парижа, 1815). Раздоры изжени, *восстави* власть закона... (Мерзл., Сцены из траг. Еврипида Ифигения в Тавриде, изд. 1825 г.).

Что касается „...Как мысли черные к тебе придут, *Откупори* шампанского бутылку..." (Пушк., Моцарт и Сальери, 1830), то здесь, возможно, Пушкин глагол *откупорить* произносил с ударением, отличающимся от нашего.

Форму, которая ожидалась бы как нормальная, см., напр., у Жуковского в „Одиссее" (III): „Им Ты двенадцать наполни амфор и амфоры *закупорь*". *Откупори*, однако является формой, принятой и теперь.

Повидимому лишь случайное отклонение представляет:

„Ты *слади* эту свадьбу, а я приеду в отцы посаженые" (Пушк., письмо жене, 1835).

У Кукольника („Джулио Мости", 1836) находим любопытное образование: „Эту грудь разбей надвое, И на каждой половинке Змеем-аспидом *прилягь*...", образование, в котором выпадающая из системы форма повелит. наклонения *приляг* получила характерное смягчение даже вопреки особенностям русской фонетической системы. — Народную форму *ляжь* встречаем в „Старице-пророчице" А. И. Одоевского (1829).

Крылов пользуется вышедшею впоследствии из употребления формою повелительного наклонения **(не) моги**: „Бессильному не смейся И слабого обидеть *не моги*" (Лев и Комар, 1809).

Вместо правильной литературной формы **пои** к *поить* у поэтов встречаются: „Потом медвяною росой Пчелу работницу *напой*"

(Жуковск ., Летн. вечер, 1818). „Катись, Гайдарь, и *пой* водою Брега, счастливые тобою!“ (Кольц., К реке Гайдаре, 1830).

Как редкую форму, но образованную правильно (глагол *поскучить*), упомянем: „...И потому не *поскучьте* моим письмом...“ (Н. Бестужев, письмо родным, 1837).

От глагола *выйти* в просторечии употребляется форма повел. наклонения *выдь*; ср., напр., в „Русалке“ Пушкина: „...И *выдь* ему навстречу“. Белинский (отзыв о „Параше“ И. С. Тургенева, 1843) неправильно пишет контаминированное *выйдь*, употребляя эту форму в качестве условного наклонения: „Другие, может быть, станут благоразумно рассуждать, что *выйдь* Параша, вместо Виктора, за человека с душою возвышенною, сердцем страстным и проч., — она не утратила бы благоухания души своей...“

К просторечию же относится и *подь*:

„...Что скажешь? *Подь* поближе; что прикажешь?“ (Пушк., Сказка о золот. петушке, 1834).

§ 9. О формах *хочем, хочете*; *бежат*.

В спряжении настоящего времени у писателей изучаемой эпохи нет ничего примечательного. Обращают на себя внимание только формы *хочем, хочете* вместо *хотим, хотите*, которые употребляются, напр., Вяземским, Бестужевым-Марлинским, Пушкиным, Лажечниковым, и *бежат* у Пушкина.

Мы веком отстали от Европы и непременно *хочем* проходить все ее следы (письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1820). Мы видим, что изменяются нравы, права, обычаи, народы,— и *хочем* навечно ограничить улетученную мысль — слово! (письмо А. Бестуж.-Марлинск. Н. А. Полевому, 1833).

У Пушкина:

„Зависим мы от первого холопа, Которого *захочем* наказать“ (Бор. Год., 1825—1830); но там же „...Но не *хотим* тревожить ныне их“.

Пушкин 3-е лицо множ. числа от глагола *бежать* в стихотворении „Наполеон“ (1821) образует по 2-му классу: „*Бежат* Европы ополченья“. В других случаях у него, однако, *бегут*; ср.: „...Вдруг падут, Как лани, землю поражают, Равнину пылью покрывают И с дружным топотом *бегут*“ (Кавк. пленник, 1821).

§ 10. Инфинитивы.

Из морфологических явлений, характерных для инфинитивов, заслуживают быть отмеченными:

1. Более широкое, чем теперь, употребление, главным образом, форм на **-ть** от глаголов, которые обычно выступают с подударным **-ти**; ср.:

...И коль захочешь силой Отсель меня извлечь, на свой корабль *пренесть* И с торжеством в Аргос Невольницею *весть*...

(Озер., Поликсена, 1809). ...Зевоту можно *произвесть* Поэмой длинной, громкой одой (Баратын., К-ву, 1822). ...Утратить жизнь — и с нею честь, Друзей с собой на плаху *весть*... (Пушк., Полт., 1828 — 1829). И снова будет все, что есть, И снова розы будут *цвесть*, — И терны тож... (Тютчев, 30-ых годов).

Ср. и: „...Но до того еще так далеко, что у твоего сына успеет борода *вырость* длиннее твоей" (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832).

2. У Крылова выступают диал. формы на **-чи**:

...Коль хочет *сберечи* именье и невесту (Лентяй, 1803—1805). Ну, смучил! так вели ж других *впрячи* скорей! (там же). ...А дома *стеречи* съестное от мышей Кота оставил (Кот и Повар, 1812—1813).

3. Глагол **итти**, особенно в префиксальных формах на **-ся**, получает при себе ещё наращение **-ть-**:

Он окружен ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которых он презирает от всей души, но без них *обойтиться* не может (Батюшк., Прогулка по Москве, 1811—1812). Мы почти ни одного [представления] не пропускали, потому что, кроме его, некуда ни *итить*[1], ни ехать, когда ряды затворятся (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Из всех сих забав мне случилось *зайтить* на одну кукольную комедию (там же). ...Не *разойтиться* ль полюбовно? (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828).

4. Глагол *простереть* обычно выступает в форме **простерть**:

Ах, руки мне к кому просительны *простерть*! (Озер., Поликсена, 1809). ...Гибель Абдул-Мусселима, который дерзнул *простерть* руку на мое сокровище! (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Конечно, я ее прощаю. Но не так, чтобы после двадцатишестилетней разлуки, при седых волосах, мне *простерть* к ней объятия и пропищать: „Приди, моя супруга!.." (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837).

§ 11. О некоторых образованиях причастий страдательного залога.

Писатели первой половины XIX века иногда образуют формы причастий страдательного залога, чаще всего так называемого „настоящего" времени (несовершенного вида), от глаголов, не управляющих в активной форме винительным падежом (непереходных). Ср.:

Если ты уступишь мне Эстонию, *угрожаемую* Сигизмундовым властолюбием... (Карамз., Ист. гос. Росс., XI, 1824). ...Среди цветов, *Не угрожаемых* зимою хладной... (Кюхельб., Давид, 1829). Он воображал отца... *угрожаемого* каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных (Пушк., Дубровск., 1832). ...*Предшествуем* хоругвями святыми... воздвижется (Пушк., Бор. Годун., 1825—1830). Горницу знаю, в которой доспехи, из

[1] Орфография — И. М. Долгорукого.

этой палаты Взятые, кучею склал Одиссей, *помогаемый* сыном (Жуковск., Одисс., XXII, 1842—1849). Мало-помалу дух мятежа, *грозимого* карою, проник и в край давно покоренный — Дагестан (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). ...Их шумной толпою *следимая* скоро к палатам Царским пришла Дамаянти (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841). Лишь дикая сова, таясь под древним сводом Той башни, сетует, *внимаема* луной, На возмутившего полуночным приходом Ее безмолвного владычества покой (Жуковск., Сельск. кладб., 1802). ...А сам велел писать в военную коллегию рапорт о разрешении мне принять в *командуемый* мною полк беспоместного дворянина Сидора Беспалого (Нарежный, Аристион, 1822). Препроводи(л) к нему 1000 рублей для награждения нижних чинов *командуемой* им роты (Д. Давыд., Матер. для истор. соврем. войн, I). *Взмахнутый* кинжал останавлялся на воздухе... (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Но дар отрадный песнопенья *Отказан* духу моему... (Язык., Когда б парнасский повелитель, 1823—1829). Напрасно до поту лица О славе Фофанов хлопочет: Ему *отказан* дар певца... (Баратынск., К-ву, 1822).

Из приведённых примеров часть относится, однако, к случаям старинного управления винительным падежом, позже вытесненного другими конструкциями; ср. *внимать кого-либо* (позже — *кому-нибудь*), *следить кого-либо* (позже — *за кем-либо*) и под. К *взмахнутый* ср. у Марлинского же („Замок Нейгаузен", 1824): „Ромуальд взмахнул *кинжал*..."

Наряду с принятыми теперь формами причастий страдательного залога от глаголов *колоть, молоть,* в практике писателей первой половины XIX века встречаются и формы с суффиксальным **-н**: „К груди твоей, Эмма, *Приколон* букет" (Полеж., Букет, 1829). „...Защиту Меди пробивши, *расколонный* череп копье просадило" (Жуковск., Одисс., XXIV, 1842—1849).

Греч в „Чтениях о русском языке", II (1840) правильными формами признаёт только нынешние литературные: „Заметьте, сударыни, что не говорят: пальчик *уколон*, должно говорить: *уколот*".

§ 12. О причастиях и деепричастиях сослагательного наклонения.

В нескольких случаях в изучаемое время можно отметить формы сослагательного наклонения (аналитические — при помощи частицы **бы**) от причастий.

Такие формы причастий прошедшего времени активных в большом числе встречаются у Гоголя. Довольно длинный список их даёт А. А. Потебня в своём труде „Из записок по русской грамматике", II, изд. 2, Харьк., 1888, стр. 281.

Ср.: Спит ум, может быть *обретший бы* внезапный родник великих средств (Мертв. души). Так погиб... бедный Пискарев... носивший в себе искру таланта, быть может, со временем *бы вспыхнувшего* широко и ярко (Невск. просп.), „Знаем мы вас

всех", думал про себя... Пирогов, уверенный, что нет красоты, *могшей бы* ему противиться (там же). Боже! и погубить так безжалостно лучшие годы своей юности; истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, *развившегося бы* теперь в величии и простоте, может быть, так же *исторгнувшего бы* слезы изумления и благодарности! (Портрет, 1835—1842).

В „Тарасе Бульбе": „Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет казак, *желавший бы*, чтобы вся жизнь его была молодость".

Очень редки случаи подобных деепричастных форм: „Чрез это Наполеон, *выпутавшись бы* из сетей, расставленных ему фельдмаршалом при Тарутине, открыл бы себе беспрепятственный путь к Днепру..." (Д. Давыд., Дневн. партиз. действий 1812 г., 1820—1822).

Отметим единичный редкий случай, когда примету сослагательного наклонения получило прилагательное определение: „Забвенье... Бессильный, обманчивый звук, *Понятный бы* только в могиле" (Подолинск., Забвенье, 1836).

§ 13. Формы причастий с аффиксом *-сь*.

Современный язык не допускает в формах причастий замены конечного аффикса **-ся** сокращённым **-сь**. Хотя и не часто, такое сокращение в произведениях приподнятого стиля допускал стихотворный язык первой половины XIX века.

Примеры:

У нас в земле найдут могилу Враги, *гордившиесь* над ней (Катенин, Мстислав Мстиславич, 1819). Идоменея увидев *несущегось* полем... Крикнули разом трояне... (Гнедич, Илиада, 1829). Бога, покрытого пóтом, находит в трудах, пред мехами Быстро *вращавшегось*... (там же). ...Струей ветерок перелетный... Туман и камыш взволновал, и рябью подернул *Дымящиесь* воды... (С. Аксак., Рыбачье горе, 1829). Все над шатром носили сизые крылья Робкую птицу, *вьющуюсь* быстро кругами (Катенин, Гнездо голубки, 1836). ...Глазами молча провожала Среди блистательного зала Пред нею *вьющиесь* четы (Баратынск., Цыганка, 1842).

§ 14. Деепричастия „настоящего" времени.

В литературном языке первой половины XIX века деепричастные образования богаче по количеству типов и шире в отношении их продуктивности.

1. Так, в языке поэзии встречаются односложные деепричастия на **-я** („настоящего" времени):

А те, которые в живых, Такой же части *ждя*[1], чуть бродят полумертвы (Крыл., Мор зверей, 1809; вариант). Так лекарь Каратай

[1] Принятая редакция: „смерть видя на носу".

в аптеке рассуждал, Где Курца *ждя*, свой гнев оржатом[1] усмирял... (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815). О нем, крылами *бья*, гласит, Встревожась, петел мне домашний (Милон., К сестре моей, 1812). Мрачный вал Плескал на пристань, ропща пени И *бьясь* о гладкие ступени... (Пушк., Медн. всадн., 1833). — Ср.: „Вздымалися седые волны И рассыпались с ревом в прах, *Бия* о брег казачьи челны" (Рылеев, Смерть Ермака, 1822).

2. Глаголы на **-ну** деепричастий „настоящего" времени не образуют. Орфоэпичность формы *кляня* поэтому некоторыми (напр., А. А. Шахматовым) оспаривается. В первой половине XIX века эта форма обычна:

...*Кляня* злодействие, стремлюсь на преступленья (Озер., Эдип в Аф., 1804). ...*Кляня* охоту видеть свет, Поплелся коекак домой без новых бед (Крыл., Два голубя, 1809). Я, рассердясь и жизнь *кляня*, Готовил им ответ громовый... (Гриб., Горе от ума, 1824). Участь горькую *кляня* И беднея день от дня... (Мятлев, Скрипка). ...И выбегал от нас, *клянясь* всем на свете не приходить никогда (Достоевск., Неточка Незванова, 1849).

3. От глаголов с основой, оканчивающейся на велярные и шипящие, с которыми чередуются в инфинитиве **з**, **с**, **х**, деепричастия „настоящего" времени (на **-я** или **-а**) не образуются. Не образовывали их и в первой половине XIX века. Обращает на себя поэтому внимание как необычная форма *пиша*, которую употребляет Белинский: „[Известность], ...какою он [Основьяненко] пользуется на Руси, *пиша* по-малороссийски" (Литературная хроника, 1838). „*Пиша* статью, перечитывал его [письмо], особенно одно место" (из письма Боткину). „...Карамзин должен был, *пиша* историю, еще заниматься историческою разработкою материалов" (Сочин. Ал. Пушк.).

Эта вольность Белинского тем примечательнее, что он сам указывал, впрочем, несколько позже, на необходимость подчиняться языковой практике даже и тогда, когда под её требования трудно бывает подвести логические основания.

Белинский писал: „Шишков не понимал, что кроме духа, постоянных правил, у языка есть ещё и прихоти, которым смешно противиться; он не понимал, что употребление имеет права совершенно равные с грамматикою и нередко побеждает её вопреки всякой разумной очевидности", и в качестве примера такой „прихоти" языка приводил образования русских деепричастий: „Например, что может быть лучше слова *иже* — оно и коротко и выразительно; а между тем мы заменили его длинным и неуклюжим словом *который*. Почему так? — Нет ответа на этот вопрос! Почему можно сказать: *говоря речь, делая вещь*, а неловко сказать: *вия шнурок, пия* или *пья воду, тяня веревку*? (Рец. на „Сто русск. литер.", 1841).

Впрочем, свободой, которую в отношении этой формы разрешала грамматика, практически пользовался и Сенковский:

---

[1] *Оржат* — освежительный напиток.

...Они делают отвратительный солецизм, *пиша* — отличившийся изданною им книжкою; я говорю — *пиша*, потому что сказать такой мерзости они... на Руси еще не смеют (письмо трех тверск. помещ. к бар. Брамбеусу, 1837). Нежные ротики этих господ, изволите видеть, делают гримасу, *пиша* русское живое слово который! (там же).

4. Недостаточной свободе образования деепричастий „настоящего" времени на **-я (-а)** старались помочь, разрешая в качестве литературных народные формы на **-учи, -ючи**, особенно для тех глагольных основ, которые не имели принятых форм на **-я (-а)**. Востоков, напр. („Русск. грамм.", § 78), учил: „Деепричастие настоящего времени оканчивается двояко в первых двух различиях [типы: *читаю, вяжу*] и в некоторых примерах пятого, шестого и седьмого различия [типы: *рву, стыну, веду*]: на **я, жа, ча, ша, ща** и на **ючи** или **учи**, напр., чита́я, чита́ючи; бия́ бьючи́; пиша́, пишучи́. Второе окончание принадлежит особенно просторечию. В четвертом различии [тип—*воюю*] показано только одно окончание на **я**...; но глаголы сего различия, имеющие ударение в I лице на **ю**: *клюю́, кую́*, принимают деепричастие на **ючи́**: *клюючи́, жуючи́, куючи́*".

Практически, однако, этим разрешением писатели воспользовались мало, и такие формы в литературный обиход ни в своё время, ни после не вошли, за исключением некоторых, довольно немногочисленных слов.

Повидимому, обобщённое указание Н. Греча, Практ. грамм., § 246, примечание, относительно принадлежности окончаний **-учи, -ючи** просторечию и неупотребительности их „на письме и в возвышенном слоге" сыграло свою ограничительную роль. Замечу, кстати, что в § 245 этой же книги формулировка была менее решительна: „...полное окончание употребляется преимущественно[1] в изустном разговоре, в просторечии".

Из писателей, естественно, больше всего форм на **-учи, -ючи** у широко пользующегося просторечием И. А. Крылова:

...И, *озираючи* товарищей кругом, Дележ располагает (Лев на ловле, 1808). Задумчив бродит он, *скучаючи* постом (Котенок и Скворец, 1823—1825). ...И, *сберегаючи* хозяйский дом, Здесь под забором сплю (Две собаки, 1824). ...То Волка тут властна Овца, Не *разбираючи* лица, Схватить за шиворот и в суд тотчас представить (Волки и Овцы, 1833), и под.

Определёнными, относительно широко принятыми формами являются: **живучи** (к занимающим специальное место в системе русского глагола *живу*: *жить*), **идучи** (ср. *иду*: стар. *и-ти*)[2], не употребляемое без аффикса *-ся* **смеючись**:

Я уже ознакомил читателя с семейством г. Мартынова, в котором, *живучи* в Пензе, находил приятелей, друзей, почти родных

[1] Разрядка — моя. Л. Б.

[2] Можно догадываться и о влиянии **едучи**; ср.: „Она любит меня, думал Александр, *едучи* домой..." (Гончар., „Обыкн. история", 1847).

(И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). *Живучи* вблизи, я узнал все адские хитрости, которыми намостил он себе дорогу к супружеству (Бестуж.-Марлинск., Латник, 1830). ...Но так как, *живучи*, я был здоровьем слаб, То сам я областью не правил... (Крыл., Вельможа, 1835). Он [Александр] вспомнил, что, учась в университете и *живучи* в губернском городе, он не очень усердно посещал город (Гончар., Обыкн. история, 1847).

Она осматривала без изумления и стыдливости, *идучи* за крикуном напряженною, леопардовой походкою... (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834). *Идучи*, я придумал симфонию, которая увековечит мое имя... (В. Одоевск., Русск. ночи, VI, Последн. квартет Бетховена, 1831). „Что ж за важность, — думал он, *идучи* за ней, — что я пойду? ведь я так только...“ (Гончар., Обыкн. история). *Идучи* домой, он рассуждал о своем поступке... (там же).

Аминь! — сказал Гремин, *смеючись* (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). „Знаю, ваше сиятельство!“ возразил, *смеючись* Хвалынский (Греч, Черн. женщина, 1834). „Ха, ха! этак говорит всякой sans argent!“ — возразил *смеючись* Газар („Библ. для чтен.“, XIV, 1836). Кунат уверял *смеючись*, что я напрасно называю себя сибиряком, что, напротив, я азиятец (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836).

Другие встречающиеся случаи в большей или меньшей мере носят окраску слога народного или фольклорного:

Когда мавр пришел в наш родимой дом, *Оскверняючи* церкви порог... (Лерм., Баллада, 1830). „Приговорите ли мне жить — буду жить, *поминаючи* вашу правду; приговорите умереть — и то воля ваша! умру невинен. Аллах свидетель: я сделал, что мог“ (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Теперь Крюкина с дочерью служат по нем панихиды и оплакивают, *ревучи* день деньской на весь квартал (Даль, Пчел. рой).

К народному слогу, вероятно, восходит также сохранившееся до наших дней **играючи** с тем только различием, что в языке изучаемого времени оно ещё полностью сохраняет деепричастную функцию, теперь потускневшую и превратившуюся в чисто наречную:

То в руки белые берет, *Играючи*, топор тяжелой (Пушк., Полтава, 1828—1829). Взгляни: перед тобой *играючи* идет Толпа дорогою привычной (Лерм., Не верь себе, 1839).

Ср. и наречное **умеючи**: „Перенимать надо *умеючи*“ (Белинск., Бенефис Живокини).

Особняком стоят случаи вроде:

Рей, на котором спасались утопающие, порой виден был, всходя на валы, *мелькаючи* концом паруса... (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). ...На нем вода *блистаючи* дрожит... (Лерм., Вечер после дождя, 1830). ...И обе, *сидючи*, пустились вниз стрелой (Пушк., Подр. Данту, 1832).

§ 15. Деепричастия прошедшего времени совершенного вида.

Из окончаний прошедшего времени **-в** и **-вши**, хотя грамматика не запрещает второго, решительно преобладает первое. Карамзин, напр., и Пушкин, кроме возвратных форм, почти вовсе не употребляют окончания **-вши**. А. И. Тургенев в переписке с Вяземским высказывался против окончания **-вши** по псевдоэстетическим мотивам [1]; но, конечно, не они определили преимущественное употребление окончания **-в**. Уже грамматики Греча и Востокова характеризовали окончание **-вши** как по преимуществу просторечное. Повидимому, так дело, действительно, и обстояло, и, несмотря на относительно нередкие колебания в выборе форм, возобладала в конце концов более книжная. Ограничиваемся несколькими примерами форм на **-вши** того и другого вида у писателей:

...Он идет, а Мужик, *расклавши* огонек, Наудя рыб, изжарить их сбирался (Крыл., Рыбья пляска, 1828—1824). ...Что я солгал, *сказавши*, будто г-н Погодин дал средства г-ну Венелину напечатать его книгу... (Н. Полевой, „Моск. телеграф", XXIX, 1829). Я, *подошедши* к окну, увидел, что комнаты в главном корпусе дома освещены (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837). Там, *бежавши* от мира идей, искусств..., он хотел заснуть сном крота (Гончар., Обыкн. история, 1847).

Греч указывал (§ 247, примечание 72) как на неправильное образование — на форму деепричастия совершенного вида *войдя*. В языке писателей его времени, действительно, в употреблении почти исключительно **вошед** и под.; ср., напр.: „Переступив за незнакомый порог и *нашед* в новом своем жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение восемнадцати лет все было заведено самым строгим порядком" (Пушк., Гробовщ., 1830—1831). Характерно, однако, что, цитируя из „Северной пчелы" „*зашед* в последний раз...", Белинский форму *зашед* отмечает курсивом, как в это время уже устарелую („Северн. пчела" — защитница правды и чистоты русск. языка", 1845).

§ 16. Деепричастие прошедшего времени несовершенного вида.

В первой половине XIX века образования деепричастий прошедшего времени несовершенного вида, заменяемые после образованиями „настоящего" времени (собственно — формами со значением одновременности со сказуемым), ещё в полном ходу и представляют живую категорию книжной речи:

---

[1] „*Посвятившись* переменил я для того, что *вши* не должно впускать в слова; да и не нужно, ибо *посвятив* и чище, и короче: *обогативши* — также. С души прет от таких слогов" (12 июня 1822 г.). — Остроумно по несостоятельность этого аргумента Вяземский указал в своём ответе (18 июня 1822 г., Остаф. арх., II).

Я, Неман переплыв, узрел желанный край И, землю *лобызав* с слезами, Сказал... (Батюшк., Воспом., 1809). О, друг мой! *искав* изменяющих благ, *Искав* наслаждений минутных, Ты верные блага утратил свои — Ты жизнь презирать научился (Жуковск., Теон и Эсхин, 1815). *Разив* врагов на поле чести, От плена меч меня не спас (Милон., Освобожд. пленники, 1815). ...В рядах отечественной рати, Певец, по слуху *знавши* бой, Стоял я с лирой боевой И мщенье пел для ратных братий (Жуковск., Подробн. отчет о луне, 1820). В те времена феодализма, когда и законная власть ограждала себя рвами и башнями, как могли хищники завоеватели без каменных твердынь страшить других, не *трепетав* сами? (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). *Живши* неделю у воркуна дяди своего подле Риги, я всякий день зевал, как кремлевская пушка... (там же). Угадываю, что дело идет о том, что князь Дмитрий Владимирович обедал у нас сам-пять или сам-семь, *напрашивавшись* к жене во всю зиму (Вяземск. А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх., III). ...И наперед, *желав* его увлечь, О почестях искусно начал речь... (Соколовск., Хеверь, 1837). Как будто Диоген с зажженным фонарем, Я по свету бродил, *искавши* человека... (Давыд., 1837—1839).

Ср. и **быв** в соответствии современному „будучи" в составе аналитической формы: „Я не имела покоя ни днем, ни ночью, *быв принуждена* беспрестанно излагать свои мнения, наделять всякого советами, принимать меры и торжественно судить о происходящем" (Сенковск., Похожд. одной ревижской души, 1834). „Он вытаращил свои серые глаза, которые, *быв* хорошо *вытаращены*, величиною и видом равнялись двум старинным серебряным копейкам" (Сенковск., Предубеждение, 1834).

Характерно при этом, что формы деепричастий несовершенного вида прошедшего времени иногда употребляются в языке писателей начала XIX века как лишённые временно́го значения и обозначающие, подобно деепричастиям „настоящего" времени, одновременность со сказуемым. Ср. подобное употребление в украинском языке.

И только я могу Мамая встретить в поле И *мстивши* умереть (Озер., Димитр. Донск., 1807). Но, не *владев* собою, Не в силах учредить моих полков я к бою (там же). Могу ль часы терять, Агамемнона *ждав*? (Озер., Поликсена, 1809). Улис: ...И смерти сей желать я должен с ними вместе, Как гражданин прямой и так, как верный грек. Гекуба: Но, гражданином *быв*, иль ты не человек? (там же). ...Но, *бывши* тверд, идя решительным путем, Опять я, наконец, к моей стремлюся цели (Хмельницк., Воздушн. замки, 1818). Что волки жадны, всякий знает: Волк, *евши*, никогда Костей не разбирает (Крыл., Волк и Журавль, 1816). Давно, Полканушка, мне больно самому, Что, *бывши* одного двора с тобой собаки, Мы дня не проживем без драки (Крыл., Собач. дружба, 1815). Впрочем, имея право велеть своим нукерам изрубить кинжалами любого жителя Хунзаха... хан не смеет наложить никакой подати, никакой пошлины на народ...

Не *бравши* однако ж прямых налогов, ханы не отказываются от требования повинностей, освященных более силою, чем обычаем (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Не *знав* сих дел, крикливая толпа Почти всегда в суждениях слепа... (Соколовск., Хеверь, 1837).

Немало здесь и примеров, где возможно двоякое понимание значения деепричастия; ср. хотя бы: „Вам добродетельный не столько муж приятен, Как тот, кто кается, *быв* злобен и развратен“ (Озер., Эдип в Афин., 1804) или приведённый выше пример из Соколовского.

Колебания в сторону обобщения деепричастных форм несовершенного вида того или другого типа свидетельствуют о силе тенденции упростить первоначальную систему отношений, отказавшись от различения оттенков несовершенного вида, предшествовавшего времени сказуемого, и несовершенного, одновременного с ним. Потребность подчеркнуть предшествование нашла себе выражение в почти исключительном употреблении деепричастий прошедшего времени совершенного вида.

§ 17. Деепричастия прошедшего времени совершенного вида на *-я* после гласного.

Характерная для первой половины XIX века категория деепричастий прошедшего времени совершенного вида — образования на **-я** от глаголов, принадлежащих в будущем времени к типу — „окончание **-ю** с предшествующим гласным корня или суффикса“:

Лиса глядь, глядь, туда, сюда, Как будто совести *почувствуя* улику... (Дмитриев, Лиса-проповедн., 1805). ...Иначе как будете ценить поэзию, не *почувствуя* стройности речи, звучности выражений? (Бестуж.-Марлинск., Следствие вечера на Кавк. водах). А конь, весь в пене и пыли, *Почуя* волю, дико мчался... (Пушк., Полт., 1828—1829). У ворот покойницы уже стояла полиция и расхаживали купцы, как вороны, *почуя* мертвое тело (Пушк., Гробовщ., 1830). ...И невольно Вздрогнули все, как будто недоброе что-то *почуя* (Жуковск., Ундина, 1836). ...Убогой хижины они *развея* кров... Отторгли буйственно оратая от плуга (Крюковск., Пожарск., 1807). Вдруг, как ветерок *привея*, Лель ей на ушко шепнул... (Гриб., Молод. супруги, 1815). Тучи *развея*, ты озарил русское небо денницей (А. Одоевск., Василько, 1829—1830). Так, прошептала, и меня, Миг *полелея*, *полаская*, Так на погибель бросишь ты! (Баратынск., Эда, 1833). ...И к небу воспарил под радугой надежды, *Рассея* вечности туман (Полежаев, Венок на гроб Пушк., 1837). Ах, мне ли не купить бессмертья для него, *Пожертвуя* сей жизнью преходящей? (Ростопчина, Как любят женщины, 1841). Покуда, страсть *уразумея* Под лаской вкрадчивой резца, Ответным взором Галатея Не увлечет, Желаньем рдея, К победе неги мудреца (Баратынск., Скульптор, 1842). По жизненной реке веселыми брегами Плыви, любезный брат, не *испытая* бурь (А. Д. Илличевск., К брату).

Ср. и: „Теперь, *настроя* звуки лиры, Хочу послание писать...“ (Милонов, Послание в Вену к друзьям, 1818). „Свой слог на важный лад *настроя*, Бывало пламенный творец Являл нам своего героя Как совершенства образец“ (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). „...И даже ласковым не *удостоя* словом, Заговорит с другим — о балансере новом...“ (С. Аксак., Отрывок из 8 сатиры Буало, 1823) — к глаголам класса с приметой **-и-** в настоящем (будущем) времени глаголов.

Эти образования позже в большинстве вышли из употребления, уступив место формам на **-в**; но архаичность их ощущается не в одинаковой мере.

Наименее приемлемыми кажутся теперь образования, где окончание **-я** выступает за суффиксальным гласным: *почувств-у-я*, *испыт-а-я*, *уразум-е-я*, т. е. в категории, где могла особенно сказаться влиятельность продуктивных образцов на (*ов*)-*ав*, *-ав*, *-ев*.

Что касается редкого случая, встречающегося у Батюшкова (Отрыв. из XVIII песни „Освоб. Иерусал.“, 1808),—„Упал волшебный мирт и, бездны ад *закроя*, Ветр бурный усмирил и бурю в облаках...“, то его следует объяснить как возникшую в XVIII веке и не пошедшую далее аналогию к образованиям типа *почую — почуя*, *настрою — настроя* и под.

§ 18. Деепричастия прошедшего времени совершенного вида на *-я* (*-а*) после согласного.

Деепричастия прошедшего времени совершенного вида от глаголов с приметой **-и-** в настоящем — будущем времени в первой половине века ещё очень часто, чаще, чем теперь, оканчиваются на (графическое) **я** (после шипящих **-а**). Н. Греч оспаривал законность таких форм, считая правильными только формы на **-ив-** („Чтения о русск. яз.“, II, 45), но допускал их употребление при аффиксе *-сь* (*убоясь*, *возвратясь*) и в стихотворной речи.

Примеры из авторов:

Проза:

Исчисля заслуги Озерова, принесенные русскому театру, благодарность заставляет упомянуть и о том, что он... образовал актрису, которая на сцене нашей первая постигла тайну трагического искусства (Вяземск., О жизни и сочин. В. А. Озерова, 1817). ...А я — *оконча* дела, еду в Москву сквозь целую цепь карантинов (письмо Пушкина П. А. Плетневу, 1830). ...И, *отворя* дверь в сад, как стрела, пролетела по длинной каштановой аллее... (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836). *Получа* письмо свое обратно, отец мой послал его к дяде в Петербург (там же). Теперь, оглянувшись назад, *вспомня* время, когда... вились на моих плечах русые кудри, я с удивлением спрашивал самого себя: неужели это был я? (Масальск., Осада Углича, 1841).

Стихи:

Вскоча со стульев, Курц и мастер гробовой Мгновенно к лекарю свои простерли руки... (Шаховск., Расхищ. шубы, II, 1812),

Ты сам, *оставя* плуг, Придешь меня внимать (Батюшк., Странствователь и Домосед, 1815). ...Из дальних странствий *возвратясь*... (Крыл., Лжец, 1811—1812). Все предрассудки *истребя*, Мы почитаем всех нулями... (Пушк., Евг. Онег., II, 1823—1826). *Решась* кокетку ненавидеть, Кипящий Ленский не хотел Пред поединком Ольгу видеть... (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828). Тогда все кости, *оживяся*, Воскликнут... (Ф. Глинка, Псал. 34-й, 1829). ...*Схватя* чужой картуз, скорей оттоль бегом (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). *Услыша* суд такой, мой бедный Соловей Вспорхнул и полетел за тридевять полей (Крыл., Осел и Соловей, 1811). ...Как было мне всегда невыносимо, Мышленья взор в грядущее *умча*, Не видеть в нем ни одного луча... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...И вот пойдут губителей полки, И жертвы их под грозными мечтами Все упадут, болезненно *вскрича* И сжав рукой разрезы от меча! (там же).

Приложение.

§ 19. Замечание о нарушении супплетивных систем.

К имени существительному *человек* множ. число звучит *люди*. В первой половине XIX века в архаизирующем стиле допускалось *человеки*: „...Листьям в дубравах подобны сыны *человеков*...“ (Гнедич, Илиада).

К глаголу *класть* совершенный вид часто употребляется, особенно писателями старшего поколения,— не от корня *ложг* — *лог-*, а от того же *клад-*:

Ты говорила мне, что любишь вышивать И что, мой свет, сидеть не любишь, *склавши* руки (Гриб., Своя семья..., 1818). Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты Взятые, кучею *склал* Одиссей... (Жуковск., Одисс., 1842—1849).

Из литературы:

В. И. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, вып. 2.— Части речи, изд. 2, II, 1915.

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2, М., 1938.

Е. Ф. Будде, Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук, LXXVII, 1904.

Е. Ф. Будде, О поэтическом языке Пушкина. Библиотека великих писателей под редакцией проф. С. А. Венгерова. Пушкин, том V, 1911.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

УДАРЕНИЕ.

ГЛАВА I.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Основной источник наших сведений о литературном русском ударении первой половины XIX века — просодия поэзии этого времени. Нужно, однако, сличая показания, извлекаемые из стихотворного языка, с тем, о чём мы узнаём из современных грамматик, особенно из „Русской грамматики" А. Х. Востокова (первое издание — 1831 г.), с полной определённостью констатировать, что ряд ударений, принятых в стихотворном языке первых десятилетий, не совпадал уже и в это время с ударениями разговорной речи. Далеко не всё, однако, из черт архаических, сохранявшихся в языке поэзии, правильно было бы отнести на счёт книжного, церковнославянского влияния, значительно более слабого в разговорной речи господствующего класса. Если догадка о церковнославянском влиянии не лишена была бы оснований по отношению к таким явлениям ударения, как сохранение в ряде слов женского рода с винительным ед. ч., ударяемым на окончании, ударения окончания и в именительном (винительном) множественного (*сестры́*, *вдовы́*, *беды́* и под.), или по отношению к ударению приметы класса в ряде глаголов класса **-и-** (*измени́т*, *пресыти́тся* и под.), то, с другой стороны, напр., широкое употребление ударения, оттянутого с имён существительных на предлоги, свидетельствует, что в языке поэзии первой половины XIX века была связь с живыми явлениями севернорусского наречия, определённо бо́льшая, чем в последующее время.

Поэтический язык, как язык жанра (жанров), имел в отношении ударений свою традицию, свои образцы и свои установившиеся на известных отрезках времени границы колебаний. С этим обстоятельством надо считаться, но вместе с тем и не преувеличивать его: разрыв между ударениями стихотворными и живыми — разговорного языка — в истории русского языка со средины XVIII века не был никогда особенно велик, и там, где он констатируется, больше приходится иметь в виду обычно некоторую консервативность стихотворного языка сравнительно с разговорным, нежели настоящее признание за ним права на бо́льшую свободу или, что́ совсем не обосновано, иных диалектных основ.

Для традиций стихотворного языка характерно, что его колебания в области ударения не были колебаниями, естественно встречающимися у разных поэтов хотя бы того самого времени: их мы находим у одних и тех же поэтов, иногда на расстоянии нескольких строк, и явление это настолько распространено, что вряд ли может рассматриваться как случайность, как непоследовательность отдельных авторов. Мы стоим здесь, повидимому, перед одной из тех licenti-й, которые установились при молчаливом согласии ряда мастеров; с этими вольностями не боролись и полной последовательности в этой стороне языка не считали нужным требовать. Это случаи вроде: „Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота́. Да то лишь горе, Что все воро́та на запоре“ (Крыл., Волк и Кот, 1830). „Тихо прошла, невиди́мая... смертным увидеть не можно Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться неви́дим“ (Жуковск., Одиссея). „Музы́кой тут гремели вечера, В Неве дробился блеск высоких окон...“ (Лерм., Сказка для детей, 1841), и там же: „Порой она среди пустого зала Сиянье, роскошь, му́зыку, цветы, Толпу гостей и шум воображала...“ Такая свобода употребления различных, однако обязательно принятых ударений распространялась иногда даже на собственные имена, и мы, напр., читаем в „Моцарте и Сальери“ Пушкина (1830), при ряде случаев ударения *Мо́царт:* „О небо! Где ж правота, когда священный дар; Когда бессмертный гений — не в награду Любви горячей, самоотверженья, Трудов, усердия, молений послан, А озаряет голову безумца, Гуляки праздного?.. О Мо́царт, Мо́царт! и под., — „За твое Здоровье, друг, за искренний союз, Связующий *Моца́рта* и Сальери, Двух сыновей гармонии“.

Ср. в „Джулио Мости“ Кукольника (1836): „...И Буонаротти был богат и счастлив; Рафаэль Санцио богат и счастлив“. Но ниже: „Чтобы со временем на Рафаэля Глаголали хулу? О, никогда“, и под. Или: „При самом рожденьи певец получил ее в дар от Эрми́я. Сам Эрмий уперся ногой натянуть на круг черепахи Гремящие струны“ (Дельвиг, На смерть Держ., 1816)[1].

Обращает на себя внимание при этом, что сдвиги, совершающиеся в ударении литературного языка, не являются победами особенностей, присущих наиболее влиятельным писателям. Почти все выдающиеся поэты первых десятилетий XIX века употребляли, напр., ударения: *легóк*; род. п. мн. ч. *духóв*, дат. мн. *духа́м* и т. д. (к имен. пад. мн. ч. *ду́хи*); им. п. мн. ч. *судьбы́* и под., но возобладали *лёгок*; род. п. мн. ч. *ду́хов*, дат. мн. ч. *ду́хам* и т. д.; им. п. мн. ч. *су́дьбы* и под.

Точно так же решающего значения не имели предписания даже самых авторитетных грамматик: ни *легóк*, *коротóк*, ни *тащи́т* и под., которые рекомендовались как нормативные формы

[1] Вместе с тем надо отметить один несомненный факт стиховой культуры изучаемого времени — почти у всех поэтов, и больших и малых, ритм стиха очень строг и точно отражает употребляемые ударения. К немногим исключениям относится А. В. Кольцов, поэт-самоучка, вольности в ритме у которого могли быть ещё поддержаны влиянием народной песни.

Востоковым, своего положения в литературном языке не удержали. Ударение, как фонетика и морфология, в своих сдвигах в истории литературного языка, более, чем другие его области,— сфера, в которой разговорной речи основных центров страны принадлежала ведущая роль, и то, что характеризует стихотворное ударение на путях его исторического движения, отражает прежде всего и главным образом изменения в устной речевой практике образованного слоя русского народа, воспринявшего в свою очередь то, что в этом отношении совершалось в говорах. Повидимому, в течение первого пятидесятилетия XIX века южнорусские элементы усилились в своём влиянии в Москве за счёт особенностей севернорусских; это сказалось среди другого известными изменениями и в ударении, и последние не без колебания, но верно проникали из разговорного языка в стихотворный.

ГЛАВА II.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

§ 1. Префиксальные образования.

Ударение префиксальных образований мужского рода в языке первой половины XIX века в общем почти не отличается от нынешнего. С другим ударением, и то не всегда (не у всех поэтов и не последовательно), выступают такие слова:

Возглас:

Мне ль предузнать, каким возгла́сом Мои труды перед Парнасом Его кричальщик возвестит? (Язык., Гр. Д. И. Хвостову, 1829—1830). О вы, которые хотите Преобразить, испортить нас И обнемечить Русь! Внемлите Простосердечный мой возгла́с! (Язык., К ненашим, 1844). ...И без смешных возгла́сов и движений С расчетом вывожу я строку за строкой (Щербина, Творчество, 1846).

Довод (ср. в XVIII веке у Сумарокова: „На что изобличать? бессильны все дово́ды"):

...Сказал, не слушая дово́дов, Угрюмый ада судия... (Батюшк., Видение на берегах Леты, 1809). Недавно я в часы свободы „Устав наездника" читал И даже ясно понимал Его искусные дово́ды (Пушк., 1821).

Занаве́с.

Такое ударение встречается у Полежаева („Удивит. приключение одного стихотворца", 1835): „...Под занаве́с К нему залез..."

Насморк:

Здесь бедная навек сокрыта Тараторка — Скончалась от насмо́рка (приписыв. Крылову, ок. 1800 г.?). ...Чтобы от нашего в прихожей беспорядка Родилися насмо́рк, простуда, лихорадка (Шаховск., Расхищ. шубы, II, 1812).

Округ:

Хозя́ин, староста окру́га, Родился сиротой (Катенин, Убийца, 1815). Есть в России город Луга Петербургского окру́га (Пушк., 1817).

Отзыв „отклик":

Как я любил твои отзы́вы, Глухие звуки, бездны глас...

(Пушк., К морю, 1824). Здесь все таинственно — и каждый камень громок Отзы́вами отгрянувших веков (Шевырёв, Стены Рима, 1830). ...И сих речей отзы́вы, как во сне, Твердит душа с собой наедине (Вяземск., Тоска, 1832). ...Нет встречи, нет привета; Отзы́ва не дает знакомый голос (Лажечн., Христиерн II и Густ. Васа, 1841).

Наряду с таким ударением — нынешнее:

...И глас гармонии был о́тзыв во вселенной... (Шевырёв, Я есмь, 1825); ср. в этом же стихотворении: „И славы дальние отзы́вы Потомства поражают слух...“ — Как он, без о́тзыва утешно я пою... (Пушк., 1827). Но где вы? Слушаю... Нет о́тзыва. С полей Умчался бра́ни дым, не слышен стук мечей... (Давыд., Бородинск. поле, 1829). ...Повторяет о́тзыв горный Звук волынки полевой (Язык., Утро, 1831). У Баратынского в стихотворении „Осень“ (1837) рядом: „...И звучный о́тзыв в ней находит, Но не найдет отзы́ва тот глагол“.

Поезд:

Куда заснувшею столицей, При ярком блеске зимних звезд, В санях несется вереницей Весельчаков ее пое́зд? (Баратынск., Наложн. — Цыганка, 1829—1842).

Призрак:

Сомкнулись очи, но призра́ки Тревожат краткий их покой... (Батюшк., Сон воинов, 1810—1811). ...Но скрылись мечты. За ними и счастье, и прелесть любви, И славы призра́к (Дельвиг, Ответ, 1820). Кто чувствовал, — Того тревожит призра́к невозвратимых дней (Пушк., Евг., Онег., I, 1823—1825). Призра́ка суетный искатель, Трудов напрасно не губя, Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! (там же, IV, 1826—1828). ...И перед девой исступленной Призра́к грядущего мелькал... (Хомяк., Отзыв одн. даме, 1827). И вдруг хладеет жар ланит. Его сердечные волненья Все тише, И призра́к бежит (Лерм., 1828). Сей взор невыносимый — он Бежит за мною, как призра́к (Лерм., Ночь, IV, 1830). Но если злобный человек Узнал уж зависть, то не может Совсем забыть ее никак: Ее насмешливый призра́к И днем и ночью дух тревожит (Лерм., Изм.-бей, 1832). Призра́ки всех веков и наций, Гуляют феи, визири, Полишинели, дикари (Баратынск., Цыганка, 1842). Мелькнет призра́к, уронит слово, И тщетный вздох сорвется с уст (К. Павлова, Дума, 1843).

Наряду с этим ударением, обычным в XVIII веке („Исчезнет сей призра́к, как сон“,—Богданович. „...Призра́ки, тьму повсюду сеет“, — Радищев), едва ли не чаще с начала века в употреблении нынешнее.

Ср. у Пушкина в том же самом лицейском стихотворении „Сон“ (1816): „...Обманутый призра́ками ночными...“ и: „...На потолке какой-то при́зрак бродит...“; в „Евг. Онег.“, IV, 1826—1828: „... Для при́зраков закрыл я вежды...“

У других поэтов: „Чуду такому дивится Громвал: При́зра́к ли видит или существо?“ (Каменев, Громвал, 1802). „Мне ль за при́зраком гоняться, Лавры с скукой собирать?“ (Батюшк., К Гне-

дичу, 1806). „...И блага променял прямые На ложны при́зраки одни!“ (Милон., К сестре моей, 1812). „Други милые, терпенье! Расскажу вам чудный сон, Не игра воображенья, Не случайный при́зрак он“ (Воейк., Дом сумасшедш., 1814). „И при́зрак счастья, упованье, Мечты, восторг, очарованье, Исчезло все — хладеет кровь!“ (Филимон., К Лиле, 1815). „...И все душа за при́зраком летела, Все гостя горнего остановить хотела“ (Батюшк., Тень друга, 1816). „И наша жизнь стоит пред нами, Как при́зрак, на краю земли...“ (Тютч., Бессонница, 20-ых годов). „Из глубины снегов Встают, чернея, пни дерев, Как при́зраки...“ (Лерм., Бояр. Орша, 1835). „...И что же? При́зрак видит он“ (Лерм., Изм.-бей, 1832).

Про́свет:

Как про́свет среди мглы взволнованной и серой... (Кюхельб., М. А. Дохтурову, 1840).

Ра́ссвет.

Такое особняком стоящее ударение, но без подударного **о**, как ожидалось бы, встречаем у Крылова („Лентяй“, 1803—1805): „Халата у него и туфлей вовсе нет: Чуть ра́ссвет, и уж он как будто в строй одет“. „...Но к ра́ссвету едва с работою у́брался...“ (Подагра и Паук, 1811).

Ро́збег:

...Но, не в обычай, ро́збег тщетен был... (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831).

Ро́змах:

...Вдруг с ро́змаху на двух животных набежал... (Дмитр., Петух, Кот и Мышенок, 1802). Ударение, повидимому диалектное.

С разными ударениями употреблялось в сочетании с предлогами близящееся к наречию **умолк:**

Кто про свои дела кричит всем без умо́лку, В том, верно, мало толку... (Крыл., Две бочки, 1819). А там он стал хиреть, потом совсем зачах И простонал весь век свой без умо́лка (Крыл., Ягнен., 1819). — ...С обеда до ночи без у́молка поет (Крыл., Откупщ. и Сапожн., 1811). И на первую ночь непогода была, И без у́молку филин кричал (Жуковск., Иван. ночь, 1822—1824). ...Куда ни сунется мой знатный господин, Без у́молку звенит на шее новый чин (Крыл., Осел, 1830).

Все случаи, кроме стоящего особняком *рассвет*, как видим, представляют более старое накоренное ударение.

В слове **праотцы** Батюшков, Языков и др. сохраняют ударение основного слова:

Здесь все питает вдохновенье: Простые нравы праотцо́в, Святая к родине любовь И праздной роскоши презренье (Батюшк., Перех. через Рейн, 1817).

Хотя бы во сне нам привиделась Земля праотцо́в благодатная! (Мерзл., Сцены из траг. Еврипида Ифигения в Тавриде, изд. 1825 г.). Спой нам песню, еврей, Про твоих праотцо́в... (Мей, Сампсон, до 1841 г.). Сказанья праотцо́в судил он нелукаво... (Язык., Стихи на объявл. памятн. историографу Н. М. Карамз., 1845—1846).

Отметим ещё, что в словах, сложных с **-говор**, у всех поэтов изучаемого времени ударение последовательно падает только на конечный слог основы:

Амур с Досадой своенравной Вступили в смелый заговóр (Пушк., Русл. и Людм., 1820). А наши старички? — Как их возьмет задор, Засудят о делах: что слово — приговóр (Гриб., Горе от ума, 1824). Меж ими все рождало споры И к размышлению влекло: Племен минувших договóры, Плоды наук, добро и зло... (Пушк., Евг. Онег., II, 1823). Опальному мятежнику легко Обдумывать мятеж и заговóры (Пушк., Бор. Год., 1825–1830). Шутя и сам он лег бы в гроб, Иль стал душою заговóра (Лерм., Казначейша, 1836). Что ж деве в грудь легло так больно, Как неизбежный приговóр? (К. Павлова, Двойн. жизнь, 1847–1848).

§ 2. Замечания об ударении некоторых суффиксальных образований.

1. Имена м. р. на **-енок:**

Арапченок:

...Мне и сестре Прасковье Двоих арáпченков на ярмарке достал... (Гриб., Горе от ума, 1824). Такое ударение исключительным для литературного языка считал ещё Я. К. Грот („Словарь русск. яз." Акад. наук, I, 1891).

Внучата:

Они [развалины] и отдаленных внýчат Геройским подвигам научат (Вяземск., ...Песнь на взятие Парижа, 1814).

В формах мн. числа у Грибоедова („Горе от ума") колебание между старым ударением *внýчата* (ср., напр., у Державина — „Благими нравами богата, Прекрасных внýчат приведет", или у А. А. Шаховского „То внýчат старцевых была оставша часть" (Расхищ. шубы, III, 1815) и новым, под влиянием большинства образований этого рода, — *внучáта*; ср.: „Извольте посмотреть на нашу молодежь, На юношей, сынков и внýчат: Журим мы их, а если разберешь — В пятнадцать лет учителей научат!" — и: „Богат, — и на богатой был женат; Переженил детей, внучáт".

В „Словаре русск. яз." Акад. наук, 1891, нормативными считаются оба ударения.

Выжлята:

...Настиг своих вы́жлят могучий Рогдай (Кюхельб., Рогдаевы псы, 1824).

2. Пестрота исходных отношений ударения у имён существительных на **-ин**, им. мн. ч. на **-е**, не приведённая в систему и в настоящее время, ещё большею является в первой половине XIX века.

Вот важнейшее из относящегося сюда материала:

Гражданин.

В ед. числе слово это выступает с ударением на **и** и — несколько реже — на **а**, отражая в последнем случае влияние множественного числа: „Я ль буду в роковое время Позорить гра́ж-

данина сан?..“ (Рылеев, 1825). Должен быть честный он гра́жданин; слава ему! (Жуковск., Одиссея, I).

Стих Пушкина (1817): „Где гражданин — с душою благородной, Возвышенной и пламенно свободной?“ — тоже скорее всего читался с ударением на а.

Ударение *граждани́н*, наряду с *гра́жданин*, как равноправное ещё для 1880 г., свидетельствуется Р. Брандтом, „Начертание славянской акцентологии“, стр. 13; этот же параллелизм признаётся и в „Словаре русск. языка“ Акад. наук, вып. I, 1891, стр. 890—891.

Множ. число выступало с ударением *гра́ждане* и *гражда́не*; ср. у Пушкина в „Борисе Годунове“ (1825—1830): „Все гра́ждане согласно показали“ и „Московские гражда́не! Вам кланяться царевич приказал“.

У Рылеева слово *граждане* имеет разные ударения в том же стихотворении „Вадим“ (1823): „До какого нас бесславия Довели вражды гражда́н...“ и: „И настанет час решительный, Час для гра́ждан роковой“; ср. и слово *сограждане* — в том же стихотворении „К временщику“ (1820): „...Себя для строгого своих согра́ждан взора...“ и „...Снова Родившись, согражда́н спасти от рока злого?“

Подобное *гра́ждане* ударение можно отметить у Крылова в слове **прихожане:** „Во храме проповедник (Он в красноречии Платона был наследник) Прихо́жан поучал на добрые дела“ (Прихожанин, 1823). Только такое ударение давал и Акад. словарь 1869 г.

В параллель *гражда́не* в сатире Милонова „К Рубеллию“ (1810): „Стать лучше наряду последних *плебея́н*, Чем выситься на смех, позор своих гражда́н“. Ср. и у Баратынского („Воспоминания“, 1819): „Вот здесь входили в Рим когорты *плебея́н*...“

В формах единственного числа ударение, отклоняюшееся от нынешнего, имело слово **поселянин:**

Поселяни́н, купец, бывалый за морями, Аргивянин, халде́й, колхидец, скиф простой... (Мерзляк., Послан. о стихотворстве, 1808). Тяжелый плуг поселяни́на Волы послушные влекут (Рылеев, Наливайко, 1824—1825). Счастлив стократно Простой поселяни́н! (Жуковск., Камоэнс, 1839). Лишь простучит на консульском пути По гладким плитам конь поселяни́на (Майк., Campagna di Roma, 1844).

Слово **христианин** употреблялось обыкновенно с нынешним ударением множественного числа:

...Не христиа́нин и не раб, Прощать обид я не умею (Рылеев, К NN, 1824). ...Любила ль чужеземца, Любила ль христиа́нина, была ли Им презрена, как я? (Лерм., Испанцы, 1830). Голос сказал: Я не дух, человек, христиа́нин; впустите... (Жуковск., Ундина, 1836). Но ср. и:, „Восторжествуем — или все падем, — Все до единого христиани́на“ (Кукольн., Рука Всев. отеч. спасла, 1832).

Некоторые названия народов в единственном числе теперь

имеют ударение на **и** суффикса: *славяни́н, армяни́н*; *литви́н, грузи́н, руси́н* (с сохранением **ин** во множ. числе). В старом языке такое ударение распространено было шире:

Когда россияни́н решился слово дать, То без стыда ему не может изменять (Озер., Димитр. Донск., 1807). Когда к ушам россияни́на Дошла разительная весть... (Язык., Втор. присяга, 1826).

Половчанин:

Когда свирепый бедоносец, На Русь половчани́н [поло́вчанин?] напал... (Жуковск., Перв. июля 1842).

Ударению множественного числа *римля́не* (ср. ниже) соответствует: „Что грязен, Тибр? — Струя желта, мутна! Иль желчью ты встревожен беспокойной? И чует то сердитая волна, Что пьет ее римля́нин недостойный?“ (Шевырёв, Ода Горац. последн., 1830).

К ударению множественного числа ср.: у Озерова, „Поликсена“, 1809): „Ахе́ян знаю я дух пылкий и строптивый“, — и там же: „...И ярость ахея́н в пути злодейств преткнуть“. — Чертогов, портиков везде я зрю обломки, Где начертал резец рим́ля́н деянья громки (Баратынск., Воспоминания, 1819). Где Лида прежняя? где та, Римля́н пленявшая собою?.. (Филимонов, К Лиде, 1820—1822). Как я силен!.. Римля́не, благодарность, Признательность за милость и за ласки! (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). ...На них означены свободные бразды Корыстной Греции или римля́н труды (Е. Зайцевск., Учан-Су).

Уже приволховская рать Полки тверя́тян стала гнать (Кюхельб., Юрий и Ксения, 1833). ...И благородное стремленье На поле славы и наук, И филисти́млянам гоненье (Язык., Дерпт, 1825). „В древнем храме истукан Божества филистимля́н, Грозного Дагона...“ (Мей, Сампсон, до 1841 г.), и в этом же стихотворении: „Вкруг толпою жадной Филисти́мляне шумят...“ ...Чтоб стенанье изра́ильтян тронуть могло Того, кто являлся пророку в огне! (Лерм., Испанцы, 1830).

3. Некоторые образования на **-тель** встречаются у старейших представителей поэзии с церковнославянскими ударениями:

...Что Бог уте́шитель и слабостям прощает (Озеров). ...И скоро Сон прилетел, чарователь тревог, успоко́итель сладкий (Жуковск., Одиссея, XXIII).

Ср. с нынешним ударением: „...Мой добрый друг, наставник, утеши́тель...“ (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

4. Имена ж. р. на **-ба (-ьба)**:

Неустойчивым являлось ударение в словах **резьба** и **тяжба**.

Ср.: „...И скромный памятник в приюте сосн густых С непышной надписью и ре́зьбою простою Прохожего зовет вздохнуть над прахом их“ (Жуковск., Сельск. кладб., 1802). „Ре́зьбой дивною и златом Колесница вся горит“ (Батюшк., Счастливец, 1810). „...Она не суетной работой, Не ре́зьбою пленяла нас (Пушк., Друзьям, 1822).

Наряду с этим старинным ударением, до сих пор сохраняющимся в профессиональном языке, новое: „Резьбо́ю мелкою стена

Была искусно убрана...“ (Лерм., Бояр. Орша, 1835). „В те дни была б ему [кинжалу] богатая резьба́ Нарядом чуждым и постыдным“ (Лерм., Поэт, 1839).

У Крылова в той же комедии („Лентяй“, 1803—1805) старое ударение: „По важной толь тяжбе́ ходить его отправил!“ и новое: „...Что после тя́жбы вслед и свадьбе быть тотчас“.

5. Имена средн. рода на **-ство:**

В ряде случаев ударение этих имён существительных отклоняется от нынешнего.

Подданство:

Таясь в толпе, я видел... Как наш Филипп, бургундский герцог, брат твой, Произносил пред ним обет подда́нства (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821). ...И мы, порвав подда́нства цепи... Помчались защищать законы... (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). Акад. словарь 1869 г. давал ещё только такое ударение.

Равенство:

Ясных дней залог — равéнство (Кюхельб., Кассандра, 1822—1828). Внемлите мне: могу равéнство Меж вами я восстановить (Пушк., Египетск. ночи, 1835).

Сиротство:

...И смертию его грозишь мне сиротство́м (Озер., Дмитр. Донск., 1807). ...И де́ньга лишняя в кармане Про нищету и сиротство́ (Вяземск., Мои желания, 1823). — Акад. словарь 1869 г. отмечал ещё только такое ударение.

§ 3. Ударение имён женского склонения на *-а, -я.*

Одно из очень заметных явлений в области литературного ударения первой половины XIX века — переход двусложных и трехсложных слов женского склонения на **-а, -я** с конечным ударением во множественном числе — в тип с накоренным ударением в именительном-винительном. Тип с конечным ударением во множественном исторически восходит к древнейшему славянскому с ударением окончания в винительном единственного числа, т. е. к отношениям — *игра́*: *игру́*: *игры́, скала́*: *скалу́*: *скалы́, скорлупа́*: *скорлупу́*: *скорлупы́, колбаса́*: *колбасу́*: *колбасы́*. В XVIII веке нарушение этих отношений ещё относительно редко. В XIX веке их становится всё больше, и к концу изучаемого периода в общем устанавливается система, принятая в современном литературном языке и отражающая тенденцию отличить именительный-винительный множ. ч. от родительного единственного.

Примеры сохранения старинного места ударения:

Арбы:

Стада теснились и шумели. Арбы́ тяжелые скрипели (Лерм., Измаил-бей, 1832).

Беды:

Мне ли думать о **куплет**ах? За свирель... а тут беды́! (Баратынск., Дельвигу, 1819). Ах, от господ подалей! У них беды́ себе на всякий час готовь... (Гриб., Горе от ума, 1824).

Брони:

Сидонские броня́ в лучах зари играют (Мерзл., Дидона, изд. 1825 г.). Ср. нынешнее ударение у Жуковского (Роланд-оруженосец, 1832): „Сверкают их стальные бро́ни, Их боевые пляшут кони".

Новейшее ударение выступает, напр., и в стихотворении „Кавказ" В. Теплякова:

„В гранитных бро́нях великаны, Склонясь на пропасти, их грозно сторожат..." (1828).

Главы:

Забытый светом и молвою, Далече от брегов Невы, Теперь я вижу пред собою Кавказа гордые главы́ (Пушк., Русл. и Людм., 1820). Не позлащенные главы́ Мой ум пленили своевольной... (Баратынск., Пиры, 1820).

Змеи:

...В руках змей шипят, их очи распаленны. И за собой ведут все ужасы геенны (Озер., Эдип в Афин., 1804). ...Тогда как в их тени, шипя, змей презренны... Нечистой кровию подошвы их багрят (Вяземск., Послан. к М. Т. Каченовск., 1821). Они влачат по мукам дни свои, И в их сердца впиваются змий (Кюхельб., Участь поэтов, 1823).

Игры:

Готов во все игры́ — и в жмурки, и в жгуты (Кокошкин, Воспитание, 1824). Очам земным игры́ судеб сокрыты (Ростопчина, Молитва в грустный час, 1845).

Норы:

...Но любите свои Норы́ и темны кельи... (Батюшк., Мои пенаты, 1814).

Ср. ударение вин. п. ед. ч.: „Царицу Прасковью Чуть успели в нору́ уволочь за задние лапки" (Жуковск., Война мыш. и лягуш., 1831):

Не исключена возможность, что первоначально слово *нора* и не принадлежало к неподвижному типу: при *нору́* есть и *но́ру*, возможно, не как новый факт.

Орды:

Орды́ пришельца — снедь мечей! И мир взывает: слава! (Жуковск., Певец в стане русск. воин., 1812).

Плиты:

Там из чаши крутобокой Бьет вода волной широкой На размытые плиты́... (И. Тург., Призвание, 1844).

Свечи:

...И движут тощими руками Свечи́, от коих темный свет (Жуковск., Ивик. журавли, 1813). На третью ночь свечи́ едва горят (Жуковск., Баллада, в кот. описывается, как одна стар. ехала на черн. коне вдвоем..., 1814). Зачем горят свечи́? стократ милей кинкет (И. Долгорук., Нечто для весельчаков 1815).

Любский: Эх, матушка! Молчи! Любская: ...Ступай, вели гасить все лампы и свечи́ (Загоскин, Благородн. театр, 1828).

Семьи:

...Где бедные простых татар семьи́, Среди забот и с дружбою взаимной, Под кровлею живут гостеприимной (Пушк., Кто видел край..., 1821). ...Как дышат здесь в прекрасной чистоте Среди полей семьи́ цветные те... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Шумящие народные семьи́ Скрываются и тонут в забытьи... (там же).

Сестры:

...Сестры́: Невинность и Любовь Два цвета милые лелеют (Шевырёв, Лилия и Роза, 1825). В плену сестры́ ее увяли (Лерм., Хаджи-абрек, 1833).

Скалы:

Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы́, Окликалися ветры и пели валы... (Тютч., Сон на море, 1828—1829). Дробясь о мрачные скалы́, Шумят и пенятся валы... (Пушк., Обвал, 1829). Кой-где вставая головами, Скалы́ чернеют за скалами (Баратынск., Эда, 1833). Уж проходят караваны через те скалы́, Где носились лишь туманы Да цари-орлы (Лерм., Спор, 1841).

Скамьи:

...И поправя ус и бороду, Сели на скамьи́ дубовые (Пушк., Бова, 1814). И все: горшки, скамьи́, столы, Марш! марш! все в печку поскакало (Пушк., Гусар, 1833).

Скорлупы:

А орешки не простые, Скорлупы́-то золотые (Пушк., Сказка о царе Салт., 1831).

Скулы:

А скалы́? Как скулы́ Этой пасти морской! (Вяземск., Поруч. в Ревель, 1833).

Слуги:

Та теткой хочет быть, тот просится в слуги́, Тому любовника давай — ну, вон беги! (Загоскин, Благородн. театр, 1828).

По поводу **стопы** Вяземский пишет в 1820 г. А. И. Тургеневу (Остаф. арх., II, 114): „Как говорится: *сто́пы* или *стопы́*? В таком случае можно сказать: стопы́ их".

Страны:

...То пусть свободная в союзные страны́ Прейдет и сыщет там забвенье сей войны! (Озер., Поликсена, 1809). ...И чрез моря неизмеримы Отплыть в безвестные страны́ (там же). Опустошив огнем войны Кавказу близкие страны́ И села мирные России... (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823). Он пел те дальные страны́, Где долго в лоно тишины Лились его живые слезы (Пушк., Евг. Онег., II, 1823).

Ср. и: „А Поволжья стороны́ В обиду половцам едва ли Князь Володимира сыны Дадут?" (Бестуж.-Марлинск., Андрей, кн. Переяславск., 1828). — Впрочем, возможно, что здесь *сторо́ны́* — род. пад. ед. ч., употреблённый ошибочно под влиянием отрицательного смысла предложения.

Струи:

Глядел на светлые струи́, Пред ним бегущие игриво (Бара-

тынск., Эда, 1833). И будто в груди благородной Иссякнут живые струй... (Лерм., Сердце, 1841).

Судьбы:

Ах! если объяснять судьбы́ тебе подобно, Почто не думать нам, что мстят бессмертны днесь?.. (Озер., Поликсена, 1809). Слепо мы делим ваши судьбы́: Вы — властелины, мы же — рабы (Батюшк., Отрыв. из „Мессинск. невесты" Шиллера). ...Судьбы́ нас снова разлучили И нам назначили поход (Пушк., Евг. Онег.). Он говорил: „Ликуйте, о друзья! Что вам судьбы́ дряхлеющего мира?" (Лерм., Казот, 1839).

Судьи (м. р.):

Судьи́ толкуют трои сутки, Какую б выдумать преступникам им казнь (Крыл., Троеженец, 1814). А дамы? Сунься кто, попробуй, овладей! Судьи́ всему, везде; над ними нет судей (Гриб., Горе от ума, 1824). Защитник твой — Гомер, твои судьи́—потомки (Рылеев, Послан. Гнедичу, 1821). Из тайника судьи́ пошли, И вид их был свирепо дик (Жуковск., Суд в подзем., 1832).

Толпы:

Мятежные толпы́ за тысячью знамен, Кто с луком, кто с пращей, шумя, несутся в поле (Крыл., Безбожники, 1814—1815). Там на вышины крутые Отчаянно толпы́ взбегали боевые, И гибли!.. (Язык., Развалины, 1828—1829). ...И провожал он к дверям рая Толпы́ освобожденных душ... (Лерм., Анг. смерти, 1831).

Трубы:

Ошибку у меня поймав, тотчас с улыбкой Спешите вы о ней трубить в трубы́ молвы (Вяземск., Эпиграмма, 1825).

Тюрьмы:

Такая притча — Что день, то казнь. Тюрьмы́ битком набиты (Пушк., Бор. Год., 1825).

Цены:

И впрямь! На все цены́ удвоил (Батюшк., ***, 1810).

Случай, вторичный в данной категории; древность ударения вин. падежа ед. ч. *цену́* сомнительна, хотя такое ударение и встречается: „Посол, души своей цену́ Заплатим мы за кровь народа!" (Бестуж.-Марлинск., Андрей, кн. Переясл., 1828).

Щепы:

Когда корабль наш об утес в щепы́ Расшибся... (Жуковск., Камоэнс, 1839). ...Но о подводный веры камень В щепы́ разбился утлый челн (Тютч., Наполеон, 1849)[1].

Нынешнее ударение этих форм выступает иногда у тех же самых писателей и в тех же самых произведениях, впрочем, для большинства слов заметно реже, чем ударение архаическое. Вот соответствующие случаи оттянутых ударений:

Грозы:

Земля тряслась, вверху гремели гро́зы... (Соколовск., Хеверь, 1837).

[1] У В. Теплякова в „Фракийских элегиях", II (1836), выступает, вероятно, искусственное ударение (поставлено в издании) **чары́**: „Чары́ вина, любви и мщенья".

Змеи:

...Бежит, поет, как дикая вакханка, Ее власы, как змéи, на плечах... (Шевырёв, Цыг. пляска, 1828).

Норы:

Мы засели в наши нóры И гостей незваных ждем... (Пушк., Бонапарт и черногорцы, 1833—1835).

Скалы:

О! падите Вы, надо мной нависшие лавины, Разрушьте вы меня, утесы, скáлы! (М. Вронченко, перев. „Манфреда" Байрона, 1827). На скáлы, на холмы́ глядеть без нагляденья... (В. И. Туманск., Элегия). ...И не родной аул — родные скáлы Решился он от русских защитить (Лерм., Изм.-бей, 1832). ...Но скáлы и тайные мели, И бури ему нипочем (Лерм., Возд. корабль, 1840). ...И скáлы тесною толпой, Таинственной дремоты полны, Над ним склонялись головой (Лерм., Демон, 1838).

Струи:

...Там, где ты, лугов краса, Стелешь струи́ голубые, Чисты ль, светлы ль небеса? (Шевырёв, Две реки, 1830). Не гордись!— Когда б ты—горе! Нашу Волгу увидал, От стыда, от страха б в море Струи́ грязные умчал (Шевырёв, Тибр, 1830).

Судьи:

А су́дьи кто? ...За древностию лет К свободной жизни их вражда непримирима...; Вот уважать кого должны мы на безлюдьи! Вот наши строгие ценители и су́дьи! (Гриб., Горе от ума, 1824).

По показаниям А. Х. Востокова („Русск. грамм.", § 184), для его времени (1831 г.) оттянутое ударение во всех перечисленных случаях—правило, и с этой точки зрения *свечи́* и под. у поэтов следовало бы рассматривать только как архаизмы стихотворного языка. Что касается, однако, указания Востокова на принадлежность к подвижному типу слова *скала*, то оно, как показывают сравнительные данные, по меньшей мере сомнительно.

Востоков же отмечает в словах *тюрем, игол, игор, икор* конечное ударение в родительном мн. ч.; в случаях *сестёр, серёг* оно сохранено и теперь.

Ударение дательного, творительного и предложного падежей, падавшее в типе имён существительных с конечным ударением винительного ед. ч. на окончания **-ам, -ами, -ах**, сохраняется дольше, чем в именительном-винительном. Это и понятно: тип существительных с ударением, подвижным в единственном числе: *нога́*: *но́гу, рука́*: *ру́ку*, во множественном числе имел те же отношения — *но́ги*: *нога́м...*, *ру́ки*: *рука́м...* — и поддерживал их и в первоначально неподвижном.

Выравнивания по ударению именительного-винительного осуществляются в истории языка первой половины XIX века медленно, касаются относительно небольшого количества слов и встречаются у немногих писателей.

Вот некоторые примеры старого ударения там, где у нас теперь возобладало аналогическое ударение — по именительному-винительному множ. ч.:

Пора, пора и к нам Залетом по весна́м (Батюшк., Филомела и Прогна, 1811). ...Есть всему граница — Наполеонам, бурям и война́м... (Лерм., Сашка, 1833). ...Но, посмеваяся и вихрям, и гроза́м, Стою я тверд и прям... (Крыл., Дуб и Трость, 1806). ...Что с той поры на трех жена́х Никто в том царстве не женился (Крыл., Троеженец, 1814). Плывут с жена́ми, Доколь волнами Окружены... (Катенин, Ахилл и Омир, 1826). ...И легкий скок коня по долам и горам, И звучная гоньба по утренним заря́м! (Хомяк., Зима, 1820). ...Разноцветными заря́ми Отливаясь там и там, Золотыми полоса́ми День и небо светят нам (Язык., Пловец, 1831). Направь стремительный полет К бесчисленным звезда́м созданья (Жуковск., Пери и Анг., 1821). Кто при звезда́х и при луне Так поздно едет на коне? (Пушк., Полт., 1828—1829). Взгляни... над нашими главами Есть небо с вечными звезда́ми... (Козл., К другу В. А. Жуковскому, 1822—1825). ...На уродливой шее Длинные косы висели змея́ми (Жуковск., Война мыш. и лягуш., 1831). ...Он на игла́х, дрожит, бледнеет, бредит... (Вяземск., Эпиграмма, 1821). ...Молчаливый Хозяин на игла́х сидит (Кюхельб., Юрий и Ксения, 1833). ...И сокрытый в лоза́х над струя́ми потока Соловей огласит поднебесную даль (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). ...Торговали соболями, чернобурыми лиса́ми... (Пушк., Сказка о царе Салт., 1831). Сестрицы, женушки, — все мигом по нора́м (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Весь гробовыми замощен Плита́ми пол неровный был (Жуковск., Суд в подзем., 1832). ...Целыми семья́ми Соседи съехались в возках, В кибитках, в бричках и в санях (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). И много здесь гостей! Их целыми семья́ми Сюда из разных стран сгоняет аквилон (Язык., Ницца приморск., 1839). ...А сам, поссорившись с парнасскими сестра́ми, Мне проповедывать пришел сюда стихами (Пушк., К другу стихотворцу, 1814). Зачем не осталась, не внемля сестра́м, Счастливою девой в пустыне я хладной? (Гнедич, Сетов. Фетиды на гробе Ахил., 1815). ...Не там, где вы, где граций круг, Где Аполлон с парнасскими сестра́ми... (Батюшк., Кн. Шаликову, 1818). Клянемся дщерям и сестра́м: Смерть, гибель, кровь за поруганье! (Рылеев, На смерть Чернова, 1825). ...Опять пошла с сестра́ми Сидеть за воротами (Пушк., Наташа, 1825). В поле спеши с меньшими сестра́ми И хоровод веди за собой (А. Одоевск., Славянск. девы, 1829 или 1830). ...Дает приказ своим летающим слуга́м... (Шаховск., Расхищ. шубы, 1815). И вот в избе между слуга́ми Поднялся шум, прощальный плач... (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828). Несомый верными слуга́ми, В качалке, бледен, недвижим, Страдая раной, Карл явился (Полт., 1828—1829). Покуда нов сюртук, — в чести; а там Забыт и подарен слуга́м (Лерм., Эпигр., 1829). ...Да я сейчас велю тебя зарезать Моим слуга́м, хоть ты испанский гранд! (Пушк., Каменн. гость, 1830).

Но пусть моя всевластная рука, Держа свой скиптр над многими страна́ми, Не будет в них для гибели скора (Соколовск., Хеверь, 1837). Настрой же лиру, по струна́м Летай игривыми перстами... (Пушк., К Батюшк., 1814). Как звучно льнет зефир к струна́м, Играя арфою воздушной. Так и в душе моей послушной Есть отзыв песням и мечтам (Вяземск., Море, 1826). Пустился по судья́м, — ну, право, как шальной... (Крыл., Лентяй, 1803—1805). Одомаратели все сделались судья́ми, И каждый прокричал свой умный приговор... (Батюшк., Нов. род смерти, 1814). Судья́м доносит страшну повесть, И за убийцей шлют (Катенин, Убийца, 1815). ...На негу томную полок Манит душистыми трава́ми... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Зачем в трагедии недавно сочиненной... Так часто автор сей велит труба́м трубить? (Вяземск., Эпиграмма, 1814). ...И на родину с венками, С песньми, с бубнами, с труба́ми Рать, под звон колоколов, Шла почить от всех трудов (Катенин, Ольга, 1815).

Примеры нового ударения, отражающего влияние имен.-винит. падежа мн. ч.: „Во́лнам их воля и холод дороже Знойных полудня лучей“ (Лерм., Волны и люди, 1831). „Делим же́нам ожерелье. Вот обломки хрусталя!“ (Гриб., Хищники на Чегеме, 1826). „...Не блистаешь Зве́здами, Не сияешь месяцем?“ (Дельвиг, Русск. песня, 1823). „...Только завидую зве́здам прекрасным, Только их место занять бы хотел“ (Лерм., Небо и звезды, 1831). „И воина очам ко зве́здам беспредельным Указывает путь... (Бенедикт., Ночь близ м. Якац, 1831). „Лишь простучит на консульском пути По гладким пли́там конь поселяни́на“ (Майк., Campagna di Roma, 1844). „...О конях удалых Заводят речь о метких стре́лах, О разоренных ими селах...“ (Лерм., Кавк. пленн., 1828). „...И буйная их стая Со стре́лами, с мечами из огня, Нахлынула на бедного меня“ (Соколовск, Хеверь, 1837). „Давать и стру́нам жизнь и звук одушевлять...“ (Филимон., К Софье ...е...ой, 1820—1823). „Досель хладеющие длани По стру́нам бегают порой...“ (Веневит., К Пушк., 1826). „О, полно ударять рукой По стру́нам арфы золотой“ (Лерм., Звуки и взор, 1831).

В существенном те же отношения наблюдаем у трёхсложных с конечным ударением в единственном числе:

Высоты:

...Но чувствуя, что́ в них [талантах] и сильно, и прекрасно, Умей различны их постигнуть высоты́ (Крыл., Орел и Куры, 1808). Младой певец, дорогою прекрасной Тебе итти к парнасским высота́м... (Дельвиг, Н. М. Языкову, 1823).

Глубины:

И храмы древние с лучистыми главами Глядятся в ясны глубины́... (Язык., К Рейну, 1840).

Колбасы:

Рисуешь ли усы, Крючки и колбасы́ На Вицмановой роже? (Жуковск., Что делаешь, Сандрок?, 1814).

Красоты:

В тени хранительной темницы Утаены их красоты! Так аравийские цветы Живут за стеклами теплицы (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Как волны, высились, мешались, Играли быстрые мечты; Как образ волн, их красоты, И рост и силы изменялись (Язык., А. А. Воейковой, 1825). Вечнозеленые сени, Воды кристальные, все красоты твои страшно поблекли (Дельвиг, Конец золот. века, 1829). И мой курган! — любимые мечты Мои подобны этим; сладость есть во всем, Что не сбылось; есть красоты В таких картинах... (Лерм., 1831). Во всех природы красотах Твой образ милый я встречаю (Жуковск., Песня, 1808). Создание туманно, колорит какой-то синий. Впрочем, недостатки Он щедро искупает красотами (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

Седины:

Так верь же, друг, что крепкий Саддаи Твою главу и седины твои Запепелить бесславьем не захочет (Соколовск., Хеверь, 1837).

Но и: „На беззащитные седины Не подымается рука“ (Пушк., Братья-разб., 1822—1825). „Его кудрявые седины, Его глубокие морщины...“ (Пушк., Полт., 1829). „Спеши отдать свой выкуп за седины: Мне эта смерть как благодатный пир“ (Соколовск., Хеверь).

Косвенные падежи:

Мне ль сердце юное к взаимности склонить? Увы, не в сединах сердца обворожаешь! (Давыд., Договоры, 1808). ...Еще бы мой супруг в почтенных сединах Сидел между сынов За трапезой приемной... (Озер., Поликсена, 1809). Не смейся, брат, над сединами (Пушк., Братья-разб., 1822—1825). Тут был в душистых сединах Старик, по-старому шутивший... (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828).

Новое ударение: „...Сединами гордящихся детей“ (Щербина, Ямб, 1848).

Не имею литературных примеров, подтверждающих наличие ударений: седину, им. мн. ч. седины, при род. мн. ч. седин, отмеченных Востоковым в его „Сокращенной русской грамматике“ (изд. 4-ое, 1837, § 160).

Старшины:

А это старшины, все жители воды (Крыл., Рыб. пляска, 1823—1824). ...Тут львы из Джокей-Клуба были, И Беби-клуба старшины... (Ростопчина, Гуссейн-бей, 1849).

§ 4. Ударение слов женского склонения на *-а, -я* с подвижным ударением.

Из особенностей женского склонения на **-а, -я** с подвижным ударением (*рука*: вин. п. ед. ч. *руку*: им.-вин. п. мн. ч. *руки*; *земля*: вин. п. ед. ч. *землю*: им.-вин. п. мн. ч. *земли*) для первой половины XIX века характерно, по сравнению с позднейшим временем, сохранение старого ударения множ. числа в формах

дательного, творительного и предложного падежей. Количество колебаний между типом *волна́*: *волну́* и *рука́*: *ру́ку* относительно невелико и представлено немногими словами.

1. Примеры старого ударения на флексии, где в настоящее время под влиянием им.-вин. мн. ч. возобладало или чаще употребляется накоренное:

Прочь, мысль презренная! Ты сродна Душа́м преподлых лишь рабов... (Пнин, Ода на правосуд., 1805). И часто при душа́х — невеста без души (Хмельницк., Говорун, 1817). О, если в тайной доле их Возможность есть душа́м Слетать из-за далеких звезд К тоскующим друзьям... (Козл., Ирландск. мелодия, 1825). Их [слова] в то время рука начертила, Когда юность кипела в душа́х (Огарёв, Стар. дом, 1839). ...Дай покой душа́м смятенным, Крепость волям утомленным... (Хомяк., К И. В. Киреевск., 1848). И с полным сведеньем о всех земля́х чужих, Хоть сокращенное о нашей — есть ли в них? (Д. Горчак., Послан. к кн. С. Н. Долгорук., до 1824 г.). Другой в чужих земля́х, Предавшися порока власти, За роскошь, негу и за страсти Здоровьем, а потом и жизнью заплатил (Крыл., Старик и трое молод., 1806—1825). Певец Услад в земля́х далеких И чуждых жил... (Катенин, Певец Услад, 1817). ...Как протекала Пышным, широким потоком она по земля́м благодатным (Жуковск., Ундина, 1836). Вздохнув, медлительным шагом Иду вослед я овца́м (Жуковск., Жалоба пастуха, 1818). Какая от волков овца́м пощада (Крыл., Пастух, 1833). Семейны оба Мы с вами, счастливы в семья́х (Бенедикт., Ужин у кардинала Ришелье, между 1842 и 1850 гг.). Два года все кружился Без дела в хлопота́х... (Пушк., Городок, 1815). Не проходит бенефиса, Чтоб не быть ей в хлопота́х (Хмельницк., Актеры между собой, 1821).

Как особняком стоящий случай отмечаю род. п. мн. ч. *хло́пот* у Кюхельбекера („Сирота", 1833, „Работы сельские...", 1845).

2. Большинство случаев влияния подвижного типа на старый с конечным ударением винительного падежа ед. ч., отражённых у поэтов первой половины XIX века, принадлежит к фактам диалектным и широкого распространения в литературном языке не получило:

...Что будет с нею, если заблудится в этом Диком месте ночью́ и в гро́зу, которая черной Тяжкой тучей шла на долину? (Жуковск., Ундина, 1836). ...И, корнем пли́ту разрывая, Взбегает ясень молодая... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). ...И осторожная змея Из темной щели выползает На пли́ту старого крыльца... (Лерм., Демон, 1829—1838). Другой хоть прытче будь, надутый всяким чванством, Пускай себе разумником слыви, А в се́мью не включат, на нас не подиви! (Гриб., Горе от ума, 1824). — Востоков ударение *се́мью* считал общелитературным. — Не столько труд тяжел в Нерчинске рудокопу, Как мне, поймавши мысль, подвесть ее под сто́пу (Вяземск., К В. А. Жуковск., 1821). ...То вышиваю стих, то стро́фу целиком... (там же).

Она ль возжгла войну, народам толь тяжелу? Она ль направила ту роковую стрéлу, Которою погиб славнейший ваш герой? (Озер., Поликсена, 1809). — Ср. и: „Свой гнусный вид в реке увидел он опять. Как рéку истребить? Нельзя, и по неволе Он должен был и стыд и срам читать" (Давыд., Река и Зеркало, 1803). „Вся хитрость в том, чтоб ты сейчас пошел Купаться в рéку" (Жуковск., Кот в сапогах, 1845), и там же: „Маркиза Карабаса ограбили и бросили в реку́". „...Бродит нем губитель слова, Трáву щиплет враг ума!" (Хомяк., Навуходоносор, 1849).

Наоборот, несколько прочнее создалась индукция в единственном числе неподвижного типа на подвижный:

При преобладающем ныне ударении *избу́*: „Вошел я в и́збу, на палате Спал старый крепким сном..." (Катенин, Убийца, 1815). „Вполз в и́збу к мужику, с товаром розобрался" (Крыл., Подагра и Паук, 1810); у Пушкина („Утопленн.", 1828): „Прибежали в и́збу дети..."

Ср. однако: „...И что Гебея тихомолком, Не понимая речи толком, В избу́ укрылась от него" (Вяземск., Перв. отдых, ок. 1815 г.). „С отрадой, многим незнакомой, Я вижу полное гумно, Избу́, покрытую соломой" (Лерм., Родина, 1841).

При установившемся теперь *овцу́* у Крылова: „Из стада серый волк в лес о́вцу затащил..." (Волк и Мышон., 1823 — 1825). „Как скоро Волк у стада забуянит И обижать он Овцу станет" (Волк и Овцы, 1833), но у него же и: „Крестьянин по́звал в суд Овцу́...; И вследствие того казнить Овцу́..." (Крест. и Овца, 1821—1823).

Ударение **полосу́** (ср. нынешн. *по́лосу* и *полосу́*) можно отметить, напр., у Кюхельбекера, „Рогдаевы псы", 1824: „Глядит — полосу́ через юный посев..."

При обычном теперь *росу́*: „Мы ро́су брали на цветах, Росою умывались..." (Жуковск., 1810—1817). „...И небо ро́су им лиет" (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). „...Вьющимся, ро́су сбирая с цветов, иль из ягод сосущим Сок благовонный" (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841).

При нынешнем *сосну́* у поэтов первой половины XIX века нередко **со́сну** и даже (под влиянием диалектного употребления) им. ед. ч. **со́сна** и т. д.: „Копье, как со́сна вековая, И щит, как полная луна" (Озер., Фингал, 1805).

Согласно „Русской грамматике" Востокова (стр. 205), для его времени закономерными были ударения **о́вцу** и **сви́нью**.

Особняком стоящий случай, оставшийся без влияния на литературный язык, встречаем у Лермонтова: „Открыл — и дар его кровавый Скатился тихо на траву. Несчастный видит — Боже правый! Своей Леилы голову́" (Хаджи-абрек, 1833). — Ср. подобный: „И, жизнь переселив из сердца в голову́, Я мыслию живу!" (Ростопчина, Три поры, 1836).

У ряда авторов изучаемого времени допускается, наряду с обычным *зи́му*, ударение **зиму́**: „Татьяна (русская душою), Сама не зная почему, С ее холодною красою Любила русскую зиму́"

(Пушк., Евг. Онег., V, 1826). „Благодарю за день рожденья, За ширь степей и за зиму́“ (Огарёв, Прощанье с краем, откуда я уезжал, 1840).

Случаи оттянутого ударения в этом склонении, относящиеся к другим падежам, все представляют редкость. Чертой архаической считают формы дательного падежа ед. ч. после предлога **к**: „Не ты ль нам к зи́ме на тулупы Позволил легонький оброк собрать с овец?“ (Крыл., Слон на воеводстве, 1808).

Что касается примеров с оттянутым ударением в родительном, то такими, несомненно, нельзя считать, напр.: „...За кончик оборванной ле́сы держуся руками...“ (С. Аксак., Рыбачье горе, 1825); Аксаков явно колеблется между двумя исстари известными ударениями — *леса́* и *ле́са*: „Леса́ порвалася, головль переметнулся, и в воду!“; в вин. п. ед. ч. *ле́су* у него — „Забыл стариков запрещенье, схватил я за ле́су...“ может одинаково относиться к обоим типам, или: „На ветви со́сны преклоненной, Бывало, ранний ветерок Над этой урною смиренной Качал таинственный венок“ (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828); ср. упомянутое сев.-русск. и укр. *со́сна*.

Встречающееся у Пушкина („Пророк“, 1826) ударение: „...И гад морских подводный ход, И дальней ло́зы прозябанье“ — возможно, восходит к „ло́за“, вызванному влиянием более употребительного множ. числа — *ло́зы*.

Случай: „Монахи гроб его спасли, И с гробом странствовать пошли, Из зе́мли в землю, по полям, Лесам, болотам и горам“ (Жуковск., Суд в подзем., 1832), вероятно, отражает специальное воздействие непосредственно следующего „зе́млю“.

§ 5. Ударение имён женского рода склонения на мягкий согласный.

А. Востоков, „Русск. грамм.“, § 184, даёт для своего времени следующий список односложных слов женского рода склонения на согласный в именительном падеже́ ед. ч. (*ь*-основ) с подвижным ударением, т. е. с переносом его на окончание **-и** в предложном падеже ед. ч. (обыкновенно с местным или временны́м значением — при предлогах **в** и **на**): *бровь, верфь, ветвь, кровь, зыбь, дробь, степь, цепь, тень, мель, дверь, грудь, жердь, пядь, клеть, плеть, сеть, горсть, десть, кость, масть, трость, часть, честь, шерсть, связь, ось, ночь, печь, речь.*

Ср. у поэтов этого времени[1]:

Покоится луна в глуби́ эфира, Как ясный перл в безбрежности морской (К. Павлова, Двойная жизнь, 1847—1848). Как грустно полусонной тенью С изнеможением в кости́, Навстречу солнцу и движенью, За новым племенем брести (Тютч., 30-ых годов). ...И взор блистательный в меди́ Горит, неотразимо верной...

[1] Примеры ограничиваю менее других употребительными теперь. Список Востокова не полон: в него не вошли, напр., *глубь, медь, Русь, сень.*

(Бестуж.-Марлинск., Часы). Нет! Я и сам в речи́ кинжальных слов Так хорошо и внятно растолкую И острием на сердце напишу (Соколовск., Хеверь, 1837). Вкуси любовь в сени́ покоя (Вяземск., На бракосоч., 1808). Он некогда придет вздохнуть в сени́ густой Своих черемух и акаций (Батюшк., Беседка муз, 1817).

Из них слово **грудь**, почти без исключений выступающее с ударением на **-и** в предложном падеже ед. ч. с местным значением—*в груди́, на груди́*, в родительном и дательном ед. ч. является едва ли не одинаково часто с ударением и на корне, и на окончании.

Примеры н а к о р е н н о г о, фонетического ударения[1]:

Склонилася она Ко гру́ди грудью страстной... (Пушк., Городок, 1815). ...То с нежностью треплет Белые крылья и персями жмется ко гру́ди пуховой (Дельвиг, Купальницы, 1825). Смолкните, смолкните Вы, растерзанной гру́ди Муки жестокие! (Дельвиг, Хор из Колин. трагед.: Поликсена, 1829). ...И в нем кипело львиной кровью Родимой гру́ди молоко (Бестуж.-Марлинск., Аммал.-бек, 1832). И к моей студеной гру́ди Я б страдальцев прижимал (Лерм., 1832). Ее головка Платком прилежно обвита; Из-под него до гру́ди нежной Две ко́сы темные небрежно Бегут... (Лерм., Изм.-бей, 1832). И вздох тяжелый, не случайный, Не раз из гру́ди вылетал (там же). Ко гру́ди трепетной своей Прижав ее: „Нет, нет“ — сказала... (Баратынск., 1833). И гру́ди ровное дыханье Струилось в воздухе слышней (Тютч., 30-ых годов). И вырывают стих из гру́ди беспокойной (Подолинск., Стих, 1839). Душе раздраженной и гру́ди больной Понятны и слезы и стоны... (Фет, 40-ых годов).

Примеры с ударением о к о н ч а н и я, отражающие влияние особенно частого у этого слова предложного падежа с местным значением (при предлогах **в** и **на**):

В последний раз мою цевницу, Мечтаний сладостных певицу, Прижму к восторженной груди́ (Пушк., Мое завещ., 1815). Мой друг, прижмись к моей груди́, Не убегай от взоров страстных... (Подолинск., Вечер, 1828). И вдруг, как солнце молодое, Любви признанье золотое Исторглось из груди́ ее... (Тютч., 1830). Не по одной груди́ провел он страшный след И не одну прорвал кольчугу (Лерм., Поэт, 1839). О, прочь с груди́ моей, Исчезни, знак священный... (Полеж., Ренегат, 1828). К груди́ твоей, Эмма, приколон букет (Полеж., Букет, 1829).

Редкие у этого слова случаи обратного влияния — ударения родительного—дательного падежей на предложный (местный) имеем в примерах: „Сосчитай горючи слезы На алом платочке, Иссуши горючи слезы На белой ты гру́ди...“ (Мерзляк., Песня: Чернобров., черноглаз.). „...На гру́ди матушки родимой, В объятьях нежного отца“ (Кольц., Маленьк. брату, 1829). „Все в гру́ди тишина, все в сердце расцвело“ (Хомяк., 1834).

---

[1] См. „Истор. коммент.“, изд. 2, стр. 185.

К словам, у которых влияние конечного ударения местного падежа, в отличие от нынешнего языка, очень часто в родительном, принадлежит у поэтов первой половины XIX века также слово **даль**:

...И взор ее печально бродит, В пространстве пасмурной дали́ (Пушк., Русл. и Людм., 1820). Здесь за струей когда-то наши взоры Бежали, жадные, в туман дали́ седой... (Кюхельб., Брату, 1833). Не слышен лай собак из-за дали́ туманной... (Щербина, Зимн. чувство, 1846).

Но ср. и: „Меж нами не пространство темной да́ли?“ (Кюхельб., Давид, 1829), и под.

Значительно реже отклонения от старинного различия в месте ударения падежей у слова **кровь**; обычно в род., дат.:

И с каждою каплею кро́ви твоей Пьют чада любовь из живительных персей (А. Одоевск., Из Мура, 1827 или 1828). ...И, как потопная волна, Лилась река их теплой кро́ви (Шевырёв, На новый (1828) год). Потоками кро́ви тучнела земля... (Бенедикт., Возвратись, 1836). — Предложный: „В цепях и крови́ ты дороже сынам“ (А. Одоевск., Из Мура).

Отступление, отражающее влияние местного — „Фингаловой крови́ Тоскаров жаждет прах“ (Озер., Фингал, 1805). — Но ср. у Озерова же: „И боле слез она над нею пролила, Чем наш жестокий Пирр пролил троянской кро́ви“ (Поликсена, 1809).

Ср. ещё ударения у слова **Русь**:

...Быть может, некогда и мне Во славу Ру́си пригодится Рука, привычная к войне (Язык., А. Н. Вульфу, 1825). Все русское звучит в их глубине, Надежды все и слава Ру́си милой... (Шевырёв, Послан. к А. С. Пушкину, 1830). ...Могли бы яркими цветами Меж лавров Ру́си расцветать... (Хомяков, Думы, 1831). ...Твой град, пирующий у моря, Стал Ру́си тяжкою грозой (К. Аксак., Петру, 1845). Знакомо Ру́си покаянье — О нем не нужно говорить... (К. Аксак., Поэту-укорителю, 1845).

У Кукольника преобладает ударение *Руси́*, но встречается и *Ру́си* („Рука Всев. отеч. сп.“, 1832): „...И для кого? — Для матери моей И вашей, для Руси́! Он не имеет права Не признавать иль признавать. Наемник Врагов Руси́, став русским воеводой, Повиноваться должен общей воле“. Ср.: „...И устремить все способы и силы На пользу, счастье, на блаженство Ру́си“.

Вместо правильного ударения род. пад. ед. ч., сте́пи, встречаем, напр., у Д. Давыдова в „Листке“ (1836—1837): „Листок иссохший, одинокой, Пролетный гость степи́ широкой...“

Специальную группу представляют отклонения, относящиеся к предложному падежу, когда ему предшествует определяющее имя прилагательное:

Как сладко спать в прохладной те́ни, Пока долину зной палит, И ветер чуть в древесной се́ни Дыханьем листья шевелит (Батюшк., Мадагаскарск. песня, 1811). Его в Москву мы привезем, как зверя Заморского в железной кле́ти (Пушк., Бор. Год.,

1825—1830). В уединенной сéни, Вдали мирских сует... (А. А. Башилов, Пустыня). Что ж родного, скажи мне, сокрыто В этой нóчи и в звуках с тобою?.. (Щербина, Notturno, 1846). О, вспомни их, орел полночи! Пошли им звонкий твой привет, Да их утешит в рабской нóчи Твоей свободы яркий свет! (Хомяк., Орел, 1832). И опять звезда ныряет В легкой зы́би невских волн... (Тютч., На Неве, 1850).

Но ср. и: „Ласточка Кидалась с дивной быстротой И в щéли пряталась сырой“ (Лерм., Бояр. Орша, 1835) при: „Не будит нас в ночи́ глухой Угрюмый оклик часового“ (В. Ф. Раевск., К друзьям в Кишинев, 1822).

Довольно обычно накоренное ударение в текстах с сомнительным местным значением (вопрос — *в чём?, на чём?*, а не „где?“, и под.): На вражьей гру́ди грудь дрожит—И вот колеблются, слабеют... (Пушк., Русл. и Людм., 1820). ...Твой шалью стан не покровенный, Твой взор на гру́ди потупленный... (Пушк., К Юдину, 1815). Здесь снег, как легкий пух, повис на е́ли гибкой (Вяземск., Перв. снег, 1819). Он же и глух был и слеп; он, не в ме́ди глядясь, а в грядущем, Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок (Баратынск., Алкивиад, 1842). ...На лодке весло удалое, На це́пи не видно замка... (Фет, Вдали огонек за рекою, 1842).

Ср., однако, и:

„Иль влекут меня Паллады в град, Где на пышной золотой тканú Вышивать ее мне гордую Колесницу?..“ (Мерзл., Сцены из траг. Еврипид. Гекубы, изд. 1825 г.). В густой рябиновой сенú, Над быстро льющимся потоком, Они садятся на траву (Баратынск., Эда, 1824—1825). „Он, как знаток, глядит в лорнет двойной, Власы его в серебряной пылú“ (Лерм., Булевар, 1830). „...Замен души он находил в крови́“ (там же).

Сохраняющийся и сейчас в северном наречии перенос в местном падеже ед. ч. ударения с первого слога (имен. пад. ед. ч.) на конечный у нескольких слов типа *ло́шадь, пло́щадь,* для первой половины века был правилом грамматики. Востоков, „Русск. грамм.“, § 184, к таким формам относит только *лошадь* и *площадь,* но сюда относилось, повидимому, и *о́чередь.*

Ср.:

...Но где бы лучше нам Остановиться? Там на площадú Иль здесь на улице?.. (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). ...А народ на площадú Дворцовой той порой кипел, как море (Жуковск., Сказка о Ив. царев., 1845). Толпа народа Уже кипит на площадú (Полежаев, Осужд., 1828). — И у него же даже в дательном: „Кто идет перед толпою по широкой площадú С загорелой красотою На щеках и на груди?“ (Цыганка, 1832). Сребра, камней и злата И куры не клюют: на площадú Они лежат в высоких кучах... (Кукольн., Рука Всев. отеч. спасла, 1832).

Поздний пример: „Дни сочтены — утрат не перечесть — Живая жизнь давно уж позади—Передового нет, и я, как есть, На роковой стою очередú“ (Тютч., 1870).

Примером аналогического ударения, возобладавшего теперь в этом типе, является: „На пло́щади много народу стоит, На вольном широком просторе...“ (К. Аксак., Сон, перв. полов. 40-ых годов).

Ударение в косвенных падежах множ. числа у большинства слов женского рода типа *кость* — **-е́й, -я́м, -я́ми, -я́х.** У некоторых, однако, нередки, наряду с таким ударением, случаи неподвижного (накоренного).

Примеры ударения на флексии, где теперь обычно накоренное:

...Толпы расступились — и стал среди схода С гусля́ми в руках славянин (Язык., Олег, 1827). Пришел — с гусля́ми за спиной, Былую песню заиграл... (Лерм., Песнь барда, 1830). ...И в лес под Киевом дремучий Усталый вол его ведет Сквозь мрак еле́й, сквозь терн колючий... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Сверкнувшим в нем тогда мысля́м... (Восток., Светл. и Мстисл., 1802). Как до́лжны быть огромны и крепки́ Его мысле́й победные полки... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Тарелочку спроси, без лишних прихоте́й Пожуй минут пяток, да водочкой запей (И. Долгорук., Нечто для весельчаков, 1815). Охотно дань платить готов связя́м сердечным (И. Долгорук., Нечто для весельчаков). ...Что он в больших связя́х, служил всегда примерно (Хмельницк., Говорун, 1817). ...Всех предали ножу, Отца, родных, всех, всех, кто лишь связя́ми Держался как-нибудь за Вазы дом (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). ...Проходит в трещину ставне́й Холодный свет дневных лучей (Лерм., Бояр. Орша, 1835).

Из колеблющихся случаев:

Игра страстей, Живой стою при две́рях гроба... (Полеж., Жив. мертвец, 1827). ...И провожал он к две́рям рая Толпы освобожденных душ... (Лерм., Анг. смерти, 1831). Но и: „Когда к дверя́м смиренным Обители твоей Придет...“ (Жуковск., К Батюшкову, 1812).

...Их стая целая сидела По сучья́м, по ветря́м на дереве густом... (Крыл., Обезьяны, 1808). ...Русалка на ветря́х сидит... (Пушк., Русл. и Людм., 1820). ...И сизый дым с ветве́й его бежал По зелени, грозою освеженной (Тютч., Успокоение, 1830). У влаги ручейка холодной Под тенью липовых ветве́й... (Лерм., Незабудка, 1830).

Но и: „Уж сыплются мятели По обнаженным ве́твям“ (Дельвиг, К Амуру, 1820). „...Или под ве́твями пустынныя рябины Смотреть на синие туманные равнины“ (Лерм., Пан, 1829). „...Он мертвых ве́твей не питает, — На нем печать оставил рок“ (Лерм., Ответ, 1829). „Невидимо под ве́твями дерев И видимо в лазури неба Поют проснувшиеся птицы“ (Жуковск., Шах-наме, Рустем и Зораб, 1846—1847).

Колеблется также ударение *кудре́й, кудря́м...* и т. д.: *ку́дрей, ку́дрям* и т. д.; *тене́й, теня́м...* и т. д.: *те́ней, те́ням* и т. д.

См., напр., у Ростопчиной: „В ней лжет и смоль ее кудре́й, И черный блеск ее очей, И мед восторженных приветов!“ (Гуссейн-бей, 1849), но: „Она полюбила его не за статность красы величавой, — За очи, улыбку иль шелк мягких ку́дрей его...“ (Сказка, 1850).

§ 6. Ударение множественного числа среднего рода.

Ударение имён среднего рода во всём существенном подчиняется в первую половину XIX века правилам, действующим теперь.

В именах на **-о** неустойчивое ударение множественного числа встречается у слов *во́йска* (*во́йски*) — *войска́* и *ле́та* (*ле́ты*) — *лета́*, *пра́ва* — *права́*. В первом случае бо́льшая древность, видимо, за неподвижностью, в соответствии с происхождением слова из прилагательного; ср. др.-русск. склонение его — „войского“, „войскому“ и под.

Везде мои разбиты во́йска; я Парламентом отвергнут... (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). Пока они судили да рядили, Да во́йска разводили, Он ни гугу — и щи и кашу, все приел (Крыл., Три муж., 1830). ...Взглянет он — дрожат народы, Во́йска движутся вдали (Хомяк., На перенес. Напол. праха, 1840). — Ср. также из языка XVIII века: „Дела мои... идут час-от-часу лучше; войски подвигаются к гнезду злодеев“ (донес. Бибикова; Пушк., Ист. Пугач., 1833).

Меж тем войска́ еще сходились Все ближе, ближе и сразились (Лерм., Анг. смерти, 1831).

В слове *лето* вариант с неподвижностью — книжный, отражающий церковнославянское влияние; *лета́* — русский.

Лета́:

Для них унылой чередой Дни, месяцы, лета́ проходят... (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). И в наши строгие лета́, Лета́ существенности лютой, При вас одних, хотя минутой, Вновь забывается мечта! (Вяземск., Море, 1826). ...И может взором измерять Лета́, века и даже вечность (Лерм., Анг. смерти, 1831).

Ле́та:

Ах, он любил, как в наши ле́та Уже не любят... (Пушк., Евг. Онег., II, 1823—1826). И в нас душа кипела в ваши ле́ты, Как вы, за честь мы проливали кровь, Вино, войну нам славили поэты... (Дельвиг, Романс, 1824). Ах, юные ле́та! Ах, пылкая кровь! Лилета, Лилета! Ведь это — любовь (Полеж., Любовь, 1825). Безумны были эти ле́та... (Лерм., Моряк, 1832). Нельзя в такие ле́та смертию заснуть Без тяжкой предварительной болезни (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Ромео умер, с ним Джюльета; Шекспир знал жизнь, как бог, — мы снам Роскошно верим в юны ле́та... (Огарёв, Gasthaus zur Stadt Rom, 1841).

Пра́ва (пра́вы):

...И тот, кто, от граждан приняв верховны пра́вы, Их расточает жизнь для личной только славы (Озер., Поликсена, 1809).

Права́:

Не дорого ценю я громкие права́, От коих не одна кружится голова (Пушк., Из Пиндемонти, 1836).

Ударение во множ. числе у слова *ушки* возможно и на том и на другом слоге (ср. *у́шко* и *ушко́*): „У наших у́шки на макушке...“ (Лерм., Бородино, 1837). — Кровь кипит, ушки́ смеются, И задергало плечо“ (Вяземск., К стар. гусару, 1832).

Косвенные падежи (дат., твор. и предл.), отражая отношения, установившиеся уже в древнейшем славянском языке, по ударению совпадают с именительным:

Моими во́йсками отвсюду окружен... (Озер., Фингал, 1805). Я сам дорогой чести Хочу итти пред во́йсками моими... (Жуковск., Орлеан. дева, 1817—1821). В младенческих ле́тах я мать потерял... (Лерм., Кавказ, 1830). Им думать весело о воле, О равных пра́вах, мирной доле (Козл., Невеста Абидосск., 1826).

Из других случаев:

Топора следы кровавые Мне виднелись на чела́х (А. Одоевск., Зосима, 1827—1829), — „на чела́х“ — видимо, относится к чисто книжному и редкому вообще во множественном числе „чела́“ вместо более естественного — с обычным для русского языка оттянутым ударением „че́ла“. — Ср. такое же ударение у Озерова („Димитр. Донск.“, 1807): „И храбры воины, с надеждою приятной За Дон стремившися, предпримут путь возвратной С печалию в душе, с позором на чела́х, И в домы принесут смущение и страх, И цепи тяжкие сугубыя неволи“, и у И. П. Пнина (Ода на правосудие, 1805): „Там всюду золотой рекою Текут сокровища с тобою И зрится радость на чела́х“. Но у Дельвига, напр., в соответствии общему правилу: „Шумящей толпою, На копья склонясь, ожиданье на че́лах, в безмолвьи стоите“ (На смерть Держ., 1816).

Цыганка стиснула руками Чело... и смятыми кольца́ми Вкруг пальца кудри обвились (Баратынск., Цыганка, 1842).

Слово *кольцо* (ср. и *крыльцо*, иногда — *окно*) — одно из очень немногих в русском языке, которые в двухсложных формах родительного падежа множ. числа имеют ударение, не совпадающее с именительным — *коле́ц*[1] (ср. и *крыле́ц*)[2] — *ко́льца*. Это особое положение слова относительно родительного падежа сделало естественным наблюдаемое у Баратынского отклонение и в творительном. Параллельный случай можно отметить, напр., у „крестьянского“ поэта Ф. Слепушкина: „Старой дом с двумя окна́ми

[1] Реже *ко́лец*: „Скавариери: ...На этих ко́льцах, в виде львиных лапок, Два тонкие стальные волоска, Напитанные ядом. Вы берете За руку женщину; меж ваших ко́лец Тихонько пожимаете; пружинки Слегка царапают, и ваша жертва Уже горит убийственным огнем. Гонти: В Болонии не знают этих ко́лец?“ (Кукольник, Джулио Мости, 1836). „Но приберем работу: может быть, Градские власти страшных ко́лец ищут“ (там же).

[2] „...Я люблю, казак боец, Дом без окон, без крыле́ц, Без дверей и стен кирпичных...“ (Давыд., Челябитн., 1836). Возможно и *кры́лец*: „И в пене вод— гранитных кры́лец их Купалися широкие ступени“ (Лерм., Сказка для дет., 1841).

Весь соломою покрыт" („Изба", 1826) и у А. В. Кольцова („Дом лесника", 1832): „В темном лесе, за рекой Стоит домик небольшой, С двумя светлыми окна́ми, С распашными воротами".

Ударение в „Боярине Орше" Лермонтова (1835) — „Хоть сабля польская, звеня, Стучала по ребра́м коня" — вероятно, отражает или влияние старинного слова *бедра́* женск. рода (ср.: „Скорбь овладела душою его, по бедра́м он могучим Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул..." — Жуковск., Одиссея, XIII), или, скорее, былинного ударения: „А он бьет коня да по крутым ребра́м" и под.

Под влиянием ударения *пле́чи* иногда встречается подобное и в косвенных падежах: „Как странно одевается Мадам Тюрлютютю; На пле́чах пуфы страшные Камаль пре луэнтю" (Мятлев, Коммеражи, 1836).

Различие между местом ударения единственного и множественного числа не наблюдается у большинства суффиксальных имён существительных среднего рода, однако у тех только, у которых суффикс продуктивен[1]. Поэтому подвижность ударения сохраняется у слов: *зе́ркало*: *зеркала́*, *кру́жево*: *кружева́*, *се́рдце*: *сердца́*, *письмо́*: *пи́сьма*, *яйцо́*: *я́йца* (более старое и диал. *я́ица*: „Чудо!" вскричал он: „и гнездо, и пташки живые. Только сегодня пробились малютки из *я́иц*...", — Катенин, Гнездо голубки, 1835), и под.

Ударение род. падежа множ. ч., своеобразное в системе всех славянских языков, при этом в некоторых случаях не совпадает с ударением остальных форм множ. ч. Так, род. мн. звучит *кру́жев*; при нынешнем *зерка́л* старое ударение — *зе́ркал*; при старом *я́иц* — нынешнее *яи́ц*. Ср. и упомянутые выше *коле́ц*, *крыле́ц*, *око́н* (при обычном *о́кон*).

Ударение *зе́ркал*, которое правилом считает, напр., „Опыт общесравнит. грамматики русск. языка", изд. Втор. отдел. Акад. наук, 3 изд., 1854, 224[2], находим действительно у поэтов первой половины XIX века: „В нем [„домишке"] нет нищих у порогу. В нем нет зе́ркал, ваз, картин" (Давыд., Бурцову, 1804). „Там, в виде зе́ркал и картин, Короткий плащ, картуз, рапира Висели на стенке рядком" (Пушк., Череп, 1827).

Засвидетельствовано, однако, и нынешнее — *зерка́л*: „...Тебе здесь явит род зерка́л... Незаходящий образ Феба" (Кюхельб., К брату, 1819).

В нескольких именах существительных средн. рода с двухсложной основой в косвенных падежах единств. числа и во всех падежах множественного ударение выступает у поэтов изучаемого времени, наряду с нынешним его местом, также на падежном окончании. Сюда относятся слова **знамя**, **озеро**, **рамо**; ср: и очень старое колебание **ворота́ — воро́та.**

[1] При срединном ударении (*поле́но* и под.) множ. число сохраняет то же место его, что и ед. ч.

[2] Как параллельное его отмечает ещё „Словарь русск. яз.", Акад. наук, II, вып. 8, 1905. Так уже и Востоков, Русск. грамм., 1831.

Нынешнее ударение, с исторической точки зрения более позднее, толкуется как результат влияния на остальные формы множ. числа — родительного падежа.

Ср.:

Знамена:

Бегут среди полей и топчут знамена́... (Батюшк., К Тассу, 1808). Уже в отечестве потомков Фемистокла Повсюду подняты свободы знамена́... (Рылеев, А. П. Ермолову, 1821). Послушны воле своенравной, Бедой шумели знамена́... (Пушк., Наполеон, 1821). Носились знамена́, как тени... (Лерм., Бородино, 1837). Вот первые князья с варяжскою дружиной, И веют наши знамена́ У цареградских стен (Язык., ...на объявл. памятн. Н. М. Карамз., 1845—1846). ...Над бронями, над знамена́ми И над безмолвными рядами Объятых сном богатырей (Жуковск., Подробн. отчет о луне, 1820).

Новое ударение:

Смотрите, как пышен, блистателен день! Как наши играют знаме́на (Язык., Новгор. песнь 1170 г., 1825). Трехцветные знаме́на величаво Из стана в стан неслись на пир кровавой (Лерм., Сашка, 1833). Впереди несут знаме́на, В барабаны бьют (Лерм., Спор, 1841).

Колебание ударения *знаме́на*: *знамена́* встречается уже у Ломоносова.

Озера:

Стояли стогны озера́ми, И в них широкими реками Вливались улицы (Пушк., Медн. всадн., 1833). Когда уж месяц над рекой, Что друг, вечернею порой В раздумьи по долинам бродит, Плывет по тихим озера́м... (Козл., К другу В. А. Жуковск., 1825).

Ср. у Тютчева („На возвр. пути", 1859): „.. Не верит он, хоть видел их вчера, Что есть края, где радужные горы В лазурные глядятся озера́..."

Рамена:

...И брата своего, как старика Эней, К порогу хижины своей На рамена́х доносит (Батюшк., Странствователь и Домосед, 1815). ...И помчались в Палестину, Крест на рамена́х (Жуковск., Рыцарь Тогенб., 1818). Колонны гордые, как бы утомлены На мощных рамена́х держать обломки сводов, Пригнулися к земле... (Майк., Монастырь). Он слышит: бывалая сила в нем бродит, Могучи его рамена́ (Язык., Сампсон, 1846).

Но у Батюшкова же („Сон воинов", 1811): „Копье раме́на прободает, И хлещет кровь из них рекой". Так и у Лермонтова в „Черкесах" (1828).

По аналогии колебания *знамена́*: *знаме́на* у Лермонтова („Бояр. Орша", 1835): „...По временам, звеня, Стреме́на бьются о бока"; но ср. у него же и обычное ударение: „...И, привстав На стремена́, дрожит, пылает..." (Изм.-бей, 1832). „Привстав на звонких стрменах, Надвинув на брови папах, Отважный князь не молвил слова" (Демон, 1829—1838).

Вторичные (производные) формы ед. числа *знамено, стремено* Бестужев-Марлинский, у которого они часты, употребляет

с наконечным ударением: „Вдруг гром ударил сквозь тумана В чернозлатое знамено́...“ (Андр., кн. Переясл., 1828); „...Иль со сворой борзых, при златом стремене́, В ловитве носилися, полные жара...“ (там же).

Заметим нередкие, особенно у Рылеева, ударения в слове **дети**:

...Твердит детя́м отец семейства... (Святополк, 1821). ...Не будет отмщать на детя́х (Глинский, 1822). ...О прежних говорила днях, О падшем дяде, о детя́х... (Войнар., 1823—1824).

§ 7. Перенос ударения на предлоги.

Поэты первой половины XIX века, независимо от места своего рождения и среды, окружавшей их в детстве и юности, отражают значительно больше, нежели современные нам, старинный фонетический перенос ударения с имён существительных на управляющие ими предлоги.

1. Мужской род:

а[1]. Ко́ лбу перст приставя тщательно, Лекарь славный, Эскулапа внук, Эзельдорф, обритый шваб, зевал (Пушк., Бова, 1814). Перст ко́ лбу — и в ушах раздался голос хрипкой... (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). Царь хватил его жезлом По́ лбу; тот упал ничком (Пушк., Сказка о золот. петушке, 1834). Шляпу на́ лоб Надвинув, держит пред собой Стакан недо́питый иной (Баратынск., Цыганка, 1829—1842).

Преграды нет для них: в волнах они плывут И по́ льду звучному бестрепетно идут (Пушк., Овидию, 1821). И по́ льду новому, казалось, предо мной Скользила тень твоя (там же). Прямым Онегин Чильд-Гарольдом Вдался в задумчивую лень, Со сна садится в ванну со́ льдом... (Пушк., Евг. Онег., IV, 1826—1828). Но кончик хвостика Лисица замочила И ко́ льду он примерз (Крыл., Лиса, 1838). Там по́ льду гладкому и скользкому реки Свистят и искрятся визгливые коньки (Майк., Зимн. утро, 1839).

Изо рта пена черная клубом кипит; Но лежит неподвижно, как труп, чародей (Каменев, Громвал, 1802).

По свидетельству Греча, „Русск. грамм.“, 1827, § 517, в его время говорили — „еду во́ Псков“.

б[2]. Мои друзья Далеко о́т дому отбились... (Крыл., Собака, Челов., Кошка и Сокол, 1816). Иль думаю странные думы, Иль на́ дом соседа взираю (Жадовская, В сумерки, 1846). ...И мечет за народным плеском Шутихи по́д нос дурака (Вяземск., К Илличевскому, 1827). Старушоночка сидит, Гребень по́д носом торчит (Жуковск., Спящ. царевна, 1831). Напрасно до́ поту лица О славе Фофанов хлопочет (Баратынск., К-ву, 1827). Но те же

[1] В корне выпал редуцированный гласный (исконный или — в *льду* — вторичный, аналогический).

[2] В корне гласный по происхождению краткостный.

самые достоинства и в нас, Да по́ рогу еще для случая в запас... (Дмитр., Верблюд и Носорог, изд. 1818 г.).

в[1]. Драбанты у́ брега Днепра Коней расседланных поили (Пушк., Полт., 1829). Вид из него [замка] был роскошный; и по́ валу вместе, За́ руки взявшись, гуляли Ундина с Бертальдою (Жуковск., Ундина, 1836). — Ср.: „...Зашел в древний, но ничем не замечательный собор, гулял по́ валу...“ Ударение поставлено в оригинале,—письмо А. И. Тургенева Вяземскому (1833).

Персидского дам ему по́д верх коня: Весь белый он с черною гривой (Катенин, Старая быль, 1828). ...Но кажется, что на́ вес мой барыш Тяжеле твоего... (Жуковск., Камоэнс, 1839). Лавровый лист скупать ты на́ вес можешь, Но о венках лавровых не заботься (там же). Ты тщетно робкий взор вперила, Чтоб по́ виду врага узнать... (Восток., Светл. и Мстисл., 1802). ...И, у́ друга на лбу подкарауля муху, Что силы есть — хвать друга камнем в лоб (Крыл., Пустынн. и Медв., 1807—1808); но ср. там же: „У дру́га на нос муха села... Согнал, а муха снова У дру́га на носу.“

Гор вершины забелели: Мчись, как и́з лука стрела (Катенин, Ольга, 1815). ...Как дико мычит выгоняемый на́ луг Бык круторогий... (Жуковск., Одиссея, XXI). Подобно и́з лука стреле Над пропастью она махнула... (Крыл., Лев, Серна и Лиса, 1830).

В стихотворении Мея „Хозяин“ (1849), стилизованном под народный склад, — „На́ мужа с женою смотрит домовой И качает тихо дряхлой головой“.

Елецкой и́з ряду выходит И Веру чуть с ума не сводит (Баратынск., Цыганка, 1842). Тут же погибла бы змейка, когда б не успела проворно И́з саду скрыться... (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1837—1841). Небось, чай, до́ свету умчался по делам (Крыл., Лентяй, 1803—1805). И, если первый день покою вам достался, Так это оттого, что до́ свету умчался Старик наш со двора... (там же). Гонимый всеми, всеми презираем, Наш род скитался по́ свету; отчизна, Спокойствие, жилище наше — все не наше (Лерм., Испанцы, 1830). Поздравить с именинами Забыл графиню князь; А дочку как-то за́ сына Просватал он намнясь... (Мятлев, Коммеражи, 1846).

г[2]. И волны теснятся и мчатся назад, И снова приходят и о́ берег бьют... (Лерм., Баллада, 1829). ...Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха На́ голос кинул... (Жуковск., Одиссея, IX). ...И стремимы тайной силой полетели На́ голос... (Жуковск., Царскосел. лебедь, 1849).

Так вместе на́ вечер поедем мы с тобой (Гриб., Молод. супруги, 1815). К нам на́ вечер, в четверг, проси скорее Натальи Дмитревны знакомого: вот он (Гриб., Горе от ума, 1824).

---

[1] В корне гласный циркумфлексовый по происхождению или получивший такой характер по аналогии.

[2] Корни двухсложные с полногласием или двумя краткими гласными; ударение на первом гласном.

Пускай же б он с досады отрубил Мне руки по́ локоть, пускай бы тут же Он растоптал меня своим конем (Пушк., Русал., 1830—1833).

Навстречу гибельному строю, Один, с отчаянной душою, Хотел пуститься Измаил; Но за́ повод коня схватил Черкес... (Лерм., Изм.-бей, 1832). — В данном случае возможно, впрочем, что Лермонтов слово „повод“ читал с конечным ударением (ср. ударение *дово́д*).

Было уж за́ полдень; была пора обедать... (Жуковск., Тюльпанн. дерево, 1845).

Напредложное ударение встречается иногда и в таких случаях, где обыкновенно зависимость слов требует сохранения ударения на управляющем слове:

И меня, шалун мой милой, На́ берег реки унылой Со стихами потащил... (Батюшк., П. А. Вяземскому, 1810). ...Я на́ берег морской В раздумье том стопы мои направил (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).[1]

Отклоняется с точки зрения старинных отношений *на́ нож* (ср. род. ед. ч. *ножа́*, дат. ед. ч. *ножу́* и т. д.): „И разве ты не видывал, как люди Возьмут ножи, чтоб кротких на́ нож брать?..“ (Соколовск., Хеверь, 1837). Рафим: Казнить весь род? Дедан: Всех на́ нож — и в могилу! (там же).

2. Средний род:

а. ...Корабль наш недвижим: Стал ско́ро решетом И с Пушками, как ключ, он ко́ дну канул (Крыл., Пушки и Паруса, 1829). Сейчас кричала я во весь народ, Что ко́ дну наш корабль идет (Крыл., Мыши, 1833).

б. Как птицы вешние на их родимый брег Из-за́ моря летят, поют, щебечут, вьются... (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815). Ты простирал из-за́ моря к нам руку... (Пушк., 19 окт., 1825). ...В смиренном уголке живет И у́ моря погоды ждет (Жуковск., К Воейкову, 1814). ...В берлогу теплую забрался И лапу с медом там сосет, Да у́ моря погоды ждет (Крыл., Медв. у пчел, 1816). ...И пошел на край долины У́ моря искать дичины (Пушк., Сказ. о царе Салт., 1831); но там же: „Снова князь у мо́ря ходит...“ „Седая брада и волосы до́ плеч седые“ (Гнедич, Рыбаки, 1821).

в. Его душа чего-то жаждет, Он что-то на́ сердце таит (Рылеев, Наливайко, 1824—1825). Обманы были мне не новы, И яд был на́ сердце моем (Лерм., Посвящ. поэмы „Демон“, 1831). ...В шуме буйного похмелья Дума на́ сердце лежит (Лерм., К другу, 1829). Какая радость по́ сердцу разлилась! (Кукольник, Рука Всев. отеч. спасла, 1832).

А у меня живи в опрятстве и красе, И по́ брюхо всегда в овсе... (Дмитр., Челов. и Конь, изд. 1803—1805). Лошади по́ брюхо в мутной воде, не шагали, а плыли (Жуковск., Ундина, 1836)[1].

---

[1] С точки зрения сравнительно-исторической это редкий случай, где, вопреки правилу, корневому гласному издавна принадлежала акутовая интонация.

Не так редки примеры, свидетельствующие о том, что стихотворный язык довольно свободно держался переноса ударения на предлоги и тогда, когда за соответствующим именем существительным следовало прилагательное-определение:

Вас ли встречают взоры мои На́ небе хладном бледной полночи? (Вяземск., Черн. очи, 1828). У́ моря жадного дна не допросишься — Берег давно потонул (Бенедикт., К полярной звезде, 30-ых годов). И раз пошли под вечер Мы на́ берег крутой (Лерм., Тростник, 1834), и под.

К специальным случаям в речениях со словами мужского и среднего рода относятся вышедшие ныне из употребления ударения:

„Друг на (без) друга":

Они в безмолвии друг на́ друга взирают (Гнедич, Перуанец к испанцу, 1805). Друг на́ друга глядят, Но говорить не смели (Дмитриев, Лиса-проповедн., 1805). ...Друг бе́з друга они не ели и не пили (Крыл., Два голубя, 1809). ...Взвести друг на́ друга курок И метить в ляшку иль в висок (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828). Друг на́ друга словесники идут... (Пушк., Домик в Коломне, 1830). Они с беспокойством смотрели Друг на́ друга Снова послышался стук; и поспешно Рыцарь схватился за меч (Жуковск., Ундина, 1836), но там же (в главе VI) несколькими строками ниже: „Друг на дру́га взглянули старик и старушка..." — Обнявшися, умильно так смотрели Друг на́ друга (Лажечн., Христиерн II и Густ. Васа, 1841).

Ср. и без предлога в стихотворении с фольклорной окраской:

„Долго дру́г другу смотрели мы в глаза" (Филимонов, Песня, 1809—1822).

„От моря до моря".

Да славится он о́т моря до моря... (Пушк., Бор. Годун., (1825—1830).

„От слова до слова":

И приговор Лисы вот о́т слова до слова (Крыл., Крест. и Овца, (1821—1823). Сами шлют гонца другого Вот с чем о́т слова до слова (Пушк., Сказ. о царе Салт., 1831). Ее рассказ так мил, Я о́т слова до слова Его бы затвердил (Лерм., В альбом автору „Курдюковой", 1840).

...То против толпы женихов обращаясь, гонял их Трепетных и́з угла в угол, и все друг на дру́га валились (Жуковск., Одисс., 1842—1849). И с часу на́ час возрастает боле Трехдневный, страшный бой (Кюхельб., Святополк, 1824—1841). Меж тем лошадушки, шаг за́ шаг, понемногу Втащилися на ровную дорогу (Крыл., Муха и Дорожные, 1808). А этот, шаг за́ шаг он едет, чуть жив, Ребенок с седла его сбросит... (Подолинск., Старый гетман, 1830).

3. Женский род на **-а, -я:**

Перенос ударения на предлоги у имён женского рода типа *гора́*: *го́ру, го́ры — на́ гору, на́ горы* хорошо сохраняется и теперь. У авторов изучаемого времени отметим поэтому только немногие, более других редкие случаи:

Что ж? — выбирай, возьми любой стакан; Ты за́ воду... Зато не будешь пьян (Шевырёв, Пушкину, до 1830 г.). ...Но Ундина Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши На́ губы руку (Жуковск., Ундина, 1836). ...Все преступления сарматов Я на́ душу принять готов (Рылеев, Наливайко, 1824—1825). Заржал черкеса конь усталый, Ударил о́ землю ногой (Лерм., Изм.-бей, 1832). Чтоб на́ землю из царства идеала Спуститься, часто игры детских дней Ты с сильфами другими затевала (А. Григорьев, Титаник, 1846). ...Тот в советах не мудрствует; на́ стены Побежденных знамена не вешает (Дельвиг, Пушкину, 1815). ...Зиму́ с морозами, какие только В Николин день да около Крещенья Трещат и за́ щеки и уши щиплют (Дельвиг, Отставн. солдат, 1830).

4. Женский род с окончанием на мягкий согласный:

Привстав на звонких стременах, Надвинув на́ брови папах, Отважный князь не молвил слова (Лерм., Демон, 1838). ...Шапку на́ брови надвинул — И навек затих (Лерм., Спор, 1841). Но лишь только он Рукой за́ дверь взял... (Кольц., Ночь, 1840). Мы час стоим, другой стоим; А за́ дверью огонь горит... (Дельвиг, Две звездочки, 1826). — В последнем случае напредложное ударение, возможно, — результат стилизации.

...Что дважды и́з груди (?) одной Не вылетает звук такой (Лерм., Бояр. Орша, 1835). ...Много и́з груди польется Страстных просьб и горьких слез (К. Павлова, Да иль нет, 1839). ...Так может быть, что при звериной страсти К таким делам, где о́т крови (?) тепло, Он сам собой усилить хочет зло... (Соколовск., Хеверь, 1837).

Что за́ люди, mon cher! сок умной молодежи! (Гриб., Горе от ума, 1824)[1]. В стилизованном под народный склад стихотворении Мея „Хозяин“ (1849): „При́ людях (?) смеется, а—глядишь—тайком Плачет да вздыхает — знаю я по ком!“ — Схватили в желтый дом, — и на́ цепь посадили (Гриб., Горе от ума, 1824). Все ходит по́ цепи кругом (Пушк., Пролог „Русл. и Людм.“, 1828). Ахти! не по́ шерсти совсем нам эти шутки (Крыл., Лентяй).

А дело таково, что дом наш на́ мель станет (Крыл., Лентяй, 1803 — 1805). И царство, и ваш флот я на́ мель посадил (Хмельницк., Воздушн. замки, 1818). ...Иль рыщет по́ степи шакалом (Рылеев, Гайдамак, 1825). ...Напрасно, вестник непогоды, Ветр буйный по́ степи шумит... (Рылеев, Наливайко, 1824—1825). Но ср. и: „На аргамаке вороном По сте́пи мчится Наливайко“ (Рылеев, там же).

Иль вскочит на́ лошадь да брызнет на охоту... (Крыл., Лентяй). Молчалин на́ лошадь садился: ногу в стремя, А лошадь на дыбы... (Гриб., Горе от ума). ...Когда же На́ площадь все собрались и собрание сделалось полным... (Жуковск., Одисс., 1842—1849). Давно уж за́ полночь, я ля́гу отдохнуть (Хомяк.,

[1] Частица **за** в данном случае влияла как предлог. *Люди* формально относится к тому же склонению, что и соответствующие слова женского рода.

На сон гряд., 1831). Уж было за́ полночь. Треща, Одна погасла уж свеча (Лерм., Казначейша, 1836).

Ср. подобный перенос ударения, нередкий и теперь, у числительных:

Кафтан опять готов; Лишь на́ четверть голее руки стали (Крыл., Тришк. кафт., 1815). Не дважды, товарищ, нам быть молодым. Ты за́ тридцать за́ пять считаешь... (Панаев, Сновид., 1819). ...Вам тридцать лет, Да, тридцать лет — не многим боле; Мне за́ двадцать. Я видел свет, Кружился долго в нем на воле (Пушк., Аглае, 1821).

Перенос ударения с имён существительных, подобный тому, который имеет место при предлогах, наблюдался у писателей главным образом начала XIX века также и при числах *два, три,* перетягивавших на себя ударение с первого слога определённых существительных. Такой перенос отражают, напр., случаи:

И два́ дня верных слуг своих... Честил властитель царства света (Кюхельб., Зоровавель, 1831). С жизненной бурей борюсь я три го́да, Три́ года малых не видел в глаза (Катенин, Грусть на корабле, 1814). Он, бедный, две́ ночи не спал: Теперь хотя уснет за тяжкий труд в награду (Вяземск., Эпиграмма, 1814). Три́ года длился обман, и она убеждать нас умела (Жуковск., Одисс., 1842—1849). Через три́ дни домой возвратился барон, Отуманен и бледен лицом (Жуковск., Иван. ночь, 1822). Я в отлучке был три́ дни, мой паж молодой (там же). Кто-то был умерщвлен; по душе его он Будет три́ дни поминки творить (там же). Но ср. там же: „Уж три ночи, три дня́, как поминки творят Чернецы за его упокой". Забыла волосы чернить, И через три́ дни поседела (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Ешь три часа, а в три́ дни не сварится! (там же). ...Когда через три́ дня он снимет ее, то, конечно, Станет думать, что солнце ее иссушило... (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1837—1841). Нередко, просидев в безмолвной келье Два-три́ дня, позабыв и сон и пищу... Я жег мой труд... (Пушк., Моц. и Сальери, 1830). И три́ раза, вспыхнув желанием славы, С земли он, опершись на руки кровавы, Вставал (Катенин, Мстислав Мстиславич, 1819). Видимо „два́ раза" следует читать и в „Воздушн. замках" Хмельницкого (1818): „Их два́ раза ко мне в неделю присылают". Разделась донага; потом Из склячки три́ раза хлебнула... (Пушк., Гусар, 1833). ...Простили б только мне, Что в двадцать три́ года их смею быть моложе! (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). В два́ ряда свет — и с таинственным трепетом Чудно горят зеркала (Фет, 40-ых годов).

Приведённые факты заставляют лишь с известным ограничением принять утверждение А. Х. Востокова в его „Русской грамматике" (перв. изд.—1831 г., последнее, 12-ое,—1874): „Заметить должно, что переход ударения с существительных на предлоги и на числительные *два, три* употребителен только в просторечии, и притом когда существительное не имеет за собою

другого какого-либо слова, от него зависящего, как-то прилагательного, или местоимения относительного, или существительного в родительном падеже...“ (§ 182). Поэзия первой половины XIX века в этом отношении принципиально совпадает не с книжным ударением, а с вынесенными из старины особенностями просторечия, причём вряд ли справедливо было бы предполагать, что цитированные примеры перенесённого на предлог ударения являются скорее отражением свободы выбора ударения, важной для ритмических целей, нежели собственно языковых тенденций, обусловленных социальными моментами в природе стихотворных жанров. Пристрастие поэтов к перенесённому на предлоги ударению проявлено слишком отчётливо и для явления, отклонение от которого имело много благоприятствующих условий, достаточно последовательно. В меньшей мере есть основания утверждать подобное только относительно перенесения ударения на числительные *два, три*, где соответствующие случаи, действительно, далеко не являются правилом.

У Жуковского в „Одиссее“, III, проклитическое ударение выступает и в случаях: „Если б и целые пя́ть лет и ше́сть лет ты мог беспрестанно Вести сбирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам...“, „Целые се́мь лет он властвовал в златообильной Микене“.

§ 8. Ударение имён существительных в сочетании с числительными.

В нескольких случаях у поэтов первой половины XIX века можно отметить характерное ударение имён существительных женского рода при числах **две, три (четыре)** и местоимении **обе**: оно совпадает не с родительным падежом ед. ч., а с именительным множ.:

Из-под него до груди нежной Две ко́сы темные небрежно Бегут... (Лерм., Изм.-бей, 1832). Справедлива весть эта: на три сто́роны света Три замышлены в Вильне похода (Пушк., Будрыс и его сын., 1833). Но царевна в обе ру́ки хвать — поймала (Пушк., Сказ. о мертв. царевне..., 1833). Я видел, как посланник раз Две ду́ши в небо уносил... (Хомяк., Надпись к картине, 1848). Беретец черный бархатный, Вся в кисточках спина, И ко́сы три фальшивые, И вся насюрмлена (Мятлев, Коммеражи, 1836). В последнем случае стих допускал бы лёгкую перестановку: „...И три косы́ фальшивые...“ ...Иль, взяв потом и стиснув в обе ру́ки Уметь карать бунтующих врагов... (Соколовск., Хеверь, 1837). [Харитон] В шелковых чулках у козел Обе и́кры отморозил (Мятлев, Сенсации и замеч. г-жи Курдюковой, 1840). ...Возвратился В дом свой Ифест многоумный, на обе хромающий но́ги (Жуковск., Одиссея, VIII). Ср. нынешние формы: „две косы“, „три стороны“, „две души“.

Заслуживает внимания, что в оставшейся в списках грамматике русского языка продолжателя Ломоносова — А. Барсова

как правильное ударение рекомендуется именно *обе ру́ки*, а не „руки́“ [1]. Ср. фразеологизм: „Держи в обе ру́ки“ [2].

Ввиду отсутствия параллельных примеров у других авторов трудно видеть что-либо другое, как отклонение, отражающее влияние множественного числа, в юношеском стихотворении Пушкина „Фавн и пастушка“ (1816): „Нагнулась меж цветами Косматая нога; Над грустными очами Нависли два рога́“. — Ср. и случай у Мятлева („Сенсации и замеч. г-жи Курдюк.“) при *оба*: „...И как будто две деревни Эти оба города́. Завираюсь иногда“.

§ 9. Отдельные существительные с ударением, колеблющимся или отступающим от нынешнего.

Существительные мужского рода:

Бо́и, бо́ев и т. д.:

(Дружина) Сгорая пылкой жаждой бо́ев, С веселием текла (Рылеев, Олег Вещ., 1822). Твои свирепые герои, Твои неправильные бо́и (Пушк., Евг. Онег.).

Вождь:

Один, без во́ждя и без света, Бродил я в темной жизни сей... (Ф. Глинка, Подраж. псалм., 1823). Но у него же („Моление“, 1829): „...Куда лежит моя дорога? Здесь ни вождя́, ни света нет“.

Церковнославянизм **град**, как уже у Ломоносова, получает у поэтов начала XIX века в косвенных падежах множ. ч. под влиянием русского языка конечное ударение:

В града́х их звери поселятся! (Мерзляк., На разруш. Вавилона, 1805). ...Убийство жен, детей, Развалины градо́в... (С. Аксак., Послан. к А. И. Казначееву, 1814). Но кто вас звал... Нас из домов Семейных выгонять и пламенник войны Вносить в спокойное святилище градо́в?.. (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). Но ты умрешь — и семь градо́в... Заспорят меж собой о праве Тебя причесть к своим сынам (Катенин, Ахилл и Омир, 1826). Вожди семейств, творцы градо́в, Вы дали смертным дух и нравы... (Полежаев, Гений, кон. 20-ых годов).

Резкой руссификацией является в „Человеке“ И. П. Пнина (1805) им. п. мн. ч. *града́*: „...То зиждешь селы, то града́...“

Гром:

Как сладко было бы в природе То жизнь и радость разливать, То в гро́мах, вихрях, непогоде Пространство неба обтекать! (Хомяк., 1827). На полки полки бросались, Холмы в гро́мах загорались... (Жуковск., Бородинск. годовщ., 1839). Ср.: „...И гам лесной, и шум нагорный, — Все вторит весело грома́м“ (Тютч., Весен. гроза, 20-ых годов).

Дво́йник. Такое ударение даёт А. Погорельский на заглавном

[1] См. Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. 1—2, 1911, стр. 33.

[2] О других случаях такого употребления при **обе** см. „Словарь русск. языка“ Акад. наук СССР, IX том, 1 вып., 1929, стр. 17.

листе своей книги: „Двóйник или мои вечера в Малороссии (1828). Ср. и: „Пойдем со мной, мой двóйник нежный“ (Бенедикт., Ангел и младен., между 1840 и 1852 г.). Но уже у Баратынского, напр. („Не подражай“, 1829): „Доратов ли, Шекспиров ли двойни́к...“

Двор, обычно, как и теперь, у поэтов в косвенных падежах имеет ударение на флексии; у Веневитинова, однако, в отрывке из незаконченной поэмы (1824): „Толпа средь княжеского двóра Растет, теснится и шумит“.

Дол в дат., творит. и предл. падежах мн. ч. встречается с ударением и корня, и флексии:

1. А друг по дóлам, хóлмам скачет... (Жуковск., К Воейкову, 1814). ...Вкушаешь праздный ты покой И тишину домашних дóлов... (Пушк., Кавк. пленн., 1821—1822). Не долго мне под этим небом, По здешним дóлам и горам Скитаться, брошенному Фебом Тоске и скуке, и друзьям! (Язык., Отъезд, 1829). И легкий скок коня по дóлам и горам... (Хомяк., Зима, 1831). ...Иль предан легкому раздумью и мечтам, Гуляю наобум по дóлам и горам (Язык., П. В. Киреевскому, 1835).

2. ...В ловитве носилися, полные жара, По долáм, по горам, на могучем коне (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Реют ласточки весною По долáм и по водам... (Бестуж.-Марлинск., Юность). Не ищи его, родная, По скалам и по долáм: Спит он... ложе — пыль степная, Меч и сердце пополам! (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). За горами, за долáми Уж гремел о нем рассказ... (Лерм., Два великана, 1836).

Родительный и другие падежи мн. ч., кроме именительного, от слова **дух** в первой половине XIX века звучат почти исключительно *духóв*, *духáм* и т. д. Диференциация — *дýхов* и т. д. от *дух*, но *духóв* и т. д. к *духи́*—устанавливается как обязательная значительно позже.

...Подобно бестелесным Духáм, не знающим земного сочетанья, Не приобщаюсь я породе человека (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). Когда с небес они свергают Духóв, противных небесам... (Жуковск., Пери и Ангел, 1821). Напрасно все, оставленный духáми... Я потерял надежду на бесплотных (М. Вронченко, перев. „Манфреда“ Байрона, 1827). Сливает свой голос с напевом духóв И радугой блещет в дыму облаков (Подолинск., Природа, 1829). Духóв бесплотных сладострастья, Твой верный сын, не жажду я (Тютч., 30-ых годов). Она чародейка. Водится с злыми духáми (Жуковск., Ундина, 1836). Клянуся сонмищем духóв, Судьбою братий мне подвластных... (Лерм., Демон, 1838). Толпу духóв моих служебных Я приведу к твоим стопам... (там же). Полуночные образы воют, Как духóв испугавшийся пес... (Фет, 40-ых годов). Повсюду вход ему Средь бела дня и в черный час духóв (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). Я из племени духóв, Но не житель Эмпирея... (Баратынск., Недоносок, 1842).

Нынешнее ударение: „И ты меня переуверить хочешь,

Что на земле нет ду́хов благотворных...“ (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833).

Жук.

С накоренным ударением слово, как у некоторых поэтов XVIII века (Сумарокова и др.), выступает, напр., у Жуковского („Орел и Жук“, 1806): „...На норку жу́ка набежал“. Такое ударение как параллельное допускает ещё „Словарь русск. языка“, II, 1, 1897 г.

Зубки:

А Белочка моя нередко голодает И скалит перед Львом зубки́ свои сквозь слез (Крыл., Белка, 1830).

Истец:

...Судья был очень сух И и́стцев принимал спесиво (Филимон., Судья и два просит., 1819—1822). Какого общества быть может живописцем Наш тротуарный Аддиссон? В хорошее не проникает он, В дурном — он будет вдруг и судией и и́стцем (Вяземск., Эпиграмма, 1825). Такое ударение в XVIII веке постоянно у Хемницера. Но ср. — с нынешним ударением: „Как раболепно вкруг него Истцо́в придворных вьются души!“ (Подолинск., Глинский, 1830).

Кистень:

Где ки́стень бьет о ки́стень медный... (Катенин, Мир поэта, 1822). Но ср. у Пушкина („Брат.-разб.“, 1821—1825): „Один гуляет в чистом поле, Тяжелым машет кистене́м“.

Клинок:

Булатной сабли острый кли́нок Заброшен был в железный хлам (Крыл., Булат, 1830). Мужик мой насадил на кли́нок черенок... (там же). Вот Еж, в избе под лавкой лежа, Куда и кли́нок брошен был, Однажды так Булату говорил... (там же).

С таким ударением слово это употребляет обычно Крылов. У других — *клино́к*: „Отделкой золотой блистает мой кинжал, Клино́к надежный, без порока...“ (Лерм., Поэт, 1839).

Колокол:

У Пушкина в „Бор. Годунове“ (1825—1830) встречается диалектное ударение *колоко́л*: „Только видишь черны рясы, Только слышишь колоко́л“ (Пропущ. сцена).

Конь иногда (редко) в стихах употребляется с накоренным ударением в единственном числе, нередко и в множеств. числе, а также, в противоположность нынешнему, с конечным ударением в им. падеже множественного:

Страшно выйти мне из дому, Ко́ню дать воды (Пушк., Казак, 1814). — Ср. там же: „Выдь, коханечка скорее, Напои коня́“.

Пусть... Но чу! гулять не время! К ко́ням, брат, и ногу в стремя, Саблю вон — и в сечу! (Давыд., Бурцову, 1804). Эй, пошел, ямщик!.. Нет мочи! Ко́ням, барин, тяжело (Пушк., Бесы, 1830). Зачем же ко́ней режут волки? (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Скорее Кликни Варшнею, правителя ко́ней царевых (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841); но там же: „Когда же отдашь ты Все, и сироток моих, и царских коне́й с колес-

ницей...“ — Кончил певец, и помчался на огненных ко́нях, В пурпуре алой зари, на златой колеснице (А. Майк.).

Как медленно идут волы, оставя нивы, И скачут разметав коня́ златые гривы (Милон., Похвала сельск. жизни, 1811). Коня́ измучились, и кучер как ни бился, Пришло хоть стать (Крыл., Муха и Дорожн., 1808). Но вот и сонм бойцов блестящий: Как бодро едут все они! Как их доспехи, латы И крепки и богаты! Как статны их коня́! (Катенин, Мир поэта, 1822). И рыщут по лесу они Три целых дня, три целых ночи; Устали сами; их коня́ Совсем уж выбились из мочи... (Жуковск., Роланд оружен., 1832); но там же: „Сверкают их стальные брони; Их боевые пляшут ко́ни“.

Лист изредка у старых поэтов встречается в косвенных падежах с ударением корня:

И ли́стом по весне зеленым заменен (Озер., Фингал, 1805).

Локоть:

Как теперь в просторечии слово встречается с конечным ударением в косвенных падежах единств. числа: „На вьюке в тороках цевницу я таскаю, Она и под локте́м, она под головой“ (Давыд., В альбом, 1811). „Петрушка! вечно ты с обновкой,— С разодранным локте́м“ (Гриб., Горе от ума, 1824).

Маяк:

...И к мая́ку она на свиданье пошла; У мая́ка уж рыцарь стоял (Жуковск., Иван. ночь, 1822). Он сказал... и она... я смотрю... уж одна У мая́ка пустынной скалы (там же).

Мыслитель:

Любезный мы́слитель и цензор благодатный... (Язык., А. М. Языкову, 1827).

Недуг:

И не́дугом — существовать во мгле Без всех надежд — я заболел тогда-то... (Соколовск., Хеверь, 1837). Но несколькими строками ниже: „...Я сам пошед дорогой испытаний, И этот плач, и этот мой неду́г Все на себя я сам накликал, друг“.

Колеблется ударение в слове **остов:**

В сем разорванном покрове, В сем разбросанном осто́ве Кто б царя искать посмел! (Жуковск., между 1800 и 1810 гг.). Рукою сильной Осто́в могильный вдруг оживил... (Полежаев, Провидение, 1828).

Современное нам ударение: „Брожу как о́стов, очи впали...“ (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). „Как по о́стову планеты Океан перстом провел...“ (Шевырёв, Преображение, 1829).

Перст:

Там скальды пели брань, и пе́рсты их летали По пламенным струнам (Батюшк., На развал. замка в Швеции, 1814). Державин дерзал рассыпать по ней окрыленные пе́рсты (Дельвиг, На смерть Держ., 1816). Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные пе́рсты (там же).

В „Полтаве“ Пушкина (1829) — оба ударения: „Уж поздно,— кто-то им сказал И в поле пе́рстом указал...“ и: „Глядит над ним, грозя персто́м, Тихонько кто-то наклонился“.

Плющ относительно нередко употреблялось с накоренным ударением:

Их остатки неприметно Мхом и плю́щем зарастут (Подолинск., Див и Пери, 1827). Не забудь края златые Плю́щем, розами увить! (Дельвиг, К мальчику). ...И кудри, плю́щем увитые, Сирийским мирром умащал? (Пушк., Из Горац., 1835).

Ср. нынешнее ударение: „Эвры волоса взвивали, Перевитые плющо́м" (Батюшк., Вакханка, 1815—1817).

Полдень обыкновенно имеет нынешнее ударение. Возможно, однако, в косвенных падежах иногда и другое:

...И сладостным глаголом вышины, Как золотым полдне́м, окружены (Соколовск., Хеверь, 1837).

Поляк:

Но Москва скорбит, глядя в молчании суровом На дерзкую надменность поляко́в (Хомяк., Димитр. Самозв., 1833). Прогонит он Всех поляко́в моих единокровных... (там же) ...Он замолчал, он жертвовал Россией Своей любви и дружбе к поляка́м... (там же).

Свояк:

...Растрепанна печаль По сцене бегает и водит за собою Свояка голода с сестрицею чумою... (Вяземск., Объявление, 1810).

След:

С неволи спущенный за жертвой хищный пес Вверяется стремглав предательскому сле́ду... (Вяземск., Перв. снег, 1816—1819). Нет! Исчезла не без сле́да Из очей моих она! (Колачевский, Стон Цереры, 1829).

Случай имеет долго в бытовой речи ударение на суффиксе:

Да не вошел ли он в случа́й клыками? (Крыл., Слон в случае, 1816). Итак, коль дело есть, скорей его кончай, Иль после на себя ропщи, не на случа́й, Когда оно тебя застанет невзначай (Крыл., Охотник, 1819). Но если накупить могу я деревень, Не глупо ли, когда случа́й к тому утрачу? (Бедн. богач, 1828).

Но у Крылова нередко и нынешнее ударение: так, в той же басне „Слон в случае": „Когда-то в слу́чай Слон попал у Льва". Ср. и: „...А только в слу́чай попадись, — Он первый явится в передней" (Хмель, 1816).

Ударение *случа́й* встречается и у других писателей:

Он во сне ей [местью] наслаждался И случа́я дожидался. И представился случа́й: Лет чрез десять, невзначай, Прилетела наша пери... (Мятлев, Скрипка).

Ср. и ударение **обыча́й:** „Премудрый обыча́й введен от давних лет И помещен в число законов неизменных..." (Шаховск., Расхищ. шубы, 1811).

Сокол:

Над Червяком Соко́л, по воздуху носясь, Так с высоты шутил и издевался... (Крыл., Сокол и Черв., 1830). У Жуковского в той же басне „Каплун и Сокол" (1805) оба ударения: „Князь-со́кол, я не глух! меня хозяин ждет?" и: „Тогда б, как скот-

каплун, черкну и князь-соко́л!“ Чаще — *со́кол*. Востоков относит *сокол* к ударяемым на флексии; ср.: „Боярин гордый соколу́ Похвальные внимает клики, И восхищенья пламень дикий Играет по его челу“ (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828).

Соты:

Здесь с росистых, нежных, Дышущих цветов Пчел рои прилежных Мед пиют сото́в (Катенин, Софокл, 1818). В теплый вечер в ульях чистых Зреют светлые соты́ (И. Тург., Параша, 1843).

Ствол:

Он слуге велит *Лепажа* ство́лы роковые Нести за ним (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828).

...Где из пальмового ство́ла Льются листья через край, Где порхает в них веселый Разноцветный попугай (Мей, Гванагани, 1840).

Сударь:

Помилуйте, суда́рь, пристойно ль в ваши лета В халате, в колпаке поскимиться от света? (Крыл., Лентяй, 1803—1805). То грех сказать, суда́рь, сидеть и он не любит... (там же).

У Грибоедова с колебанием: „Боюсь, суда́рь, я одного смертельно, Чтоб множество не накопилось их [дел] (Горе от ума, 1824). „А вас, суда́рь, прошу я толком...“ и там же: „Что, су́дарь, плачете? — живите-ка смеясь...“; „Ну су́дарь, мой, а ты?“, и под.

Тюлень:

Вкруг тюлене́й хвостоногие, дети младой Алозидны... (Жуковск., Одиссея, IV). ...Где удобно Спрячешься ты посреди тюлене́й... (там же).

Узел:

И клятвою отца, как у́злом неразрывным, Привязан ты к земле, к страданьям беспрерывным (Озер., Эдип в Аф., 1804). Ты, царь, с народами священным у́злом связан (Озер., Фингал, 1805).

Ус:

Вместо зеркала сияет Ясной сабли полоса: Он по ней лишь поправляет Два любезные уса́ (Давыд., Бурцову, 1804). Востоков род. пад. ед. ч. *уса́* даёт только с таким ударением.

Улей:

...И вон из стен московских поднялися, Как из улья́ пчелиный рой (Крыл., Ворона и Курица, 1816). Когда-то, о весне, зверями В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями... (Крыл., Медведь у пчел, 1816), но там же: „Кто к у́льям ни просился, С отказом отпустили всех“.

Косвенные падежи ед. ч. и множеств. от слова **холм:**

И, может быть, теперь уже над мрачным хо́лмом... (Озер., Фингал). Вы, родные хо́лмы, нивы, Нам вас боле не видать (Жуковск., Торж. победителей, 1829).

Но и: „...И мрачные воссели пред холмо́м И внемлют арфе вдохновенной“ (А. Одоевск., Тризна, 1828). „Вы, холмы́, леса,

поляны, Скаты злачных берегов" (Язык., Чужб., 1822). Ср. в той же поэме Баратынского („Эда", 1823): „Уже и хóлмы и поля Покрыты мраками густыми", и: „Кладбище есть. Теснятся там К холмáм холмы́, кресты к крестам..."

Ударение косвенных падежей от слова **час:**

Торг слажен; и с того часá Вступила в караул Лиса (Крыл., Крест. и Лиса, 1811). ...Тогда все жители, и малый и большой, Часá не тратя, собралися (Крыл., Ворона и Курица, 1812). А ясно — только в трюм лишь стоит заглянуть, Что кораблю часá не дотянуть... (Крыл., Мыши, 1833). Как ведать, — может быть, и есть в природе звуки, Благоухания, цветы и голоса, — Предвестники для нас последнего часá... (Тютч., Mal'aria, 1830).

Подобное и при слове **шаг:**

...Из комнаты шагá не делывал с тех пор (Крыл., Лентяй, 1803—1805). Что делал здесь он год? По делу ни шагá. Я сведал все! Была ль в суде его нога? (там же).

Такое ударение слов *час* и *шаг,* с точки зрения сравнительно-исторической, следует рассматривать не как более старое по отношению к нынешнему, а как аналогическое, обязанное воздействию других форм с конечным ударением; ср: *два часá, два шагá* и под.

Челн употребляется в косвенных падежах с двояким ударением — накоренным и, как и теперь, нафлективным. Вот примеры накоренного:

Мы же, как снасти лишенные чéлны, Летим на погибель в житейские волны (Батюшк., Отрыв. из „Мессинск. невесты" Шиллера). ...И эта свирель, мой любезный, и невод на чéлне Мои (Гнедич, Рыбаки, 1821). Пока в реке плескали волны,— Неслись по ним крылаты чóлны... (Катенин, Мир поэта, 1822). Пример подударности флексии: „...Приюти в твоем просторе Тайну скромного челнá" (Тютч., На Неве, 1850).

Чугу́н:

...Путь окует чугу́ном льдистым... (Вяземск., Станция, 1828).

Старинное колебание ударения **язы́ка — языкá** встречается и в первой половине XIX века; однако первое ударение в единственном числе выступает редко и почти всегда, когда его встречаем,—со специальной стилистической установкой; „...Язы́ком сердца говорю" в „Нет, я не льстец" Пушкина (1828) не что иное, как слегка изменённое повторение соответствующей строки Державина[1]. „И то сказать, чудесный патриот Лишь своему язы́ку обучен..." в „Булеваре" Лермонтова (1830) — иронический намёк на архаическое ударение „патриотов". — Как традиционное оно выступает, напр., у Вяземского („К Тиртею славян", 1813). „...И каждый шаг его не огласят Язы́ком чувств, хвалою благодарной"; но ср. и: „Поэзия должна не хладным быть искусством, Но чувства языкóм, иль, лучше, самым чувством" (Послан. к

[1] „Вот тот летит, что, строя лиру, Язы́ком сердца говорил..." („Лебедь", ок. 1805).

И. И. Дмитриеву, 1823), хотя ударение „язы́ком“ встречается и в этом стихотворении. Нынешнее ударение: Их учат языка́м, каким оне хотят... (Филимонов, К Д. А. Остафьеву, 1812). Я шить умею, кушанье готовить, Писать, читать на многих языка́х... (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

Слова среднего рода:

Ветрило:

„Слов. церк.-слав. и русск. яз.“ Акад. наук 1869 года даёт ударение на **е**. Этому указанию соответствует: „...Без ве́трил, сна́стей и кормила...“ (Батюшк., К Тассу, 1808). Новое ударение: „Не белеет ли ветри́ло, Не плывут ли корабли“ (Жуковск., Ахилл, 1814). „На воздушном океане Без руля и без ветри́л...“ (Лерм., Демон, 1829—1838).

Забытье:

На облучке, спустивши ноги, В забы́тьи сладком он сидел (Полежаев, Сашка, 1825). Ср.: „...Объят сей тратой, горшею из трат, Я был в свирепом забытьи“ (Жуковск., Шильонск. узн., 1822); Акад. словарь ещё в 1869 году давал: *забы́тие* и *забытие́*.

Логовище:

...Не будите Вражды в ее ужасном логови́ще... (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). Я отворю секирой палача Тот гроб, где черное хранится дело, Как тайный гад в нечистом логови́ще! (Кукольник, Джулио Мости, 1836). ...Отважные беги стремнин водопадных, Расселины гор, логови́ща равнин... (Язык., Гора, 1842).

Облачко.

У ряда писателей это слово употребляется с ударением на окончании:

Поднявши́сь облачко́м, легкий пар от нее Образует Рогнеды прекрасной черты (Каменев, Громвал, 1802). Знать, солнышко утомлено: За горы прячется оно, Луч погашает за лучом И, алым тонким облачко́м Задернув лик усталый свой, Уйти готово на покой (Жуковск., Летн. вечер, 1818). Куда столь быстро и легко, И гордо, и прелестно, Ты пролетаешь, облачко́, Скиталец поднебесной? (Бестуж.-Марл., Облако). ...То вдруг она [луна] померкнет и трепещет, Задернута налетным облачко́м (Язык., Липы, 1846).

Обретение:

Зачем я встал из гроба, Согрелся жизнью, сладостной надеждой, Торжествовал обре́тенье мечты? (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

Акад. словарь ещё в 1869 году давал только такое ударение.

Пенье:

При нынешнем ударении: „...Я Соловьем в лесу здесь названа́; А моему смеяться смеют пе́нью“ (Крыл., Кукушка и Орел, 1830); „Хотел бы очень я Сам посудить, твое услышав пе́нье, Велико ль подлинно твое уменье?“ (Крыл., Осел и Солов., 1811). Ср.: Как быть и как с соседом сладить, Чтоб от пенья́ его отвадить? (Крыл., Откупщ. и Сапожн., 1811). Откуда все взялось на бедствие

мое, Веселость, острота, наряды и пенье́... (Гриб., Молод. супруги, 1815). Я думала, к пенью прошла моя пора (там же). Пусть радости игривы, Амуры шаловливы И важных муз пенье́, С Харитами житье Украсят день счастливый (Давыд., 1816—1818). Нет, вижу, что в пенье́ ты вовсе не искусен (Крыл., Кошка и Солов., 1823). ...Чтоб наших дочерей всему учить, всему — И танцам, и пенью, и нежностям, и вздохам... (Гриб., Горе от ума, 1824). Нет, не песней, нет, не сказкой Встречу здесь владыку я, Но святою чистой лаской, Лучше плясок и пенья́... (К. Павлова, Дочь жида, 1840).

Спа́сенье. Такое ударение встречается у Крылова: „Вот кум остановился — И в спа́сенье Лисы вступился“ (Лиса, 1833).

Удила (мн. ч.):

...То фыркает, то у́дил просит (Давыд., Партизан, 1826). Такое ударение даёт для ед. числа и Акад. словарь 1869 года.

Нынешнее ударение см. у Пушкина: „...Не потряхиваешь гривой, Не грызешь своих уди́л?“ (Конь, 1833—1835).

Удилище:

...Закинув, держу удили́ще в руке, и, конечно, Кусок и до дна не дошел — наплавок повернуло И тихо в камыш повезло... (С. Аксаков, Рыбачье горе, 1825). Ужасная тяга, как будто задел за корягу... В кольцо удили́ще... вскочил я, и сердце взыграло (там же).

Челобитье́. Случай такого ударения встречается у Крылова в „Лягушк., просящих царя“ (1809): „В три дня наскучило с таким царем житье. Лягушки — новое челобитье́...“

Чувствование:

Ищу измен и новых чувствова́ний, Которые живят хоть колкостью своей Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий, От преждевременных страстей! (Лерм., Элег., 1829). Пред мной готическое зданье Стоит, как тень былых годов; При нем теснится чувствова́нье К нам в грудь того, чему нет слов... (Лерм., В Воскресенске, 1830).

Имена существительные женского рода:

Битва́. — Такое ударение отмечалось как нормативное в „Росс. грамматике, сочин. Росс. Академ.“ (изд. 3, 1819):

Скажи ж, умел ли я, как муж, стоять в битве́? (Гнедич, К другу, 1819). Почто, почто в битве́ кровавой Летая гордо на коне, не встретил смерти под Полтавой? (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). ...Разнесет везде молва, Что мечом в битве́ кровавой Приобрел козак права (Рылеев, Песня сторонников Мазепы, 1825). Но у Рылеева же нередко и *би́тва*. См., напр.: „...Грозя с нагорной высоты Кровопролитьем новой би́твы“ (Святослав. 1822).

Былина:

...Мне повести и песни пели О былина́х (?) минувших дней... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828).

Волна (овечья шерсть):

Он [пастух] с них [коз] оброк волно́й берет (Крыл., Дик. козы,

1823—1825). Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой И мягкую волну́ с своих овец сбирает (Дельвиг, Тихая ночь, до 1817 г.).

Добыча:

Ягненка видит он, на до́бычу стремится (Крыл., Волк и Ягн., 1808); ...Убил Извозчика злодей, Убил и к до́быче скорей (Крыл., Разбойн. и Извозч., 1834). Но у Крылова же: „Лиса оленя поймала, И шлет к товарищам послов, Чтоб шли делить счастливый лов: Добы́ча, право, не дурная!" (Лев на ловле, 1808). — Ср. и: „Увы! с тех пор добы́ча злой судьбины, Все горести узнал, всю бедность бытия" (Батюшк., Умир. Тасс, 1817).

Ударение *до́быча* представляет первоначально особенность формы *до́бычь,* перенесённую в родственную форму склонения на а.

Макушка:

Что ты клонишь над водами, Ива, ма́кушку свою? (Тютч., 30-ых годов).

Преобладает, однако, нынешнее ударение:

У наших ушки на маку́шке (Лерм., Бородино, 1837). В непогоду-ветер Шапка на маку́шке (Кольц., Песня, 1841).

Мета (мѣта) может выступать с двояким ударением:

И лишь случайно, лишь украдкой Одно из тысячи имен... Векует ме́тою племен... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Тоска любви — единственная ме́та... (Бестуж.-Марлинск., Из Гафиза). По Акад. словарю 1869 г.—„мѣта́".

Нужда:

Набрав валежнику порой холодной, зимной, Старик, иссохший весь от ну́жды и трудов, Тащился медленно к своей лачужке дымной... (Крыл., Крест. и Смерть, 1807). Уже мы знали ну́жды глас (Пушк., Братья-разбойн., 1822—1825).

Нынешнее ударение: „Что за нужда́? ты жил, старик" (Лерм., Бояр. Орша, 1835). „...С этою веткой Скорбь и печаль, и нужду́, и заботу беру я с собою; Ты же, свободный от скорби, печали, нужды́ и заботы, Здесь оставайся" (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841).

Сосна:

Копье, как со́сна вековая, И щит, как полная луна (Озер., Фингал, 1805). На ветви со́сны преклоненной, Бывало, ранний ветерок Над этой урною смиренной Качал таинственный венок (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828). Мне мила и земля, и отрадна тенистая роща! Дышит ли ветер в ней яростный, со́сна шумит лишь приятно (К. П. Масальск., Море и земля).

Уда:

Я не прошусь закинуть у́ду В колодезь к истине сухой (Вяземск., гр. Ф. И. Толстому, 1818). Взмахнет он у́дой: глядь, крючок без червяка (Крыл., Плотичка, 1821). На белого угря которая у́да ходила — Три раза ее повело и подернуло шибко (С. Аксак., Рыбачье горе, 1825). ...Над тихой, прозрачной рекой Он с у́дой беспечно Сидел... (Лерм., 1829). ...И, закинув с челнока У́ду роковую, Приманить на червяка Рыбку молодую (Бенедикт., Озеро, 30-ых годов).

Только такое ударение давал ещё Акад. словарь 1869 года.

Особенно многочисленны случаи расхождений с нынешним и колебаний ударений, относящиеся к словам иностранного происхождения. Кроме отдельных слов, старые ударения обычно ближе к французским (конечным):

Археолóг:

Какие личные загадки Археолóгам дальних дней! (Вяземск., Послан. к А. А. Б., 1829). Акад. словарь ещё в 1869 году отмечал только такое ударение.

Атом:

Все в цепь одну плетет, все вяжет друга с другом Тот разум, что сей шар и небо утвердил, Атóма с существом премудро съединил (Гнедич, Общежит., 1804). Он должен был из тьмы веков Воззвать атóм мой для оков (Полежаев, А. П. Лозовскому, 1828). О, обрати опять в уничтоженье Атóм, караемый судьбой (Полеж., Ожесточенный, 1828). Но: „...И вещества малейший áтом От них не скрыт“ (Мей, Мысли и звуки, до 1841 г.).

Аудитор:

...Чтоб я, желая быть у муз аудитóром, Профосом дожил бы свой век (Вяземск., К А. Я. Княжнину, 1823). Акад. словарь ещё в 1869 году давал только такое ударение.

Барометр:

Ты помнишь, как в плаще издранном Эпиктет Не знал, что баромéтр пророчит непогоду... (Батюшк., Послан., 1817?). Будь меньше слез, а больше смеха, Будь все на *ясном* баромéтр (Вяземск., На новый 1828 год).

Биограф:

Собачий верный биográф, Я ждал от вас нетерпеливо Записок точных... (Жуковск., К К. Ф. Голицыну, 1820). Акад. словарь 1869 года ещё дает только такое ударение.

Бюджет ещё выступает с английским ударением первого слога—budget:

Хозяйство, урожай, плоды земных работ, В народном бю́джете вы светлые итоги... (Вяземск., Зимн. карикатуры, 1828).

Вензель:

...Нет картин, да заменятся Ташкой с царским вензелéм (Давыд., Бурцову, 1804).

Гекзаметр:

...Тянули из его расслабших недр Зазубренный спондеем гекзамéтр... (Шевырёв, Послан. к А. С. Пушкину, 1830).

Географ:

...В России под великим штрафом Нам каждого признать велят Историком и геогрáфом (Гриб., Горе от ума, 1824).

Гошпиталь, госпиталь:

Я лежал С повязкой на глазах в госпиталé (Жуковск., Камоэнс, 1839). Пусть Камоэнса Увидит он в госпиталé, больного... (там же). Салоны есть, — но этот смотрит детской, А тот, увы! — глядит гошпиталéм (Баратынск., 1841?). — Такое ударение как исключительное даёт ещё (под *госпиталь*) „Словарь русск. яз.“

Акад. наук, I, 1891, с замечанием: „в простор. произнос. гóшпиталь...“

Гяур обычно имеет ударение на **у:**

„Стамбул гяу́ры нынче славят...“ (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). „...И дочь неволи, нег и плена Гяу́ру сердце отдала?“ (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824).

Но, напр., у Полежаева в „Чир-Юрте“ (1832) это слово выступает с ударением на первом слоге: „Сам рок противится неверным, И гя́ур мстительный исчез; И вождь на мстительную драку Проклятых гя́уров ведет“, у Бестужева-Марлинского (из Гете): „Будешь гя́уром вдвойне Проклят на плохом вине“,— что, скорее всего, является отражением чисто фонетической тенденции — переносить ударение с элементов **у (и)** на предшествующие гласные типа **а, е, о.**

Деспот:

За правду колкую, за истину святую, За сих врагов царей, деспóт Вельможу осудил: главу его седую Велел снести на эшафот... (Давыд., Река и Зеркало, 1803). Но не деспóт, а общества глава Над обществом пусть царствует условно И делит с ним знакомые права (Вяземск., Послан. к А. И. Тургеневу, 1820).

Ср. нынешнее ударение: „...К чему бесплодно спорить с веком? Обычай дéспот меж людей“ (Пушк., Евг. Онег., I, 1823—1825). ...Война и дéспот в два меча Торопят медленное время (Шевырёв, Два духа, 1829). Акад. словарь ещё в 1869 году давал одно ударение — *деспóт.*

Евнух:

Меж ними ходит злой евну́х, И убегать его напрасно (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). На перекрестки шлют старух, А те мужчин в гаремы вводят; И спит подкупленный евну́х (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). Пред ним отворялися двери, Встречал его мрачный евну́х (Лерм., Тамара, 1841).

Но и нынешнее ударение: „Докучным э́внухом ты бродишь между муз“ (Пушк., Послан. цензору, 1822). „...И е́внухи кучей, и жены толпой Теснятся, ревнуя друг другу“ (Катенин, Старая быль, 1828).

Еретик:

Но вспомни же, что он ерéтик гнусный (Хомяк., Димитр. Самозв., 1833).

Зефир:

...И ленты с зéфиром играют... (Шевырёв, Гулянье, 1827).— Обычное ударение — зефи́р.

Идеолог и другие слова на *-лог:*

Хирург, юрист, физиолóг, Идеолóг и филолóг, Короче вам — студент присяжный (Пушк., Череп, 1827). ...Все вокруг стола и скок В кипеть совещанья — Утопист, идеолóг, Президент собранья... (Давыд., Соврем. песня, 1836).

Карантин с ударением на флексии в косвенных падежах встречается у Пушкина:

„Иль в лесу под нож злодею Попадуся в стороне, Иль со скуки околею Где-нибудь в карантине́“ (Пушк., Дорожн. жалобы, 1829).

Впрочем, такое ударение, как параллельное для литературного языка, указывается в „Словаре русского языка“ Акад. наук (IV, 2, 1908 г., стр. 456). Возможно, что указание базируется на этом именно примере.

Картуз, род. пад. ед. ч. **карту́за** и т. д.:

Пришел ко мне вчера с небритыми усами, Растрепанный, в пуху, в карту́зе с козырьком (В. Пушк., Опасн. сосед, 1811). Мой брат двоюродный Буянов В пуху, в карту́зе с козырьком... (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828).

Климат. Колебание ударения (греческо-немецкого, нынешнего, и французского — на **а** в этом слове характерно уже для XVIII века:

Ты сетуешь на наш клима́т печальный, И я с тобой готов его винить! (Жуковск., Послан. к Плещееву, 1812). ...Я одряхле́л, я одичал И, как клима́т сибирский, стал В своей душе жесток и хладен (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). Клима́т жестокий и суровый... (там же). ...Погнался за чинами, Переменил род жизни и клима́т... (Язык., Встреча нов. года, 1840—1841).

Ср.: *Кли́мат*: „Есть на земле такие превращенья Правлений, кли́матов, и нравов, и умов“ (Гриб., Горе от ума, 1824).

Комфорт. Английское ударение *ко́мфорт* переходит во вторую половину XIX века и держится приблизительно до последней четверти. Под влиянием галлицизма *конфо́рт* в литературном языке образуется нынешняя контаминированная форма:

На ночлегах чтоб „отели“ Английский конфо́рт имели... (Мятлев, Сенсац. и замеч. госпожи Курдюк. за границ., 1840).

Коньяк.

У Жуковского: „Как весело бывало, Когда своим друзьям Под липою ветвистой С конья́ком чай душистой Хозяин разливал...“ (К И. И. Дмитриеву, 1813). „...Да выкурить две трубки, Да подсластить конья́ком губки“ (Записка к Свечину, 1814).

Новое ударение (на флексии), повидимому, результат влияния многочисленных слов с суффиксальным **-як,** род. **-яка́** и т. д.

Метафора:

Хочу заснуть без метафо́р, Но мне и в том успеха мало... (Вяземск., Прелести деревни, 1824).

Музыка.

Колебание ударения *му́зыка* и *музы́ка*, наблюдающееся в XVIII веке, как отражение влияний польского и французского, продолжается до тридцатых годов XIX.

У Пушкина обыкновенно *музы́ка*:

Обрадован музы́ки громом, Оставя чашку чаю с ромом, Парис окружных городков, Подходит к Ольге Петушков... (Евг. Онег., V, 1826—1828). Из наслаждений жизни Одной любви музы́ка уступает... (Каменн. гость, 1830). Оттого-то шум и клики в Питербурге-городке, И пальба, и гром музы́ки, И эскадра на реке (Пир Петра Перв., 1835), и под.

Как редкое у него исключение: „...Их любит мой славянский дух; Их му́зыкой сердечны муки Усыплены...“ (Альб. Онегина).

Из более старых писателей *му́зыка* можно отметить, напр.: А в нем весь свет большой за картами сидит Или под му́зыку охотничью зевает (Шаховск., 1807). В любви я к му́зыке тебе не уступаю, И часто, про себя мурлыча, засыпаю (Крыл., Кошка и Соловей, 1823). Забылись му́зыкой, и время шло так славно (Гриб., Горе от ума, 1824). Твоих очей, брильянтовых очей Чудесный блеск и му́зыка речей И пламенных, и умных, и высоких (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833).

Жуковский обычно употребляет ударение *му́зыка*, но иногда у него встречаем и *музы́ка*; ср., напр.: „Пусть царь и тешится музы́кою твоей“ (Сокол и Филомела, 1806).

Музы́ка: Празднество́ мне — бой кровавый; Мне музы́ка — стук мечей (Рылеев, Петр В. в Острогожске, 1823). ...И одну из учениц Сбил совсем он с панталыку, Так вовлек ее в музы́ку, Что она сошла с ума (Мятлев, Скрипка). ...Музы́ки дальной слышны восклицанья, Соседний ключ слышнее говорит... (Тютчев, 30-ых годов). Я понял бы бурю музы́ки святую, Душой проглотил бы твой царственный гнев... (Бенедикт., Море, 1838). Но ср. у него же: „Кто в школе опыта давно уж перешел Сердечной му́зыки мучительную гамму...“ (Я не люблю тебя, 1837). „Там — под му́зыкой времен Окровавленные пляски Поколений и племен...“ (Пир, 1843).

В музы́ке звучного размера Избыток чувств излейте вновь (К. Павлова, Е. А. Баратынскому, 1842).

У Лермонтова в „Сказке для детей“ (1841): „Музы́кой тут гремели вечера...“ И: „Порой она среди пустого зала Сиянье, роскошь, му́зыку, цветы, Толпу гостей и шум воображала...“

Оазис:

...Среди губительных песков Отраден оази́с зеленый... (Хомяк., 1832).

Оргия:

Давно ли я, в орги́ях шумных, Ничтожность мира забывал?.. (Полежаев, Отрыв. из письма к А. П. Лозовскому, 1837).

Пародия:

...Премаленьких стишков, комедий преогромных, Идиллий, песенок, трагедий многотомных, Что пароди́ями вся публика зовет... (Бестуж.-Марлинск., К некотор. поэтам).

У Пушкина — нынешнее ударение.

Паспорт:

На право вас любить не прибегу к паспо́рту Иссохших завистью жеманниц отставных... (Давыд., 1834). Что ж не едем? Там с паспо́ртом Что-то во́зится над портом Аккуратный капитан (Мятлев, Сенсации и замеч. госпожи Курдюк. за гран., 1840).

Такое ударение долго держится и в последующие десятилетия.

Пергамент:

...В проклятые зарылся пергаме́нты, Ударился в стихи, в поэты метит (Жуковск., Камоэнс, 1839).

Пролог:

О новой драме суд не долог. Не обижая никого, Скажу, что драмы сто́ит про́лог, А та не сто́ит ничего (Вяземск., Разговор, 1821).

Профессор.

Повидимому, только социальнодиалектным являлось отражающее французское влияние ударение *профессо́р*:

„Приехал к нам из-за моря Француз-магнетизер. Какие шутки строит он! Сказать — что профессо́р!" (Мятлев, Коммеражи, 1836).

Резеда:

С духами скляночки: резе́да и жасмин (Гриб., Горе от ума, 1824).

Реплика:

Посошков: ...Где должно говорить с душой — одни лишь крики. Любский: Эх, братец!.. Посошков: Никогда не ждет своей репли́ки (Загоскин, Благородн. театр, 1828). Попасть как должно в тон, Репли́ки выучить, — все это не безделки (там же).

Симво́л. Такое ударение, повидимому, в первой половине XIX века является исключительным:

Несут за спящим стариком И тирс, симво́л победы мирной, И кубок тяжко-золотой... (Пушк., Торж. Вакха, 1817). ...И крест, любви симво́л священной... (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Над ним крестом осенена Магометанская луна (Симво́л, конечно, дерзновенный, Незнанья жалкая вина) (там же). Будь ложка вам колесовая Симво́лом сердца моего. Ей управляйте, как хотите... (Язык., Дорожн. экспр., III, 1830). Чуждо явного значенья, Для меня оно симво́л Чувств, которых выраженья В языках я не нашел (Баратынск., 1835). Много мятежных решил я вопросов, Прежде чем руки марсельских матросов Подняли якорь, надежды симво́л! (Баратынск., Пироскаф, 1844).

Симпати́я.

Это ударение XVIII века (ср., напр., у И. И. Дмитриева: „А уши, как у нас, и я по ним сужу, Что у него должна быть симпати́я с нами...", — Петух, Кот и Мышь) держится несколько десятилетий в XIX веке под влиянием французского языка:

Не симпати́я двух сердец Святого дружества венец В счастливой жизни нам вила... (Полеж., А. П. Лозовскому, 1828). Меж вами и душой моей, Скажите, что за симпатия? (Тепляк., Гебедж. развалины, 1833). Только такое ударение даёт ещё Акад. слов. 1869 г.

Статуя:

Нет, посмотрите на его стату́ю... Стату́ю в гости звать! Зачем? (Пушк., Каменн. гость, 1830). ...Что ты Как не своя; пора готовить ужин, А ты стоишь, как римская стату́я (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Свет от факелов дрожит На стату́ях медных (Мей, Сампсон, до 1841 г.).

Стихия.

Нынешнее ударение и притом господствующее и в первой половине XIX века:

Прощай, свободная стихи́я! (Пушк., К морю, 1824). ...Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем, Рассудку вопреки, наперекор стихи́ям! (Гриб., Горе от ума, 1824), и под.

Редким является: „...Скоро ли кончится эта война беспорядочных стíхий“ (Жуковск., Ундина, 1836). В других местах здесь же ударение — *стихíя*.

Феникс:

Я снова, как фени́кс, сгорев, из пепла ожил! (Жуковск., Коловратно-курьезн. сцена, 1811). При более частом нынешнем ударении: „Как фе́никс молодой, Воскреснет Греция из праха...“ (Рылеев, А. П. Ермолову, 1822).

Философ:

...Великий краснобай, названный друг природы, Недоуче́нный Филосо́ф... (Крыл., Огородн. и Филос., 1811). Пускай, не знаясь с Аполлоном, Поэт, придворный филосо́ф, Вельможе знатному с поклоном Подносит оду в двести строф (Пушк., Горчакову, 1815). Поэт, лентяй, счастливец И тонкий филосо́ф, Мечтает там Крылов... (Батюшк., Послан. к А. И. Турген., 1817—1818). А ты слепой глупец иль новый филосо́ф! О верь мне, и в очках повеса все ж повеса (Дельвиг, Подраж. I псалму, до 1817). Всех чередом поглотит Лета, И филосо́фа-болтуна, И длинноусого корнета... (Баратынск., Добр. совет, 1821).

Нынешнее ударение: „Фило́соф резвый и пиит, Парнасский счастливый любимец...“ (Пушк., К Батюшк., 1814). „...Не снимет колпака Фило́соф пред Мидасом“ (Пушк., Послан. к Галичу, 1815). „Об них, как истинный фило́соф, я сужу...“ (Гриб., Горе от ума, 1824).

Фосфор:

...Тень кипариса, солнце юга, Фосфо́ром искристый залив... (Е. Зайцевск., Вечер в Тавриде).

Хаос:

„Тот ха́ос, начальное жизни движенье, Давно уж разлился в пространстве пустом...“ и рядом: „И день отдаленный ха́оса рожденье Запомнит лишь вечность...“ (Мей, Мысли и звуки, до 1841 г.).

Экипаж.

Это слово в склонении могло иметь ударение на окончании:

„Не длинный ряд экипаже́й, Не черный флер и не кадилы В толпе придворных и паже́й За ней теснились до могилы“ (Полежаев, Погребение, 1826).

Эпиграф:

...Он знал довольно по-латыне, Чтоб эпигра́фы разбирать (Пушк., Евг. Онег., I, 1823—1826). Он годен, говорят, для эпигра́фа (Пушк., „Домик в Коломне“, 1830—1833). Акад. словарь ещё в 1869 году давал только такое ударение.

Ср. нынешнее ударение: „Прислушаться хотел я; но едва Ловил мой слух летучие слова, Отрывки безыменных чувств и мнений, Эпи́графы неведомых творений!..“ (Лерм., Сказ. для детей, 1841).

Янычар.

У Батюшкова („Послан. к Хлое“, 1804—1805): Начнет рассказывать, как турка задавил, Как роту целую янычаро́в убил... Ср. у Пушкина: „Как звери вторглись яныча́ры...“ (Вольность, 1817).

ГЛАВА III.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

По Гречу, „Практическая русская грамматика", 1827, § 529, к ударяемому на флексии типу имён прилагательных, среди других, относятся:

а) бело́, белы́; голо́, голы́; свежо́, свежи́; сине́, сини́; старо́, стары́; чёрно́, чёрны́; б) мокро́, мокры́; остро́, остры́; в) пьяно́, пьяны́; г) светло́, светлы́; тепло́, теплы́; д) бледно́, бледны́; красно́, красны́.

Свидетельства „Русской грамматики" А. Востокова (первое изд.—1831 г.; цитируем по 12-му, 1874 г., § 185) дополняют и уточняют показания Греча: к **а.** у него отнесены ещё *дюж, желт, рыж*; к **б.** *хите́р, добр, пестр*; к **г.** *кругл, смугл*; к **д.** *ра́вен, те́мен*; *воле́н, грузе́н, красе́н* (о цвете), *ровен, силе́н, уме́н* [1]; ср. и *резо́в, коротко́к, легко́к*.

Расходятся с гречевскими такие ударения Востокова: при *голо́*, по его указанию, — мн. ч. *го́лы*; при *сине́* — мн. ч. *си́ни*; при *красно́* — мн. ч. *кра́сны*; *пьян* принадлежит у него к типу, имеющему конечное ударение только в женск. роде ед. ч. Против Греча, дающего *мёртво, мёртвы*, Востоков даёт ударение *мертво́*, но *мёртвы*.

Показания Греча и Востокова не оставляют сомнения, при сличении их со свидетельствами других славянских языков, в особенности таких, как сербский и словенский, — что в первой четверти XIX века русский литературный язык в ударении прилагательных сохранял бо́льшую близость к древнейшему славянскому, нежели нынешний и даже язык второй четверти XIX века.

Сомнения из того, о чём свидетельствуют Греч и Востоков, возбуждает относительно немногое: так, Греч, повидимому, не везде проверил утверждаемый им полный параллелизм между ударением средн. рода ед. ч. и множественным числом; вряд ли верно, вопреки Востокову, что *дюж* и *рыж* принадлежали и в его время только к типу с конечным ударением, и под.

---

[1] Для *грузен, ровен, силен* и некоторых других Востоков допускает и параллельное ударение сплошь на коренном гласном.

Мы не находим, однако, у поэтов начала века, тем менее — во второй четверти, особенности ударения нечленных прилагательных сохранёнными в строгом соответствии с грамматиками Греча и Востокова. Не завершившийся и сейчас процесс смешения типов 1) *мил*: *мила́*: *ми́ло*: *ми́лы*: *ми́лый, -ая, -ое* и 2) *бел*: *бела́*: *бело́*: *белы́*: *бе́лый, -ая, -ое*; 1) *сла́вен*: *славна́*: *сла́вно*: *сла́вны*: *сла́вный, -ая, -ое* и 2) *уме́н*: *умна́*: *умно́*: *умны́*: *у́мный, -ая, -ое*, протекал уже в XVIII веке; к сильным разрушениям старых отношений привёл он в первой четверти XIX века и всё более укреплял преобладание первых типов за счёт вторых.

Ограничимся немногими примерами:

1. Ударение окончания в ед. ч. среднего рода сохраняют у поэтов, напр.:

В повозке так-то, на пути, Необозримою равниной, сидя праздно, Все что-то видно впереди: Светло, синé, разнообразно... (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Скажу не в смех, что под глазами И у него и у нее Весьма синé (Полежаев, Нечто о двух брат. кн. Львовых, 1835). Бледнó, как саван роковой, Чело отверженца природы... (Полежаев, Жив. мертвец, 1828).

2. Перевод форм среднего рода в тип с ударением корня отражают:

Все бéло вкруг него — земля и небеса (Щербина, Зимн. чувство, 1846). Все в жизни мéртво и темно, Коль ею не оживлено (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Вокруг все холодно, и мéртво, и темно... (Хомяк., Зима, 1831). ...Все свéтло надеждой, Любовь без измен... (Мятлев, Облака). Доступно все, что свéтло и высоко Моей душе, поникшей в пустоте... (Щербина, Афродите-Урании, 1846).

3. Редки случаи, когда формы среднего рода под влиянием ударения женск. рода получают новое конечное ударение:

И как-то на душе мне грустно становúтся, И мысль вяла, и сердце холоднó... (Щербина, 1847).

4. Ударение окончания во множ. числе сохранено в случаях:

Чудесный вид, волшебная краса! Белы́, как день, земля и небеса (Полежаев, Бел. ночь, 1835). Твердить преданья старины, Что мы в делах своих вольны́, Есть перекорствовать уму... (Полежаев, А. П. Лозовскому, 1828). Резвы́ и проворны проклятого ноги... (Кюхельб., Кудеяр, 1833).

5. Ударение во множ. числе падает на корень:

Вы бóльны от любви... (Кокошк., Воспитание, 1824). Утешься, милая! Мы дóбры — и конечно Нас боги наградят здесь жизнью долговечной! (Вяземск., Послан. к ... в деревню, 1808). Мы грéшны — любим перемену (Вяземск., К Нисе, 1808). Нет, нет, надеяться того не дóлжны Фивы (Озер., Эдип в Афин., 1804). Но ниже: „...Нет, пользы общие нас съединить должны́“ и: „Но завтра чести сей должны́ Афины ждать. Да!.. Многое должнó узнать тому, Кто властвует над участью народной!“ ...Как дóлжны быть огромны и крепкú Его мыслéй победные полки... (Соколовск., Хеверь, 1837). И у него же: „Да мы должны́, как дорогим

элеем, Все умащать любовию в себе...“ [1]. Слова мои не кра́сны, ум холопий... (Кукольник, Рука Всев. отеч. спасла, 1832). Ср. у Востокова: „...краси́н, красно́, красны́“ — Друзья мои, где гости пьют, Там речи о́стры, но не колки... (Баратынск., Пиры, 1820). Как хороши, как све́жи были розы В моем саду, как взор прельщали мой! (Мятлев). Но знаешь ли, чем си́льны мы, Басманов? (Пушк., Бор. Годун., 1825—1830). ...Но признано всем светом, Особенно в последние года, Что стали у́мны хоть куда! (Гриб., Горе от ума, 1824).

6. Ударение в типе с накоренным ударением перенесено во множ. числе на флексию:

Я нападал на свежие следы. Сначала думал я, что вы — кокетка, Потом, что вы — уж чересчур горды́... (Мей, Октавы, 1844). Дома новы́, но предрассудки стары (Гриб., Горе от ума). — Ср. там же: „Примеры мне не но́вы“.— ...Ликуйте вы погибельным собраньем, И бедственно для вымыслов новы́, Резвитеся, играйте дружно вы... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...И те мгновенья были мук полны́, И населял таинственные сны Я этими мгновеньями... (Лерм., 1831). Звуки их, полны́ печали, Молят за меня... (Огарёв, Sérénade, 1840). Боюсь узнать, что вы пусты́, Что вы ничтожной суетою В холодном сердце заняты (Огарёв, Д., 1840). И воспевал я вас, и вы благоволили Веселым юноши стихам, Зане тогда сильны́ и сладкозвучны были Мои стихи (Язык., К. К. Павловой, 1841). Здесь так свежо, вы так слабы́... (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Ср. там же: „...Вы так бледны́, так сла́бы, Нет, нет, сударыня! Вы слишком холодны́...“ (Загоскин, Благородн. театр, 1828). Вы слишком холодны́. Как будто речь идет меж нами про иголку... (Пушк., Анджело, 1833). Страдалицы святые, Перенесли тяжелой жизни сны!.. Но им чужды́ проклятия земные... (Огарёв, 1838).

7. Из колеблющихся случаев ударения в ед. ч. мужск. рода могут быть с конечным приведены примеры:

Увидя то, на мысли Волку вспало, Что Лев, конечно, не силе́н, Коль так смире́н (Крыл., Лев и Волк, 1816). Силе́н и волен был бы я... (Пушк., год неизв.). Ср.: „Ужель тюрьмою си́лен он И слышать рад печальный стон?“ (Огарёв, Юмор, 1840—1841). — „...Порой смире́н, порой мятежен...“ (Пушк., Евг. Онег.). А все чуде́н и мост, по коем мы пойдем... (Крыл., Лжец, 1815). Но там же: „Хоть римский твой и чу́ден огурец...“

8. Очень редки отклонения от конечного ударения в ед. ч. женского рода; ср.: „Верна́ или неве́рна, Я был ее жених... и грусть моя безмерна“ (Гнедич, Танкред, 1809). Написание „неверна“ (слитное) позволяет, однако, толковать форму как усеченную членную.

(не)годна:

Мне тяжела теперь и радость, Не только грусть... душа моя, Уж никуда не го́дна я... (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828).

[1] Исходное место ударения в этом слове спорно: не исключена возможность, что ударение *до жно́, должны́* — русское, разговорное, а *до́лжно, до́лжны* — книжное, церковнославянское.

Звучна:

...Давида пророка бряцает струна, И сердцу понятна и зву́чна она (Мятлев, Облака).

(не) нужна:

Прошу прощенья; вам Она совсем нену́жна, пан Заруцкий, А нам она последняя надежда (Кукольник, Рука Всев. отеч. спасла, 1832).

Сносна:

Холодность сно́сна лишь при муже... (Вельтман, Странник, 1831).

Наоборот, необычное для литературного языка, видимо, диалектное, ударение выступает у Жуковского в басне „Истина и Басня" (1806): „Бог с ней! не пригожа́, как смерть худая...": перенос в женском роде у двусложных основ — явление новое, не получившее распространения вне говоров.

Наряду с сохранившим и сейчас старинное ударение *ра́да*, в изучаемое время обычным ударением формы женского рода ед. ч. является *пра́ва*:

Вот примеры из поэтов:

Орел ответствует, наскуча вздором тем: — „Ты пра́ва, только не совсем..." (Крыл., Орел и Куры, 1808). Прелестина: Ты пра́ва! Лиза: Да к тому ж весь свет такого мненья, Что эти болтуны — прежалкие творенья (Хмельницк., Говорун, 1817). Ты пра́ва, в нем уж нет прекрасного огня Моей любви первоначальной (Баратынск., Признание, 1827). ...Даже мне Еще известнее, как пра́ва О вас рассеянная слава (Барат., Цыганка, 1829—1842). Молва, быть может, не совсем непра́ва (Пушк., Каменн. гость, 1830). Я не хочу притворствовать напрасно, Ты пра́ва: в сердце я ношу печаль Тяжелую... (Пушк., Русалка, 1832). Бьянка: Такого имени я не слыхала, — Ты, верно, иностранец? Тасс: Да, ты пра́ва (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Ты пра́ва. Как от упоенья, В чаду кадильниц, не забыть Обет, который, может быть, Ты бросила от нетерпенья (Давыд., 1834). ...Бог наградил нас тобою; но пра́ва певица, не можем Лучшего блага земного тебе возвратить мы, родную Мать и родного отца (Жуковск., Ундина, 1836). И публика не пра́ва, между тем (Лерм., Сказ. для детей, 1841). И будешь ты всегда непра́ва, Всегда безвластна перед **ней** (К. Павлова, Двойн. жизнь, 1847—1848).

Но **и** — значительно реже: „Ты вся права́!.. От моровой чумы Вседневных бед черствеем сердцем мы..." (Соколовск., Хеверь, 1837).

9. Архаическое ударение—на суффиксе,—долго сохраняется в мужском роде у слов **коротóк** и **легóк** (старинный суффикс **-ък-**), а также у особняком стоящего **резóв.** Ср. примеры у авторов:

Сумбур: Постой же, дай хоть мне бумажки лоскуток. Андрей: Извольте. Сумбур: О, нет, нет! И мал, и коротóк (Крыл., Лентяй, 1803—1805). Поставь свою ты куклу в уголок: Рассказ мой будет коротóк (Крыл., Ягнен., 1819)[1].

[1] К историческому освещению типа см.: „Порівн.-історичні розвідки в ділянці укр. наголосу, III", „Мовознавство", № 11, 1937, стр. 23 и след.

У большинства поэтов, однако, чаще — ударение членной (полной) формы:

Как брань тебе не надоела! Расчет коро́ток мой с тобой... (Пушк., Эпигр., 1820). Как платье, волосы, так и умы коро́тки!.. (Гриб., Горе от ума, 1824). Коро́ток мой обед; нехитрых сельских брашен Здоровой прелестью мой скромный стол украшен... (Язык., П. В. Киреевскому, 1835). ...И, привести тех злобных повелев, Стал их судить и суд их был коро́ток (Соколовск., Хеверь, 1837).

Легóк:

Здоров ли? Все так же ль легóк его бег? (Пушк., Песнь о вещ. Олеге, 1822). Барóнша — в кошелек, А кошелек как пух, и тонок, и легóк (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). Видать случалось часто мне, Как доступ не легóк в высокие палаты (Крыл., Мирон, 1830). Благослови любовь мою, Я беден — Но могуч и молод, Мне труд легóк (Пушк., Тазит., 1833). ...Строен, легóк и могуч — тешится быстрой игрой! (Пушк., Надпись на стат. играющего в свайку, 1836). Не говори, что я легóк и молод (Бенедикт., К Н-му, 30-ых годов). Почуяв седока, на молодецкий Свист богатырский конь из стойла прянул, И прибежал, легóк, могуч, красив... (Жуковск., Сказка о Ив. царев. и сером волке, 1845).

Изредка **лёгок:**

Как ловок в танцах он! как лёгок, мил и статен! (Обед у Медв., 1816; приписыв. Крылову). Из грома, из пены И холода, лёгок и свеж, выхожу (Язык., Морск. купан., 1840—1841). Не гульбу имел в предмете, На подъем не лёгок был... (Бенедикт., Два клада, между 1842 и 1850 гг.).

Заметим к слову *жестóк* встречающееся у старейших писателей ударение наречия — *жéстоко*:

Сердце в груди у него беспокойное жéстоко бьется (Гнедич, Илиада, XIII). В тяжких оковах, в глубокой темнице был жéстоко мучим... (Жуковск., Одиссея).

Резов:

Ребенок был резóв, но мил (Пушк., Евг. Онег., I, 1823).

Ср. и наречие: „Вот резвó Домчались к отдыху. Ночлег. Куда ни взглянешь — Все та же гладь, и степь, и пусто и мертвó“ (Гриб., Горе от ума). У Пушкина, однако, *рéзво*: „Когда б оставили меня На воле, как бы рéзво я Пустился в темный лес!“

10. Из прилагательных (наречий) с суффиксами **-ив** и **-лив** отметим:

Запальчив:

„Трус!“ на него запальчúво Роллон закричал... (Жуковск., Рыц. Роллон, 1832).

Сварлив.

У Крылова („Лентяй“, 1803—1805): „Не зол, не свáрлив он, отдать последне рад...“

Счастлив.

Это прилагательное выступает безразлично с ударениями *сча́стлив, счастли́в, сча́стливый, счастли́вый*:

Но он утешится, когда мы скажем, Что видели тебя, что ты жива И сча́стлива (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). Сча́стлив ты в прелестных дурах... (Пушк., 1829). И сча́стлив в незавидной доле! (Полежаев, 1830). ...И их рассказам я внимаю, И сча́стлив я любовью их! (Мятлев, Чужое дитя).

Счастли́в уж я надеждой сладкой... (Пушк., Русл. и Людм., 1820). Счастли́в, кто избран своенравно Твоей тоскливою мечтой... (Пушк., К***, 1828). Счастли́в, кто посетил сей мир В его минуты роковые... (Тютч., Цицерон, 1830).

...Он [Давыдов] в мире сча́стливый певец Вина, любви и славы (Жуко́вск., Певец во стане русск. воинов, 1812). ...Когда к дверям смиренным Обители твоей Придет, с толпою фей Желаний прихотливых Фортуна — враг счастли́вых... (Жуковск., К Батюшкову, 1812). Счастли́вый юноша, ты всем меня пленил... (Пушк., 1825).

Характерны колебания:

См. в стихотворении Батюшкова „Странствователь и Домосед" (1815): „...Но счастия не находил Под небом сча́стливым Эллады", — и: „Счастли́в еще, что жизнь не отняли его!" или в том же стихотворении Давыдова („О ты, смущенная...", 1816): „Но, ах! Не мысли ты, чтоб новые восторги И спутник сча́стливый твоих весенних дней Изгладили меня из памяти твоей!" — и: „И я, я сам явлюсь тревожить твой покой, Но уж не в виде том, как в дни мои счастли́вы..." У Вяземского в двух рядом стоящих строках, может быть даже с шутливой установкой: „...Спешите сча́стливыми быть, Когда счастли́выми быть можно" (Песня, 1817).

11. Из ударений имён прилагательных на **-ен, -на, -но (-ный, -ная, -ное)** и соответствующих им наречий заслуживают внимания:

Беспомощный. Ср. наречие:

Ветром вырвало весла из рук у гребцов; беспомо́щно Были мы преданы морю... (Жуковск., Ундина, 1836). — Акад. словарь ещё в 1869 году давал только такое ударение. Словарь 1891 года допускал его как параллельное.

Вычурной:

...В чепцах узорных, вычурны́х Ряд пестрый бары́нь пожилых Сидит (Баратынск., Бал, 1825—1828).

У других поэтов обычно нынешнее ударение.

Деятельный:

Взлелеянный на лоне вдохновенья, С дея́тельной и пылкою душой... (Лерм., К другу, 1829). Ни дум дея́тельного дня, Ни тихих снов ленивой ночи (Язык., Ау!, 1831). Иль опять... Ты древнерусские обходишь города, Деятелен и мил и одинак всегда? (Язык., П. В. Киреевскому, 1835).

Как нормативное такое ударение отмечено ещё в „Словаре русск. яз." Акад. наук, I, 1891 г.

Ср. нынешнее ударение: „В самом бездействии он с дéятельным духом“ (Батюшк., Послан. И. М. Муравьеву-Апостолу, 1814—1815). „Труды и годы угасили В нем [Мазепе] прежний, дéятельный жар“ (Пушк., Полт., 1828—1829).

Параллельно ударению *деятельный* и в имени существительном: „Так дарование без пользы свету вянет, Слабея всякий день, Когда им овладеет лень И оживлять его деятельность не станет“ (Крылов, Пруд и Река, 1814—1816).

Очень часто у поэтов в первые десятилетия XIX века ударение **днéвный:**

...Свет днéвный сократя, длит ночи мрачну тень (Шаховск., Расхищ. шубы, I, 1811). На диком береге Луары, В ужасной башне вышиной, Враги его повергли яры Под стражей днéвной и ночной (Милон., Освобожд. пленники, 1815). Погасло днéвное светило; На море синее вечерний пал туман (Пушк., 1820). ...Прекрасный, как тот днéвный свет, Который с неба мне светил... (Жуковск., Шильонск. узн., 1822). Вотще я их в слезах молил, Чтоб брату там могилу дать, Где мог бы днéвный свет сиять... (там же).

Ср.: „Ранний свет луча дневнóго Озарил мой тайный путь“ (Язык., Утро, 1831). Акад. словарь 1869 года давал параллельно то и другое ударение.

Заповедной:

...Один в заповедны́х лугах Он травит буйвола княжова (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). ...Но он, вдали прозрев заповéдну́ю грань... Он жадно чрез нее стремится в бесконечность (Вяземск., Байрон, 1827). И для гостя дорогого Из ведра заповеднóго Рюмку синюю твою Вековым вином нальешь ты... (Язык., Девят. мая, 1839). — „Слов. русск. яз.“ Акад. наук, II, вып. 5, 1901 г. давал ещё параллельные ударения *заповéдный* и *заповеднóй*.

Колеблется ударение прилагательного **зеркальный:**

Она между лугов, казалось, засыпала И в зéркальных водах брега образовала (Батюшк., Отрыв. из X песни „Освоб. Иерус.“, 1808). ...Восточной странностью речей, Блистаньем зéркальных очей... (Пушк., Гречанке, 1822). На зéркальном паркете зал... (Пушк., Евг. Онег., I, 1823—1825). Светлее зéркальных зыбей, Звезды прелестнее рассветной... (Язык., Элег., 1824). В стране, где Сороть голубая, Подруга зéркальных озер... (Язык., Тригорское, 1826). Так и теперь моей мечте Из лона зéркальной пустыни Светлеет лик младой богини В прозрачно-влажной красоте (Вяземск., Море, 1826). ...Веди наяд луны с мерцаньем Плескаться в зéркальных струях (Е. Зайцевск., Весна). Мы сняли покровы: глядим — небеса Спокойны, безмолвны поля и леса, И тихи, зéркальны волны! (Хомяк., 7 ноября 1841).

И: „Я видал иногда, как ночная звезда В зеркáльном заливе блестит...“ (Лерм., Еврейск. мелод., 1830). „...Как ты бросаешь своевольно Свои зеркáльные струи“ (Кукольник, Джулио Мости, 1836). „...Луна зеркáльная над древнею Москвою Одну выводит ночь блестящей за другою“ (Фет, 40-ых годов).

„Словарь русск. яз.“, составл. Вторым отдел. Акад. наук, II том, 9 вып., 1907 г., отмечал как параллельные ударения *зеркáльный* и *зéркальный*, не различая времени употребления того и другого.

Млечной:

При обычном *млéчный* у Батюшкова в „Беседке муз“ (1817): „Под тению черемухи млечнóй И золотом блистающих акаций...“

Наливный:

...Налúвное, сквозное, как янтарь, При солнце яблоко на ветке дозревало (Крыл., Мальч. и Червяк, 1819).

Ср. принятое теперь ударение: „И к царевне наливнóе, Молодое, золотое, Прямо яблочко летит...“ (Пушк., Сказ. о мертв. царевне, 1833).

Немощной:

...И с завистью вольюся в немощнóго, И явный стыд надменным сберегу... (Соколовск., Хеверь, 1837).

У других поэтов обычно нынешнее ударение.

„Словарь церк.-слав. и русск. яз.“ 1869 года даёт только *немощнúй*.

Озимной:

...Когда увидим снова Веселый цвет лугов и поля озимнóва?.. (Хомяк., Зима, 1831).

„Слов. церк.-слав. и русск. яз.“ 1869 года даёт только *озúмный*.

Полуночный возможно с двумя ударениями: на **у** и на **о:**

Раз полýнощной порою Сквозь туман и мрак Ехал тихо над рекою Удалой казак (Пушк., Казак, 1814). Вокруг ее все девы перед ней — Как тусклый ряд полýночных теней... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...То, сонному подобяся виденью, Он подходил в полýночной тиши... (там же). Лес был дремучий, и был уж полýночный час (Жуковск., Рыц. Роллон, 1832). Люблю безмолвие полýнощной природы, Люблю ее лесов лепечущие своды (Фет).

...Но мы и веселы и смелы. Плывем в наш полунóчный край! (Е. Зайцевск., Возвращ. с моря). Полунóчные образы реют, Блещут искрами ярко впотьмах... (Фет, 1843).

Рóскошный, рóскошно.

Такое ударение встречаем у Грибоедова, Баратынского, Марлинского и Соколовского:

...Хоть матушка моя покойная жила Куда не рóскошно, я чай, и вам известно? (Гриб., отр. из комедии „Своя семья, или Замужняя невеста“, 1818). Его пустынничий обед Не будет рóскошный, но сытый“ (Баратынск., Пиры, 1820). — Ср. в этой же поэме: „Пусть не роскóшен был прибор“; „...В простые чаши бог похмелья Роскóшно лил сынам веселья Свое любимое Аи“, и под. Возможно, что не случайно в переработке „Пиров“ 1833 г. слово „роскошный“ с ударением, казавшимся необычным самому поэту, заменено: „Его пустынничий обед Не будет лакомый, но сытый“.

Не раз меня мечта моя носила В край Галича, на ро́скошный Дунай... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Хладея, солнце разливало В долинах ро́скошную тень... (там же).

У Соколовского в „Хевери“ (1837): „...И ро́скошно, и сладко ей взамен К стране земной ответствовал эдем!“; „...Но кто счастливец тот, Которому подобные награды Так ро́скошно прольются с высоты?“

Саха́рный.

У поэтов первой половины XIX века такое ударение встречается иногда и в случаях, где отсутствует установка на народную речь:

Не лобызай саха́рных уст порока, И не проси, и не бери наград (Язык., Поэту, 1833).

Ср. с окраской народного слога: „Ма́нит детей он яствой саха́рной, После ж самих их схватит и съест“ (Катенин, Леший, 1816).

Повидимому, и в первой категории случаев такое ударение является только стилизацией.

Таинственный.

Это слово выступает с двумя ударениями: на **а** и на **и**. Дифференциация значения, возможно, существовавшая первоначально (*та́инственный* — к *та́инство*; *тайнственный* в смысле „овеянный тайной“ и под.): „Приближьте знак любви, сей та́инственный крест...“ (Батюшк., Умир. Тасс, 1817). „О та́инственной круг! каких законов сила Слияла здесь красу с чудесной простотой...“ (Жуковск., Гимн, 1808). „Мы все стоим у та́инственных врат“ (Жуковск., На смерть кор. Виртемб., 1819),— в дальнейшем утрачивается; ср. у Пушкина в „Полтаве“ (1828—1829): „...Он архипастыря зовет К одру сомнительной кончины, И на коварные седины Елей тайнственный течет“. „Ах! почто за меч воинственный Я мой посох отдала И тобою, дуб тайнственный, Очарована была?“ (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821).

Травно́й:

Настоечка двойная, Настоечка травна́я... (Мятлев, Восторг). Ср. *Травны́й* в „Слов. церк.-слав. и русск. яз.“ Акад. наук 1869 года.

Цве́тный.

Такое ударение скорее всего представляет продукт влияния параллельных *многоцве́тный, разноцве́тный*:

Конь будет украшен черкасским седлом И шелковой цве́тной уздою (Катенин, Старая быль, 1828).

„Слов. церк.-слав. и русск. яз.“ 1869 года ещё даёт *цвѣ́тны́й* и *цвѣ́тный*.

Че́стный (церковнослав.) и **честно́й** (русск.) употребляются ещё без той смысловой диференциации, которая установилась за ними теперь:

Вот гости че́стные нашли, За стол невесту повели (Пушк., Наташа, 1828).

Гербы и грамоты в глазах честны́х людей — Гнилой пергамент, пыль, объедки от червей, Коль, предков славные являя нам

деянья, В их внуке не возжгут к честям поревнованья... (Воейк., Послан. к Сперанск. об ист. благор., 1806). Ты все колеблешься, я повторяю снова: Не я о том сказал, даю честно́е слово (Гриб., Молод. супруги, 1815). Честны́е бедняки к чему на свете годны? (С. Аксак., Отр. из 8-ой сатиры Буало, 1823). ...Не солгу, Честно́е слово дать могу (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). Есть очень много и других, Людей бесчестных и честны́х (Н. Маркевич, перев. „Дон-Жуана" Байрона, 1829).

12. Широко допускаются ударения, отличные от нынешних, и варианты ударений — **-о́вый, -о́вая, -о́вое** и **-ово́й, -ова́я, -ово́е; -овы́й** и **-о́вый:**

Гробовой:

Ничто его не вызывает Из мирной сени гробово́й (Пушк., Гроб юноши, 1821). Я весел... Вдруг виденье гробово́е... (Пушк., Моцарт и Сальери, 1830). В устах недвижность гробова́я (Лерм., Измаил-бей, 1832).

Как в этот миг Забыл природы Гробо́вый лик... (Баратынск., 1831). Гробо́вый мрак — вот будет их покров, А прах и гниль — вот будут их постели! (Соколовск., Хеверь, 1837). Свободу, может статься, дам ему, Но помни твердо, что свобода эта Должна быть крепче стен гробо́вых... (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). На звуки флейт и лир Он безответен, гость гробо́вый (А. Майк., Олинф. и Эсфирь).

Громовой:

...Рисует радуги живые На тучах жизни громовы́х (Тютч., Слезы, 1823). ...И раскаты громовы́е Все сердитей и смелей (Тютч., 1849). ...И над землей со стуком громовы́м Падет она погибельной бедою! (Соколовск., Хеверь). Тут Зевес, заблистав, на корабль громову́ю Бросил стрелу (Жуковск., Одисс., 1842—1849). Дуновенье роковое Вьет, крутит меня как пух, Мчит под небо громово́е (Баратынск., Недоносок, 1842).

Я, рассердясь и жизнь кляня, Готовил им ответ громо́вый... (Гриб., Горе от ума, 1824). ...То бури при громо́вом шуме Неслись на быстрых парусах... (Е. Е. Зайцевск., Е. Ф. Р-ой). ...Пали на землю, сраженные криком богини громо́вым (Жуковск., Одисс.).

Грошевой:

...Рюмок грозное молчанье, Пламя трубок грошевы́х (Пушк., Воспоминания, 1815). Заутра с свечкой грошево́ю Явлюсь пред образом святым (Пушк., Эпигр., 1816).

Акад. словарь ещё в 1869 году давал только такое ударение.

Крестовой:

...И с ним кладут снаряд войнский: Неразряженную пищаль, Колчан и лук, кинжал грузинский И шашки крестову́ю сталь... (Пушк., Тазит, 1833).

Лавровый.

Наряду с обычным ударением *лавро́вый*, напр.: „Несусь, куда несет суровый, Всему неизбежимый рок, Куда летит и лист лавро́вый, И легкий розовый листок!" (Давыд., Листок, 1816—1818).

„...И преклонясь к лавро́вому кусту, Дышала роза молодая“ (Давыд., Вечер в поне, 1826), у Давыдова, Пушкина, Баратынского встречаем и *ла́вровый*:

Он с цветочка на цветок, С стебелька на стебелек Мотыльком перелетает. Но как рок его суров! Все растенья он лобзает, Кроме... ла́вровых листов (1820). ...Где на холмы, под ла́вровые своды, Не смеют лечь угрюмые снега? (Пушк., Кто видел край..., 1821). ...Я с укоризной указую Тебе на ла́вровый венок (Баратынск., К***, 1827), ударение, известное XVIII веку, ср.: „А там израненный герой... Поникнув ла́вровой главою, Сидит и ждет тебя уж час!“ (Держ., Ельможа, 1794).

Парчевой:

И перстни золотые, И платья парчевы́е (Пушк., Наташа, 1825). ...Казбек, Кавказа царь могучий, В чалме и ризе парчево́й (Лерм., Демон, 1829—1838).

Почтовой:

...Пускай старик крылатый Летит на почтовы́х! (Пушк., К Пущину, 1815). Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат, Блистать и мишурой воинственных наград... Которых на Руси, как почтовы́х коней, Скорее тем дают, кто чаще бьет людей (Язык., Н. Д. Киселеву, 1822). Так думал молодой повеса, Летя в пыли на почтовы́х.. (Пушк., Евг. Онег., I, 1823—1825). Пегасы просто почтовы́е Меня до почты довезли (Вяземск., Коляска, 1826).

Ср. современное ударение: „...Доныне гордый наш язык К почто́вой прозе не привык“ (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). „...Хотя вам прозою почто́вой Лениво дань мою плачу“ (Барат.).

Пудовой:

...То является томим Чувством жалостно унылым, То барсом легкокрылым, То маркизом пудовы́м (Давыд., 1816—1818). Вот груды пышные доспехов боевых И исполинский меч, и латы пудовы́е... (Майк., Palazzo, 1847).

Ещё Акад. словарь 1869 года давал только такое ударение.

Пурпуровый:

И смутно все было внизу подо мной В пурпу́ровом сумраке там... (Жуковск., Кубок, 1831). А между тем желанный солнца дар, Краса-заря плескала вверх свой жар Пурпу́ровый и радужно-янтарный... (Соколовск., Хеверь). И: ...И уста, в которых тает пурпуро́вый виноград... (Батюшк., Вакханка, 1815—1817). Щеки нежно пурпуро́вы У прелестницы моей (Язык., И. В. Киреевскому, 1831—1832).

Пуховой:

...Уединение, ленивки пуховы́е, Халат, рабочий стол и книги выписные (Язык., П. В. Киреевскому, 1835). — Всколыхнуло грудь пухо́вую Перекатною волной... (Мей, Евр. песни, V, 1845).

Ромовой:

Какой восторг нам в душу лили Стаканы жженки ромово́й! (Язык., Бар. Вревской, 1845).

Терновый:

От них, я вижу, радость Летит, как бабочка[1], от те́рновых кустов (Батюшк., Мечта, 1806).

Фунтовой:

И покрыт он щитом, и топор за седлом Укреплен двадцатифунтово́й (Жуковск., Иван. ночь, 1822).

Шелковый имеет в поэзии все три возможных ударения: *ше́лковый, шелко́вый* и — редкое — *шелково́й,* чаще — с окраской народного стиля:

Конь будет украшен черкасским седлом И ше́лковой цве́тной уздою (Катенин, Стар. быль, 1828). Клянусь... Незлобных уст твоих дыханьем, Волною ше́лковых кудрей... (Лерм., Демон, 1829—1838). И там же: „...И на шелко́вые ресницы Сны золотые навевать". — Ты зрел, как он [Дон] поил шелко́вы Необозримые луга... (Жуковск., К Воейкову, 1814). Под занавеской шелко́вой Не спится ей в постели новой... (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828). Там, там, где пышный ток Родана, В виду заоблачных вершин, Сребро́м выходит из Лемана На гладь шелко́вую долин... (Язык., Дева ночи, 1828—1829). ...Но чуть верхний намет слегка колыхнулся, С самого входа, сквозь кисти шелко́вых подборов По́рхнула с шумом голубка... (Катенин, Гнездо голубки, 1836). Кудри, кудри шелковы́е, Юных персей красота... (Дельвиг, Песня, 1825). Сквозь ресницы шелковы́е Проступили две слезы (Тютч., перв. пол. 30-ых годов). Идуны перси ярко блещут, Дрожа под тканью шелково́й (Я. Грот, перев. „Фритиофа" Тегнера, 1841).

Штыковый:

...Да стоит ее [России] штыко́вой Перекрестный частокол! (Бенедикт., Тост, 1845). Акад. словарь ещё в 1869 году давал только такое ударение.

13. В некоторых случаях отличается от нынешнего или неустойчиво ударение также в прилагательных, с суффиксом **-ян-:**

Ледя́ный — ледяно́й; льдя́ный, льдяно́й:

Дрожащий хладный блеск полунощной Авроры И льдя́ные, в морях носимы ветром горы... (Батюшк., Послан. И. М. Мурав.-Апост., 1814—1815). ...И шумной пеной орошал Ледя́ный свод (Пушк., Обвал, 1829). Ледя́ную встречаю руку Моей пылающей рукой (Лерм., Разлука, 1830). ...Пленительней, чем голубые очи У нежных дев ледя́ной полуночи... (Лерм., Изм.-бей, 1832). ...Сей страны, что, с горизонта Вскинув глыбою крутой С моря льдя́ного до Понта Мост Рифея золотой... (Бенедикт., Тост, 1845).

При: „В венце блистая ледяно́м, Эльбрус, огромный, величавый, Белел на небе голубом" (Пушк., Кавк. пленн., 1820—1821). „Лицо бесцветное и взоры ледяны́е!" (Лерм., 1830). „Стихом размеренным и словом ледяны́м Не передашь ты их значенья"

[1] Пунктуация явно неверная.

(Лерм., 1839). „Как изумилися народы, Когда хребет его льдяно́й, Звеня под русскими полками, Явил внезапною стеной Их перед шведскими брегами!“ (Баратынск., Эда, 1824).

Чисто книжную форму представляет **медя́ный:** „...И грозные руки ему заковали В медя́ную тяжесть цепей“ (Язык., Сампсон, 1845—1846).

...Здесь ночи теплые, луной и негой полны, На злачные брега, на **серебря́нны** волны Сзывают юношей веселые рои (В. И. Туманск., Одесса).

Цветы **тафтя́ные** Юпитера тут просят... (Крыл., Цветы, 1816). ...Уже готов у моды ты Взять на венок своей Камене Ее тафтя́ные цветы (Баратынск., К***, 1827).

В большинстве случаев оттянутые ударения—признак книжности, **-яно́й** — живого употребления.

14. С неустойчивым ударением выступают у поэтов первой половины XIX века три прилагательных (наречия) с префиксом **не-** и с суффиксом **-им-: невидим(ый),** по происхождению страдательное причастие наст. вр., **недвижим(ый)** и **неизгладим(ый).**

Невидим:

Ты скажешь: ангел невиди́мо В ее лучах слетает к нам (Жуковск., Подробн. отчет о луне, 1820). ...Слетаются на брег земной и невиди́мо навещают Места, где было все милей (Пушк., 1822). ...Лесом бежит одинок, невиди́м и задумчиво шепчет (Жуковск., Ундина, 1836).

Ср. с нынешним ударением: „Берег повсюду равно отдален, повсюду неви́дим“ (Жуковск., Цеикс и Гальциона, 1819).

Рядом то и другое ударение в послании Жуковского „К Воейкову“ (1814): „...И мнится, пе́рстом невиди́мым Свои неви́димы черты На них [листах] судьба уж написала“.

Недвижим:

И ты ль недви́жим предо мною? (Жуковск., Ивик. журавли, 1813). Недви́жим он лежал; и странен Был томный мир его чела (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828). ...Я недви́жим и смел Встречу миг роковой! (Полеж., Песнь пленн. ирокезца, 1828). Недви́жим теплый воздух... (Пушк., Камен. гость, 1830). В полдневный жар, в долине Дагестана, С свинцом в груди лежал недви́жим я (Лерм., Сон, 1841). А между тем недви́жим, бездыханен, Облитый кровью, на́ поле широком Лежал Иван-царевич (Жуковск., Сказка о Ив.-царев. и сер. волке, 1845).

С ударением на суффиксе:

Корабль мой, недвижи́м, стал скоро решетом... (Крыл., Пушки и Паруса, 1828). ...С бороды вода струится, Взор открыт и недвижи́м (Пушк., Утопленн., 1828). В качалке, бледен, недвижи́м, Страдая раной, Карл явился (Пушк., Полт., 1828—1829). ...Безглагольна, недвижи́ма Мертвая страна (Лерм., Спор, 1841). А он [Наполеон] недвижи́м, он — гремящий в веках... (Хомяк., 7 ноября, 1841). Там он ждет, где тению немою Недвижи́м чернеет кипарис (К. Павлова, Двойн. жизнь, 1847—1848).

Неизгладимый:

Все неизгла́димо везде ношу с собою (Гнедич, Приютино, 1820). Но неизгла́димая быль Живет в преданьях и рассказах (Полежаев, Иман-козел, 1825—1826). Нынешнее ударение: „О сколько лбов широкомедных Готовы от меня принять Неизгладимую печать! (Пушк., 1830). ...И как залог святой, его в ней сохранились Неизгладимые следы (Мятлев, Облака).

У Гнедича в переводе „Илиады" (1829) встречаем ударение **неизме́римый:** „...Кругом Океан предо мною, Пенный, ревущий, лежал, неизме́римый..."; у Баратынского — **неоспо́римый:** „...И тогда мы не в своей, В неоспо́римой их власти" (Товарищам). Академ. словарь ещё в 1869 году давал только ударения: *неви́димый, недви́жимый, неизгла́димый, неизме́римый, неоспо́римый,* но — *ненаруши́мый.* У Жуковского („Одиссея", V), однако, — **нару́шимый:** „...Стикса подземной водою клянусь, нару́шимой страшной Клятвой..."

15. Характерны также колебания ударения в нескольких прилагательных, представляющих собою перерождения причастий страдательного залога на **-ен-**:

Возвышенный:

О, гейльсбергски поля! о, холмы возвыше́нны! (Батюшк., Воспом., 1809). Державин, Державин! Хвала возвыше́нным поэтам!.. (Дельвиг, На смерть Держ., 1816). И тут бы он мечте своей Дал возвыше́нное стремленье (Дельвиг, Поэт, до 1817). ...Вдоль берегов уединенных, Где на курганах возвыше́нных, Склонясь на копья, казаки Глядят на темный бег реки... (Пушк., Кавк. пленн., 1821).

Но и в первые десятилетия XIX века было уже известно нынешнее ударение, прямо связанное с ударением глагола *возвысить.* Его мы встречаем иногда у тех же поэтов, которые употребляют *возвыше́нный*:

Зажгите возвы́шенный ум, окрыляйте юные пе́рсты (Дельвиг, На смерть Держ., 1816). ...И гордым внукам гордо скажет: Здесь спит возвы́шенный поэт! (Рылеев, На смерть Байрона, 1824). Но, гордый славою своей, Поэт ли склонит перед ней Свои возвы́шенные взгляды! (Язык., Элег., 1824). И муз возвы́шенный пророк, Наш Дельвиг все для них оставит... (Пушк., Языкову, 1825). На славу громкую надеждою согрет, В трудах возвы́шенных, возвы́шенный поэт (Баратынск., Гнедичу, 1827). ...Где дом в углу вознесся новый, Где над возвы́шенным крыльцом С подъятой лапой, как живые, Стоят два льва сторожевые... (Пушк., Медн. всадн., 1833). ...И будет все ужасно в нем, Как плащ его с возвы́шенным челом (Лерм., Предсказ., 1830).

Восхищенный:

Народ восхи́щенный толпами Бежит к нему... (Катенин, Софокл, 1818). ...До небес Восхи́щенный, в сердечном умиленье Не чувствовал своих текущих слез (Крыл., Прихож., 1823—1825).

Напыщенный.

Напыще́нный и под. — как прилагательное.

...Слог темен, важен, напыщён, И тяжки словеса пустые (Пушк., На поэму Шихматова, 1814). Но я, любезный Горчаков, Не просыпаюсь с петухами И напыщёнными стихами, Набором громкозвучных слов Я петь пустого не умею... (Пушк., Горчакову, 1815).

Ср. *напыщён* в причастном употреблении: „И вследствие того писать поручено В Галл, Юрьев и Оксфорд ученому Спондею, Что Гашпар, напыщён победою своею, Разметку ярлыков в законы поместил" (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815).

Окровавленный.

Как прилагательное:

Пред ним roast-beef окровавлённый... (Пушк., Евг. Онег., I, 1823). Великий гений, муж кровавый, Вдали, на рубеже родном Стоишь ты в блеске страшной славы, С окровавлённым топором (К. Аксак., Петру, 1845).

Примеры нынешнего ударения: „И окровáвленной рукою С земли он приподнял ее..." (Лерм., Хаджи-абрек, 1833). „...Тогда проникнет к ложу муки Немая тень во тьме ночной, И окровáвленные руки Судом поднимет над тобой![1]" (Э. И. Губер, На смерть Пушк.). „...Там — под музыкой времен Окровáвленные пляски Поколений и племен..." (Бенедикт., Пир, 1843).

Ср. *окровавлённый* как причастие: „...Стрела выходит из колчана, Взвилась — и падает казак С окровавлённого кургана" (Пушк., Кавк. пленн., 1821). ...Как щит, в бою окровавлённый, Восходит полная луна (Язык., Песнь барда, 1825).

Отчужденный:

Кто на отчýжденной груди Скрестит страдальческие руки? (Б. Александров, Бедняк, 1836).

Распределение ударений в **униженный,** принятое теперь (на **-и-** в причастии и на **-е-** в прилагательном со значением „кроткий, смиренный, покорный"), повидимому, наметилось уже в первой половине XIX века:

а. Родов унúженных[2] обломок... (Пушк., Моя родосл., 1830). ...Земного царства царь, в владении своем, Один под бич поник унúженным челом... (Вяземск., Осень, 1830). ...Запразднует разбросанное племя, Возвысится унúженный народ... (Соко-ловск., Хеверь, 1837).

б. Когда тебя, Мицкевич вдохновенный, Я застаю у Байроновых ног, Я думаю: поклонник унижённый! Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог (Баратынск., 1829).

Впрочем, у Лермонтова (Из Андр. Шенье, 1831) *унижённый* и в причастном значении: „Быть может, клеветой лукавой пораженный, Пред миром и тобой врагами унижённый, Я не снесу стыдом сплетаемый венец..."

Ср. и промышленный:

„...Навзитой поселил их В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышлённых" (Жуковск., Одиссея, VI). Такое именно

---

[1] О Дантесе.

[2] Вариант—„дряхлеющих".

ударение давал ещё Акад. словарь 1869 г.: „Промышлённый... способный доставить себе пропитание каким-либо промыслом или рукодельем...“ Ср. *промы́шленный* к глаголу *промы́слить*.

У Баратынского, однако, ударение на корне, как теперь, и в имени прилагательном: „...И не о ней хлопочут поколенья, Промы́шленным заботам преданы“ (Последний поэт, 1835).

16. Востоков, § 182, 3, свидетельствует, что в его время, по правилу, ударение с первого слога имён прилагательных *мил, весел, дорог, молод, солон* переносилось на частицу **не**: не́ мил, не́ весел и т. д.

Этот перенос, вызванный действием закона Шахматова о том, что ударение со срединных краткостных и циркумфлектированных (нисходящедолготных) слогов оттягивалось уже в древнейшем славянском языке на начальные[1], лишь частично (для слова *весел*) документируется языком поэзии. Князь: ...Ты что-то не́ весел? Пронский: Здоровье все одно (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Чацкий: Вы что-то не́ веселы стали?, при реплике Фамусова с ударением на прилагательном: „Ах, батюшка! Нашел загадку — не ве́сел я... В мои лета Не можно же пускаться мне в присядку (Гриб., Горе от ума, 1824).

---

[1] Под это правило не подходит только *мил*, искони имевшее акутовую интонацию, но народное *милóй* своим ударением указывает на подчинение этого слова аналогии циркумфлексового типа (*дорогóй*?).

ГЛАВА IV.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ.

Н. Греч, „Русск. грамматика“, § 530, 1827, как правило ударения сравнительной степени даёт такое: „В правильном усеченном окончании сравнительной степени, на **ѣе**..., трехсложные имена прилагательные имеют ударение на предпоследнем слоге придаточного окончания, т. е. на букве **ѣ**; например: добрѣе, синѣе, теплѣе. Имеющие же более трех слогов удерживают ударение положительной степени; как-то: *горя́чий, горя́чее*; *румя́ный, румя́нее...*“ Без ограничительных замечаний это правило не верно; ср. хотя бы *весе́лый*: *веселе́е* у Востокова (§ 185). Но у поэтов, в соответствии ему, находим:

Чтоб ты и твой читатель был бога́тей, Ты на чужой живи отныне счет (Вяземск., Эпиграммы, 1823). Чем чахнуть от любви унылой, Ах, что здоро́вей может быть, Как подписать отставку милой Или отставку получить! (Давыд., 1817). И что ж они, трещоточки, Здоро́вее? Навряд! — Признаться, не приметили, А только говорят! (Мятлев, Коммеражи, 1836). ...Пусть это нечто звучит душе одномерно, Словно маятник старых часов — зато для желудка Это нечто здоро́вей... Чего тебе, глупое сердце? (А. Григор., Элегии, 1846).

Некоторые сомнения возбуждает показание Греча относительно ударения **горя́чее** к членной форме *горя́чий*. Нынешнее ударение явно старше; ср. *горячо́*, *горячи́*. Востоков даёт к *смышле́н, смышлена́, смышлено́* (стр. 207) — **смышленёе**, что указывает, как и естественно, на связь ударения сравнительной степени не с членной формой прилагательного, а с нечленной. В поэзии такое именно ударение встречаем у Баратынского („Эда“, 1824—1825): „Наукой жалкою обманов Гордился он — и точно в ней Другого был посмышленне́й“.

К старинным ударениям, господствовавшим в XVIII веке, но постепенно исчезавшим, относятся ещё, напр., **голо́днее** (Востоков); „...И не́жней музыки над синими волнами, Мне миг прелестен голос твой“ (Козл., Стансы, 1834). „О! будем в мире неразлучны! Страданье сно́снее двоим!“ (Жуковск., Песня матери, 1813).

ГЛАВА V.

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

Относительно часто, наряду с ударением местоимения-числительного *обо́их, обе́их*, выступает и вышедшее теперь из литературного употребления **обойх, обейх:**

Ах, дети, молвите: могу ли Вас обойх равно обнять В восторгах радости безмерной? (Батюшк., Отрыв. из „Мессинск. невесты" Шиллера, 1813). Короче: с обейх сторон, И дело выводя и вздоры, Бумаги исписали горы... (Крыл., Водолазы, 1813). Быть может, обойх ловцов Поутру выманила травля (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Спастись, казалось, ей нельзя никак: Дорогу обойм пересекал овраг... (Крыл., Лев, Серна и Лиса, 1830). Я трепетал за обойх, за Тасса, — И за тебя (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Нет! Мой совет — Хоткевича пустить К Москве как можно ближе — и потом Ударить вдруг на обойх (Кукольник, Рука Всев. от. сп., 1832). Злость тебе чудно пристала... но было бы трудно ужиться Нам обойм... упорно хотела ты верить надежде Мне на-зло, да рассудку на-зло... (А. Григор., Элегии, 1846).

У Катенина в „Софокле" (1818) рядом: „Клянусь, из обойх никто не будет жив; Обо́их равная ждет гибель в ратном поле".

Отметим ещё встречающееся, напр., у Крылова и Шевырёва архаическое ударение — **четы́рех**:

Пустился конь со всех четы́рех ног На-славу (Крыл., Обоз, 1812). ...Но не прошло четырех дней, Как Троеженец удавился (Крыл., Троеженец, 1814). ...Где все реки протекают Со четы́рех мира стран... (Шевырёв, Две реки, 1830).

Из частностей заслуживает внимания:

...На скамьях по пяти́сот на каждой Люди сиделч... (Жуковск., Одиссея, III).

ГЛАВА VI.

ГЛАГОЛЫ И ФОРМЫ, ВХОДЯЩИЕ В ИХ СИСТЕМУ.

§ 1. Подвижное ударение в настоящем времени класса *-е-*.

Ударение, отличающееся от нынешнего, в XVIII веке и в начале XIX имели в настоящем времени такие глаголы класса **-е-**:

Ѝдешь и т. д. (при *иду́*):

Ведь ѝдет слух, Что все у богачей лишь бисер да жемчу́г (Крыл., Свинья, 1811). Вот ѝдет к мужику он попросить совета... (Крыл., Трудол. медв., 1818). Уж музыка играет: ѝдут; скоро Увидим их... (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). ...Махнул рукой нетерпеливой — И все, склонившись, Ѝдут вон (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Да мимо ѝдет чаша эта, Где сожаленье и тоска... (Огарёв, Gasthaus zur Stadt Rom, 1841). Из балагана ѝдут вон, И их в толпе теряет он (Баратынск., Цыганка, 1842).

Наряду с ним нынешнее:

В „Орлеанск. деве": Иду́т, иду́т! теперь вооружись, Британия! теперь отведай силы!

Группа:

Клю́ешь и т. д.

А в полях сиротой Хлеб нескошен стоит — Ветер точит зерно, Птица клю́ет его! (Кольц., Что ты спишь, мужич.?, 1839).

У других писателей этого времени ударение *клюёт* и под.: напр.: „Невольник чижик надо мной Зерно клюёт и брызжет воду" (Пушк., Черн. наброски, 1824). „...Лебедь около плывет, Злого коршуна клюёт... (Пушк., Сказ. о царе Салт., 1831).

Плю́ешь и т. д.:

Заплю́ет всем глаза герой наш плодовитый... (Батюшк., Посл. к Хлое, 1804—1805). Посмотри: вон, вон играет, Дует, плю́ет на меня... (Пушк., Бесы, 1830). Доволен? Так пускай толпа его бранит, И плю́ет на алтарь, где твой огонь горит... (Пушк., Поэту, 1830).

Су́ешь и т. д.:

...И в суму его пустую Су́ют грамоту другую... (Пушк., Сказ. о царе Салт.).

Повидимому, в XVIII веке в этой группе ударяемым было и 1 л. ед. ч.; ср.: „А если в них не будет толку, То Зевсу своему я, волку, В глаза наплю́ю самому“ (Н. П. Осипов, Виргилиева Енейда, вывороченн. на изнанку, IV, 1796).

Если так, то возможно предполагать, что ударение накоренное в этой группе возникло первоначально под влиянием форм совершенного вида: *клю́ну*, *плю́ну*, *су́ну*; ср. *ду́ю*: *ду́ну*, отношение, ставшее образцом. Характерно, что *кую* и т. д., при котором подобных параллельных форм не было, почти не встречается с накоренным ударением. Пример у Кольцова (*прику́ет*) нужно отнести уже к позднейшему влиянию всей этой группы.

§ 2. Ударение в настоящем и будущем времени изъявительного наклонения глаголов на *-и-*.

Ударение глаголов с инфинитивами на **-ить** и настоящим — будущим с приметою **-и-** издавна не отличалось в литературном языке выдержанностью: два старых типа — с последовательно проведённым ударением класса (-ю́: -й-) и с ударением подвижным (-ю́: -и-) — нередко смешивались в говорах и в практике литературного употребления, — смешение, к которому в книжном языке присоединялось ещё влияние церковнославянское. Сравнительно с теперешним стихотворный язык первой половины XIX века имеет значительные отклонения, причём общее впечатление — что в направлении к нашему времени усиливается влияние подвижного типа, — тенденция, которую надо поставить в связь с усилением в литературном языке роли разговорных южнорусских элементов; случаев обратного направления относительно немного. Свидетельства „Русской грамматики“ А. Востокова (первое издание — 1831 г.) говорят о том, что вне стихотворного языка уже во второй четверти XIX века в ходу были ударения, близкие к нынешним.

Даём примеры преобладающих ударений первой половины XIX века:

I. **Божи́тся** и под.:

И ослушный сын божи́тся... (Катенин, Леший, 1816).

Вали́т и под.:

То-ль дело Киев! Что за край! Валя́тся сами в рот галушки... (Пушк., Гусар, 1833). Снег на землю вали́тся, сын дорогою мчится... (Пушк., Будрыс и его сыновья, 1833).

Но и: „К ним народ навстречу ва́лит...“ (Пушк., Сказка о царе Салт., 1831). „Несметное ва́лит народа число: И малые тут и большие...“ (Катенин, Стар. быль, 1828).

Вари́т и под.:

Ворон ни жарят, ни варя́т (Крыл., Ворона и Кур., 1812). Настанет ночь; они все трое Варя́т нежатое зерно... (Пушк., Цыганы, 1824—1827). Печной горшок тебе дороже; Ты пищу в нем себе вари́шь (Пушк., Чернь, 1828).

Но ср.: „...И хлебом нас питают птицы, И ва́рят нам березы квас“ (Кюхельб., Юрий и Ксения, 1833).

Дели́т и под.:

С ним боги разделя́т и честь и фимиам (Озер., Поликсена, 1809). ...Он робко медленной рукою Дели́т покровов тонких связь (Милон., Идиллия, 1812). Кто добр, тому избытки в тягость, Коль он их с ближним не дели́т (Крыл., Лань и Дервиш, 1814—1815). ...Не будешь ты подругою моею, Моей судьбы не разделя́шь со мною... (Пушк., Бор. Год., 1825—1830). Слезу страдальную прольет И разделя́т мою утрату!.. (Полежаев, Ночь на Кубани, 1830).

Ср. новейшее (преобладающее) ударение: „Поет один, подобный в этом Пчеле, которая со цветом Не де́лит меда своего“ (Баратынск., Лиде, 1821—1835).

(Про)должи́т и под.:

...Иль лучше, Хотел бы увериться в том, Что он [сон] наяву продолжи́тся (Панаев, Сновид., 1819). Мечты болезненныя сон!— Гекуба! для тебя не продолжи́тся он... (Мерзл., Сцены из траг. Еврипид. Гекубы, изд. 1825). Ваши сказки Вы продолжи́те до утра (Баратынск., Цыганка, 1829—1842). ...На крыльях радости душа моя стремится. Но долго ли мазурка продолжи́тся? (Мятлев, Фантазия, 1842).

Кати́т и под.:

...Оглянуться не успела, Как зима кати́т в глаза (Крыл., Стрек. и Мурав., 1808). Кольцо кати́тся и звенит... (Пушк., Жених, 1825). Из-за туч луна кати́тся... (Пушк., Утопл., 1828). И вот садятся Попарно в лад И покати́тся, Как должно, в ряд... (Полежаев, Нечто о двух брат. кн. Львовых, 1835). И чудо! из померкших глаз Слеза тяжелая кати́тся... (Лерм., Демон, 1829—1838).

Но ср. и: „Ты ка́тишь волны голубые И блещешь гордою красо́й“ (Пушк., К морю, 1824). „Уж солнце ка́тится высоко, И перелетная метель Блестит и вьется...“ (Пушк., Евг. Онег.). Оделося море в свой гневный огонь И волны, как страсти, кипучие ка́тит... (Бенедикт., Буря и тишь, 30-ых годов). Полдень ка́тит волны света... (Бенедикт., Черные очи, 30-ых годов).

Клони́т и под.:

...Склони́тся ли на ложе сна — Подушка жжет, ей душно страшно... (Лерм., Демон, 1829—1838).

Гораздо чаще новое ударение:

...Как ни полезна вещь, цены не зная ей, Невежда про нее свой толк все к худу кло́нит... (Крыл., Март. и Очки, 1815). ...И вдруг недвижны очи кло́нит, И лень ей далее ступить (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). Что ты кло́нишь над водами, Ива, ма́кушку свою?.. (Тютчев, 30-ых годов).

Крести́т(ся) и под.:

...Да там, В стране наук правдиво-гордой, Служа Каменам и добру, Не окрести́тся в немчуру Твой дух деятельный и твердой... (Язык., А. Н. Степанову, 1829).

Кружи́т и под.:

...Среди полей, рука с рукой Кружа́тся юноши и девы... (Баратынск., Лиде, 1821—1825).

Крути́т и т. д.

Лев голову крути́т, Лев гривою трясет (Крыл., Лев и Комар, 1809). Зачем крути́тся вихрь в овраге, Волнует степь и пыль несет?.. (Пушк., Египетск. ночи, 1835). ...Царства, скипетры и троны На оси своей крути́т И вкруг солнца их вертит... (Бенедикт., Тост, 1845).

Кури́т и под.:

Куря́т беспечно свой табак, И дым, виясь, летит над ними... (Лерм., Кавк. пленн., 1828). Сидят наездники беспечно, Куря́т турецкий свой табак (Лерм., Изм.-бей, 1832).

Нынешнее ударение: „...Сидят, пьют кофей, муж спокойно ку́рит Табак“ (Язык., Липы, 1846).

Кути́т и под.:

...Не мы, а семя их кути́т, мутит и вздорит (Полеж., День в Москве, 1829—1831).

За-мени́т и под.:

Любви наслажденья нам все заменя́т (Милон., Идиллия, 1812). ...Что вашу прелесть замени́т? (Жуковск., Певец во стане русск. воин., 1812). ...Но музам и себе нигде не измени́т (Батюшк., Послан. И. М. Мурав.-Апост., 1814—1815). Страшись же: вид сей измени́тся, И будет образ их не тот, Который в сердце сохранится (Козл., К другу В. А. Жуковскому, 1825). Стишки любимца муз и граций Мы вмиг рублями замени́м (Пушк., Разгов. книгопрод. с поэтом, 1824). ...И твое воспоминанье Замени́т душе моей Силу, гордость, упованье И отвагу юных дней (Пушк., Предчувствие, 1828). ...Едва слетят Потомков новых поколенья, Иные звенья заменя́т Из цепи выпавшие звенья (А. Одоевск., Элегия, 1830). Теперь, Густав, с тобою поквитались, И старое вино мы новым замени́м (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Нынешнее ударение: „Ни свет ни сла́вы блеск пустой, Ничто даров твоих для сердца не заме́нит!“ (Батюшк., Мечта, 1806). „Современем... дороги, верно, У нас изме́нятся безмерно“ (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828). „Не изме́нит добрый конь, С ним — и в воду и в огонь...“ (Лерм., Измаил-бей, 1832).

В той же фразе у Кукольника („Торкв. Тассо“, 1833): „Изме́нит все: земля и море, Дух и безжизненный гранит; Одна любовь не измени́т И в наслаждении и в горе“.

Станови́тся и под.:

Ах! кто останови́т меня под мрачной тенью? (Батюшк., Сон монгольца, 1808). Страсть сильнее станови́тся; И, любовью утомясь, Я слабею каждый час... (Пушк., К Наталье, 1814). Путь жизни мрачен станови́тся: Нам должно разлучиться (Филимонов, К Лиле, 1815—1822). А течь день-ото-дня сильнее становится... (Крыл., Мельник, 1824).

Но ср. и современное ударение: „Как роза, кропимая В час утра Авророю... Румяней станóвится...“ (Батюшк., Радость, 1807—1814).

Пресыти́тся и под.:

Истощим утехи, Пресыти́мся всем... (С. Аксак., Песнь пира, 1815).

Но ср.: „На них видна кровь наших братий, На них насытим месть свою!“ (Милон., Освобожд. пленные, 1815).

Тащи́т и под.:

...На нем тащáт дрова или привозят воду (Воейк., Послан. к Сперанскому об истинн. благородстве, 1806). Наш песельник тащи́тся По лестнице с гудком... (Пушк., Послан. к Галичу, 1815). ...Глядит, а в гости к ней Голодный Волк тащи́тся (Крыл., Волк и Лис., 1816). Забрызганный в дороге дальной, Опасно раненный, печальной Кой-как тащи́тся экипаж (Пушк., Гр. Нулин, 1825). Он потопленное тело в воду за ноги тащи́т (Пушк., Утопл., 1828). ...И сладив с ней, уже тащи́т, Бесчувственный на крик и плач, Ее живую в гроб палач (Жуковск., Суд в подзем., 1832).

Нынешнее ударение: „...Хочу к нему — вы тáщите с собой...“ (Гриб., Горе от ума, 1824). „...Я ждал поминутно, что хватит и кóдну утáщит...“ (С. Аксак., Рыбач. горе, 1829).

Востоков в беспрефиксном употреблении нормативной считал форму с ударением на **-и-**.

Отрави́т и под.:

Почтенного отца мы горести дели́м, И тяжких язв его в душе не растрави́м (Гнедич, Танкред, 1809). Не быков ли то бьют, не зверей ли трави́т? (Гнедич, Буковалл и Ив. Стафа, 1825). ...И сотворенная мне в счастие и радость, Не принесет мне их, а сердце отрави́т (Дельвиг, К Кюхельб., 1817—1818). ...Всем дарам своим предложит Условье некое она, Которым, злобно смышлена́, Их отрави́т иль уничтожит (Баратынск., Фея, 1824—1830).

Ср. накоренное ударение: „...Что если так, То графа он визжать заставит, Что псами он его затрáвит“ (Пушк., Гр. Нулин, 1825—1827).

Труби́т и под.:

...Труби́т ли рог, гремит ли гром... (Пушк., Эхо, 1831). И скачет он взад и вперед, И громко труби́т он тревогу (Жуковск., Ночн. смотр, 1836).

Но и: „То с тылу, то в глаза, то в уши льву он тру́бит“ (Крыл., Лев и Комар, 1809). „...И хором про свои победы тру́бят“ (Пушк., Домик в Коломне, 1830—1833).

Труди́тся:

Кто добр, не все лишь для себя труди́тся (Крыл., Старик и трое молод., 1806—1825). Ему отказан дар певца, Труди́тся он а Феб хохочет (Баратынск., К-ву, 1827).

Тупи́т(ся) и под.:

Однако, наконец, не вечно ж драться — И когти притупя́тся... (Крыл., Лев и Барс, 1815).

Туши́т и под.:

...И потуши́м пожар, под пепелом таимой... (Мерзл., Сцена из траг. Софокл. ...Эдип Колонейск., изд. 1825 г.).

Учи́т и под.:

Мы тотчас приучи́м Его к весельям, к балам и турнирам (Пушк., Скуп. рыцарь, 1830).

Хорони́т и под.:

...В железных сундуках червонцы хорони́шь И, лежа на боку, покойно ешь и спишь? (Пушк., К другу стихотворцу, 1814).

Но у Пушкина же: „О, пусть умру сейчас у ваших ног, Пусть бедный прах мой здесь же похоро́нят...“ (Каменн. гость, 1830). „Сегодня сына одного Ты преждевременно хоро́нишь“ (Тазит, 1833).

Цени́т и под.:

Мы дорого цени́м ретивого коня За то, что статен он, горяч, как пыл огня (Воейк., Послан. к Сперанскому об истинн. благородстве, 1806). ...Но только с плеч беда долой, То избавителю от нас же часто худо: Все взапуски его ценя́т... (Крыл., Крест. и Работн., 1815). Хоть для альбома их и много, Но ныне мерой их ценя́т (Милон., В. И. Панаеву). Не часто к нам слетает вдохновенье, И краткий миг в душе оно горит; Но этот миг любимец муз цени́т, Как мученик с землею разлученье (Дельвиг, Вдохнов., 1823). ...Слегка Шекспира не цени́шь... (Пушк., Калмычке, 1829).

Но ср.: „Пусть дорого глупец сует блистанье це́нит“ (Батюшк., Мечта, 1806). „Труды мои ты сам оце́нишь — Хвалиться ими не хочу“ (Пушк., Тазит, 1833).

Яви́т и под.:

И вскоре мой восторг яви́тся пред народом (Озер., Фингал, 1805). ...Яви́т убожество, посмешище природы... (Милон., К Рубеллию, 1810). Сколько прений появи́тся, Где, когда я жил? (Дельвиг, Утеш. бедн. поэта, 1819). ...Друг твой в поле появи́тся, Еще саблею блеснет, Или в лаврах возвратится, Иль на лаврах мертв падет (Давыд., 1821). В тот день яви́тся мощный человек, И ты его узнаешь, — и поймешь, Зачем в руке его булатный нож (Лерм., Предсказ., 1830).

Ср. новое ударение: „Чем ныне я́вится? Мельмотом, Космополитом, патриотом?..“ (Пушк., Евг. Онег., VIII, 1829—1831).

II. **Во́пит** и под.:

...И во́пит: „Страшный враг, постой! Постой, готовы жертвы“ (Жуковск., Двен. спящ. дев, 1810—1817). И с диким ревом исступленья Пританов окружил народ, И во́пит: „Старцы, мщенья, мщенья!..“ (Жуковск., Ивик. журавли, 1813). Лягушка во́пит без умолку И наконец Юпитера бранит... (Крыл., Ляг. и Юпит., 1814—1816). День прошел, царица во́пит... А дитя волну торопит... (Пушк., Сказ. о царе Салт., 1831). ...Ты рвешься, во́пишь,

негодуешь, На ложе мечешься без сна (Вяземск., Брайтон, 1838)[1].

Заглу́шит и под.:

Хоть стучат коня копыта, Не заглу́шат слов моих (К. Павлова, Старуха, 1840); но у Павловой же: „Заглуши́шь ты дум отзывы И не дашь безумцам ты Толковать твои порывы, Клеветать твои мечты“ (1840).

Клу́бится (при обычном **клуби́тся**).

Вот волны клу́бятся, сверкая серебром... (Ростопчина, Любовник и моряк, 1845).

Заклю́чит и под.:

Послушай, друг, Сойди с дракона своего На этот свежий дерн; заклю́чим В виду обеих наших ратей Здесь перемирие... (Жуковск., Руст. и Зораб, 1846—1847).

Копо́шится и под.

Как муравьи, они копо́шатся роями (Вяземск., Зимн. карикатуры, 1828).

Окру́жит и под.:

Во вкусе английском простом Я рощу насажу; она окру́жит дом... (Давыд., Договоры, 1808).

Тере́бит:

И что за Гребешок? Не только не тере́бит, Нигде он даже не зацепит (Крыл., Гребень, 1818). ...Пусть сей оценщик слов и в азбуке знаток Тере́бит труд ума с профессорских досок... (Вяземск., Послан. к М. Т. Каченовскому, 1821).

Шеве́лит и под.:

...Напрасно: то тот, то другой наплавок пошеве́лит... (С. Аксак., Рыбач. горе, 1829). Глядит — и день встает, Народ шеве́лится, и слышны голоса (Крыл., Лиса, 1833).

Но ср. и: „...Ничто ее не занимает, Ее души не шевели́т“ (Пушк., Евг. Онег., IV, 1826—1828). У Пушкина только такое ударение.

Ощу́тит и под.:

...Твоей они внимая лире, Ощу́тят силу божества (Катенин, Ахилл и Омир, 1826).

§ 3. Ударение глаголов с суффиксом *-ну-*.

Значительным изменениям сравнительно с первой половиной XIX века подверглось ударение будущего времени изъявительного наклонения, повелительного наклонения, инфинитива и си-

[1] Ср. и ударение инфинитива в *завопи́ть* („Словарь церк.-слав. и русск. языка“ Акад. наук, I, 1869). Такое ударение встречаем, напр., в „Юрии и Ксении“ (1833) и в „Кудеяре“ (1833) Кюхельбекера: „...И что-то белеет, и крик над рекою; „Мария! — завопил отец...“ „Старик завопил и ее С помоста подня́л“.

В глаголе *завопить* ударение корня свидетельствуется и для форм системы инфинитива ещё Акад. слова ём 1869 года. Это указание подтверждает практика стихотворного языка: Иные из дворян, Церковники в молчании суровом Внимали речи; бояре и купцы Завопили и заглушили голос (Хомяк., Димитр. Самозв., 1833).

стемы прошедшего времени глаголов с приметой **-ну-**. Поэты первой половины XIX века обнаруживают в ряде случаев, где теперь то или другое ударение выступает как единственно принятое, — или иное его место, или колебания, используемые для метрических целей.

Вот наиболее характерные случаи:

Вздрогнуть:

В душе замутилось, я дико вздрогну́л; Я прошлое живо душой вспомянул (Дельвиг, Луна, 1826). Мысль наконец ему блеснула, Душа в нем весело вздрогну́ла (Баратынск., Наложн., 1829—1830). Ветр пошатнул огонь свечей — Вздрогну́ла дева молодая (там же).

У Пушкина в „Полтаве" (1828—1829): „Вздрогну́в, она глядит... и что же? Пред нею мать...", и там же: „Но как он вздро́гнул, как воспрянул, Когда пред ним внезапно грянул Упадший гром!.."

Такое же колебание у Лермонтова („Бояр. Орша", 1835): „В последний раз в нее взглянул, Не вздро́гнул, даже не вздохнул..." и там же: „Отцу-игумену шепнул Он что-то скоро — Тот вздрогну́л И молвил..." Ср. и в „Измаил-бее" (1832): „И вдруг очнулся он, вздрогну́л, К луке припал, коня толкнул", и там же: „И вздро́гнув, юноша проснулся..."

...И мир испуганный вздрогне́т, И в тихий час залогом славы, В немой тоске, на гроб кровавый Слезу печали принесет (Э. И. Губер, На смерть Пушк.). С последним ср.: „...Рука содро́гнулась, удар его скользит..." (Пушк., К Жуковскому, 1816).

Наряду с обычным *воскли́кнуть* изредка: „О царь! — воскликну́л вдохновенный Эгил..." (Веневит., Освобождение скальда, 1824).

Громыхнуть:

Башне подобно громы́хнул гигант, Звуком ужасным весь замок потряс (Каменев, Громвал, 1802).

Колыхнуть:

То ве́тер, проснувшись, колы́хнул листы (Жуковск., Лесн. царь, 1818). Как море вешнее в разливе, Светлея, не колы́хнет день... (Тютчев, 1825—1827).

(Пере)кувыркнуться:

Я, с неожиданной досады, Перекувы́ркнулся раз пять... (Жуковск., Письмо к А. Г. Хомутовой, 1820). ...И царь Далмат, Перекувы́ркнувшись с его спины, Вмиг очутился головою вниз, Ногами вверх... (Жуковск., Сказка о Ив.-царев. и сером волке, 1845).

Порхнуть:

Только в дни юности нам попоет сладкозвучные песни И вспо́рхнет! За крылья златую! (Дельвиг, Евгению, 1819). ...Дымно-легко, мглисто-лилейно, Вдруг что-то по́рхнуло в окно (Тютч., 30-ых годов)[1]. ...С самого входа сквозь кисти шелко́вых

---

[1] Впрочем, у Тютчева (Весна, 1821) и без **-ну-** ударение *по́рхать*: „...Так *по́рхай* наша, други, младость По светлым счастия цветам".

подборов По́рхнула с шумом голубка, и вдаль не помчалась... (Катенин, Гнездо голубки, 1836).

Ср. современное ударение:

„Сизый голубь с белой голубкой порхну́ли оттуда“ (Жуковск., Сказка о царе Беренд., 1831). „Бессмысленный! опять мазурки звуки, Опять она порхну́ла предо мной, И я опять порабощен душой“ (Мятлев, Фантазия, 1842).

Прыгнуть:

Но что ни говори, А верно не прыгне́шь из мичманов в цари (Хмельницк., Воздушн. замки, 1818). Амур от радости прыгну́л, И на глаза́ со всей он силы Обнову брату затянул (Пушк., Амур и Гимен, 1816). И легче серны молодой Она вспрыгну́ла, побежала И скрылась в темноте ночной (Пушк., Полтава, 1828—1829). На встречу бедного певца Прыгну́ла Оленька с крыльца... (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). Искра яркая вспрыгну́ла Из темницы вековой (Бенедикт., Искра, 1837).

Прянуть:

Раздор вспряну́л и зрит над кипой толстых книг Вину чудесную волшебна усыпленья (Шаховск., Расхищ. шубы, 1811). Вот с утомленного коня Спряну́л, кольчугою звеня... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828).

Свистнуть:

Свистну́ла тетива, — и отрешившись, Летит жужжа крылатая стрела... (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831). Случай, стоящий особняком.

Тронуть:

Тронúсь раскаяньем, в котором я стенаю... (Озер., Эдип в Афинах, 1804). Тронúтесь жертвою судеб! (Он так прохожих умоляет)... (Мерзляк., Велизарий, 1806). ...Но, знать, рыдван был плотно нагружен, Что лошади, хотя его тронýли, Но в гору по песку едва-едва тянули (Крыл., Муха и Дорожные, 1808). Ср. у него же: „...А больше их не тро́ньте волоском“ (Слон на воеводстве, 1808). Знать, тронýлся царь небес Бедной девицы тоскою (Жуковск., Людмила, 1808) и под.

Надел уж петлю, да некстати, Тронýл его узлом (Катенин, Убийца, 1815). Хладна, тронúся грустью моей! (Пушк., Измены, до 1817 г.).

Нынешнее ударение см. уже у Карамзина (Выздоровление, 1789): „Тро́нули матерь-природу Вздохи мои“ и у Озерова („Эдип в Афинах“, 1804): „Что слышит голос мой! — Клянуся небесами, Что без тебя его не тро́нулся б слезами...“

Черпнуть:

...И воду черпая рукою, Не мог зачéрпнуть счастья он (Пушк., Послан. Лиде, 1816). Иль хочется зачéрпнуть Тебе златого соку, Да ручка не достанет? (Пушк., Фиал Анакреона, 1816). Днесь повторяю их [„клятвы“], да в них себе уроки И впредь почéрпнут вам подобные сердца... (Катенин, Софокл, 1818). ...Почéрпнет силу верный раб В глазах владычицы прекрасной (Катенин, Старая быль, 1828).

Юркнуть:

...Но вдруг из-под него на всем скаку Юркну́л шершавый волк... (Жуковск., Сказка о Ив.-царев. и о сером волке, 1845).

Только в будущем времени имели ударение, отличающееся от нынешнего (кроме формы 1 лица ед. числа?):

Отдóхнешь и т. д.:

...И сердце, горестью столь долго изнуренно, Отдóхнет наконец, весельем оживленно (Озер., Эдип в Афинах, 1804). Счастливая доднесь, отдóхнешь в те часы (Озер., Фингал, 1805). ...Вот выехал из леса, не отдóхнет... (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831). Ср. и: „...Я не могу Здесь оставаться, я задóхнусь, сердце Готово лопнуть" (Жуковск., Тюльпанн. дерево, 1845).

Развернешь и т. д.

...Но краткие его развёрнем фазы — И ты поймешь, к чему стремлюся я (Шевырёв, Послан. к А. С. Пушкину, 1830).

Любопытно в эпиграмме 1823 г. у Вяземского: „...В желчь зависти перо **обмóкнешь** ты..." — к глаголу *обмакнуть*.

§ 4. Ударение глагольных префиксов.

Ударение префикса во всех формах глагола, не говоря уже об общепринятом *по́мнить*, допускалось для образований с **-зре-** (*-зьрѣ-*) („видеть" и производные значения):

Не прéзрю я в душе моей Судьбою мирного лентяя (Баратынск., Лутковскому, 1827). Зато очами духа у́зрю я Вас, вещие таинственные тени... (Кюхельб., 1845). Смотри на них! уж наступает Тот грозный мрак, в котором ты Не у́зришь их... (Козл., К другу В. А. Жуковск., 1822—1825). Злодейство новое Троянский у́зрит край (Озер., Поликсена, 1809). ...То ваш благий совет, пусть при́зрит Поликсену (там же). Пустынный край не населится, Не у́зрит он минувших лет (Жуковск., Песня, 1816). Пока лицом к лицу не у́зрит в них глупцов Или рабов презренных униженья (А. Григор., Город, 1845—1846). Они народной Немезиды не у́зрят гневного лица... (Пушк., Бород. годовщ., 1831). Ты при́зри бабочку свою! (Вяземск., Перв. отдых Вздыхалова, около 1815). Подайте мне письмо, где я увижу явно, Как женской честности вы прéзрели закон... (Гриб., Молод. супруги, 1815). ...Тогда бы верно пожалела, Что столько прéзрела его (Козл., Прости, 1823). Я при́зрел всех, я всех сберег (Вяземск., К журн. благоприятелям, 1831). Что ж? Быть может, старины Он бежал приманок? Звезды, ленты и чины Прéзрел спозаранок? (Давыд., Соврем. песня, 1834). Но прéзрел молодой жених Обычай прадедов своих... (Лерм., Демон, 1838). В стране сей прéзренных я зря моих врагов, Терзаюсь и принять смерть лютую готов (Озер., Эдип в Афин., 1804). ...И прéзренный, гонимый от людей, Блуждающий один под небесами, Он говорит с грядущими веками (Дельвиг, Вдохновение, 1823). С той поры, Как бросилась без памяти я в воду Отчаянной и прéзренной девчон-

кой... (Пушк., Русалка 1830—1833)[1]. Не понят, попран, пре́зрен, тих, В семье́ огромной братьям чуждый... (Б. Александров, Бедняк, 1836). Мальчишка, думая поймáть угря, Схватил Змею́ и, во́ззрившись[2], от страха Стал бледен, как его рубаха (Крыл., Мальч. и Змея, 1819). ...Но во́зряся в певца, все с дерева дождем (Крыл., Змея, 1830).

Ср., однако, и: „Услышишь глас его, узри́шь любовь к Тезею...“ (Озер., Эдип в Афин., 1804). „...Но там, о, горе, не узри́шь Меня, как прежде, под шатрами“ (Батюшк., К Никите, 1817). „Он тех людей узри́т гробницы...“ (Лерм., В Воскресенске, 1830), и под.

Во всех формах, кроме формы 1 лица ед. числа, в течение первой половины XIX века и несколько десятилетий позже в относительно широком употреблении было старое ударение префикса у глагола **прийти:**

...Но при́дут уж заботы Со всех ко мне сторон (Пушк., К Дельвигу, 1815). Уже на Русь не при́дут, как на пир, Толпы врагов за вражьими толпами... (А. Одоевск., Василько, 1829—1830). Не при́дут сестры с матерями, Покрыты длинными чадрами... (Лерм., Демон, 1838).

Реже случаи подобного ударения на других префиксах. Почти все они относятся к практике или старшего поколения писателей, — ещё связанных с XVIII веком, или к началу деятельности выступивших в XIX:

Ну, столько у детей не на́йдешь ты игрушек, Как у него перин, матрасов и подушек (Крыл., Лентяй, 1803—1805). Будь спокойна, случай на́йдется (Пушк., Бова, 1814). Свет в глазах его темнеет, И не на́йдет он пути (Катенин, Леший, 1816). ...Ни зверь близ сих не про́йдет мест, Ни птичка не промчится (Жуковск., Двен. спящ. дев, 1810—1817). Да про́йдет страшный жребий мимо! (Жуковск., Песня матери, 1813). Да взо́йдет он! Таинственных велений Могуществом, быть может, уж влеком, В сей миг с грудным родимой молоком Он пьет струи грядущих вдохновений (Бенедикт., 31 дек. 1837 года).

Особняком стоит перенос ударения на префикс в форме 3 л. ед. ч. глагола *длить* у Крылова: „Да про́длит над тобой Зевес свои щедроты!“ (Орел и Пчелы, 1813).

Уединённый же случай представляет *ото́прешься* в стихотворении Дельвига, стилизованном под народную речь („Две звездочки“, 1826): Ото́прешься ль? — Нет отзыва! Мы час стоим, другой стоим...“

Видимо, случай стилизации представляет: „...Да изверг иноземец Не поругается моей супруге И сироту Князей в полон не во́зьмет“ (Кукольник, Рука Всев. отеч. спасла, 1832).

---

[1] Повидимому, такое ударение было возможно и для соответствующего прилагательного: „Корысти пре́зренной не покоряясь игу, Ты продал за ничто стихов твоих тетрадь...“ (Вяземск., Эпиграмма, 1821).

[2] Правильно было бы „воззревшись“.

§ 5. Перенос ударения на префиксы в формах прошедшего времени.

Явление уже древнейшей славянской акцентуации — перенос при некоторых корнях[1] ударения в формах мужского и среднего рода ед. ч. и в формах множественного прошедшего времени на префикс, хотя в общем и выдерживается в языке поэтов первой половины XIX века, однако не без значительных нарушений. Закономерные, с точки зрения фонетической, формы имеем в случаях.

С основами искони односложными:

бы-:

Довольно я до́был богатств на войне, Стяжал от отца и от деда (Катенин, Старая быль, 1828). Прошли века над этим Римом; Опять я при́был пилигримом К вратам, знакомым с давних пор (К. Павлова, Разгов. в Трианоне, 1848). Они в живых, и у́было кручины (Катенин, Мстислав Мстиславич, 1810). Когда я времени жестоким приговором Не у́был из числа приятелей твоих... (Вяземск., К А. Я. Княжнину, 1823).

Уже под их влиянием — искусственное ударение в церковнославянском *пребыл*: „...И пре́был чужд земных я благ“ (Филимонов, К Лауре, 1809—1822).

ви-:

Скажите, скольких мимоходом Из вас я по́вил пред народом Под мой насмешливый свисток! (Вяземск., К журн. благоприятелям, 1831). Простой хитон так о́бвил стан царевне... (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831). Тут широкий ро́звил он пояс, Кажет Марке кровавую рану (Пушк., Марко Якубович, 1833—1835).

да-:

...Ждут, чтобы вышел и знак им по́дал владыка (Катенин, Гнездо голубки, 1836). ...Кто при́дал мощно бег державный Корме родного корабля (Пушк., Моя родословн., 1830). И свет дрожащего огня, Упав на смуглые ланиты, Черкесу при́дал вид сердитый (Лерм., Изм.-бей, 1832). Как мила теперь Аделы! Сколько блеску хлад ей при́дал (Бенедикт., Мороз, 1842). ...Рыцаря о́бдало пеной холодной (Жуковск., Ундина, 1836). Он о́бдал румянцем их темные глыбы... (Бенедикт., Пожар, 1837). ...Пока еще тебя не истощил разврат Иль гнев твое не о́бдал сердце кровью... (А. Григор., Город, 1845—1846). Ты знаешь ли, что о́тдал без возврата Я жизнь свою! (Хомяк., К***, 30-ых годов). И все, что о́тдали курганы и гробницы, Амфоры пирные и скорбные слезницы... (Бенедикт., Коса, 1845).

Искусственно руссифицированное ударение:

Тебе благоприятны боги! Они к твоим врагам лишь строги И всех их пре́дали тебе (Жуковск., Поликрат. перстень, 1831). Не люди ль Тасса пре́дали страданью; Теперь пришли убитого венчать (Кукольник, Джулио Мости, 1836). ...В испуге, не поняв

[1] См. „Курс русск. литерат. языка“, 3 изд., 1938, стр. 214—215.

позора своего, Как женщина, ему [Наполеону] вы изменили И, как рабы, вы пре́дали его (Лерм., Последн. новоселье, 1841).

Ты всех бранишь, а что ж ты сделал сам, Что написал, что напечатал? Басни Не и́здал в свет, а говорит, как Данте! (Кукольник, Джулио Мости). Напротив! Я уж и́здал Горация ad usum juventutis; Теперь Проперция приготовляю (там же).

жи-:

Но вальса вихрь утих, И ты спешишь ко мне, чтоб перевесть дыханье. Я о́жил, я забыл и горе и страданье (Давыд., Договоры, 1808). Забавы о́жили; пренебрегая страх, Сбежались смельчаки с брегов толпой игривой... (Вяземск., Перв. снег, 1819). Моя любимая страна, Где о́жил я, где я впервые Узнал восторги удалые... (Язык., Дерпт, 1825). ...Ты мне дало чудесное мгновенье, Я до́жил до чудеснейшего дня (Огарёв, Марии, Александру, Наташе, 1839). Художник ваш, поэт и музыкант Двух дней еще не про́жил вместе с нами... (Кукольник, Джулио Мости). Ты согласись, что все твое богатство Ты на́жил помощью моею (там же). ...И он женился на другой Жене и скоро с нею при́жил дочь... (Жуковск., Тюльпан. дерево, 1845). Он бурно жизнь о́тжил весною своей... (Козл., Байрон, 1824).

кля-:

Я дал ему злата и про́клял его... (Пушк., Черн. шаль, 1820). И про́клял Демон побежденный Мечты безумные свои... (Лерм., Демон, 1829—1838).

ли-:

Пламень чистой веры Легко навек я за́лил в них (Лерм., Демон, 1838). Все бич его кровавым за́лил следом (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). ...Он цветок голубой у дороги увидел... осторожно он вырыл С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце Там посадил и по́лил водой... (Жуковск., Сказка о царе Беренд., 1831). Но сколько в нектар их я про́лил горьких слез... (Вяземск., Унын., 1819). Я утомился, и сон в меня усыпление про́лил (Дельвиг, Гений-хран., 1827). Он за край, где жили деды, Веледушно про́лил кровь! (Жуковск., Торж. побед., 1829). Насилу наконец их ро́злили водою (Крыл., Собач. дружба, 1815). Не тот ли злобный властелин, Что по вселенной ро́злил горе?.. (Баратынск., Буря, 1825). ...Чье сердце ты еще не о́блил кровью И страшным холодом не мог еще обдать... (А. Григор., Город, 1845—1846). ...И кто из мерзлых облаков Престолы о́тлил вековые?.. (Козл., Вид гор из степей Козловских).

пи-:

В нем успокоилась совесть и с большим вкусом он до́пил Кружку (Жуковск., Ундина, 1836). Штоф ро́спил вейновой, разъел салакуш банку... (Крыл., Трумф, 1800).

плы-:

...Сел и по́плыл в край тот милый, Где цветет она... (Жуковск., Рыцарь Тогенбург, 1818). ...Нынче ж поутру в обратный По́плыли путь; но сделался ветер противный... (Жуковск., Ундина, 1836). Весело о́тплыли, гибель меж тем Посидон им готовил...

(Катенин, Ахилл и Омир, 1836). ...Хвала ему! Он о́тплыл рано... (Язык., Пловец, 1839—1841).

-ча-:

Я раньше на́чал, кончу ране, Мой ум не много совершит (Лерм., 1831).

-(н)я-:

Но едкие слезы разлуки Душевной не у́няли жажды (Фет, 40-ых годов). Но он меня не при́нял; мне сказали, Что он каким-то сочиненьем занят (Кукольник, Джулио Мости, 1836). ...Но за́нял более всего Мысль беспокойную его Рассказ о молодой соседке (Лерм., Казначейша, 1836). Сей глас расторгнул сочетанья, Стихии ро́знял, ополчил... (Бенедикт., Прости, 1838). ...Старики ж молодую жену и Гульбранда О́бняли с чувством родительским, громко рыдая (Жуковск., Ундина, 1836). Ты, ты мне враг — ты о́тнял у меня Все, все, что в жизни... (Пушк., Каменн. гость, 1830). Чудовище!.. зачем ты о́тнял у меня Могилу?.. (Лерм., Испанцы, 1830). Оставленных невольный о́бнял страх (Соколовск., Хеверь, 1837). ...И кто со мной бороться зажелал, Тот на себя припо́днял сам кинжал, Накликал смерть и про́лил яд позора... (там же).

Необычно отражающее влияние русск. „о́бнял“ ударение церковнославянизма *о́бъял* у А. Григорьева („Город“, 1845—1846): „...Пока еще тебя не о́бъял рабский страх Иль истощенье жалкое покоя“.

С основами в прошлом двусложными (имевшими за первым согласным редуцированный звук):

бра-:

...Они, чтоб на-утек, Да уж никто распутаться не мог, И всех их по́брали руками (Крыл., Обезьяны, 1808). ...Цветными перьями свой у́брал шлем красивый... (Катенин, Мир поэта, 1822). Батюшка земский Стол накрыл. Хозяин у́брал повозку (Катенин, Инвалид Горев, 1835). Мы войско со́брали, и боги помогли (Озер., Поликсена, 1809). ...И все сокровища твои, Что со́брал ты в златые годы... (Шевырёв, Четыре новоселья, 1827). Он со́брал непомерное богатство, — Нам дал обрезки Своего незнанья... (Кукольник, Джулио Мости). ...Со́брал бы рать и всем сказал мусульманам, Что́ чрез избранных вас и другим возвещаю (Катенин, Гнездо голубки, 1836). Я со́брал сил: запасы их достали... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Я со́брал их, Как мед пчела, из горечи проклятий, Которыми тебя страдальцы поминают (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). ...Когда же Ифестово пламя пожрало Труп твой, с восходом денницы мы со́брали белые кости (Жуковск., Одиссея, 1842—1849).

Руссифицированное ударение представляют:

Ты и́збрал поприще, покрытое трудами, Я захотел зараней отдохнуть; Под мирной сению оливы Я и́збрал свой приют... (Веневит., К Скарятину, 1825). Завидную ж вы и́збрали дорогу! (Пушк., Домик в Коломне, 1830—1833). ...Узрев меня, младую сироту, Одну мою предъи́збрал красоту? (Соколовск., Хеверь).

вра-:

Уединённый случай представляет со специально поставленным знаком ударения: „Я со́врал, как питомец верный...“ у Вяземского (Из Москвы, 1821). С ним ср. другой — у Г. П. Каменева: „Скоро писал я, писал без разбору, Много вам на́врал всякого вздору“ (в письме к С. А. Москотильникову, 1800).

-гна-:

...Но старик молитвой его про́гнал (Пушк., Янко Марнавич, 1833—1835). И старик в третий раз его про́гнал (там же). Возможно, что эти уединённые случаи оттянутого ударения при основе *гна-* представляют собою не факт литературный, а естественную здесь стилизацию в соответствии с ударением, изредка встречающимся в северных говорах.

зва-:

Я дал ему злата и проклял его, И верного по́звал раба моего (Пушк., Черн. шаль, 1820). ...И бурю братом на́звал я (Лерм., Бояр. Орша, 1835). К чему толпы неблагодарной Мне злость и ненависть навлечь, Чтоб бранью на́звали коварной Мою пророческую речь? (Лерм., Журналист, читатель и писатель, 1840). — *На́звал* — ударение, распространённое и теперь. ...От горестных лобзаний их Тебя отóзвало (?) прощанье (Кюхельб., К брату, 1819). Прости, Всевышний, Что я тебя на помощь всуе при́звал... (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Гудал сосватал дочь свою; На пир он со́звал всю семью (Лерм., Демон, 1838).

рва-:

А тот повернулся, — про́рвал печору... (Кюхельб., Кудеяр, 1833). Что́ со́рвало улыбку ту, Что зрела ты — мне неизвестно (Веневит., Любим. цвет., 1825). Я рано со́рвал жизни цвет, Все потерял, все отдал Хлое (Полежаев, Песня, 1830—1831). Что, если бы он со́рвал маску... нет, Он не узнал меня... (Лерм., Маскар., 1835). И пали без жизни питомцы столетий! Одежду их со́рвали малые дети (Лерм., Три пальмы, 1839). ...Хоть правда, что она свела строенье так, Чтобы не во́рвался(?) в него никто, никак... (Крыл., Лиса-строитель, 1816). — В издании сочинений Д. В. Давыдова, том II, 1893 г., стр. 92, поставлено ударение (автора?): „Это нас всех взо́рвало“ (в значении „возмутило“).

Руссифицированным является ударение префикса в церковнославянизме **прервал:**

„Страх тщетный!“ пре́рвал врач: „Лекарства, как и все, зависят от удач...“ (Шаховск., Расхищ. шубы, III, 1815). Между нами Скажу я, он ничей не пре́рвал сон (Лерм., 1830). И вновь заплакала. — Но из кустов Ее стенания звук пре́рвал внятный (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831). ...И над Невой затрепетали братья, Услышав гармонический твой сон. С седого Пейпуса, волшебный, он Раздался, прилетел и пре́рвал сон, Дремоту наших мелких попечений... (Кюхельбекер, 19 окт., 1836).

спа-:

...Другой Успел дать хищнику управу; Я про́спал честь мою и славу (Жуковск., Роланд-оружен., 1832). ...Пошевелился, по-

тянулся, встал и молвил: как же долго про́спал я? (Жуковск., Сказ. о Ив.-царев. и сер. волке, 1845). ...В постелю лег и скоро сном глубоким Заснул и про́спал до полудня (там же).

Видимо, неправомерный случай представляет ударение, которое встречаем у И. М. Долгорукого в стихотворении „Да и нет“ (1823): „...За благо *при́знал* умный свет...“

Отчасти под южнорусским диалектным влиянием, отчасти в результате тенденции к выравниванию по основному глаголу, иногда у тех же самых писателей, которые употребляют формы прошедшего времени с оттянутым ударением, имеем также формы с ударением накоренным. При префиксе **пере-** такое употребление у поэтов изучаемого времени — правило. Ср.:

бы-:

Что Швеция? Спокойно ль было там, Как ты отбы́л? (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

ви-:

Меня с рожденья злобный рок Пови́л, как ризой, нищетою (Б. Александров, Бедняк, 1836). О, как теперь губительный сей свиток, Как много он передо мной разви́л! (Соколовск., Хеверь, 1837). Тогда он плакал частыми слезами, Но грех сломал, порок его проник, Соблазн обви́л кровавыми руками... (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

да-:

Суровый был в науке славы Ей дан учитель: не один Урок нежданный и кровавый Зада́л ей шведский паладин (Пушк., Полт., 1828—1829). ...Не видит никого, кто руку С той стороны пода́л бы ей (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). ...Мир земной тебе отда́л... (Жуковск., Элевзинск. праздн., 1833) Наш Ахшверус, сей мудрый властелин, Который весь в благие попеченья Преда́л себя с горячностью такой... (Соколовск., Хеверь, 1837). Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной, О древней хижине, где юность провождал И Титира свирель потомству переда́л (Батюшк., Послан. к И. М. Мурав.-Апост., 1814—1815). Бессмертные дар свой тебе переда́ли — И мы засыпаем на баснях твоих (Веневит., Четверостиш., 1827). С ее случайною знакомкой, Своею смуглой однодомкой, Свое сближенье переда́л, Как сам его он понимал (Баратынск., Цыганка, 1842).

жи-:

Я пережи́л свои желанья, Я разлюбил свои мечты (Пушк., 1821). Спи, друг одинокой! Твой старый хозяин тебя пережи́л... (Пушк., Песнь о вещ. Олеге, 1822). Хотя он свеж, на нем печать могил Тех юношей, которых пережи́л (Лерм., В Воскресенске, 1830). О, в этот час я все бы вам открыл — И как я жил и что я пережи́л... (Щербина, Болезни, 1845). Все идет и проходит чредой... Я один за другим пережи́л... (Щербина, Тимон Афин., 1846).

ли-:

И боле слез она над нею пролила, Чем наш жестокий Пирр проли́л троянской крови (Озер., Поликсена, 1809). — Пример тем более характерен, что стих легко допускал бы перестановку „троянской про́лил крови“. — Коршун в море кровь проли́л, Лук

царевич опустил (Пушк., Сказка о царе Салт., 1831). Два евнуха, на коих царь с высот Пролúл реку властительных щедрот... (Соколовск., Хеверь, 1837). Скажите: сколько горьких слез пролúли, Как прах жены вы предали снегам?.. (Огарёв, 1838). Грозный страж твоей свободы, Сокрушитель чуждых сил, Вкруг тебя широко воды Океан седой разлúл (Хомяк., Остров, 1836).

пи-:

Гость в пирушке запоздалый, Я допúл уже до дна Чашу радости бывалой... (Мятлев, День рожд.).

плы-:

И я поплы́л... О море, море! Когда увижу берег твой? (Полежаев, Море, 1830—1831). Хоть тяжкий гроб из камня был, Но от Мельроса вдруг поплы́л По Твиду он, как легкий челн (Жуковск., Суд в подзем., 1832). Здесь нет ни одного; они отплы́ли Еще вчера (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза). ...Или чужим, как попутчик, К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплы́л он? (Жуковск., Одисс., 1842—1849).

-я-:

И ласково, радушливо приня́ли На лоно благ... (Соколовск., Хеверь). Тебя с восторгом я обня́л, Поверил снова наслажденьям... (Веневитин., Послан. к Рожалину, 1825). Ее обня́л восторг спокойный... (Шевырёв, Стансы, 1831). ...Я их обня́л, — и зачревател ум Строптивою семьею дерзких дум... (Соколовск., Хеверь). Мир тебе во тьме Эрева! Жизнь твою не враг отня́л... (Жуковск., Торж. побед., 1829). ...Когда он отня́л у ней ожерелье, Коим она все поправить так мило хотела... (Жуковск., Ундина, 1836). ...Смели, как прах, с души моей виденья, Отня́ли время и досуг творить... (Кюхельб., Разочарование).

бра-:

Путь новый я избра́л, путь новый избери (Баратынск., Признание, 1824). Себе звезду избра́л ли ты? (Баратынск., Звезда, 1825). Куда завидного героя Избра́ли вы! Кто ваш герой? (Пушк., Родословн. моего героя, 1833).

зва-:

Но для чего кометами я вас Назва́л -- глупец тупейший то поймет... (Лерм., Булевар, 1830). Однажды позднею порою Он [Мазепа] в свой дворец меня призва́л (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). Звонкий рог созва́л дружину; Все уж на конях (Жуковск., Рыц. Тогенбург, 1818).

(со)зда-:

...Как волшебный идеал, В коем юноша созда́л Образ девы неизвестной (Подолинск., Див и Пери, 1827).

рва-:

...Лавр первый из длани Камены младой Ты взял на парнасских вершинах; Ты, собственной кровью омытый, другой Сорва́л на гремящих твердынях (Давыд., Зайцевскому, 1828).

спа-:

...С утра я глубоко проспа́л до утра (Пушк., Подраж. Корану, 1824).

§ 6. Перенос ударения на отрицание *не* в формах прошедшего времени.

Выдерживается в языке поэтов первой половины XIX века довольно частый в прошедшем времени перенос ударения с многих теперь односложных основ глаголов на отрицания. Имеющие такой перенос ударения глаголы все принадлежат к числу ударяемых в женском роде на окончании, т. е. относятся к подвижному типу, получившему уже в древнейший период существования славянских языков так называемую циркумфлексовую интонацию, оттягивавшуюся в остальных формах на предшествующий слог[1]. Это старое явление фонетического порядка уже и в это время начинает, однако, подвергаться частичному разложению в пользу обычного ударения форм прошедшего времени глаголов.

Примеры:

Не́ брал:

Рыбак старший: Ты невода не́ брал... Рыбак младший: О неводе после, товарищ! (Гнедич, Рыбаки, 1821).

Не́ был:

То не́ был ангел-небожитель, Ее божественный хранитель... То не́ был ада дух ужасный, Порочный мученик, — о, нет!.. (Лерм., Демон, 1829—1838).

Но ср. необычные: „...А снял бы я, когда б не бы́ло стыдно..." (Пушк., Скуп. рыцарь, 1830—1836). „За что же мне? В великих подвигах участником не бы́л Твой бедный паж, твоя сиделка" (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). Я дома провела его, Вдали людского шума, И мне не бы́ло без него Ни пусто, ни угрюмо (Ростопчина, Поэтический день, 1845).

Не́ взял:

Почто теперь не услаждает Твою надменность звук побед? Ты не́ взял ничего с собою... (Мерзляк., На разруш. Вавилона, 1805). Как мне мила тех дней беспечность! За вечер тот я б не́ взял вечность (Лерм., Стансы к Д., 1831). Нет, за единый мщенья час, Клянусь, я не́ взял бы вселенной! (Лерм., Хаджи-абрек, 1833).

Не́ дал:

...Я ей поверить не посмел. Привычке милой не́ дал ходу... (Пушк., Евг. Онег., VII, 1827—1828). Не́ дал им воли стремиться к престолу стезею убийства... (Жуковск., Сельск. кладб., 1839). Так скоро! Когда своим разбитым членам от тревог Стихии грозной не́ дал отдохнуть? (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841). Новый царь был страшен, итак ни единый из прежних Подданных не́ дал приюта царю бесприютному (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1837—1841).

Ср. с ударением на глаголе: „Не да́л тебе увянуть одиноким Последний цвет облистанных полей!" (Ростопчина, Посл. цветок,

[1] См. „Историч. коммент.", 2 изд., 1939, стр. 186.

1835). „...Друг другу холодные руки Пожать нам, прощаясь, не да́ли (Ростопчина, На прощ., 1835). „Ну, бедному и умереть не да́ли“ (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

Не́ жил:

...Чтоб в вымыслах певца С мышами не́ жил кот, а с тиграми овца (Мерзляк., Послан. о стихотв., 1808). Я жил, как червь, и не́ жил, а страдал... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Он странен был, зачем он не́ жил с нами, У нас, в Москве? (Язык., Встреча нов. года, 1840).

Не́ снял:

Когда бы не́ снял я с тебя узды, Управил бы наверно я тобою (Крыл., Конь и Всадн., 1814—1816).

Не́ спал:

Я не́ спал. Вдруг вижу, подходит ко мне Пастушка — осанкой богине, Цветущей красою подобясь весне... (В. Панаев, Сновидение, 1819). Уснуло все — и я один лишь не́ спал. Один я не́ спал... (Лерм., Смерть, 1830). Тут не́ спал только я с своей живой тоскою (Кюхельб., Три тени, 1840).

Но ср. Пушк., „Русалка“ (1819): „Всю ночь не спа́л старик угрюмый И не молился целый день...“; „Медн. всадн.“ (1833): „...Но долго жители не спа́ли И меж собою толковали О дне минувшем“.

По свидетельству А. Востокова, Русск. грамм., § 182, такой же перенос ударения имел место и при страдательных причастиях, „кои перемещают ударение в родах и числах“: *взят, взята́, взя́ты, — не́ взят, не́ взяты*. Чаще других в настоящее время ещё употребляется из этой категории случаев *не́ дан*. В первой половине XIX века подобных примеров у поэтов несколько больше; ср., напр.:

Елецкой не́ зван: что за горе? На то и маска... (Баратынск., Наложн., 1829—1830). И дико он очами бродит И не́званных гостей бранит... (Пушк., Евг. Онег., V, 1828). Когда ж, опомнившись, обман я узнаю И шум толпы людской спугнет мечту мою — На праздник не́ званную гостью... (Лерм., Перв. января, 1840). ...Зеленая сосна. ...О не́жданный пришлец, Меж ве́твистых маслин и лоз кудрявых юга (Ростопчина, Сосна на корнище, 1845).

§ 7. Конечное ударение в форме единственного числа женского рода прошедшего времени.

В течение всего изучаемого времени конечное ударение форм женск. рода ед. ч. у глаголов, вообще известных с подвижным ударением, выдерживается за очень немногими исключениями:

Но куклы, даже в эти годы, Татьяна в руки не брала́ (Пушк., Евг. Онег., II, 1823—1826). Как черная лента, вкруг ног обвила́сь, — И вскрикнул внезапно ужаленный князь... (Пушк., Песнь о вещ. Олеге, 1822). ...Но вдруг взвила́сь живым потоком И разлила́сь на полотне (Э. И. Губер, Художнику). Сюда ваш

батюшка пришел — я обмерлá; Вертелась перед ним, не помню, что врала́... (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Но все потом враждебная мне сила Меня гнала́, как бурная волна... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...И слабого, как бы в ущелье гор, Святых небес карающая сила Для скорби, слез и бедствий загнала́... (там же). Скакун лихой, ты господина Из боя вынес, как стрела, Но злая пуля осетина Его во мраке догнала́ (Лерм., Демон, 1829—1838). И погнала́сь за модой новосветской, Но погнала́сь старуха не путем... (Баратынск., 1842—1844). Но в храме вечности завеса Пред ним, как небо, раздрала́сь (Полежаев, Гений, конца 20-ых годов). Вот она Минуты две подождала́, Потом с молитвою пошла Вперед (Жуковск., Суд в подзем., 1832). ...На том коне пустился в лес, Где настоящая его ждала́ Царевна (Жуковск., Сказка о Ив.-царев. и сером волке, 1845). Для ликующей свободы Вновь Эллада ожила́, Собрала свои народы И столицы подняла́... (Баратынск., Последн. поэт, 1842). Флот критский истреблен богами; Его их буря пожрала́ (Жуковск., Поликрат. перстень, 1831). Ее сестра звала́сь Татьяна... (Пушк., Евг. Онег., II). Ты рвала́ дорогие одежды, Красоту свою страшно кляла́ (Щербина, Плачущей у гробн., 1847). Как слезу любви из ока, Как холодный пот с чела, из Тверской земли широко Волгу в Каспий пролила́ (Бенедикт., Тост, 1845). ...Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила́ (Тютчев, Гроза, 1828). ...И радуга концом дуги своей В зеленые вершины уперла́ся (Тютч., Успокоение, 1830). Ты упила́сь сим воздухом чудесным, И речь твоя так страстно дышит им! (Веневит., Элегия, 1826). Зимой ранехонько, близ жила, Лиса у проруби пила́ в большой мороз (Крыл., Лиса, 1833). Так бы я Разорвала́ тебя, змею-злодейку, Проклятую разлучницу мою! (Пушк., Русалка, 1832). Так говоря, сорвала́ Дамаянти с чудного древа Ветку (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841). Она ж за Ольгою ходила. Стлала́ ей детскую постель (Пушк., Евг. Онег.). Но муза сирого взяла Под свой покров надежный, Поэзия разостлала́ Ковер под ним роскошный (Тютч., <С. Е. Раичу>, 1823). И страхом и тайной надеждой пылая, Еврейка глаза подняла́ (Лерм., Баллада, 1832). Вставши, она обняла́ стариков... (Жуковск., Ундина, 1836). ...И я упал, как падает скала; Но ты меня приветно подняла́... (Соколовск., Хеверь, 1837).

Вот примеры редких о т с т у п а ю щ и х случаев:

И для того в роскошливых садах Своей рукой заботливо собра́ла избра́нные, душистые цветы... (Соколовск., Хеверь). ...Не говори, что сан, а не меня Избра́ла ты (Пушк., Бор. Годун., 1825—1830). Мы все служили им. Избра́ла их Россия... (Хомяк., Димитр. Самозв., 1833). Везде простор, везде приволье; Жизнь бы́ла чудно хороша! (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Но вчера, В полночь прошедшую, она руками Холодными, как лед, меня обви́ла... (Лажечн., Христиерн II и Густав Ваза, 1841). Но пусть бы прочих всех она в безумный дом Погна́ла, как гусей, — Туда им и дорога! (Шаховск., Урок кокеткам, 1815).

Заря прогна́ла тьму ночную, Монаха не нашли нигде (Пушк., Русалка, 1819). ...В последний ряд судьба загна́ла нас (Вяземск., Эпиграмма, 1830). Ждала́ попадья, не дожда́лась — выходит... (Кюхельб., Кудеяр, 1833). Все смерть похитила, Все алчная пожра́ла (Батюшк., На смерть Лауры, 1810). Три заживо схоронены На дне тюремной глубины — И двух сожра́ла глубина (Жуковск., Шильонск. узн., 1822). На па́мятный вовеки пир Мужей, держащих в длани мир, Созва́ла царская трапеза (Кюхельб., Зоровавель, 1823). ...Чтоб жалкая, ничтожная змея На твой венец изли́ла яд позора... (Соколовск., Хеверь).

Характерен пример с колебанием: „И чудная какая-то мечта Проли́лась в грудь; незримый горный гений Обвил чело перуном вдохновений, И радостно горящая рука Вдруг излила́ два первые стиха“ (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833).

Благотворная денница Разорва́ла ночи мрак... (Язык., Чувств. путеш. в Ревель, 1829). Вдруг — прерва́лась тишина, Вся дубрава зашумела... (Подолинск., Див и Пери, 1827). ...И дочь не спа́ла: мудрено ли (Кюхельб., Юрий и Ксения, 1833). Как парчою голубою Разостла́лась по стенам... (Шевырёв, Тибр, 1829). Дева одна, положивши на кресла подушки, постла́ла Пышные сверху ковры... (Жуковск., Одиссея, X). Княгиня томною рукою Обня́ла друга своего... (Баратынск., Бал, 1825—1828). ...Своей рукой я шила всю одежду И ничего не взя́ла за труды (Кукольник, Джулио Мости, 1836)[1].

Ещё реже случаи конечного ударения у глаголов, которые по правилу имеют неподвижное ударение:

Так! тогда и я впервые Познала́ тебя, любовь! (Кюхельб., Кассандра, 1822—1828). Она косынкою своей Их [слезы] отерла́... (Баратынск., Эда, 1824—1825, 1833). Заплакала горько Марья-царевна; Слезы потом отерла́; потом, в сарафан нарядившись, В город крестьянкой пошла (Жуковск., Сказка о царе Беренд., 1831)[2].

Ср. у Жуковского же правильное ударение этой формы: „Все на нее с любопытством смотрели; Что творилося с нею, не ведал никто. Напоследок Слезы обте́рла она...“ (Ундина, 1836).

Ударение форм среднего рода в целом соответствует нынешним правилам. Случаи отступлений относятся только к *да́ло*, где у нас теперь возобладало новое ударение, отражающее влияние ед. числа женск. рода (*дало́*; ср. *дала́*, но *да́ли*):

Все небо нам да́ло, мой друг, с бытием... (Жуковск., Теон и Эсхин, 1815). Ничто не заменит уж той, Которой сердце имя да́ло (Нелединск.-Мелецк., Когда веселий на крылах..., 1818).

---

[1] Наибольшее количество отступлений приходится на корень **гна-**, и это, повидимому, не случайность: именно при этом корне в литературном языке нет примеров ударения, оттянутого на префикс в прошедшем времени, и этот же корень в сербском и словенском языках выступает с рефлексами накоренного ударения в форме ед. ч. женского рода прош. времени. — О двух случаях *про́гнал* у Пушкина см. стр. 218.

[2] У Кюхельбекера (Юрий и Ксения, 1833) в параллель этому: „Он дланью вдоль ее ланит Повел, их о́ттер, говорит...“

Грузно! Что ты, сине море, Да́ло им за тяжкий труд? (Язык., Морск. тоня, 1839). Земле родной — все, что нам небо да́ло, Мы посвятим! Пускай заблещет меч, И за нее, как в старину бывало, Мы радостно готовы стать и лечь (К. Аксак., Возврат..., 1843).

Возможно, что у Крылова в басне „Крест. в беде“ (1811) *было* с конечным ударением: „Эх, свет! не надобно было́ тебе по миру славить Что столько ты богат“; но известная вероятность остаётся и за тем, что здесь *было*, как энклитическое слово, произносилось Крыловым просто безударно: „не на́добно было“.

У Полежаева („Кольцо“, 1828): „Кровавым градом Кольцо невесты облило́ Мое холодное чело...“

Изредка могут быть отмечены случаи влияния ударения ед. числа женск. рода на множественное:

Уж звезды светлые взошли И, тяготеющий над нами, Небесный свод приподняли́... (Тютч., Летн. веч., 20-ых годов). Мы яровое убрали́, И убрали́ траву. — Се тре жоли! Се тре жоли! Коман ву порте ву? (Мятлев, Сельск. хозяйство).

Наиболее редкими случаями являются те, в которых форма ед. ч. женского рода имеет ударение, оттянутое наподобие форм мужск. и средн. рода ед. числа и форм множественного:

Со́здала дом, на семи столпах сорудила Премудрость; Жертвы заклала; вина на́лила в чаши... (Кюхельб., Притчи из Св. пис., конца 30-ых годов).

В единственном слове двусложной (непрефиксальной) основы **роди-**, искони имевшем в ед. числе женск. рода конечное ударение[1], хотя такое ударение встречается нередко, в первой половине XIX века поэты часто употребляют и формы с ударением на **и**; ср.:

Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз Попреком, что она мещанкой родила́сь (Крыл., Ворона, 1825). ...Я родила́ся теперь, как она, из пены блестящей? (Дельвиг, Купальницы, 1825). Вот ада мысль!.. Как родила́сь она? (Соколовск., Хеверь, 1837).

И: „Роди́лась я не здесь,— далеко, Далеко... но минувших дней Предметы в памяти моей Доныне врезаны глубоко“ (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). „И сердцем далеко носилась Татьяна, смотря на луну... Вдруг мысль в уме ее роди́лась“ (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). „Небесная премудрость вас роди́ла...“ (Кюхельб., Давид, 1829). „С тобою в мир она роди́лась; Погибнуть ей не суждено“ (Лерм., К кн. Л. Г-ой, 1831).

Факты, относящиеся к колебанию ударения в случаях вроде: взя́лся: взялся́, взя́лось: взялось́, взя́лись: взялись́; бра́лся: брался́ и т. д.; гна́лся: гнался́ и т. д.; роди́лся: родился́ и т. д. выступают в изучаемое время во всём основном без каких-либо существенных отличий и от того, что в этом отношении характерно для XVIII века, и от обычного для позднейшего времени, включая практику нашего.

---

[1] См. „Историч. коммент.“, изд. 2, 1939, стр. 193.

2. Причастия.

§ 8. Ударение причастий настоящего времени.

В нескольких причастиях настоящего времени действ. формы теперь, вопреки правилу о соответствии в этих причастиях, производных от глаголов класса **-и-**, ударения 1 лица ед. ч. глагола, установилось накоренное ударение: *гу́бящий, да́вящий, лю́бящий, слу́жащий,* ударение, отражающее влияние форм 2 л. ед. ч. и дал. соответствующих глаголов. В первой половине XIX века старые отношения ещё обыкновенно не нарушаются.

Губящий:

...Утратив защиту смолы, раздалися Бренные сшивы досок, и вторглась губя́щая влага (Жуковск., Цеикс и Гальц., 1819). Безумец, кто жестокому безумцу, Губя́щему детей своих, поверит? (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821).

Любящий:

...В дом отца моего меня отнесет измененным, Душу приявшим созданьем, люб я́щей, скорбящей женою... (Жуковск., Ундина, 1836). ...А они еще и не знают Ундины, Новой, нежной, люб я́щей, смиренной Ундины (там же). ...Сипяги пажитной, игривой и бессонной, Среди хозяйственных забот Люб я́щей стук колес, и плеск неугомонный, И гул работающих вод (Язык., К Рейну, 1840).

Ср. нынешнее ударение: „...Мой труд, который мыслями лелею, Который грею лю́бящей душой?“ (Кюхельб., Давид, 1829). „...Пронесся — и над лю́бящей четой Поник бы вдруг угрюмой головой?“ (И. С. Тургенев, Параша, 1843).

Служащий:

При мне служа́щие чужие очень редки, Все больше сестрины, свояченицы детки... (Гриб., Горе от ума, 1824).

§ 9. Ударение причастий прошедшего времени страдательного залога.

У причастий прош. вр. страд. залога от глаголов с основой на **а** в инфинитиве и без него — в настоящем времени,— оттягивающих ударение на префикс в мужском и среднем роде ед. ч. и в множ. числе, женский род ед. числа нечленной формы, повидимому, последовательно имел ударение на окончании:

В объятия отца я вновь возвращена, И новая гроза над мною собрана́! (Гнедич, Танкред, 1809). Росой перловой и зернистой Дерев одежда убрана́ (Язык., Тригорское, 1826). Природа трепетна, бледна, Как жертва, пышно убрана́... (Пушк., Евг. Онег., VII, 1828—1830). Резьбою мелкою стена Была искусно убрана́ (Лерм., Бояр. Орша, 1835). На мягкой пуховой постели, В парчу и жемчуг убрана́, Ждала она гостя. Шипели Пред нею два кубка вина (Лерм., Тамара, 1841). Новая светелка чисто прибрана́:

В темноте белеет занавес окна (Мей, Хозяин, 1849). Уста и взор! Стыжусь! в уме моем Головка та ничем не изгнана́... (Лерм., Булевар, 1830). Узы вечного обета Приняла она; И, погибшая для света, Богу отдана́ (Жуковск., Рыц. Тогенб., 1818). ...И где в тиши уединенья, Воспоминанью предана́, Привыкла вслушиваться Дума В гармонию ночного шума... (Жуковск., Подробн. отчет о Луне, 1820). Какой же властью непонятной К душе свирепой и развратной Так сильно ты привлечена? Кому ты в жертву отдана́ (Пушк., Полтава, 1828—1829). Но вихрю мыслей предана́, „Однакож", говорит она, „Я помню поле... праздник шумный..." (там же). ...Беззащитно предана́ Порыву бурь и зною, наконец Увянет преждевременно она (Лерм., 1831). Но мысли не высокой предана́ Ее душа (И. С. Тург., Андрей, 1845). ...Она—Завоевательница воли И для поэтов создана́! (Язык., А. Н. Вульфу, 1825). ...Нарочно, мнилося, она Была для счастья создана́ (Лерм., 1830). ...Стихия та, из коей ты одна Так сладостно, роскошно создана́ (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). ...Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина Порою той, что названа́ Пора меж волка и собаки... (Пушк., Евг. Онег., IV, 1826—1828). ...Я Соловьем в лесу здесь названа́; А моему смеяться смеют пенью (Крыл., Кукушка и Орел, 1830). Узнать, душою не в покое, Он жаждет имя дорогое!.. И незнакомка названа́, Гражданка сферы той она... (Баратынск., Цыганка, 1842). ...И где давно кровавая порфира С богов неправды сорвана́ (А. Одоевск., Дева, 1610 г., 1827—1829). ...Она Из лона отчего, из родника творенья В созданья стройный круг борьбою послана́... (А. Григорьев, Комета, 1843)[1].

Ср. отдельные случаи такого же места ударения, вызванного, видимо, влиянием форм женского рода единств. числа:

Исполнен и приказ: все звери созваны, На сходке голоса чин-чином собраны... (Крыл., Мирск. сходка, 1816). По повелению другому, Как будто к празднику большому Ее чертоги убраны (Баратынск., Пересел. душ, 1828). ...И в северную глушь морозы загнаны! (Крыл., Мот и Ласточка, 1818). Исчезнули при свете просвещенья Поэзии ребяческие сны, И не о ней хлопочут поколенья, Промышленным заботам преданы (Баратынск., Последн. поэт, 1835). Но победителей и побежденных Забвенью равному здесь кости преданы (Е. Зайцевск., Учан-Су). А хлеб наш был, какой всегда — С тех пор, как цепи созданы — Слезами смачивать должны Невольники в своих цепях (Жуковск., Шильонск. узник, 1822). Сперва в монастыре оно [подземелье] Смиренья кельей названо́ (Жуковск., Суд в подзем., 1832). Меж тем для гостя дорогого, Храня обычай старины, Уж баня пышная готова; Ковры стезей разостланы... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828).

[1] Как редкое отклонение заслуживает внимания: „Уж собрана дань для неверного стана, Уж с нею унесся баскак Нурредин" (Кюхельб., Рогдаевы псы, 1824).

Причастия прош. вр. страд. залога от префиксальных основ **бра-, гна-, дра-, зва-, зда-, пра-, тка-** у поэтов первой половины XIX века очень часто употребляются с церковнославянским ударением — не перенесённым на префикс:

И ты, в дому забав избра́нный старшиной, В нем отличился ли какою новизной? (Шаховск., Расхищ. шубы, 1811). Уж веет кроткий ветр во след твоим судам, Герой, победою избра́нной! (Батюшк., На разв. замка во Швеции, 1814). Я видел сонмы богачей, Бегущих в рубищах издра́нных; Я видел бледных матерей, Из милой родины изгна́нных (Батюшк., Послан. к Д. В. Дашкову, 1812). ...И под издра́нными шатрами Живут мучительные сны (Пушк., Цыганы, 1824—1827). ...Комета полетит неправильной чертой. Недосозда́нная, вся полная раздора, Невзнузданных стихий неистового спора... (А. Григорьев, Комета, 1843). ...О вражьих пулях и мечах, И смерти, всюду им попра́нной (Полеж., Чир-Юрт, 1832). Ночь с кипарисным венком на главе, В ризе, сотка́нной из мрака и звезд... (Каменев, Громвал, 1802). Труды затейливой Арахны, Сотка́нные в углу тайком... (Батюшк., Отъезд, 1810).

Ср. и такие, как *венча-*:

Венча́нный славой бесполезной, Отважный Карл скользил над бездной (Пушк., Полт., 1828—1829). Не много их, тобой избранных, В сынах праматери земли, Мал сонм бессмертием венча́нных... (Кюхельб., Кассандра, 1822—1828). Не верит он очам И адским призракам в лесу очарова́нном (Батюшк., Отрыв. из XVIII песни „Освоб. Иерус.“, 1808). ...Едва в своем дому, пролив ток сладких слез, Повесил на стенах доспех златокова́нный, Печатями побед стократ знаменова́нный... (Мерзл., Кассандра в чертогах Агамемнона, изд. 1825 г.).

Нынешние ударения:

Пусть и́збранный тобой вкушает дни блаженны, Пока судьбой храним (Давыд., 1816). Кто пламенный, и́збранный Зевсом еще в колыбели, счастливец, В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает? (Дельвиг, На смерть Держ., 1816). За что ж виновнее Татьяна? За то ль, что в милой простоте Она не ведает обмана И верит и́збранной мечте? (Пушк., Евг. Онег., II, 1823—1826). Есть блага на земле, Для и́збранных назначенные небом (Кукольник, Торкв. Тассо, 1830—1831). Петрушка! вечно ты с обновкой,— С разо́дранным локтем!.. (Гриб., Горе от ума, 1824). Не понят, по́пран, презрен, тих... (Б. Александров, Бедняк, 1836).

§ 10. Ударение префиксальных причастий прошедшего времени страдательного залога на *-т-*.

Ударение префиксальных причастий на **-тый, -тая, -тое** и соответствующих им кратких форм ряда глаголов, и теперь допускающее значительные колебания, в изучаемое время ещё менее подчинено строгим правилам употребления, ср.:

1. Вкруг стен широкие беседы Хрущатой о́бвиты камкой... (Бестуж.-Марлинск., Андр., кн. Переясл., 1828). Как о́бвит в саван гробовой, Так будешь жить обворожен (Козл., Обворожение, 1828).

И будешь весь, как ризою широкой, Повúт стыдом и опоясан им... (Соколовск., Хеверь, 1837). Подобно Лазарю обвúт И я житейской пеленою... (Мятлев, Воскрес. Лазаря). ...Весь мир лежит в торжественном покое, Увúтый сном и дивной тишиной (Хомяк., Видение, 1840). ...С кем я тревоги боевые В шатре за чашей забывал И кудри, плющем увитые, Сирийским миром умащал... (Пушк., Из Горация, 1835).

2. Хлеб слаще нáжитый трудом (Крыл., Цветы, 1816). Без тебя мой век унылый Неприметно б о́тжит был (Филимон., Песня, 1814—1822).

И мне блеснул, Сквозь лет прожúтых тени, Ребяческий, великолепный мир (К. Павлова, Дума, 1843). Или то, что пережúто, Как мертвец, к стенаньям глухо?.. (А. Григор., Стар. песни, стар. сказки, 1846).

3. Так здесь и он блуждает сквозь туманы, Дик, про́клят и один (Кюхельб., Святополк, 1824—1841). ...Подобно... нагим стеблям на про́клятых корнях... (М. Вронченко, перев. „Манфреда" Байрона, 1827).

Проклúтый небом раздраженным, Он не приемлется землей (Полежаев, Жив. мертвец, 1828). Проклúт, кто оскорбит поэта Богам любезную главу (Кюхельб., Проклятие, 1824).

Ты в жалости над родом заклятым Мечтаешь, друг, что эта казнь святая... Несчастьями отгрянет надо мной... (Соколовск., Хеверь, 1838). ...Не знаю,—ангел ли святой, Иль некий демон проклято́й?.. (Ап. Майков, Иафет, 1840). В своем углу, как проклятые, Мы неподвижны и гнием, Не помышляя ни о чем (Огарёв, Юмор, 1840—1841). Так говорил на шумном бале, Советник мудрый и седой, Парижский денди заклято́й (Ростопчина, Гуссейн-бей, 1849).

4. ...Чаши нáлиты пуншем, Щеки девушек лучше роз! (Восток., К А. Г. Волкову, 1802). В наряде шутовском, при нáлитых бокалах... (Филимон., К Д. А. Остафьеву, 1812—1822). Ребенок, сын безумья, нищеты, Несвязным жаром о́блит вдохновенья, Безумного восторга кончил речь (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Там о́блит кровью, в битве шумной, Твои слова я заглушу... (Лерм., Изм.-бей, 1832). Ты думал,— быстротою взора Предупреждая времена,— Что, кровью по́литые, скоро Взойдут науки семена! (К. Аксак., Петру, 1845). ...Наподобие сих чаш Буди нáлит череп наш Соком дум и мысли спиртом! (Бенедикт., Тост, 1845).

Но хладный пот меня объял.— Листы залúты были кровью! (В. Ф. Раевский, Певец в темнице, 1822). Ах! на ваших высотáх могильных (Не елеем, кровию облúт) Щит Саула, мощь и слава сильных, Сыном Хама вдребезги разбит (Кюхельб., Плач Давида над Саулом и Ионафаном, 1829). Роскошным садом осененный,

Облúтый влагой голубой... (Хомяк., Изола Белла, 1831). Облúты кровью были оба, И ярко начертила злоба Проклятие на их челе (Лерм., Хаджи-абрек, 1833). Дыханье Спиралось в их груди, глаза их кровью Налúтые, как уголья, горели (Жуковск., Шахнаме, 1846—1847). Грудные волны и плечо, никем не зримые, открыты, Ланиты негою облúты... (Бенедикт., Три вида, 30-ых годов).

...С кружкой, пивом налитóю, И с цыгаркою в зубах (Пушк., Посл. к Наталье, 1814). Душа певца, согласно излитáя, разрешена от всех своих скорбей (Баратынск., 1835). Все сочное, слитóе в нас из рая... (Соколовск., Хеверь). Кто б посмотрел на нее, облитýю лучами... (Щербина, Купанье, 1847).

5. Монах стоял меж тем за дверью отпертóю И слышал разговор меж братом и сестрою (Пушк., Анджело, 1833). В зимней стуже, в летнем зное Он и ночью, он и днем В запертóм сидит покое, Со старухою вдвоем (К. Павлова, Старуха, 1840). ...В дальний покой перенес и там запертыми оставил (Жуковск., Одисс., 1842—1849).

6. Тогда к желанному пределу Борьба достигнет и конец Положит нáчатому делу (К. Аксак., Петру, 1845).

Уста невольно каждый час С начáтой речи открывались... (Пушк., Кавк. пленн., 1821). На устах начáтый стих Недочитанный затих... (Пушк., 1829). Вздох полновесный прерывает Едва начáтый разговор (Лерм., Казначейша, 1836). Я скоро Опять здесь буду, и тогда, Как следует начáтое мы кончим (Жуковск., Рустем и Зораб, 1846—1847). ...Как будет Кончен мой труд, чтоб начáтая ткань не пропала мне даром (Жуковск., Одисс., 1842—1849). ...Унылый,— дело начатóе Уже готов был отменить (Козл., Невеста Абидосск., 1826).

7. С рукою, все еще пóднятой вверх... Ундина его слова роковые Слушала... (Жуковск., Ундина, 1836). ...И помни то, что этот меч над ним Припóднят здесь властителем самим (Соколовск., Хеверь, 1837).

Ты мыслишь оправдать пред небом и землей Войну, поднятую против страны своей... (Озер., Эдип в Афин., 1804). ...Тень у него чернеет по стене, Недвижный взор поднят, но не к луне... (Лерм., Ночь, III, 1830). Взревев, река несет На торжествующем хребте Поднятый ею лед! (Баратынск., 1831). Девятое чудо — твой нос, нос сизокрасноватый, Что, так спесиво приподнятый, Стоит украшенный табачною ноздрей! (Давыд., 1836). Уже теперь причина тех страданий, Как на горе поднятый с утра знак, Виднеет мне... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...И молнии в глазах, и голова, Поднятая торжественно и гордо... (Жуковск., Камоэнс, 1839). ...И лучше быть хочу предметом эпиграмм, Чем слушать скучное княжéе поученье, Взятóе целиком из самых скучных драм (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). ...Боясь преступить обычай принятóй... (там же). Не удовольствуясь, что пьянством портил нравы, Он пакостил вино, клал вредные приправы, И, часто превратя народну радость в плач, На откуп им взятых

губерний был палач (Д. Горчаков, Послан. к кн. С. Н. Долгорукову, до 1824 г.). ...Будто искры золотые, В воздух ветром поднятые, Блещут крылья мотыльков (Подолинск., Див и Пери, 1827). Ты не проси кипучей страсти, Невнятной ей, не понятóй... (Ростопчина, Гуссейн-бей, 1849).

Руссифицированным ударение выступает в церковнославянизме **объятый** у Баратынского в стихотворении „Любовь“ (1825): „...Опустошает, разрушительный, Он душу, óбъятую им“.

В нечленной форме ед. числа женск. рода у тех страдательных причастий с приметой **-т-**, которые в ед. числе мужск. рода имеют ударение на префиксе,— ударение обычно на гласном окончания:

И вдруг головка вышла из окна, Не завита́ и в чепчике простом (Лерм., Булевар, 1830). В ее наряде простота, Но также вкус... Ее головка Платком прилежно обвита́ (Лерм., Изм.-бей, 1832). ...В день твой, в день Бородина, За здоровье друга чаша Налита́ тобой вина... (Катенин, Наташа, 1814). ...Та же дикость, красота По ущельям разлита́! (Гриб., Хищники на Чегеме, 1826). Их жизнь, как океан безбрежный, Вся в настоящем разлита́ (Тютч., 1838). Течь слабая, и та в минуту унята́ (Крыл., Мыши, 1833). Мне тяжело, мне слишком гадко, Что эта страсти простота, Что эта сердца лихорадка И псами храма понята́ (А. Григорьев, Артистке, 1846).

Отклонения типа „нали́та“ и под. не часты:

...За то, что и у вас зави́та голова... (Полежаев, Новая беда, 1825). Взгляни, здесь круг твоих друзей, Бутыль вином нали́та... (Пушк., Пирующ. студенты, 1814). Проли́та кровь сия была Во искупление свободы (Жуковск., Пери и Анг., 1821). Военачальник мой, жалея крови, Которая проли́та и прольется, Свой грозный меч в ножнах остановил (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821).

В меньшей мере отклонениями можно считать случаи такого ударения в причастиях, употреблённых в роли предикативных определений:

Троянки, коей кровь, над холмом сим проли́та, Спокоила бы тень героя знаменита (Озер., Поликс., 1809). О, кто она? Любовь, Харита Иль Пери, для страны иной Эдем покинула родной, Тончайшим облаком обви́та? (Гриб., Телешевой, 1825). Живительным дыханием разви́та, Фантазия подъемлется от них (Баратынск., Последн. поэт, 1842). Вся обли́та блеском злата, Мыслью вся озарена, Ты счастлива, ты богата, Ты роскошна, ты сильна... (Хомяк., Остров, 1836).

В нечленных формах средн. рода ед. числа и во множ. числе причастий с приметою **-т-**, где фонетическим было у префиксальных образований ряда глаголов ударение префикса, аналогия ударения женск. рода вызвала многочисленные случаи конечного ударения: ...Все внуки, правнуки и даже предков тени Тобой решительно, навеки прокляты — Довольно, кажется? Теперь спокоен ты? (Загоскин, Благородн. театр, 1828). ...Унеслись мечты, Последние мечты — и рая двери Навек скитальцу-духу

заперты (А. Григорьев, Титании, 1846). Но прежде отчего езжала всюду ты? И ныне способы к тому не отняты (Гриб., Молод. супруги, 1815). У нас с Эльмирою эмблемой приняты Не розаны, мой друг, а маковы цветы (там же). ...Чтоб барской ягоды тайком Уста лукавые не ели И пеньем были заняты: Затея сельской остроты! (Пушк., Евг. Онег., II, 1824—1827). А что силой отнятó, Силой выручим мы то (А. Бестуж. и Рылеев, 1824). ...И Леды прелести нагие Прозрачной влагой приняты (Баратынск., Леда, 1824—1825). Неблагодарный! Им у Нины Все мысли были заняты... (Баратынск., Бал, 1825—1828). ...Напрасно бы кто взялся Другой вам услужить. Зато Куда я ни кидался? В контору — все взятó... (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Кипят ключом отрады неземные И разлиты восторги — как моря!.. (Соколовск., Хеверь, 1837). То ль было прежнею порою, Но счастье жизни отнятó (Козл., К Тирзе). Волгин: ...Когда намеренье тобою принятó Дурачить старика... Посошков: Прекрасно,— а не то! (Загоскин, Благородн. театр, 1828).

§ 11. Причастия прошедшего времени страдательного залога от глаголов класса *-и-*.

Причастия прошедшего времени страдательного залога от глаголов класса, имеющего в настоящем времени изъявительного наклонения примету **-и-**, своим ударением обыкновенно представляют параллель настоящему — будущему времени изъявительного наклонения. Те глаголы, у которых в настоящем времени, начиная со 2 л. ед. ч., ударение падает на корневой гласный, такое же ударение имеют в причастиях страдательного залога; глаголы с ударением приметы **-и-** в настоящем времени — в причастиях страдательного залога носят ударение в нечленных (кратких) формах на окончании, в членных (полных) — на примете причастия **е (ен)**. Ударение этих форм у поэтов первой половины XIX века в ряде случаев отличается от нынешнего, поскольку отличалось частично ударение соответствующих глаголов и в настоящем (будущем) времени изъявительного наклонения, но кроме того необходимо считаться ещё и с тем, что причастия, категория книжная, иногда сохраняли свою связь с уже вышедшим или выходившим из употребления ударением глагола, иногда — ударением церковнославянским.

Сравнительно с нынешним заслуживает внимания ударение следующих слов:

-ближен, -ближена:

...Здесь приют покоя, Прибежища отрадной тишины, Предместье здесь с полями сближены... Живут счастливцы (Кюхельб., Сирота, 1833).

-вален, -валена; ср. *валúт* и под.:

Все перед ним завалено́: Что сброшено, что снесено (Пушк., Медн. всадн., 1833). ...Глядят встревоженной толпою — Широко завалéн рудник (К. Павлова, Рудокоп, 1814).

-волен, -волена:

Словами вещего поэта Сказать и мне позволено́: Темира, Дафна и Лилета — Как сон, забыты мной давно... (Пушк., Евг. Онег.). Какое право им дано Шутить святынею моею? Когда коснуться я не смею, Ужели им позволено́? (Лерм., Стансы к Д., 1831). ...Зло явное, терпимое давно, Молчанием суда уже дозволено́ (Пушк., Анджело, 1833). К соседу или несоседу, К чужим — своим — мне все равно, На чай, на завтрак и к обеду Мне быть всегда позволено́ (Полежаев, Русск. неполн. перевод кит. рукоп..., 1835).

Ср. нынешнее ударение: „Здесь память загладить позво́лено мне Ужасного дела ночного“ (Жуковск., Покаяние, 1831).

за-т-ворен, за-т-ворена и под.[1]:

...Книга Кормчая отверзта, И уста отворены (Воейк., Дом сумасш., 1814). Иоанна д'Арк, король тебе позволил Покинуть Реймс; тебе отворены Ворота (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). Зимою ставни закрывались рано, Но летом до ночи растворено́ Все было в доме (Пушк., Домик в Коломне, 1830—1833).

Характерно для разрыва нового отношения между причастием и формой изъявительного наклонения: „Сей гроб — затворе́нная к счастию дверь, Отво́рится... жду и надеюсь“ (Жуковск., Теон и Эсхин, 1815). В соответствии ему: „...В котором Вакха лозогнистых Румяный, сочный, вкусный плод Раство́рен свежестию чистых Живительных кастальских вод“ (Катенин, А. С. Пушкину, 1828). „...И скрылся в пленительной дали В небесные раство́ренные двери?..“ (Соколовск., Хеверь, 1837). „...И колокол гудящий замолчал, Затво́рен храм и терем опустелой“ (Огарёв, Кремль, 1839).

-горожен, -горожена:

Путь наверх загорожен. „Как же быть?“ подумал он (Жуковск., Спящ. царевна, 1831).

-гублен, -гублена:

Нет слова, чтоб мир водворило оно В душе, погубле́нной отныне (Жуковск., Покаян., 1830). Сгубле́нным, зарезанным поздно спасенье... (Кюхельб., Кудеяр, 1833).

-давлен, -давлена:

...Он был бы подавле́н враждебной мне судьбою (Кюхельб., А. С. Грибоедову..., 1823). Ты дому падшему мерцавший в бурях свет! — В развалинах его не подавле́нный цвет!.. (Мерзл., Электра и Орест при гробе Агамемнона, изд. 1825 г.). Хочу ли петь — но голос мой внезапно подавле́н слезами (Козлов, Элегия, 1837).

-должен, -должена:

...Стихи без меры, по преданью, В знак дружбы верной внесены, Уменьшены, продолжены (Пушк., Евг. Онег., IV, 1828).

---

[1] К этимологии см., напр., R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, 1923, стр. 351 и сл.— *Затворить* и под.— продукт переразложения; ср. *створить*.

-душен, -душена:

...Завален жертвами, мольбами заглушен И фимиамом задушён (Крыл., Оракул, 1807—1808).

-кошен, -кошена:

Ты пал, и хладною косою Едва, скошённый, не увял! (Пушк., К Батюшк., 1814).

-крашен, -крашена (редко); ср. старое и диал. ударение *красúт* и под.:

Девы, юноши четами По узорчатым коврам, Украшённые цветами, Идут весело во храм (Жуковск., Кассандра, 1808—1809). ...Вы, украшённые проворно Толстого кистью чудотворной... (Пушк., Евг. Онег., IV, 1826—1828).

С возобладавшим ударением:

Уже среди полей, Украшенных природой... (Вяземск., К подруге, 1815). Раз Карл Великий пировал, Чертог богато был украшен... (Жуковск., Роланд Оружен., 1832). ...Но дорог для меня, Когда твоей любовью он [дар] украшен (Соколовск., Хеверь, 1837).

-кручен, -кручена:

За уши ус твой закручённый, Вином и ромом окропленный... (Пушк., Усы, 1816). Ср. там же: „...А грозный ус *крутúшь* другой". — Скручённые земными пеленами И пьяные сикерою страстей... (Соколовск., Хеверь, 1837). Ср. *закручённый* уже в функции прилагательного: „...Всех наездников сзывай С закручёнными усами..." (Давыд., Гусарск. пир, 1804).

-курен, -курена:

...И дымом брани окурённый... (Вяземск., К партизану-поэту, 1815).

-леплен, -леплена:

...Как счастье прилеплённых К их блеску богачей... (Вяземск., К Батюшк., 1815).

-ложен, -ложена; ср. *ложúшься* и под. с сохранением более старого ударения.

В томе II, главе IV „Клятвы при гробе госп." Н. Полевого (1832), в приведённой в эпиграфе старинной песне поставлено ударение: „На дне чарки правда полóжена...", повидимому, как народное, отличающееся от обычного для автора и его времени. Действительно, в отличие от нынешнего, ударение начала XIX века — *-ложён, -ложенá*:

Путь к забавам проложён; К славе — тесен и мудрен (Батюшк., К Гнедичу, 1806). ...И дело ей поручено!.. Лисой к нему приложено Все, и старанье, и уменье (Крыл., Лиса-строитель, 1816). Но если в душу вложенá Хоть искра страсти благородной— Поверь, не даром в ней она (Веневит., Утешенье, 1826). И долго ль цвел? и сорван кем? Чужой, знакомой ли рукою? И положён сюда зачем? (Пушк., Цветок, 1828). Пред ними разложён на нем [на столе] Устав бенедиктинцев был... (Жуковск., Суд в подзем., 1832). И на столе положены Свидетели ее вины (там же). ...Из них отцу его досталась Осьмая часть, и та сполна Была давно

заложена́ И ежегодно продавалась (Пушк., Родословн. моего героя, 1833). И думал он: „Отсель грозить мы будем шведу — Здесь будет город заложе́н... (Пушк., Медн. всадн., 1833). Играет ветер рукавами Его чухи; кругом она Вся галуном обложена́ (Лерм., Демон, 1838).

Намного реже случаи с нынешним ударением: „...Что дважды младость не бывает, Что счастию поло́жен срок — Душа в раздумье забывает“ (Мятлев, Луна).

-лучен, -лучена:

Ради вы или не ради, Но указ уж получе́н (Воейк., Дом сумасш., 1814). Хоть я венца и недостоин, Но мной он получе́н от вас (Жуковск., письмо к А. Г. Хомутовой, 1820). Но не забудь о стихийных дарах, от богов получе́нных В брачный день (Жуковск., Наль и Дам., 1837—1844).

-мочен, -мочена:

Его игривая струна Слезами скорби смочена́!.. (Тютч., Друзьям при посылке „Песни радости“ из Шиллера, 1823). И путь кругом смоче́н людскою кровью... (К. Павлова, Сфинкс, 1847).

-нижен, -нижена:

Унижуся ли тем, что унижен тобою? (Милон, К Рубеллию, 1810).

У Лермонтова: „Быть может, клеветой лукавой пораженный, Пред миром и тобой врагами униже́нный, Я не снесу стыдом сплетаемый венец...“ (Из Андр. Шенье, 1831); „Есть подлецы, которых бьют, Которым в рожу все плюют; Но, униже́нные, они В тиши свои скрывают дни“ (А. А. Ф-ву, 1831). Ср. нынешнее ударение: „Вдохновенье! Ты в чистоте мне душу заменяло. Уни́женное, ты унизишь душу“ (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

-пенен, -пенена:

...Через силу и конь, опене́н, запылен, Под тяжелым ступал седоком (Жуковск., Иван. ночь, 1822). Конь опене́нный встрепенулся (Рылеев, Палей, 1825).

-пилен, -пилена: ср. *пили́т* и под.:

Пришли, глядят: распилена́ Решетка узкого окна... (Лерм., Бояр. Орша, 1835).

-плачен, -плачена:

О Каверин! долг романам Весь тобою заплаче́н; Но, сказав „прости“ обманам, Ты давно уж стал умен (Воейк., Дом сумасш., 1814). Ср.: „По крайней мере этою ценой Долг благодарности запла́чен будет“ (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

-пущен, -пущена:

Ах, силы вкоротке: совсем истощены: Уж когти хищные над ним распущены (Крыл., Два голубя, 1809). Как распуще́нные знамена их пестреют! (Катенин, Мир поэта, 1822). ...Она Гарема стражами немыми В пучину вод опущена́ (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Здесь я могу, кустарниками скрытой, Когда тиран не окружен толпой, Его достать пуще́нною стрелой! (Перев. „Вильг. Телля“ — А. Г. Ротчева, 1829). Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный, Хотел восстановить порядок упуще́нный

(Пушк., Анджело, 1833). ...Зарезан твой гость, отпущённый сегодня, Московский богатый купец (Кюхельб., Кудеяр, 1833). ...Но по складкам длинного платья его, с распущённых Белых волос и седой бороды катилися градом Капли... (Жуковск., Ундина, 1836).

-ручен, -ручена:

И вследствие того писать поручено́ В Галл, Юрьев и Оксфорд ученому Спондею... (Шаховск., Расхищ. шубы, 1815). ...И дело ей поручено́, С успехом начато и кончено оно... (Крыл., Лиса-строитель, 1816). Для блага докторов почтенных Из надписей, мне поручённых, Назначил я одну... (Жуковск., В Комитет, учр. по случаю похорон векши..., 1820). Ср. ударение, обычное теперь: „Скажите, что ваш сын не только что влюблен, Но даже с Лизою давно уж обручён“ (Загоскин, Урок холостым, 1822), при: „...С тобою обручен за песнею я, За песней расстанемся тоже“ (Мей, Прощание со шпагой, 1841).

-ряжен, -ряжена:

Как мне не знать, как Мости наряжён (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

Рассержен, рассержена:

...Посылает в другой раз Тех же послов рассержённый Кощей, и та же все песня... (Жуковск., Сказка о царе Беренд., 1831).

Заслужен, заслужена:

...И к заслужённой укоризне Меня да не присудит свет (Шевырёв, Журналист и злой дух, 1827). ...Должно ль Ей без вины разделять мое заслужённое горе? (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1844). А что такое свет! Толпа людей то злых, то благосклонных, Собрание похвал незаслужённых И стольких же насмешливых клевет (Лерм., 1831).

-стужен, -стужена:

Итак, прошу вас о квартире, Такой, чтоб мог я в ней порой Непростужённою рукой Не по студеной бегать лире! (Жуковск., письмо к А. Л. Нарышкину, 1820).

Для *рассерженный, заслуженный, простуженный* все примеры — с переходом в прилагательные.

-топлен, -топлена:

Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями на потоплённые луга (Пушк., Евг. Онег., VII, 1828—1830). ...Вы, потоплённые в реках отчизны... (Кукольник, Рука Всев. отеч. спасла, 1832). В какой-то неге сладострастной Роскошно так потоплена́, Лежит прелестная страна... (Е. Зайцевск., Вечер в Тавриде). Нынешнее ударение: „Меж тем, пото́пленный в туманах, Казацкий табор на курганах Спокойно дремлет вдоль реки...“ (Рылеев, Наливайко, 1824—1825).

-точен, -точена:

...Путь сведом ко врагам, мечи наточены (Рылеев, Из „Слова о полку Игор.“).

-травлен, -травлена:

...Все было в ней отравлено́, Изменой злой напоено... (Пушк., Евг. Онег.). Там бездны тайной роковою Судьба пловцов отравлена́... (Козл., Отплыт. витязя, 1836). ...Что я, твой брат, пью жизнь из отравле́нной чаши! (Кюхельб., Дим. Рост., 1845).

-учен, -учена:

...Сказав за тайну, что она Причудлива и прихотлива, В просторе жить приучена́... (Жуковск., письмо к А. Л. Нарышкину, 1820); Уж хитрость ведает она, Уж изменять научена́ (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). И то сказать, чудесный патриот Лишь своему языку обуче́н... (Лерм., Булевар, 1830). К беде я скоро приучился; Давно был к воле приуче́н (Лерм., Хаджи-Абрек, 1833). Поверь, для них смешон твой плач и твой укор С своим напевом зауче́нным (Лерм., Не верь себе, 1839).

-хищен, -хищена:

...То стан ее рукой роскошною обнявши, Который у самой Киприды похище́н... (Милон., Блаженство, 1812). С Олимпийския вершины Сходит мать Церера вслед Похище́нной Прозерпины... (Жуковск., Элевзинск. праздн., 1833). Найдем ли похище́нных? Их погребли мы прах (Кюхельб., Поминки, 1833).

-хоронен, -хоронена:

Какою смертью умер он, Когда и где похороне́н... (Жуковск., К К. Ф. Голицыну, 1820). ...Пусть с ним [с кольцом] умрут мои печали И будут с ним схоронены (Веневитин., Завещание, 1827).

-цеплен, -цеплена:

Везде истления звено... С перерожденьем сцеплено́ (Бестуж.-Марл., Андр., кн. Переясл., 1828).

-черчен, -черчена:

...И тайной на стене рукою, — Как Балтазаровой порою, *Развалина* — начерче́на (Козл., Бахчисарайск. фонт., 1829).

Единичны случаи обратного направления аналогии — когда нынешнему конечному ударению соответствует накоренное: „Шесть мест упра́здненных стоят...“ (Пушк.). „Упра́зднен ум и мысль осиротела“ (Тютчев, 1850).

§ 12. Причастия страдательного залога прошедшего времени с суффиксом *-ен-*.

Действующее и теперь правило ударения причастий прошедшего времени страдательного залога́ на **-ен**, производных от глаголов с настоящим временем на **-е-**, правило, согласно которому, при ударяемом в прошедшем времени глагола окончании, ударение в нечленных формах причастия падает на флексию, а в членных — на **-ен-**, соблюдается у поэтов изучаемого времени со строгой последовательностью:

Мужской род:

Давно в страну изгнанья он, Молва народная вещает, В кибитке крытой привезе́н (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). По

сказкам наших стариков На сих столбах висел когда-то Огромный колокол, но он Давно отсюда увезён (Веневит., Новгород, 1826). Ужели он?.. Так, точно он. „Давно ли к нам он занесён?..“ (Пушк., Евг. Онег., VII, 1828—1830). Господь не дозволил Мне погибнуть... я был принесён невредимо на этот Остров (Жуковск., Ундина, 1836). ...Весь город нежданным Чудом таким приведён был в волненье... (там же). Мой возок уж запряжён, И в симбирское именье Я делами увлечен (Мятлев, Видение в гостинице Шевалдышева).

Женский род:

Мать, отец надеждой полны; В храм сестра приведена́ (Жуковск., Кассандра, 1808—1809). Не часто ли в величественный час Вечернего земли преображенья — Когда душа смятенная полна Пророчеством вели́кого виденья И в беспредельное унесена́— Спирается в груди болезненное чувство (Тютч.). Страшась прелестницы опасной, Не подходи: обведена́ Волшебным очерком она (Баратынск., Бал, 1825—1828). Тут кибитка откидная Говорит: „Привезена́ Мною толстая, больная Городничего жена...“ (Мятлев, Видение в гостинице Шевалдышева).

Средний род:

Все это сбыточно, все это быть должно Со мною, как с другим: так раз заведено́ (Гриб., Молод. супруги, 1815). ...Как их писали в мощны годы, Как было встарь заведено́ (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). В наряде их нет милой простоты: Все так высоко, так взгромождено, Как бурею на них нанесено́ (Лерм., Булевар, 1830). Все перед ним завалено́: Что сброшено, что снесено́ (Пушк., Медн. всадник, 1833). ...Еще с утра принесено́ В больших трех ящиках вино (Лерм., Казначейша, 1836). Вот тихоструйно, тиховейно, Как ветерком занесено́, Дымно-легко, мглисто-лилейно, Вдруг что-то по́рхнуло в окно (Тютч., 30-ых годов).

Ср. и ударение членных форм на суффиксе причастия: „Проклятье дерзостным хулам, Произнесённым в исступленье“ (Жуковск., Эпимесид, 1813). „А я, рожденная для солнца и весны, Перенесённая из южной стороны Ошибкою судьбы на стужу полуночи...“ (Ростопчина, Черн. немочь, 1835). „Он, при виде Ундины, назад отступил, приведённый В робость ее поразительной прелестью...“ (Жуковск., Ундина). „Сама Бертальда, как будто Собственным криком своим приведённая в ужас, Умолкла“ (там же).

Отступлением от ударения прош. вр. глагола явля́ется у Пушкина („Евг. Онег.“, VII, 1827—1828): „На синих, иссечённых льдах Играет солнце...“ Форма *иссечённый*, наряду с *иссе́ченный*, в употреблении и теперь.

К глаголу *найти* соответственные причастные формы звучат в это время тоже обычно не „на́йден...“, а *найдён* и т. д.

Смысл басни, кажется, найдён; Его ты знаешь, друг мой милый... (Давыд., Чиж и Роза, 1808). Найдён твой перстень

драгоценный, Огромной рыбой поглощенный... (Жуковск., Поликрат. перстень, 1831). Отдайте ей браслет — он был найдéн случайно... (Лерм., Маскарад, 1835). Однако впéрвые не мною найденó, Что вскоре надоест одно и все одно (Гриб., Молод. супруги, 1815).

Ср. и в членных формах:

Зачем же вы назад глядите На путь пройдéнный? Нет для вас ни горьких дум, ни утешений... (А. Одоевск., Элегия, 1829). Так сталь кольчуги иль копья (Когда забыты после бою Они на поле роковом), В кустах найдéнная луною, Блистает в сумраке ночном (Лерм., Изм.-бей, 1832).

Господствующее теперь ударение (исторически восходящее к более архаическому ударению настоящего времени — *нáйдено* и т. д.) встречается в первой половине XIX века относительно редко:

Был глубоко в себя погружен, и Ундиной, желанным Нáйденным счастием жизни полный в душе, не расслушал Слов Ундины (Жуковск., Ундина).

§ 13. Страдательные причастия в кратких формах с удвоенным *н* в функции сказуемого.

Одно из акцентологических явлений, характерных для поэтического языка XVIII века, — употребление в качестве сказуемых — пассивных причастных форм прошедшего времени на **-енна, -енно, -енны,** производных от нечленных, ударяемых на конце, — с ударением на суффиксальной примете и с удвоенным **н**. Это одинаково имеет место в отношении причастий, производных от глаголов типа *ведёшь, ведём*: *ведена́, ведено́, ведены́* и от типа *роди́шь, роди́т*: *рождена́, рождено́, рождены́*. Параллельны факты, относящиеся к образованиям *бра́нна* (ср. брана́), *бра́нно, бра́нны, попра́нна* (ср. попрана́), *попра́нно, попра́нны* и под. Примеры:

Подобно ветвия, Сумбекой разложéнны, При всходе солнечном являлися возжéнны (Херасков, Россияда, 1779, 1787).

Не уповайте на князей, Они рождéнны от людей... (Сумароков, Из 145-го псалма, 1770-ые годы). ...Мной будут все цари Ордынския прельщéнны (Херасков, Россияда). ...Басма твоя попрáнна Стопами храброго монарха Иоанна... (Херасков, Россияда).

Подобные формы иногда ещё встречаются у старейших поэтов XIX века:

Несытые сердца! еще ль не насыщéнны? (Мерзляков, Сцены из траг. Эсхиловой: Седмь вождей под Фивами). Какие божества в свидетели избрáнны? (Мерзляков, Сцены из траг. Еврипидовой: Ифиг. в Тавриде). И лесов дремучих сени, и зерцало зыбких вод, и небес далекий свод В светлый сумрак облечéнны... (Жуковск., Людмила, 1808).

§ 14. Причастия прошедшего времени страдательного залога с суффиксом *-ну-*.

Преобладающее в поэзии первых десятилетий XIX века ударение одинаково нечленных и членных префиксальных причастий от основ **гну-, мкну-,** с выпавшим редуцированным гласным **ъ**, — *согну́т, согну́тый, замкну́т, замкну́тый* и под.:

В дугу согну́тый под клюкой... (Жуковск., Двенадц. спящих дев, 1810—1817). Оно [копье] осталось с острием, Погну́тым силой талисмана, В щите пронзенном великана (Жуковск., Роланд оружен., 1832). ...Пока с израненным героем, Кому известен к славе путь, Три раза не поставлю грудь Перед врагов сомкну́тым строем (Батюшк., К Дашкову, 1812). Вдруг в устах сомкну́тых стон (Жуковск., Светл., 1813). В сафьяне, по краям окован, Замкну́т серебряным замком... (Пушк., Евг. Онег., Альб. Онег.). ...Открой сомкну́ты негой взоры Навстречу утренней Авроры... (Пушк., Зимн. утро, 1829). ...Их узкие врата Замком замкну́ты непокорным (Пушк., Когда владыка ассир., 1835). ...Как сомкну́ты думой чистой Недоступные уста (К. Павлова, Старуха, 1840). Быть может, что сонный Со сном золотым встрепенется, Иль стих благовонный Из уст разомкну́тых польется (Фет, 40-ых годов). Та — жизни полная, и в блеске самовластья — Сомкну́тые уста, нахмуренная бровь... (А. Майк., Palazzo, 1847).

Напрефиксные ударения:

...Для знати жеманной Он [домик] за́мкнут ключом... (Дельвиг, Домик, 1822). Но сердце, за́мкнутое льдом, Надеждою не разогрето (Бестуж.-Марлинск., Андрей, кн. Переясл., 1828). ...И молний за́мкнутый колчан Без грому спущен в океан (Бенедикт., Ватерлоо, 1836). В свинцовых глазах ее за́мкнуты слезы (Бенедикт., Туча, 1848). И решеткою до свода Крепко со́мкнутый у входа, Пленниц их скрывает он (Подолинск., Див и Пери, 1827). ...К улыбке при́мкнута слеза (Бенедикт., Ангел и младенец, между 1842 и 1850 гг.).

Отметим ударение непрефиксальной формы причастия прош. врем. страд. залога — *толкну́тый*: „...Свалюся Туда, как чумный труп, рукой наемной Толкну́тый в общий гроб“ (Жуковск., Камоэнс, 1839).

3. Деепричастия.

§ 15. Деепричастия настоящего времени от глаголов класса *-je-* с подвижным ударением (конечное ударение в 1 лице ед. числа и оттянутое, начиная со 2-го лица ед. ч.) выступают в языке писателей первой половины XIX века зачастую не с конечным ударением, как теперь (ср., напр.: „...И князь, трепля́ по стройной вые, Берет поводья золотые...“ (Бестуж.-Марлинск., Андрей, кн. Переясл., 1828)[1], а с ударением на пред-

[1] У Марлинского („Андрей, кн. Переясл.“) даже — *внемля́*: „...Все это видя и внемля́, В восторге песней бредил я“ (при *внемля* — там же).

последнем слоге,— факт со сравнительно-исторической точки зрения более поздний,— отражающий влияние большинства форм настоящего времени глагола. Особенно выдержано такое ударение у Пушкина.

Блéща средь полей широких, Вот он льется!.. Здравствуй, Дон! (Пушк., Дон, 1829). И солнце вновь... на землю жар свой благодатный Льет с высоты лазури необъятной И, блéща, продолжает подвиг свой (Кюхельб., Бессмертие, 1832). Задрожат, бормóча, губы (Кюхельб., 1846). ...И дрéмля едем до ночлега, А время гонит лошадей (Пушк., Телега жизни, 1823). ...Там, духом дрéмля, человек Без дум начнет и кончит век (Кюхельб., Зоровавель, 1831).— Ср. *дремля́*: „...Музыканты, Дремля́ на лошадях своих, Играли марш из Двух слепых“ (Лерм., Казначейша, 1836).— Нева вздувалась и ревела, Котлом клокóча и клубясь... (Пушк., Медн. всадн., 1833). Когда Милона молодого, Лепéча что-то не для нас, В любви без чувства уверяешь... (Пушк., Посл. молод. актрисе). Мрачный вал Плескал на пристань, рóпща пени... (Пушк., Медн. всадн., 1833). Гляжу на их [лет] тяжелый ход, Не рóпща, но без упованья... (Кюхельб., 1845). „Нет, дерзкий хищник, нет, губитель!“ Скрежéща мыслит Кочубей... (Пушк., Полтава, 1828—1829). Красивый выходец кипящих табунов... Топóча хрупкий снег, нас по полю помчит (Вяземск., Перв. снег, 1819). И зрители в робком вокруг ожиданьи, Трепéща, на юношу смотрят в молчаньи (Лерм., Перчатка, 1829). Трепéща, жены близ мужей Держали плачущих детей (Лерм., Изм.-бей, 1832). Взглянул, трепéща по неволе, В объем безлюдной он страны (К. Павлова, Рассказ, 1842). Ср. нынешнее ударение: „Так, трепещá в цепях, убийца В раздумьи мрачном сох и тлел...“ (Ф. Алексеев, Чека, 1828). „...Псы их не слушают; львов трепещá, Не берут их зубами“ (Гнедич, Илиада, 1829). „И он, трепещá от любви и от близкой Смерти, склонился к ней в руки“ (Жуковск., Ундина, 1836).

Кажется, единичный случай представляет:

„...На небе ночном вы горите,— зыбля́сь,— мерцая и сыпля Сверкающих искр миллионы...“ (Ростопчина, Ноттурно, 1842).

Деепричастие наст. вр. от глагола *смотреть*, наряду с формой *смотря́*, возобладавшей теперь, звучит у некоторых писателей ещё по-старинному *смóтря*:

...Но утешаюсь тем, на ваши смóтря соты, Что в них и моего хоть капля меду есть (Крыл., Орел и Пчела, 1813). ...Дружок, Напрасно смóтря на собачку, Ты вздумал, что тебе я также дам потачку (Крыл., Лев и Волк, 1816). И сердцем далеко носилась Татьяна, смóтря на луну (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). Смóтря на желтые листья, на лик помертвелый окрестной страны, Со вздохом себя вопрошаю... (В. И. Панаев, Осень). ...Смóтря на волю творца и на нужды творимого дела (Гнедич, Илиада, 1829).

У других обычно нынешнее ударение: „Злая Ложь! обманщица! подкуп!“ вот что твердила Бертальда, Гневно смотря́ на

старушку, на мужа ее и Ундину“ (Жуковск., Ундина, 1836). „...Чтоб сильный царь, на облик твой взирая И на красы внимательно смотря́, Весь пламенел...“ (Соколовск., Хеверь, 1837). „Не смотря́ в лицо, Она пела мне...“ (Кольц., Ночь, 1840).

Как и теперь, колеблется ударение в форме **глядя**:

1. Князь, вы игру забыли: Вы гнете не глядя́!.. (Лерм., Маскар., 1835). Я как-то лучше был душой, Глядя́ на их волшебный строй (Мятлев, Мейндорфск. ночь).

2. Но никогда, ей в очи гля́дя, Не содрогнулся я душой (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). В небе играют все вольные птицы. Гля́дя на них, мне и больно, и стыдно (Лерм., Пленн. рыцарь, 1841).

Как редкий случай, отметим, наконец, ударение **лежа́**: „Я славы не хочу искать; Хочу покоиться всечасно, Лежа́ в постеле, размышлять И век лениться сладострастно!“ (Давыд., К Е. Ф. С-ну, 1814), и как исключительный — у Катенина („Леший“, 1816): „...В страхе разлуки ночь всю не лягу; *Пря́дя*, дождуся алой зари“.

Ударение **хо́дя**, свидетельствуемое „Русской грамматикой“ Востокова, встречается, напр., у Жуковского в басне „Кот и зеркало“ (1806): „...Боясь, чтоб, хо́дя вкруг, кота не упустить...“, у Пушкина в „Бове“ (1815): „Вот уже народ бессмысленный, Хо́дя в праздники по улицам, Меж собой не раз говаривал...“, у И. М. Долгорукого (см. „Журнал путеш. из Москвы в Нижний в 1813 г.“): „...И хо́дя по изба́м, бобами всем разводит“. По Востокову (изд. 12, стр. 212), „правильное ударение смотря́, ида́, ходя́ свойственно важной речи“.

В деепричастиях прошедшего времени — *обнявшись* и под., *опершись* и под. ударение на корне или на слоге **-ши-** так же колеблется, как и в нынешнем употреблении.

В других, восходящих к глаголам изъявительного наклонения, представлявших в XVIII веке, наряду с ударением корня, случаи ударения на суффиксе **-вши-** („Меж камней извившись, источники кипят...“ — Херасков, „Россияда“; „В три краты извившись флот сильный на волнах, возмог бы всем навесть отчаянье и страх...“ — Херасков, „Чесмесский бой“; „Слезами облившись, объемлет он его“,— там же), устанавливается нынешнее ударение — на корне.

ГЛАВА VII.

НАРЕЧИЯ.

В ряде случаев поэты первой половины XIX века имеют ударения наречий, отличающиеся от нынешних. Вот наиболее характерные слова этого рода:

Бегом с сохранением ударения имени существительного:

Сапожник мой, Схватя мешок, скорей домой Не бе́гом, летом (Крыл., Откупщ. и Сапожник, 1811).

Но ср. у Крылова же („Лис. и Осел", 1825): „И я без памяти, бего́м, Куда́ глаза глядят, от этого урода".

Впервые:

Однако впе́рвые не мною найдено́, Что вскоре надоест одно и все одно (Гриб., Молодые супруги, 1815).

Ср. с нынешним ударением: „Страна, где мы впервы́е Вкусили сладость бытия..." (Жуковск.)

Досыта:

В помоях по-уши досы́та накупалась... (Крыл., Свинья, 1811). Лиса, курятинки накушавшись-досы́та... (Крыл., Волк и Лис., 1816). Накормлю досы́та, Напою водою... (Кольц., Песня пахаря, 1831).

Ср. возобладавшее теперь ударение: „Напилась воды земля до́сыта" (Кольц., Урожай, 1835).

Издавна:

...В миру с соседями, довольстве, в че́сти жил И первым мудрецом у всех изда́вна слыл (Пушк., К другу стихотворцу, 1814). Изда́вна умысел ужасный Взлелеял тайно злой старик В душе своей (Пушк., Полт., 1829). ...Изда́вна В нашем лесу он свободную, чудную жизнь, как пустынник, Розно с родней и друзьями проводит (Жуковск., Ундина, 1836).

Ещё Акад. словарь 1869 года давал только такое ударение.

Издали:

Ближе, герой, подойди! и зачем издали́ ты пугаешь? (Гнедич, Илиада, 1829). ...И если в поле тишина, То даже слышны издали́ Его тяжелые шаги... (Лерм., Бояр. Орша, 1835). Я слышал их, как издали́ Звук золота послышит нищий (Б. Александров, Бед-

няк, 1836). ...А ежели приникнуть до земли, То слышится, что скачут издали́... (Соколовск., Хеверь, 1837).

Форма, повидимому, отражает влияние *вдали́*:

Ср. *и́здали*: „Со страхом на него глядят они, и то Украдкой, и́здали, сквозь аир и осоку“ (Крыл., Ляг., прос. царя, 1809). „Молния в небе ярко сверкает; Издали глухо слышится гром...“ (Катенин, Леший, 1816).

Изредка:

И на́ вечер в свой дом изре́дка приглашает (Шаховск., 1807). ...Где нынче ветер лишь живет И где, качая изредка́ Дверь без ключа и без замка, Как мать качает колыбель, Поет гульливая метель! (Лерм., Бояр. Орша, 1835).

Кое-где:

...На рубище мелькают Коé-где пурпуры блестящей лоскутки (Мерзляк., Послан. о стихотв., 1808).

Но ср. и: „Лишь ко́й-где бледные березы, Кустарник мелкий, мох седой...“ (Тютч., 30-ых годов). ...Лишь ко́е-где растреснул свод... (Жуковск., Суд в подзем., 1832).

Кое-как:

Коé-как буду путь опасной, Судьбе отдавшись, продолжать (Жуковск., Кн. Оболенской, 1820). И это наконец коé-как стало Моей отрадой (Жуковск., Камоэнс, 1839).

У большинства поэтов — нынешнее ударение.

Кроме:

Скромна, а ничего кромé Проказ и ветру на уме (Гриб., Горе от ума, 1824). Кромé любви, она не знала, Она не знала ничего... (Лерм., Изм.-бей, 1832).

Надвое:

Эту грудь разбей надво́е, И на каждой половинке Змеем-аспидом приляг... (Кукольник, Джулио Мости, 1832—1833).

Напротив (ср. *проти́ву*):

...День долгий, тягостный ленивому глупцу, Но краткий, напроти́в, любезный мудрецу (Батюшк., Посл. к Хлое, 1804—1805 ?). Ещё Акад. словарь 1869 года давал только такое ударение.

Опрометью:

...Опро́метью вбежали, Мы вздрогнули, вы в обморок упали... (Гриб., Горе́ от ума).

По-своему, по-твоему с сохранением ударения формы местоимения:

Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему По-своему́: Кто зубом, кто рогами... (Крыл., Лис. и Осел, 1825). Не верь же чуждому уму, Не призывай чужого бога, Живи и пей по-своему́ (Язык., Татаринову, 1825). Нет, мы по-твоему́ Давно уже погибли бы со скуки (Язык., Встреча нов. года, 1840—1841).

Относительно часто при исконном ударении *темно́* выступает у поэтов изучаемого времени те́мно, впрочем, повидимому, главным образом в сказуемном употреблении:

Уж тёмно: в санки он садится (Пушк., Евг. Онег., I, 1823—1825). Все тёмно вкруг; тоской, сомненьем Надменный взгляд его горит (Лерм., На карт. Рембрандта, 1831).

Особенно характерно: „Девятый час; уж тёмно; близ заставы Чернеют рядом старых пять домов...“ (Лерм., 1832) и в этом же стихотворении — „Темны все окна — блещут только два...“

Из литературы:

В. Чернышёв, Русское ударение, П., 1912.

Приложение.

Замечания относительно ударений в русских поэмах Т. Шевченка.

Обе русские поэмы Шевченка — напечатанная в его время „Тризна“ (1844) и оставшаяся в рукописи „Слепая“ (1842), — помимо интереса историко-литературного и лингвостилистического[1], привлекают к себе внимание и со стороны нормативной — в отношении ударения. Они, как мне кажется, с полной убедительностью свидетельствуют, что норма литературного русского ударения в первой половине XIX века была строже, нежели сейчас в речи южан: даже в русском языке Шевченка, в других отношениях, естественно, отразившего сильное украинское влияние, именно ударения, за немногими исключениями, остаются образцовыми. Вот примеры, относящиеся к категориям, расшатанным в практике русской литературной речи областей, находящихся в сфере влияния украинского языка и южнорусского наречия:

Ед. число женск. рода имён прилагательных:

Тесна́ ее тогда могила. Постеля вечная жестка́ (Слепая).

Ед. число женск. рода прош. времени:

...От фимиама упила́сь И закоптела от курений... (Слепая).

„...Я вашей славы не взяла́, Я подаянием кормила Мое дитя!“ И залила́сь Слезами, горькими слезами (Слепая).

...Душа рвала́сь, душа рыдала... (Тризна).

...Я стыд и горе понесла И Маккавеев день ужасный, И день рожденья прокляла́ (Слепая).

С восходом солнца я вставала. Ты на груди моей спала́ (Слепая).

Меня сироткой называли. Потом красавицей слыла́ (Слепая)[2].

---

[1] О них подробнее в моей статье „Російські поеми Т. Шевченка та їх місце в системі поетичної мови першої половини XIX століття“, сборник „Пам'яті Т. Г. Шевченка“, 1944, стр. 63—81. К указанным там можно добавить среди преломлённых Шевченком художественных русских образцов, видимо действовавших более других, три стихотворения Ив. Козлова: „Сельская элегия“ (1836), „Стихи Андрея Шенье на пребывание его в Англии“ и особенно „Дочери графини Фикельмон“ (1837).

[2] К немногим отклонениям: „...Скорбящей матери слеза Прерва́ла сон отроковицы“ (Слепая), или: „...И не дожда́лася слепая Своей Оксаночки...“ (там же).

Страдательные причастия прошедшего времени:

...Но тайной волей, высшей силой Путь одинокий до могилы На камнях острых проведён (Тризна).

...Оксана в доме заперта́ (Слепая).

Такую песню тихо пела, Сердечной грусти предана́, Слепая нищая... (Слепая).

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.

СИНТАКСИС.

ГЛАВА I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

§ 1. Замечания о синтаксисе Н. М. Карамзина.

Разрыв с синтаксическими структурами церковнославянской и латино-немецкой осуществлён был в истории русского литературного языка уже в конце XVIII века Н. М. Карамзиным. Этим иноязычным структурам, оторванным от бытового языка и зачастую обслуживавшим в слоге, выработанном для жанров деловых и рассудочных, новую переводную беллетристику, Карамзин противопоставил книжный язык, сильно сближенный с отборочно-разговорным, т. е. с разговорным языком, направленным на серьёзные предметы, существовавшим в практике наиболее культурных людей дворянского круга.

В языке, вырабатывавшемся в процессе овладения слогом главным образом французской эпистолярной, научной и художественной речи, неизбежным являлось усвоение некоторых французских синтаксических конструкций. Провести для себя чёткую грань между подражанием слогу иностранных образцов и вообще копированием их синтаксиса нелегко для писателей не очень высокой языковой культуры; это ещё труднее было для писателей первых десятилетий XIX века, когда языковая культура ввиду ограниченности образцов отечественного слога и отсутствия твёрдых норм грамматики даже у самых талантливых могла носить характер в основном только стихийный и отрабатывалась в общественной среде, для которой двуязычие было необходимой классовой чертой и в которой забота о национальном мыслилась в существенном как оберегание параллельного ряда в двойном языковом мышлении.

Влияние современного Карамзину французского научно-публицистического и беллетристического слога даёт о себе знать и в общей структуре литературных форм его фразы (типами её собственно синтаксического и ритмомелодического оформления — характером построения периодов, эстетическими требованиями к отношениям частей сжатых и развёрнутых, большою ролью

вопросительных и восклицательных интонаций риторического характера, и под.), и в ряде деталей словесной работы:

в культивировании определённых видов перифразы: „Дунул северный ветер на нежную грудь нежной родительницы, и Гений жизни ее погасил свой факел!..“ (Рыцарь наш. врем., 1799—1802). „И ты, о благотворное время! спеши излить целебный свой бальзам на рану их сердца! И ты, подобно Морфею, рассыпаешь маковые цветы забвения: брось несколько цветочков на юного моего Героя...“ (там же). „Разумеется, что Эраст, взяв отставку, тем ревностнее служил Грациям“ (Чувствительный и Холодный, 1803). „...*Не-страдание* казалось ему наслаждением, а равнодушие — талисманом мудрости“ (там же); в наклонности к аффективным заключениям-характеристикам типа назывных сочетаний-приложений: „Скоро отдали Леону ключ от желтого шкапа, в котором хранилась библиотека покойной его матери и где на двух полках стояли романы, а на третьей несколько духовных книг: *важная эпоха в образовании его ума и сердца!*“ (Рыцарь наш. врем.). „И если имя победы в течение двух столетий сохранилось еще в языке славянском, то не гром ли новгородского оружия напоминал его земле Русской? не отцы ли наши разили еще врагов на берегах Невы? *Воспоминание горестное!*“ (Марфа-посадница, 1802); и к таким же предикативным приложениям, вставляемым в средину фразы: „Сверх того он любил грустить, не зная, о чем. *Бедной!*.. Ранняя склонность к меланхолии не есть ли предчувствие житейских горестей?..“ (Рыцарь наш. врем.). „Эмилия сама варила кофе — а он, стоя за нею, чесал гребнем ее светлые, каштановые волосы, которые почти до земли доставали и которые любил он целовать... *ребячество!* и много подобного она дозволяла ему“ (там же); в ряде приёмов заинтересовывания и интимизации (приобщения читателя, где, впрочем, наряду с французскими, усиленно культивировались им и английские (стернианские); в нарочитых задержках сообщения (чему внешне соответствуют многоточия и тире): „Если спросите вы, кто он, то я... не скажу вам“ (Рыцарь наш. врем.). „...Там родился и сам Леон, в то время, когда Природа, подобно любезной кокетке, сидящей за туалетом, убиралась, наряжалась в лучшее свое весеннее платье; белилась, румянилась... весенними цветами; смотрелась с улыбкою в зеркало... вод прозрачных, и завивала себе кудри... на вершинах древесных...“ (там же). „Несмотря на маленькую слабость мою к романам, признаюсь, что их можно назвать теплицею для юной души, которая от сего чтения зреет прежде времени; а это, если верить Философическим Медикам, бывает вредно... по крайней мере для здоровья“ (там же). „...Невинность еще не имеет пола! и Графиня без всякого упрека совести согревала Леона нежными поцелуями, когда он, приехав, вбегал холодной в кабинет ее и если — не было с нею Графа“ (там же). „Читатель уже догадался; а если нет, то может — подождать. Время снимает завесу со всех

темных случаев" (там же). „Юные супруги, с милым нетерпением ожидающие плода от брачного, нежного союза вашего! если вы хотите иметь сына, то каким его воображаете? прекрасным?.. таков был Леон"; в авторских обращениях к читателю и свободно избираемым объектам: „*Читатель*! я хочу, чтобы мысль о покойной осталась в душе твоей: пусть она притаится во глубине ее, но не исчезнет! Когда-нибудь мы дадим тебе в руки маленькую тетрадку — и мысль сия оживится — в глазах твоих сверкнут слезы — или я... не автор". „Громилов кормил больного из рук своих, плакал горько и сказал Леону: тошно, тошно быть сиротою на старости!.. *Добрые люди*! мир вашему праху!.. *Добрые старики*! мир вашему праху!" — „Граф был холоден; но Графиня, не даром похожая на мать Леонову, утирала себе глаза платком. Обыкновенная бледность лица ее покрылась свежим румянцем... *О женщины*! какое движение чувствительности не находит в сердце вашем верного отзыва?..", и мн. др.

Карамзин применил, таким образом, на русской почве, своеобразно отобрав и переплавив, многочисленные приёмы выращенного в иностранных литературах и проверенного в его качествах „хорошего" слога, который, при всём том, не требовал в подражании ему никакого серьёзного отхода от синтагм русской хорошей же разговорной речи. Классовая идеология, отработавшая и утвердившая ряд особенностей этого слога в прогрессивных общественных группах Европы, ещё не потрясённой мощными ударами революции, отталкивающихся от застывших форм искусства абсолютизма, но лишённых ещё настоящей революционной устремлённости, перекликалась с классовыми же требованиями, которые предъявлялись подобному слогу, выращиваемому среди более других прогрессивного, но ёще достаточно осторожного в своих устремлениях, слоя русского дворянства. Слог плавный и изящный, нравящийся, но не волнующий, в определённых жанрах трогающий, но не потрясающий, пригодный для резонирования и мало отточенный как орудие ожесточённой идеологической борьбы, на известном этапе истории был отражением идеологии класса, ещё не встревоженного в своих основах, в общем ещё спокойно пользующегося результатами своего господства.

В истории синтаксиса русской прозы специальное место занимает вопрос о развитии периода, т. е. крупной фразной структуры, в которой преобладающая роль принадлежит ритмической параллельности частей и соответствующей этой параллельности интонации, структуры с эстетической установкой на округлённость больших словесных составов, на пропорциональность соотношения в них отдельных членений, на охват их в прозрачно показанной при этом точной иерархии. Н. М. Карамзин в „Истории Государства Российского" (1816—1824)[1] завершает свою

[1] Двенадцатый том издан посмертно — в 1829 году.

уже в „Письмах русского путешественника“ и повестях успешно проведённую работу над периодической речью на русской основе.

В „Истории“ им вырабатывается импонирующая своей эстетичностью, хотя и несколько однообразная в её тональности, фраза развёрнутая, гармоничная, округлённая. Ряды предложений интонационно параллельных, часто многочисленные, заботливо изукрашенные обособленными второстепенными членами, очень часто предикативных типов, создают впечатление монументальной стройности, возвышенной красивости и своеобразного спокойствия.

Язык, почти освобождённый от церковнославянизмов (в той по крайней мере, в какой они опознавались как такие), раньше являвшихся неотъемлемой принадлежностью всех видов отражавшегося в литературе пафоса, в новой синтаксической форме обнаруживает свою способность выступать как орудие настроений торжественных, как средство передать спокойную важность осмысливающего свою историю великого и гордого своим прошлым народа. Русский период становится орудием выражения красивой величавости.

§ 2. Задачи художественного русского синтаксиса после Карамзина.

Рост русского национального сознания, усилившийся в дворянских кругах со времени ниспровержения Бирона (1741), после проходящих через весь XVIII век колебаний то в сторону церковнославянских элементов как исконных „своих“, то в сторону современного русского разговорного языка, противопоставляемого речи, культивируемой тянущим назад от жизни духовенством и многочисленными выходцами из него, вливавшимися в низшие слои бюрократического аппарата самодержавной монархии,— дал в конечном счёте победу в виде карамзинской реформы второй тенденции.

Стремление к национальному имело, однако, относительно небольшое влияние в смысле отказа от воздействия французских образцов. Проникновение в литературный русский язык синтаксических галлицизмов, начавшееся в средине XVIII века, не прекращается в первые два десятилетия XIX, несмотря на естественную оппозицию им — выдвижение роли „своего“ языка — и несмотря на наличие некоторых положений филологического порядка, настойчиво поддерживаемых А. С. Шишковым и его сторонниками. Очищение своего языка от галлицизмов особенно резких, хорошо сознаваемых как такие, в большей или меньшей мере осуществляется всеми писателями, но тот факт, что французская литература и французский язык остаются в эти десятилетия и в ближайшие для верхов общества основными в их культурной роли, определяет укрепление в литературном русском языке немногих галлицизмов — как собственно синтаксических и в значительно большей мере — как стилистических.

В поле зрения деятелей слова начала XIX века с известной ясностью выступали поэтому в области синтаксиса собственно две задачи, и обе — в основном направленные на преодоление: одна — продолжить работу Карамзина по освобождению литературного языка от конструкций, так или иначе связанных с церковнославянским языком, заменяя их обиходными среди дворянства русскими, и вторая — опознать синтаксические продукты дворянского двуязычия — галлицизмы[1] и освободиться от них, как от наносного языкового слоя.

Широкого теоретического освещения обе эти задачи не получали, но практическая работа, контролируемая главным образом интуицией, совершалась, и работа огромной силы и значения. Создавался специальный слог жанров, в котором синтаксису принадлежала, наряду с лексикой, очень влиятельная роль. Нужно было, отказываясь и сокращая пользование французским языком в переписке, закрепить достижения Карамзина в области эпистолярного слога, сообщив достигнутую Карамзиным синтаксическую гибкость передаче различного, многообразного содержания, выдвигаемого самою жизнью. Нужно было довершить его же работу в области рассудочных стилей прозы: выработать язык научных исследований; в важной области, по понятиям времени разделявшей особенности своего слова между наукой и литературой, — в истории, обеспечить слияние синтаксических моментов риторической торжественности с рассудочно-публицистическими; найти средства для языка критики и публицистики, слишком приглаженного и эмоционально бедного, односторонне эмоционального под пером Карамзина. Необходимо было проложить в синтаксисе грань между манерою напевной прозы с преобладающей установкой на эстетический момент, на любование, и прозой

---

[1] Наличие у писателей первой половины XIX века приметных германизмов в синтаксисе и сочетании лексем нельзя считать доказанным. А. Н. Веселовский („В. А. Жуковский, Поэзия чувства и „сердечного воображения", 1904, стр. 486) германизмами у Жуковского считает („германизмом отзываются", по его выражению): „я там дни мирные вела" (Вадим), „страшного одра кругом" (Громобой); „все собрались тебя вокруг" (На приезд в. кн. Анны Павл. ... в 1824 г.), „дряхлый мой отец повлекся бы ко гробу" (Громобой), „ничтожности алчный" (Аббадонна), „не мысли в небеса" (Утешение в слезах, 1817). Но, как заметил он сам, употребление *вокруг* после существительного встречается уже у Державина и, добавим, подобное употребление вообще обычно в XVIII веке (см. „Историч. коммент.", изд. 2, 1939, стр. 290) и частично может быть отмечено и в начале XIX у писателей (Пушкина, напр.), ничем не обнаруживающих своих связей с немецким языком. „Ничтожности алчный", если здесь дело в конструкции,—типичная синтагма церковнославянского типа. Малоубедительны и примеры из „Вадима" и „Громобоя" — фразеологизмы, употребляемые вполне в духе церковнославянских.

Характерно, что среди шутливо подчёркиваемых Гречем у его героев — петербургских немцев („Поездка в Германию", 1830) кальк с немецкого почти вовсе нет собственно-синтаксических.

Действительными германизмами являются, однако, отдельные случаи употребления *чтобы*, отмеченные Ф. И. Буслаевым в „Историч. грамматике русск. языка", II, § 272, у Жуковского, напр.: „Позвольте мне, чтоб я умыл Вам руки и лицо" (Капит. Бопп, 1843).

с установкой деловой — на мысль сжатую, практически заострённую, холодную, подчинённую задачам полезности.

Художественная проза требовала выработки слога для содержательного повествования, для разнообразных типов характеристики и описания, разработки оживлённого диалога, свежих приёмов интимизации и под.

§ 3. Проблема руссизмов.

Освобождаясь от тяжёлой, чисто письменной синтаксической структуры XVIII века и ориентируясь по преимуществу на слог французской прозы рассудочной и художественной, русские авторы становились на путь выработки современной им интернациональной синтаксической манеры на новой основе, но вместе с тем в практике языковой работы возникал перед ними и вопрос о русской специфике, о руссизмах, тех специальных особенностях сочетаний и употребления форм, которые связаны со своеобразной „почвенностью", эмоциональностью, уходящей своими корнями в своеобразие быта и характерных для него видов общения с представителями других классов (помещика — с крестьянами, дворянина-бюрократа — с выходцами из духовенства, офицера — с солдатами, и под.).

Проблема синтаксических руссизмов, не играющая большой роли в рассудочной прозе, могла бы заявить свои права в прозе художественной, в беллетристике, но развитие последней оказалось до двадцатых-тридцатых годов ещё слишком подражательным, в основном идущим за западными образцами, и там, где героям повествований, кроме беллетристики исторической, очень несмело давались даже и русские имена, трудно было ожидать, чтобы русская специфика языковой манеры заметно опередила не имевшее этой специфики содержание.

Руссизмы прежде всего и сразу стали особенностью комедий и особенно басен И. А. Крылова, отношение к которым (к басням) сделалось в большой мере пробным камнем отношения вообще к идиоматизмам национального языка. Басня, хотя и выступавшая только как стихотворный жанр, оказалась таким образом благодаря Крылову ведущей в области работы над национальным стилем в языке вообще и в синтаксисе, в частности, осуществив задачу, которая, если рассуждать отвлечённо, в первую очередь должна была бы являться задачей прозы. К тридцатым-сороковым годам ценность сделанного в этом отношении Крыловым и в лексике, и в синтаксисе — факт, мало кем оспариваемый. В это время уже только очень немногие могли бы усомниться в справедливости слов Белинского („Ив. Андр. Крылов", 1845): „О языке его нечего и говорить: это неисчерпаемый источник руссизмов; басни Крылова нельзя переводить ни на какой иностранный язык; их можно только переделывать, как переделываются для сцены Александринского театра французские водевили; но тогда — что же будет в них хорошего?"

Басня — тот художественный жанр, в котором традиционно стихотворный язык открывал наиболее свободный доступ синтаксическим оборотам разговорной речи. Уже в „притчах“ А. П. Сумарокова, не говоря уже о баснях И. И. Хемницера, диалог синтаксически намного разнообразнее того, что можно отметить в других стихотворных жанрах их времени. Сам свободный ритмический строй басни со строками разной длины, позволяющий с желаемой силой развёртывать и сжимать до афористической заострённости облекаемое в стихи содержание, является важным фактором синтаксической гибкости этого жанра.

Басенные сюжеты и характеры, теснейшим образом связанные с бытом, располагали как нельзя больше к яркому показу бытовой разговорной манеры, зачастую сниженно-аффективной, в других случаях — просто свободной, стоящей на грани и даже переходящей в просторечие. Особенно выразительна установка на разговорность у И. А. Крылова, причём она у него характеризует не только диалог, но, как можно видеть из приводимых примеров, и собственно авторские партии — введения к басням и его знаменитые, блестящие остроумием, афористически заострённые нравоучения. „Чтоб долго мне примеров не искать, Хоть есть и много их, я в том уверен; Да рыться лень: так я намерен Вам басню старую сказать“ (Скупой и Курица, 1819). „Примета у мышей, что тот, чей хвост длиннее, Всегда умнее И расторопнее везде. Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем; Притом же об уме мы часто судим По платью иль по бороде. Лишь нужно знать, что с общего сужденья Всех длиннохвостых брать назначено в Совет...“ (Совет Мышей, 1811). „Вот, милый друг, тебе сравненье и урок: Он и для взрослого хорош, и для ребенка. Ужли вся басня тут? ты спросишь; погоди, Нет это только побасенка, А басня будет впереди, И к ней я наперед скажу нравоученье. Вот вижу новое в глазах твоих сомненье: Сначала краткости, теперь уж ты Боишься длинноты. Что ж делать, милый друг: возьми терпенье! Я сам того ж боюсь. Но как же быть? Теперь я старе становлюсь: Погода к осени дождливей, А люди к старости болтливей. Но чтобы дела мне не выпустить из глаз, То выслушай...“ (Плотичка, 1821).

Замечание Пушкина о том, что „...другие [критики] видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения“, может быть отнесено не только к лексике, но и к синтаксису. Оно вряд ли, однако, справедливо, поскольку игнорирует закономерное для того времени, к которому оно относится, стремление к способам выражения, живым на русской почве, но не используемым писателями, языковые приёмы которых оставались в зависимости от иностранных образцов. Важно было, — и Пушкину это было хорошо известно практически, — сблизить язык беллетристики с национальной стихией, с её лексической и синтаксической идиоматикой, и через ту и другую приобщиться к эмоциональности живой разговорной, почвенной речи.

Проблема синтаксических руссизмов и специфически-русской речевой манеры в художественной прозе становится предметом серьёзной работы вместе с задачей создания жанрового диалога — диалога, участниками в котором являются крестьяне или — гораздо реже — мещане. С точки зрения стилистической в этом отношении характерны такие виды диалогической речи.

Результатом забитости крестьянства и взгляда на него владеющих пером представителей высших классов как на людей низшего развития является то, что руссизмам жанровой речи приходится выступать иногда как специфике разговора „немотствующих", говорящих беспомощно и смешных в своей беспомощности.

Приводим два примера передачи такой речевой манеры:

На вопрос: „далеко ли деревня Заманиловка?" — мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал: „Маниловка, может быть, а не Заманиловка?" — „Ну, да, Маниловка".—„Маниловка? А как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то-есть, так прямо направо".—„Направо?" отозвался кучер.—„Направо", сказал мужик. „Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то-есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный, в два этажа,— господский дом, в котором, то-есть, живет сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было" (Гоголь, Мертв. души, I, 1842).

Старик не обращал внимания на бегство половины своих гостей... Пока они уходили, он бормотал: — „Какая тут пристань? Пристани тут никакой нет. Пристань есть, да верст десяток отселе, по реке. Там есть и ярмонка, а у нас пристани никакой нет. Был перевоз. Плот ходил. Да за Костылькова разорили; а пристани нет. Зачем тут пристань? А может, учуг, где рыбаки; так то не пристань, то рыбный промысел. А пристани нет..." (Кукольник, Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова).

Примеры такого обращения к народной речи не являются, однако, в беллетристике частыми. Гораздо чаще можно встретиться с желанием отразить народную речь в её положительной специфике, в нравящемся её своеобразии. Здесь едва ли не на первое место по своему значению должны быть поставлены историческая повесть и роман, в особенности „Юрий Милославский" М. Н. Загоскина (1829), где идеализация национальной старины естественно требовала идеализации народа, притом представителей всех его классов, и нуждалась в обращении за средствами национальной характеристики в языке к тем его современным автору слоям, которые действительно обладали речевой индивидуальностью, — к крестьянству и недалеко отошедшим от него социальным группам.

Стремление выработать авторский язык, который был бы насыщен руссизмами, хотя такие тенденции у отдельных авторов и имели место, в явление широкого порядка, вообще говоря, в литературе первой половины XIX века не пре-

вратилось. Но один автор, и в своей лексике, и в синтаксисе, в этом отношении остался очень приметным. Надо ли говорить, что это В. И. Даль, фанатический поклонник национальной специфики, представитель исключительно деятельного пуризма, писатель, собственные изучения которого дали ему все средства для овладения народной идиоматикой? Стремление Даля писать специфически „по-русски" не обошлось, впрочем, в практике дела без того, что эта специфика сделала его авторскую фразу не только своеобразной, но зачастую режуще, неприятно своеобразной, подчёркнуто отличающейся от принятых способов выражения. Не был поэтому неправ Н. Г. Чернышевский, если заметил (в 1861 г.) по поводу Даля: „Даль знает десятки тысяч анекдотов из простонародной жизни, собрал чуть ли не до пятидесяти тысяч русских пословиц и чуть ли не полмиллиона слов и оборотов простонародной речи. А между тем... ровно никакой пользы ни ему ни читателю не приносит все его знание. По правде говоря, да и в самих-то рассказах не найдешь ни капли народности... Когда-то г. Даль писал сказки, а, может быть, кроме сказок, и еще какие-нибудь рассказы, — для простого ли народа или для публики, не знаем хорошенько, — только знаем, что писал он когда-то и что-то простонародной речью. Простонародная речь эта выходила такая пересоленная, перехитренная, что от настоящей простонародной речи была дальше, чем перевод Риттерова земледелия, делаемый г. Семеновым с сохранением всего смешения языков, какое есть в подлиннике у Риттера"[1].

§ 4. Проблема выработки „всеобщей" национальной речи.

Как и в лексике, в синтаксисе литературного языка, и главным образом в синтаксисе прозы, должна была, наконец, быть разрешена задача, нашедшая своё выражение в цитированных выше[2] высказываниях Н. И. Надеждина („Телескоп", 1835 г. и 1836 г.), — задача наиболее важная — действительной выработки „всеобщей национальной речи", которая не являлась бы привилегией „одного класса, одной касты", а представляла бы собою язык, как основание народного единства „всем понятный, всем доступный".

Ясно, что при этом дело шло не об обеспечении во „всеобщей" национальной речи элементов языка господствующих классов, которые получили уже в нём достаточно большое место, а о том, чтобы дать доступ в него языку огромной массы населения, в подавляющем большинстве неграмотного, не имевшего ни прямого, ни косвенного отношения к книге, но вместе с тем того

[1] Цитировано В. Гофманом в статье „Язык писателя", „Звезда", № 3, 1934, стр. 157.

[2] Том I, стр. 231 и след

именно класса, который не был двуязычен и с которым в наибольшей мере связывалось представление о национальном языке. Исторически художественная русская литература XVIII века не чуждалась народной стихии, даже более того — проявляла к ней заметный интерес, но это был, как и в начале XIX века, интерес почти исключительно к языку народных художественных жанров как специфической форме выражения определённого содержания песенного и сказочного, и элементы такого языка, одинаково и в лексической, и в синтаксической стороне, относительно мало вплетались в ткань языка, общего по употреблению, — речи широкого смыслового охвата. С тридцатых годов вопрос ставился о народных элементах внежанровых, подчёркивалась потребность обогатить литературный язык заимствуемыми у народа средствами, которые бы вошли органически в состав новой книжной речи и сообщили ей разнообразие и выразительность, какими она ещё не обладала в достаточной мере.

Теоретические высказывания Надеждина и др. относительно общенационального направления в развитии литературного языка, в основном верные и метко выраженные, охватывают в тридцатых годах существенное, на чём в области прозы следовало сосредоточить внимание. Но вместе с тем нельзя не заметить, что этим высказываниям не уделяется в литературе данного времени той степени признания, какой они заслуживают, они не настолько являются в ней руководящими и даже обращающими на себя внимание, чтобы определять направление и отбор у писателей тех, а не иных средств языка. Зависит это, впрочем, отчасти и от того, что соответствующие высказывания в большинстве не были конкретны, не были снабжены достаточно убедительными иллюстрациями. Не говорим уже о том, что проблематика лексики в это время почти полностью заслоняет вопросы синтаксиса, которые и ставить-то было очень нелегко при уровне самой тогдашней филологической науки о нём с её слишком расплывчатыми схемами.

§ 5. Галлицизмы и европеизмы.

По употребительности и весу в составе русского языка изучаемого времени галлицизмы лексические и синтаксические распределяются неодинаково. Количество первых как заимствованных слов и в особенности словосочетаний, образуемых по французским образцам (кальк), довольно велико[1], но собственно синтаксические галлицизмы, т. е. выходящие за пределы литературного подражания (стиля, словесной манеры) и отражающие перенимание самой структуры синтагм и расположения слов, эквиваленты которых существовали в русской речи, не были, вообще

[1] См. том I, стр. 197 и след.

говоря, особенно значительны и в языке XVIII века и быстро идут на убыль в первые два десятилетия XIX. В течение третьего десятилетия насторожённое внимание к ним со стороны авторов, редакторов, критиков и читателей приводят к окончательной ликвидации того, что ещё опознавалось как галлицизмы, и, за относительно небольшим количеством исключений, устанавливается структура фразы, в этом отношении уже далее не претерпевающая приметных изменений.

Важнейшие синтаксические галлицизмы, которые можно отметить для первой половины XIX века, следующие:

1. При глаголах со значением „думать, полагать, казаться" и под. употребляется не придаточное предложение изъяснительное с союзами **что, будто, чтобы** и т. д., а зависимый от них инфинитив:

Не оправдаюсь тем, что, слова не давав, Твоих я над собой не признавала прав И *быть руке моей еще свободной мнила* Искать супруга мне по сердцу боле мила (Озер., Димитр. Донск., 1807). *Думал быть с тобою неразлучен,* Ждал удовольствия... (Давыд., Договоры, 1808, перев. из Виже, „Mes conventions"). Историческая часть живописи *кажется быть ему свойственнее и любезней других* (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). Входя туда, я *думал каждый раз видеть себя в подземном Плутоновом царстве...* (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Ты переносишься тогда в новый мир, ты *думаешь быть далеко от земли* и ты в самом себе (Веневитин., Скульптура, живоп. и муз., 1827). Им *не по росту быть вменяется в вину* (Вяземск., Послан. к И. И. Дмитриеву, 1823). После трех дней воздвигся от юга и Нот окрыленный, Судно помчал в Геллеспонт: *мы думали тут и погибнуть* (Катенин, Ахилл и Омир, 1826)=„мы думали, что погибнем"; ср. русск. *„думали погибнуть"*—„собирались погибнуть".—И я прославленную видел, И *думал прежде обожать* (Шевырёв, К непригожей матери, 1829)=„...прежде думал, что обожаю". *Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита* (Жуковск., Одиссея, XIV). К тому же типу восходят, вероятно, и обороты с опущенным „быть": „Я *полагала вас* далеко от Москвы" (Гриб., Горе от ума, 1824). Верно, вы *полагаете меня в Нерчинске* (Пушк., письмо Плетневу, 1826). „Долго не получая от отца никакого известия, он и не подумал о нем осведомиться, *полагая его в разъездах или хозяйственных заботах"* (Пушк., Дубровск., 1832).

Хотя подобные обороты отчасти были известны уже древнерусскому языку, в который они были восприняты из церковнославянского, отразившего в свою очередь греческие конструкции, — в большинстве случаев приведённые примеры как факт только литературного языка, и притом определённых стилей, по всей видимости — галлицизмы или, может быть, европеизмы (обороты, проникавшие при прямом или косвенном влиянии латыни и под.).

2. К типичным синтаксическим галлицизмам первых десятилетий XIX века принадлежит ещё сочетание обособляющихся прилагательных и причастий в именительном падеже, в предикативной форме или только с соответствующим обособлением, относимых не к тому лицу, которое формально должно было бы выступать при сказуемом:

Увы! родитель мой, *гоним людьми, судьбою,* Без помощи моей, *что́ б сделалось с тобою!* (Озер., Эдип в Афин., 1804). Но кем она была тебе поручена? *Сужденна мне отцом и мне обручена, Один располагать могу ее судьбою* (Озер., Димитр. Донск., 1807). Московский князь мне враг: *обижен им несносно, Сражаться за него мне было бы поносно* (там же). *...Грозный, неукротимый во мщении, ни вопли, ни улыбки невинного младенца не проницали в его неприступную душу* (Жуковск., Марьина роща, 1809). И *распаленные душой, Влекомы ожиданьем, Для вас взойдет краснее день, И будет луг душистей* (Жуковск., Громобой, 1816—1817). ...Мечта воображенья Мой обманула взор: *зарытые землей, Для них нет боле пробужденья* (Катенин, Мир поэта, 1822). ...Две ножки, *Грустный, охладелый,* И нынче иногда во сне *Они смущают сердце мне* (Пушк., Евг. Онег., 1 изд.; примечание — „непростительный галлицизм". Позже эти строки изменены так: *„Грустный, охладелый, Я* все их *помню...*"). Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, *воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового...* (Пушк., Дубровск., 1833). Но здесь, пришедши в обыкновенную жизнь, *окруженный мелочами смешными и подлыми,* притеснениями маленькими, *душа моя упала с высоты* (Герцен, письмо к Н. А. Захарьиной, 1835).

Сюда же, повидимому, следует отнести и: „Вечно холодные вечно свободные, Нет у вас родины, нет вам изгнания" (Лерм., Тучи, 1840). Формально „вечно холодные, вечно свободные" можно истолковать в смысле грамматического обращения с отсутствующим именем существительным; но на фоне поэтического синтаксиса этого времени вообще и того, что типично для Лермонтова, такое толкование маловероятно: скорее, перед нами предикативные определения с их обычной художественной выразительностью, отнесённые к мыслящемуся „вы", грамматически сдвинутому отрицательной конструкцией.

3. Случаи, близкие к данным, представляют сочетания предикативно окрашенных обособляющихся имён существительных со сказуемыми, которым формально принадлежит другое лицо: *Потомок предков благородных,* Увы, *никто в моей родне* Не шьет мне даром фраков модных И не варит обеда мне (Пушк., Жалоба, 1822). *Хлебопашец и любимец* [*sic*!] *словесности, жизнь моя* заключается в кабинете или в поле... (письмо Д. Давыдова А. А. Бестужеву, 1824). От них остался только я, Ненужный член в пиру людском, Младая ветвь на пне сухом; В ней соку

нет, хоть зелена, *Дочь смерти* — Смерть ей суждена (Лерм., Стансы, 1831)[1].

Ср. и: „Когда ж он явится с уныло-долгим взором, *И грустной бледностью чело облечено*... Тогда люби его... (Ростопчина, Ты не люби его!.., 1847).

Ср. франц., напр.: ...Fronts que le deuil réclame, Mortels sujets aux pleurs, Il nous est malaisé de retirer notre âme De ces grandes douleurs (V. Hugo, A Villequier).

4. Уже Ломоносову было известно, что употребление деепричастий, при которых в качестве действователя мыслится известное лицо, со сказуемыми с другим лицом — подлежащим является погрешностью против русского синтаксиса, вызванною влиянием иностранных языков.

Он писал (Российск. грамм., 1755, § 532): „Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастие от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным лицом личным, на котором всей речи состоит сила: идучи в школу, встретился я с приятелем. Но многие в противоположность сему пишут: идучи я в школу, встретился со мною приятель..., что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Российское сочинение".

Тем не менее эта ошибка у писателей XIX века, особенно в первые десятилетия, встречается нередко[2]:

Вполне в духе XVIII века построена, напр., фраза — в послании Д. Горчакова к С. Н. Долгорукову (до 1824): „Иль, жаркой мы когда быв заняты войной, Заграбин и Хапков, в подряд вступя с казной, Один невыставкой припасов и доспехов Ко славе препинал путь войскам средь успехов; Другой — на раненых свершил в госпиталях Смерть, не доконченну на Марсовых полях".

Ср.: *Лишившись матери, мне оставался друг*, Для коего сносить я жизнь еще хотела (Озер., Димитр. Донск., 1807). *Читавши* о пирах ваших в Кунцове, *зависть моя* доходила до бешенства (письмо Д. Давыдова Вяземскому, 1815). *Полагая*, приехавши обратно в Новомосковск, найти тебя переехавшего уже к нам, *но не тут-то было* (письмо Д. Давыдова О. Д. Ольшевскому, 1816). *Возвращаясь* вчера домой, *одна молодая женщина* со слезами просила меня об освобождении от платы за холст... (Дневн. Н. И. Тургенева, 1818). Тобой *дыша, мой первый долг* Предупреждать твои желанья!.. (Хмельницк., Актеры между собой, 1821). *Подходя* к колодезю, послышался ей жалостный *вопль*, как будто выходящий с самого дна (Перовск.-Погорельск., Лафертовск. маковница, 1825). *Не будучи эгоистом*, для меня *плодовитые деревья* нравятся и... надеждою (письмо А. И Турген. Вяземскому, 1827., Остаф. арх., III). *Таясь в самой*

---

1 Повидимому, сюда же можно отнести и пример из К. Павловой (Гр. Е. П. Ростопчиной, 1841): „Красавица и жоржзандистка, Вам петь не для Москвы-реки", — хотя два следующих стиха („И вам, свободная артистка, Никто не вычеркнет строки") дают право видеть в первых словах обращение.

2 См. и „Историч. коммент.", изд. 2, стр. 271—272.

себе и внешний мир забыв, И сердцем предана мечтательности вредной, Мне стоил жарких слез один мечты *порыв,* Звук гармонический иль чувства призрак бледный (Н. С. Теплова, Жизнь). *Пройдя таким образом немного более двух верст, слышится* что-то похожее на шум падающих вод (Лерм., Вадим). Я легко усмирила Алкида; *лаская* его голосом, *трепля и гладя* рукою, он *пошел* шагом... (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836). Ну так! только, верно, их *сердце* больно сжимается, *видя,* что любезный братец ездит во дворец и в лучшие общества... (Ушак., Послед. из княз. Корсунск., 1837). *Действуя* же бургонским точно таким же образом, то-есть отправляя его через желудок в вены и оттуда в голову, выходит *результат* совсем иной... (Герцен, Доктор Крупов, 1846). *Возвратясь* от обедни и *накушавшись* чаю, *утомление* усыпило его, и он, боясь уже заснуть,— заснул против воли (Вельтман, Саломея, 1846—1847). *Проезжая* на возвратном пути в первый раз весною знакомую березовую рощу, у меня *голова* закружилась и забилось сердце от смутного сладкого ожидания (Тург., Гамлет Щигровск. уезда, 1849). *Прочитав* статью Стурдзы, мне открылись в нем новые *стороны* (письмо Чаадаева неизвестной, 1850).

Ср. франц.: ...Et les chants qui sortaient de votre coeur, Louise, En attendant les pleurs (V. Hugo, A mademoiselle Louise B.).

Особенно характерные случаи в „Правде о пожаре Москвы" Ростопчина[1]: „Пожар Москвы, не будучи никогда ни приготовлен, ни устроен, зажигательные вещества Шмидта сами по себе уничтожаются". Во французском оригинале — „L'incendie n'ayant jamais été organisé, ni préparé, les matières combustibles de Schmidt rentrent dans le néant".

„С другой стороны, Москва, будучи целию и предметом похода Наполеона в Россию, разграбление сего города было обещано армии". Французский текст: „D'un autre côté Moscou ayant été le but et le terme de l'expédition de Napoléon en Russie, le pillage de cette ville avait été promis a l'armée".

Нужно, впрочем, рассматривая эти и подобные примеры как галлицизмы, не упускать из виду, что тенденция к подобным сочетаниям не совсем чужда и русскому народному языку; ср.: „Сгарели,—*сгаремши, карова пала*" (южнорусск.).

А кроме того, в отдельных случаях не исключена возможность, что субъект действия, который мыслится при деепричастии, и тот, который мыслится не при сказуемом, оказываются не совпадающими только формально, что́ и приводит к соответ-

[1] Об этом сочинении Ф. В. Ростопчина см. верные замечания в статье А. А. Бестужева-Марлинского, „Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.": „Сочинение г. Бутурлина „О нашествии Наполеона на Россию" и книжечка графа Ростопчина „Правда о пожаре Москвы" только по именам сочинителей принадлежат к русской словесности, потому что писаны по-французски; что же касается до слога переводов их, он неровен и полон галлицизмов". Смирдинское издание сочинений Ростопчина (1855) даёт возможность прямо сличить перевод с подлинником.

ствующей синтаксической ошибке. Скорее всего так именно объясняются некоторые подобные ошибки у Крылова: в письме к В. А. Олениной (1825): „Любя вас, я этому очень рад: *любя себя*, несовсем мне *это* по сердцу, ибо отнимает надежду скоро вас увидеть...“; в баснях: „Хоть я и не пророк, Но, *видя* мотылька, что он вкруг свечки вьется, *Пророчество* почти всегда мне удается: Что крылышки сожжет мой мотылек“ (Плотичка, 1821). „...И что, *бежав* от них едва не кувырком, Не говоря уж о чужом, На ней и своего *осталось мало перья*“ (Ворона, 1825).

Ср., впрочем, и более грубую погрешность: „*...Не шевеля почти и поводов, Конь слушался* его лишь слов“ (Конь и Всадник, 1814).

Во всяком случае такие сочетания известны и древнерусскому языку: „И те воры..., поймав его, повели в город... и, *приведши* в город, *собралося их*, воров, больше 5000 человек“ (Котошихин, XVII в.); „*А укрепя город*, был у него, у Стенки, под Царицын *круг* “ (Матер., относящ. к восстанию Разина, I, № 9), и это заставляет положение о французском влиянии в этой категории случаев принимать с осторожностью для отдельных авторов и примеров.

5. Из отдельных случаев употребления падежей по французскому образцу можно, напр., отметить:

Из твоего письма видно, что ты *порядочного расположения* духа, да и Щербаков мне сказывал, что слышал от Облеухова, что ты весел... (письмо Чаадаева к брату М. Я., 1820).

Сей великий человек был *тех твердых характеров*, кои воспламеняются препятствиями (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821). Лейтенант был настоящий моряк, *доброго, но сурового лица*, загоревший от солнца всех климатов... (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831).

Родительный объекта при именах существительных типа: *Мысль отечества* (=„об отечестве“) так велика, так пленительна (Дневн. Н. И. Тургенева, 1817). ...Воображая и те развалины, которые некогда будут покрывать и мое отечество. Эта *мысль развалин* меня несколько успокоила (там же).

Посвяти пламень свой правде и брось *служенье идолов* (письмо Вяземского В. А. Жуковскому, 1821). ...Я слышал от отца, *служенью муз* Жизнь посвятить свою желаешь... (Жуковск., Камоэнс, 1839).

Уже современная Пушкину критика (Н. И. Надеждин) отмечала в „Повестях Белкина“ как погрешности против русского языка *память одного* (вм. „память об одном“), *управление села* (вм. „управление селом“). Ср. и: *„Клеветникам России“*.

Такие, напр., случаи глагольного управления, как: „...Но алчные тираны, Едва возникшие, наш *угрожают край*“ (Озер., Димитр. Донск., 1807). Ср. франц. menacer с винит.

Заочно образ ваш прелестный Моей *присутствовал мечте* (Вяземск. в письме С. И. Тургеневу, 1820). Ср. франц. assister с дат.

Надобно счастие, чтобы попасть на добрый выбор, и деньги,

чтобы *заплатить это счастие* (письмо Вяземского А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому, 1826). Ср. франц. payer с вин. пад.

У Вяземского же в стихотворении „Нетленный цветок" (1827): „...И сожалением *заплатим Веселья легкокрылый час...*"

У Пушкина („Бор. Годун.", 1825—1830): „*Доверенность* младого венценосца Предательством ужасным *заплатить...*" и др.

6. Приведённые Ф. И. Буслаевым, „Историч. грамматика русского языка", II, § 272, случаи употребления **чтобы** в соответствии с франц. pour: **кто (такой)... чтобы:**

...А ты кто, чтоб меня Так дерзостно позорить? И кто же ты, чтоб петлей мне грозить? И кто твой Тус, чтоб руку на Рустема Поднять в повиновенье Безумной ярости своей? (Жуковск., Рустем и Зораб, 1846—1847).

Слишком... чтобы...:

Сильвио был слишком умен и опытен, чтобы этого не заметить (Пушк., Выстрел, 1830)[1].

7. К галлицизмам относится употребление инфинитивов после союзов **чем, нежели** в придаточных предложениях, следующих за главными со сказуемым в изъявительном наклонении. Как пример такого галлицизма у Жуковского В. И. Чернышёв[2] приводит из „Ундины" (1836): „Долго ты по свету должен был странствовать прежде, Нежели к нам дорогу найти?"

Как стилистические галлицизмы, стоявшие на пути перерождения в собственно-синтаксические, заслуживают внимания среди других:

1. Сочетания со *скажешь* в смысле „можно было бы сказать", которые иногда встречаются, особенно в языке поэзии первых десятилетий века.

Ср., напр., франц.: O le frêle et frais murmure! Cela gazouille et susurre, Cela ressemble au cri doux Que l'herbe agitée expire... Tu dirais, sous l'eau qui vire Le roulis sourd des cailloux (P. Verlaine, Romances sans paroles).

Но как назвать очарованье, Которым душу всю луна Объемлет так непостижимо? *Ты скажешь*: ангел невидимо В ее лучах слетает к нам (Жуковск., Подробн. отчет о луне, 1820). Обращения в этом стихотворении на „Вы". — ...А вся так бела ты, Шея же, руки—вглядися, *скажешь*—из кости слоновой Мастер большой их отделал, а Зевс наполнил с избытком Сладко-пленяющей жизнью (Дельвиг, Купальницы, 1825). Дыханье каждое зефира Взрывает скорбь в ее струнах... *Ты скажешь*: ангельская лира Грустит в пыли по небесах (Тютч., Проблеск., 1825). ...С горы бежит поток проворный, В лесу не молкнет птичий гам, И гам лесной и шум нагорный — Все вторит весело громам. *Ты скажешь*: ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила (Тютч., Весен. гроза, 1828).

[1] Специальные замечания о расширении функций союза **чтобы** под влиянием французского языка — см. у Ф. И. Буслаева, „Историч. грамматика русск. языка", II, изд. 2, стр. 327—328.

[2] Правильность и чистота русской речи, изд. 3, 1914, стр. 236.

Хотя подобные способы выражения известны также из славянских, напр., др.-русскому: *рьци* — „скажи, ты сказал бы“= „как“: в „Слове о полку Игор.“ „...крычатъ телѣгы полунощы, рци лебеди роспужены“, польскому и новому болгарскому (ср. и укр. *мов* „как будто“, по происхождению — „скажи“), однако объём и характер их применения в русском языке (язык немногих авторов начала XIX века) решительно не позволяет здесь догадываться ни о самостоятельном их возникновении у данных авторов на русской почве, ни — ещё менее — о народных корнях их существования. Перенесение их из французского языка в этимологически свежем виде сообщило им ту стилистическую заострённость, которой они уже были отчасти лишены там, приближаясь к грамматической функции.

Французский же источник вероятен для родственных приёмов выражения в условном (сослагательном) наклонении „вы б сказали“, „вы б подумали“, без конкретного указываемого читателя или слушателя, т. е. со значением обобщённо-личным „можно было бы сказать“, „можно было бы думать“ и под.

...У стены едва можно было различить бледное лицо старого схимника, лицо, которое *вы приняли бы* за восковое, если б голова порою не наклонялась и не шевелилась (Лерм., Вадим, ок. 1834). Зенеида легла в постель, махнула ручкой, осталась одна. Долго молчала она. *Вы б сказали* — она почивает; но нет, она не почивала... (Верёвкин-Рахманный, Кокетка, 1837). Она то полулежала, то лежала совершенно, то облокачивалась на стол, то свешивалась на подушку. *Вы б подумали* — это Геро, ожидающая Леандра, и вы б ошиблись, — ужасно б ошиблись. Она дрожала от удовольствия успеха (там же). Княгиня ехала с Андрюшей верхом. Прекрасные дети, конечно, брат и сестра! *сказали бы вы*, смотря, как они резвились, обгоняли друг друга... (Лажечн., Басурман, 1838).

Ср. и пример из „Фрегата „Надежда“ Бестужева-Марлинского (1832), стилистически представляющий переходной случай, так как даётся он в письме, т. е. в определённом обращении к лицу:

Они [иллюминации] раскидывались цветами, катились колесом, вились змеей, свивались, росли — и вот весь сад вспыхнул! *Ты бы сказала*: „Солнце упало на землю и, прокатясь, рассыпалось в искры“.

2. В некотором количестве случаев галлицизмами являются в языке поэтов назывные сочетания, вставляемые в средину предложения. В отличие от подобных русских конструкций, они обыкновенно представляют в своих основных словах понятия, выходящие и за пределы черт внешности, одежды и под.

Ср. такие примеры, как: „Бежал от радостей, бежал от милых муз И — *слезы на глазах* — со славою прощался“ (Пушк., К ней, 1817). „Когда с угрозами, и *слезы на глазах*, Мой проклиная век, утраченный в пирах, Она меня гнала, бранила и прощала...“ (Пушк., Андрей Шенье, 1825). И та, о ком душа в тоске мечтала,— *Чело в звездах под светлой пеленой*, В чудесном сне очам его

предстала... (Козл., Видение Танкреда, 1826). *На персях крест,* задумчива, томна, Покинула дом царский Фиорина (Козл., Фиорина, 1831). „Сзади в грубых власяницах, *Слезы тяжкие в очах, Бледный пост на мрачных лицах, На главе зола и прах,* Идут грешные в молчаньи..." (Жуковск., Братоубийца, 1833).

Ср. франц., напр.: „Et je le regardais dormir... Avec son front serein d'ou sortait une flamme, son livre ouvert devant le soleil, et son âme ouverte devant Dieu!" (V. Hugo)[1].

§ 6. Задачи в области стихотворного синтаксиса.

В стихотворном языке задачи, относившиеся к синтаксису, для начала XIX века были проще стоявших перед прозою: уже Ломоносов в самих торжественных жанрах лирики преодолел тяжеловесность церковнославянизированной книжной речи, создав поэтический синтаксис русского четырехстопного ямба; лирика Сумарокова, позже — Державина, Карамзина и Дмитриева, с большим богатством применённых размеров, дала образцы поэтического языка, в достаточной мере лёгкого, выразительного и свободного; Богданович „Душенькой" (1775) и Дмитриев — „Модной женой" (1791—1792) проложили путь к слогу стихотворного повествования; многое, таким образом, можно было здесь продолжить на путях, удачно уже наметившихся. Более других требовала разработки синтаксиса, свободного от былой тяжеловесности, не имевшая в XVIII веке талантливых образцов трагедия, и в очень существенном не разрешённой оставалась задача создания повествовательного слога, недостаточно гибкого в эпопее XVIII века („Россияда" Хераскова, 1779, и др.) и, хотя и для своего времени блестящего, но ограниченного немногими манерами в „Душеньке" Богдановича и повествовательных вещах Дмитриева. Явлением переломным для первой задачи был, несомненно, „Борис Годунов" А. С. Пушкина (1825—1830). При всей талантливости в стороне композиционной и в обрисовке характеров „Эдипа в Афинах" В. А. Озерова (1804), в нём, как и в других трагедиях Озерова, принципиально сохранён декламационный склад александрийского стиха сумароковского времени и с ним принципиальная же верность путям традиционного „пышного" синтаксиса трагедии. Хотя и перед „Борисом Годуновым" русская драматургия уже

---

[1] Любопытно что, А. Н. Веселовский в своей книге „В. А. Жуковский, Поэзия чувства и „сердечного воображения", 1904, стр. 486, остановился в недоумении перед подобными оборотами, считая их „странными анаколютами" (ошибочными смешениями синтаксических конструкций). Оба приводимых им примера полностью относятся к характеризуемым явлениям: Кассандра „С женихом *рука с рукой, Взор любовью распаленный,* И гордясь сама с собой, Благ своих не постигает" (1809). „С полною тяжкими вздохами грудью (Временем *щеки, как жар, временем бледны, Очи — полные слез, засохшие губы и все в беспорядке Мысли, как волосы*) день и ночь Дамаянти вздыхала" (Наль и Дамаянти).

знала пьесы, отступающие от традиционного стихосложения и с ним от традиционной синтаксической манеры („Титово милосердие" Я. Б. Княжнина, 1787, „Орлеанская дева", пер. Жуковского, 1817—1821, „Венцеслав" Жандра, 1825, и др.), они ни по своей влиятельности, ни по новизне языковой разработки не идут с ним в сравнение.

Для синтаксиса комедии подобное же значение имел переход к свободному разностопному стиху с подвижной рифмой в „Горе от ума" Грибоедова (1824), открывший путь гибкости и экспрессивности разговорной речи, лишь несколько сжатой и ритмизированной, но получающей благодаря этому врезывающуюся в память оформленность[1]. Как крупное достоинство „Пустодомов" А. А. Шаховского (1820) его современник, вдумчивый С. Т. Аксаков, отмечал „разговорный язык отличный и до сего времени неслыханный у нас на театре" (О заслугах кн. Шаховского в драмат. словесности, 1830). Характерно, однако, по поводу языка комедий Шаховского замечание Бестужева-Марлинского („Взгляд на стар. и нов. словесность в России"): „Поспешность, с которою пишет он для сцены, опереживает отделку стихов и правила языка... Разговорный язык его развязен, текущ, но недовольно высок для хорошего общества..."

В том же направлении, что и Шаховской, приближая стихотворный язык комической сцены к разговорному, работали близкие к нему по своим художественным вкусам и верности стеснительным предрассудкам классицизма Н. И. Хмельницкий и М. Н. Загоскин. Нельзя пройти мимо высокой оценки искусства Хмельницкого не кем другим, как Пушкиным, а похвала С. Т. Аксакова Загоскину по поводу „Урока холостым, или Наследников" (1822) последним в отношении языка вполне заслужена, хотя стихотворцем он стал не по природе, а в результате напряжённой работы даже над самой техникой стиха: „Публика и литература приняли пьесу с восхищением; стихи в этой пьесе вообще так хороши, что и теперь можно их прочесть с удовольствием. Конечно, тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра, но в этой пустой щеголеватой гладкости состояло всё их достоинство. Стихи Загоскина не пусты: в них есть содержание, сила, и мысль укладывается в стихе вся без остатка и натяжки" („Семейные и литературные воспоминания"). Разработка русского стихотворного повествовательного слога в начале XIX века — в наибольшей мере заслуга В. А. Жуковского, который, имея опору в готовых европейских (английских и немецких) образцах баллад, произведений сюжетных, с новой лёгкой и гармонической формой, мог свою поэтическую энергию сосредоточить главным образом на работе над языком и метрами.

[1] Первым опытом применения подобного стиха в комедии было, однако, не „Горе от ума", а комедия А. А. Шаховского — „Не любо — не слушай, а врать не мешай" (1818), за которою последовали две другие в том же роде: „Тетушка" и „Урок женатым". — О влиянии комедии „Не любо—не слушай..." на „Горе от ума" см. Л. Гроссман, Собрание сочинений, I, стр. 357 и след.

Но и в области стихотворного повествовательного слога важнейшее с третьего десятилетия века—произведения А. С. Пушкина: „Руслан и Людмила“ (1817—1820), „Кавказский пленник“ (1821—1822), „Братья разбойники“ (1822—1825), „Бахчисарайский фонтан“ (1822—1824), „Цыганы“ (1824—1827), „Евгений Онегин“ (1823—1831, напечат. 1825—1833), „Граф Нулин“ (1825—1828), „Полтава“ (1828—1829) и др.

Их роль в истории повествовательного слога отчасти разделяют „Войнаровский“ К. Ф. Рылеева (1823—1824), „Эда“ Е. А. Баратынского (1824—1825), „Чернец“ И. И. Козлова (1824—1825), лучшие из поэм М. Ю. Лермонтова.

Стóит отметить, что в устах Пушкина едва ли не наибольшей похвалой „Войнаровскому“ было признание его „повествовательности“[1].

§ 7. Новый синтаксис стихотворного языка и связь его с „романтическими“ размерами.

Классический александрийский стих с его парными рифмами предполагал в своих двустишиях законченное выражение мысли или её округлённых частей. Эпос, трагедия, и особенно комедия, практически очень часто не оказывались в границах ритма, накладывающего на фразу свои стеснительные рамки, но такие отступления всегда требовали значительного искусства автора и по существу являлись преодолениями тенденций, принадлежавших данной ритмической форме как таковой[2].

Переход к „романтическим“ размерам и новые излюбленные виды рифмовки единицей стихотворного выражения сделали строфу. На фоне этой общей строфичности эпических и лирических стихотворений русских поэтов первой четверти XIX века особое значение приобретает синтаксическое нарушение господствующего метрического принципа как специальная художественная установка. Для лирики такое нарушение, вообще говоря, если дело не идёт о рядах (о параллельных синтаксических структурах), или естественных членениях периода, не вышло за грань явления почти индивидуального порядка (из крупных поэтов оно характеризует главным образом Н. М. Языкова с его резво-размашистой „расскакивающейся“ фразой[3]; для поэмы

---

[1] „Рылеева Войнаровский несравненно лучше всех его Дум: слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет“ (письмо А. А. Бестужеву 12 янв. 1824 г.).

[2] К характеристике природы французского стиха сравнительно с русским и, в частности, александрийского, см. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 2 изд., 1939, стр. 161 и след.

[3] Ср.: „...Когда надеждою виновной, В часы общественного сна, Невольно мучилась она И в мир поэзии любовной, Уединенна и нежна, Летала с музой многословной, Когда рогатая луна, Богиня женских упований, И ночи мрак, и вздор желаний — Мою нестройную мечту, Как сон волшебный, чаровали И пустяками занимали Младого сердца пустоту...“ (Мой Апокалипсис, 1824—1825). „Смотрю умильными глазами На эти скромные листы, Где я небрежными

оно характерный и важный этап в развитии стихотворного синтаксиса. Мастерство установочного на повествовательность — рассечения ритмической строки особенно ярко выступает в поэмах А. С. Пушкина, в наибольшей степени — в „Медном всаднике“ (1833).

Вот несколько примеров:

„Ты волен, дева говорит, Беги!“ Но взгляд ее безумный Любви порыв изобразил. Она страдала. Ветер шумный, Свистя, покров ее клубил. „О, друг мой! русский возопил, Я твой навек, я твой до гроба. Ужасный край оставим оба, Беги со мной...“— Нет, русский, нет!.. (Кавк. пленн., 1821—1822). Редел на небе мрак глубокой, Ложился день на темный дол, Взошла заря. Тропой далекой Освобожденный пленник шел... (там же). ...Но почему, какой судьбой Я край оставила родной, Не знаю; помню только море И человека в вышине Над парусами... Страх и горе Доныне чужды были мне... (Бахчисар. фонт., 1823—1824). Так он мечтал... И грустно было Ему в ту ночь, и он желал, Чтоб ветер выл не так уныло И чтобы дождь в окно стучал Не так сердито... Сонны очи Он наконец закрыл. И вот Редеет мгла ненастной ночи, И бледный день уж настает... Ужасный день! (Медн. всадн., 1833). ...И вдруг, ударя в лоб рукою, Захохотал. Ночная мгла На город трепетный сошла; Но долго жители не спали И меж собою толковали О дне минувшем. Утра луч Из-за усталых, бледных туч Блестел над тихою столицей... (там же).

Ещё естественнее такие рассечения стихотворной строки были в жанрах более прозаического характера, с сюжетами бытовыми, с лексикой менее отборочной, с моментами игры остроумия — в стихотворной повести и романе. Они сообщали стиху разговорность; при определённом содержании, которое этого требовало, — даже опрощенность.

Ср. многочисленные примеры этого рода в „Графе Нулине“ (1825—1828), „Домике в Коломне“ (1830—1833), в „Анджело“ (1833—1834), или, напр., у Языкова в его были „Сержант Сурмин“ (1839—1845): „Был у меня приятель, мой сосед, Старик, почти семидесяти лет, Старик (каких весьма немного ныне) Здоровый; он давно уж заплатил Свой долг отчизне: в гвардии служил Еще при матушке Екатерине; При Павле он с Суворовым ходил Противу галлов. Мой сосед любил Поговорить, и говорил прекрасно О прошлом веке, жарко, даже страстно!“

Осуждая „Эду“ Е. А. Баратынского (1824—1825), Булгарин между прочим к её недостаткам относил то, что „окон-

---

стихами Вам рисовал мои мечты, Мне драгоценные когда-то, Когда-то милые, оне С моей надеждою крылатой В одной живали стороне“ (Эпилог, 1826).

Комментатор Языкова среди прочего верно отмечает, что „он особенно любит стихотворения с неровным и непарным количеством стихов, у него есть пьесы, заключающие 101 стих, 41 или 53 и т. п.“ — Н. Языков. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания М. Азадовского. Библиотека поэта. Малая серия, № 23, 1936, стр. 34

чательный смысл большей части стихов переносится в другую строку; от этого рассказ делается прозаическим и вялым" („Сев. пчела", № 20, 1826). Как справедливо отмечают новейшие комментаторы[1], в этом отношении нужно различить в ней, — и такое различие вытекает из самой природы предмета, — стихи описательных частей, „в которых синтаксис подчинен ритмическому движению и фраза совпадает с границами стиха", и стихи повествовательных частей и диалогов, „где синтаксис находится в постоянном противоречии с размером стиха, фраза кончается в середине стиха, а конец стиха тесно связан с началом следующего (enjambements)", т. е. перед нами факт определённой намеренности в выборе автором того или другого способа выражения, зависевший, конечно, от сознательной установки на впечатление. Любопытно, что Булгарин, противопоставлявший поэме Баратынского „ту пиитическую, возвышенную, пленительную простоту, которой мы удивляемся в Кавказском Пленнике, Цыганах и Бахчисарайском Фонтане А. С. Пушкина", видимо, никак не заметил, какая роль принадлежала именно Пушкину в усвоении поэмою этого приёма фразных сечений.

Пушкин ввёл в поэму свободное расположение рифм, определяющееся потребностями художественного оформления каждой отдельной партии.

В романтических поэмах поэтому партии свободнее обособляются друг от друга, не подчиняясь той мерности общего метрического строя, которая характеризовала однообразно рифмующиеся строки александрийского стиха поэм-эпопей XVIII века. „При этом, — как отмечает В. Жирмунский, Байрон и Пушкин, Л., 1922, стр. 56, — у Пушкина внутри тирады границы синтаксических объединений обычно не совпадают с метрическими группами, объединёнными рифмой, так что создаётся, как бы, непрерывное движение рассказа, обрывающееся только с окончанием тирады".

В стихах белых (нерифмованных) рассечения строк и переносы фразных частей из одной строки в другую, особенно при размерах длинных, давали повествованию характер, очень приближавший его к размеренной прозе. Музыкальность стиха утрачивала много от роли, которая принадлежала ей, напр., в поэме, и приобретала значение довольно свободного аккомпанемента. Наиболее типические образцы в этом отношении представляет эпос В. А. Жуковского. Являясь шуткой, известная эпиграмма Пушкина, пародирующая начало „Тленности" (диалога, из Гебеля), заключает в себе и долю истины: „*Послушай, дедушка, мне каждый раз, Когда взгляну на этот замок Ретлер, Приходит в мысль*: „Что, если это проза, Да и дурная?" (1818)[2].

---

[1] См. Баратынский, Полное собрание стихотворений, том II. Редакция и комментарии Е. Купреяновой и И. Медведевой, 1936, стр. 308.

[2] О ней подробно — Георг. Маслов, Новое о стихотворении Пушкина „Послушай, дедушка, мне каждый раз...", 1818. — „Пушкин и его современники", вып. XXVIII, 1917.

§ 8. О бессоюзии и эллиптичности в романтической стихотворной фразе.

Отсутствие или бедность союзов и союзных слов может быть в языке или признаком примитивности структуры, или же, на фоне развитой системы союзов, когда употребление их сокращается сознательно и заменяется другими средствами языка, в особенности специально культивируемыми приёмами тонирования, — чертою стиля утончённого, обработанного в сторону разговорной лёгкости и изящества. Тонирование в разговорной речи играет гораздо большую роль, нежели в речи письменной, рассчитанной на восприятие текста в чтении, и сообщение письменной фразе такого характера, когда роль логических скреп берут на себя не моменты специфически интеллектуальные (союзы), а эмоционально-интеллектуальные (ритмомелодические признаки), даёт ей и бóльшую психологическую окрашенность, некоторый налёт своеобразной интимности, и специальную сжатость, предполагающую со стороны читающего способность схватывать мысли быстрее, связывать звенья их по даваемым интонацией намёкам, а не по прямо указанным союзами логическим отношениям. Стилистическая установка Карамзина на сужение роли союзов и относительных слов в построении сложного предложения соответствует таким именно внутренним особенностям его фразы.

В поэзии этот способ выражения становится особенностью прежде всего — Жуковского. Уже Н. А. Полевой в своих „Очерках русской литературы", 1839, I, 123, отметил, что „бессоюзие, остановка, недомолвка — любимые обороты его поэзии".

Как одна из примет „романтического" синтаксиса указывалась самими романтиками — эллиптичность, опущение формальных элементов предложения. П. А. Вяземский удачно эту внешнюю особенность языка ставил в параллель общему характеру романтической (байронической) поэмы: „Частые местоимения в речи,— писал он, — замедляют ее течение, охлаждают рассказ. Есть в изобретении и вымысле также свои местоимения, от коих дарование старается отделываться удачными эллипсами. Зачем все высказывать и на все напирать, когда имеем дело с людьми понятия деятельного и острого?" („Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны, или с Васильевского острова", — предисловие к „Бахчисарайск. фонтану" Пушкина, 1824)[1].

§ 9. Вопрос о причастиях и деепричастиях.

Деепричастия только в небольшой мере свойственны разговорному языку, причастия (кроме форм на **-тый**) — ещё меньше. И те и другие в устной речи, когда они всё-таки выступают в ней, редко являются настоящим средством сжимать придаточные предложения, быть эквивалентами их содержания: они употребляются в этом случае чаще всего без зависимых членов. Их настоящая

[1] Ср. подробнее В. Жирмунский, Байрон и Пушкин, 1924, стр. 57—63.

сфера — письменная речь, их выразительнейшая функция — применяться в качестве своеобразного средства сжатой передачи подчинённых частей развёрнутой мысли.

Разрыв с традиционными книжными структурами, повидимому, сопровождался в конце первой четверти XIX века значительным сокращением в употреблении причастий и деепричастий. Характерна жалоба В. К. Кюхельбекера в 1824 году („О направлении нашей поэзии") на то, что „в самой прозе стараются заменить причастия и деепричастия бесконечными местоимениями и союзами".

Сетования Кюхельбекера, вряд ли особенно справедливые, понятны на фоне его общего пристрастия к архаизированному, монументальному языку: сокращение роли причастий и деепричастий воспринимается им как отказ от импонирующей ему монументальности, а за переходом к „бесконечным" местоимениям и союзам, сближающим письменный язык с разговорным, он, видимо, чувствовал антипатичное ему снижение высокости выражения, тенденцию к отходу от идейной серьёзности и к замене её своего рода языковой обывательщиной. Замечание Кюхельбекера — отражение позиций катенинского кружка, этого прогрессивного, но маловлиятельного ответвления шишковцев. Кружок этот, хотя в его состав входил Грибоедов, не создал примечательного в прозе, и тенденции, выраженные в цитированном высказывании Кюхельбекера, ничем заметным не претворились в жизнь. Любопытно, однако, что на самом пороге сороковых годов ту же мысль Кюхельбекера повторяет Греч, направляя её среди другого против синтаксических установок Сенковского. Греч не был представителем монументальности, но в высказываниях Сенковского видел, надо думать, перегиб в сторону полной разговорности письменного языка и с такой установкой находил нужным бороться.

На этот раз выступление в защиту причастий и деепричастий было более обосновано существом дела. Специальные синтаксические устремления Сенковского, который настаивал не только на „быстрых, коротких предложениях", не были лишены смысла в аспекте его журнальных, популяризаторских тенденций. Но он высказывался и вообще против важнейших средств „длинной" письменной фразы — союзов, „трехсаженных причастий, бесконечных местоимений, наречий, прилагательных [повидимому, в качестве эпитетов]", веря в благодетельность одной „логической последовательности мысли"[1], и эта позиция угрожала важным структурным моментам письменной речи. Пушкин писал: „Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности" (1828) и: „Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не

[1] О. И. Сенковский, Собр. соч., т. VIII, „Письмо трех тверских помещиков к бар. Брамбеусу" (1837), стр. 212, 214, 221, 230.

может быть совершенно подобным письменному. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка" (1836). Сенковский не хотел знать этих истин и мечтал, повидимому, как это характерно для него, „заостряя" свою мысль до парадоксальности, — о книжном языке, имеющем своей основой только разговорную речь „хорошего общества". В форме, не обязывающей его говорить серьёзно и полностью принимать ответственность за высказываемые положения, он развивает свой идеал литературного языка, тесно связанного со светской гостиной, возвращаясь, таким образом, к пройденному Францией XVII и XVIII века этапу и тенденциям, бывшим здоровыми для конца XVIII века в России и в большой мере утратившим почву вместе с ростом серьёзности и разнообразия содержания литературы художественной, и особенно — научной и публицистической. Сама собственная речевая практика Сенковского показала, однако, как нельзя лучше, что сделать письменную речь синтаксически параллельной речи разговорной или даже очень сблизить их друг с другом — попытка безнадёжная, и ему самому это удалось не многим более, чем тем его современникам, которые занимали другую, более умеренную теоретическую позицию.

Пушкин коротко, но убедительно в ненапечатанной в своё время заметке по поводу высказываний Сенковского (1836)[1] установил свой общий взгляд на письменный язык (ср. приведённую выше выдержку) и взял под свою защиту „выразительную краткость" причастий. Но вместе с тем в его аргументации,—и это для него естественно,—ничем не проявлена та ограниченная исключительность, которая в теории заставляла Кюхельбекера и Греча, без нужных ограничений, отвергать другие, параллельные средства выражения.

§ 10. Большие синтаксические структуры в стихотворении.

Уже М. В. Ломоносов владел большими синтаксическими структурами в виде сложно-подчинённых предложений с большим числом параллельных придаточных. Длинную стихотворную фразу подобного типа даёт в своей „Жизни Званской" (1807) Г. Р. Державин. К стиху „...и для прикрас моей светлицы" относятся семь строф подчинённых предложений, вводимых относительными словами „в которой" и „где". Но соответствующий период в этом стихотворении Державина, трудный для произнесения, ещё не имеет характерной для подобных структур ритмической напряжённости — естественного нарастания силы (обыкновенно с уступами), потому уже хотя бы, что начинающие прида-

[1] Ср. „Атеней". Ист.-литерат. временник. Книга первая — вторая, 1921, стр. 8—9.

точные предложения слова́ здесь не строго одинаковы. Нужную напряжённость ему удалось дать, напр., в „Русских девушках“ (1799—1804), но при ритме короткосрочном („Зрел ли ты, Певец Тииский! Как в лугу весной бычка Пляшут девушки российски Под свирелью пастушка? Как, склонясь главами, ходят, Башмаками в лад стучат, Тихо руки, взор поводят И плечами говорят?“ и т. д.).

Большой силы период в виде параллельных придаточных предложений с нарастающим ритмическим подъёмом достигает, начиная с двадцатых годов, главным образом, в поэме; ср. в особенности у Пушкина: „Не многим, может быть, известно, Что дух его неукротим, Что рад и честно и бесчестно Вредить он недругам своим; Что ни единой он обиды С тех пор как жив не забывал; Что далеко преступны виды Старик надменный простирал; Что он не ведает святыни, Что он не помнит благостыни, Что он не любит ничего, Что кровь готов он лить как воду, Что презирает он свободу, Что нет отчизны для него“ (Полтава, 1828—1829).

Прекрасные образцы таких структур в лирике, со строкой относительно длинной, с семантической окраской медитативной, создаются М. Ю. Лермонтовым. К известнейшим относятся последние строфы элегии „Выхожу один я на дорогу...“ (1841): „...Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб дыша вздымалась тихо грудь“ и т. д. и три начальные строфы стихотворения „Когда волнуется желтеющая нива...“ (1837).

Из других поэтов к таким структурам в лирике тяготеет, напр., Ап. Григорьев; ср. хотя бы его стихотворения „К Лавинии“ (1843) с низью придаточных предложений цели или, особенно, „Борьба, V“, с единоначатиями (анафорами) „но если...“:

„Но если знаешь ты по слуху одному...“,
„Но если никогда, печальный и усталый...“,
„Но если никогда ты не изведал муки...“ и т. д.

Известное стихотворение А. А. Фета „Я пришел к тебе с приветом...“ (1843) представляет своеобразное обновление подобных периодов путём разрежения параллелизма придаточных предложений при помощи анафорически повторяющегося слова *рассказать*, от которого эти придаточные зависят: „...Рассказать, что солнце встало...“, „Рассказать, что лес проснулся...“, „Рассказать, что с той же страстью, Как вчера, пришел я снова“ и т. д.

Явление очень ограниченного значения, но в аспекте истории стихотворного синтаксиса заслуживающее внимания—очень усложнённая псевдофилософская по содержанию, богатая системой союзов и относительных слов, с сильно развитыми обособлениями, часто очень большая по объёму рифмованная фраза В. И. Соколовского. Таковы у него зачастую и лирико-драматические партии; ср., напр.: „...Вся цепь тяжелых дней Лежит на мне

громадою камней, И сдавлен я, — а увлеченье злое Попрежнему, как тень моя, со мной! Оно в груди расслабшей и больной Вскрутило вихрь погибельной тревоги, Над головой надвинуло беду, — И та гремит, и я напрасно жду Конца грозы, напрасно жду помоги: Мне нет ее под этой страшной тьмой!" (Хеверь 1837). „Нет! я и сам в речи кинжальных слов Так хорошо и внятно растолкую И острием на сердце напишу: Что в жизни я не для того дышу И не затем, достоинством владея, Горжуся им, чтобы для черных дел Меня другой употребить бы смел И чтоб я стал клевретом у злодея..." (там же). „Вдруг по всему ударил кто-то млатом — И пал удар под свист и яркий блеск, И рухнулся, и раздробился в треск, И грянули раскаты за раскатом. И молнии, дождяся до земли, Объяли мир, все скрепы в нем сожгли, И с места он развалиной печальной Шатаяся низвергнулся долой, И полетел, и скрылся подо мглой, И только вверх из оной бездны дальной, Куда он пал, до пыли размозжась, Отхлынули, блистая и светясь, Потоки искр с ужасно-диким шумом, Да пепла столб, да жаркая зола" (там же).

В этом отношении известную близость к нему обнаруживают и некоторые проникнутые своей философской стихией партии драматических и лирических трактатов, вышедшие из-под пера славянофилов (Хомякова, Аксаковых).

§ 11. „Напевная" фраза.

Переход от культуры стиха к культуре прозы совершался на русской почве через прозу напевную. Пример и опыт Н. М. Карамзина, отца русской напевной прозы, и беллетристической, и исторической, утверждал в литературе в качестве специального достоинства прозы художественной её звучание, всё равно трогательное или пышное, — как ритма баюкающего, ласкающего слух, самостоятельно-эстетического. „Это настоящие стихи" в школе Карамзина должно было представляться высокой похвалой художественной прозе. В эпоху, когда одной из задач литературного совершенствования являлось стремление к красивости языка, когда как очень острая выступила потребность в слоге, могущем нравиться, — ритмическая, округлённая проза иного образца, нежели ораторская латинско-церковнославянская, представленная XVIII веком, по-своему тоже подчёркнуто-ритмизированная, была естественным соперником последней. Новый круг чувствований, в свою очередь корнями уходящих в новую тематику, потребовал другой ритмичности, но ритмичности, как и раньше, подчёркнутой, плавных восхождений и интонационных спусков, принципиально привычной формы выражения для всего художественно отборочного, что традиционно жило ещё главным образом как поэзия в её метрических формах. Работу над такой прозой, наряду с Карамзиным, берут на себя поэты, как и он в начале своего творческого пути, Батюшков и Жуковский: ср. их „исторические" повести.

Мечтательная мысль, охотно обращающаяся к прошлому, как предмету, уводящему от жизни действительной, от тревоги реального, беспокойно-раздражающего мира, в фантастической и полуфантастической атмосфере своих созданий освобождалась от настоящей борьбы, от преодолений, требовавших упругости и силы здоровой и мужественной рассудочности. Она баюкала и баюкалась — и с ней эмоционально гармонировала красивая ритмичность речи, психологически разрешавшаяся эффектом своеобразных успокоений, стройно укладывающих в покорные, однообразные ряды даже иногда пугающие чувствования.

Ритмическую, стихообразную прозу ценила и Европа начала века. Здесь может речь итти прежде всего о влиянии блестящего мастера слога Шатобриана: в 1811 году Батюшков, напр., один из лучших представителей новой русской прозы, пишет Гнедичу: „Он... испортил и голову и слог мой: я уже готов был писать поэму в прозе, трагедию в прозе, эпиграммы в прозе, в прозе поэтической. Не читай Шатобриана!“ Батюшков в своей прозаической манере в ближайшее время сумел преодолеть соблазны шатобрианизма и явно отойти от пути, которому до конца своих дней оставался верен Карамзин. Влияние последнего, однако, и той стиховой культуры, которая определила во многом его манеру, не прекращалось. Из выдающихся писателей своей связью с Карамзиным в этом отношении обращает на себя внимание, напр., Бестужев-Марлинский. Некоторые исследователи склонны видеть отражение стиховой культуры в слоге Марлинского — перифрастическом и метафорическом[1]. В известной степени это справедливо, но большее значение сравнительно с установкой на украшенность фразы имеет в это время другая — стремление к её напевности, обыкновенно в том характеризующем вкус эпохи тоне, который И. С. Тургенев назвал по отношению к нескольким литературным школам этого времени одинаково „ложно-величавым“[2]. Этот тон, с теми социальными и психологическими основаниями, на которых он покоится, в свою очередь определяет синтаксическое построение фразы — склонность к фразе развёрнутой, ритмически округлённой, с большим количеством параллельных членений, с разветвлёнными обособлениями главным образом адъективного и предикативно-причастного типа. У Марлинского пристрастие к напевной фразе характеризует преимущественно период его историко-романтических повестей, в

[1] Ср. Н. Степанов, „Повесть 30-ых годов“, — статья при сборнике „Старинная повесть“, Л., 1929, стр. 27: „Сложная перифрастичность и метафоричность Марлинского, его поэтические арабески — создавали языковой орнамент, идущий от стихового отношения к слову, от стиховой культуры (недаром Марлинский одновременно был и поэтом)“.

[2] Ср. и характерное определение их, данное А. Ф. Писемским („По поводу сочинения Н. В. Гоголя, найденного после его смерти „Похождения Чичикова или Мертвые души, часть вторая“, 1855): „...Направление, которое я иначе не могу назвать, как направлением *напряженности*, стремлением сказать больше своего понимания — выразить страсть, которая сердцем не пережита, — словом, создать что-то выше своих творческих сил“.

которых он подражает Карамзину; в лирически окрашенных частях повествования выступает оно у него и позже, однако уже в меньшей степени: речевой ритм в его позднейших произведениях становится менее ровным, напевность спадает, усиливаются звучания в духе „настоящей" прозы. Типичный для Марлинского вкус к игре остроумия, враждебный, как заметил ещё Пушкин, настоящему лиризму, действует если не всегда разрушающе, то часто сдерживающе на тенденцию строить даже лирические партии повествования периодически округлённо.

Из других писателей карамзинскую традицию напевной прозы, с её уходящими в стиховую культуру корнями, обнаруживают в особенности исторические романисты: в общем довольно однотонный в своей величавой приподнятости М. Н. Загоскин и вносящий в напевность прозы и богатство тембров, и свежее часто заведомо искусственное разнообразие мелодии И. И. Лажечников. Dii minores исторического повествования в большей или меньшей степени идут обыкновенно по пути напевной величавости пышных синтаксических структур писателей, которым подражают.

Как во всех видах художественной речи, в которых ему приходилось работать, своё собственное и притом исключительное место занимает и в отношении напевной прозы Н. В. Гоголь[1].

§ 12. Аффективные прозаические стили.

Художественная проза первых четырёх десятилетий XIX века представлена главным образом аффективными стилями, иначе говоря, стилями подчёркнутыми, в той или иной направленности претенциозными, патетическими, вычурными или специально эмоциональными. Соперничая друг с другом, отталкиваясь один от другого, выступая с отличной друг от друга доминантой социальной и психологической, эти стили художественного письма, которые в их типических проявлениях связываются главным образом с именами Карамзина, Марлинского, Вельтмана, Сенковского и Гоголя, могут быть объединены, однако, независимо от резких различий в их природе, именно своей аффективностью и психологически родственными ей чертами. Все они, в той или другой мере, каждый по-своему, орнаментальны (меньше других — слог Сенковского), в каждом из них по-своему, наряду с сюжетами, образами и под., очень большую роль играет как таковой слог,

[1] Нельзя согласиться с неточными обобщениями С. А. Рачинского („Татевский сборник", 1899, стр. 68), будто „...ранние упражнения в стихотворстве наложили на прозу всех современников Пушкина и, позднее, на прозу Тургенева неизгладимую печать мерности и благозвучия. Печати этой недостает прозе Гоголя, Достоевского, Толстого..." Высказавший эти мысли не задумался одновременно над тем, почему величайший мастер стиха — Пушкин не захотел разделить с большинством своих современников славы мастера ритмической прозы и почему к ней не стремились (что касается Гоголя в целом, то замечание Рачинского и просто неверно) такие колоссы русской художественной прозы, как Достоевский и Л. Толстой.

причём это не просто выбор лексики и синтаксических оборотов, а и чётко выступающая работа над их своеобразием, выдумка в направлении оригинальности, которая, по авторской установке, должна нравиться, потрясать, удивлять, смешить и под.

Карамзин пишет в кудревато-красивой манере, в своеобразном русском рококо, „Рыцаря нашего времени", в напряжённо-патетическом ораторском стиле — „Марфу-посадницу"; им создаётся величавоокруглённый стиль „Истории Государства Российского", этого — со стороны слога — памятника в большей, пожалуй, мере прозы художественной, нежели собственно-научной.

Развенчивая Марлинского как беллетриста, тогда ещё кумир русской читательской массы, Белинский (1839) с большой убедительностью показывает, в какой мере последний однообразен в обрисовке характеров и избираемых для них положений. Но это однообразие прикрыто у Марлинского исключительной оригинальностью словесной формы, правда иногда несколько навязчивой, утомительной в её претенциозности, всегда свидетельствующей, однако, о богатой изобретательности и нежелании писать трафаретно, по готовым образцам накатанного слога.

Гоголь — целое море удивительной, покоряющей оригинальности, своеобразно-ярких приёмов выражения аффективности, сообщающейся читателю в разных её типах, почти бесконечно варьирующихся по способам художественной передачи.

Мы выше уже касались некоторых особенностей стилистического синтаксиса Карамзина. Из других представителей аффективных стилей прозы остановим ещё своё внимание на последних двух, наиболее примечательных.

§ 13. Синтаксис А. А. Бестужева-Марлинского.

Для структурных моментов простого предложения А. А. Марлинского характерны аффективные формы сказуемости, своё пристрастие к которым он вообще не всегда пытается приводить в достаточно строгое соотношение с хронологическими и социальными рамками стиля. Ср., напр.: „Этому уж очень давно, стоял здесь замок, по имени Эйзен, то-есть железный. И по всей правдѣ, он был так крепок, что *ни в сказке сказать, ни пером написать*; все говорили, что ему по шерсти дано имя" (Замок Эйзен, 1825). „На всяком зубце по железной тычинке, и даже в желобах решетки были вделаны так, что мышь без спросу *не подумай пролезть* ни туда, ни оттуда" (там же). „Коли подпоясал он свой палаш, а палаш его, говорят, пуда чуть не в полтора весил (sic!), то уж не *спрашивай* „куда?" — *знай скачи* за ним следом, очертя голову" (там же). „О! кто хочет изучить китайскую грамоту души человеческой, кто желает видеть ее нагою, тот *изучай* их очи! Но *знай* тот, что он берется за ремесло могильщика; что на каждый день будет зарывать в прах по лестной мечте, по доброму мнению о людях..." (Фрегат „Надежда"). „*Что за* юность без любви, *что за* любовь без юности? Ярко светит свеча в чистом воздухе: а какой воздух чище весеннего?

И *не греть* огню без воздуха, *не прожить* юному сердцу без страсти, где бы то ни было" (Мулла-Нур, 1835—1836). „Да *то ли еще говорил* Гаджи-Юсуф! *так ли он величал* беднягу Сумбур по всем восходящим и нисходящим поколениям! Щедр был он на это, *нечего сказать*; да и разнообразен, *куда разнообразен: что ни брань, то обновка*" (там же).

Авторская фраза Марлинского обычно пышна и цветиста, при этом без каких-либо заметных сдерживающих художественных начал; она богата обособленными членами, целыми системами грамматических рядов, многоступенчатой системой придаточных предложений, однако нетрудно схватываемых в их взаимоотношениях; ритмически при этом она отделана и производит обыкновенно впечатление эстетически оформленного целого. Манера авторской фразы свободно переносится Марлинским и в диалог его героических и светских персонажей, как правило, тоже пышный или цветисто-кудрявый.

В синтаксисе Марлинского исключительно большое место занимают различные способы оформления сравнений, составляющих один из необходимейших элементов его поэтики. Тут и обычное **как** во фразах типа: Да где мне пересказать тебе все остроты или все плоскости, которые сыпались в толпе, *как* мишура с платьев" (Фрегат „Надежда", 1832); „Твой милый сорвал тебя, *как* цветок, с корня растительной жизни и на своих крыльях умчал в новую, прекрасную жизнь умственную..." (Красн. покрывало, 1831—1832); и **как** с повторённым сказуемым главного предложения: „Она плакала, и пламя *погасало* в Правине от немногих слез милой, *как*, по народному поверью, *гаснет* молниею запаленный пожар от парного молока. Она *противилась*, *как* порох, смоченный небесною росою, *противится* искрам огнива: сотни ударов напрасны; но каждый удар сушит зерна пороха, и близок миг, когда он вспыхнет" (Фрегат „Надежда"), и многообразные другие, иногда синтаксически редкие способы уподоблений: „Лицо его *походило* на солнечные часы — так выставлялся вперед тонкий нос его; мигая, он так высоко подымал брови и так бросал зрачками, *как будто* они хотели перепрыгнуть через нос, чтобы повидаться" (Лейт. Белозор, 1831). „Вы бы не усомнились в этой истине, видя, как госпожа Саарвайерзен, *подобно* увесистой планете, кружилась около огня, заимствуя от него свет и румянец" (там же). „...К слову стало о платонизме: он очень *похож* на ледяную гору, с которой стоит раз пуститься — уж не удержишься; или, пожалуй, хоть на ковер, постланный под ноги детей, чтобы им не больно было падать" (Фрегат „Надежда"). „Я уж не говорю о воротах: дубовые половинки усажены были гвоздями, *словно* подошва сапога русского пешехода" (Замок Эйзен, 1825). „Видали ль вы когда-нибудь две ясные капли росы рядом на листе винограда? Они долго дрожат, потрясаемы дуновением ветерка, и вдруг, как будто одушевясь, сливаются воедино и крупною слезой ниспадают, сверкая. *Так точно* слились устами наши любовники, забывая весь мир в

упоенье восторга" (Лейт. Белозор). „Аббаз-Кули поглядывал на нас, как на сумасшедших, и комическое отчаяние антиквария довершало картину. *Не так* бывает поражен неопытный юноша изменою любовницы; *не так* свирепа львица, у которой отняли детей. Сперва он упал на кровать, закрыв лицо руками; но гнев превозмог..." (Военн. антикварий, 1829). „Есть страсти, которые *вспыхивают, как порох, и горят до конца, как свеча — такая-то* страсть вспыхнула и во мне, Алистер!" (Ночь на корабле, 1822).

Говорили много, спорили еще более, *так что* на потоке их пусторечья можно бы выстроить мельницу о четырех поставах, тем лучше, кстати, что старые мельницы за безводьем не мололи уже неделю (Мулла-Нур, 1835—1836). В придачу к нему послали еще двух почетных беков, толстяка Гусейна и сухопарого Ферзали: *то были* два прилагательных, без которых, как модные русские, так и модные фарсийские существительные имена не выезжают (там же). Все дома родились слепыми, все их черепы были расплюснуты под адскою пятою, все они пищали от тесноты... Все вместе *походило,* одним словом, на огромного удава, который под чешуею домов растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море (там же). Когда же тетка его вывела тонкую сурмяную черту по ресницам красавицы и большие черные глаза ее засверкали на воле, ему *показалось,* что два пистолетных дула брызнули в грудь его молниею (там же). ...Принялся стучать в его дубовые ворота. *Это не был* наглый стук заимодавца, *не* частые повелительные удары палкою комендантского есаула или чауша, вестника приказа явиться в диван или наряда ехать гонцом куда-нибудь. *Не походил* он на бранчивый стук ревнивого мужа по возврате с базара или гордые колотушки отца, не ожидающие ни замедления, ни прекословия — одним словом, на все звуки, имеющие свойство разрыв-травы, от которых замки распадаются, как соль, и половинки раскидываются настежь; нет, *это был стук...* (там же).

В духе французской стилистической манеры характерно для Марлинского также отнесение сравнений к различным лицам, будто бы думающим о них или готовым их произнести: „С промежутками, одно за другим гремели огромные орудия, грозно, таинственно, повелительно! *Вы бы сказали*: „То голос судьбы, которому вторило небо..." (Фрегат „Надежда"). „Да и одни ли плечики Надины могли свести с ума любого из платонических мудрецов, искусить самого постного из отшельников мира?.. *Вы бы сказали,* что платье ее выткано ветром юга из облаков и лучей. *Вы бы подумали,* что цветок, приколотый на левой стороне, пробился сквозь снег газа прямо из ее жаркого сердца!" (Месть, 1834—1837). „А город уж спит. Только переклик часовых обвивает дряхлые стены звеньями звука да море мерною зыбью ходит по берегу... *Вы бы сказали* — это души покойников беседуют с вечностью: так все кругом сходно с кладбищем!" (Мулла-Нур).

„Вдохновенный фламандскою поэзиею, *я бы сказал*, что румянец на щеках ее подобился розам, плавающим на молоке“ (Лейт. Белозор, 1831). „Твой дядюшка, le cher homme, навешал на себе столько украшений, что *насмешники уверяли*, *будто* он готовится к художественной выставке, а дородную москвитянку нашу, княгиню Z, за огромный шлейф ее, *сравняли* с зловещей кометой, и совершенно даром: она так ловко носила хвост свой, как лисица“ (Фрегат „Надежда“). „*Не считаете ль* вы меня ртутью, княгиня, которая тогда постоянна и ковка, когда заморожена? — говорил он с укором“ (там же).

К французской же школе восходят у Марлинского такие речевые типы, стоящие на грани риторических и живых, как плеонастические с повторяемым прямо или по смыслу *говорю*, *спрашиваю* и под., или интимизирующие, обращённые к читателю, предложения ответить автору на поставленный им вопрос, заключающий в себе само содержание высказывания. Вот хотя бы пример, заключающий в себе оба эти его приёма: „*Скажите*, отчего на поле битвы, даже после битвы, когда уже сердце начинает простывать от запальчивости, от негодования, от мести, когда миновала опасность и внимание не занято службою, отчего, *спрашиваю*, видя растерзанные чугуном и железом трупы, в крови, в пыли, обнаженные, разбросанные по земле, слыша стон безнадежно раненных и хрипенье умирающих — душа воина не содрогается?“ (Красн. покрывало, 1831—1832).

Этому же искусственному строю фразы соответствуют, напр., приёмы обращений вроде: „И всему этому виной были слова Границына, слова, основанные на пене шампанского и на желчных догадках болтуна. Бегите, *юноши*, встреч, не только с подобными людьми!“ (Фрегат „Надежда“) и побуждений, как, напр.: „Молодежь, плеща руками, плясала и пела кругом веселым хороводом с самоуверенностью простодушия, и — *глядите*! — в самом деле влажные облака загасили солнце...“ (Мулла-Нур). „Теперь *вообразите*, что вы каким-нибудь счастливым случаем вкрались в доверенность мусульманки или подслушали ее болтовню с подругою, заглянули в гарем хана—и вы, конечно, узнаете больше, нежели мусульманин захочет вам сказать, нежели может сказать“ (там же).

Авторская речь Марлинского испещрена, далее, особенно разговорно и тем самым интимно окрашивающими её вводными словами и предложениями; иногда, при изобилии их, в соединении с характерным для него смыслом и слогом вообще— производящими впечатление своеобразной рассудочной манерности.

§ 14 Синтаксис Н. В. Гоголя.

Гоголь растущий („Вечера на хуторе близ Диканьки“, 1831—1832, „Миргород“, 1835) и Гоголь зрелый („Мертвые души“, 1842), при всём различии своих художественных установок, тяготеет в своей авторской речи, одинаково повествовательной, описы-

вающей и лирической, к фразе пышной, многоступенчатой и интонационно округлённой, ещё резко оттеняемой в этих её особенностях большими диалогическими партиями с ритмомелодикой элементарно-бытовой разговорной речи. Его авторские фразы — это большие синтаксические целые, часто с сильно разросшимися в большие же почти самостоятельные единицы второстепенными элементами, по своей содержательности захватывающими читателя, но не всегда дающие последнему возможность без напряжения в нужных соотношениях, в верном грамматическом плане воспринимать связи частей с целым. Общей динамичности и содержательности повествования, насыщенного, почти перенасыщенного мелочами вещей, характеризующими их и людей признаками, энергией, с какой эти вещи и люди теснятся в восприятии читателя, — соответствует отбор особенно эмоциональных, позволяющих поднять захватывающе интересные, но количественно тяжёлые глыбы словесных сочетаний, лексических и синтаксических средств.

Выбор синтаксических синонимов очень часто у Гоголя идёт в направлении особенно аффективных, „лихих", размашистых. Его любимые сказуемые, помимо их чисто-семантической насыщенности, принадлежат, в возможной даже для аффективного языка пропорции, главным образом, к категориям, характеризующим свободную манеру яркого просторечия.

В ритмомелодическом оформлении гоголевской фразы исключительную роль играет перечислительная интонация. Ряды — важнейший структурный момент его построений. Гоголь культивирует их и в виде отдельных членов слитного предложения, и в виде его развёрнутых в разной степени частей; как длинные вереницы переливающихся своими красками, но схожих интонационно предложений и даже как монументальные здания в этом же отношении однотипно построенных фраз.

Гоголь — великий мастер бытового диалога, неискусной речи „существователей"; но рядом с этим им создаётся тоже характерный для него другой, своеобразный тип художественной периодической речи — речи из больших словесных составов огромной смысловой насыщенности, с многочисленными смысловыми ответвлениями, как бы случайно разбегающимися далеко от ствола центральной мысли, с очень сложной системой соотношений приобретающих большую самостоятельность частей.

Наполненность и охват гоголевской фразы оказываются поэтому иногда настолько большими, что с авторским намерением сталкивается наконец сама физиология речи, её произносительные возможности, и эта перенасыщенная фраза, уступая ограниченности средств читательского дыхания, разламывается на более естественные, легче реализуемые в отдельном произнесении части.

Внешняя черта заявляющей свои права произносительной потребности ломать периоды, обнаруживающие тенденцию слишком разрастаться, — постановка точки посреди фразы и искус-

ственное таким образом разбивание её на две. Вот примеры из практики Гоголя:

Их [сочинения Пушкина] только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто-русские элементы, кому Россия — родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что, чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина (Арабески, 1835).

А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается на устах слово: *добродетельный человек*; потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом, и всем, чем ни попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, а остались только ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека. Нет, пора, наконец, припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца! (Мертв. души, I, 1842).

Перегружённость фразы у Гоголя делает иногда почти необходимым разлом её также при помощи плеонастического возвращения к существенной части её начала.

Ср. хотя бы:

Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких неделей, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам; *покамест ему все это подавалось* и разогретое и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор (Мертв. души, I).

Другая характерная особенность, связанная у Гоголя с его пристрастием к длинным перечислениям, — потребность остановить их поток „сокращающими" словами или одним словом. Так, перечислив, как по-новому зажил Чартков, сделавшись обладателем тысячи червонцев („Портрет", 1835—1842), Гоголь заканчивает фразу — *„одним словом*, вскоре нельзя было в нем вовсе узнать того скромного художника, который работал когда-то незаметно в своей лачужке на Васильевском острове", или ряд фраз, говорящих об успехах Чарткова и его психологическом перерождении, с единоначатием *уже* (там же) замыкается у него подобной, подводящей итог фразой: *„Одним словом*, жизнь его уже коснулась тех лет, когда все, дышащее порывом, сжимается в человеке, когда могущественный смычок слабее доходит до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновенье красоты уже не превращает девственных

сил в огонь и пламя, но все отгоревшие чувства становятся доступнее к звуку золота, вслушиваются внимательней в его заманчивую музыку и мало-по-малу нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя". Характерно при этом, что и заключающая фраза длинна и богата перечислениями. Ср. ещё, напр., в „Мертвых душах" описание появления Чичикова на балу и итог — „*словом*, распространил он радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на котором бы не выразилось удовольствие или, по крайней мере, отражение всеобщего удовольствия".

Пышность периодов с господством рядов — явно отвечает у Гоголя его пафосному восприятию природы (в ранних вещах экзотически пышной и величественной), установке на трагическое и потрясающее, художественно эпическому отношению к старине и под. Он рассказывает, живописуя величественное, и речь его стремится и в своём интонационном оформлении отразить эту величественность и соответствующую ей в его восприятии художественную плавность и грандиозность словесного выражения. Язык Гоголя, насыщенный реалистическими элементами, использующий и, как известно, широко использующий, даже низменное в социальных диалектах,—в синтаксической своей оболочке, когда он выступает как язык авторский, остаётся с начала и до конца его литературной деятельности выражением пафосной установки; и там, где последняя переходит, по авторскому замыслу, в свою противоположность — в смешное, нередко с формально-синтаксической стороны это осуществляется им как нарочитый срыв устремления на величественное (гиперболизм) или как разрыв между пышностью формы и пошлостью облекаемого ею содержания.

В авторском синтаксисе Гоголя, наряду с уже отмеченным своеобразным культивированием периода, останавливает на себе внимание пристрастие его к специфическим средствам гиперболичности.

Установка Гоголя на преувеличение, на максимальную экспрессию среди другого находит типическое выражение в его пристрастии к изъяснительному **что** в придаточном, определяющему **так, такой** и под. главного, реже — в придаточных следствия с родственным союзом **так что.** Количество примеров, которыми можно иллюстрировать это его пристрастие, огромно и не идёт ни в какое сравнение с тем, что́ можно было бы указать у других писателей. Фразы, вроде: „На переднем плане, возле самых усачей, составлявших городскую гвардию, стоял молодой шляхтич или казавшийся шляхтичем, в военном костюме, который надел на себя решительно все, что у него ни было, *так что* на его квартире оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги" (Тар. Бульба); „Он ей растолковал совершенно все, *так что* уже решительно не можно было ничего прибавить" (там же); „Сказал кто-то, что нос будто бы находился в магазине Юнкера: и возле Юнкера *такая* сделалась толпа и давка, *что* должна была даже полиция вступиться" (Нос); „Чичиков *так* занялся разговорами с дамами или, лучше, дамы *так* заняли и закру-

жили его своими разговорами, подсыпая кучу самых замысловатых и тонких аллегорий, — которые все нужно было разгадывать, отчего даже выступил у него на лбу пот, — *что* он позабыл исполнить долг приличия и подойти прежде всего к хозяйке" (Мертв. души); „Он поворотился *так* сильно в креслах, *что* лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку"; „Побужденный признательностью, он наговорил тут же *столько* благодарностей, *что* тот смешался, весь покраснел, производил головою отрицательный жест и наконец уже выразился, что это сущее ничего..." или: „Почтмейстерша, вальсируя, с *такою* томностию опустила набок голову, *что* слышалось в самом деле что-то неземное" (ср. и с опущенным „что": „Из брички вылезла девка с платком на голове, в телогрейке, и хватила обоими кулаками в ворота *так* сильно, хоть бы и мужчине..."), — встречаются, особенно в „Мертвых душах", многими сотнями и с исключительной определённостью играют в слоге Гоголя роль соответствия синтаксического гиперболической манере в изображении и экспрессивности в подборе лексики.

Особенно характерен случай подобного употребления в „Невском проспекте" (1834—1835), где напряжённость такой конструкции, представленной длинным рядом параллельных предложений и их частей, достигнув почти вершины возможного, намеренно резко срывается автором: „Он увидел за одним разом *столько* почтенных стариков и полустариков с звездами на фраках, дам, *так* легко, гордо и грациозно выступавших по паркету или сидевших рядами, он услышал *столько* слов французских и английских; к тому же молодые люди в черных фраках были исполнены *такого* благородства, с *таким* достоинством говорили и молчали, *так* не умели сказать ничего лишнего, *так* величаво шутили, *так* почтительно улыбались, *такие* превосходные носили бакенбарды, *так* искусно умели показывать отличные руки, исправляя галстух, дамы *так* были воздушны, *так* погружены в совершенное самодовольство и упоение, *так* очаровательно потупляли глаза, *что*... но один уже смиренный вид Пискарева, прислонившегося с боязнию к колонне, показывал, что он растерялся вовсе".

В том же духе создают впечатление такие исключительно частые у него союзы, как **едва... как**, **лишь только... как** и под.:

Едва только Антон Прокофьевич появился в дверях, *как* в то же мгновение был обступлен всеми (Повесть о том, как поссор. Ив. Ив. с Ив. Никиф.). *Едва только* во всех отношениях приятная дама узнала о приезде просто приятной дамы, *как* уже вбежала в переднюю (Мертв. души). *Как только* Иван Иванович управился в своем хозяйстве и вышел, по обыкновению, полежать под навесом, *как* к несказанному удивлению своему увидел что-то красневшее в калитке (там же). *Не успел* Чичиков осмотреться, *как* уже был схвачен под руку губернатором, который представил его тут же губернаторше (там же).

В ряде случаев выражению этого же гиперболизма, прямого или шуточного, служит у Гоголя прерванная речь. Она передаёт у него максимум размаха, осуждённого на неосуществление из-за его грандиозности, и сопутствующая ей интонация срыва, в зависимости от содержания фразы, даёт или эффект исключительной пафосности, или разрешение в неудержимом смехе.

Ср. к первому:

И пусть бы выразило где-нибудь слово... Но не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что выдается иной раз во взорах девы, ниже того умиленного чувства, которым объемлется глядящий в такие взоры девы (Тар. Бульба). Скажи мне то, чего не в силах сделать ни один человек, — я сделаю, я погублю себя... Погублю, погублю! и погубить себя, для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! (там же).

Ко второму:

В одно и то же время взглянул и Иван Никифорович!.. Нет!.. не могу!.. Дайте мне другое перо! Перо мое вяло, мертво, с тонким расщепом для этой картины! (Повесть о том, как поссорился Ив. Иван. с Ив. Никифор.).

Однакоже философ скоро сыскался, как поправить своему горю: он прошел посвистывая раза три по рынку, перемигнулся на самом конце с какою-то молодою вдовою в желтом очипке, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса; — и был того же дня накормлен пшеничными варениками, курицею... и, словом, перечесть нельзя, что у него было за столом, накрытым в маленьком, глиняном домике, среди вишневого сада (Вий).

Но вот, вот когда вы изумитесь, вот уж когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннее, впереди мыском и передняя косточка совсем выходит из границ... (Мертв. души, I, 1842).

И опять тоже: как нос очутился в печеном хлебе, и как сам Иван Яковлевич?.. Нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю! Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет! совсем не понимаю (Нос).

Говорит ли Гоголь о действительно высоком или смешит срывами с мнимо высокого, юмористически напыщенного, — его излюбленные интонации восклицательные или — реже — вопросительные риторического типа. Первые отличаются у него исключительным многообразием, начиная от выкрика, будто вырвавшегося из самого сердца, или шутливого аффекта, до оформляемых ими крупных словесных отрезков-выражений потрясающей величественности; в этих интонациях много индивидуального и национального. Вторые представляют значительно меньше разнообразия, более искусственны и скорее могут быть сведены к известным образцам традиционного красноречия.

Гоголевские восклицательные интонации:

А ночь!.. Небесные силы! какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно звучно и ясно раскинувшееся!.. (Мертв. души, I).

Из травы подымалась мертвыми взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! (Тарас Бульба).

Колени его дрожали; чувства, мысли горели; молния радости нестерпимым острием вонзилась в его сердце. Нет, это уже не мечта! Боже, сколько счастья в один миг! такая чудесная жизнь в двух минутах! (Невск. просп.).

Для юмористического восклицательного типа у Гоголя очень характерно, напр., начало „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем": „Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу, ты, пропасть, какие смушки! сизые с морозом!.." и т. д.

Примеры гоголевских вопросительных интонаций:

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге... Чем не блестит эта улица — красавица нашей столицы? Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта (Невск. просп.). А дамы! О, дамам еще больше приятен Невский проспект! Да и кому же он не приятен? (там же). И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чорт побери все!", его ли душе не любить ее? (Мертв. души). Остановится пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? (там же).

§ 15. Комические средства синтаксиса.

Относительно редко специально синтаксические средства служат в языке писателей первой половины XIX века созданию комического эффекта. Исключение в этом отношении представляет, собственно, один Н. В. Гоголь с типичными тремя основными приёмами, как всегда у него, освежаемыми богатой изобретательностью в частностях применения, — неискусно прерываемой, синтаксически беспомощной речью персонажей, совпадающими (похожими) концами двух или нескольких предложений или фраз, по-смешному подчёркивающих объект разговора или характеристики, и неожиданными переходами от одной тональности к другой. Иногда синтаксическими средствами играет О. И. Сенковский, причём игра у него сводится обыкновенно к эффекту смешного от тех или других нагромождений схожих структур. Стремится к созданию комического впечатления и нередко достигает его А. Ф. Вельтман, намеренно смешивающий

синтаксические структуры разностильные (древне-величественную, напр., с разговорно-современной и под.).

Среди других стóит упомянуть известный комический эффект, встречающийся главным образом у старых представителей комедии, напр., у И. А. Крылова,—полный параллелизм синтаксического построения фраз у быстро обменивающихся ими действующих лиц[1]. Приём этот нередок и у водевилистов.

Любимейший приём комического эффекта, применяемый Гоголем и почти не встречающийся у других писателей,—лексически совпадающие концы синтаксических отрезков[2].

Приём этот обыкновенно преследует психологически задачу создать впечатление известной как бы случайной стилистической беспомощности, механичности и с нею забавности, которая иногда усугубляется тем, что совпадающие элементы как раз и служат подчёркиванию того, за чем лукаво запрятана ирония. Несколько примеров из множества:

Чичикова интересует точное число умерших у Манилова крестьян. „А как, например, *числом*?“ спросил Чичиков [приказчика]. „Да, сколько *числом*?“ подхватил Манилов. „Да как сказать—„*числом*“? Ведь неизвестно, сколько умирало: их никто не считал“.

Или: „Ах, что вы это говорите, Софья Ивановна!“ сказала дама приятная во всех отношениях *и всплеснула руками*.

---

[1] Ср. начало „Урока дочкам“ Крылова (1807):

Семен: Ну, думал ли я, скакав по почте, как угорелый, 700 верст от Москвы наехать дорогую мою Дашу?

Даша: Ну, чаяла ли я увидеться так скоро с любезным моим Семеном?

Семен: Да как тебя занесло в такую глушь?

Даша: Да тебя куда это нелегкая мчит?

Семен: Как ты здесь?

Даша: Что ты здесь?

Семен: Ведь ты оставалась в Москве?

Даша: Ведь ты поехал было в Петербург?..

Семен: Где ж ты после была?

Даша: Что с тобою сделалось?

[2] Наряду с ними для Гоголя-юмориста характерно и вообще настойчивое импрессивное повторение тех же слов. Ср., напр., разговор Чичикова с Маниловым после данного последним согласия на „уступку“ мёртвых душ: „...А умершие души в некотором роде — совершенная *дрянь*“. — „Очень не *дрянь*“, сказал Чичиков, пожав ему руку... „Если б вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, *дрянью* человеку без племени и роду!“ или то же слово *дрянь*, употреблённое Костанжогло в захватившей Чичикова сентенции: „Рассмотри только попристальнее свое хозяйство, — *всякая дрянь* даст доход“, сказал Чичиков“, — и далее: „Чичикову не до просвещения было дело. „Ему хотелось обстоятельнее расспросить о том, как *всякая дрянь* дает доход...“ К этим же словам он возвращается через несколько абзацев: „Для меня изумительнее всего, как при благоразумном управлении из останков, из обрезков получается [sic!] и *всякая дрянь* дает доход“. Наконец, его мечтанья перед сном ещё раз прорезывает вариация на ту же тему.—Особенно смешны ещё, напр., повторяющиеся *мёртвые — не мёртвые*, *перетревожилась*, *фестончики* в разговоре дам приятной во всех отношениях и просто приятной.

— „Ах, какие же вы, право, Анна Григорьевна! Я с изумлением на вас гляжу!“ сказала приятная дама *и всплеснула тоже руками.*

Главным образом на этом же приёме, хотя и с обычным для Гоголя наслоением других добавочных (нелепость самих вопросов и др.), строится комическое впечатление разговора Хлестакова с Марией Антоновной в „Ревизоре“:

Хлестаков: ...Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были итти?

Марья Антоновна: Право, я *никуда не шла.*

Хлестаков: Отчего же, например, вы *никуда не шли?*

Марья Антоновна: Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков: Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы *никуда не шли?*

Особенно ярко приём настойчивых повторений фразных окончаний с комическим эффектом применён Гоголем в „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“; ср. сцену в суде, где при каждом повторяющемся приглашении выпить чаю повторяется и *„...Иван Иванович поклонился* и *сел“* [1].

Как единичный пример замечательно забавной псевдо-неискусной „механичности“ в сочетании единообразно построенных фразных элементов с противительным **но**, которое подобным образом обычно не употребляется, механичности, комически нарушаемой в её тональности совершенно не подходящим к ней аффективным выражением, заслуживает внимания в „Мёртвых душах“ даже для Гоголя блестящий по силе комического впечатления отрывок, передающий спор управляющего казёнными фабриками с председателем (глава VIII): „...Но управляющий сказал, что меньше, как за 5000, нельзя найти хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющий сказал: „Где же вы его сыщете? разве у себя в носу?“ Но председатель сказал: „Нет, не в носу, а в здешнем же уезде, — именно Петр Петрович Самойлов: вот управитель, какой нужен для мужиков Чичикова!“

Сенковский, как уже замечено выше, играет нагромождениями. Общеизвестно смешное впечатление даже от двух **который**, если второе определяет член предложения, введённого этим же относительным словом. Сенковский намеренно создаёт целую цепь предложений, связанных друг с другом таким образом:

Три человеческие головы! Извольте рассмотреть их со вниманием: вы опять имеете перед собою те же самые три престранные головы, *которые* недавно превратили мы в историю судеб человечества, *которая* превратилась в роман, *который* превратился в деньги, *которые* превратились в нравоучение, *которое*

[1] О нём см. И. Мандельштам, О характере гоголевского стиля, 1902, стр. 318—320.

прсвратилось в прах, *который* превратился опять в авторские головы (Превращение голов в книги и книг в головы, 1839).

Или вот с комической целью созданное нагромождение параллельных рядов, превышающее возможный произносительный охват их (Турецк. цыганка, 1834):

В длинном шествии этих бурых чудовищ [верблюдов] по дороге в Смирну страшные ноши, покрытые цветными вязями, колыхались взад и вперед вместе с неровной их походкой; чалмоносные хозяева дремали на маленьких ослах, держа каждый по двадцати их на поводе; брянчанье сотни колокольчиков жужжало в знойной атмосфере усыпительнейшим из однообразных звуков; дикие олеандры, тонколистные и рослые, только что достигшие всей красы своей и покрытые цветом, похищенным с алых уст гурий, разливали в равнинах Лидии отрадную ясность, подобную блеску солнца, когда оно почти приникает к земле; черные козы бесчисленных стад щипали траву на древнем Сарабате и уставляли бородатые морды навстречу легковеющему ветерку; орлы, которых много в горах, вились медленно и без боязни около воздушной крепости, отворившей некогда ворота свои лакедемонцу, и так же постепенно, как мои читатели терялись в этом исчислении, перед великою картиною, полною настоящим и богатою могучими воспоминаниями, мне нельзя было не заснуть, прислонясь к обрушенному портику Крезова дворца.

Отмечу ещё изредка встречающиеся (напр., у Сенковского, Лермонтова) случаи шутливого употребления анафорического местоимения там, где оно угрожает формальной неясностью, неясностью, тут же и подчёркиваемой: „В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело: это открытие принадлежит юной Франции. Она, т. е. порода, а не юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах...“ (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1841).

§ 16. Замечания о синтаксисе журналов.

Мы уже говорили[1] о большой роли, которая принадлежала в демократизации литературного языка журналам, больше, чем книги, нуждавшимся в доходчивости до читателя, требовавшим для того, чтобы нравиться, лёгкости и популярности слога. В борьбе за читателя, в стремлении привлечь его и удержать за собою вырабатывались словесные манеры, тот лёгкий, отчасти „сниженный, журнальный“ стиль, который в отдельных своих отложениях „литературной аристократии“ мог представляться иногда справедливо, иногда и несправедливо, дурным тоном. Установки журналиста помогли Н. М. Карамзину создать для своего времени особенно лёгкий и „приятный“ язык; в журналах, независимо от их направления, исподволь совершалась работа над языком, в большей или меньшей мере удовлетворявшая по-

[1] См. стр. 272.

требности новой читательской массы. Ориентация, по выражению Белинского, в „смирдинский" период литературы (период литературы, связанный с издательской работой, в том числе с изданием влиятельных журналов,—Смирдина), на вкус уже относительно многочисленного и разнообразного „потребителя", „подписчика", отражая заметные сдвиги в капитализирующемся полуфеодальном обществе, была ориентацией на читателя с другими речевыми навыками, менее чтившего монументальность и возвышенность языка, чем ряд представителей предшествующего поколения, и более ценившего повествовательную занимательность, лёгкость и живость изложения — черты слога, едва ли не более всего касавшиеся синтаксиса.

Важная роль в борьбе за простые синтаксические типы письменной речи принадлежала в тридцатых и сороковых годах особенно главе „смирдинцев" — Сенковскому. Действуя и показом, и поданными в шутливой форме теоретическими высказываниями (ср. „Письмо трех тверских помещиков барону Брамбеусу, 1837), он внедрял в журналах вместо большой и сложной книжной фразы короткую, более близкую к разговорной. Сторонников другой манеры письма, независимо от того, какое содержание облекалось в „длинную" фразу, он безоговорочно относил к „безвкусникам", утверждая противность её русскому „духу". Игривый стиль Сенковского позволил ему, однако, вместе с здоровыми упростительными тенденциями журналиста, протаскивать теоретические обобщения, оскорбительность которых для русских в настоящее время вряд ли подлежит серьёзному сомнению. „Дух" русского языка характеризуется им по существу так, как будто этот „дух" дан легкомысленно порхающим по предметам светским завсегдатаям гостиных, избавленным от необходимости входить в вещи глубоко и серьёзно. „Русский,— в характеристике Сенковского, приписанной им вымышленному Петру Афросимовичу, ...мыслит коротко, выражается сжато, пропускает все лишние слова, перепрыгивает через все маленькие заборы мысли, и стремится прямо к цели, к результату первых слов своих; потому-то Русскому Бог дал все прекрасные качества, а не дал одного только терпения... Мы любим, едва начали, сейчас и наслаждаться плодом начатого". Такой, по меньшей мере—легкомысленной, характеристике русского вообще соответствует и общая рецептура, как надо писать для него: „Русский язык не богат союзами [?]: доказательство [sic!], что всякое насильственное сцепление предложений противно его духу. Умейте же действовать в его духе; умейте разделять свои предложения, но разделять так, чтобы они и двигались свободно и тесно были связаны между собою тайными логическими узами. ...Я говорю — кто не умеет разделять предложения, тот не в силах составить русского периода и не умеет писать".

Характерно, что и сама „литературная аристократия" в лице Пушкина, Вяземского и др. с другой стороны вносила свою

лепту в общее „журнальное“ течение. Во имя вкуса представители её работали над изящным, простым слогом прозы, отталкиваясь от канцелярско-подьяческого наследия XVIII века и отчасти от карамзинской кудреватости и жеманной вылощенности. Нетрудно однако заметить, что их „независимость“ в этих устремлениях только относительна; и они, как журналисты, определённо интересуются успехом своих изданий у публики и, прямо не приспособляясь к ней, отвечают потребностям более культурной её части.

§ 17. Замечания о новых типах периода.

Среди своеобразных явлений, характерных для стилистического синтаксиса времени после Гоголя, обращает на себя внимание новая направленность периода.

Углублённая работа над психологией персонажей романа и повести, показ более тонких и разнообразных душевных движений отлагается и в стиле периодической речи: создаётся новый тип периода, уже не служащего средством настраивать торжественно, не преследующего цели производить впечатление богатой словесной пышности. В структуре фразы есть ещё кое-что напоминающее строение старого „величественного“ периода, но интонация составных частей не стремится так круто к восхождениям над уровнем разговорной фразы, членения не имеют однотипной наполненности, и если бывают велики со стороны количества входящих в них слов, то их величина сильно сокращается в интонационном отношении: они подчинены бывают движению не одной общей интонации, а перебиваются самостоятельными, добавочными, другого типа, в большей или меньшей мере — разговорного. Периоды такого рода сохраняют своеобразное благородство, возвышенную окраску чувства прежних периодных структур, но соединяют её, при определённой эмоциональности содержания, с теплотой задушевности и естественности „обыкновенной“ речи.

Вот, напр., такой период в „Сороке-воровке“ А. И. Герцена (1846—1848):

Неужели из вас никому не случалось отдаваться безотчетно и бесцельно обаятельному влиянию женщины, вовсе не близкой, долго смотреть на нее, долго ее слушать, встречаться взглядом, привыкнуть к ее улыбке и так вжиться в эту летучую симпатию, что вы потом удивляетесь ее силе, когда эта женщина исчезает; и вы себя чувствуете как-то оставленным, одиноким: какая-то горечь наполняет душу, и весь вечер испорчен, и вы торопитесь домой, и сердитесь, что у вас в передней нагорело на свече и что сигара скверно курится, — все оттого, что сыграли роман в полтора часа, роман с завязкой и развязкой?..

Я, больной, бросился на кровать, я бредил, спал и не спал, и в обоих случаях образ несчастной служанки носился передо мною. То она стоит, осужденная, так просто, удивительно про-

сто; кругом сумасшедшие, — их называют судьями, — и мне становилось горько; никто из них не может понять, что с этим лицом и с этим голосом нельзя быть виноватой. То вооруженные стражи ведут со связанными руками на торжественное убиение и думают, что делают дело. То несут ее с криками радости, ей толкуют, говорят, что все прошло, что она свободна, а она устала, у ней нет сил обрадоваться, она как будто спрашивает: „Да что же было? — ведь ничего и не было!“

Элементы былой торжественности и напевного характера периодических структур, частично подвергавшиеся разложению уже у Гоголя-реалиста, в этом отношении своеобразно преодолевшего Гоголя-романтика, окончательно сламываются в практике характернейших представителей „натуральной школы“, особенно Ф. М. Достоевского, у которого недаром так заметен не только новый путь в создании собственного слога, но и полупародическое отталкивание от ставших уже для него предметом пренебрежения примеров старого, среди других — напевности периода.

Ограничимся одним примером такого „сломанного“, исчерченного разговорными интонациями периода из его „Двойника“ (1846):

Хотя снег, дождь и все то, чему даже имени не бывает, когда разгорается вьюга и хмара под петербургским ноябрьским небом, разом, вдруг атаковали и без того убитого несчастиями господина Голядкина, не давая ему ни малейшей помощи и отдыха, пронимая его до костей, залепляя глаза, продувая со всех сторон, сбивая с пути и с последнего толка, хоть все это разом опрокинулось на господина Голядкина, как бы нарочно сообщась и согласясь со всеми врагами его отработать ему денек, вечерок и ночку на славу, — несмотря на все это, господин Голядкин остался почти нечувствителен к этому последнему доказательству гонения судьбы: так сильно потрясло и поразило его все происшедшее с ним, несколько минут назад, у господина статского советника Берендеева!

§ 18. Синтаксис В. Г. Белинского.

В области критико-публицистического слога важнейшее явление эпохи — синтаксис статей великого русского критика революционера-демократа В. Г. Белинского, гибкий и нервный, обеспеченный всеми грамматическими средствами рассудочного языка и вместе с тем эмоциональный, близко соприкасающийся с типами разговорной возбуждённости. Преимущественно в начальный период своей деятельности (1834 и ближайшие годы) Белинский, как уже упоминалось (т. I, стр. 173—174), отдал известную дань даже карамзинскому влиянию, естественную дань уже готовым формам гладкой журнальной речи, которая, по условиям времени, ещё не успела сделаться достоянием многих пишущих и должна была укрепляться в применении к новому содержанию. Уже в этот период, в отличие

от искусственной, манерной интимизации Карамзина и его последователей, в синтаксисе Белинского громко звучали тона́ настоящего разговора, но как бы отражённого на письме только в том, что касается речи одного, главного собеседника-спорщика. Этот писатель-собеседник всё время чувствует перед собою того, с кем он ведёт разговор, кого хочет убедить и склонить к определённому своему мнению, с чьей стороны ему грозит возможность тех или других возражений, и он отбивает их горячо и убеждённо всё новыми и новыми набегающими аргументами, облекаемыми в нервно меняющиеся синтаксические формы.

Иногда (естественно, что, всё-таки, изредка) Белинский избирает как форму, наиболее соответствующую его потребности отразить напряжённость борьбы мнений, настоящую диалогическую, воскрешающую выработанную ещё в античной Греции форму философского спора. Таковы, напр., партии высказываний А и Б в „Русской литературе в 1841 году“, в „Литературном разговоре, подслушанном в книжной лавке“ (1842), в „Небольшом разговоре между литератором и не-литератором о деле, не совсем литературном“ и в ряде других его статей.

В синтаксической стороне своего слога так же, как в лексике, Белинский полностью отбрасывает наследство претенциозно церковнославянизированной речи, не изжитой ещё многими его современниками в учёных переводах, в рассуждениях и учёных трактатах. Им решительно изгоняется из слога всё, на чём лежит или может лежать печать „семинарии“, черт стиля, так или иначе соприкасающегося с наследством церковной схоластики, со своеобразно стилизируемой под её манеру в XVIII веке письменной речью канцелярий и ответвлениями её в языке авторов, на слоге которых оставили неизгладимый след их первые чиновничьи писания. Белинский пишет так, как этого требуют законы письменного слога, передающего серьёзное рассудочное содержание. Его фраза рассчитана на чтение, а не на произнесение; она бывает поэтому нередко велика, иногда охватывает большое содержание с значительными степенями зависимостей (особенно в партиях философского характера, любимых Белинским „интродукциях“); но её ритмомелодика почти всегда даёт членения произносительные, естественные; разговорно-эмоциональные элементы всё время прорезывают её, не просто служа цели её оживления, а образуя с нею живое органическое целое, как развитие тех эмоциональных моментов, которых не может быть лишён по своей природе и специфически рассудочный стиль. В частности — для синтаксической манеры Белинского, глубоко обусловленной социальной направленностью его высказываний, характерны многочисленные, почти чисто-разговорные его интимизации.

Ср.: ...*Вы не видите*, как прошел вечер, *вы не замечаете*, что уже давно полночь... рассказ кончен, *а вы все еще слушаете*... и со вздохом и улыбкою грустного удовольствия *подаете* доброму рассказчику руку и от души *жмете* его руку („Сочинения Ник. Греча“, 1838). Глубокое впечатление остав-

ляет после себя „Бэла“: *вам грустно*, но *грусть ваша* легка, светла и сладостна; *вы летите мечтою* на могилу прекрасной, но эта могила не страшна; ее освещает солнце, омывает быстрый ручей, которого ропот, вместе с шелестом ветра в листах бузины и белой акации, говорит *вам* о чем-то таинственном и бесконечном... („Герой наш. врем.“, 1840). Но, увы! удивляться этому презрению и этой ненависти без причины — значит не знать людей. *Сойдитесь* с пьяницей, сами оставаясь трезвым человеком: он не взлюбит вас. Неряха никогда не простит *вам* опрятности, низкопоклонник — благородной гордости, негодяй — честности. Но еще более невежество не простит *вам* ума и стремления к образованности. И как простить! Не желая оскорблять его, будучи с ним ласковы и обязательны, *вы* все-таки унижаете его вашим достоинством, — вы живой упрек ему!.. („О жизни и сочинен. Кольцова“, 1846).

Г. Константину Аксакову явно хотелось сказать что-то новое, неслыханное миром; и как у него не было ни сил, ни призвания сказать новой великой истины, то он и рассудил сказать великий... *как бы это выразиться*? ну, хоть парадокс... (Объясн. на объясн. по поводу поэмы Гоголя „Мертв. души“, 1842).

Пафос, которым проникнуто отношение Белинского к жизни, к её моральным устоям, к эстетическим ценностям, над которыми он работает как литературный критик, находит себе постоянное выражение в его слоге, зачастую пышном и даже иногда стоящем перед угрозой казаться риторическим, если бы не постоянные яркие живые, разговорные или близкие к разговорным интонации, которые пронизывают его, сообщая ему настоящую горячность и искренность.

Ср., напр.:

...Пусть он [Печорин] клевещет на вечные законы разума, поставляя высшее счастье в насыщенной гордости; пусть он клевещет на человеческую природу, видя в ней один эгоизм; пусть клевещет на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитие и смешивая юность с возмужалостию — *пусть*!.. Настанет торжественная минута, и противоречие разрешится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются в один гармонический аккорд!.. („Герой наш. врем.“, 1840). ...Если он точно художник, если точно природа помазала его при рождении на служение искусства, если он только не дерзкий самозванец, непосвященно и самовольно присвоивший себе право служения божеству, — то, *говорю я*, не пройдем мимо его с холодным невниманием, но остановимся перед ним и посмотрим на него испытующим взором... („Стих. Кольцова“, 1835).

Слог Белинского, яркий и чёткий, но не чуждающийся периодной развёрнутости, становится более простым к началу сороковых годов. С этого времени, когда идеалистические философские концепции хотя и не перестают играть роль в мировоззрении Белинского, но теряют своё руководящее значение в его литературной практике, когда он определённо отказывается от

примирения с действительностью и полностью обращается к впечатлениям реального мира и борьбе с окружающей его, ненавидимой им практической действительностью, им вырабатывается манера более непосредственная, ещё более доходчивая. В таких статьях, как, напр., в обзорах русской литературы за 1841—1845 годы, о „Мертвых душах", Гоголя (1842), о И. А. Крылове (1845), фраза его приобретает особенно простые и ясные формы и по справедливости может быть показана как образец сильного, яркого и отчётливого развития мысли.

§ 19. Грамматические труды по синтаксису.

Русский литературный язык развивался в течение XVIII века в большей или меньшей мере стихийно, преодолевая нормы школьной грамматики, до времени Ломоносова (его „Российской грамматики", 1755—1757 г.) в целом ряде важнейших моментов тянувшие его назад — к образцам церковнославянским, к структурам чужим и отжившим. Ломоносов главное внимание уделил фонетике и морфологии, не вполне освободившись и здесь, — что́ было для его времени вполне естественно, — от влияний фактически существовавшей в литературной практике церковнославянизированной речи. Авторы следовавших за ним грамматик, особенно А. Барсов („Краткие правила российской грамматики" 1771 г.)[1], сделали кое-что полезное и в области синтаксиса, но принципиально оставаясь или недалеко отходя от принципов ломоносовской грамматики[2]. На очереди в первые десятилетия XIX века было унормирование синтаксиса в духе русского языка, с ориентацией на литературные достижения, на живой материал рассудочного и художественного слова признанных писателей. Обе уже упоминавшиеся выше (стр. 38) наиболее авторитетные грамматики второй четверти XIX века — Н. И. Греча — „Практическая русская грамматика" 1827 г., 2-ое изд. — 1834 (его же „Пространной русской грамматики" вышел в свет только один том без синтаксиса) и А. Х. Востокова — „Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная" (первое издание 1831 г., последнее, двенадцатое, — 1874), при всей значительности их для своего времени как явлений научного порядка, не представляют собою отражения современного языка в том виде, в каком он должен быть отражён в грамматике по понятиям нашего времени. Если, по ироническому замечанию известного западноевропейского учёного, „грамматисты — вообще консерваторы по ремеслу", это в наибольшей мере относится к тому, что являлось характерным для XVIII и начала XIX века. Учёные этого времени регулируют язык, как правило, оглядываясь назад, на литературные авторитеты прошлого (Греч — главным образом на Карамзина),

[1] Его большой курс остался неопубликованным.

[2] Ср. Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, I, вып. 1—2, 1911, стр. 32 и след.

менее считаясь при этом с достижениями художественного слова, нежели с отложениями чисто книжного научного языка. А так как последний обыкновенно намного отстаёт от прозаического художественного в близости к устной речи, к синтаксическим типам, в их лёгкости и жизненности отработанным и проверенным опытом широкого общения, — регулирование не проходит обыкновенно без того, чтобы не оказываться, наряду с тем полезным, чему оно служит, в известной мере тормозящим живые тенденции литературной речи.

Важен, однако, был самый факт нормирования, притом людьми, которые вместе с тем были деятелями художественной литературы, — факт серьёзного внимания к работе по установлению известного единства в грамматической стороне языка[1].

---

[1] Заслуженное Гречем, как представителем рептильной журналистики, отрицательное отношение и современников из прогрессивного лагеря, и позднейшей русской общественной мысли не должно, однако, мешать признанию за ним и той положительной роли, которую он играл как практик-филолог. Эту положительную сторону его деятельности оценил в демократическом лагере не кто другой, как его пылкий идейный и литературный противник Белинский (статья — „Сочинения Николая Греча", 1838). „...Его грамматики,—писал он,— суть важные явления в истории нашего языка, и с них начинается основательнейшее его изучение. Прежде при изложении правил русского языка более обращали внимание на язык, г. Греч обратил внимание на русский язык, на его видовые особенности, и потому его грамматика—драгоценная сокровищница, неисчерпаемый рудник материалов для изучения русского языка и составления грамматик. Это самая блестящая его заслуга, самое важнейшее его участие в деле отечественного просвещения". Впрочем, общую оценку грамматических трудов Греча, данную Белинским, нужно считать явно преувеличенной: ср., напр., Я. К. Грот, Филологические разыскания, 3 изд., 1885, стр. 73—74, стр. 249 и след.

ГЛАВА II.

ХАРАКТЕРИСТИКА СПЕЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ.

§ 1. Субстантивизация имён прилагательных.

Процесс субстантивизации многих имён прилагательных в начале XIX века совершался и в результате естественной утраты при некоторых из них — сделавшихся первоначально подразумеваемыми имён существительных, а затем забывшихся окончательно и не возобновлявшихся в фразе, и в результате иностранного — французского — влияния, переносившего в литературу субстантивизацию как чисто художественный приём „ассоциативного сгущения значений". Писатели начала XIX века иногда ещё сохраняют сочетания прилагательных с именами существительными там, где уже в их время в ходу были субстантивизировавшиеся формы, после сделавшиеся в употреблении исключительными; ср.:

В *гостиной комнате* несколько прекрасных картин, между ними особенно приметить должно кабинет И. И. Шувалова — и искусная копия с прекрасного оригинала г. Рокотова работы... (И. М. Долгорук., Журнал путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Театр представляет *гостиную комнату*... (Загоскин, Урок холостым, 1822). История Душеньки, которую случалось мне видеть во многих домах, не испортила бы никакой *гостиной комнаты* (Греч, Путев. письма, 1817—1838). Он имел на содержании купецкую дочь, крестьянку и *горнишную девку*, которые стоили ему недешево (Нарежн., Российск. Жиль-Блаз, 1814). Я была поручена надзору и попечению *горничной девке* [sic!] моей матери, одних с нею лет (‹Дурова›, Кавалерист-девица, I, 1836). По станциям прислуживают Stuben-Mädchen, *горничные девушки* (письмо Станкевича, 1837). Но ср. и: „Вера! сказала она своей *горничной*: мне скучно, мне тошно; расшнуруй меня" (Верёвкин-Рахманный, Кокетка, 1836). — В трактирах, в кофейнях, в *кондитерских лавках*, на редутах, везде, где главным товаром добрая попойка, лакомство и танцы — не было почти видно других мужчин, кроме военных (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837)[1].

[1] Другие примеры см. В. Чернышёв, Правильн. и чистота, П., изд. 2, § 24, 1915 г.

Кроме разговорной дворянской речи, в которой совершалась субстантивизация таких имён прилагательных, как *гостиная* (комната), *горничная* (девушка), *кондитерская* (лавка), она осуществлялась в ряде понятий и в языке народном, крестьянском, откуда понятия эти с определённой стилистической установкой поступали в литературное обращение. Сюда относятся такие, напр., прилагательные, как *милый, любезный, малый, окаянный, сердечный, родимый* и др.: „Не ходи к нему, *мой милой*; Верь ты матери родной" (Катенин, Леший, 1816).

Ср. у Пушкина, напр.:

А хозяйка ждет *милого* Не убитого, живого (Шотландск. песня, 1828). Пропадай ты себе, *окаянный*, Да зачем ты всю Сербию губишь? (Песня о Георг. Черн., 1833—1835). Хоть человек он неизвестный, Но уж конечно *малый* честный (Евг. Онег., VI, 1826—1828). Горе! *малый* я не сильный: Съест упырь меня совсем (Вурдалак, 1833—1835). Навстречу вдруг ему Попался Люцио, гуляка беззаботный, Повеса, вздорный враль, но *малый* доброхотный (Анджело, 1833).

Из других: „И *старый*, и *малый*, и жены-блудницы, Ликуя, смеются над ним" (Язык., Сампсон, 1846).

К субстантивизациям чисто литературного порядка, отражающим, вероятно, в основном французское влияние, относятся такие, напр., как:

...И подшед Филон к *прекрасной*, Ей не встречен в первый раз (Гриб., Молод. супруги, 1815). ...Чтоб *прекрасная* явилась, Чтоб от вышины В тихий дол лицом склонилась... (Жуковск., Рыцарь Тогенб., 1818). *Несчастная*! Когда злодей, Рукою мощною своей Тебя сорвав с постели брачной, Взвился как вихорь к облакам... Ты чувств и памяти лишилась (Пушк., Русл. и Людм., 1820). *Жестокая*! уж, верно, знаешь, Что не далеко твой пастух (А. Д. Илличевск., Ревнив. пастух). Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел), чтобы *коварная* не могла торжествовать с ним (Бестуж.-Марлинск., Вечер на бивуаке, 1822). Я не варвар и не апостол Корана, дело Греции меня живо трогает: вот почему я и негодую, видя, что на долю этих *несчастных* (misérables) выпала священная обязанность быть защитниками свободы (письмо Пушк. А. Н. Раевскому, 1823). Моя краса, мое светило, Моя *желанная*, где ты? (Язык., Элег.). Пускай блестят под жемчужной росой Ее лазурные уборы; Но мне милей блистали под слезой *Прекрасной* пламенные взоры (В. Н. Григорьев, Лилея). И вот красавицы... Как вешние цветы, От плена свободились; И *храбрые* упали к их ногам... (Катенин, Мир поэта, 1822). Злая филиппика Викторова кончилась тем, что он решился писать *к жестокой* (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). Халеф расплакался. *Восточные* плачут беспрестанно (Сенковск., Паден. Ширванск. царства, 1842)[1].

[1] Другие примеры из Пушкина см.: В. Виноградов, Язык Пушкина, 1935, стр. 281—283.

Наблюдение В. Виноградова, что в языке Пушкина почти замирает к двадцатым годам подобный приём употребления имён прилагательных, позволяет отказ от него рассматривать как один из видов утверждения в языке этого времени национального слога за счёт подражательного, причём, разумеется, приходится принимать во внимание сделанные выше ограничения относительно субстантивизаций русского происхождения.

Специальную категорию субстантивизируемых прилагательных представляют формы единственного числа среднего рода, получающие распространение вместе с ростом слога рассудочного, в беллетристике и поэзии, — с моментами „высокой" сентенции и под. Опорой для них были уже особенности традиционного византийско-церковного стиля, культивировавшего субстантивизированные имена прилагательные как выражение абстрактных понятий, притом нередко даже с сохранением греческой особенности — употреблением множественного числа среднего рода; ср., напр., у Катенина в переводе песни первой „Божественной комедии" Данте (1827) в подражание церковнославянскому стилю: „Хочу узреть и дверь святого рая, И грешников, по слову твоему, Терпящих век *вся горькая и злая*".

Гораздо чаще, однако, имеем такие образования в единственном числе:

И он грозит?.. И этот лютый снова Решается мне повторять о том, Как жаждет он и сердцем и умом *Высокого, прекрасного, благого*! (Соколовск., Хеверь, 1837).

Очень характерна роль прилагательных среднего рода в поэзии Жуковского: он в соответствии с общим её настроением охотно использует их для называния предметов неопределённых, таинственных, пугающих своею таинственностью. Ср.: ...И под воздушной пеленой *Печальное* вздыхало (Двенадц. спящ. дев, 1810—1817). И я содрогался... вдруг слышу: ползет *Стоногое* грозно из мглы И хочет схватить, и разинулся рот... (Кубок, 1831). Висел там и кубок на ветви коралла: В *бездонное* влага его не умчала (там же).

Особенно примечательно в этом отношении стихотворение-отрывок Жуковского 1818 г.—„Невыразимое", сделавшееся излюбленным предметом нападок литературных противников его и представляемого им течения в романтизме[1]. В этом стихотворении формы прилагательных среднего рода единственного числа, начиная с самого названия, выступают в подчёркнутой функции

---

[1] Ср. пародический намёк на пристрастие Жуковского к таким формам в комедии Грибоедова и Катенина „Студент" (1817):

Беневольский: Не прерывай же меня. Где бишь я остановился? да... „пред томным взором..."
Как чистых Муз собором
Восторженный в эфир,
Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?
(*Федьке*) Ты зеваешь, бесчувственный?

носителей ощущений восторженно-неопределённых, неуловимых, непередаваемых, таинственных. Таких форм прилагательных в стихотворении исключительно много, и в окружении многочисленных имён существительных абстрактных ими осуществляется максимум впечатления, составлявшего художественное намерение автора. Выписываем отдельные строки:

Что наш язык земной пред дивною природой? С какой небрежною и легкою свободой Она рассыпала повсюду красоту И *разновидное* с единством согласила!.. Едва, едва одну ее черту С усилием поймать удастся вдохновенью... Но льзя ли в *мертвое живое* передать? Кто мог создание в словах пересоздать? *Невыразимое* подвластно ль выраженью?.. Не часто ли... Спирается в груди болезненное чувство, Хотим *прекрасное* в полете удержать, *Ненареченному* хотим названье дать, И обессиленно безмолвствует искусство?.. Но то, что слито с сей блестящей красотою — Сие столь *смутное*, *волнующее* нас .. Сие к *далекому* стремленье, Сей *миновавшего* привет... Сие шепнувшее душе воспоминанье О *милом, радостном* и *скорбном* старины... Какой для них язык?.. Горé душа летит, Все *необъятное* в единый вздох теснится, И лишь молчание понятно говорит.

К этому явлению ср. замечание А. Н. Веселовского, „В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения", 1904, стр. 485, по поводу примера из „Двенадцати спящих дев": „Этого не понять, если не припомнить ранний навык поэта к аллегории и немецкие выражения вроде „das Ewig-Weibliche".

Ещё бóльшую отвлечённость этого рода представляет (ср. А. Н. Веселовский, op. cit., стр. 486) местоимение **оно** в переводе „Эммы" Ф. Шиллера (1816): „То, что нас одушевляло, Эмма, как то пережить? Эмма, то, что миновало, Как тому любовью быть? Небом в сердце зажжено, Умирает ли оно?"— Анафорическое местоимение, относимое к местоимениям же,— факт смелого употребления на путях к типичному для направления уменьшению конкретной весомости слова.

§ 2. Бессказуемные типы.

В отношении бессказуемных типов стиль первой половины XIX века, одинаково и стихотворный, и прозаический, отличают сравнительно с позднейшим временем в существенном две особенности: очень малое развитие назывных сочетаний, из типов которых относительное распространение получил только тот, у которого в роли слов-названий выступают отглагольные имена существительные, и, наоборот, сравнительно частое употребление назывных сочетаний, предикативно окрашенных, служащих эмоциональным выражением отношения к содержанию, высказанному в предшествующей фразе, — особенность, отчасти перенятая из слога французских писателей, у которых она культивировалась издавна.

Слова-названия и особенно — назывные сочетания неотглагольного типа могут быть отмечены, как сказано, в относительно нечастых случаях; ср.:

Мундир, один мундир!.. Он в прежнем их быту Когда-то укрывал — расшитый и красивый — Их слабодушие, рассудка нищету... (Гриб., Горе от ума, 1824). *Зима*!.. Крестьянин торжествуя На дровнях обновляет путь (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). *Зима*. Что делать нам в деревне? (Пушк., 1829). *Пороша*... Мы встаем, и тотчас на коня... (там же). *Мороз и солнце*; день чудесный! (Пушк., Зимн. утро, 1829). *Весна, весна*! Как воздух чист! Как ясен небосклон! (Баратынск., 1831). *Лес дремучий, лес угрюмый, Пожелтелые листы, Неразгаданные думы, Обманувшие мечты*! Солнце жизни закатилось, Все прекрасное прошло... (Мятлев, Скучно).

Близкий тип, с остатками сказуемости: „День тихих грез, день серый и печальный, На небе туч ненастливая мгла, И в воздухе звон переливно-дальный, Московский звон во все колокола“ (К. Павлова, Москва, 1844).

Особый случай у Полежаева в „Белой ночи“ (1835): назывное сочетание, начинающее стихотворение, — „Чудесный вид, волшебная краса“, заканчивает каждый раздел стихотворения, как предикативно окрашенное выражение оценки предшествующего, и представляет таким образом скорее иллюстрацию частого в это время последнего типа, нежели назывного сочетания, передающего независимые представления.

Тип с именами существительными отглагольными или со значением действий:

Вихорь, вопли гребцов, скрипенье снастей, непрерывный Плеск отшибаемых волн и гром отовсюду... ужасно! (Жуковск., Цеикс и Гальциона, 1819). *Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!* ...Так можно только ощущать, Когда лишаешься единственного друга (Гриб., Горе от ума). Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, Верст больше семисот пронесся!.. *Ветер, буря*... И растерялся весь, и падал сколько раз... (там же). Вскружилось подполье[1]; *Шум, беготня, пискотня, скаканье, пляска*; Словом, мы все одурели (Жуковск., Война мышей и лягушек, 1831). ...Приходит на царскую кухню; Бегают там повара в колпаках и фартуках белых; *Шум, возня, стукотня* (Жуковск., Сказка о царе Берендее, 1831). *Осада! приступ!* Злые волны, Как воры, лезут в окна (Пушк., Медн. всадн., 1833).

Стоит ещё отметить взятый из разговорного языка и давно проникший в описания-характеристики тип с называнием в именительном падеже черт внешности и под.:

На пути не было никакой встречи, кроме туземцев финнов: *белые волосы, мертвые взгляды, сонные лица*! (Гриб., Загородн. поездка, 1826). Поручик?.. Неизвестно какой, из Рязани, *гне-*

[1] Естественно было бы здесь двоеточие. Поясняющий характер слов-названий не меняет их природы; они могли бы выступать и независимо с обычным своим смыслом.

сые лошади (Гоголь, Мертв. души, I, 1842). Они стояли к нему боком. В отце он не открыл ничего особенного. *Белая блуза, нанковые панталоны и низенькая шляпа* с большими полями, подбитыми зеленым плюшем (Гончар., Обыкнов. история, 1847).

Относительно многочисленны случаи — когда назывные сочетания этого рода вставляются в предложение:

И кучер Иванушко, плотный, здоровый, *кровь с молоком, борода по пояс,* в плисовом полукафтане, *картуз на бекрень* — идет в конюшню... (Вельтман, Саломея, 1846—1847) и под. (О напоминающих этот тип галлицизмах см. т. I, § 5).

Предикативно окрашенный тип с эмоциональной характеристикой предшествующего:

И если имя победы в течение двух столетий сохранилось еще в языке славянском, то не гром ли новогородского оружия напоминал его земле русской? не отцы ли наши разили еще врагов на берегах Невы? *Воспоминание горестное*! (Карамз., Марфа посадн., 1802). Собеседники наперерыв обращались к Эллизену с разными пустыми вопросами, мне кажется, только для того, чтоб иметь случай назвать его Herr Staatsrath. *Пресмешные немцы*! (Жихарев, Дневн., 1807). ...Со всеми этими предосторожностями мы в сумерки стали на паром, и, пока перевозили коляску, погорячились, и пошли пешком, надеясь, что скоро она нас догонит: *какая печальная ошибка*! (И. М. Долгор., Журн. путешеств. из Москвы в Нижний 1813 г.). Вскоре из мнимых вод вышел полный месяц: будто качаясь над ними, приподнимался он и осветил эти верхи. *Прекрасная, величественная картина*! (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Об Азию расшиблись все попытки улучшения и образования; она решительно принадлежит не времени, а месту. Индийский брамин, китайский мандарин, персидский бек, горский уздень неизменны, те же, что были за 2000 лет. *Печальная истина*! (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Все были разряжены: замужние — в чепцах самой смешной и неуклюжей формы, а девушки — с огромными шелковыми буклями на висках, с превысокими гребешками или с какими-то высокоторчащими раздвоенными косами: *мода собственная, не заимствованная из высшего круга*! (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837). По настоящему, право, стоит платить ему по грошу в день за присмотр, которым он, по доброте своей, мне даже надоедает; *презаботливый человек*! (письмо Н. Станкевича, 1838). Кто же постарался обработать преждевременно и так неправильно сердце Юлии и оставить в покое ум?.. Кто? А тот классический триумвират педагогов, которые... являются воспринять на свое попечение юный ум, открыть ему всех вещей действа и причины, расторгнуть завесу прошедшего и показать, что́ под нами, над нами, что́ в самих нас,— *трудная обязанность*! (Гончар., Обыкнов. история, 1847). За эту тиранию он платил ей богатством, роскошью, всеми наружными и сообразными с его образом мыслей условиями счастья — *ошибка ужасная,* тем более ужасная, что она сделана была не от незна-

ния, не от грубого понятия его о сердце — он знал его — а от небрежности, от эгоизма (там же). Один из хитрецов в Эмилиевой школе На бронзе изражал в диковинку людей И мягкость волосов, и нежный вид ногтей: *Искусство жалкое*! Что пользы в нем для света, Когда не может дать нам целого предмета? (Мерзляк., Послан. о стихотв., 1808). ...И добрый пастырь у Адмета Будь покровитель верный твой! *Удел завидный*... (Милон., В. И. Панаеву). То вижу я, испуган чудным сном, Как Фаринат, горя в гробу своем, Приподнялся, бросая взор кичливый На ужас мук. *Мятежник горделивый*! Его крушит не гроб его в огне,— Крушит позор в родимой стороне (Козл., Сон, 1831). Пиши, как я; как ты, пусть пишут дети; Как дети,—внуки... *Путь однообразный* (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Так в самом деле ты причуды все оставил, Которыми гордится свет, И в прежний путь шаги свои направил?.. *Мысль превосходная*! Ты должен быть поэт И, сверх того, по всем приметам гений (Лерм., Маскарад, 1835). Я чувствовал все пламя бытия И радостно змею — надежду счастья Носил в груди ...*Прекрасная змея*! (Бенедикт., К Н-му, 30-ых годов).

Близко родствен данному тип с подобными эмоционально окрашенными приложениями, вклинивающимися в предложение; ср.: И когда весеннее солнце вызвало бы жителей города в приятное место монастыря Хизического, когда молодая травка начала бы опушать камень на моей могиле, — тогда — *о мысль утешительная*! — тогда теплая слеза друга канула бы на безмолвное вместилище моего праха (Г. Каменев, письмо 1800 г.). Я вижу, вкруг тебя толпятся Вздыхатели—*шумливый рой*, Как пчелы на цветок стремятся Иль легки бабочки весной (Батюшк., Отъезд, 1810). ...На краткий миг в сердечном упоенье Я жребий свой невольно забывал (*Минутное, но сладкое забвенье*!) К протекшему душою улетал, И радость пел — пока о вас мечтал (Тютч., Друзьям при посылке „Песни радости“ из Шиллера, 1823). Сегодня ожидаю неверующего на мир, и чрез два месяца, *о сладкая мысль*! я буду уже иметь священное право назваться твоею Алиною (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830).

§ 3. Сказуемые-связки.

Сравнительно с нашим временем, сохраняя в этом отношении синтаксическую особенность, типичную для XVIII века и вошедшую в литературный язык под влиянием образцов старославянских, латино-немецких и — позже — французских, книжный язык первой половины XIX века относительно часто пользуется связкою **есть** и, во множественном числе, **суть** в случаях, где теперь у нас в употреблении *это* или просто пауза. Большинство относящихся сюда примеров — сказуемые-имена существительные, чаще всего — абстрактные. Ср.:

...Леонид думал, что *свобода есть зло*, когда она не дает людям жить спокойно (Карамз., Чувствит. и Холодный, 1803).

Нет, *страх твой* за меня, Креон, *есть страх напрасный*! (Озер., Эдип в Афин., 1804). Ах, *песня века золотого есть песня счастливой любви*! (Милон., В. И. Панаеву). ...*Москва есть большой провинциальный город*, единственный, несравненный... (Батюшк., ‹Прогулка по Москве›, 1811—1812). И *райское одно мгновенье*, Когда в восторге мы своем Небесное о всем Забвение пием — *Годичных есть забот и бедствий услажденье*! (Милон., Блаженство, 1812). А я, как сирота, одним-одна сижу, И, *что есть детская приветливость*, не знаю (Крыл., Кукушка и Горлинка, 1817). ...И показать, что *сердце у меня Есть жертвенник*, сгоревший от огня (Лерм., 1830 г., июля 15-го). Все тот же теплый ветр верхи дерев колышет, Все тот же запах роз, и *это все есть Смерть* (Тютч., Mal'aria, 1830). ...*Приезд богатого соседа есть важная эпоха* для деревенских жителей (Пушк., Выстрел, 1830). *Чувство, господствующее в моем романе, есть любовь к отчизне* (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833).

...Ибо *огненные страсти*, по словам одного англичанина, *суть курьеры жизни*: с ними не долго ехать до кладбища (Карамз., Чувств. и Холодн., 1803). Как заблуждения дерзаете равнять Мои вы с вашими? Иль вам растолковать? *Мои суть шалости, а ваши преступленья* (Гриб., Молод. супруги, 1815). *Опасность, кровь, разврат, обман Суть узы страшного семейства* (Пушк., Братья-разбойн., 1822—1825). Но *ужаснейшие и лютейшие враги европейцев*, отваживающихся на отчаянное это предприятие, *суть большого рода обезьяны*, которыми наполнены дремучие леса острова [Борнео] (Перовск.-Погорельск., Двóйник, или Мои вечера в Малоросс., II, 1828). ...*И первые, самые невинные движения его сердца, первый голос человечества, первое стремление природы суть уже преступления перед изуверским магометанством* (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). От простолюдина до князя *свадьбы* и доныне *суть область женской власти* (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Может быть! Но, говоря твоим любимым выражением, *символ идеальных путей*, кажется, *суть асимптоты*, которые, вечно приближаясь, никогда не сойдутся... (В. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833).

...Но как в жизни более горестей, нежели удовольствий, то *слабее чувствовать те и другие есть выигрыш* (Карамз., Чувствит. и Холодный, 1803). Так! *петь есть мой удел* (Жуковск., Вечер, 1806—1809). *Жить в обществе, носить на себе тяжелое ярмо должностей*, часто ничтожных и суетных, *и хотеть согласовать выгоды самолюбия с желанием славы есть требование истинно суетное* (Батюшк., Прогулка в Акад. художеств, 1814). *Пленять есть твой удел* бесспорный... (Вяземск., К Ельмине, 1815). *Подслушать тайну — есть позорная черта*, Вдали остановясь, подумал я тогда (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). *Признаться в своих ошибках есть высшее мужество,*— возразил артиллерист, сжимая руку майора (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). *Взять во двор мальчика или деску, нарядить*

подводы на волах или буйволах для собственной перевозки или работы, послать гонца и т. п. суть вещи ежедневные (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832).

Сто́ит ещё отметить случаи наиболее архаичных для нас сочетаний двух инфинитивов при помощи *есть*:

Хотеть писать одинаковыми словами и выражениями как важную, так и простую речь *есть не знать и унижать достоинство языка* (А. Шишков). *Любить разлуку* — между нами — *Есть не любить своих друзей* (Вяземск., Коляска, 1826). *Твердить преданья старины*, Что мы в делах своих вольны, *Есть перекорствовать уму*, И значит впасть в ночную тьму (Полежаев, А. П. Лозовскому, 1828). ...*Очищать русскую литературу есть чистить н...ки и зависеть от полиции* (письмо Пушк. жене, 1836). Надейтеся!.. *надеяться есть жить* (Ростопчина, Совет женщин, 1838).

§ 4. Выдвинутое в начале предложения *есть*.

Специальная синтактико-стилистическая роль принадлежит в истории художественного слога изучаемого времени особому экзистенциальному типу предложения. *Есть* с сообщаемым далее именем существительным в языке поэзии Жуковского, Лермонтова, Тютчева и др. — один из доходчивых и художественных способов передачи чего-то нового, открываемого мыслью — какого-то, обыкновенно, важного содержания, выступающего или как повествовательное сообщение, или чаще — как положение, извлекаемое из интимной сферы чувствований и размышлений поэта[1]. Ср.:

Есть наслаждение и в дикости лесов, *Есть радость* на приморском бреге, И *есть гармония* в сем говоре валов, Дробящихся в пустынном беге (Батюшк., 1828). *Есть место*... туда как могильная тень, Одною дорогой он ходит... (Жуковск., Покаяние, 1831), *Есть Ангел Смерти*; в грозный час Последних мук и расставанья Он крепко обнимает нас... (Лерм., Ангел смерти, 1831). Так, *есть мгновенья*, краткие мгновенья, Когда, столпясь, все адские мученья Слетаются на сердце и грызут (Лерм., Изм.-бей, 1832). *Есть остров* на том океане — Пустынный и мрачный гранит; На острове том *есть могила*, А в ней император зарыт (Лерм., Воздушн. корабль, 1840). *Есть речи* — значенье темно иль ничтожно; Но им без волненья внимать невозможно (Лерм., 1841) [2].

Особенно часта эта конструкция у Тютчева. Эйхенбаум в книге „Мелодика стиха“ называет ряд примеров у него таких введений. Ср.: „*Есть некий час* в ночи всемирного молчанья...“ (1828).

---

[1] Не могу согласиться с Б. М. Эйхенбаумом, Мелодика стиха. 1929, стр. 80 (у него же ссылка на других, высказывавших ту же мысль), будто этот оборот воспринимается „как своего рода „прозаизм“, перенесённый в лирику из сферы ораторской речи“.

[2] Сродни по значению этому обороту — „*Бывают люди*: чувства — им страданья, Причуда злой судьбы — их бытие“ (Лерм., Изм.-бей, 1832).

„Есть в светлости осенних вечеров Умильная таинственная прелесть!..“ *„Есть близнецы* — для земнородных Два божества — то Смерть и Сон... (Близнецы, 1849) и др.

Из прозы ср., напр., у Марлинского („Ночь на корабле“, 1822): *„Есть страсти, которые вспыхивают, как порох, и горят до конца, как свеча* — такая-то страсть вспыхнула и во мне, Алистер!“

§ 5. Функции форм повелительного наклонения.

Для поэзии первой половины XIX века, особенно первой четверти, характерно частое, в духе её архаизирующих тенденций, употребление формы повелительного наклонения единств. числа в функции третьего и,— намного реже,— первого лица:

Погибни память тех, которых может дух Беды отечества спокойным видеть взором! (Озер., Димитр. Донск., 1807). ...И добрый пастырь у Адмета *Будь покровитель верный твой*! (Милон., В. И. Панаеву). Нет, нет! *талант погибни мой И лира,* дружбе драгоценна, Когда ты будешь мной забвена, Москва, отчизны край златой! (Батюшк., К Дашкову, 1812). ...Пускай войдет отрада жизни нашей, Веселья бог с широкой, полной чашей — И *царствуй Вакх* со всем добром своим!.. Но толстый *Ком* с надутыми щеками *Не приходи* стучаться у дверей... (Пушк., Сон, 1816). Я жду обещанной тетради: Что ж медлишь, милый трубадур? Пришли ее мне Феба ради, И *награди тебя Амур*! (Пушк., Баратынскому, 1822). Ах! *тот скажи любви конец,* Кто на три года в даль уедет (Гриб., Горе от ума, 1824). О, *разучись моя рука* Владеть струнами вдохновений! *Не удостойся я венка* В алмазном храме песнопений! Холодный *ветер суеты Надуй и мчи мои ветрила* Под океаном темноты, По ходу бледного светила, Когда умалится во мне Сей неба дар благословенный, Сей пламень чистый и священный — Любовь к родимой стороне! (Язык., К Вульфу, Тютч. и Шепел., 1826). ...И *проводи тебя любовь* Спокойно, верно до могилы (Шевырёв, Четыре новоселья, 1827). *Вечная ночь поглоти города*! Из вашего града Вышла беда и на бедную нашу Аркадию! (Дельвиг, Конец золот. века, 1829). *Окаменей язык лукавый,* Когда забуду грусть мою И песнь отечественной славы Ее губителям спою (Языков, Подраж. псалму CXXXVI, 1830). Барон: ...Так подыми ж, и *меч нас рассуди*! (бросает перчатку; сын поспешно ее подымает) (Пушк., Скуп. рыц., 1830—1836). ...Кто живет на земле, *Тот жизнью земной веселись*! (Жуковск., Кубок, 1831). *Будь жизнь твоя радостна, нежна,* Как чувство то, с каким, тебя лаская, Младенец-дочь смеется пред тобой... (Козл., Сон, 1831). Вы, кому любовь дано Пить очей в лазурной чаше — *Будь лазурно небо ваше*! (Бенедикт., Черн. очи, 30-ых годов). Ср. и с фольклорным налётом: „...Поезжайте вслед за мной, Вслед за мной и за сестрой: *Будь одна из вас* ткачиха, А другая повариха“ (Пушк., Сказка о царе Салт., 1831).

В прозе такое употребление редко и может быть отмечено почти только в особо патетических местах: „Нет! воскликнула она. Нельзя! *Пади на душу мою тяжкий грех*! Князь Александр! Набойкин—твой отец!“ (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837).

Особый случай, значительно более частый, нередкий и в нашем употреблении, представляют формы повелительного наклонения второго лица единственного числа в функции любого лица обоих чисел с условным или уступительным значением:

Лишь только муж плати — и дом ваш будет рай! (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). *Странствуй ты по земле* — тогда бы сердце не знало Страха в печали, была бы тоска без заботы... но моря, моря страшусь... (Жуковск., Цеикс и Гальциона, 1819). *И плачь она, иль нет* — а завтра же к венцу! (Загоскин, Урок холостым, 1822). *Другой хоть прытче будь*, надутый всяким чванством, *Пускай себе разумником слыви*[1], А в семью не включат... (Гриб., Горе от ума, 1824). Лишь утро — ногу в стремя И носишься на борзом жеребце, *Осенний ветер дуй* хоть спереди, хоть с тыла (там же). Но *тетива раз вырвися из рук*, И не взложить уже стрелу другую! (Ротчев, Монолог из Шиллер. траг. Вильг. Тель, 1829). Она его не замечает, *Как он ни бейся, хоть умри* (Пушк., Евг. Онег., VIII, 1829—1831). Щепотки волосков *Лиса не пожалей*, Остался б хвост у ней (Крыл., Лиса, 1833). *Что ни делай, каков ни будь*, а совестно встретиться с человеком, против которого был неправ (Н. Павл., Аукцион, 1834). Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, *как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце*... (Лерм., Герой нашего времени, 1839—1840). *Как глубоко ни загляни автор* ему в душу, *хоть отрази* чище зеркала его образ, ему не дадут никакой цены (Гоголь, Мертв. души, I, 1842). „Эх, я Аким простота!“ сказал он сам в себе: „ищу рукавиц, а обе за поясом! Да *накупи я всех этих, которые вымерли,* пока еще не подавали новых ревизских сказок, *приобрети* их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу!“ (там же). Не даю денег взаймы — это вздор. *Приезжай ко мне* в самом деле *нуждающийся*, да *расскажи мне* обстоятельно, как ты распорядишься с моими деньгами: если увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль,— я тебе не откажу и не возьму даже процентов (Гоголь, Мертв. души, II, 1842—1852). „Она видит его во сне“,— подумал Круциферский и посмотрел на нее с такою ненавистью, с таким зверством, что, *не имей он миролюбивых привычек* нашего века, он задушил бы ее не хуже венецианского мавра... (Герцен, Кто

[1] Здесь Грибоедовым допущена контаминация двух способов выражения: *...пускай слывет...* и *слыви.*

виноват?, 1845—1846). Ей сначала было досадно, потом обидно, наконец стало грустно. *А поговори с ней Адуев*, или даже *обрати на нее обыкновенное внимание* — она бы забыла о нем, а теперь совсем другое (Гончар., Обыкн. история, 1847).

Рост употребления подобных форм в первой половине XIX века,— естественно, что особенно характерны они для слога Крылова и Гоголя,— один из выразительных признаков, что литературный язык этого времени всё больше вбирает в себя остававшиеся раньше неиспользованными и малоиспользованными аффективные элементы речевой системы и ставит их на службу новым художественным задачам, сближая свободные формы разговорной речи с языком литературных жанров, более других ориентированных на жизнь и живое.

Из других функций форм повелительного наклонения, проникших в литературный язык в качестве специально аффективных, можно отметить ещё удачное использование рядом писателей формы второго лица повелительного наклонения, сочетающейся с другими лицами или употребляемой безлично в значении долженствования, обязанности, возможности.

...*Сыщи* ей жениха, чтоб был хорош, умен, И в лентах, и в чести, и молод был бы он... (Крыл., Разборч. невеста, 1806). Уж то-то там мы заживем: В ладу, в довольстве, в неге! Не так, как здесь, *ходи с оглядкой* днем И *не засни спокойно* на ночлеге (Крыл., Волк и Кук., 1813). А он, то-есть Вальтер Скотт, нигде не обольщается Наполеоном. Сперва *опиши* он его, как любовник в упоении страсти, и уж после *суди* о нем, как муж протрезвившийся. А у него везде трезвость или, лучше сказать, везде тошнота похмелья (письмо Вяземск. А. Тургеневу, 1828, Остаф. арх. III). Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь, соседей ни души, *езди верхом*, сколько душе угодно, *пиши* дома, сколько вздумается — никто не помешает (Пушк., письмо П. А. Плетнёву, 1830). Вас непрестанно змий зовет К себе, к таинственному древу — *Запретный плод вам подавай*, А без того вам рай не в рай (Пушк., Евг. Онег., VIII, 1831—1832). Отец твой затеял Новую шутку: *шей* я ему сапоги с оторочкой; Разве какой я сапожник? (Жуковск., Сказка о царе Беренд., 1831). Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, в гусы людей совсем несовместны: уж когда охотник, то *держи легавую собаку или пуделя*; *не пожалей пятисот, тысячу дай,* но зато уж чтоб была собака хорошая (Гоголь, Нос, 1836). Он [Федор Петрович] съездил за ее [Саломеи] необходимостями, воротился, и *хоть снова выдумывай* необходимости; потому что Дмитрицкий еще не приезжал (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Отметим случай фразеологического употребления у Перовского-Погорельского в „Монастырке“, II (1833): „Ему видно надоели поговорки об этом кресте и об Гаркуше; он, *ни дай, ни возьми* — взял выкопал крест, да и построил тут дом“.

В древнерусском языке сочетание „повелительное наклонение от глагола *пожаловать* и повелительное же наклонение глагола, выражающего самую суть просьбы", представляло тесное соединение понятий, подобное, напр., современным нам „поди принеси", „сядь отдохни" и др. [1]. Эта конструкция иногда ещё сохраняется в первые десятилетия XIX века, хотя часто и не точно, что касается её синтаксического характера, передаётся принятой пунктуацией. Ср.:

„*Пожалуй*", говорят, „*возьми* на час терпенье, Чтобы Квартет в порядок нам привесть..." (Крыл., Квартет, 1811) — собственно: „пожалуй возьми". — Арист: Не ждал от дружбы я услуги столь приятной. Сафир: *Пожалуй объяснись* (Гриб., Молод. супруги, 1815). Вот вам три ливра... наймите весь дом с особой кухней, а детей, *пожалуйте, не пускайте на двор*, пока не купите им порядочного платья (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841).

С другим порядком слов: *Прочтите, пожалуйте,* да скажите и нам, какая дана вам инструкция? (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). Не верьте этому, почтенный Двойник! *не верьте, пожалуйте*! (Перовск.-Погорельск., Двойник, или Мои вечера в Малоросс., II, 1828). „*Скажите, пожалуйте*", сказал он лекарю: „кто этот полковник Уде, которому я обязан жизнью?" (Греч, Черн. женщина, 1834).

Позднейшее перерождение этой конструкции представляют случаи, когда при повелительном наклонении множественного числа употребляется *пожалуй*, т. е. единственное число; ср.: „Арист: Как! что это? Эльмира: Сафир, *пожалуй подойдите*. Сафир: Чего изволите?" (Гриб., Молод. супруги).

Фразу, в которой налицо переход к нынешнему употреблению *пожалуй*, можно указать в „Горе от ума" Грибоедова (1824): „*Пожалуй, смейся* надо мною, Что Репетилов врет, что Репетилов прост, — А у меня к тебе влеченье, род недуга, Любовь какая-то и страсть".

„Пожалуй смейся", равное „сделай милость — смейся", в контексте получает возможность истолкования в смысле „допустим, что ты смеешься..."

§ 6. Сослагательное (условное) наклонение.

Примеры превосходного художественного применения форм сослагательного (условного) наклонения находятся главным образом у Крылова в его баснях, в которых, как иногда кажется, сосредоточены едва ли не все наиболее выразительные средства русской глагольности. С исторической точки зрения заслуживает, однако, внимания, что соответствующие примеры у Крылова относятся к случаям употребления, не получившего в дальнейшем широкого распространения и сохранившего ещё выразительный колорит народной речи, из которой они были им переняты:

[1] См. „Курс лит. русск. языка", изд. 3, стр. 261.

Но так как о волках худой на свете толк, И *не сказали бы,* что смотрит Лев на лицы, То велено звериный весь народ Созвать на общий сход... (Мирск. сходка, 1816). Хоть можно б выбрать тут другого поверней Затем, что к меду Мишка падок, Так *не было б оглядок*; Да спрашивай ты толку у зверей! (Медведь у пчел., 1816). Тут полился в него червонцев дождь златой. Сума становится уж тяжеленька. „Довольно ль?" — „Нет — еще". — „*Не треснула б*". — „Не бойсь" (Фортуна и Нищий, 1816).

Приведём ещё несколько примеров своеобразного использования форм сослагательного наклонения с тем же колоритом народной речи или просторечия у других авторов первой половины XIX века:

„С вечера в лес я шел, заблудился; С ветру, с ненастья вымок, продрог. Дедушка! *что б ты в горе вступился, Мне б на дорогу выйти помог*!" (Катенин, Леший, 1816)=„не вступился бы ли ты?" С опущением вспомогательного глагола: „Я думал, молодой друг мой, сей вестию тебя обрадовать, а вижу противное! *Что бы этому за причина*?" (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). С опущением же глагола: „Дмитрицкий повторил свое извинение и перед хозяином, который в свою очередь стал извиняться, что *это бы дело хозяина,* но что Миша не предупредил, и тому подобное". (Вельтман, Саломея, 1846—1847). „Вошед в сени сколько можно тише, они услышали разные голоса, и сейчас отличили Никанора и Короната, но никак не могли дознаться, *чьи бы отдавались звуки голосов женских*" (Нарежный, Два Ивана, 1825). „Жена Анфиза и дети!.. Всем желаю здравствовать. *Было бы вам известно,* что полтавский полковник не умнее миргородского сотника, а члены полковой канцелярии нахальнее, злобнее, прижимчивее, чем члены сотенной" (Нарежный, Два Ивана). „Софья: Смешно? — пусть шутят их; досадно — пусть бранят. Молчалин: *Не повредила бы* нам откровенность эта" (Гриб., Горе от ума, 1824).

Как пример художественного использования сослагательного наклонения стóит ещё отметить в особенности „Желание" Лермонтова (1831). — Из случаев расширения функций сослагательного наклонения, не получивших в дальнейшем развития, некоторого внимания заслуживает одна фраза в „Монастырке" Перовского-Погорельского (II, 1833): „Они полагали на возвратном пути поместить Анюту с тетушкою, а Владимир *сопровождал бы* их на перекладной".

§ 7. Функции инфинитивов.

Под пером Крылова же, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и длинного ряда других обнаруживается чрезвычайная грамматическая энергия — аффективная сила самостоятельно употребляемых инфинитивов, с их способностью передавать многообразные яркие значения наклонений, этих выражений различного отношения говорящего к изображаемым глаголами действиям. У Крылова

и Грибоедова при этом используется как стилистические ходы многое специфически относящееся к возбуждению — разговорному языку, народному и дворянскому просторечию; у других, как напр., у Пушкина, амплитуда употребления самостоятельных инфинитивов шире, и они выступают как средства аффективности более разнообразной.

Примеры из басен Крылова с разным модальным использованием инфинитивов:

Как музыке итти? ведь вы не так сидите (Квартет, 1811). ...Ну, сам подумай ты: Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы? *Мне взятки брать*? да разве я взбешуся! (Лис. и Сурок, 1816). „Счастливый путь, сосед мой дорогой!" Кукушка говорит: „а свой ты нрав и зубы Здесь кинешь, иль возьмешь с собой?" — „*Уж кинуть,* вздор какой!" — „Так вспомни же меня, что *быть тебе без шубы*" (Волк и Кукушка, 1813). ...Коль нет в чьем голосе ослиного приятства, *Не принимать тех на Парнас*! (Парнас, 1808). ...Еще и то заметь, *Чтобы любить ее, а ревновать не сметь* (Разборч. Невеста, 1806). ...Орлам случается и ниже кур спускаться; Но *курам никогда до облак не подняться*! (Орел и Куры, 1808).

Примеры из „Горя от ума" Грибоедова (1824):

Лиза: ...А я... Одна лишь я любви до смерти трушу! *А как не полюбить буфетчика Петрушу*?

Лиза: ...А то не вздор, что *вам не избежать огласки*...

Чацкий: Уж коли горе пить, Так лучше сразу, Чем медлить; *а беды медленьем не избыть*!..

Фамусов: ...Еще дня два терпения возьми,— *Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми*!

С окраской условности:

Молчалин: ...Ну, право, *что бы вам в Москве у нас служить, И награжденья брать и весело пожить*?

Лиза: Ах, амур проклятый! И слышат — не хотят понять! *Ну, что бы ставни им отнять*!

С переходом в значение аффективно окрашенных служебных слов:

Фамусов: ...Любезный человек, и *посмотреть*, так хват!

Лиза: *Сказать*, сударь, у вас огромная опека!

У Пушкина и Лермонтова:

Он слеп, упрям, нетерпелив, И легкомыслен, и кичлив, Бог весть какому счастью верит; Он силы новые врага Успехом прошлым только мерит — *Сломить ему свои рога* (Пушк., Полт., 1828—1829).

Шуйский: Весть важная! и если до народа Она дойдет, то *быть грозе великой*! Пушкин: Такой грозе, что *вряд царю Борису Сдержать венец на умной голове* (Пушк., Бор. Годун., 1825). Моя ж печаль бессменно тут, И ей конца, как мне, не будет. *И не вздремнуть в могиле ей*! (Лерм., Демон, 1829—1838). И смутно понял я тогда, Что *мне на родину следа Не проложить уж никогда* (Лерм., Мцыри, 1839).

§ 8. Виды и времена.

Русский язык, как и другие славянские, очень богат средствами передачи видовых значений, характеристики того, как действие протекает в отношении к времени. Это богатство делает его прекрасным инструментом повествовательного слога, обеспеченного в его выразительности свойствами самого языка, вообще подчёркнуто динамического и дающего, наряду с чертами этой стихийной динамичности, возможность художнику слова извлекать бесконечное число специальных оттенков большой изобразительной и эмоциональной силы. В этом отношении сама природа русского языка обещала широкие литературные возможности.

Но настоящей своей силы эта сторона русского глагола и его эквивалентов достигает только в произведениях мастеров слова первой половины XIX века. Крупнейшее явление в этом отношении—слог басен Крылова, этих полных жизни и движения рассказов-картинок.

Вот примеры яркой передачи у него при помощи формы ед. числа повелительного наклонения действий неожиданных, внезапных:

Отколе ни возьмись, навстречу Моська им (Слон и Моська, 1808). ...Потом к Царю подползть с преда́нностью дерзнули: Сперва перед Царем ничком, А там, кто посмелей, *дай сесть* к нему бочком, *Дай попытаться* сесть с ним рядом; А там, которые еще поудалей, К царю садятся уж и задом (Ляг., просящ. Царя, 1809). Иной бы был такой доволен частью: но Скворушка *услышь,* что хвалят соловья,—А Скворушка завистлив был, к несчастью,—И думает... (Скворец, 1816). А тут к беде еще беда: *Случись тогда Ненастье* (Охотн., 1819).

Или взять хотя бы такие случаи использования более других редких способов изображения динамики совершающегося:

Подруга каждая тут тихо *толк* подругу... (Обезьяны, 1808). ...И у друга на лбу подкарауля муху, Что силы есть—*Хвать* друга камнем в лоб! (Пустынн. и Медв., 1807). Для дорогих гостей Разостлано внизу премножество сетей. *Ну* в них они *кувыркаться, кататься, И кутаться, и завиваться*... (Обезьяны). ...Увидевши Слона, *ну* на него *метаться, И лаять, и визжать, и рваться*; Ну, так и лезет в драку с ним (Слон и Моська, 1808). Хозяин между тем стерег И, видя, что пора, идет к гостям с мешками, Они *чтоб на-утек,* Да уж никто распутаться не мог.. (Обезьяны). ...Один—*было* уже Прохожий камень *взял*:—„И, полно, братец!“ тут другой ему сказал: „Собак ты не уймешь от лаю... Пойдем вперед...“ И подлинно, *прошли* шагов десятков пять, Собаки *начали* помалу *затихать, И стало, наконец, совсем их не слыхать* (Прохож. и Собаки, 1814—1815). ...Но всяк, за старые обиды Льва в отмщенье, Наперерыв ему наносит оскорбленье: То гордый Конь его копытом крепким *бьет,* То зубом Волк *рванет,* То острым рогом Вол *боднет* (Лев состаревш., 1823—1825). ...Крестьянин *встал,* И он же Батрака

ругает. Опешил бедный мой Степан. „Помилуй", говорит: „за что?"—„За что, болван! Чему обрадовался сдуру? *Знай колет*: всю испортил шкуру!" (Крест. и Работн., 1815). И, словом, от родни и от друзей любезных Советов тысячу *надавано* полезных (Крест. в беде, 1811).

Но особенно яркой художественной выразительности достигает у Крылова игра видовыми и временными оттенками, конечно, лишь в больших словесных отрезках, с развёрнутым в его динамичности содержанием и в соединении со словесными средствами, подчёркивающими и оттеняющими значения, намеченные приметами видов.

Нескольких примеров здесь достаточно для иллюстрации этой стороны искусства великого мастера:

Вот начало басни „Муха и Дорожные" (1808):

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьей дворян,
Четверкою рыдван
Тащился.
Кони *измучились,* и кучер *как ни бился,*
Пришло хоть стать. Слезает с козел он
И, лошадей мучитель,
С лакеем в два кнута *тиранит* с двух сторон:
А легче нет. *Ползут* из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, знать, рыдван был плотно нагружен,
Что лошади, хотя его *тронýли,*
Но в гору по песку едва-едва *тянули.*
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: *ну жужжать* во всю мушину мочь;
Вокруг повозки *суетится*;
То под носом *юлит* у коренной,
То лоб *укусит* пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг *садится,*
Или, *оставя* лошадей,
И вдоль и поперек *шныряет* меж людей;
Ну, словно, откупщик на ярмарке *хлопочет*...

Или:

...—„И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы *лавливали* и ершей".
—„Так в добрый час, пойдем!" *Пошли, засели.*
Натешился, наелся Кот
И кумушку проведать он *идет*;
А Щука, чуть жива, *лежит*, разинув рот,—
И крысы хвост у ней *отъели.*
(Щука и Кот, 1813).

Ср. ещё:

Нет угомона на старуху:
Днем перевесть она *не даст* за пряжей духу;
Зарей, где *спят* еще, а уж у них давно
Пошло плясать веретено.

(Госпожа и две служанки, 1816).

Или даже в месте, по его содержанию как будто исключающем возможность большой видовой динамичности:

И все бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина *брана* откупщиком,
И *настоялась* так в два дни она вином,
Что винный дух *пошел* от ней во всем:
Квас, пиво ли *сварят*, ну даже и в съестном.
Хозяин *бился* с ней близ году;
То *выпарит*, то ей *проветриться даст*;
Но чем ту Бочку ни *нальет*,
А винный дух все вон *нейдет*,
И с Бочкой, наконец, он *принужден* расстаться.

(Бочка, 1815).

Количество иллюстраций того, как многогранны и как прекрасно используются в повествовательном слоге и многих других писателей первой половины XIX века средства передачи глагольных видов с их префиксальными оттенками, само собою разумеется, огромно. Берём лишь несколько почти случайно остановивших на себе внимание примеров.

Из прозаического языка:

Надо вам сказать, что Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь, по крайней мере я так полагаю. Вот он раз и *дожидался* у дороги, версты три за аулом; старик *возвращался* из напрасных поисков за дочерью; уздени его *отстали* — это было в сумерки — он *ехал* задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, *нырнул* из-за куста, *прыг* сзади его на лошадь, ударом кинжала *свалил* его наземь, *схватил* поводья — и был таков; некоторые уздени все это *видели* с пригорка; они *бросились* догонять, только *не догнали* (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840).

В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и *едва было даже не успели*. Именно, будочник какого-то квартала, в Кирюшкином переулке, *схватил было* уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдернуть фризовую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в свое время на флейте. *Схвативши* его за ворот, он *вызвал* своим криком двух других товарищей, которым *поручил* держать его, а сам *полез* только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку с табаком, освежить на время шесть раз на веку приморожденный нос

свой; но табак, верно, был такого рода, которого *не мог вынести* даже и мертвец. *Не успел* будочник, *закрывши* пальцем свою правую ноздрю, *потянуть* левою полгорсти, как мертвец *чихнул* так сильно, что совершенно *забрызгал* им всем троим глаза. Покамест они *поднесли* кулаки протереть их, мертвеца и след *пропал*, так что они *не знали* даже, *был ли* он, точно, в их руках. С этих пор будочники *получили такой страх* к мертвецам, что даже *опасались* хватать и живых, и только издали *покрикивали*: „Эй, ты, ступай своей дорогой!“ и мертвец-чиновник *стал показываться* даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей (Гоголь, Шинель, 1842).

Видовые оттенки здесь получают свою особенную силу ещё благодаря дополнительным указаниям от слов с временными значениями.

Я *допытываться*, зачем деньги. Он *мялся, мялся*, наконец, *сказал, что хочет* отделать себе квартиру на Литейной. *Я припоминать*, что бы такое *было* на Литейной — и *вспомнил*, что Тафаева *живет* там же и прямехонько против того места, которое он *выбрал* (Гончар., Обыкн. история, 1847).

Из стихотворного языка:

Вот несколько примеров из Пушкинского эпоса:

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл *явился*.
Вожди героя *шли* за ним.
Он в думу тихо *погрузился*.
Смущенный взор *изобразил*
Необычайное волненье.
Казалось, Карла *приводил*
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских *двинул* он полки.
(Полтава, 1828—1829).

Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волненье боя.
Уж на коня *не вскочит* он,—
Одрях, в изгнанье сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его *сверкнули* очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?

Что возмутить его *могло*?
(там же).

В дорогу шествие готово,
И *тронулась* арба. За ней
Адехи *следуют* сурово,
Смиряя молча пыл коней.
Уж *потухал* закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волы.
В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой—
Там ныне в тень могилы хладной
Он *ляжет,* бледный и немой...
(Тазит, 1833).

С фольклорной окраской:

На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча *любовалась*
И диву *дивовалась.*
Вдруг *слышу* крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью *хлоп,*
И *спряталась* за печку.
Вот *слышу* много голосов...
Взошли двенадцать молодцов.
И с ними голубица,
Красавица-девица.
(Жених, 1825).

...Как царица *отпрыгнет,*
Да как ручку *замахнет,*
Да по зеркальцу как *хлопнет,*
Каблучком-то как *притопнет!..*
(Сказ. о мертв. царевне, 1833).

И царица *хохотать*
И плечами *пожимать,*
И *подмигивать глазами,*
И *прищелкивать* перстами,
И *вертеться* подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.
(Там же).

Весь замечательный перевод Шиллерова „Кубка" Жуковского (1831) — высокохудожественная игра соотношениями времён и видов, ускорениями и замедлениями движений; ср. хотя бы эти

полные напряжённости, сдавленного волнения и затем радостного разрешения строки:

...Но *слышится* снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.
И *воет*, и *свищет*, и *бьет*, и *шипит*,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу *летит*
Дымящимся пена столбом...
И *брызнул* поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.
Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И *борется*, *спорит* с волной...
И *видят* — весь берег *потрясся* от клича —
Он левою *правит*, а в правой добыча.
И долго *дышал*, он, и тяжко *дышал*,
И божий *приветствовал* свет...
И каждый с весельем „он жив!“ *повторял*:
„Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный“.
Он на берег *вышел*; он *встречен* толпой...

К искусству Жуковского надо отнести и такой пример, как: „Этот ответ придворные слуги относят к Кощею; *Ждать-подождать*, царевич нейдет, посылает в другой раз Тех же послов рассерженный Кощей, и та же все песня“ (Сказка о царе Берендее, 1831).

Или вот ещё два примера из „Демона“ Лермонтова (1828—1838):

Несется конь быстрее лани,
Храпит и *рвется* будто к брани,
То вдруг *осадит* наскаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри *раздувая*;
То разом в землю *ударяя*
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти *летит*.
. . . . . .
— И он слегка
Коснулся жаркими устами
К ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он *отвечал* ее мольбам.
Могучий взор *смотрел* ей в очи.
Он *жег* ее. Во мраке ночи
Перед нею прямо он *сверкал*

Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух *торжествовал*!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее *проник*...
Мучительный, ужасный крик
Ночное *возмутил* молчанье...

Вот ещё несколько примеров замечательного использования времён и видов в лирике изучаемого периода:

...Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой *возвратясь*,
Я *забудусь* у камина,
Загляжусь не наглядясь.

(Пушк., Зимн. дорога, 1825).

Трудно указать случай большего художественного мастерства в передаче непрерывного чувства восторга, нежели в этих пушкинских строках. Сосредоточенные здесь в префиксах глаголов оттенки длительности и отрицаемой законченности дают едва ли не максимум той эмоциональности, которую вообще способен выразить русский язык.

Или в полном сдержанной силы гневном стихотворении „Приятелям" (1825):

Враги мои, *покамест я ни слова*...
И, кажется, мой быстрый гнев *угас*;
Но из виду *не выпускаю* вас,
И *выберу* когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как *налечу* нежданный, беспощадный.
Так в облаках *кружится* ястреб жадный
И *сторожит* индеек и гусей.

Прекрасную игру видовыми оттенками найдём у Пушкина же, напр., в стихотворениях „Коварность" (1824), „Сожженное письмо" (1825), „19 окт. 1831 г.", „Вновь я посетил..." (1835) и многих других.

Для характеристики высокой оригинальности пушкинского мастерства в этом отношении стоит указать ещё, напр., на его стихотворение „Обвал" (1829):

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и *пенятся* валы,
И надо мной *кричат* орлы,
И *ропщет* бор,
И *блещут* средь волнистой мглы
Вершины гор.
Оттоль *сорвался* раз обвал,
И с тяжким грохотом *упал*,

И всю теснину между скал
Загородил.
И Терека могущий вал
Остановил.

...И долго *прорванный* обвал
Неталой грудою *лежал,*
И Терек злой под ним *бежал*
И пылью вод
И шумной пеной *орошал*
Ледяный свод...

Здесь останавливают на себе внимание две черты выбора поэтом сказуемых-глаголов: первая — необычное в ландшафтной лирике сочетание времён (ландшафт и традиционно, и после давался обыкновенно хронологически плоскостно, в аспекте настоящего времени); Пушкин своим сочетанием времён и видов даёт новое восприятие картины, расширенное, динамическое,— и вторая — исключительная энергия и богатство слов, характеризующих действия, распадающиеся на группы: в момент наблюдения, в прошлом, когда „оттоль сорвался раз обвал" и когда прорванный Тереком обвал стал путём для вола, всадника и купеческого верблюда:

...И путь по нем широкий *шел,*
И конь *скакал,* и *влекся* вол,
И своего верблюда *вел*
Степной купец,
Где ныне *мчится* лишь Эол,
Небес жилец.

Из бесконечного ряда художественно ярких образцов игры сочетаниями времён и видов у других мастеров лирики ограничиваемся двумя примерами:

Батюшков: „Выздоровление" (1807—1809):

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и *вянет,*
Так я в болезни *ждал* безвременно конца,
И *думал*: Парки час *настанет.*
Уж очи *покрывал* Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее *билось*:
Я *вянул, исчезал,* и жизни молодой
Казалось, солнце *закатилось.*
Но ты *приближилась,* о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов

Меня из области печали
От Орковых полей, от Леты берегов
Для сладострастия *призвали.*
Ты снова жизнь *даешь*; она твой дар благой;
Тобой *дышать* до гроба *стану.*
Мне сладок *будет* час и муки роковой:
Я от любви теперь *увяну.*

„Весна" (1820—1823) Баратынского:

На звук цевницы голосистой,
Толпой забав *окружена,*
Летит прекрасная весна;
Благоухает воздух чистой,
Земля *воздвиглась* ото сна.
Утихли вьюги и метели,
Текут потоками снега;
Опять в горах *трубят* рога,
Опять зефиры *налетели*
На *обновленные* луга.
Над урной мшистою Наяда
Проснулась в сумраке ветвей,
Стрясает инеи с кудрей,
И, *разломав* оковы хлада,
Заговорил ее ручей...

Ср. очень близкое построение в „Евг. Онегине" Пушкина, VII, 1827—1828:

Гонимы вешними лучами...

с прекрасным:

...Стада *шумят*, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Как своеобразный случай отметим у Языкова („Ундина", 1839—1841):

„Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравных звон,
И *был* твой грустный день, как быстролетный сон".

§ 9. Залоги.

Сравнительно с богатством художественного использования наклонений и видов стилистическая роль залогов выступает в поэзии и беллетристике меньше. Важнейший момент, которому следовало бы в синтаксисе уделить здесь внимание, употребление страдательных конструкций за счёт возможных активных, нуждается в специальном обследовании. О нём сейчас позволим себе не говорить. Ограничиваемся указаниями на более других

любопытные случаи обострённой художественной подачи залоговых значений.

Напомним прежде всего приведённый уже выше (том I, стр. 387) пример из „Доктора Крупова" Герцена.

Или вот тонкая игра залоговыми оттенками в „Приключениях, почерпнутых из моря житейского"(1846—1847) А. Ф. Вельтмана:

Когда душа в человеке расцветает, все вокруг него начинает цвести. Домик Дарьи Ивановны как будто снова *оделся* цветом: крыша *покрылась* железным листом, стены *законопатились*, снаружи *обились* новым тесом, внутри *обклеились* обоями.

Страдательное значение в русском языке обыкновенно не образуется в прошедшем времени от основ совершенного вида глаголов на **-ся**. В данном контексте формы совершенного вида соединили в себе значение страдательное по смыслу и легко сочетающееся с такими образованиями более живое, близкое к возвратному — по эмоциональности. Все употреблённые здесь автором глаголы как-то по-особенному подвижны, по-особенному деятельны, и то, что логически должно в них восприниматься как совершаемое, в эмоциональном плане воспринимается как совершающееся: вещи задвигались, зажили сами собою.

С формами, искусно выбранными Вельтманом, ср. возможные „сухие": *была покрыта, были законопачены, были обиты* и т. д. с точным страдательным значением.

Отлично охарактеризована Вельтманом же в „Кощее Бессмертном" (1833) при помощи залогов (впрочем, в соединении ещё с значительными для смысла *сами, сама, сам*) пьяная прожорливость его ленивого героя Ивы Олельковича:

Но воображение его не опьянело вместе с ним: оно продолжает потчевать его... Пироги сами *режутся*, сами *кладутся* прямо в рот, горошек-зобанец прыгает с блюда прямо в рот, мазуля сама *тянется* из горшечка и капает прямо в рот; олуй сам пенится в кубок и *льется* прямо в рот (III, V),

Шутливое применение страдательного залога см., напр., в „Испытании" Бестужева-Марлинского: „Шумный обед уже кончился, но шампанское не уставало *литься и литься*".

Из интересного употребления у других авторов см., напр.: „Смело, вдохновенный вами, Я до смерти *запоюсь*..." (Вяземск., Гр. С. А. Мус.-Пушкиной, 1821).

Лучший, однако, мастер залоговых оттенков, сообщающий возвратным глаголам максимальную динамичность, живость и свежесть восприятия, — во второй четверти XIX века, бесспорно, Гоголь. Словесное окружение его глаголов максимально подчёркивает смысловую направленность залоговых значений и делает из них инструмент величайшей художественной действенности.

Лестница *вилась*, и вместе с нею *вились* его быстрые мечты (Невск. просп., 1835). Но дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели, и все перед ним *окунулось* каким-то туманом; тротуар

несся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост *растягивался* и *ломался* на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка *валилась* к нему навстречу, и алебарда часового... блестела, казалось, на самой реснице его глаз (там же). В это время, что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже, вместо шляпы, картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко *высунулись* из вашего галстуха, — никто этого не заметит (Невск. просп.). Воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматами, *неслась* вверх (там же). *Написавшись* всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне... (Шинель, 1842). Собаки залаяли, и ворота, *разинувшись*, наконец, проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение (Гоголь, Мертв. души, 1842).

§ 10. Об опущении связки *был* в формах страдательного залога.

Некоторые прозаики первых четырёх десятилетий XIX века, одни в большей мере (напр., Дмитриев, Нарежный, Квитка-Основьяненко, Лажечников), другие — в меньшей, сравнительно с нынешним языком, склонны в сообщениях о прошлом при формах страдательного залога опускать вспомогательный глагол (*был*...). У наших современников (ср., напр., „Пушкин“ Тынянова) в большинстве случаев такой приём является уже стилизацией. Приводим примеры из старых писателей:

Третьего дня я сделал второй визит г. Карамзину и *принят* им столь же хорошо, как и в первый (Каменев, письмо 1800 г.). Дело мое длилось около полугода; я прожил уже четвертую долю имения то на обеды, то на подарки, как наконец вышло в мою пользу. Сестру совершенно отлучили от наследства, а о матери *сказано*, что я обязан кормить ее по смерть (Нарежн., Российск. Жильблаз, 1814). [Здание] с задней стороны примыкалось к высокому берегу реки Десны; правая боковая сторона граничила с забором огромного сада, принадлежащего монастырю, в коем *помещена* и семинария... (Нарежн., Бурсак, 1824). Не понимая, что значат сии не слыханные мною слова, я замолчал и продолжал внимательно смотреть и слушать. Каша поспела, и котел *поставлен* на лужайке. Консул с своими товарищами сели около него, а прочие составили второй круг (там же). Хотя отец мой и забыл снабдить меня ложкою, но консул приказал младшему из бурсаков делиться со мною своею. Котел *опорожнен*; все удалились в бурсу и полегли на лавках. Я также растянулся на своем мешке и скоро уснул крепко (там же). Менее, нежели в час, прозорливый учитель... догадался, что я церковные книги читал столько же проворно и внятно, как стихарный дьячок; а посему дальнейшее в сем упражнение *признано* излишним, а советовали мне всеми силами налечь на изучение языков латинского и польского (там же). Разумеется, что я вопиял, сколько сил доставало...

тщетно: удары сыпались градом, и вскоре я не мог уже кричать. Истязание *прекращено*, я *снят* со скамьи и, одетый, *поведен* к наставнику, но как не мог держаться на ногах, то два сторожа меня поддерживали (там же).

Забыть наградить ею [крупною серебряною монетою] было бы опасно: месть неминуемо последовала бы за этим забвением. Маленькому проводнику *поручено* отдать эту бумагу генералу Шлиппенбаху; шпоры *вонзены* в бока лошадей—и скоро перелески к стороне Пекгофа скрыли Паткуля и его конюшего, кончившего уже свою роль в Гельмете (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Кто не слыхал об этой ночи, в которую жена его [Бирона], столь надменная и пышная, *предана* поруганию солдат, влачивших ее по снегу в самой легкой, ночной одежде? (Лажечн., Ледян. дом, 1835). Примечание Лажечникова в „Ледяном доме": „Участь Зуды *облегчена*, без всякого однакож со стороны его домогательства... — Ледяной дом рухнулся; уцелевшие льдины *развезены* по погребам".

Как почтительный сын молодой Корсунский письмом просил благословенья у матери. Ответ *получен* скоро и очень длинный. На первых трех страницах княгиня исписала все, что только внушала ей материнская любовь, истощила все ласки, все желания благ и осыпала милого сынка радостными поздравлениями и чистосердечными благословениями (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837). Молодой князь возвратился из Кремля, и бумага *прочитана* в присутствии всех дворовых (там же). Этим облачением предавалась забвению его вина, и поле чести снова ему *отверзто* (там же). Эта драгоценность была мундирный сюртук князя Александра, в котором он *ранен* в Бородинском сражении (там же). Вскоре прибыл туда и Черноевич с женою... Расстройство, в котором *найдено* ими имение, и наступившая весна требовали всей хозяйственной деятельности (В. Панаев, Происш. 1812 г., 1841).

Значительно реже подобное употребление в случаях с причастиями несовершенного вида:

Третьего дня обедал я у Ивана Володимировича, где были г. Тургенев и Поздеев... Последнему *рекомендован* я под именем любителя литературы и *зван* им к себе (Каменев, письмо 1800 г.). В окружении praesens historicum: „...На рундуке еще выпивается полный кубок, „чтобы изливалось изобилие на все видимое хозяйство". Дойдя до берлина, пан полковник *прошен* снова выпить „гладко", чтобы гладилася дорога его ясновельможности. Выкушав также до дна и сей кубок, пан полковник обнимает батеньку..." (Квитка-Основьяненко, Пан Халявский, 1840). Ср. и поздний пример: „...И вот, как нарочно, подвертывается эта благословенная семейка Муромских. Глупый тур вальса завязывает самое пошлейшее волокитство. Дело *ведено* лихо: вчера дано слово, и через десять дней я женат" (А. В. Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского, 1855).

Употребление страдательных причастий на **-н, -т** без вспомогательного глагола прошедшего времени относительно нередко и в XVIII веке. Повидимому, данная конструкция обязана своим возникновением влиянию безличных оборотов на **-но, -то**, преимущественно результативного характера, которые издавна выступали и сейчас известны народной речи почти исключительно без вспомогательного глагола *было*: „сказано—сделано", „об этом не раз говорено" и под.

§ 11. Об употреблении форм причастий на *-м* и вспомогательных глаголов.

Из сложных форм спряжения, в последнее время всё сокращавшихся в своём употреблении, в первой половине XIX века ещё относительно нередки в качестве сказуемых страдательные формы несовершенного вида, состоящие из причастий на **-м** и вспомогательного глагола. Их мы встречаем не только в научной прозе, сильно тяготевшей к старославянским типам, но и в языке значительно более живой и близкой к разговорной речи беллетристики, переписки и под.:

Он был большого роста, имел голову с котел, был сед, но вместе миллионщик, и потому *принимаем был* везде с отличною почестью (Нарежн., Российск. Жильблаз, 1814). Не знаю, случалось ли вам, друзья мои, испытывать переход от бдения ко сну, какой я всегда испытываю; иногда *бывает* он вовсе *не последуем* сном и часто заменяет оный физически (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Поселяне не хотели получать казенного провианта, и я настаивал, чтоб он всегда *был продаваем* в пользу солдат (Булг., Ив. Выжиг., 1829). Мы уверены, что пьеса сия („Пожарский" М. Крюковского) долго еще *будет играема* на театрах русских... („Моск. телеграф", 1829). Вина не лились через край... но после каждого блюда всем собеседникам... *наливаемо было* по большой рюмке отличного вина (Булг., Ив. Выжиг.). Все нововведения не иначе *проводимы были* мною в исполнение, как после многих опытов (там же). Слезы сии отчасти *возбуждаемы были* пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования (Пушк., Станц. смотрит., 1830). Несколько раз порывались отбить ворота, и всегда *бывали отражаемы* с уроном и *провожаемы* в напутье пулями и картечью (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Несколько хозяйственных слов. Все, что вы заказывали, *было посылаемо* и посылается к вам (Н. Полевой в письме к Бестужеву, 1831). Сначала бой этот *поддерживаем был* с остервенением, равным с обеих сторон... (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Между тем осаждающие беспрестанно *обеспокоиваемы были* кабардинскими наездниками и пешими стрелками абзехов, шапсугов, натухайцев и других свирепых горцев Черноморья, сбежавшихся подобно шакалам искать добычи и крови (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Нет! Я уж сказал вам: тогда вы *будете управляемы* одним разумом, одною философиею (Греч, Черн.

женщина, 1834). Тосты за здравие Нимфодоры Михайловны с ее супругом и всем семейством *были повторяемы* с сердечным приятием чувств преданности, должного уважения к почтенному начальнику города и с пожеланием всякого блага и благополучия... (Вельтман, Неистов. Роланд, 1835—1836).

Но ср. в совершенном виде: „...А когда напенились бокалы и *раздались* гостям, все привстали, залпом произнесли: желаю здравия! и потом, как беглый огонь, посыпались похвалы вину...“ (там же).

Только изредка сложные формы с причастиями на **-м** встречаются в поэзии:

Я чувствовал, как конь дышал, Как он, ударивши ногой, *Отбрасываем был* землей (Лерм., 1830). Хотя иногда и вливал он Несколько бодрости в душу свою таким рассужденьем, Но зато с другой стороны все боле и боле Против бедной Ундины *был раздражаем* (Жуковск., Ундина, 1836). ...Не здесь расцвел, не здесь *был величаем* Великий праздник молодости чудной... (Тютчев, 1846).

В отдельных случаях у поэтов можно отметить в роли сказуемых формы кратких (нечленных) причастий настоящего времени без вспомогательного глагола:

Отец сюда *ведом* отрядом войск Тезея (Озер., Эдип в Афинах, 1804). То правда ль, что от всех Димитрий *оставляем*?.. (Озер., Димитр. Донск., 1807). Здесь любопытной взор быть может *привлекаем* Сей грустью, коей ты жестоко толь *терзаем* (там же). Откуда он и кто такой? Не знают, но, в вражде с собой, Он *мучим* тайной роковою (Козл., Чернец, 1824). Надежды были бы напрасны, И к вам не ими я *влеком* (Баратынск., К..., 1824—1835). И ныне Я новым для меня желанием *томим* (Пушк., Желан. славы, 1825). Не мой удел тобой владеть! Но я *любим, любим* тобою! (Кольц., К ней, 1830). Он *мучим* страстию земной И не услышит их моленья (Лерм., Ангел смерти, 1831). Я плачу, я *томим* тоской, Я умереть желаю с ними [с выстрелами] (Лерм., 1841).

Чаще других выступают в подобных формах слова *любим, мучим* и *томим*.

§ 12. Об употреблении кратких и полных форм имён прилагательных в сочетании друг с другом.

В современном языке, где употребление кратких (нечленных) форм имён прилагательных ограничено сказуемной функцией и чисто книжной функцией присказуемных (предикативных) определений, формы полные (членные) и краткие, как правило, не сочетаются в роли параллельных, т. е. при перечислительной интонации и сочинительных союзах. Приблизительно до сороковых годов, времени, когда в поэзии окончательно замирает прежнее свободное употребление в роли определений, наряду с полными,

форм неполных, можно встретить, хотя и не часто, главным образом в стихотворном языке, сочетания форм полных и неполных прилагательных и страдательных причастий, очень редко в сказуемых и определениях, чаще—в определениях предикативных.

Вот несколько примеров:

1. „Вы правы,— отвечал он,— конь *не весьма статен, короток, высок* на ногах, шея *толстая*, голова с выпуклыми щеками, поворот ушей *неприятный*" (Батюшк., Прогулка в Акад. художеств, 1814). О не играй веселых песен мне, Волшебных струн владычица младая. Мне *чужд* их блеск, мне живость их— *чужая*... (Бенедикт., NN-ой, 30-ых годов).

2. И смертный *злобный и лукав*[1] Ни в хижину, ниже в чертоги Не скроется от ваших глаз (Озер., Эдип в Афинах, 1804). Иль, *равнодушен ей и вовсе злополучный,* В сей день желать конца я должен жизни скучной?.. (Озер., Димитр. Донск., 1807). И ниц повергся Громобой, *Бесчувствен, полумертвый*... (Жуковск., Двен. спящ. дев, 1811). Он глядит на лунный свет, *Бледен и унылый* (Жуковск., Светл., 1813). *Повержен, язвами покрытый,* Не смерти жертва, но врагов Добыча брани знаменитой, Познал Оскольд позор оков (Милон., Освобожден. пленники 1815). *Преследуем, разимый* без отпора, Бежит он, глаз не смея обратить (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821). *Гонимый всеми, всеми презираем*, Наш род скитался по свету... (Лерм., Испанцы, 1830). ...Но теперь, *огорченный* сам холодностию графини, *колеблем сомнениями, поджигаем ревностью,* [Стрелинский] пошел навстречу неприятностей, решась платить насмешкой за насмешку, и дерзостью за дерзость (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). *Огорченный* безделкою, *утешенный* взором, *счастлив* до исступления от одного взгляда, одного слова, юноша предается доверчиво (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836). Порой *свиреп и облеченный в злобу*, Он на меня, как бешеный шакал, Откуда-то внезапно нападал... (Соколовск., Хеверь, 1837).

§ 13. *Каков, таков* и под.

В соответствии господствующему в литературном языке в течение всей первой половины XIX века синтаксическому различению в употреблении членных и нечленных форм прилагательных (первые выступают обыкновенно как определения и сравнительно редко — как сказуемые, вторые — как сказуемые и лишь в поэзии первых десятилетий так же, как определения) — и местоимениями-сказуемыми являются обыкновенно **каков, -а, -о, таков, -а, -о,** а не фактически вытеснившие их теперь **какой, -ая, -ое, такой, -ая, -ое.** Ср.:

Вы, как я вижу, все тот же повеса, *каковы были* и до походу (Крыл., Модн. лавка, 1806). ...Но вместе был и доволен, что нашел за себя такого неустрашимого воителя, *каков был* старый

[1] В изд. 1846 года здесь поставлена запятая.

граф, который перекричал всех и одержал полную победу (Жихар., Дневн., 1807). *Каков* я прежде *был*, *таков* и ныне я: Беспечный, влюбчивый (Пушк., 1828).

Нашим *кто такой? кто такая?* и т. д. в языке этого времени также обыкновенно соответствует — **кто таков, кто такова** и под.:

Чего хотите вы? *Кто б* это *был таков?* (Загоскин, Благородн. театр, 1828).

Чтобы узнать, *кто таковы* другие дамы, оживляющие наши источники, надобно, по окончании питья вод, итти в город и смотреть, не пройдет ли какая-нибудь из них и нельзя ли будет определить по ее походке, провожатым, по ее занятиям — кому принадлежит личико, занимавшее нас при источнике (письмо Н. Станкевича, 1827). Но как вы сюда попали? закричала дама: *кто вы таковы?* (Достоевск., Чужая жена и муж под диван., 1848).

Подобные же формы имеем, когда эти местоимения выступают в сказуемной части как предикативные определения:

Таков Ахилл нам в дар бессмертными *был дан* (Озер., Поликсена, 1809). ...Не знаю даже я, *каков тяжел* челнок (Крыл., Пруд и Река, 1814). Видишь ли, *какова тяжка была* обида законному твоему государю... (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). „Ну что же?“ спокойно спросила княгиня. „*Каков* он тебе показался?“ (Ушак., Последн. из княз. Корсунских, 1837). Когда, после долгих изысканий, узнали, *кто я такова*, князь, ...пораженный странностью случая, решился принять меня в свой дом... (Достоевск., Неточка Незванова, 1849).

Намного реже случаи со сказуемым **такой** и под.: „Обычай мой *такой*: Подписано, так с плеч долой“ (Гриб., Горе от ума, 1824). „Теперь следует вопрос: *какое было* намерение Никанора, который, как уже упомянуто, прежде уверил своего друга, а после девушек, что все дело примирения родителей берет на себя, а теперь... столько расстроил сие дело?..“ (Нарежный, Два Ивана, 1825).

§ 14. Согласование сказуемной части с подлежащим.

Из явлений согласования сказуемной части с подлежащим заслуживают внимания также случаи расхождения в роде между именем существительным подлежащего и сказуемого, расхождения, затрудняющего выбор формы прошедшего времени вспомогательного глагола. Об этом явлении В. Чернышёв в своей книге „Правильность и чистота русской речи“, изд. 3, 1914 г., замечает (стр. 201): „Некогда Писарев жестоко осмеивал одного автора, употребившего предложение, в основе которого стояла фраза: Белинский *была* замечательная личность. Критик указывал на нелепость сочетания: *Белинский была* личность. Но если бы автор употребил для слова *быть* форму мужеского рода, его можно было бы упрекать за соединение: *был личность*. Вообще

у нас допускается согласование связки *был, была, было* как с подлежащим, так и со сказуемым существительным". Оставляя в стороне вопрос, в какой мере справедливо это замечание для позднейшего языка (думаю, что в данном случае прав Писарев, а не Чернышёв[1]); для изучаемого времени оно тоже, по крайней мере, не точно.

Факты языка первой половины XIX века не дают впечатления выдержанных. Вот, напр., случаи, где „соблазн" отклониться от правильной конструкции явно преодолён, и построение предложения безупречно:

Для старика *была закон Ее младенческая воля* (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Александрина заливалась слезами и боязливо, с потупленным взором шептала уверения, которые дышали чистой, бескорыстной страстью, в которых *каждый звук был чувство*, глубокое, искреннее чувство (Н. Павл., Именины, 1835). *Записка была пригласительный билет* графини (Верёвк.-Рахманный, Кокетка, 1836). *То* явно *было не случай* (Жуковск., Ундина, 1836). На эту пору друг его вблизи случился: *Друг этот был* — Лиса (Крыл., Лев, Серна и Лиса, 1830).

В других случаях свобода выбора рода в сказуемом объясняется условностью понимания, что́ является подлежащим и что́ сказуемым. Если по характеру фразы направленность мысли автора и не возбуждает прямых сомнений, то условность построения в отношении выбора формы сказуемого всё-таки сохраняет за собою некоторые права. Это имеет место в случаях вроде: „В ризе странника убогой, С детской в сердце простотой Я пошел путем-дорогой — *Вера был вожатый мой*" (Жуковск., Путешественн., 1809). „Мы переехали горы, и *первый предмет*, поразивший меня, *была береза*, северная береза!" (Пушк., письмо Дельвигу, 1824). „*...Самый неприятный анекдот было то,* что сломались у меня колеса, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским" (письмо Пушк. Вяземскому, 1824). „*Первое чувство* Луизы, переступя порог, *был испуг...*" (Лажечн., Послед. новик, 1831—1833). „*Первое ее чувство был ужас...*" (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). „Но *общий характер его лица была какая-то беспокойная задумчивость или рассеянность*" (В. Одоевск., Русск. ночи, VIII, Себаст. Бах, 1835).

В примере: „И для меня в то время *было Жизнь и поэзия — одно*" (Жуковск., Я музу юную..., 1823) трудность согласования вызвана тем, что сказуемое по смыслу требует единственного числа среднего рода.

К прямой погрешности можно отнести случай:

Кто что ни говори, а *Классицизм*, против коего ныне все возопияли, *было дело* весьма удобное (В. Ушаков, Русск. театр, 1829).

---

[1] Ср. „Курс русского литературного языка", изд. 3, 1938, стр. 258—259.

§ 15. Типы тяготения имён прилагательных к сказуемым и формам системы глагола.

Обычное для первых десятилетий XIX века выражение прилагательных, тяготеющих к глагольным сказуемым,— краткая (нечленная) форма (в именительном падеже).

Ср. примеры из прозы:

Я *вышел* из его дома *очень весел* (Нарежный, Российск. Жильблаз, 1814). Они читали вместе, и Аристион *делался пасмурен*, когда мудрый друг его по какой-нибудь причине замедливал приходом (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). Мне мечталось, что я за отличие уже произведен в штаб-офицеры, что я сорвал Георгия с неприятельской пушки, что я *возвращаюсь* в Москву, *украшен* ранами и славою... (Бестуж.-Марлинск., Вечер на бивуаке, 1822). Но когда сестра с радостным приветом: „вы не будете врагами, не будете стреляться“ — *упала* к нему на грудь *бесчувственна*, голос его смягчился (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Пылкий только на день в преследовании замыслов, внушенных прихотью, он не слишком дивился молчанию Стрелинского и очень *покоен* сердцем *приехал* в столицу (там же). Он улыбкою встретил мысль о смерти, потому что смерть никому *не кажется так утешительна*, как обманутой или неудачной любви (там же). Гробовщик *пришел* домой *пьян и сердит* (Пушк., Гробовщик, 1830). Посвященный во все элевзинские таинства Саарвайерзенова дома, Виктор отдохнул за столом от скуки и усталости и, весело кончив вечер, *заснул* весьма *доволен* собою и судьбою (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). Гробовые одежды *лежали рассеяны* (там же). ...Потупив очи, тихо пойдет за рукоделье, которое впервые *показалось* ей *скучно* и *бесконечно* (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Народ, рассуждая о происшедшем, *угрюм, но безропотен разошелся* по домам... (там же). С приятною надеждою засыпал он, уверенный, что увидит ее во сне, и *радостен просыпался*, зная, что наяву с нею встретится (там же). Хвастливость разбойника *показалась* мне *забавна* (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). Она [голова] *вышла* слишком для меня [души] *тесна* (Сенковск., Похожден. одн. ревижской души, 1834). ...Герцог Ниверне, несмотря на свои 74 года, *являлся* в этом случае столько же *мил*, сколько и *неистощим*... („Моск. телеграф“, № 3, 1834). Делиль напал на этого остряка, который *явился* в бою ярче и ловчее обоих старцев, но менее их *нежен* и *умен* (там же). Мы встретили раненого казака: он *сидел*, шатаясь на седле, *бледен и окровавлен* (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). Он *казался* мне *страшен*, я чувствовал невольное отвращение к нему, не умея объяснить причины (Н. Павл., Именины, 1835). ...Где [в Английском магазине] все разоряются и откуда все *выходят счастливы*, в восхищении, как будто выиграли миллион злотых в варшавской лотерее (Верёвк.-Рахманный, Кокетка, 1836). ...Я увлекся приманками страстей, пустых и не-

благодарных; из горнила их я *вышел тверд и холоден*, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни (Лерм., Герой нашего врем., 1839—1840). Я *вышел* из ванны *свеж и бодр*, как будто собирался на бал (там же). Между тем странник *пришел бос и наг* в одну деревню (Лерм., Ашик-Кериб, 1841). Теперь все *стали умны*, даже люди, которые *родились неумны*, и каждый умеет поставить яйцо на стол... (Белинск., Педант, 1841—1842).

Несколько реже в это время возобладавшая теперь конструкция:

Трофим, который, стоя за креслами, повторял те же опыты, приметил, что письмо Кассианово *лежит* на столе *нераспечатанным* (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). Атаман столько выхвалял передо мною доброту своего дома и сада, что я вознамерился купить его, как скоро он и Евгении *покажется удобным* (Нарежный, Бурсак, 1824). Они все и не весть сколько времени *оставались бы безгласными и бесчувственными*, если бы появление Кирика и Улитты [sic!] не разбудило их от смертного сна сего (Нарежный, Два Ивана, 1825). Со всем тем она против ожидания *казалась спокойною* (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). ...И когда глаза их встретились, Каведоне сделал такую мину, которою капуцин вполне *остался довольным* (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841).

Примеры из языка поэзии, в которой конструкции с краткой формой прилагательного были распространены и не редки и в позднейшее время:

Короче: звери все и даже самый Слон, Который был в лесах почтен, Как в Греции Платон, Льву все еще *казался не умен И не учен* (Крыл., Воспит. Льва, 1811). Его красой озарена, Цветами радуги играя, *Лежит* равнина водяная *Необозрима и пышна* (Язык., Две картины, 1825). Там табуны его коней *Пасутся вольны, нехранимы* (Пушк., Полтава, 1828). ...Твой плач, твой стон Ему тогда *покажется смешон* (Лерм., Предсказ., 1830). *Чудесен* рассказ *показался* царю... (Жуковск., Кубок, 1831). Нет, *так прекрасен* никогда Он *не казался* (Лерм., Изм.-бей, 1832). *Грустен и весел вхожу*, ваятель, в твою мастерскую. Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе... Но меж тем в толпе молчаливых кумиров *Грустен гуляю*: со мной доброго Дельвига нет (Пушк., Художнику, 1836). Вот этот путь мне *кажется неверен* (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Седою пеною полна, Подернута свинцовым блеском, Нева *казалася страшна*, Стуча в гранит сердитым плеском (Огарёв, Юмор, 1840—1841).

Намного реже: „И тихо, странник потаенной, *Невидимым приникну* к ней“ (Давыд., Речка, 1834).

Вместе с употреблением кратких форм прилагательных, тяготеющих к глаголам, для первой половины XIX века характерно широкое развитие, особенно в поэзии, подобных конструкций, включая сюда и причастные, с той особенностью, что прилагательные (причастия) выступают в сопровождении ряда относя-

щихся к ним слов и сильно обособляются ритмомелодически. Возможны, впрочем, и случаи, когда резкое обособление выступает и без усложняющих прилагательное зависимых слов.

Ограничиваемся несколькими примерами этого рода синтаксического тяготения:

Мной овладев, мне разум омрачив, *Уверена в любви моей несчастной, Не видишь* ты, когда в толпе их страстной, *Беседы чужд, один и молчалив, Терзаюсь* я досадой одинокой (Пушк., 1823). Пред адской силой самовластья, *Покорны вечному ярму,* Сердца *не чувствуют* несчастья, И ум не верует уму (Язык., Элег., 1824). ...Его стихи, *Полны любовной чепухи, Звучат и льются* (Пушк., Евг. Онег., V, 1826—1828). *Из-под травы едва видна, Цвела ты, прелести полна,* И солнца луч с тобой играл (Козл., К полев. маргар., 1835). И забыв твой флаг державный, *Вновь свободна и грозна, Заиграет* своенравно Моря шумная волна! (Хомяк., Остров, 1836). *Прохлады веющей полна,* Природа тихо *опочила* (Е. Зайцевск., Вечер в Тавриде). *Свободен, весел, полон сил,* Орел великий *встрепенется...* (Язык., Поэт, 1825). *И горд, и тих, и трепетен,* поэт Ей *приносил* свое боготворенье (Язык., Воспом. об А. А. Воейковой, 1831). Небесный свод, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины,— И мы *плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены* (Тютч., 20-ых годов). В раздумье бедняжка под тенью густою *Сидела,* вздыхая, *крушима тоскою* (Козл., Романс Дездемоны, 1831). *Прикован долгом к своему месту,* я *принужден был* в этот раз остаться только зрителем боя, который совершался пред глазами, как на ладони (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). *Волнуем сомнениями и страхом,* что заслужил гнев своей любезной, Виктор, как подсудимый, *явился* в столовую (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). *Пробужден громом и болью,* тигр *взревел* и в два прыжка прямо *ринулся* на меня... (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Чудовище... несколько раз порывалось ко мне и снова, *развлекаемо болью, бросалось* в сторону (там же). *Утомлен жаром, зашел* я напиться чистой ключевой воды в старую мечеть, и там нашел Селтанету (там же). *И обращен к нему спиною В неколебимой вышине,* Над возмущенною Невою *Сидел* с простертою рукою Гигант на бронзовом коне (Пушк., Медн. всадн., 1833). А как прекрасен был тот Запад величавый! Как долго целый мир, колена преклонив И чудно озарен его высокой славой, Пред ним *безмолвствовал, смирен и молчалив*! (Хомяк., Мечта, 1834). И помню я, *исполнены печали,* Средь звона чаш, и криков, и речей, И песен праздничных, и хохота гостей, Его слова пророчески *звучали* (Лерм., Казот, 1839). *Исполнен внутренним страданьем,* Без сна *сидел* я в час ночной, *Сидел, томим воспоминаньем И беспредметною тоской...* (Огарёв, Gasthaus zur Stadt Rom, 1841). Там, нежная и трепетная, та Несет на поцелуй дрожащие уста, Чье имя, *близ меня помянуто без цели, Не даст* мне до зари *забыться* в колыбели (Фет, 40-ых годов).

Употребление прилагательных (причастий) в членной форме в функции тяготеющих к сказуемым и обособленных с относящимися к ним словами менее характерно для первой половины XIX века, так как такое употребление позднее становится преобладающим:

Угрюмый с нами, он [Мазепа] молчал И равнодушнее внимал Полков приветственные клики (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). Тогда, *неописанной радостью полный*, На жизнь и погибель он кинулся в волны (Жуковск., Кубок, 1831). *Немногочисленные, но удачно выбранные, хитрые, благоразумные, испытанные в верности к нему*, они свили гнездо врагов для Швеции в сердце самой Лифляндии (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). *Избалованный всем*, что только окружало его, он привык давать полную волю каждому порыву пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума (Пушк., Дубровск., 1832). На его лице выразилось то состояние души, когда непостоянные, беспредельные мысли ее привязываются все к одному предмету; когда, *неотвязные*, умещаются они в тесных границах одного чувства, одной части... (Н. Павл., Аукцион, 1834). *Страстный к музыке*, я боялся пошевелиться на диване, чтоб не проронить ни одной ноты (Н. Павл., Именины, 1835). ...И, *странный весь по действиям своим*, Еще досель он мне непостижим (Соколовск., Хеверь, 1837). Мир сердцу твоему, мой милый Саша! *Покрытое землей чужих полей*, Пусть тихо спит оно, Как дружба наша В немом кладбище памяти моей! (Лерм., Памяти А. И. Одоевского, 1839).

Ср. и относительно редкие случаи, когда обособляющимися с тяготением к сказуемому являются формы причастий на **щий, щая, щее** или **ший (вший), шая, шее:**

...И, *благородною отвагою кипящий*, В волненьи бодром познаю Могущество души и цену бытию (Вяземск., Негодование, 1820). ...И, *мой пожравшая уединенный прах*, Забвеньем зарастет безмолвная могила (Вяземск., Уныние, 1819). Он встает, *изнемогший под бременем своего торжества*! (Лажечн., Ледян. дом, 1835).

Говоря об обособляющихся именах прилагательных, тяготеющих к сказуемым, стóит указать на специальную категорию, напоминающую их, но вместе с тем и отличную. Она занимает приметное место в поэтическом синтаксисе этого времени (особенно, напр., у Языкова). Это — отдельные полные прилагательные, по существу в большей мере являющиеся определениями, но или сочетающиеся, вопреки отношениям, господствующим в синтаксисе, в качестве определений с местоимениями, или так размещённые в предложении, что оказываются оторванными от определяемого и потому несколько оттолкнутыми в сферу сказуемого:

В мечтах бессонницы и в жарких грезах сна, *Неотразимая*, ты всюду предо мною (Давыд., Договор., 1808). Когда она игри-

выми мечтами, *Радушная*, преследовала их... (Язык., Воспом. об А. А. Воейковой, 1831). Костер пылал — мы долго пировали И, *бурные*, приветствовали день! (там же). Я вас люблю,— хоть я бешусь, Хоть это труд и стыд напрасный: И в этой глупости, *несчастный*, У ваших ног я признаюсь! (Пушк., Признание, 1824). ...И над Невой затрепетали братья, Услышав гармонический твой стон. С седого Пейпуса, *волшебный*, он Раздался, прилетел и прервал сон, Дремоту наших мелких попечений... (Кюхельбекер, 19 окт. 1836). ...Под той горой Волна морская, Клубяся, *бурная*, шумит (Козл., Отплыт. витязя, 1836). Еще тогда еврейка молодая Царевою невестой не была, И, *светлая*, она в чертог вошла, Своей судьбы смиренно ожидая (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Но Волга больше, краше, Великолепнее, пышней. И глубже, *быстрая*, и шире, *голубая*! (Язык., К Рейну, 1840). А горы да горы... они так и давят Мне душу, *суровые*, словно заставят Они мне желанный на родину путь! (Язык., Элег., 1843).

Дальнейшее усложнение типа имеем в примерах, где местоимение, сопровождающееся определением, повторено, но тяготение прилагательного к глаголу по смыслу остаётся сильным:

Но ты, *прекрасная*, ты бурный век отца Смиренной жизнию пред небом искупила (Пушк., Дочери Карагеоргия, 1820). Но ты, *невинная*, ты рождена для счастья... (Пушк., К***, 1821).

Параллельно кратким формам прилагательных (и причастий) в функции тяготеющих к сказуемым, в изучаемое время мы нередко встречаем их и при форме **быть**, примыкающей к глаголу:

А мы... ужель дерзнем *друг другу чужды быть*? (Жуковск., Вечер, 1806—1809). А если изменю... усами Клянусь, *наказан быть*! (Батюшк., Разлука, 1812—1813). Я *быть* всегда привык к себе на службе *строг* (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Француз должен петь очень хорошо, чтобы *быть приятен* (Дневн. Н. И. Тургенева, 1819). Я надеялся *быть* скоро столько же *счастлив*, как и Леонид, или еще более... (Нарежный, Бурсак, 1824). Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен, во-вторых, потому что я надеюсь *быть* ему *должен*; в-третьих... (письмо Пушкина А. Н. Верстовскому, 1830). Будь здоров — и постараемся *быть живы* (письмо Пушкина П. А. Плетнёву, 1831). Они всегда еще успеют *быть схвачены* — но на свадьбе—наших гостей... подумай сама! (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). ...И наконец могла В спокойствии *быть* мирно *весела*... (Соколовск., Хеверь, 1837). Какое вам дело? Может быть, я хочу *быть убит*... (Лерм., Герой нашего врем., 1839—1840).— Но ср. там же: „Никто не умеет так постоянно хотеть *быть любимым*... как ты...“, или: „Я думал — и не без основания — что в прошедший раз она старалась *быть* со мною *столь любезною*, *предстать* перед меня *такою добродушною*, *чистою*, *откровенною*...“ (Сенковск., Предубеждение, 1834); „...Напротив, я жаждала опасностей, желала бы *быть окруженною* ими...“ (⟨Дурова⟩, Кавалерист-девица, I, 1836).

Надо, наконец, отметить частые случаи такого тяготения кратких форм прилагательных и причастий к деепричастным формам глаголов, особенно **будучи, быв(ши)**:

Но мы оскорблены тобой в лице его: Нам всем грозишь, к нему *явясь неправосуден* (Озер., Димитр. Донск., 1807). К обеду собрались в трактир мои товарищи, *будучи весьма веселы* с успеха в начальных своих предприятиях (Нарежн., Российск. Жильблаз, 1814). *Быв сильно заняты* своим предметом, мы и не приметили, как солнце осветило чертог пиршества (Нарежный, Бурсак, 1824). Отец мой, *будучи стар и хвор*, в то время, когда удалился в деревню, не мог сам заниматься хозяйством и оставил мне имение в таком виде, как купил (Булг., Ив. Выжиг., 1829). Конечно, кто прожил свой век, *не бывши обманут*? (С. Аксак., Рыбачье горе, 1829). Иные уверяли, что люди Дубровского, *напившись пьяны* на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселье (Пушк., Дубровск., 1832).

Намного реже примеры, где вместо краткой формы прилагательного выступает полная (членная): „Встреча началась тем, что я был в большом замешательстве, *вбежав закутанный* в горницу" (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Пример — с полнозначным глаголом.

Совсем редко встречаются случаи подобного тяготения к причастиям: „...Выслушай терпеливо, что скажет человек старый, никогда не забывавший о своем благородстве, *приехавший сюда полон гнева и мщения* и уезжающий с тишиною в душе и кротостию в сердце" (Нарежный, Бурсак, 1824).

Особенно редкий случай представляет членная форма прилагательного в именительном падеже, тяготеющего к причастию: „Каково же было изумление и ужас Катерины Рабе... когда драбантский офицер, *бывший до того чрезвычайно смелый и ловкий*, смутился, произнеся крестьянское приветствие новорожденной..." (Лажечник., Последн. новик, 1831—1833).

§ 16. Прилагательные и причастия страдательного залога в кратких (нечленных) формах при инфинитиве *быть*.

Прилагательные (и причастия страдательного залога) в кратких (нечленных) формах[1] при инфинитиве **быть**, употребляющемся самостоятельно, сочетающемся с безличными сказуемыми — **должно, нельзя, довольно** и т. п. или являющемся так или иначе связанным с существительными, почти до самой середины XIX века нередко употребляются в соответствии со старинным синтаксисом в дательном падеже:

Ах! берегитесь: *Любовью можно быть легко ослеплену* (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Зачем же *быть*, скажу вам напрямик, *Так невоздержну на язык, В презреньи к людям так*

[1] Последние, как такие, отличимы от полных (членных) только в единственном числе.

нескрыту, Что и смирнейшему пощады нет? (Гриб., Горе от ума, 1824). Истину должно говорить другу, но столь же осторожно, как и самолюбивой женщине; *снисходительну должно быть всегда* (Батюшк., письмо Н. И. Гнедичу, 1809). Если всякому из нас *так сладостно быть любиму* и одним человеком... (Жихар., Дневн., 1807). ...По ее мнению, молодым людям *нельзя не быть влюбленным* (там же). И мне *спокойну быть*? — о, нет!.. (Лерм., Анг. смерти, 1831). Для этого *необходимо* им [песням] *быть переписанным* на отдельных листках (письмо П. Киреевск. Языкову, 1833). Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы *быть признану* дураком мимо девяти хороших (Гоголь, Мертв. души, I, 1842). *Участь их быть в жертву обреченным*, От небрежения отцов и матерей, Наемным пришлецам, наставникам наемным (Филимон., К Д. А. Остафьеву, 1812—1822). Я был бы рад от всей души, если бы мог выбрать для этого место, которое бы вам более нравилось, если уже это одно *средство быть допущену* к лекциям, которые, по правде, были бы ему очень нужны при теперешнем хорошем состоянии Московск. университета (письмо Н. Станкевича, 1840). Не знаю, как *можно быть слепу* русскому при современных вопросах Европы... (письмо Н. Бестужева С. Г. Волконскому, 1850).

Ср. и более других редкий случай с *быть*, примыкающим к глаголу небезличному: „Это *не помешало мне быть задержану* после, в Сиваслейке, так как губернатор не позаботился дать знать инспектору о снятии карантина“ (письмо Пушк. Н. Н. Гончаровой, 1830). „...Ибо дело совсем не такого роду, чтобы *быть вверену* Ноздреву“ (Гоголь, Мертв. души, I).

Полная форма выступает в подобных случаях у прилагательного-числительного **один**: „Пустыннику тому Соскучилось *быть* вечно *одному*“ (Крыл., Пуст. и Медв., 1807). Так и у прилагательного-местоимения **сам.**

Нынешнее употребление при **быть**, сочетающемся с безличными сказуемыми, творительного падежа, как специфического падежа предикативности, всё время соперничающее с первым, становится приблизительно с тридцатых годов преобладающим. Для сороковых годов устарелость оборота с дательным даёт повод Белинскому иронически цитировать из „Москвитянина“: „Не правда ли, читатели, что надо быть слишком *наглу*, слишком *дерзку*, чтоб ругать такие С(с)тихотворения...“ (Русск. литература в 1844 г.).

Примеры нового употребления:

А я? Мне жребий *пасть* в боях Мечом победы *пораженным*... (Давыд., 1817). Мне нельзя *надеяться быть любимым*: детское возражение! (Пушк., Арап Петра В., 1827). Ротмистр продолжал: ...Надо принадлежать к нему по связям или получать пятьдесят тысяч годового доходу и *быть вписанным* в реестр выгодных женихов (Верёвк.-Рахманный, Кокетка, 1836). ...И угася свой страстный пыл в крови — Ты всю толпу скорее раздави, Чем *быть* тебе *раздавленным* толпою (Соколовск., Хеверь, 1837).

Нам легко *быть согласными* с вами, милый папенька! у вас одно желание — наше счастие... (письмо Н. Станкевича, 1840). На Востоке европейцу очень удобно *быть неуклюжим*: за все его глупости отвечают англичане (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834).

Нужно думать, что конечная победа последней конструкции, среди других факторов, обязана и общему отмиранию в литературном языке около тридцатых годов нечленных форм прилагательных (и страдательных причастий), ещё державшихся в поэзии и тем некоторое время поддерживавших приемлемость нечленных форм в специальной конструкции. Любопытно, что ещё А. Востоков в своей „Русской грамматике“ (1 изд. — 1831; цитируем по 12-му, 1874 г.) правилом в подобных сочетаниях считает дательный (§ 130, д.): „Неопределенное наклонение глагола вспомогательного *быть*, — учит он, — требует в таких случаях дательного падежа и в прилагательных и в причастиях, сочиненных с оным; напр.: ...*Надобно быть готову на всякий случай. ...Нам можно быть спокойным. Им должно быть готовым*“. Употребление творительного он допускает только как специальный случай: „Творительный падеж вместо дательного при неопределенном наклонении глагола *быть* имеет место и тогда, когда употреблен уже дательный в наименовании предмета, к коему относится действие; напр., *быть обязанным кому-либо* (а не *обязану кому-либо*). Но сие есть уклонение от правила, допускаемое во избежание недоразумения, могущего произойти от одинаких падежей в двух словах, означающих не один предмет“.

§ 17. Предикативный творительный.

Очень распространённый в XVIII веке предикативный творительный у имён существительных в большей или меньшей мере абстрактного значения представляет заметную особенность, впрочем, всё время идущую на убыль и в конце концов вытесненную оборотом „*является*“ и под. с творительным.

Раньше всего творительный предикативный исчезает в случаях сохранения связки *есть*. Редкий пример: „Не Полиник, поверь, *есть целию* войны...“ (Озер., Эдип в Афинах, 1804).

Примеры употребления творительного предикативного без связки:

Соединению *предлогом* Полиник, Чтоб замысл гордый их никто здесь не проник (Озер., Эдип в Афинах, 1804). Тщеславие твое унизило чело; Оно *причиною* и слез твоих и стона (там же). „Бабушка!“ сказал плутишка, „Твой совет *законом мне*...“ (Давыд., Мудрость, 1807). Белозерский: ...Что вижу я: увы, ты ранами покрыт! Ксения: О страх! Димитрий: Они теперь *отрадою* душевной... (Озер., Димитр. Донск., 1807). Мне мир *пустынею*, свет солнца ненавижу (там же). Союзники, друзья, супруг и дети милы Под Троей все легли, все *снедию могилы* (Озер., Поликсена, 1809). Но разве ты забыл, Что жизнь твоя *ценою примиренья*? (Жуковск., Орлеанск. дева, 1817—1821). Ах, этот

человек всегда *Причиной* мне ужасного *расстройства*! (Гриб., Горе от ума, 1824). Поверьте (совесть в том *порукой*), Супружество нам будет мукой (Пушк., Евг. Онег., IV, 1826—1828). И ты одна из миллиона дев Весну свою приветствуешь слезами, И я один *причиной* этих *слез*, И я один их осушить не в силах! (Кукольник, Джулио Мости, 1836). Я виноват перед тобой. Мне стыдно. Всему, мой друг, *причиной* злые люди (там же). Вижу, что все безрассудно придумано мной; но *причиной* Этому вы одни, а не я (Жуковск., Ундина, 1836). В трактирах, в кофейнях, в кондитерских лавках, на редутах, везде, где *главным товаром* добрая попойка, лакомство и танцы — не было почти видно других мужчин, кроме военных (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837). Люблю я вас, богини пенья! Но ваш чарующий находд, Сей сладкий трепет вдохновенья,— *Предтечей* жизненных *невзгод* (Баратынск., 1842—1844). Но отмстил ему Иегова! *Казнью* жизнь ему сама... (Хомяк., Навуходоносор, 1849). Мне же сладостный сон *уделом* под явором широколистным! (К. П. Масальск., Море и земля).

Ср. и фразу, где соединены обе возможные конструкции: „Привет холодный состраданья — Все *новой пищей* для страданья, Все *новый, вечный* мне *укор*!..“ (Полежаев, Чир-Юрт, 1832).

Намного реже случаи, в общем параллельные нынешнему употреблению, когда предикативный творительный относится к названию лица и значит „в качестве чего или кого“, „в положении кого“:

А тетушка? все *девушкой, Минервой*, Все *фрейлиной* Екатерины Первой? (Гриб., Горе от ума, 1824). Держася круговой поруки, Как заразительной чумы, Забав, досад, вражды и скуки Взаимно *вкладчиками* мы (Вяземск., Коляска, 1826). Они в цепях, они *рабами*! (Лерм., Кавказск. пленник, 1828). Посмотрите, что́ выходит, когда подобная женщина *супругою* такого человека, как почтенный князь Манычар Мириянович Чундзулеев... (Сенковск., Предубеждение, 1834). ...И почтет себя и весь род свой оскорбленным, услышав, что однофамилец его *лекарем* (Лажечн., Басурман, 1838).

И, наконец, самый редкий — когда в качестве предикативного члена в творительном падеже выступает прилагательное или местоимение-прилагательное:

Но я, покорствуя судьбине, Не в силах зреть себя в прозрачности стекла Ни *той*, которой я была, Ни *той*, которой ныне (Пушк., Венера от Лаисы, 1814). Теперь не догонят злодеи меня! Матильда, друг милый, навек ты *моей*!.. (Козл., Беверлей, 1833).

§ 18. Двойной винительный.

Для синтаксиса падежей первой половины XIX века характерно также относительно частое сохранение в употреблении старой конструкции двойного винительного, только медленно от-

ступающей перед новою — „винительный имени существительного с прилагательным (причастием) предикативного характера в творительном падеже“:

И *нашла его* Марфа *стоявшего на коленях* пред уединенною хижиною: он совершал вечернее моление (Карамз., Марфа Посадн., 1802). *Кассандру вижу* я *идущую смущенну* (Озер., Поликс., 1809). ...И мы вместе смешали наши слезы, отдавши дань справедливой похвалы качествам той, которая *умела* и за гробом *живу оставить себя* навсегда в памяти тех, кои ее любили и ей самой были приятны (И. М. Долгорукий, Журн. путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). Взяли князей Черкасских, Шестуновых, Репниных, Карповых, Сицких; знатнейшего из последних *князя Ивана Васильевича*, наместника астраханского, *привезли* в Москву *скованного* с женою и сыном (Карамз., Ист. гос. росс., X, 1824). Я скажу тебе мимоходом, что Старожилов, *которого* мы *знали* в молодости нашей *столь блестящего, столь веселого, столь рассеянного*, ныне сделался брюзгой, недовольным, одним словом, совершенным образцом старого холостого человека (Батюшк., Прогулка в Акад. худож., 1814). От стужи малого прошибли слезы, и *Ласточку* свою, предтечу теплых дней, Он *видит* на снегу *замерзшую* (Крыл., Мот и Ласточка, 1818). Я находил больных, в особенности ребят. *Иных находил разоренных* от рекрутства (Дневн. Н. И. Тургенева, 1818). ...И суетится, и кипит Толпа поклонников ревнивых, Толкует, ловит каждый взгляд: Шутя *несчастных и счастливых* Вертушки милые *творят* (Баратынск., Бал, 1825 — 1828). Там, на его могиле, под деревянным крестом *нашли ее* однажды *мертвую* (Погодин, Черная немочь, 1829). Он разрешал молчание разве только для того, чтоб журить своих дочерей, когда *заставал их* без дела *глазеющих* в окно на прохожих или чтоб запрашивать за свои произведения преувеличенную цену у тех, которые имели несчастие (а иногда и удовольствие) в них нуждаться (Пушк., Гробовщ., 1830). Мы пошли к Сильвио и *нашли его* на дворе, *сажающего* пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам (Пушк., Выстрел, 1830). ...Но Дубровский со своим кучером поймал одного из них, *которого привел связанного* к себе на двор (Пушк., Дубровск., 1832). Иван Федорович похож был на того франта, который, заехав на бал, *видит всех*, куда ни оглянется, *одетых* щеголеватее его (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька и его тетушка, 1832). Никогда я *не видывал его такого сердитого*,— сказал один молодой парень другому (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Боже мой, что она подумает, *увидя меня сидящего* в этой театральной пустыне, под самою ее ложею! (Сенковск., Предубеждение, 1834). Вероятно, не желая, чтоб *его видели курящего* с армянином, Мустафа скрылся на том же прилавке за грудою фолиантов... (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834). ...И весь дыша чудовищной алчбой *Увидеть вас разбитых* под собой, Он повелел... (Соколовск., Хеверь, 1837). „Погодите,— сказал я майору: — я *его возьму живого*“ (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840).

Ср. у Пушкина в „Путешествии в Арзрум“ (1829—1835), наряду с несколькими случаями двойного винительного, вроде: „Я пошел к нему [Гаки-паше] и *нашел его окруженного* нашими офицерами“; „Татары наши окружали их раненых и проворно раздевали, *оставляя нагих* посреди поля“,— позже возобладавшую конструкцию: „17 июня утром мы вновь услышали перестрелку и через два часа *увидели карабахский полк возвращающимся* с осьмью турецкими знаменами...“

§ 19. Родительный времени.

Родительный времени, бывший в относительно широком употреблении в древнем языке, сузился в употреблении XVIII века и в первую половину XIX перешёл главным образом в слове *год*, изредка — в других:

Но ты велела ли Тверскому объявить, Что *вечера сего* хочу с ним говорить; Что жду его сюда? (Озер., Димитр. Донск., 1807). Словом, г. Горгоний... не может нахвалиться Людмилою, и *прошлого лета*, когда завернул к нам живописец из столицы, он упросил Зинаиду дозволить снять с себя и ее дочери портреты... (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). Вы первые русские, которых мы видим *нынешнего года*... (Греч, Путев. письма, 1817—1838). *Прошлого года* она присылала Луизу в Петербург, для конфирмации (Греч, Поездка в Герм., 1830). *Сего утра* пришла давно ожиданная мною почта из Спа... (там же). ...Вспоминала, какой другой наряд надевала я *прошлого года* в Москве, когда ездила на вечера, на балы (там же). Как было *прошлого, третьего года*, так и теперь (там же). Как мне досадно было разъехаться с тобой *прошлого года*! (письмо Д. Давыдова Пушкину, 1834). Я *прошлого года* попытался не послать ему на именины барашка в бумажке, так он чуть меня совсем не погубил (Загоск., Кузьма Рощин, 1836). ...И Бертальда Им рассказала, как старик и старушка, Также богато им одаренные, город *того же Вечера* вместе покинули (Жуковск., Ундина, 1836). ...Раевский, который *прошлого разу* казался мне немного приглупевшим, кажется, опять оживился и поумнел (письмо Пушкина жене, 1836). Он хотел взглянуть на прыщик, который *вчерашнего вечера* вскочил у него на носу... (Гоголь, Нос, 1836). Вот и прыщик на левой стороне, вскочивший *вчерашнего дня*... (там же). *Прошлого года* так же один военный привез сюда, да и бросил панну (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

§ 20. Творительный времени.

Творительный времени, как в XVIII веке, ещё иногда употребляется в первой половине XIX в значении „в течение такого-то срока“ и с оттенками, приближающимися к нему:

Архангельской город деревянной *одним годом* поставили (Карамз., Ист. госуд. росс., X, 1828). ...*Прошедшим годом* как

я действовал и что со мною судьба сшутила, опишу коротко (письмо Грибоед. к П. А. Катенину, 1820). ...Я сорок пять часов, глаз *мигом* не прищуря, Верст больше семисот пронесся! (Гриб., Горе от ума, 1824). И в наши строгие лета, Лета существенности лютой. При вас одних, хотя *минутой*, Вновь забывается мечта (Вяземск., Море, 1826). Меж тем в борьбе его с молвою Прошло, промчалось много дней... Елецкой мыслил *промежутком*, Полней других созрел рассудком Он в самом опыте страстей... (Баратынск., Цыганка, 1842).

В творительном со значением „когда, в какой отрезок времени", особенно характеризующийся определёнными явлениями природы, в первые десятилетия XIX века употреблялось несколько большее, нежели после, количество понятий:

Туда *зарею* поспешаю С смиренным посохом в руках... (Пушк., Юдину, 1815). *Зарей*, где спят еще, а уж у них давно Пошло плясать веретено (Крыл., Госпожа и две служанки, 1816). То *часом* полночи глубоким Пред теремом твоим высоким *Угрюмой зимнею порой* Я жду красавицу драгую... (Пушк., Юдину, 1815). Хотя и сам он дрожал, вспоминая Все, что там видел *прошедшим днем*... — но самый сей ужас Только что с большею силою влек его в лес... (Жуковск., Ундина, 1833). Ах, теперь *грозой ночною* Милый по морю плывет (Козл., Сон невесты).

Творительный времени — „Вследствие одного из тех странных, безотчетных, своенравных движений мысли, которые случаются обыкновенно после обеда... я почувствовал *одним разом* предубеждение против княгини Татьяны Кондратьевны Чундзулеевой, которая так хороша собою, так умна, да еще так отлично принимает" (Сенковск., Предубеждение, 1834) — повидимому, одна из встречающихся у этого писателя — поляка по происхождению — погрешностей против русского синтаксиса.

§ 21. Творительный причинный.

Творительный причинный, широко употребительный под латинским влиянием в XVIII веке, довольно долго держится в стихотворной речи XIX — приблизительно три первых десятилетия; до этого же времени в гораздо более редком употреблении — и в прозе. Не говоря уже о таких авторах, язык которых теснейшим образом связан с XVIII веком, как Озеров; ср.: „Но дай, позволь почтить последним целованьем Тот меч, *которым* я расстануся с страданьем!" (Эдип в Афин., 1804). „Которого *мечом* мой сын погиб в бою" (Фингал, 1805). „Изобрази княжне, С каким отчаяньем паду *мечом* Мамая, Под гневом Ксении несчастно умирая" (Димитр. Донск., 1807). „Вы помните, как он средь мужественных лет Среди своих торжеств, в течении побед, *Изменою* погиб" (Поликсена, 1809). „Она ль направила ту роковую стрелу, *Которою* погиб славнейший ваш герой?" (там же),—довольно часто встречаем его у многих других: Какая ж прибыль вам, чтоб умер я *зевотой*? (Шаховск.,

Урок кокеткам, 1815). Кто бы ни был погибший, но *бурей* погиб он... (Жуковск., Цеикс и Гальциона, 1819). Остальные товарищи его погибли *изменою* коварных врагов (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). ...Крошечка умерла от простуды, точно *тою же болезнию*, как и наша Саша (письмо Рылеева жене, 1824). ...С широких плеч разбойника морского, *Горячкой* в ту же ночь умершего в тюрьме... (Пушк., Анджело, 1833). В это время я встретилась с тобою, и до сих пор не умею себе объяснить, *какой судьбой* я так быстро увлеклась сердцем (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Братья по природе и по душе, вы теперь близнецы по обстоятельствам, ибо ты *несчастием* его прирос к нему (Вяземск., А. И. Тургеневу, 1830, Остаф. арх., III). Я покидаю землю плода, чтобы перенестись в землю труда... этого великого будильника души человеческой, заснувшей здесь *негою* на персях прелестницы природы (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Лица горцев померкли вдруг будто *тяжелою мыслию*: иные потупили очи, иные отворотились (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Иль зреет плод в родимом чреве *Игрою* внешних, чуждых сил?.. (Тютч., 30-ых годов). ...Тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших *такими несчастными случаями* (Гоголь, Мертв. души, 1842). Воскресает предо мною Край иной — родимый край — Словно прадедов *виною* Для сынов погибший рай (Тютч., 1848).

Сродни творительному причинному творительный падеж лица со значением „благодаря". Употребление этой конструкции даже в начале XIX века встречается редко:

Не правда ли, что мы Краса долины всей? Что *нами* дерево так пышно и кудряво, Раскидисто и величаво? (Крыл., Листы и Корни, 1811). Не *нами ль* царствует корабль наш на морях! (Крыл., Пушки и Паруса, 1827). Однако братец ваш мне друг и говорил, Что *вами* выгод тьму по службе получил (Гриб., Горе от ума, 1824). Я твой, я твой, Аделаида! *Тобой* узнал я, как сильна, Как восхитительна Киприда... (Язык., Адел., 1826). Вы одна моя радость, моя утеха на старости, *вами* я не умру, потому что я весь в вас (Лажечников, Ледян. дом, 1835). Ср. и с отрицательным значением: „Забудут, что покой я *ею* потерял..." (Давыд., 1817).

§ 22. Частные случаи глагольного управления.

Глагольное управление в языке первой половины XIX века в длинном ряде случаев отличается от современного нам. Отчасти это конструкции церковнославянские, постепенно устранявшиеся уже и тогда конкурировавшими с ними русскими и ограниченные в своём употреблении определёнными стилями (поэтический язык, канцелярский слог и под.); отчасти продукты влияния родственных по смыслу конструкций, которое не дало в это время стойких отложений и уступило место традиционным синтаксическим связям.

Управление винительным падежом встречалось в таких, напр., случаях, заменённых в настоящее время другими конструкциями:

Аккомпанировать:

Я сел в уголок софы, прикорнул и слушал, как три нимфы радости... *аккомпанировали сих виртуозов* (Каменев, письмо 1800 г.). ...Но в зале он невольно остановился, увидев и услышав Ольгу, которая... пела следующее, *аккомпанируя* чистый выразительный *голос* свой звуками фортепиана... (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830).

Внимать (наст. вр. — **внимаю** и **внемлю**):

...То здесь я делаю, России *глас внимая* Пред победителем свирепого Мамая (Озер., Димитр. Донск., 1807). Угрюмый с нами, он молчал, И равнодушнее *внимал* Полков приветственные *клики* (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). Они поют, и, с небреженьем *Внимая звонкий голос* их, Ждала Татьяна с нетерпеньем, Чтоб трепет сердца в ней затих... (Пушк., Евг. Онег., III, 1824—1827). ...*Внимая* странника *рассказ*, Старик дивится молодому (Лерм., Измаил-бей, 1832). ...*Внимая* воина *рассказ* О наслажденьях жизни бранной (Полежаев, Чир-Юрт, 1832). ...Лунный лик Так сокровен, — что сердце *внемлет* Во всем таинственный *язык* (А. Майк., Сомнение, 1839).

Соответственно с отрицанием — употребляется родительный: Оружие прийми, когда *не внемлют слов* (Озер., Поликсена, 1809). Шемяка *не внимал ни клика их, ни звука мечей* (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832).

Рядом с винительным в употреблении и нынешняя конструкция с дательным:

...*Внимав стенанию* всех ропщущих сердец... (Озер., Димитр. Донск., 1807).

Так — почти исключительно по отношению к лицам: „*Тому* и слух богов в день горести *внимает*“ (Озер., Поликсена).

Намного реже: „...Где, мнится, сам отец *внимает чад своих*...“ (Милон., Уныние, 1811); ср. там же: „...Природа всякий час готова *нам внимать*...“; „Но мне война еще милей, И я люблю тебя, *внимая Жужжанье* пуль и *звук* мечей“ (Баратынск., Лутковскому, 1823—1824).

Глядеть у Крылова („Обоз“, 1812) встречается с вин. пад. лица: „*Гляди-тко нас*, как мы махнем“.

Дарить в смысле „одаривать“ — кого чем:

Суровый гетман нас любил. Как дед, *дарил малюток милых* (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). Одно меня затрудняет: ты продал все издание за 3000 р., а сколько же стоило тебе его напечатать? Ты все-таки *даришь меня*, бессовестный! (Пушк., письмо Вяземскому, 1824). Вокруг тебя Еще лет шесть они толпиться будут, *Тебя* ласкать, лелеять и *дарить* ... (Пушк., Каменн. гость, 1830). Горные жены... *дарили ее* коралловыми ожерельями и другими нарядами (Греч, Путев. письма, 1817—1838). Завтра

рождение сына! Чем *подарить его*? Надо, чтобы, проснувшись, он увидел подарок перед собой (Н. Павл., Ятаган, 1835)[1].

Достигать, достигнуть. С винительным редко:

Я *цель свою достиг* и здесь на месте лягу... (Лерм., Маскарад, 1835).

Ср.: *достигнуть чего-нибудь, достигнуть до чего-нибудь.*

Ждать в изучаемое время относительно часто управляет винительным и в случаях, когда действие относится к абстрактным понятиям:

Люди прошедшего столетия не поймут меня, ибо их мысли и чувства падали к стопам Екатерины, Зубова и Грибовского! Слова: отечество, общественная польза, жертва честолюбия и жизни для нее — известны были только в отношении к власти, от которой они *ждали взгляд, кусок эмали* или несколько тысяч белых негров (письмо Д. Давыдова П. Д. Киселеву, 1819). И та красавица... Тебя надеждою дарит награды лестной, *Которую* давно любовь твоя *ждала* (Катенин, Мир поэта, 1822). Виновный пред людьми, не пред тобою, Я твердо *жду тот час* (Лерм., 1830). Казалось, час его кончины *Ждал знак условный* в небесах (Лерм., Изм.-бей, 1832). *Четвертый взмах* я долго *ждал*... (Лерм., Бояр. Орша, 1838). ...Но я без страха *жду довременный конец* (Лерм., 1841).

Желать (редко):

Желает он побольше *круг*, Чтоб действовать на многих вдруг (Гриб., Пролог „Фауста", 1825).

Клеветать, — конструкция, употребительная в XVIII веке (у Княжнина, Богдановича и др.):

...И не дашь безумцам ты Толковать твои порывы, *клеветать твои мечты* (К. Павлова, 1840). Ср. и **злословить**: ...Когда б предательски *злословил Сей пол*, которому служил (Пушк., Ответ А. И. Готовцевой, 1828). Все *нас злословят* (М. Лихонин, Разгов. на гробе поэта, 1829). ...Не личит нашему брату *злословить такого знаменитого боярина*... (Загоск., Юр. Милосл., 1829).

Ликовать:

День был прекрасный, все в природе улыбалось и *ликовало появление* лета (Лажечн., Басурман, 1838).

Медлить с винительным встречается редко:

Но ты ли со мною здесь *медлишь свиданье*. Тебя ожидая, давно я томлюсь! Тебя здесь увидеть — одно мне желанье! (Хмельницк., Актеры между собой, 1821).

Мечтать. С винительным употребляется редко:

...Но битвы *славу* и *любовь* Невольно путник там *мечтает* (Козл., К другу В. А. Жуковскому). И я люблю петь про себя в тишине, *Безвестные песни мечтаю* (Козл., Гр. З. И. Лебцельтерн, 1828). ...Это глупость воображать, что, дыша одним воз-

[1] Специальные замечания о падежном управлении при этом глаголе см. у Н. Греча, Чтения о русск. языке, II, 1840, стр. 155—156.

духом, мы *мечтаем одну мечту* (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836).

С этой конструкцией, отражающей влияние *воображать* с винительным, соперничают более употребительные — с творительным; ср. у Козлова же: „Родина святая, Край прелестный мой! Все *тобой мечтая*, Рвусь к тебе душой" (Пленн. грек в темн., 1822), и с предлогом **о** и предложным.

Мстить, отомстить:

О небо, это он, Тот воин, чья рука богатыря сразила И *смерть* моих сынов достойно *отомстила*! (Озер., Димитр. Донск., 1807). Убийцы стекаются со всех сторон *отмщевать Филиппа* (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821). ...Иль сам погибнет, иль погубит — *Отмстит поруганную дочь* (Пушк., Полт., 1828—1829). Ты должен *отмстить меня* (Лерм., Люди и страсти, 1830). И видно, он теперь сию десную Послал *отмстить твою измену злую* (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831).

Намекать. С винительным встречается редко:

Посылаю и тебе [sic!] твои стихи. Я заметил кое-что и *намекнул поправки* (письмо Батюшк. Н. И. Гнедичу, 1811). ...*Что намекает* жизнь и не докажет время... (Вяземск., Байрон, 1827).

Повествовать:

Меж тем как пан Харитон, сидя на столе, *повествовал* Фоме *последнее свое приключение*... (Нарежный, Два Ивана, 1825).

Покровительствовать, старая конструкция, отражающая этимологическое значение слова („покрывать"):

...Снова прокопали каналы; начали ободрять, *покровительствовать земледелие и искусство*... (Перев. „Кратк. обозр. ист. Египта" Шамполлиона младш., „Моск. телеграф", № 3, 1834). Суша не так сердит их [русских] в Италии, как сердила бы дома, потому что здесь она *покровительствует их путешествие* (письмо Н. Станкевича, 1839). Почему честный человек *покровительствует плута*? (Булгар., Победа от обеда, 1841). Она *покровительствовала Искрина* сперва бескорыстно (там же). Параллельно в пассивном обороте—творительный: „...Мы не хотим *быть покровительствуемы равными* — вот чего подлец Воронцов не понимает" (Пушк., письмо А. А. Бестужеву, 1825).

Но ср. и управление, совпадающее с нынешним: „Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и *покровительствуешь* чорт знает *кому*" (письмо Пушкина Вяземскому, 1824). „Мне досадно, что Рылеев меня не понимает. В чем дело? Что у нас *не покровительствуют литературе*, и это — слава Богу! (Пушкин, письмо Рылееву, 1825).

У Сенковского в „Похождениях одной ревижской души" (1834) имеем одновременно: „Всесовершеннейший Шеккямуни *покровительствует просвещению*, утверждая, что грех есть только следствие глупости" и „Слыханное ли дело! этих *бедных китайцев*, которых всесовершеннейшей Шеккямуни особенно *покро-*

зительствует..., заставить ходить три года без шароваров в ожидании счастья!"

Править с винительным падежом редко:

Наездник *правит бег* свирепейших коней (Мерзл., Антигона, изд. 1825 г.). В тишине, На руль склонясь, наш кормщик умный В молчаньи *правил грузный челн* (Пушк., Арион, 1827). Как бьет она в ладони мило, Когда он *правит легкий челн*! (Я. Грот, перев. поэмы Тегнера „Фритиоф", 1841).

Предводить:

Неосторожными найти нас уповая, Для поисков ночных он *предводил татар* (Озер., Димитр. Донск., 1807). ...На место стань мое и мужеством спокойным Ты *рати предводи* ко подвигам достойным (там же).

Пренебрегать, пренебречь:

...Он убедил меня в том, что я напрасно *пренебрегла меру*, которую давно следовало принять... (Сенковск., Предубеждение, 1834). Те, которые *пренебрегают искусство слога*, надеясь на содержание своих сочинений, ошибаются в расчете: они пишут не книги, но только материалы для чужих книг; читателей у них не бывает, они имеют только грабителей („Библ. для чтения", XIV, 1836).

Характерен пример, в котором сочетаются обе возможные конструкции: „Сотни свободных девушек отдавались мне: я *пренебрег их, я пренебрег их любовью* и влюбился в вас, когда вы принадлежите другому" (Верёвк.-Рахманный, Кокетка, 1836).

Ср. и: „Особенно слышно, как он [Крылов] везде держит сторону ума, как просит *не пренебрегать умного человека*, но уметь с ним обращаться" (Гоголь, В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847), где *пренебрегать* управляет, повидимому, родительным, соотносительным с винительным, при отрицании **не.**

Ср. с *пренебрегать*, управляющим винительным, заимствованное из французского родственное по смыслу *неглижировать*: „Ты совсем *неглижируешь музыку*, душа моя!" (Греч, Поездка в Герм., 1830).

Проникать, проникнуть, проницать:

Любви чарующая сила, Как искра Зевсова огня, Всего меня воспламенила, Всего *проникнула меня* (Язык., Элегия, 1825). Но те мечты *проникли душу* мне, — Ужасное мерещилось во сне (Козл., Сон, 1831). Знакомый, милый голос *проник ее сердце* (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). ...Хотя этот кто-нибудь, промолвила она с трогательною улыбкою, и не имеет никакого права *проникать ваши тайны* (Сенковск., Предубеждение, 1834). Змеи, как то известно тебе из Ганджура, одарены чудесным свойством *проникать* взором *все предметы* насквозь... (Сенковск., Похожд. одн. ревижск. души, 1834). Как ты сумел *проникнуть все желанья* И разгадать все мысли у меня (Соколовск., Хеверь, 1837). Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках, Если луна с высоты прямо глядит на меня И, *проникая стекло*, нарисует квадраты лучами По полу... (Фет,

40-ых годов). Чувство сожаления *проникло меня*, и я пожелал видеть это несчастное семейство (Вельтман, Саломея, 1846—1847). ...И прелесть ее *проницала, томила Душу* Гульбранда...(Жуковск., Ундина, 1836).

Руководить:

А ты *меня руководи*, старик... (Соколовск., Хеверь, 1837).

Следить:

Так, ревом яростным пустыню оглашая, Взметая [лапой] пыль и гриву потрясая И ноздри пыльные уткнув в песок зыбучий, Голодный лев *следит* оленя *бег пахучий* (Пушк., 1836). Безвестной думой угнетаем, Он *солнце тусклое следил*, Как мы нередко провожаем Гостей докучливых... (Лерм., Изм.-бей, 1832). ...Когда сквозь вечные туманы, Познанья жадный, он *следил Кочующие караваны* В пространстве брошенных светил (Лерм., Демон, 1838). ...Самые слуги Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, диким и робким Взором *следили господ* (Жуковск., Ундина, 1836). Но я тебя не видел, а враги Везде за мной *следили все шаги*... (Соколовск., Хеверь, 1837). ...Средь звезд бесчисленных одну звезду избрав... *Следит* ее *восход*... (В. И. Туманск., Постоянство). Несмотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушие к событиям современным поэту, Крылов, однакоже, *следил всякое событие* внутри государства... (Гоголь, В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847).

Ср. установившееся теперь управление: „По жужжанию комара можно *следить за его полетом*“ (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840).

Снабдить, снабжать:

И слух между народа шел, что Щука Лисыньке *снабжала рыбный стол* (Крыл., Щука, 1830).

Сопутствовать:

Нравственные силы его... издерживаются на сплетни, которые неизбежно *сопутствуют всякого*, кто слишком отдается свету, людям и страстям своим (Никитенко, Моя повесть о самом себе, под 1840).

Ср. и возобладавшую конструкцию — с дательным: „...И эти слова *сопутствовали Хабару* во весь поход...“ (Лажечн., Басурман, 1838).

Угрожать:

Кто склонится на мир, когда убийства меч *Главу* вождя князей паденьем *угрожает*? (Озер., Димитр. Донск., 1807). ...Но алчные тираны Едва возникшие *наш угрожают край* (там же).

Хотеть иногда встречается с винительным:

А много ли *хотел* я от любви твоей? *Улыбку нежную, приветный взгляд* очей — И что ж нашел? — коварство и измену (Лерм., Маскарад, 1835).

Родительным падежом могли управлять глаголы:

Бежать, убегать:

Их в чадах красоты уже не обновятся — И самые мечты *жилища их бегут* (Милон., Монаст., 1812). — Но ср. там же: „Их

сердце хладное мертвеет в покаянье! В привычке горестной *от радостей бежать*". — Одних я сам пугаюся, другой *бежит меня* (Мерзляк., Среди долины ровн., 1811). *Бежит* предатель *сих дружин*, И чужд им малодушный (Жуковск., Певец в стане русск. воин., 1812). ...Они, о друг, *бегут*, как *приговора*, Твоей любви *младенческого взора*... (Тютч., К Н., 1824). Но что же сон *бежит Елены*? (Подолинск., Глинский, 1830). Беда, когда западет в ретивое страсть, *которой* мы не в силах *ни бежать*, ни победить! (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). ...А то всю зиму *бегал обществ*, чтоб где-нибудь не повстречаться с нею (Сенковск., Предубеждение, 1834). *Меня бегут* воспоминанья, Меня забвение зовет! (А. Н. Муравьёв, Забвение).

Интересен случай сочетания старой и новой конструкции в той же самой фразе у Гончарова в „Обыкновенной истории": „*Я бежал толпы*, презирал ее, — а этот немец... не отрекается от мира и *не бежит от толпы*: он гордится ее рукоплесканиями".

Чего же ожидать от человека, который истинно требует одного покоя и который потому с беспечностью старается *убегать всякого труда*? (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821). Меж ними ходит злой евнух, И *убегать его* напрасно... (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Я должен *убегать вас*, я, изгнанник, отовсюду, где вы только являетесь и приносите с собою счастье (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). ...Дорога *убегала меня*, усталость и голод томили (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). ...Ты себе же повредишь, если захочешь *убегать моего разговора, моего присутствия* (Лерм., Вадим, ок. 1834).

Ср. **удаляться:** „*Я удалился вас и оных мест священных*" (Озер., Фингал, 1805). ...Поет он по сердцу, *сует удален*... (Козл., Графине Лебцельтерн, 1828). ...Сначала сердился на него, потом стал *его удаляться* (Лажечн., Ледян. дом, 1835).

Брезгать, обычно, как и теперь, управлявшее творительным падежом, иногда (редко) встречается (ср. *отвергать*) с родительным: „*Не брезгай нашей хлеба-соли*" (Кюхельб., Юрий и Ксения, 1833).

Взывать родительным управляет изредка:

Быть может, страстию несчастною томима, *Погибших радостей взывает* от небес... (Милон., Монаст., 1812). Ср. *просит*.

Дотронуться, дотрогиваться:

И только смертного *зениц* Ты, ангел слез, *дотронешься* крылами... (Тютч., Слезы, 1823). ...И вы *меня* легко *дотронетесь* рукой (Вяземск., Логогриф, 1823).

Избавить, избавлять:

...Но *вашего* меня *избавьте состраданья* (Озер., Димитр. Донск., 1807). ...Жизнь... которая вовеки памятна будет мне и сотне французов, немцев и итальянцев, турков, бухарцев, индейцев, которых мы *избавили тягостного труда* вставать с постелей с восходом солнца, чтобы подремать в нашей приемной... (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). У Трефиной

я *был избавлен принужденья*... (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). Вечная слава нам внуков *избавить заразы* (Катенин, Гнездо голубки, 1836). Я бы *избавился моих мучений* (Масальск., Осада Углича, 1841).

Наряду с этой издавна — конструкция с **от**...:

Разом *избавил* я шуткой моей Край наш голодный *от жадных мышей* (Жуковск., Суд бож. над еписк., 1831). *Избавляю* вас *от описания гор* (Лерм., Герой наш. врем., 1836—1840).

Искать редко встречается и с родительным падежом имени, обозначающего определённый объект: „Лишь только он остался один, как начал везде *искать конопляного зернышка*" (Погорельск., Черн. курица). Дело идёт об определённом волшебном зёрнышке.

Краснеть *кого-нибудь* или *чего-нибудь*:

Здесь мать, совершив свой долг, *не краснеет взрослой дочери*... (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). „*Краснеют*, как преступления — и чего! — сказала Лизавета Александровна: — *первой нежной любви*" (Гончар., Обыкн. ист., 1847).

Надеяться:

...Пред коим старец сей *надеялся пощады* (Озер., Поликсена, 1809). ...И прошу его, чтоб он ревновал-то ревновал, но все бы любил меня, *чего даже искренно надеюсь* и в чем уверен (письмо Крылова В. А. Олениной, 1825). Многие лишились чрез сего чинов, *коих надеялись* (письмо А. И. Турген. Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). *Надеясь всего хорошего* от личного свидания его с государыней, Эйхлер не отговаривал его (Лажечн., Ледян. дом, 1835). ...Искали хлеба, *надеялись богатой добычи* в помещичьих домах, оставляемых наскоро (В. Панаев, Происш. 1812 г., 1841). ...Но пуще всего пишите о себе, чего желаете, *чего надеетесь* (письмо Чаадаева А. Е. Венцелю, 1850). — Ср. *надеяться на*...

Наполнить:

Аргос и Грецию *наполнил он клевет* (Озер., Эдип в Афин., 1804).

Найти (с именами, обозначающими людей):

...Получит ли Тверский сию княжну в супруги, Иль сердце склонное *найдет иной подруги*?.. (Озер., Димитр. Донск., 1807).

Отречься, отрекаться:

Нет! не хочу ни терпеть, ни *тебя отрекаться,* о милый, Бедный супруг мой... (Жуковск., Цеикс и Гальциона, 1819). ...Мы ль, в самих себе отчаясь, *Отечества* постыдно *отречемся*? (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). ...Зачем ты Так жестоко *отрекся меня,* обещав мне иное? (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841).

Ср. *отречься от*...

Свободиться:

...Когда бы головль мой, почувствуя острое жало, Пронзившее губу, Желая *его свободиться*... наверх не взметнулся (С. Аксак., Рыбач. горе, 1829).

Слушать:

Послушай Власьевны в „Сбитенщике"... (письмо Батюшк. Н. И. Гнедичу, 1809). *Слушай песни круговой*... (Жуковск., Светлана, 1813). Как же *слушать пересудов* мне *людских*? (Мерзляк., Я не думала ни о чем в свете тужить...). Прочитав меморию Тютчева, увидите, что вещь очень любопытная. Жаль, что нет здесь Хомякова: *послушал бы* его об ней *толков* (письмо Чаадаева С. П. Шевырёву, 1848).

Смотреть, посмотреть:

Позволь же, красавица, мне *уборов-то, уборов-то посмотреть*! (Крыл., Моди. лавка, 1806). Один отец чадолюбивый, Породой шваб, а ремеслом портной, Жену и трех детей забрал в театр с собой, Чтоб *драмы посмотреть трагически-шутливой* (Лукницкий, 1807). ...Бесподобное явление для слуха! Оно таково, что заслуживало бы преднамеренного путешествия, единственно для того, чтоб слышать Кашкарова и его музыку, так, как ездят *смотреть руин и древностей* в Италию... (И. М. Долгорукий, Журн. путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). ...Как вдруг пристала страсть другая... *Иногородных стран смотреть*... (там же). Не зову тебя помогать, зову *посмотреть моего боя* с тигром (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832).

Спасаться, спастись:

...И я *спасусь* один чудесно *потопленья* (Мерзл., Сцены из траг. Еврипид.: Ифигения в Тавриде, изд. 1825 г.). ...Да *сих спасусь и впредь грозящих зол* (Катенин, Отрыв. перевода „Бож. ком." Данте, 1827).

Наряду с данной — нынешняя конструкция.

Дательным падежом управляют:

Благоволить:

И воспевал я вас, и вы *благоволили Веселым* юноши *стихам*... (Язык., К. К. Павловой, 1841).

Ещё относительно нередко сохраняется у поэтов в первой половине XIX века старое управление при глаголе **благодарить** (XVIII век знал одинаково — *благодарить кому* и *благодарить кого*; с первым ср. нем. danken jemandem, польск. dziękować komu, укр. *дякувати кому*):

В сей самый день? Восторг... *Благодарю судьбине* (Озер., Фингал, 1805). *Благодарю моим духам* — Без них пришло ли б в мысли вам Мне титул: гробовой прелестник Прелестными стихами дать! (Жуковск., письмо к А. Г. Хомутовой, 1820). Но пищу принял русский пленный И знаком *ей благодарил*... (Лерм., Кавк. пленн., 1828). Графиня *благодарила ей* наклонением головы и приятною улыбкою (Греч, Поездка в Герм., 1830). В „Чтениях о русск. языке", II, 1840, стр. 156, Греч учил различать „благодарю вам", но, при наличии другого дополнения, „благодарю вас за милость".

Жертвовать *кому-нибудь* или *чему-нибудь* чем-нибудь в смысле „приносить в жертву" и „поступаться"; церковнославянская конструкция:

Но кто *любви не жертвовал* собою? (Пушк., 1816). Мой друг Морфей, мой давний утешитель! *Тебе* всегда я *жертвовать* любил (Пушк., 1820). ...Ты муз прилежный обожатель — *Им* даже *жертвуешь* собой... (Лерм., К Грузинову, 1829). И ненавидим мы, и любим мы случайно, Ничем *не жертвуя ни злобе, ни любви*... (Лерм., Дума, 1838).

Касаться, коснуться:

Явись, богиня, мне, и с трепетом священным *Коснуся я струнам*, Тобой одушевленным! (Батюшк., Мечта, 1806). ...Взревел и вырвал с корнем вон Того, кто *небесам* главой своей *касался* (Крыл., Дуб и Трость, 1806). Проснусь — и ты в душе моей Скорей, чем день *очам коснется* (Жуковск., Песня М. А. Протасовой, 1808). Казалось—тень княжны прекрасной *Коснулась трепетным устам* (Пушк., Руслан и Людмила, 1820). Но ты *коснуться Льву*, конечно, не дерзнул?.. (Крыл., Лис. и Осел, 1823). Нет, никогда ничтожный прах забвенья *Твоим струнам коснуться* не дерзнет... (Жуковск., К Ив. Ив. Дмитриеву, 1831). Слепо веря в его счастие, сопровождавшее его [А. Бестужева] в продолжение семилетней боевой жизни, так мы были убеждены, что никакая пуля *не коснется ему*, что в первую минуту известие о его погибели мы сочли ложью... (письмо Н. Бестужева родным, 1837).

Ср. *касаться до..., касаться к...* и нынешнее управление:

...Ее *спокойного лица Касается* рукой дрожащей (Пушк., Русл. и Людм., 1820). ...Руками, грозные нанесшими удары, *Коснешься звонких струн* гитары (Катенин, Мир поэта, 1822). *Их не коснется* суета, Ни пламень неги сладострастной! (Шевырёв, Ночь, 1828).

Ласкать в смысле „благоприятствовать" (ср. употребление XVIII в.):

Зато Фортуна *мне*, к несчастью, *не ласкала* (Батюшк., Перев. I сатиры Буало, 1804—1805). У других — редко.

Манить с дательным изредка; так, в XVIII веке в значении „льстить, потворствовать":

Обманут небом и мечтою, Я проклял жребий и мечты... Но издали *манил мне* ты, Как брег призывный, улыбался... (Вяземитин., Послан. к Рожалину, 1825). „Для меня нет счастья!—думал грустный Роман: — оно *поманило мне* надеждой, будто песнею райской птички, и скрылось..." (Бестуж.-Марлинск., Ром. и Ольга, 1823).

Обречь, обрекать:

Их села и нивы за буйный набег *Обрек* он *мечам и пожарам* (Пушк., Песнь о вещ. Олеге, 1822). Бессильная против этого определения, София *обрекла* Хабара *своему недоброжелательству* (Лажечн., Басурм., 1838). Мне то и дело приходится слышать упреки за то, что я так хлопочу по делам Смирдина, когда он уж во всяком случае *обречен разорению* (Никитенко, Моя повесть о сам. себе, под 1840 г.).

Попрекать:

Вот *попрекать мне станут,* Что без толку всегда журю (Гриб., Горе от ума, 1823). ...Дабы не посмели ахейские жены *Мне попрекнуть,* что богатый столь муж погребен без покрова (Жуковск., Одисс., 1842—1849). Ср. Г р е ч („Чтения о русск. языке", II, 1840, стр. 157): „*Укорять, упрекать, попрекать* слагаются двояко, с вин. и с дат. падежом... Мне кажется, что винительный здесь приличнее".

Праздновать с дат. пад. изредка, как параллель церковнославянскому употреблению: „...Не век им *праздновать веселью и покою*" (Катенин, Мир поэта, 1822).

Принадлежать чему:

Вероятно, правительство удостоверилось, что я *заговору не принадлежу*... (Пушк., письмо Жуковскому, 1826). Один только человек *принадлежал нашему обществу,* не будучи военным (Пушк., Выстрел, 1830). Он был из первых в стае той орлиной, *Которой* ведь и *я принадлежал* (Кюхельб., На смерть Якубовича, 1846).

Обычно — нынешнее управление; ср. *принадлежать к*...

По Г р е ч у („Чтения о русск. языке", II, 156): *Принадлежать* употребляется с дательным падежом, когда означается обладание: „Алеутские острова принадлежат России". С предлогом к, выражая отношение части к целому: „Волга принадлежит к рекам российским".

Простить, прощать:

Так, бьюсь об заклад, что это он; но вы *простите моему любопытству*: скажите мне, какова жена его? (Хмельницк., Актеры между собой, 1821). Кажется, что не писал; *простите всегдашнему недосугу* и не причисляйте мою леность к чему-нибудь иному (письмо Пушк. В. Д. Сухорукову, 1836). *Простите горечи* моих речей (Кукольник, Джулио Мости, 1836). *Прощаю* он *безумию забав;* Но никогда *пирам злоумышленья* (Баратынск., На посев леса, 1842—1844).

Наряду с этим нынешнее управление.

Радеть:

...Но так как этот царь, свой украшая трон, Душою всей *радел своих народов счастью*... (Крыл., Водолазы, 1813). Ср. *радеть о*...: Уж *об твоем ли не радели Об воспитаньи* с колыбели (Гриб., Горе от ума, 1824).

Ревновать:

...Так дочери царской в услугу И евнухи кучей, И жены толпой Теснятся, *ревнуя друг другу* (Катенин, Стар. быль, 1828).

Ругаться:

Они *ругаются богам* (Жуковск., Ивик. журав., 1813). Глупцы не перестают возиться и писать, Дурачить Талию, *ругаться Мельпомене* (В. Л. Пушк., К арзамасцам, 1816).

Следовать:

...Отвсюду слетались стаи птиц... и *нестройному шуму* их голосов *следовала* тотчас совершенная тишина... (И. М. Долго-

рукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). Гроза была страшная, дождь *последовал ей* проливной (там же). Но теперь, после рокового происшествия на баштане, что им оставалось делать, как не положиться на благонамеренность своих путеводителей и *им* безмолвно *последовать*? (Нарежный, Два Ивана, 1825).

Указание Греча („Чтения о русск. языке", II, 1840, 156) регулирует факты ближе к нынешнему употреблению: „*Следовать* — с дательным, когда значит последование умственное, подражание: „*следовать правилам* чести".

Смеяться и под.:

Пускай рабы сует их жребий унижают, *Смеяся* в слепоте *полезным их трудам* (Жуковск., Сельск., кладб., 1802). ...Но, *посмеваяся и вихрям, и грозам,* Стою я тверд и прям, Как будто б огражден ненарушимым миром (Крыл., Дуб и Трость, 1806). ...Бредни этимологистов, *которым насмеялся* Вольтер досыта... (Батюшк., письмо Н. И. Гнедичу, 1811). *Моим стихам смеешься* ты (Козл., К А. И. Тургеневу, 1821). Я *смеялся его словам*, однакож, изведывал наклонности Софьи и каждый день находил в ней новые достоинства... (Бестуж.-Марлинск., Вечер на бивуаке, 1822). Одни *смеются ей*, а те ее бранят (Крыл., Кукушка и Орел, 1830). Как часто я *смеялся поселянам*, Которые, возделывая землю, Не думали, что был Гомер на свете, И бедной песнью бедность запевали! (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833).

Стыдиться:

Если верить на слово нашим расточительным собирателям, то иностранным литературам пришлось бы *стыдиться* пред нашею *бесплодию своему* (Вяземск., 1823). Алеша внутренно *стыдился этим похвалам...* (Перовск.-Погорельск., Черная курица).

Удовлетворить, удовлетворять. Этот глагол с дательным падежом в настоящее время употребляется только в немногих специальных выражениях; в первой половине XIX века дательный падеж выступал при нём чаще:

Нам хотелось, *удовлетворя благопристойности* в самом тесном ее смысле, назавтра же уехать... (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Когда Кассмин *удовлетворил сему желанию,* то генерал, ударя себя кулаком по лбу, вскричал... (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822).

Ср. Греч, „Чтения", II, стр. 156: „*Удовлетворять* требует падежа дательного или винительного: первого, когда предмет действия есть отвлеченный; второго, когда он есть личный".

Усердствовать:

...Они спешат, летят, *Усердствуют тебе* и руку предлагают (Давыд., Договоры, 1808).

Творительным падежом управляют:

Алкать (редко; так иногда и в XVIII веке):

...В побеге равная ждет смерть твоей главы, И *ею алчут* днесь свирепые татары (Озер., Димитр. Донск., 1807).

Винить (редко):

Так пусть Димитрий всех нас *робостью винит*... (Озер., Димитр. Донск., 1807).

Владычествовать:

Мы слабы; все расстроены полки; И *ратником владычествует* ужас (Жуковск., Орл. дева, 1817—1821). ...И неизбежный меч, как некий дух живой, *Владычествует* сам трепещущей *рукой* (там же).

Возобладать (редко):

...Преемник его, Уафре, был счастливее: он *возобладал* снова *народами* Сура и Саиде и островом Кипром (перев. „Кратк. обозр. ист. Египта" Шамполлиона Младш., „Моск. телеграф", № 3, 1834). Ср. *обладать чем-нибудь*.

Господствовать (редко):

...И нега слабостей *господствовала мною* (Вяземск., Отр. из стих. „Деревня", 1817).

Наследовать *чем*:

Он пошел в конторщики, *наследовал отцовскими тридцатью тысячами*... (Даль, Бедовик, 1839). ...Который тотчас же и представил доказательства, что имел полное право *наследовать этим имуществом*... (Достоевск., Неточка Незванова, 1849).

Нуждаться:

Бедняк *нуждается хлебом*, а скупец дает ему лед, оставшийся у него в погребе (Вяземск., Зап. кн., 2). Несмотря на то, что Амстердам погружен, так сказать, в воду, здесь *нуждаются водою* (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821).

Обижаться (редко):

Статьи и стихов Шаликова не читал. Неужто он *обижается моими стихами*? (письмо Пушк. Вяземскому, 1825).

Обуять:

...И хохот *обуял толпой*, И клики вторятся горами (Давыд., Полусолд., 1816).

Платиться (редко) в значении „за что?":

...Пропал к нему весь прежний страх. И *поплатился* он *старинными долгами* (Крыл., Лис. и Осел, 1825). — Ср.: „Французская революция, Польская война также дешево *расквитались долгами своими*..." (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821).

Предпочитаться (редко) в смысле „в каком отношении?":

Скромная, никем не замеченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, *предпочитается* им обеим *простым равнодушным чтением* стихов, которое, по крайней мере, никогда не вредит игре главной актрисы (Пушк., Мои замеч. об русском театре, 1819).

Презреть, презирать:

Когда бы ты не *презрел мною*... (Крыл., Орел и Крот, 1814—1816). Забыл расчетливость, *пристрастным презрел мненьем* (Филимон., К Д. А. Остафьеву, 1812—1822). Стран северных отважный сын, *Презрев и казнью, и Бироном*, Дерзнул на пришлеца один Всю правду высказать... (Рылеев, Волынск., 1822).

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно *ими презирают* (Пушк., 1830). Вы *презираете отцами, Их славой, честию, правами...* (Пушк., Родословн. моего героя, 1833).

Ср. и: „Он *пренебрег* утомительную, длинную *лестницу* постепенных сведений" (Гоголь, Портрет, 1835—1842).

Подобное управление при *не уважать* у Батюшкова („Из записн. книжки", 1817): „Он [генерал Раевский] молчалив. Скромен отчасти. Скрыт. Недоверчив, знает людей, *не уважает ими*",— повидимому, индивидуальная погрешность, как результат смешения с конструкциями „пренебрегать кем", „презирать кем".

Ругаться:

Пришел ли ты *ругаться Моею смертию* и ею наслаждаться? (Озер., Эдип в Афин., 1804). Тот чужеземец, тот нищий, *которым* все так здесь *ругались* — Он Одиссей... (Жуковск., Одисс., 1842—1849).

Скучать:

Когда я *бытием скучаю* И рад бы нить его порвать... (Жуковск., К докт. Фору, 1813). Нет, он *скучает бранной славой...* (Пушк., Бахчисар. фонтан, 1823—1824).

Сокрушаться:

Престарелый Бремзер *сокрушался потерею* дочери (Греч, Путев. письма, 1817—1838).

Стыдиться:

...Мое происхождение, хотя я *им* и *не стыжусь*, не дает мне на то никакого права (Пушк., Роман в письм., 1829). Обычно с родительным.

Упрекать (ср. нынешнее управление творительным падежом глагола *попрекать*):

...Недоброжелательство *не упрекнет* критика *лестию* (Вяземск., О Держ., 1816). Она всегда была одна и даже не допускала Анны, *упрекая* бедную женщину *излишнею ветренностию* (Нарежный, Бурсак, 1824).

§ 23. Влияние на падежную зависимость отрицания *не*.

Случаи, когда отрицание **не** управляет не родительным, а винительным падежом слов, особенно с абстрактным значением или близким к нему, встречаются главным образом в стихотворной речи, и притом преимущественно в первой половине XIX века. Сокращение такого употребления в дальнейшем следует рассматривать как усиление живых разговорных элементов за счёт искусственных книжных. Примеры:

...Он обещался брань не прекращать с Москвою, Доколе *не сорвет* с главы твоей *венец* (Озер., Димитр. Донск., 1807) и тут же: „Доколе — *сей главы не сокрушит* в конец". ...И вы *не встретите* в зерцале мутных вод *Ни утра зарево, ни неба ясный свод...* (Милон., Уныние, 1811). В рассказах *не щадя ни*

дружбу, *ни родство*, Бранят без милости проезжих и прохожих (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Еще семь лет — и *обещанье* Ты *не исполнишь*, может быть (Пушк., К Маше, 1816). Безумный сон покинул томны вежды, Но *мрачные* я *грезы не забыл*... (Пушк., Послан. к Горчак., 1816)[1]. Нет! недостойный *не получит Душистый мой венок*! (Баратынск., Цветок, 1821—1827). ...Ни с кем *знакомство не заводит*... (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). ...*Не изъявляй* мне *сожаленье*, И так жестоко не буди В моей измученной груди Тоски, уснувшей на мгновенье (там же). ...*Не трогай же страдания мои*, Я их люблю... (Шевырёв, Цыганка, 1828). *Не знав коварную измену*, Тебе я душу отдавал (Лерм., К***, 1830). Быть может... Пред миром и тобой врагами униженный, Я *не снесу стыдом сплетаемый венец*... (Лерм., Из Андр. Шенье, 1831). Не тот поэт, кто с смертью не братался, Кто *звук меча, свист пули не слыхал*... Кто синевой небес не восхищался, Кто *глубь морей мечтой не пожирал* (Ростопчина, Кто поэт, 1835).

Заслуживает внимания, что в большинстве приведённых случаев размер стиха не мог оказать никакого влияния на выбор падежа управления.

У Пушкина в юношеском стихотворении „К Юдину“ (1815) можно отметить винительный падеж при глаголе, даже без не требующем родительного (управляемое понятие — конкретное): „...*Не жажду гору* серебра, Не знаю *завтра*, ни *вчера*“.

Очень любопытен, как редкий, случай соединения обоих способов управления при том же глаголе: „*Не буду зреть полей зеленых, Ни чистых вод, ни темный лес, Ни светлую лазурь небес, Ни звезд*, во тьме ночной зажженных“ (Козл., К другу В. А. Жуковскому,— вариант печатного текста[2]).

Стих Пушкина „Два века ссорить не хочу“ одному из его критиков представлялся погрешностью против русского синтаксиса, так как будто бы здесь обязателен родительный падеж. Пушкин по этому поводу заметил, справедливо для ряда случаев: „Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например, *я не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo, правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать *стихи*, а уж, конечно, не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю... цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю“ (<Заметки, связ. с рецензиями на „Евг. Онег.“>, 1830).

Язык современников Пушкина обнаруживает, однако, действительно, в согласии с требованием его критика, большое пристра-

[1] Другие примеры из Пушкина см. Е. Ф. Будде, О поэтическом языке Пушкина, т. V, изд. Брокгауза-Ефрона, 1911, стр. 243.

[2] Изв. Отд. русск. яз. и слов., XX (1916), кн. 2, стр. 83 и след.

стие к тому, чтобы в конструкциях, где сама управляющая часть (инфинитив) отрицания не имеет и только примыкает к слову с **не** или слову с отрицательным значением, употреблять родительный, а не винительный падеж. Тенденция эта в пушкинское и предшествующее время, повидимому, проявлялась несколько сильнее, чем теперь: Но, не владев собою, *Не в силах учредить моих полков* я к бою (Озер., Димитр. Донской, 1807). Да дня такого нет, Чтоб *не боялась* ты за ужин иль обед В курятнике *оставить шкуры* (Крыл., Крестьян. и Лис., 1811). *Нельзя ль маршрута показать* И мне на случай подписать Своей рукою подорожной? (Жуковск., К кн. А. Ю. Оболенской, 1820). ...Но *неспособен* зорким взглядом *Приманок света различать* (там же). ...Но Чеченский, *не дав времени исполнить сего построения*, ударил и овладел транспортом (Д. Давыд., Дневн. партизанск. действий 1812 г., 1820—1822). *Истратить одного червонца ты не волен*, Пока в реку не бросишь кошелька (Крыл., Бедн. богач, 1828). Она рада была читать даже рассказы и возгласы г-на Свиньина, в последствии *не умевшего поддержать одобрения* публики („Моск. телеграф", 1829). *Не желай* дерзновенно *Знать тайны*, Им мудро от нас сокровенной (Жуковск., Кубок, 1831). Если вы *не согласитесь отдать руки вашей*, то застрелюсь... (Гоголь, Ревизор, перв. ред.). Если вы *не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны*, то я, признаюсь, на чорт знает что готов (там же). Я вам даже *не советую дороги знать* к этой собаке, сказал Собакевич (Гоголь, Мертв. души, 1842).

Ср. и у самого Пушкина (письмо брату, 1824): „...Я решительно *не хочу выносить сору* из Михайловской избы — и ты, душа, держи язык на привязи"; (письмо А. Н. Верстовскому, 1830): „...Что если он [Нащокин] умрет, *не с кем* мне *будет* в Москве *молвить слова живого*, т. е. *умного и дружеского*".

Заслуживает интереса и случай, который находим в „Журнале путеш. из Москвы в Нижний 1813 г." И. М. Долгорукого: „электрическая сила" отрицательной частицы, относящейся к местоимению, определяет конструкцию при глаголе: „Поварня, *какой*, право, и в Петербурге *не у всякого большого барина увидишь*".

Наряду с подобными примерами могут быть отмечены у современников Пушкина и параллельные инкриминировавшимся ему:

Не мог бы описать подобный миг Ни ангельский, ни демонский язык (Лерм., Изм.-бей, 1832). *Никто не смел нарушить угрюмое молчание* великого князя (Лажечн., Басурман, 1838)[1].

О том, что **не** должно управлять только родительным падежом, Н. Греч („Чтения о русск. яз.", 1840, часть II, стр. 152) заявляет: „Это правило решительное. Оно наблюдается и тогда, когда отрицание находится пред глаголом, предшествующим управляющему глаголу: „Я не хочу пить вина. Не люблю терять

[1] Ср. и Г. Винокур, Пушкин и русский язык, Сборн. „А. С. Пушкин", Учпедгиз, М., 1937, стр. 36—37.

денег". Литературная практика как предшествующего времени, так и последующего не подтверждает, как видим, категоричности этого указания.

§ 24. Предложное управление.

Из особенностей предложного управления отметим для первой половины XIX века следующие:

Благодаря изредка (не позже третьего десятилетия) употребляется с винит. падежом:

Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси, *Благодаря тебя*, не видим книг доселе... (Пушк., Послан. цензору, 1822). Когда нет мер людским границам И, *мастерство благодаря*, Под стать не живописным лицам Литографирован и я... (Вяземск., Послан. к А. А. Б., 1829). ...Перемирие было и не перестает быть мне спасительным потому, что, *благодаря его*, я с одними казаками безопасно стою пред пехотою и артиллериею Дюрюта... (Д. Давыдов, Занятие Дрезд., 1836). Видишь, тебе не довольно, что я, *благодаря тебя*, ранен и целый месяц был на краю гроба... (Пушк., Капит. дочка, 1836).

Близ, наряду с нынешним значением, могло ещё значить „приблизительно, около". Употреблялось оно и в этом значении с родительным падежом:

Хозяин бился с ней *близ года* (Крылов, Бочка, 1815). Какая нужда мне и вам, друзья, что в Ревеле 1700 домов и *близ 12 000 жителей*?.. (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Однако мы видели в Амстердаме более, нежели двое англичан, живущих с нами в одном трактире и приехавших туда из любопытства уже *близь полутора месяца* (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821). В 1722 году Татищев взят был ко двору, где и пробыл *близ года* (Пушк., О Татищеве, 1836). Закусивши балыком, они сели за стол *близ пяти часов* (Гоголь, Мертв. души, 1842).

В во временно́м значении с предложным падежом употребляется иногда, главным образом, в начале XIX века, в таких случаях, где теперь возобладал винительный:

В мирных днях не унывай, И *в боях* качай-валяй! (Давыд., Гусарск. пир, 1804). Это так далеко от нас! Мы часто и *в новейших временах* о том, что почти в глазах наших происходило, читаем сказки: чего же ожидать о таких отдаленных эпохах? (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). *В обеих эпохах* [в 1812 и в 1813 г.] всегда он [Фигнер] ездил на лошади омундштученной и оседланной французской сбруею... (письмо Д. Давыдова Загоскину, 1830). Имел я лютню в *юных днях*, На золотых ее струнах Бряцал я радость, упованье... (Мятлев, Лютня). Всех приятнее долина близ мызы Ной-Гозенгоф (в *недавнем еще времени* называемой Катериненгоф) (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833).

В нескольких случаях предлог **в** встречается в местном значении в соответствии нынешнему употреблению *на*:

В главном месте за столом сидел старик, первый боярин великого князя Юрья Патрикеевич... (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832); Шпирх служит в каком-то приказе, снимает в наймы какие-то домы *в каких-то улицах*... (Сенковск., Предубеждение, 1837). ...Ты приходи ко мне на дом; квартира моя *в Садовой*... (Гоголь, Нос, 1836).— Ср. однако: „...Но только чтоб *на главной улице*, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дело...“ (Гоголь, Повесть о том, как поссорился Ив. Ив. с Ив. Никиф., 1835). Слушай, дочь! *в Украйне дальной*, Может быть, жених уж твой Обошел налой печальной С красной девицей иной (Катенин, Ольга, 1815). ...Но верное, ужасное преданье *В Украйне* есть у нас... (Козлов, Баллада, 1836).— *В этом представлении* я, идя в кресло, встретился с Фаддеем [Булгариным]... (письмо А. А. Шаховского С. Т. Аксакову, 1830).

Предписания Греча в „Чтениях“ говорят о логических тенденциях урегулировать начавшие колебаться в практике употребления факты, тенденциях, которые в конечном счёте должны были в отдельных случаях уступить „прихотям“ живого языка: „Одна известная точка времени выражается падежом предложным: „он умер *в ночи* на пятницу; *в прошлом году*, *в 1812 году*“.

Правильно ли говорят: „он родился в ночь на Новый Год?“ Нет: „*в ночи* на Новый Год“. *В ночь* означает не одну точку в ночи, а всю ночь, например: „я прочитал эту книгу *в ночь*“; это значит: с вечера до утра, в продолжение всей ночи. Но если при существительном есть определительное прилагательное, употребляется винительный падеж: „*в нынешнюю ночь* приснился мне страшный сон“.— Предлог *на* и в этом случае означает обстоятельство времени приблизительно: „*на* пятом году; *на* заре жизни“. Часы, когда означается продолжение их, полагаются в падеже предложном с предлогом *в*: *в осьмом часу*. Когда же означается точка времени, предел, с тем же предлогом в падеже винительном: *в час*, *в полночь*. По прихоти употребления, *половина* относится к первому правилу, *четверть* к последнему: *в половине пятого часа*, и *в четверть пятого*; *в три четверти пятого*“ (209).

Правила, относящиеся к различению предлогов **в** и **на** при названиях площадей, улиц и под., для своего времени удачно сформулировал Греч же („Чтения“, II, 207):

„...Когда действие обращается на предмет, состоящий из большой, открытой плоскости, представляющейся как бы одною своею поверхностью, преимуществует предлог *на*: *на острову*, *на площади*, *на рынке*, *на дворе*, *на Выборгской стороне*, *на Песках*; в названиях улиц следуют употреблению: *в Миллионной*, *в Морской*... и *на Невском Проспекте*, *на Литейной*, *на Моховой*... В Москве преимуществует *на*: *на Тверской*, *на Дмитровке*. При названиях переулков употребляется предлог *в*: *в Глухом Переулке*. Предлог *в* означает действительное, точное движение предмета в определенное место, во внутренность другого; *на* — движение приблизительное, не точное: „повар *в кухне*;

собака *на кухне*; лошади *в конюшне*; козел *на конюшне*. Корабль плавает *в море. На море* бывает страшно".

При помощи предлога **в** с предложным падежом могли управлять наряду с глаголами, где это управление в ходу и теперь, ещё и такие:

Любоваться:

Вы, в Петербурге, утопаете в беспорядке и *любуетесь в невыдержности* слова (письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1821, Остаф. арх., II). Самовластие во всей своей дикости нигде так не уродствует, как здесь [в Варшаве]; Павел, исступленный, казнил, но *не любовался в уничижении* своих жертв (там же). Ср. нынешнее: „Он *любовался красотой* Одежды бранной и простой" (Пушк., Кавк. пленн., 1821).

Настаивать:

...Отвечал с насмешкою и *настаивал в справедливости* того, что успел наговорить французу (Достоевск., Неточка Незванова, 1849).

Ручаться:

...Живет художник, который рублей за тридцать нарисует, выгравирует и напечатает... портрет ваш, *ручаясь в сходстве* (Греч, Путев. письма, 1817—1838).

Спорить:

Что редкий он артист, никто *не спорит в том*... (Из эпиграммы на Плавильщикова, приписывавш. С. Сандунову,—Жихар., Дневн., 1807). Мы сами вот теперь подходим к чуду, Какого ты нигде, конечно, не встречал, И я *в том спорить буду* (Крыл., Лжец, 1815). Два военачальника *спорили в обладании* ею (Греч, Путев. письма, 1817—1838).

Стоять в значении „настаивать":

Леонид не сердился, но *стоял в том*, что благоразумному человеку надобно в жизни заниматься делом, а не игрушками разгоряченного воображения (Карамз., Чувствит. и Холодный, 1803). Хоть ты его зарежь, а *стоит в том*, что вино прямо с королевского стола (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817).

Странствовать·

Так и ныне, *странствуя в родине его*, я был предметом ласки и внимания его потомства (И. М. Долгорукий, Журн. путешеств. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Ср. и *путешествовать*: „Узнав, что я в первый раз *путешествую в чужих краях*, он взялся быть моим ментором в дороге..." (Греч, Путев. письма, 1817—1838).

Кажется, единичный случай представляет *чаять в*... у Пушкина (письмо Вяземскому 25 мая 1825 г.): „Былое сбудется опять, а я все *чаю в воскресенье мертвых*". Повидимому, конструкцию вызвало бывшее в мысли „верую в..."

Из фразеологизмов отметим:

...в виду:

Послушай, друг, Сойди с дракона своего На этот свежий дерн; заключим *В виду* обеих наших ратей Здесь перемирие... (Жуковск., Руст. и Зораб, 1846—1847).

...*в глазах*, „на глазах“:

...Сражаясь при тебе, иль лавры мы пожнем; Или, *в глазах твоих*, все мертвыми падем (Гнедич, Танкред, 1809). ...Когда на двух ногах исправно Иной так мастерски *в глазах* у нас ползет, Что самый гнусный червь того не переймет (И. М. Долгорукий, Нечто для весельч., 1815). ...Нет укоряющих свидетелей в *глазах*, Как давеча, когда я в обморок упала... (Гриб., Горе от ума, 1824). ...И наконец Балтазар Жерард... убивает его [Вильгельма Оранского] в Дельфте *в глазах супруги*... (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821). И роза всех подруг себя несчастней ставит, Которые в красивых цветниках У всех *в глазах* Цвели, благоухали... (С. Аксак., Роза и Пчела, 1828). — Ср. тут и возобладавшее впоследствии *на глазах*: „...Все розы в цветниках, За то, что были *на глазах*, Все скорой смертью заплатили“.

Напевая себе боевую песенку, он [„азиатец“] чистит винтовку *в глазах русского постояльца* (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). „Помилуйте,— отвечал казначей: его высокопревосходительство *в глазах моих* разнесли лошади, и я поднял его подле моего дома всего разбитого, без памяти“ (Вельтман, Неистов. Роланд, 1835—1836).

С винительным падежом предлог **в** употребляется, в отличие от нынешнего синтаксиса, напр., во фразеологизме *поступить, поступать в службу, принять в службу*.

В винительном выступают названия духовых инструментов при глаголе *играть*:

Не станут пастухи *играть в свои свирелки*... (Батюшк., Н. И. Гнедичу, 1809). *В рожок серебряный играет* Пастух, приставленный к стадам... (Жуковск., Загадка, 2, 1831). — О литаврах у Лажечникова (Басурман, 1838) — вероятно, архаизация: „Слышишь? *играют в набат*“.

Для с родительным употреблялось и в значении „ради“:

Для имени супруг, сестер и дочерей, Всего, что мило вам быть может в жизни сей, Моею казнию прервите огнь раздора (Озер., Димитр. Донск., 1807). Нет, господин ротмистр, у меня есть деньги, я буду кормить свою лошадь на свой счет, и *ни для чего* на свете не расстанусь с нею! (<Дурова>, Кавалеристдевица, I, 1836).

В значении *из-за* „по причине“ **для** очень часто управляет родительным падежом местоимений — **того, чего** и др.:

— „Теперь простите,— сказал я ему,— иду домой записывать в свой журнал нашу с вами беседу“.— „*Для чего* же это?“— „*Для того*, что имею привычку записывать все ежедневные случаи моей жизни“ (Жихарев, Дневн., 1807). Почто небесный гром в ту пагубну минуту, Когда рождался он, не поразил меня? Иль пламя *для чего* подземного огня С несчастной матерью не поглотило сына? (Озер., Поликсена, 1809). Письмо сие будет полуофициальное, и *для того* прошу прочесть его со вниманием... (письмо А. И. Тургенева Вяземск., 1824, Остаф. арх., III).— „Как? Неужели они не могут видеть ее наружных достоинств?“ —

„Видеть!.. Они видят".— „Так *для чего* же не сознаются?"— „*Для того... для того...* вот *для того, что...*" (Шидловск., Пригож. казначейша, 1835).

Ср. и с существительным: „Аммалат был женат, но, как водится на Востоке, *для одних расчетов*" (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). „Не *для блистательного дара* Актеров наших посещал Он душный театральный зал" (Баратынск., Цыганка, 1842). И там же в целевом значении: „Метелей дух не создал нас *Для их блистательных проказ...*"

До с родительным при глаголах в большей или меньшей мере выраженной направленности в первой половине XIX века употребляется чаще, чем теперь; ср.:

Дельвиг, Дельвиг! пиши ко мне и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя — *добился* ты наконец *до точности* языка — единственной вещи, которой у тебя недоставало... (Пушкин, письмо брату, 1823). Я очень рад, что мы *добились до этого неожиданного и удивительного результата* (Сенковск., Древн. гекзам., 1841).

Они *достигли до конца* селенья... (Нарежный, Два Ивана, 1825). Искусство, *до коего достиг* он, было неимоверно... (Пушк., Выстрел, 1830). „Расскажите мне подробно, какое у вас *до него* дело, матушка", сказал он... (Перовск.-Погорельск., Монастырка, II, 1833). Оно [слово „люблю"] было целью, *до которой* я не желал *достигнуть*: после не оставалось ничего (Н. Павл., Именины, 1835). „Получивши первую о том мысль от такой необыкновенной женщины, как вы, signora, надобно быть без сердца, чтобы не *достигнуть до блистательного успеха*", сказал Джулио... (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836). Чудо! верх искусства! Никогда этим итальянцам, никогда французам *не достигнуть до таких великих образцов*! (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841).

Но ср.:

...Я наконец в искусстве безграничном *Достигнул степени высокой* (Пушк., Моц. и Сальери, 1830). Пожар быстро *достигнул деревянных укреплений* (Пушк., Ист. Пугач., 1832—1833). ...И наконец *достигла того*, что неприступный конь ходил за мною, как кроткая овечка (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836). Не выслушав еще, какую *имел до него необходимость* Платон Васильевич, он объяснил ему, что сохранившаяся греческая храмовая архитектура есть пустошь и нейдет ни к селу ни к городу... (Вельтман, Саломея, 1846—1847). И не смеет *коснуться* секира врага *До маслины священной* (Катенин, Софокл, 1818). Едва *касались* мы *до чаши* наслажденья, Но юных сил мы тем не сберегли (Лерм., Дума, 1838).

Особенно долго держится производное от первого значения — *что касается до...*:

...Напротив, *что до меня касается*, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840). *Что касается до Гоголя*, издатель „Отече-

ственных записок" действительно имел честь был знаком с ним, но не больше как знаком... (Белинск., <„М. Д." Гоголя>, 1842).

Из других отдельных, только соприкасающихся со значением направленности случаев вышедшего теперь из употребления управления при помощи предлога **до** — отметим:

Относиться:

...Что-то скоро сказал, отрывисто, не совсем понятно, но о чем-то весьма к нему близком, *до него относящемся* (Дост., Двойник, 1846). К этой старой морали мы можем прибавить то, что вся она *относится только до привычек* (Вельтман, Саломея, 1846—1847). Ср. *касаться до*...

Принадлежать — „относиться к...":

Что же касается до журнала, писанного желчью... то это *до дела не принадлежит*... (Журн. Н. И. Тург., 1821). ...В сборню, так называется изба, а иногда и сарай, где учат молодых солдат всему, что *принадлежит до службы* (<Дурова>, Кавалеристдевица, I, 1836).

За с твор. падежом в причинном значении употреблялось несколько шире, чем теперь:

...Нельзя ли как-нибудь *За слабоумием* отдать его в опеку? (Загоскин, Урок холостым, 1822). Вот в чем было дело: теща моя отлагала свадьбу *за приданым*, а уж, конечно, не я (письмо Пушк. П. А. Плетнёву, 1830). Вероятно, *за вскрытием рек*, почта, которая должна была прийти уже 12-го числа, не пришла еще и сегодня (письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1833, Остаф. арх., III). Днем *за приезжею гостьею* не успевал писать (там же). ...А я буду у нее нарочно, чтоб еще раз увидеть ее добрую Теолину. Эта Теолина... Право, эта Теолина... Я всю ночь не мог уснуть *за этой Теолиной* (Сенковск., Предубеждение, 1834).

Из специальных сочетаний с местоимениями, вышедших позже из употребления, нужно отметить с творительным: **за всем тем** — „при всём том" — и с винительным **за то** в том же значении:

Он лишился матери в малолетстве и, почти не зная отца своего, был привезен в Петербург на восьмом году своего возраста. *За всем тем* он романически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться ее тихими радостями (Пушк., Дубровск., 1832). Надеюсь, что в целой экономии моего тела не найдете вы ни одного золотника чувств рабских и продажных; *за всем тем* я не оспариваю факта, что четыре тысячи душ и триста тысяч дохода, о которых упомянул Шпирх, несмотря на мое презрение к этому мерзавцу, никак не могли уменьшить во мне удивления красоте и уму Теолины, ни поколебать любви к ее особе (Сенковск., Предубеждение, 1834). Самому записному вралю иногда случается сказать правду; но *за то* не перестает он быть вралем (Перовск.-Погорельск., Двойник или Мои вечера в Малоросс., II, 1828).

Из с родит. падежом — „из-за":

Как, *из булавки* ты изволила трудиться? (Гриб., Отр. из „Своей семьи", 1818). ...*Из безделок* леность, холодность нашего

внимания не захочет и взглянуть на певца („Моск. телеграф", XXVI, № 6, 1829).

Рассудя, что ты, вероятно, не захочешь рисковать 1000 р. *из дюжины помады*, я посылал искать оказии (письмо П. Киреевского Языкову, 1833). ...Он переводит *из хлеба* брошюрки для книгопродавцев, и мечтает о поэзии... (Н. Полевой, Аббаддонна, 1834). Эх, брат, зазнался ты! Бывало *из двух рублей* сбегал бы на рысях до самой Рязани (Загоск., Кузьма Рощин, 1836). А позвольте спросить,— возразил Жорж зевая,— *из каких благ* мы обязаны забавлять вас... (Лерм., Кн. Лиговская, ок. 1836). Где ямщик наш, на попойку Вставший с темного утра И загнать готовый тройку *Из полтины серебра*? (Вяземск., Памяти живоп. Орловского, 1838). ...Все кругом заняты, хлопочут *из дела, из вздора*, а я читаю в кофейных газеты и хожу благосклонным, но посторонним зрителем (Герцен, Кто виноват?, 1845—1846). Все хлопочут *из чего-нибудь*: иной потому, что считает своим долгом делать сколько есть сил, другой из денег, третий из почета... Ты что за исключение? (Гончар., Обыкнов. история, 1847).

Редкое исключение *из ради* у Достоевского („Двойник", 1846): „...А так,— иногда, например, по случаю,— из деликатности; другой раз — *из ради совершенной своей беззащитности*, ну и, наконец, потому... потому, одним словом, уж это господин Голядкин знал хорошо: почему!"

Предлог **к** употребляется в изучаемое время при таких глаголах:

Благоговеть:

Каждый уголок действовал и оставил по себе или разительные черты для воспоминаний, или памятники наук и художеств. То и другое приятно; первое, действуя на воображение наше, заставляет *благоговеть к последнему* (Н. Бестужев, Записки о Голл. 1815 г., 1821). Сочинитель, *благоговея к поэтическому дару* великого британского трагика, радуется, что мог повторить одно из прелестнейших его созданий (Дельвиг, примеч. к „Концу золот. века", 1829).

У других писателей обычна нынешняя конструкция (*...перед...*).

Достигать:

Излучистым путем *к фортуне достигая*, Змеин! ты наконец за труд свой награжден (Вяземск., Путь к честности, 1812).

Касаться, коснуться:

Позволь, священна тень, безвестному певцу *Коснуться к твоему бессмертному венцу* (Батюшк., К Тассу, 1818). Люблю, люблю!.. но *к ней* уж *не коснется* Страдальца глас... (Пушк., 1816). Отсохни рука, если *к звонким струнам Коснется* она в угожденье врагам (Козл., Изгнанье). Не смертною был он [мост] поставлен рукой — Кто смертный *к нему бы коснулся*? (Жуковск., Горн. дорога, 1818). Не *касайся к ране*: Станет подживать! (Фет, Колыб. песня сердцу, 1844).— Ср. *касаться чего, касаться чему, касаться до чего.*

Придерживаться:

...И вследствие того просим: *придерживаясь к прежним законам* о чародействе, снова разыскать все дело (В. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833).

Принадлежать:

Писатели, которые утверждают, что Рюрик происходит от кесаря Августа и что осада Трои *принадлежит к славянской истории*, без сомнения не найдут лучших доказательств! (Карамз., Путеш. вокр. Москвы, 1803). ...Но не спрашивайте их [лифляндок] о сердце — это *не принадлежит к домоводству* (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Вот вам, милые друзья, еще несколько брошюр, Вяземскому карикатуры... *К Даниловой принадлежит* картинка с костюмами (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1830, Остаф. арх., III).

Приписать — в значении „отнести" (редко);

Сию холодность к дарованию издатель „Русского Вестника" готов *приписать к патриотизму*; он весьма грубо ошибается (Батюшк., Прогулка по Москве, 1811—1812). ...То адское презренье ко всему, Которым ты гордился всюду, Не знаю, *приписать* его *к уму*, *Иль к обстоятельствам*... (Лерм., Маскар., 1825).

Содействовать:

...Шамшев расположился с своим полком в поле, не желая нисколько помогать нам и *содействовать к овладению* местечком (Д. Давыдов, Дневн. партизанск. действий 1812 г., 1820—1822). Это также должно много *содействовать* к основательнейшему и быстрейшему твоему *исцелению* (П. Киреевск., письмо к Языкову, 1839).

Сострадать:

Пускай грустит: *к нему не сострадаю* боле (Озер., Эдип в Афин., 1804).

Способствовать:

Я предвижу невозможность хорошего порядка вещей и не знаю, сия безнадежность *способствует ли к моему унынию или к спокойствию* (Дневн. Н. И. Тургенева, 1818). По моему сужденью, Пожар *способствовал* ей [Москве] много *к украшенью* (Гриб., Горе от ума, 1824). Я вместе с нею [Неониллой] пробирался в Батурин, но не похищал ее, а только не имел сил ее оставить, *к чему способствовала*... и моя к ней склонность, день ото дня возраставшая (Нарежный, Бурсак, 1824). К *скорейшему утешению нашему* не мало *способствовало* состояние Евгении... (там же). ...И другое обстоятельство, независимое от добрых качеств тетушки, не мало *способствовало к украшению* в глазах Анюты деревенской жизни в Барвенове (Перовск.-Погорельск., Монастырка, I, 1830). ...*И будете способствовать к прояснению* нынешних французских понятий о нашем отечестве (Греч, Обозрен. русск. литер. в 1833 г.). *К этому* много *способствовал мир*, в который он попал (Герцен, Кто виноват?, 1845—1846). Ни то ни другое, правду сказать, *не очень способствует к* ясности (Сенковск., Греч. стихотв. новых поэтов, 1850). Ср. нынешнюю

конструкцию: „...*способствуют... успеху*" (Белинск., Рец. на сочинения Н. Греча, 1838).

Пушкин употребляет фразеологизм *к какой стати*?—*К какой стати* стану я писать к князю Б.? (Капит. дочка, 1833—1834). И *к какой* мне *стати* просить благословения у мужика? (там же).

Отметим ещё фразеологизмы: *ехать* и *посылать к водам*:

Говорят, что Витберг *едет к водам* (письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх.,III). Я точно *еду к водам*, но еще не знаю когда (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). Все шлют Онегина к врачам, Те хором *шлют* его *к водам* (Пушк., Евг. Онег., VIII, 1829—1832).—Ср.: „Николай сбирался еще два лета *провести у вод*..." (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III), и *определить* и под. *к месту*: А, понимаю, какой-нибудь бедняк, которого должно *определить к месту* (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817). Ср.: Богатонов: ...Что ты, голубчик, приехал сюда на время или *хочешь* здесь *к месту*?

Между, меж при ряде глаголов употребляется ещё часто, наряду с творительным,—с родительным падежом. Как редкие случаи можно отметить такие, где как параллельное выступает то и другое управление: „*Между мною и любимого* Безнадежное „прости"... (Бестуж.-Марлинск., Осень). ...Залог живой *Меж праха милого и мной*... (Козл., Кн. Нат. Бор. Долгорукая, 1828). Сочетание же двух возможных типов управления представляет: „...Увидя, Как *меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном*, Все на полу мы... лежали" (Жуковск., Одиссея, XI).

На с предложным падежом встречаем, напр., в выражениях:

Быть на марше:

Отряд графа Орлова-Денисова *был на марше* от Вязьмы к Колпитку... (Д. Давыд., Дневн. партизанск. действий 1812 г., 1820—1822).

Играть, представлять:

Ф. П. Львов... спросил его [Дмитревского], между прочим, справедливо ли, что он там *играл на театре* вместе с Гарриком и Лекеном (Жихарев, Дневн., 1807). Кое-как добрался я до конца пьесы и спросил сонного моего слушателя, что́ он о ней думает и может ли она *быть представлена на театре* (там же). *На этом театре играют* лучшие в Германии актеры (Греч, Путев. письма, 1817—1838).

Мстить:

...Кто плач Израиля сторицей *На притеснителях отмстит*! (Язык., Подраж. псалму CXXXVI, 1830). Нет, нет, Дедан!.. Ты можешь *мстить на мне*, Но... (Соколовск., Хеверь, 1837). :..Слезы мои *отомсти на данаях* твоими стрелами (Жуковск., Илиада, I).

Ср. *вымещать на ком* и *мстить над кем*.

Пасть на сраженьи:

Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх, Днесь *падший на сраженьи* (Батюшк., Мечта, 1806). *На сраженьи пали шведы.*

Турк без брани побежден (Катенин, Ольга, 1815). Ср. *пасть на поле сраженья*. Реже: „Народ любил их власть и *лил на битвах кровь* Для славы рыцарей и собственной свободы" (Гнедич, Танкред, 1809).

Свататься:

...На другой день после нашей приятной прогулки зять мой получает от богатого господина Кибица письмо, в котором он *сватается на Луизе* (Греч, Поездка в Герм., 1830). Сегодня никак целый свет взяла охота *свататься на моей дочери*... (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). ...И если вы теперь же *посватаетесь на моей дочери* законным образом, я готова сей же час удовлетворить вас... (Гоголь, Нос, 1836). ...Мне надо спросить вас, не знаете ли, откуда это вышло, будто вы *сватаетесь на Мелаше* (Даль, Бедовик, 1839).

Ср. у Даля в „Мичмане Поцелуеве (1841): „Барон действительно *сватался на ней* очень настойчиво..." и: „Но Оленька решительно не хотела его знать, равно как и многих других женихов, которые *сватались к ней* уже здесь..."

С винительным падежом:

Вперить очи, взор:

Друзья, *на спящий вражий стан Вперил он страшны очи* (Жуковск., Певец в стане русск. воинов, 1812). И, как орел с вершины гор, *Вперит на крышу светлый взор*... (Лерм., Хаджи-абрек, 1833).

Ср. конструкцию с *в*: „*В науки* он *вперит Ум*, алчущий познаний..." (Гриб., Горе от ума, 1824).

Приговорить:

„...Она помешана, сказал он: видев брата, *Приговоренного на смерть*..." (Пушк., Анджело, 1833). Ср. *осудить на*...

Призреть:

...Он *призрел на мое крушенье* (Гнедич, К Провид., 1819).

Сметь:

Слепое счастие однако же послужило испанцу: никто за неделю не звал графини на попурри, а толпа окружающих *не смела на попытку*, боясь отказа... (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830).

Отметим несколько конструкций первой половины XIX века с предлогом **над**, управляющим творительным:

Владеть (редко):

...Только тому я раб, *над чем* безгранично *владею* (А. Григор., Элегии, 1846). Обычно—нынешняя конструкция.

Вымещать, мстить:

Здесь ульев не более пятидесяти, а голубей было более двухсот, и так за остальных *вымещу я над пасекой* Ивана младшего (Нарежный, Два Ивана, 1825). Иль *над нею*, невинной, Хочешь *отмстить* чужую вину? (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841).

Делать впечатление:

Не знаю, дурная ли осенняя погода *делает надо мною такое грустное впечатление*.. („Библ. для чтения", XVIII, 1836).

Подействовать:

...Кажется, что наши слова *подействовали над его* [Жуковского] *предубеждением*, которое могло бы повредить новому роману [„Юрий Милосл.“ Загоскина] (письмо А. А. Шаховского С. Т. Аксакову, 1830). Без чувств! И верно, проповедь Веррино *Подействовала над преступным сердцем* (Кукольник, Джулио Мости, 1833).

Производить впечатление:

...И по прочтении пьесы решили, что она должна *произвести сильное впечатление над зрителями*... (письмо А. А. Шаховского С. Т. Аксакову, 1830). ...Если его красота *произведет над нею впечатление* (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836).

Разжалобить над:

...Но почтенный Мир-Гаджи-Фехтали... *разжалобил* меня *над бедами* скудного народа... (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836).

В параллель ещё сохраняющейся в это время конструкции **пред** с винительным направления, возможна такая конструкция и при **над**: „Он, Ваш Тасс, меня *привлек над эту пропасть*“ (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833).

О, об.

Этот предлог в известных выражениях встречается с предложным падежом во временном значении:

...Не смей *об рождестве* и на святой неделе Кататься на горах, явиться под качели (И. М. Долгорукий, Нечто для весельч., 1815). Когда-то, *о весне*, зверями В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями... (Крыл., Медведь у пчел, 1816). Я, тож *о рождестве*, пошел в ледник за пивом (Крыл., Два муж., 1823—1825). Там *о заре* прихлынут волны На брег песчаный и пустой (Пушк., Русл. и Людм., Пролог, 1828). Я тебя буду ждать *о полночи* в Медвежьем овраге (Гоголь, Веч. накан. Ив. Купала, 1829).

Временно́е значение с винит. падежом ограничено фразеологизмом: Как! Спать *об эту пору*? (Крыл., Лентяй, 1803—1805). Марья Петровна торопилась, чтоб хозяин, возвращавшийся всегда *об эту пору* из города, застал ее дома... (Погодин, Черная немочь, 1829). До моченого гороха Иван Павлович был страстный охотник, ел его *о всякую пору*, особенно дорогой... (Даль, Паз. Алексеев. Игривый, 1847).

Из диалектной речи у Ершова в „Коньке-горбунке“ (1834): „Вдруг *о полночь* конь заржал“.

У Пушкина встречается:

надеяться о чём-нибудь: Надеюсь, что ты здоров; *о другом надеяться* не смею... (письмо Вяземскому, 1825); ср. *мечтать о чем-нибудь* и под.

В первое десятилетие в поэзии XIX века сохраняется возможность по церковнославянскому образцу название лица действующего при страдательном залоге причастий и аналитических формах, в состав которых они входят, давать с предлогом **от** и родительным падежом:

...Вы вместе милы мне, вы вместе мне священны. И в роковой сей день *покинут я от вас*! (Озер., Димитр. Донск., 1807). Ему принадлежит принять под свой покров *Гонимых от людей, забытых от богов* (Озер., Поликсена, 1809). Я б счастлив был, когда б, гоним своей судьбою, *Забытый от людей,* в них жалости не знал... (Милон., К***, 1810). Одинокая впотьмах, *Брошена от друга* В страшных девица местах... (Жуковск., Светлана, 1813). Ужель умру, не ведая—что радость? Зачем же жизнь *дана* мне *от богов*? (Пушк., Послан. к Горчак., 1816). *Забытый от людей* дубрав безвестный житель... (Баратынск., Воспоминания, 1819). В глуши Богемских диких гор... Братоубийца Святополк, *От всех оставленный,* скитался... (Рылеев, Святополк, 1821). Изобличатся вероломства — И на проклятие векам *Предастся* раб сей *от потомства* (Рылеев, Волынск., 1823). ...И возможно ль, чтоб лучший, Старший и силою первый *не чтим был от младших* и низших? (Жуковск., Одисс., 1842—1849).

В прозе этот оборот можно втретить главным образом у писателей, слагавшихся в XVIII веке:

Нам отведены были комнаты в верхнем этаже, те самые, в которых живал некогда хозяин дома, и они *прозваны* были *от него*, по высоте своей, Парнасом (И. М. Долгорукий, Журн. путешествия из Москвы в Нижн. 1823 г.). ...Де Витты *были преданы казни от того же самого народа,* который незадолго называл их защитниками отечества (Н. Бестуж., Записки о Голл. 1815 г., 1821).

Во фразе: „Нарисовав Андромеду у скалы, *я была осыпана похвалами от молодых и старых Кунатов*“ (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836) сохранению старой конструкции должна была способствовать опасность сочетания в противном случае двух творительных.

По во временно́м значении с дательным падежом употребляется: в смысле — „в какое время?“, „во время, совпадающее с названным в существительном“:

...Он в море корабли отправил *по-весне* (Крыл., Фортуна и Нищ., 1816)[1]. Скажите мне, зачем пылают розы Эфирною душою *по весне* (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Если б вы знали, сударыни, Джулио и Аполлона *по восемнадцатому году*, вы бы с трудом различили их друг от друга... (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836). „А что ж, матушка? — заметил отец: — ведь и ты *по шестнадцатому году* за меня вышла, вспомни“ (Даль, Пав. Алексеев. Игривый, 1847).

Употребление, иллюстрируемое последними примерами, не чуждо и нынешнему просторечию.

Реже употребление **по** с дательным множ. числа в значении „в какие именно повторяющиеся отрезки времени?“:

Они имеют время на все: резвятся, играют между собой комедию, танцуют, а *по зимам* привозятся в Пензу, и там, в кругу

[1] Орфография „по-весне“ говорит о том, что это сочетание начинало сознаваться как переходящее в наречие.

общественном, умножаются забавы их и познанием света (И. М. Долгорукий, Журнал путешеств. из Москвы в Нижний 1813 г.).

По с винительным падежом во временно́м значении редко; сочетания фразеологичны (в их состав входит слово *всякий*):

По всякий день давал пиры, банкеты... (Крыл., Откупщ. и Сапожн., 1811). ...Зато *по всякий год*, Обилием и чистотою вод, И пользу приношу, И в честь вхожу и в славу (Крыл., Пруд и Река, 1814—1816). К тебе душею я *по всякой миг* летела! (Мерзл., Электра и Орест при гробе Агамемнона, изд. 1825 г.).

По с винительным в целевом значении, как и теперь, в первой половине XIX века употреблялось только в стиле с народной окраской.

По с предложным падежом во временно́м смысле употребляется гораздо чаще и шире, чем теперь:

И *по смутном сне* очнулась Мать, рожденная к слезам (Катенин, Леший, 1816). О Сон, божество благодати! Мир души, усладитель забот, усталого сердца Нежный *по тяжких трудах* и печалях дневных оживитель... (Жуковск., Цеикс и Гальциона, 1819). *По смутном сне* безделица тревожит (Гриб., Горе от ума, 1824). *По пробытии* наших путников в дороге около трех часов, они въехали на широкий двор (Нарежный, Два Ивана, 1825). Мы притаили дыхание и не знали, живы или мертвы. *По времени*, дыни и арбузы принесены ведьме, и началось пиршество (там же). ...С добычею в Киев родной возвратясь, *По буре* покоился *бранной* (Катенин, Стар. быль, 1828). По *долгих бедствиях*, отец и я В Венецию пришли (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Что до меня касается, то я, *по удачном... окончании* первого издания, совершенно решился заняться этим делом не на шутку... (письмо П. Киреевского Языкову, 1833). „...Надеюсь, что услышу", прибавил он улыбаясь, *по некотором размышлении* (В. Одоевск., Русск. ночи, Последн. квартет Бетховена, 1831). „Я почти уже переплыл житейское море", сказал он *по некотором молчании* (Масальск., Осада Углича, 1841)[1].

В ходу также близкий к временному оттенок, но не покрывающийся временны́м значением („после, за"):

Любезный сын, *По мне* наследник ты один... (Крыл., Воспит. Льва, 1811). ...Как курносый злодей [Павел] Воцарился *по ней* [Екат. II] — Горе! (А. Бестуж. и Рылеев, 1824).

В определённых выражениях **по** с предложным возможно в значении „в каком отношении": „Да как же ей, мой ненаглядный, было и не знакомиться со всеми? Ведь *и по отце и по муже* она ни родом, ни чином не ниже кого!" (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837).

Параллельно допускалось управление дательным.

По управляет в ряде случаев, относящихся только к единственному числу, дательным и предложным имён существитель-

[1] По в таком значении с дательным у Пушкина в письме к А. Н. Мордвинову (1836), повидимому lapsus calami: „Мне вручено оное [письмо] тому с неделю, *по моему возвращению* с прогулки..."

ных и только предложным местоимений *кто* и *он* (*оно*): *скучать по отце* и *по отцу, скучать по ком-нибудь, стрелять по нём*. Ср.:

Лжец ни один у нас *по нем* [по мосту] *пройти* не смеет (Крыл., Лжец, 1815). Прости, любезный, не отвечай на это письмо, но *сделай по нем*, в его смысле и как можно выгоднее для меня во всех отношениях (Батюшк., письмо Н. И. Гнедичу, 1821).— Возможны также *по коем, по чём*: „А все чуден и мост, *По коем* мы *пойдем*...“ (Крыл., Лжец).

Отступлением от нормы и для его времени было употребление Тютчевым **по** с предложным падежом имени существительного во множественном числе: „...Ты скажешь: ангельская лира *Грустит* в пыли *по небесах*!“ (Проблеск, 1825).

Ещё более резким нарушением является случай, который находим у А. А. Шаховского (Расхищен. шубы, II песнь, 1812): „Потом и Гашпар сам в кафтане драгоценном, Ходящий *по лугу, цветами испещренном*“. — Прилагательное „испещренном“ указывает на понимание автором „по лугу“ как предложного падежа, что представляет собою или неверное восприятие конструкции по аналогии колебания **по** с предложным и дательным при определённых глаголах, или же отражение возможного у Шаховского украинского влияния. Ср. и у Дуровой (Кавалеристдевица, I, 1836): „...Поклялась в душе никогда не позволять воспоминаниям ослаблять дух мой, но с твердостью и постоянством итти *по пути,* мною *добровольно избранном*“.

К неправильности же, повидимому, недосмотру автора, надо отнести смешение у Гончарова („Обыкнов. ист.“, 1847) обеих возможных конструкций: „А здесь... какая тоска! И провинциал *вздыхает и по заборе*, который напротив его окон, и *по пыльной и грязной улице, и по тряскому мосту,* и *по вывеске* на питейной конторе“.

Заметим ещё, что в первой половине XIX века вообще при глаголах *скучать*, *грустить* и родственных им по значению **по** употребляется значительно чаще, чем теперь (в наше время преобладает **о** с предложным).

Весь город *плачет по смерти* Чернышевой (письмо А. И. Турген. Вяземскому, 1824, Остаф. арх., III). *Не горюй по летним розам*... (Хомяк., К*, 1832). Он начал размышлять о причине этой новой тоски и открыл, что ему было *скучно — по Петербургу*!? (Гончар., Обыкн. ист., 1847), и мн. др.

В тех случаях, где теперь **под** употребляется с винительным падежом в значении „сопровождающего звучания“, в первой половине XIX века употребляется чаще — творительный:

...Измученный напевом Бессмысленных стихов, Ты *спишь под страшным ревом* Актеров и смычков? (Пушк., Послан. к Галичу, 1815). ...Или *дремлешь под жужжаньем Своего веретена*? (Пушк., Зимн. вечер, 1825). ...И кормчего на палубе взыванье Ко страже, *дремлющей под говором валов*... (Батюшк., Тень

друга, 1816). Когда перевозить туда мой будут дом, Тогда *под музыкой* с приятелями в нем, Пируя за большим столом, На новоселье я *поеду*, как в карете (Крыл., Механик, 1816). Мы не страшимся тяжкой муки: Давно, давно *привыкли* к ней В часы твоей угрюмой скуки *Под звуком* тягостных цепей (Полежаев, Демон вдохновенья, 1832). ...Там — *под музыкой* времен Окровавленные пляски Поколений и племен... (Бенедикт., Пир, 1843).

Любопытно, что в вольном переводе баллады Бюргера „Ленора", сделанном Катениным (1816), Н. И. Гнедич, выступивший в „Сыне отечества" (XXXI, № 27, 1816) под псевдонимом—Житель Тентелевой деревни, видел — ошибку против грамматики: в стихах „Рать *под звон колоколов Шла* почить от всех трудов", по мнению рецензента, винительный падеж употреблён неправильно. В своей контррецензии Грибоедов решительно отверг это замечание, ссылаясь на то, что „так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением". Что Грибоедов был прав, подтверждают примеры из других авторов этого и близкого времени: „...Хоть *под звук цепей* Он *усыплялся* в колыбели..." (Дельвиг, Поэт, до 1817). „...*Под кастаньет* с веселой красотой *Поет* романс и пляшет, как испанец" (Дельвиг, С. Д. Пономаревой, 1823). „Есть под лесом две слободки, Где, резвясь под вечерок, *Пляшут* парни и молодки *Под волынку и гудок*" (Л. Якубович, Леший). — Стоит, однако, отметить у самого же Катенина („Мир поэта", 1822) и управление в подобном случае **под** — творительным падежом: „...И, плавно *двигаясь под лирным строем,* хор Гремит таинственным, высоким песнопеньем..."

Пред, перед с винит. падежом продолжает в первой половине XIX века старинное употребление — в значении направления действия:

Но, призванная мной, она *идет пред нас* (Гнедич, Танкред, 1809). Мой друг! счастливого возврата, Когда на родину дождусь И *пред домашнего пената* С смиренной жертвою *явлюсь*! (Милон., К сестре моей, 1812). *Пред хана* в смутном ожиданьи *предстали* мы... (Пушк., Бахчисар. фонтан, 1823—1824). *Пред новый небосклон* Я *перенес* права студентского досуга (Язык., Камби, 1831—1833). ...Она старалась... *предстать перед меня* такою добродушною, чистою, откровенною (Сенковск., Предубеждение, 1834). Заметьте, что я уже умел довольно смело *предстать пред многочисленное заседание* гостиной (Н. Павл., Именины, 1835). „Для вас это необходимо, Александр Васильич", сказал он, *выезжая перед фронт*... (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836). *Выступил* тут *пред народ* Галиферд, многоопытный старец... (Жуковск., Одисс., 1842—1849). Но пусть я спокойно, светло и здорово *Предстану пред жертвенник* муз... (Щербина, Дифирамб, 1850).

При в выражениях: **при боку, при полку** управляло формой местного падежа:

На нем были замшевые панталоны; *при боку* шпага (Гоголь, Нос, 1836). *При резервном полку оставалась* пехота (Д. Давы-

дов, Дневн. партизанск. действий 1812 года, 1820—1822). *Остается при полку* на все время похода... (Даль, Подолянка).

Про в значении „для" нередко в первой половине XIX века с большим или меньшим налётом просторечия:

Хоть честный человек, хоть нет, Для нас ровнехонько: *про всех готов* обед (Гриб., Горе от ума, 1824). ...И *про домашнюю забаву* Непозолоченный гудок (Вяземск., Мои желания, 1823). ...И деньга лишняя в кармане *Про нищету и сиротство* (там же). *Живем* мы *про себя*, вы *про других живете* (Вяземск., Гусь, 1823). И кто ж не хочет забыться от забот здешней жизни, вкусив хоть несколько капель у фонтана этого веселья, *бьющего для всех и про каждого*? (Лажечн., Ледян. дом, 1835).

Противу[1] и **против** с родительным „соответственно с...":

„...Сверх того, последние нижние чины будут получать пайки *противу наших унтер-офицеров и рядовых*" (Жихар., Дневн., 1807).

Возможен и теперь, как просторечный, оборот: „Хоть *против твоего* мой блеск и беден", Алмаз ответствует: „но я безвреден..." (Крыл., Пожар и Алмаз, 1814). Себе ты можешь взять *Противу моего* хоть вдесятеро боле (Крыл., Мальчик и Червяк, 1819). Датчане перевешали старейшин округов Иервена и Аллентакена... а эстонцев обложили *тройною противу прежнего податью* [в 1219] (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821), — значение „сравнительно с..."

С с родит. падежом в значении причинном и близких к нему употребляется в изучаемое время намного чаще, чем теперь:

С совета твоего, Оленин, я решился Народов северных Ахилла описать... (Озер., Посв. к „Фингалу", 1805). Но Поликсены дни Оружьем защищать *с какого* буду *права*? (Озер., Поликсена, 1809). И оскорбляться сим *с каких* он может *прав*? (там же). Он твой премудрый ум дарами ослепил, И *с воли* ты *его* в шатер ко мне вступил (там же). *С нетерпенья* кони рвут Повода шелковы (Жуковск., Светл., 1813). ...Поговорим о том, о сем, Красноречивые *с похмелья*! (Дельвиг, Моя хижина, 1818). На берег выброшен кипящею волной, Пловец *с усталости* в сон крепкий погрузился... (Крыл., Пловец и Море, 1819). Полагая, что хорошее писано *с умысла* — не счел за нужное отмечать для тебя (Пушк., письмо Рылееву, 1825). Не раз мне *с дела и безделья*, Не раз *с унынья и с веселья, С излишества* добра и зла, *С тоски* столичного похмелья О четырех колесах келья Душеспасительна была (Вяземск., Коляска, 1826). Баратынский болен *с огорчения* (письмо Пушк. П. А. Плетнёву по поводу смерти Дельвига, 1831). ...И подсмотря, что *с грусти и печали* Я силами заметно изнемог, Они толпой набросились врасплох — И скорб-

[1] Противу, как и против, обычно в первые десятилетия XIX века также и в значении нынешнего *против*; ср.: „Но что могла сделать горсть людей *противу* тысяч, беспрестанно возрастающих" (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). „...Я офицер и дворянин; вчера еще дрался *противу* тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастие всей моей жизни зависит от тебя" (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834).

ного в страдания умчали (Соколовск., Хеверь, 1837). ...И жженки из вина, из сахару да рому Ты не вари: *с нее* бывает много грому (Язык., Ундина, 1839—1841).

Сквозь, наряду с нынешним управлением винительным падежом, управляло и родительным. Примеры такого управления у писателей многочисленны:

...Спокойно смотрит *сквозь очков* На стычку Фокса с Шериданом... (Дмитр., Путеш. NN в Париж и Лонд., 1803—1807). Пойду любезничать *сквозь слез* (Гриб., Горе от ума, 1824). Еще природа не проснулась, Но *сквозь редеющего сна* Весну прослышала она... (Тютчев, 30-ых годов). Тускло месяц дальной Светит *сквозь тумана*... (Огарёв, Дорога, 1841). Луна печально мне в окно *Сквозь серых туч* едва сияла... (Огарёв, Gasthaus zur Stadt Rom, 1841).

У Пушкина в „Воеводе" (перев. из Мицкевича, 1833): „...Входят в сад — и *сквозь ветвей*, На скамейке у фонтана, В белом платье, видят, панна И мужчина перед ней". И там же: „А *сквозь ветви* те глядят..."

У с родительным падежом в значении „возле, подле", как и теперь, употреблялось при названиях предметов неодушевлённых. Можно однако отметить и случай, чуждый нынешнему употреблению, где этот предлог управляет в том же значении родительным падежом лица: „Я еду в Петербург, где ждут меня дела, Как вдруг *у вас* моя ломается карета" (Хмельницк., Воздушн. замки, 1818).

Если этот случай не индивидуальное отклонение Хмельницкого, то нынешние отношения (*возле*, *подле* и *у* при названиях неодушевлённых предметов, но только *возле* и *подле* при одушевлённых) следовало бы тогда рассматривать как результат урегулирования, ведущего к большей ясности синтагмы: **у** со значением принадлежности характерно главным образом для имён существительных одушевлённых, и потому другое значение „возле, подле" могло угрожать двусмысленностью.

Через, чрез с винительным падежом в значении „из-за, благодаря":

Пусть Парка не прядет из злата жизнь мою И я не буду спать под бархатным наметом: Ужели *через то* я потеряю сон? (Батюшк., Сон могольца, 1808). А воин между тем, пришедший на клюке И *через них* одних не в лавровом венке, Простря под окнами исстреленну десницу, За счастье чтит достать от их стола крупицу (Д. Горчаков, Послан. к кн. С. Н. Долгорукову, до 1824 г.). „Я думаю, — отвечал сын значительно, — что эти тяжбы прекратятся смертью или *через какие-нибудь чудесные происшествия*" (Нарежный, Два Ивана, 1825). Быть может, *через этот сон* Его судьбу узнает он (Лерм., Измаил-бей, 1832). Они [приятельницы] говорили ей, что мать, которая кормит грудью свое дитя, *через это самое* начинает любить его (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836). ...Я нахожу гораздо приличнее и удобнее изображать такие типы, которых совсем нет в действитель-

ности, но которые были бы очень смешны: *чрез это* автор достигнет двух целей разом — доставит удовольствие своим читателям и никого не обидит (Белинск., Педант, 1841—1842). В досаде и в справедливом негодовании противу их всех, Чацкий переходит также в излишество, не замечая, что *через это самое* и *через этот невоздержный язык свой* он делается сам нетерпим и даже смешон (Гоголь, В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847).

Заслуживает ещё упоминания несколько наречий с управлением предложного типа или примыкающими предлогами:

Близко с родит.:

Плывет... Уж *близко челнока*; Но сила року уступила... (Рылеев, Смерть Ермака, 1822). ...И, в награду себе за невозможность пройтись даже *близко дома* своей невесты... не переставал о ней думать наедине (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836). Ср. и *близко* во временно́м значении:

Кирша спросил, давно ли он из Казани. — *Близко недели,* — отвечал проезжий (Загоск., Юр. Милосл., 1829).

Вдали с родит. падежом:

Ужель приют поэта Теперь средь вихря света, *Вдали родных полей И ближних и друзей*? (Пушк., Послан. к Галичу, 1815). Стократ блажен, кто может сном забыться *Вдали столиц, карет и петухов*! (Пушк., Сон, 1816). Но, ах! *вдали страны родной* Могу ль всегда быть равнодушен? (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824).

В речи разговорной и близкой к ней — *вдали от...*: *„Вдали от города,* в глуши...“ (Крыл., Пустынн. и Медв., 1807—1808).

Ср. **далеко** с родительным без предлога.

Вопреки с родит. пад.:

„Не о том спрашиваю, — сказал Державин: — мне хочется знать, на чем основался Озеров, выведя Димитрия влюбленным в небывалую княжну, которая... *вопреки всех обычаев* тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о любви своей к Димитрию“ (Жихар., Дневн., 1807). Чему приписать, что Неон вышел из моего дома *вопреки лекарского наставления*?.. (Нарежный, Бурсак, 1824). Князь Гремин, которого долг службы удержал во фронте, *вопреки всех его надежд и просьб и желаний,* должен был вести полк на другие квартиры, на границу Литвы... (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830).

Ср. **наперекор** с таким же управлением:

Твой список послужной и оды, Хвостов! доказывают нам, Что ты *наперекор природы* Причелся к графам и певцам (Вяземск., Эпиграмма, 1822). Я вас люблю так, как любить вас должно: *Наперекор судьбы и сплетней городских, Наперекор,* быть может, *вас самих,* Томящих жизнь мою жестоко и безбожно (Давыд., 1834).

При том и другом возможно и возобладавшее теперь управление дательным: „Поступающий *вопреки законам* подвергается наказанию“ (Карамзин, Ист. госуд. Росс., VIII, 1816).

Вослед, вслед с дательным:

Тут он пошел, и я *вослед ему* (Катенин, перев. отрывка из „Божеств. ком." Данте, 1827). Злые дети Бросали камни *вслед ему* (Пушк., Медн. всадн., 1833).

В рассуждении (сочетание наречного типа, известное уже в древнерусском языке) с родительным:

...О государственных правилах, которым в *рассуждении торговли* следуют благоразумные министры... (Карамз., О публ. преподавании наук в Моск. унив., 1803). Я взялся успокоить наших дам в *рассуждении таможенных обязательств,* нагрузил пребольшую лодку их пожитками и отправился в порт (Греч, Путев. письма, 1817—1838). ...Это я слышал от моей любовницы, которая была черезвычайно строгих правил *в рассуждении репутации* (Сенковск., Предубеждение, 1834). — Орфография колебалась между *в рассуждении* и *врассуждении.*

Выключая (=за исключением) с родительным:

...везде, *выключая любезного отечества нашего* (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817). Ср.: **исключая** с винительным:

Никакой роман, быть может, не заслуживает двух листов сериизного разбора, *исключая философский* (Сенковск., Истор. роман, 1834).

Касательно с родительным:

На сих днях я получил неприятные письма из деревни *касательно больных и бездельника лекаря,* а также и о беспорядках по деревне (Дневн. Н. И. Тургенева, 1818). *Касательно внутреннего состояния Египта* в сию великую эпоху все доказывает, что благоустройство, науки и искусства сделали там великие успехи (перев. „Кратк. обозр. ист. Египта" Шамполлиона Младш., „Москов. телеграф", № 3, 1834).

Навстречу к...:

...Но пожалейте, други, о беспокойном духе моем, который всегда идет *на встречу к неприятностям* (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821).

Ср. **навстречу** с род.:

Как и прежде, *На встречу бедного певца* Прыгнула Оленька с крыльца... (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826). Пушкин пишет однако — „на встречу". ...Все очи поднялись *навстречу дождя...* (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836).

На зло (в наречном употреблении):

Потомству дальнему она легко докажет *На зло всех толков и речей,* что женщина любить умеет... (Вяземск., Логогриф, 1823). ...*На зло безграмотных нахалов И всех,* кто только им сродни... (Вяземск., На новый 1828 год). Храм пустынный, храм великой! Кто *назло лихой судьбы* Здесь, в степи больной и дикой, Взгромоздил твои столбы? (Шевырёв, Храм Пестума, 1829) и в этом же стихотворении:

...Но *назло чуме и гадам* Невредимый — я стою".

Ср. и **наперекор:** „...Она в душе, где все земное, Живет *наперекор страстей*“ (Лерм., 1831).

Относительно к:

Во мне гаснет чувство любопытства и интереса *относительно к политическим делам* Европы, *относительно к моей науке* и т. д. (Дневн. Н. И. Тургенева, 1818). ...Но тут же есть и язычник Dubois и несколько человек отъявленных материалистов Вольтеровской школы, которых присутствие не много обещает *относительно к хорошему духу сочинения* и которых мы не хотим называть по имени из уважения к их ученой знаменитости („Библ. для чтения“, XVIII, 1836, Смесь). Система арабских грамматиков, *относительно к гамме* гласных, чрезвычайно замечательна и любопытна (Сенковск., Древн. гекзаметр, 1841).

Ср.: „Угощение в Мерлинке было превосходно *в отношении к роскоши и к наслаждениям животным*“ (И. М. Долгорукий, Путешеств. из Москвы в Нижний 1813 г.).

Подле с родит. падежом в значении „наряду с...“, „сравнительно с...“ Редкий пример — „...Крокодил, который висит под сводом Кунсткамеры, с разинутой пастью и страшными зубами мог бы еще назваться красавцем и прелюбезным малым *подле образа*, который я себе об ней создал“ (Сенковск., Предубеждение, 1834). Возможно, что это одна из случающихся у Сенковского погрешностей против русского языка.

§ 25. Винительный падеж, зависимый от сказуемных слов и форм на *-но, -то.*

Ряд сказуемных слов и в настоящее время может управлять винительным падежом. Особенность эта, повидимому, идёт на убыль. В первой половине XIX века употребление винительного падежа в таких конструкциях обычно:

В слоге ее [„Марьиной рощи“ Жуковского] отзывается молодость, но молодость многообещающая: *заметно* преимущественно *невоздержность* на прилагательные... (Вяземск., отзыв о „Сочин. в прозе В. Жуковского“, 1827). Но, чтоб сравнить их, *надобно* еще *третью мерку*, в истине которой человек был бы убежден, — и так до бесконечности... (В. Одоевский, Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833). *Иную месть* родной стране, *Иную славу надо* мне! (Лерм., Изм.-бей, 1832). Вот почему Бронин... может быть, верил обветшалому предрассудку, что для счастия *надо хижину и сердце* (Н. Павл., Ятаган, 1835). Его замыслам стало душно, его чувству *нужно было и прохладу воздуха, и простор неба* (там же).

Современный русский язык не допускает управления винительным падежом со стороны безличных причастных форм страдательного залога на **-но, -то** (управления, очень распространённого, напр., в украинском языке: *збудовано залізницю, випито каву* и под.).

Повидимому, изредка такое управление в начале XIX века встречалось: „Не знаю, почему *не упомянуто* в нем *некоторые подробности*“ (письмо Пушк. Вяземскому, 1831). *Любовь послано* ей свыше (Лажечн., Ледян. дом, 1835)[1].

Не исключена, впрочем, возможность, что подобные примеры — авторские недосмотры или опечатки. Несомненный факт языка представляют только сочетания с числовыми наименованиями: „Советов *тысячу надавано* полезных...“ (Крыл., Крестьянин в беде, 1811). *Найдется тысячу* несчастных от нее [надежды] На одного, кто не был ей обманут (Крыл., Пастух и Море, 1819).

§ 26. Родительный объекта.

В языке изучаемого времени, преимущественно у поэтов первых трёх десятилетий XIX века, встречаются случаи использования родительного падежа объекта, большею частью, повидимому, под французским влиянием. Так как эта конструкция нередко может быть двусмысленна (см., напр., *служенье муз* у Жуковского и Пушкина в значении „служенье музам“), то она в дальнейшем всё более сужалась в своём употреблении. Несколько примеров:

...*Любовь стихов, любовь моей свободы* — Проходит все, как легкая мечта (Пушк.). Посвяти пламень свой правде и брось *служенье идолов* (письмо Вяземск. Жуковскому, 1821). *Рассказ моих сердечных мук* Не возмутит сердец людских (Лерм., Отрывок, 1830). Случай освободил меня от этого ужасного и беспримерного наказания и исправил *злоупотребление доверия* со стороны тегри: без случаев не было бы порядка на свете (Сенковск., Похожд. одн. ревижской души, 1834). Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь *от управления имения* (Пушк., письмо жене, 1834).

Уже современная Пушкину критика (Н. И. Надеждин) отмечала в „Повестях Белкина“ как синтаксические погрешности „память одного“ (вм. „память об одном“), „управление села“ (вм. „управление селом“) и под.

§ 27. Дательный падеж, зависимый от имён существительных.

Во многих случаях, где теперь у нас, в соответствии общей тенденции, имена существительные управляют родительным падежом, в первые десятилетия XIX века, отчасти ещё под церковнославянским влиянием, отчасти как результат аналогического перенесения присказуемостной (преимущественно приглагольной) конструкции в другие положения, — в употреблении дательный.

[1] Примеры взяты из статьи Л. Лобова „Из истории русского литературного языка“, Сборн. Общ. философск., истор. и социальн. наук при Пермск. госуд. унив., вып. 3, 1929, стр. 177—178.

Связь дательного со сказуемными оборотами даёт, по крайней мере в нынешнем восприятии, этому старинному способу выражения своеобразную окраску предикативности и заметно большей, нежели теперь, динамичности:

Такой ли, государь, ждала Россия доли, Под знамена твои собрав своих сынов На поражение *давнишних ей врагов*, К завоеванию и чести и свободы?.. (Озер., Димитр. Донск., 1807). Недалеко *межа* пустынников *владенью*. Но сколько *места* в нем *живому наслажденью*! (Давыд., Договоры, 1808). *Ратификации трактату моему* я с нетерпеньем жду (там же). Ты, ревностный *наследник Эпикуру*... (Вяземск., Послан. к А. И. Тургеневу, 1820). Свершил, исполнил долг святой, Открыл вину народных бедствий И ждал с бестрепетной душой *Деянью правому последствий* (Рылеев, Волынск., 1822). А тот, чахоточный, родня ваш, *книгам враг*... (Гриб., Горе от ума, 1824). В „Истории Государства Российского..." можно найти многие *примеры счастливому разнообразию* в перестановке прилагательных (Вяземск., отзыв о „Сочин. в прозе В. Жуковского", 1827). Не могу скрыть этого важного обстоятельства, как верный историк и покорный *слуга истине* (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). *Товарищ двум другим судьям,* Игуменья из Витби там Являлась... (Жуковск., Суд в подзем., 1832). Роскошен жаркий юг, с своим сияньем знойным И чудно-знойными глазами жен и дев — Сим чутким *зеркалом* их *думам беспокойным,* В котором так кипят любви восторг и гнев (Вяземск., Разгов. 7 апр. 1832 г.). Бог убьет Тебя, злодей, предатель окаянный, *Начало злу, обманам всем глава*! (Хомяк., Димитр. Самозв., 1833). Он силен и многим *Старым рекам и могучим потокам союзник* (Жуковск., Ундина, 1836). Как же-с, антрепренер представил мне *список актерам* (Вельтман, Неистов. Роланд, 1835—1836). Вы знаете, что я сделался журналистом... Итак, сделавшись *собратом Булгарину и Полевому,* обращаюсь к вам с удивительным бесстыдством и прошу у вас статей (письмо Пушк. В. Д. Сухорукову, 1836). ...Я его спросил, Как *месту этому названье* (Лерм., Валерик, 1841). Отправился купец; везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался *хозяином золотому блюду* (Лерм., Ашик-Кериб, 1841). Правда, Гоголь, при первом появлении своем, встретил *жарких поклонников своему таланту*; но их число было слишком мало (Белинск., „М. Д." Гоголя, 1842).

Ср. случаи большей психологической близости к современному способу выражения: дательный падеж равняется нашему сочетанию „*для* с родит. падежом": „Довольно! Я решен: люблю тебя, люблю. Давно *признанию удобный миг* ловлю..." (Давыд., Договоры).

В стихотворении Вяземского „Негодование" (1820) А. И. Тургенев не одобрял сочетания „...В волненьи бодром познаю Могущество души и цену бытию", предлагая обе конструкции „в один падеж согласить". Вяземский не соглашался с такой поправкой. „Почему нельзя,— писал он,—„Могущество души и цену

бытию?" Признать можно могущество чего и цену чему" (1821, Остаф. арх., II).

Практику литературного языка его времени, как и времени предшествующего, только приблизительно характеризует указание Греча („Чтения", II, 200—201): „Определительный родительный падеж заменяется дательным, когда определяемое существительное означает предмет, находящийся с другим в отношении родства, дружбы, обладания, приязни, неприязни, причины, напр.: „друг *брату*, слуга *человеку*, он *мне* зять, хвала *богам*. Я не виноват твоей *беде*". Но это употребляется тогда только, когда определяемое имя употреблено в падеже именительном, при косвенных же падежах оставляется родительный падеж: „он увидел *друга своего брата*, коня называют *слугою человека*". Дательный падеж употребляется и в означении отношения части к целому: „роспись *книгам*, счет *людям*, цена *местам*", здесь подразумевается: *сделанный, данный*".

Из других наиболее стойких и характерных случаев управления дательным (минуя случаи, напр., с личными местоимениями при сказуемых, где и теперь обычны формы дательного), отметим конструкции при *друг* и *свидетель*:

Шутя скрипач, а ремеслом *друг хмелю*, С попойки встал, и слег больной в постелю (Вяземск., Ошибка, врача, 1821). ...Вот-с, Чацкого, *мне друга*, Андрея Ильича покойного сынок (Гриб., Горе от ума, 1824). ...Описывай, не мудрствуя лукаво, Все то, *чему свидетель* в жизни будешь... (Пушк., Бор. Год., 1825—1830). Они *свидетели времен рожденью*... (Кюхельб., Давид, 1829). Не тужи! — есть вечный *свидетель Чистым, безвестным делам, мыслям и чувствам святым*! (Кюхельб., Упование, 1823). Ср. и: „...*Служитель верный неге*, Он спал в пуховиках" (Шаховск., Урок кокеткам, 1815).

§ 28. Зависимость имён существительных и прилагательных от *что* и под.

В широком употреблении у писателей первой половины XIX века, особенно — у поэтов, родительный целого существительных и прилагательных при местоимении **что** и родственных **ему** по значению:

О чем у них и *что́* бывало *разговору, Иль присказок, иль шуточек каких*... Я по сию не знаю пору (Крыл., Пустынн. и Медв., 1807—1808). ...Лишь на четверть голее руки стали. Да *что́* до этого *печали*? (Крыл., Тришк. кафт., 1815). *Что* в нем *пути*, что́ его на свете хуже? (Крыл., Цветы, 1816). „*Что*, кумушка, *беды*!" он говорит: „Ни косточкой не мог нигде я поживиться" (Крыл., Волк и Лис., 1816). ...И я даже не понимаю, *что приятности* было бы жить на свете, если б не находить в нем ничего удивительного... (Сенковск., Преступн. любовники, 1834). В деревне пошли хороводы. Гулянью был простор. *Что яркости* в зелени! *что свежести* в воздухе! *что птичьего крику* в садах!

(Гоголь, Мерт. души, II, 1842—1852). Может статься, вы спокойно заметите, *что́* в этом явлении европейской образованности находится *одностороннего*, и передадите ваше впечатление без ненависти и пристрастия (письмо Чаадаева И. В. Киреевскому, 1845). Об Исповеди Наливайко скажу, что мудрено *что-нибудь* у нас напечатать *истинно хорошего* в этом роде (письмо Пушк. Рылееву, 1825). ...Где все, *что* есть *добра и зла*, В душе, прикованной к земле, Отражено как на стекле (Лерм., Бояр. Орша, 1835). ...Вдруг, как будто волшебной Силой какой, *что ни было* в ней и *причуд и беспутных Выдумок*, все забродило и вспенилось... (Жуковск., Ундина, 1836). *Что-то сверхъестественного* сжимало и леденило ее сердце (Верёвк.-Рахманн., Кокетка, 1836). — Этот случай, впрочем, может быть одним из полонизмов, принадлежащих редактору „Библиотеки для чтения" Сенковскому, свободно вносившему свои поправки в тексты авторов. — *Одно* было в нем *неприятного* — необыкновенная скрытность... (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836). ...И дом бы всем пришел ему по нраву, Да только-*то беды*: Немножко далеко стоял он от воды (Крыл., Механик, 1816). — Текст напечатан, видимо, с правописным искажением, вместо правильного: „...Да только *то беды*..." Уж *то-то крови* будет течь, Уж *то-то жертв* любви ревнивой! (Пушк., Русл. и Людм., 1820). Жду разбора Шихматова. *То-то вранья* чаю! (письмо Пушк. к Вяземскому, 1825).

§ 29. Падежная зависимость от имён прилагательных и производных от них наречий.

Из отклоняющихся от нынешних случаев управления прилагательными имён существительных отметим следующие:

С родительным:

Далекий:

Аслан-хану, человеку равно властолюбивому, как *далекому фанатизма*, не понравилось это хозяйничанье в его владении (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). И вот к нему, *далекая сомнений*, Доверчиво в безвестной тишине Припала я... (Соколовск., Хеверь, 1837). Вы видите, что это очень хорошо, Антон Антонович, и что я *далек вольнодумства* (Достоевск., Двойник, 1846).

Наряду с этим — сильно преобладавшее уже в XVIII и в первой половине XIX века и победившее в современном языке управление: „Он [Ахилл] один, *далек от стана*" (Жуковск., Ахилл, 1814). „...Не преодолевая этих оскорблений, вы будете *далеки от любви*" (письмо Гоголя NF, 1844).

Ср. те же конструкции и с наречиями *далеко* и *далече*: „*Далеко родины священной, Далеко кровных и друзей...*" (Милон., Освобожд. пленники 1815). „Так! Я паду в стране чужой, *Далеко родины*, изгнанником невинным" (Давыд., Элегия, 1817). *Далече той станицы*, Где Фебовы сестрицы Мне с негой вьют досуг..." (Пушк., К Галичу, 1815).

В более широком употреблении — параллельное нынешнему: „Такая жизнь, мой свет, *От счастия* весьма *далеко*“ (Крыл., Бумажн. змей, 1814). „Но уже Антон Антонович был *далеко от господина Голядкина*“ (Достоевск., Двойник).

Жадный:

На поле смерти чья рука Меня таинственно спасала И *жадный крови* меч врага, И град свинцовый отражала? (Батюшк., Надежда, 1815—1821). Меньшиков — русский Мазарин: голова государственная, а дух корыстолюбивый и *жадный власти* до безграничности (Вяземск., Стар. записн. книжка, VIII). ...И сердце, *жадное земных восторгов*, Рвалось... (Кукольник, Торкв. Тассо, 1833). Умно ли я делаю, что хочу жениться на вдове? на женщине, преданной наружности, свету и пустому блеску? *жадной похвал*?.. (Сенковск., Предубеждение, 1834). ...Когда сквозь вечные туманы, *Познанья жадный*, он следил Кочующие караваны В пространстве брошенных светил... (Лерм., Демон, 1838).

Свободный:

...И, *свободны бренных уз*, Отложив земли печали, Возлетимте к светлой дали (А. Григорьев, Друж. песня, 1845).

Чуждый:

Но Гашпар гордо рек: „Корысть *меня чужда*...“ (Шаховск., Расхищ. шубы, II, 1812). Нет! Не отечества сыны Питомцы пришлецов презренных. Мы *чужды их семей надменных*: Они от нас отчуждены (Рылеев, На смерть Чернова, 1825). Так отвечал Селиму сын природы, А лесть была *чужда степей свободы* (Лерм., Изм.-бей, 1832).

С д а т е л ь н ы м:

Благосклонный:

Изредка употребляется без предлога: „...Будь *мирному певцу Тибуллу благосклонен*“ (Батюшк., Элегия из Тибулла, 1815).

Виноватый, виновный:

Но *этому* я сам *виноват*: я слишком скромен на счет моих достоинств (Хмельницк., Актеры между собой, 1821). Он [Кочубей] зла Мазепе не желает; *Всему виновна* дочь одна... (Пушк., Полт., 1828—1829).

Должный чему:

И потом, как ребенок, позабыв всякое приличие, *должное званию и летам*, побежит за ним вдогонку... (Гоголь, Мертв. души, I, 1842).

Слово **благодарный** иногда могло выступать и как управляющее при помощи предлога **к**: „*К отцу* вселенной *благодарен* буду“ (Кюхельб., Давид, 1829).

С т в о р и т е л ь н ы м:

Виноват с творит. (редко):

Что ж из этого следует? Что г-н Загоскин и публика правы, но что гг. журналисты *виноваты ошибочными известиями*, введшими меня в искушение (Пушк., письмо неизвестному <Н. Н. Раевскому?>).

Исполнен, исполненный с твор. пад.:

...Положения и стихи в них *исполнены такою силою* и *новостью*, каких не было в прежних пьесах г-на Хмельницкого... („Моск. телеграф", 1829).

Страстный:

Мне ль нового искать В любви очарованья? Я *страстен* лишь *тобой* (Давыд., 1815). ...Как видно, молодец *механикой был страстен*! (Крыл., Механик, 1816). Все исчадие греха, *Страстное новинкой*... (Давыд., Соврем. песня, 1836).

Ср. и конструкцию, совпадающую с нынешней: *„Страстный к музыке*, я боялся пошевелиться на диване, чтоб не проронить ни одной ноты" (Н. Павл., Именины, 1835).

§ 30. Конструкции при формах сравнительной степени на *-ейший, -айший.*

Формы на **-ейш-ий (-ая, -ее), -айш-ий (-ая, -ее)** в течение первой половины XIX века, а у старых писателей приблизительно ещё два десятилетия позже, употребляются, кроме значения превосходной, ещё в значении сравнительной степени и допускают при себе примыкание наречий *гораздо, ещё* и под., родительный падеж сравниваемого имени существительного, указания на число и — реже — конструкцию с *чем* и *нежели*:

Я говорю об истории естественной и *еще ближайшей* к нам истории народов... (Карамз., О публ. преподав. наук в Моск. унив., 1803). А мне, хоть честь велит прервать с Мамаем брань, В сраженье не входить и выступить из стана; Но *честь сильнейшая* не позволяет хана О мире мне просить... (Озер., Димитр. Донск., 1807). *При основательнейших познаниях* и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей, Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии (Кюхельбекер, О направлении нашей поэзии, особенно лирическ., в последн. десятилетие, 1824). ...Наш прах лишь землю умягчит *Другим, чистейшим существам* (Лерм., Отрыв., 1830). ...Я сгорала любопытством, желая увериться в своей догадке; скоро к нему примешались *чувства нежнейшие* (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Люди охотнее верят трусости, чем благородным внушениям, и хотя *бы еще лестнейшие надежды, еще драгоценнейшее бытие* лежали в дуле моем, я и тогда послал бы выстрел Стрелинскому (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). ...Но остальные спаслись от страдальческой смерти, *тем вернейшей*, что у них не было уже ни зерна пороху (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). На случай вопроса, почему избрал я сценою для русского исторического романа *Лифляндию*, которой одно имя звучит уже иноземным, скажу, что ни одна страна в России не представляет народному романисту *приятнейшего* и *выгоднейшего места действия* (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). ...У меня есть ответ Casimir Lavigne Ламартину *гораздо превосходнейший* (письмо

Вяземск. А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх., III). ...Проливать на свои вечера и ночи лунный свет его, тихий и пленительный— *еще пленительнейший,* когда ярко мелькнет он сквозь черные тучи забот, несущиеся по взволнованной атмосфере души, окружающей эту толпу! (Сенковск., Предубеждение, 1834). Образ Пушкина является в новом и *еще лучезарнейшем* свете (Белинск.). Душистые алые розы, Полные звуков и слов, *сладчайших всех песен воздушных* (Дельвиг, Купальницы, 1825). *Белейшим снега серебром,* Красуясь, стебль его высоко Возносится... (Катенин, Стар. быль, 1828). Виктор после шумной веселости впадал нередко в глубокую задумчивость, в грусть, может быть *сладчайшую самой радости...* (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). Огромные деревья леса опушены были кристаллами, *в тысячу раз прелестнейшими зелени* (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Когда же К ней явился Варшнея, устами, *сладчайшими меда,* Вот что ему Дамаянти сказала (Жуковск., Наль и Дамаянти, 1841). Тут он *огромнейший первого* камень схватил... (Жуковск., Одисс., IX, 1842—1849).

Из фамилии Траутфеттеров оставались в Лифляндии только Адольф и двоюродный брат его Густав, *двумя годами его старший* (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Я *старший* был *пятью годами,* И вынесть больше брата мог (Пушк., Братья разб., 1822—1825). Восторги пламенны в слиянии сердец Не столько сладостны, как страшно разлученье — *Страшнейшее* для нас, *чем* самый наш конец! (Милон., Монаст., 1812). История сделается *в высшем и обширнейшем смысле, чем* у древних, наставницею народов и отдельных лиц (Грановск., О соврем. сост. и знач. всеобщ. ист., 1851).

§ 31. Особенности синтаксических связей при числовых наименованиях и родственных им категориях.

Грамматики первой половины XIX века не обнаруживают единства взглядов на то, какою должна быть правильная конструкция прилагательных при числах **два (оба), три, четыре.**

Н. Греч, Практическая русская грамматика, 1827, § 331, рубр. 3, узаконяет для таких сочетаний только именительный падеж прилагательного. Его примеры — *сии два черные ворона*; *те три белые пера*; *мои четыре новые книги.*

Плодом неосновательного теоретизирования явилось указание Греча, будто: „Не должно говорить: *два черных ворона*; *три пуховых шляпы*; *четыре новых книги.* Что тут должен быть падеж именительный, явствует, когда прибавим местоимения прилагательные: „*эти* два черные ворона; *мои* три пуховые шляпы; *которые* четыре новые книги“ („Чтения“, II, 203).

Греч не принял во внимание, помимо всего прочего, простой вещи — что при перестановке и местоимения могут получить тот же самый родительный падеж: „два *этих* черных ворона“ и под.

А. Востоков употребление именительного или родительного падежа множественного числа прилагательного ставит в зависимость от характера сказуемого: „Числительные *два, три, четыре* — учит он,— в падеже именительном или винительном, когда сочинены с глаголом безличным и предшествуют существительному, при коем находится еще прилагательное, управляют родительным падежом прилагательного только имени, на вопрос *сколько*[1], *каких*?, а существительное остается в одном падеже с числительным; напр.: *Ехало два Донских казака. Поставлено два больших стола... У него есть четыре дома каменных... Пройдет целых три недели.* Но с глаголом личным, на вопрос *кто*? *что*? *какие*? прилагательное согласно в падеже с существительным и с числительным, напр.: *Ехали два Донские казака. Поставлены два большие стола... Он купил четыре дома каменные... Пройдут целые три недели*" (Русск. граммат., изд. двенадц., 1874, § 127; перв.—1831 г.).

Ближайшим образом примыкающий к первой половине века „Опыт общесравнительной грамматики русского языка", изданный Вторым отделением Академии наук (первое издание — в 1852 г., третье — в 1854 г.)[2], в качестве правила предлагает различать употребление при именах неодушевлённых и одушевлённых: при первых — имя прилагательное в именительном падеже множ. числа, при вторых — в родительном: „четыре *красные* стола", но „четыре *красивых* казака" (3 изд., § 454).

Практика литературного языка позволяет признать справедливость только одного из указаний Востокова — постоянное употребление родительного падежа имени прилагательного при сказуемых безличных, предшествующих данным группам.

Что касается всех остальных, то они являются предписаниями, не выведенными из того, что фактически существовало в литературном языке, а предложенными на основании более или менее личных пристрастий. Особенно это относится к предписанию Греча, резко расходящемуся с фактами.

Из многочисленных примеров употребления в подобных случаях родительного приведём хотя бы: „Нет правила без исключения. Но что один или *два человека добросовестных* посреди ста врагов лукавых?" (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.).

Против правил „Опыта общесравнительной грамматики" говорят такие, напр., случаи у писателей:

...*Три взрослые дочери-невесты, миловидные* собой, *воспитанные в пансионе*... (Жихар., Дневн., 1807). Два голубя, как *два родные брата*, жили... (Крыл., Два голубя, 1809). Вот из нее [кареты] вылезает пожилая женщина... и *три молодые девушки* (Батюшк., <Прогулка по Москве>, 1811—1812). Ведь разбойница! стоит за простенком себе да заряжает ружья...—по

[1] Запятая оригинала здесь сбивает со смысла.
[2] Автор—акад. И. И. Давыдов.

крайней мере *две другие* лежали без памяти у себя на постелях... (Лерм., Вадим, ок. 1832). Видно было, что это *два опасные соперника* и что равно страшились они друг друга (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). ...Его отец, мать, жена и *три взрослые и прекрасные дочери* пришли проводить его... (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836). ...*Две белотрепетные пташки* Всплывают рано на заре Из моря донника и кашки В росном, зернистом серебре... (Мей, Забытые ямбы).

И наоборот: ...Вынесли в самую большую комнату и уложили на столе, по углам коего горели *четыре больших церковных подсвечника* (Нарежный, Два Ивана, 1825). В „Телеграфе" похвально одно ревностное трудолюбие, а хороши одни статьи Вяземского; но зато за одну статью Вяземского в „Телеграфе" отдам *три дельных статьи* „Московского Вестника" (письмо Пушкина М. П. Погодину, 1827). ...Но на них [„Греча и товарищей"] восстает большая гроза: *два новых журнала* издаются с намерением укротить их самохвальство и наглость... (письмо А. А. Шаховского С. Т. Аксакову, 1830). Княжна и солдат, *два странных наряда* вместе... *два существа* с одной планеты, но *разкинутые* какой-то мыслью по концам ее и *соединенные* чувством, которое не знает пространства, не боится расстояния (Н. Павл., Ятаган, 1835). Наконец улан... заметя, что на седле моем сакв нет и что лицо мое бледно, предложил мне *три больших заплесневелых сухаря* (<Дурова>, Кавалерист-девица, 1836). Скажу вам, что если Ваша питомица подлинно дочь нам, то должно, чтоб были *Три родимых пятна*, как трилиственник видом, под правой мышкой ее... (Жуковск., Ундина, 1836). — Ср. у Лермонтова („Ночь", I, 1830) рядом: „И *два противных диких звука, Два отголоска целые* природы Боролися..."[1] Вероятно, только lapsus у Пушкина в „Каменном госте" (1830): „...Сказала *вам два ласкового слова*".

Общее впечатление от этих и подобных примеров литературного употребления таково, что, скорее, практика, несмотря на значительные колебания, приближалась к современной: родительный падеж преобладал при именах мужского и среднего рода, именительный — при именах женского. Нельзя, однако, не принимать во внимание того обстоятельства, что метрические моменты в стихах определяли выбор той или другой конструкции в нарушение синтаксических тенденций, обнаруживающихся в прозе.

В старом русском языке вплоть почти до семидесятых годов XIX века в употреблении были особые формы числительных *двóи, трóи, чéтверы* и т. д., выступавшие при именах существительных, употреблявшихся только во множественном числе (pluralia tantum; *сани, похороны, щипцы, сутки* и под.), и реже — при названиях парных предметов (*сапоги, серьги* и под.).

---

[1] Сомнительно, чтобы „целые" (вм. *целыя*) здесь было архаическим родительным падежом ед. ч. женского рода.

Эти формы встречаются, однако, и в первой половине XIX века уже не часто и уступают место сочетаниям форм **двое, трое** и т. д. с родительным падежом множественного числа:

Примеры первых:

...Однако ж пятаков *пригоршни*[1] *трои* Червонца на обмен крестьянину дают (Крыл., Червонец, 1811—1812). Судьи толкуют *трои сутки*, Какую б выдумать преступникам им казнь (Крыл., Троеженец, 1814). Вскоре показались *трои сани*, в которых сидели присланные для переговоров из Москвы (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832).

Примеры вторых:

Через *трое ворот* входите вы в первый двор, окружаемый павилионами, которые занимает герцог (Греч, Путев. письма, 1817—1838). Я не мог бы уснуть *трое суток* от ужаса о своем бесчеловечии, если б зарезал невинного цыпленка, которого сегодня съел за завтраком (Сенковск., Предубеждение, 1834). ...Но подали ужин, и падишах стал пожирать блюда с такою жадностью, как будто голодал *трое суток* (Сенковск., Падение Ширванск. царства, 1842).

Трудно сказать, смешение ли обеих конструкций или орфографический факт представляет у И. М. Долгорукого („Журнал путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г."): „Нежные ласки ее переносили родину нашу в края, для нас совсем чужие, и мы *двои суток* прожили, как одну минуту". Ср. и у Пушкина: „По указу его сделаны были *трои триумфальных ворот*" (Мат. для ист. Петра В., 1834—1835). „...*Трои медвежат* по пяти рублев" (Начало сказки, 1830?),— повидимому, только орфографическая ошибка, так как со словом „медвежата" *трои* сочетаться по значению не могло. Впрочем, здесь могла быть допущена ошибка и стилизаторского характера.

Отклонением от основных конструкций является: „*Три сутки* пробыл я или в совершенном бесчувствии, или в сумасбродстве" (Нарежный, Бурсак, 1824).

В безличных предложениях числительное **тысяча** ставится иногда в винительном падеже: „И словом, от родни и от друзей любезных Советов *тысячу* надавано полезных" (Крыл., Крестьян. в беде, 1811). „Впрочем, есть *тысячу* средств прожить дешево в Англии, но надобно их узнать, а за науку заплатить" (письмо Чаадаева брату, 1823). Ср. и: ...*Тысячу предприятий* и ещё более опасений *теснилось* в уме его... (Лерм. <Вадим>, ок. 1832 г.).

Повидимому, ещё довольно заметно в первой половине XIX века выступала тенденция при названиях существ (животных) в сочетании с числовыми наименованиями употреблять в винительном падеже не форму, одинаковую с родительным, а — с именительным: „Старик,— сказал он,— уже очень поздно; вели оседлать

[1] В диалектах и в старинном русском языке *пригоршни* не имеет единственного числа. Подробнее — в „Историческом комментарии", стр. 218—220.

скорее *две лошади*, а я между тем оденусь" (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). „...Вдруг На них он выменял *борзые три собаки*!" (Гриб., Горе от ума, 1824).

У Пушкина даже: „...Море вдруг Всколыхалося вокруг... И *оставило* на бреге *Тридцать три богатыря*" (Сказка о царе Салт., 1831). Изредка такие примеры встречаются и позже. В наше время обнаруживается тенденция к их упрочению.

Видимо, частный случай представляет согласование: „...Из ив корзинки при стадах плетет, А перед ним *три мальчика поет*" (Шевырёв, Освоб. Иерус., 1831).

§ 32. Из явлений примыкания.

Некоторые исследователи языка Гоголя к неправильностям в его синтаксисе относили употребление наречия **так** (а не *такой, такая, такое*) при формах прилагательных полных (членных):

„Отчего это у тебя, Ничипор,—сказала она, обратясь к своему приказчику, тут же находившемуся:—дубки сделались *так редкими*?" (Старосв. помещ., 1835). Хотя, конечно, они люди не *так заметные* и то, что называют второстепенные или даже третьестепенные... (Мертв. души, I, 1842). После разговора с хозяином все сгановилось так ясно! Возможность разбогатеть казалась *так очевидной*! (Мертв. души, II, 1842—1852). Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль *так ощутительною* и выражаться так доступно всем, как Крылов (В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847). Благозвучие не *так пустое* дело, как думают те, которые незнакомы с поэзиею (там же).

Если у Гоголя подобное употребление позволяет догадываться о возможности гиперистического преодоления украинского влияния („дубки такі рідкі" и под.), то примеры из других писателей склоняют скорее к мысли, что контаминация оборотов, „**так** и прилагательное в краткой форме (*так высок, так силен* и под.)" и „*такой* и прилагательное в форме полной (*такой высокий, такой сильный*)" возникала и независимо от преодоления украинского влияния — на почве самого русского литературного языка. Ср.:

Рассуждая о суете мирской, лежал я, завернувшись буркою, и грыз сухарь, *так заплеснелый*, что над ним можно бы было учиться ботанике, *так черствый*, что его надо было провожать в горло шомполом (Бестуж.- Марлинск., Вечер на бивуаке, 1822). ...Каждый звук, будто луч солнца, проникал в душу, и ощущение это походило на боль, но боль *так восхитительную*, что он желал бы на веки продлить ее (там же). Я исчезал в созерцании... я был так далек от земли, и земля сквозь мысль мою казалась мне *так чистою*... (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). ...Воспарил так высоко над поверхностью идей этих господ, что они и не смели поднять глаз вверх, чтоб следовать за нашим воздушным путешествием, страшась, чтобы

у них не закружились головы — *так нужные* для завтрашних дел по службе (Сенковск., Предубеждение, 1834). ...Или когда она простодушно спрашивала объяснения в музыкальных задачах, которые казались *так легкими* Себастияну (В. Одоевск., Русск. ночи, VIII, Себаст. Бах, 1835). Мне дали мундир, саблю, пику, *так тяжелую*, что мне кажется она бревном... (<Дурова>. Кавалерист-девица, I, 1836). Но сколько было у нас талантов, так много обещавших и так мало выполнивших, *так великими* казавшихся еще недавно и *так незначительных* теперь! (Белинск., Стихотв. Ап. Майкова, 1842). Но и вместе с тем все это было так странно... казалось *так невозможным*, что действительно трудно было веру дать всему этому делу (Дост., Двойник, 1846). С истинною горестью вижу, как скоро, успешно и *как далекие* корни пустила клевета в ущерб моему благоденствию, моей чести и доброму моему имени (там же).

Как своеобразная, выступает также по иностранному звучащая конструкция со **столько** при прилагательном-определении:

Не совестно ль тебе с женою, *столько нежной*, Вести себя — как ты, так сухо, так небрежно? (Гриб., Молод. супруги, 1815). И я тоже,— отвечал Иван младший,— и божусь, что во всю жизнь не встречалось мне слышать о деле *столько запутанном* (Нарежный, Два Ивана, 1825). Зачем панам вашим станем мешать в утехах, *столько приличных* летам их и званиям? (там же).

Нужно, однако, заметить, что подобной окраски не имеет схожая конструкция, где вместо *столько* употребляется *столь*, сообщающее фразе налёт архаизации.

ГЛАВА III.

СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СЛОВА.

§ 1. Повторение союза **а**, редкое в современной речи, лишь редко встречается и в языке первой половины XIX века. Напр., в „Каменном госте“ Пушкина (1830): „Глаза, одни глаза, да взгляд... такого взгляда Уж никогда я не встречал! *А* голос У ней был тих и слаб, как у больной... *А* муж ее был негодяй суровый — Узнал я поздно...“ — такое повторение дано во фразе с отрывистым ходом мысли (ср. многоточия). Более своеобразны случаи, которые находим в письме Пушкина Дельвигу (февр. 1826 г.) об „Эде“ Баратынского: „...Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт — всякий говорит по-своему. *А* описания финлядской природы! *а* утро после первой ночи! *а* сцена с отцом! — чудо!“ Ещё интереснее примеры с целыми предложениями у Герцена („Кто виноват?“, 1845—1846): „...Ему хотелось, чтоб они к кровати больного подходили, как к высшему священнодействию, *а* им хотелось вечером играть в карты, *а* им хотелось практики, *а* им был недосуг“, или с установкой на юмористическое нагнетание у Гоголя („Мертв. души“, 1842): „Но все это предметы низкие, *а* Манилова воспитана хорошо. *А* хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах; *а* в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей...“

Не часты случаи и повторяемого **да**, обыкновенно с резко выраженными стилистическими установками. У Пушкина в письмах любопытны примеры с шутливой окраской повторительного *да*, вроде: „Кабы я не был ленив, *да* не был жених, *да* не был очень добр, *да* умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем, посмотрим“ (письмо П. А. Плетнёву 13 января 1830 г.) или: „Дай Бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! *да* плюнуть на Петербург *да* подать в отставку, *да* удрать в Болдино, *да* жить барином!“ (Пушк., письмо жене, 1834).

Из других случаев любопытна эмоциональная функция этого союза, когда в соответствующих текстах он служит, напр., для перечисления с элегической окраской немногого оставшегося от

чего-либо раньше красивого, счастливого и под.: „...Но пусть он древности созданий здесь не ждет: Обломки только он, *да* местность лишь найдет, *Да* прелесть имени волшебного... *да* виды, Любимые певцом бессмертной Энеиды...“ (Ростопчина, Еще о Неаполе, 1846).

Значительно чаще встречается повторяемое **но**, особенно в поэзии; в прозе — главным образом у авторов, склонных к риторическим приёмам слога:

Пусть с доброю душой для счастья ты рожден, *Но* был несчастными отвсюду окружен, *Но* бедствий ближнего со всех сторон свидетель... (Андр. Турген., Элегия, 1802). *Но* в день, *но* в час один надежду стольких лет Опровергаешь ты неистовым упорством... (Озер., Димитр. Донск., 1807). Итак послушай: я прекрасна; Во всем гареме ты одна Могла б еще мне быть опасна; *Но* я для страсти рождена, *Но* ты любить, как я, не можешь (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Гляжу с улыбкою, как прежде, В глаза кумиру моему, *Но* я не верую надежде, *Но* я молюся не ему! (Языков, Элегия, 1825). Что вдохновенье, что свобода, В часы неволи помнил я; *Но* скромность милая моя, *Но* заразительная мода Присягу рабства исполнять, И лень, сотрудница поэтов, Меня успели задержать В границах низменных предметов (Языков, Втор. присяга, 1826). Гонители, он — ваш! Вам плески и хвала! Терзайте клеветой его дела земные, *Но* не сорвать венка со славного чела, *Но* не стереть с груди вам раны боевые! (Давыд., На смерть N. N., 1827). *Но* пылкий, *но* суровый нрав меня грызет от колыбели (Лерм., Н. Ф. И...-вой, 1830). *Но* правил тяжкого ума, *Но* правил чтенья и письма Я не терплю, я ненавижу... (Полеж., Чир-Юрт, 1832). Вам счастья нет, иль на одно мгновенье, Блеснувши, луч его погас; *Но* счастлив тот, кто слышит ваше пенье; *Но* счастлив тот, кто видит вас (Баратынск., К. А. Тимашевой, до 1835). Он [океан] бездонен и просторен, И враждует он с землей, *Но* смиренен, *но* покорен, Он любуется тобой (Хомяк., Остров, 1836). ...Не языком, коварным и лукавым, *Но* чувствами, *но* благородной той И светлою душевной простотой, Которая для неба так приятна (Соколовск., Хеверь, 1837). Я болен, дочь!.. *Но* звуки этих слов, *Но* облик твой, светлеющий красами, *Но* твой восторг: все это вместе,— вдруг Так хорошо уврачевало дух... (там же). ...И гонит вашего поэта бесчеловечная судьба... *Но* вас я помню постоянно, *Но* вы блестите бестуманно В счастливой памяти моей (Язык., Бар. В-ской, 1845). Да, умер он, давно замолк язык народа, Склонившего главу под тяжкий царский кнут, *Но* встанет грозный день, *но* воззовет свобода... (А. Григор., 1846).

Гордый и славный не посетят моей хижины; взор их отвратится с презрением от скромной обители пустынника; *но* бедный и гонимый роком приближатся к ней с тихим восторгом благодарности; *но* сирота забвенный найдет в ней счастье, неизвестное гордым и славным (Жуковск., Вадим новгородск., 1803). Не пустые завоевания, *но* победа над варварством, *но* благо человечества

были его целью (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Стена сыпалась, распадалась, *но* крепость, *но* толщина оной долго противостояли разрушительной силе чугуна... (там же). „Все это так, Аммалат“,— сказал я: „*но* лгать, *но* клясться не должно ни в шутке, ни в беде“ (там же). *Но* Юрий Патрикеевич, *но* Старков, *но* Василий Ярославич? Где же девались все они? (Н. Полев., Клятва при гробе госп., 1832). *Но* поставить меня в дураки двусмысленным кокетством, *но* возбудить во мне самые сладкие, самые нежные и огненные ощущения к старой, усатой княгине Ф., вот чего никогда ей не прощу (Сенковск., Предубеждение, 1834). Она не сделала никакого движения, приветствовала гостя не этим поклоном, который так твердо выучен, так обыкновенен и так правильно холоден, *но* другим, *но* поклоном взгляда, поклоном улыбки (Н. Павл., Аукцион, 1834). У Александрины был чистый контральто, не довольно еще выработанный; *но* ей было шестнадцать лет, *но* у нее были голубые глаза (К. Павл., Именины, 1835). Я знал, что Александрина не может быть моею; *но* не мог жить без нее; *но* был бы несчастнейший из людей, если б она меня не любила, *но*, кажется, зарезал бы того, кто разлучил бы нас (там же). ...*Но* белое платье мелькнуло опять, *но* знакомый зонтик заслонял от солнца знакомые черные волосы, *но* красный воротник, *но* темнозеленое сукно... В них нельзя ошибиться полковнику... Это он, это она... (К. Павл., Ятаган, 1835). *Но* центром общего движения, *но* притягательною силою поклонений, любезничанья, взглядов и вздохов, *но* солнцем этого раута и всех раутов того незабвенного года была бесспорно графиня Зенеида К. (Верёвк.-Рахманн., Кокетка, 1836).

У Пушкина с аффективно повторяемым *но* — в письме к брату по поводу петербургского наводнения (1824): „Ты видишь, что я беспристрастен. Желал бы я похвалить и прочие меры правительства, да газеты говорят об одном розданном миллионе. Велико дело миллион; *но* соль, *но* хлеб, *но* овес, *но* вино? Об этом зимою не грех бы подумать, хоть в одиночку, хоть комитетом“.

§ 2. Союзами с противительным значением, имеющими резкую окраску речи народной или просторечия, являются ещё относительно нередкое в первой половине XIX века **ан** „а вот, но вот, и вдруг“ и значительно реже встречающееся **ин** „но“. И тот и другой союз очень аффективен. Примеры:

Красивых я певал довольно И так, и сяк, на всякий лад, Да ныне что-то невпопад. Хочу запеть — *ан* петь уж больно (Батюшк., Письмо Н. И. Гнедичу, 1809). ...А Голубь молодой над ним же издевался... *Ан* смотришь, тут же сам запутался в силок (Крыл., Чиж и Голубь, 1814). Кто к ульям ни просился, С отказом отпустили всех, И, как на смех, Тут Мишка очутился. *Ан* вышел грех: Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу (Крыл., Медв. у пчел, 1816). Анюта: Да полно! не назначили ли вы с ней свидания? Богатонов: *Ан* вот и вздор: поутру об этом и слова не было (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817). ...Вот то-то-с,

моего вы глупого сужденья не жалуете никогда: *Ан* вот беда! (Гриб., Горе от ума, 1824). А, пан Харитон! Мы все думали, что ты в городе, *ан* вышло, что хозяйничал на хуторе (Нарежный, Два Ивана, 1825). Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет, да скачет; Кажется, близко; ну только б схватить: *ан* нет, не дается (Жуковск., Сказка о царе Беренд., 1831). Мы нашли его [тигра] спящим между таким калинником и чащею, что Аллах упаси! По жеребью первому досталось стрелять мне: я подкрался и наметил очень ловко; стрельнул... *ан* на беду зверь спал, закрыв морду лапою, и пуля, пробив ее, угодила в шею (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Я все надеялся, что получу здесь в утешение хоть известие о тебе — *ан* нет (письмо Пушк. жене, 1833). Царь к окошку — *ан* на спице, Видит, бьется петушок (Пушк., Сказка о золот. пет., 1834). ...Хвастал И уж заране веселил себя Надеждою, что он мое богатство... Удвоит, мне как должно подражая — *Ан* нет, иначе вышло на поверку (Жуковск., Камоэнс, 1839).

Ин встречается только в стилизациях народной речи:

Хотелось было мне позвать их на новоселье, задать им пир горой; *ин* не бывать же тому! (Пушк., Гробовщ., 1830).

Союз такого же рода представляет хорошо известное ещё из комедий Фонвизина **лих**, часто употребляющееся для усиления предшествующего **да** „но только“: Подмастерье: ...Как хочешь мни его [диван], *лих* встал, и следу нет (Крыл., Лентяй, 1800 — 1805). У Онуфрия был сын Стахей, воспитанный во всей строгости раскольничьего изуверства; *да лих* не пошло в прок ни воспитание Онуфрия, ни даже нажитое отцом его добро... (Даль, Бедовик, 1839).

Ср. этот союз с шутливой установкой и в цитированной выше фразе из письма Пушкина к П. А. Плетнёву.

§ 3. От XVIII века в язык некоторых писателей XIX (Жуковского, Пушкина, Гоголя и др.) перешла свобода соединять сочинительными союзами причастия и параллельные им придаточные предложения, вводимые относительными местоимениями. Уже Н. Греч указывал на неправильность таких сочетаний, но они далеко не у всех писателей и после этого вышли из употребления. Отмечено относительно нередкое пользование ими даже в первые десятилетия второй половины XIX века (особенно у Достоевского)[1]:

Знайте, однако ж, что Истина моя пребудет неизменно в сердце моем, *исполненном любви к человечеству и которое не имеет нужды ни в каких свидетельствах*, кроме собственной моей совести (Пнин, Письмо к издателю, 1805). ...Однажды за обедом,

[1] Л. Лобов, Архаизмы в языке Лермонтовской прозы (К эволюции литературного языка), Учен. записки Пермск. госуд. унив., вып. 1, 1929, стр. 105 и: Из истории русского литературного языка, Сборн. Общ. филос., ист. и соц. наук при Пермск. госуд. унив., вып. 3, 1929, стр. 184—185.

разговаривая о тишине мусульманского города, *занятого десятью тысячами войска, и в котором ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата,* граф вспомнил о гареме Османа-паши... (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). Здесь один из поселян растолковал Раевскому, что дело шло о трех тысячах волов, *три дня назад отогнанных турками, и которых весьма легко будет догнать дня через два* (там же). Пугачев... стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, *занимающему ее правый угол, и коего ветхие стены едва держались* (Пушк., Ист. Пугач., 1832—1833). Здесь я нашел старшего брата Языкова, *человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить,* как люблю Плетнева или Нащокина (письмо Пушк. жене, 1833). Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, *давно мною начатую, и которая доставит мне деньги,* в коих имею нужду (Пушк., письмо А. Н. Мордвинову, 1833). Анюте досталась небольшая угловая комната, *служившая первоначально чуланом и из которой дверь была прямо на двор*... (Перовск.-Погорельск., Монастырка, II, 1833). Отряд выставил перед собою две маленькие пушечки, *найденные в Яссах на дворе господаря, и из которых,* бывало, *палили во время именинных обедов* (Пушк., Кирджали, 1834). *Эттрикский пастух Джемз Гогг.* Писатель, *прославившийся под этим именем и которого сочинениям Б. для Ч. обязана многими занимательными страницами,* уже не существует („Библ. для чтения", XIV, 1836). Она изображала известное мужское лицо, писанное неизвестным русским художником, человеком, *не знавшим своего гения, и которому никто об этом не позаботился намекнуть* (Лерм., Кн. Лиговская, 1836). Он начинает длинную тираду, повидимому, *имевшую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи* (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840). Из-под салфетки, *покрывавшей стол и на которой был представлен довольно удачно город Ярославль,* оканчивавшийся со всех сторон медведем, высовывалась голова легавой собаки... (Герцен, Кто виноват?, 1845—1846). В этом письме граф просил, уговаривал Ефимова продать скрипку, *оставшуюся после итальянца, и которую граф очень желал приобресть для своего оркестра* (Достоевск., Неточка Незванова, 1849).

Реже подобные сочетания в случаях, где первый член их — обыкновенное имя прилагательное:

„Вот украшение, *довольно странное,* — заметил молодой художник, — *и которое новейшие художники употребляли часто некстати,* а более всего в Париже" (Батюшк., Прогулка в Акад. худож., 1814). Граф-атти,-отти был пустой, приторный франт, *немногим забавнее и умнее пармезана — и которого я не боялся* (Сенковск., Предубеждение, 1834). Думаю 2 № начать статьею вашей, *дельной, умной и сильной и которую хочется*

www.ruslang.ru

мне наименовать: „О вражде к просвещению"... (письмо Пушк. В. Ф. Одоевскому, 1836).

Совсем редко встречается соединение деепричастия и предикативного прилагательного или причастия:

Пусть Ксении отец, *Внимав* стенанию всех ропщущих сердец, И *ждавший* от нее пред гробом утешенья, Клянет преступницы и самый день рожденья (Озер., Димитр. Донск., 1807). *Лишившись матери на третьем году от рождения и воспитанная в простоте старинных немецких нравов*, она не знала ничего, кроме своего маленького мира (В. Одоевск., Русск. ночи, Себаст. Бах, 1835). И оба они, *миновав* чешуйчатые ворота Дербента и *осыпанные* попутными благословениями народа, сидящего у ворот, пустили вскачь коней своих по кубинской дороге... (Бестуж.-Марлинск., Мулла-Нур, 1835—1836). ...Дамы, *закутавшись и прижавшись* к стенам, *и заслоняемые* медвежьими шубами мужей и папенек от дерзких взоров молодежи, дрожали от холоду — и улыбались знакомым (Лерм., Кн. Лиговская, ок. 1836 г.).

§ 4. В первую половину XIX века и в прозе и в поэзии получают распространение среди других типов периода с повторительной интонацией характерные сочетания с постпозитивным **ли**, как первою частью сложного предложения со смысловым налетом более или менее чётко выраженной условности. Возможно, что стилистическою основою такого рода условных предложений отчасти являлись образцы народной песенной речи.

Примеры:

Теперь, *слышу ли* я старика, порицающего ученость, потому что сам не имеет ее, порицающего всякую новизну за то, что она новизна;— *вижу ли* старика, который хочет обмануть время не приобретением познаний, но подкрашенными волосами,— их невежество и слабоумие не возмущают меня более; я вспоминаю о моем видении и спокойно говорю себе:— это старик-младенец! (В. Одоевск., Старики, или остров Панхаи, 1824). *Хотела ли* жена сделать новое платье, поехать на вечер... муж не противился, но с удивительным красноречием нападал на женскую суетность, на женское неблагоразумие. *Вмешивалась ли* жена в разговор... он пускался в рассуждения о приличиях, об уме и вежливо, но немилосердно доказывал, что женщинам неприлично говорить, что они не умеют порядочно говорить ни о чем (К. Павл., Именины, 1835).

Там — *сияло ль утро* ясно, *Вечер ли темнел* — В ожиданьи, с мукой страстной, Он один сидел (Жуковск., Рыцарь Тогенбург, 1818). *Ревет ли зверь* в лесу глухом, *Трубит ли рог, гремит ли гром, Поет ли дева* за холмом,— На всякий звук Свой отклик в воздухе пустом Родишь ты вдруг (Пушк., Эхо, 1831). Тридцатый год, а славы нет как нет! А я мечтал, *возьмусь ли* за перо, И загремят послушные октавы; *Возьму ли* кисть, и дивные картины Сами собой падут на полотно, И я достигну славы

и богатства (Кукольник, Джулио Мости, 1836). ...*Зажурчит* ручей, вот и в хор с ручьем Его стих журчит. *Заревет ли лес* при борьбе с грозой, Как сердитый тигр; Ему бури вой лишь предмет живой Сладкозвучных игр (К. Павлова, Поэт, 1839). *Садится ль* он дубов развесистых под тенью, На мягкой зелени, кропимой ручейком, *Внимает ли* его приятному теченью, Согбенный думою или объятый сном, Летающий зефир в него прохладой дует, На ветви голубок, уединясь, воркует, И сам поет вблизи пернатых царь певцов... (Милон., Похвала сельск. жизни, 1811).

Наряду с этим типом относительно нередко встречается близко родственный ему с союзами... **ли... или:**

В кругу ли аварских старшин и узденей *рассуждал* он о делах горской политики, *или давал суд* правым, и виноватым, *между домашними ли слушал* рассказы о прежних удальствах *или замышлял* новые набеги, она прилетала, как ласточка, и приносила ему весну душевную (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). *Хотел ли* он в высоком поэтическом произведении *задыть самого себя, или* в исторических изысканиях *набрести на глубокую думу, или отдохнуть умом в* стройном философском здании — тщетно: язык его лепетал слова, но мысли его представляли ему совсем другое (В. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833). *Преданье ль* темное тайник *взволнует* груди *Иль* точно в звуках тех *таится звук иной*, Но, мнится, колокол я слышу вечевой, Разбитый, может быть, на тысячи орудий, Властям когда-то роковой (А. Григор., 1846).

Как редкие примеры подобного *ли*, данного без повторного *ли* или *или*, укажу:

Увы, никогда я не мог выразить души своей; никогда того, что представляло мне воображение, я не мог передать бумаге; *напишу ли*? — играют? — не то!.. не только не то, что я чувствовал, даже не то, что я написал (В. Одоевск., Русск. ночи, VI, Последн. квартет Бетховена, 1831). Избранный в правители лучший друг Бентама все двигал своею сильною волею и своим светлым умом. *Замечал ли* он где-нибудь малейшее ослабление, малейшую нерадивость: он произносил заветное слово польза — и все попрежнему приходило в порядок, поднимались ленивые руки, воспламенялась погасавшая воля (В. Одоевск., Русск. ночи, V — Город без имени). *Шумит ли ветр*? мне на ухо души Он темные нашептывает речи Про чудный край, где кто-то из глуши Манит меня приветом тайной встречи (Вяземск., Тоска, 1832).

§ 5. Союз **ни**, в предшествовавшие века выступавший зачастую как одиночный при втором отрицаемом понятии[1], в течение XVIII и XIX века превращается в употреблении, если не говорить о случаях вроде „не сказал ни слова", в союз повторный.

---

[1] См. „Исторический комментарий к литературному русскому языку" изд. 2, стр. 276—278.

Архаическое употребление, особенно в поэзии, проходит однако наряду с новой конструкцией, почти через всю первую половину, XIX века, впрочем, чем далее, всё более слабея.

Примеры из стихотворной речи:

...А если корень иссушится,— Не станет *дерева ни вас* (Крылов, Листы и Корни, 1812). ...А сам, как бурный вихрь, пустился, *Не взвидя света, ни дорог* (Крыл., Конь и Всадник 1814). Не боюсь *смертей, ни ада* (Катенин, Ольга, 1815). Тебе не страшен *лиры звук*, *Ни элегические речи* (Пушк., Приятелю, 1822). Она ласкаться не умела *К отцу, ни к матери своей*... (Пушк., Евг. Онег., II, 1823—1826). Но не видал я *скал, вертепов, ни пещер* (Ф. Глинка, Граф. М-р, 1823). Не слышно *шума, ни тревоги* (Лерм., Кавк. пленн., 1828). Как ночь прекрасна и чиста, Как чувства тихи, светлы, ясны! Их не коснется *суета, Ни пламень неги* сладострастный! (Шевырёв, Ночь, 1828). Мой дом в сени укромной дола Хранят густые дерева; Я не страшусь в нем *бурь* Эола, *Ни зноя* пламенного Льва (А. Д. Илличевск., Катулл своей любезной). Какое горькое томленье Всю жизнь, века без разделенья И наслаждаться и страдать, За зло *похвал* не ожидать, *Ни* за добро *вознагражденья*! (Лерм., Демон, 1838).

Примеры из прозы:

Чтоб не нагнать скуки *на себя, ни на читателя*, сбрасываю с себя маску привязчивого рецензента... (Гриб., О разборе вольн. перевода Бюргер. баллады: Ленора, 1816). У них [первых египтян] ...не было *наук, искусств, ни твердых форм гражданственности* (перев. „Кратк. обзора истории Египта“ Шамполлиона Младш., „Моск. телеграф“, № 3, 1834). Тут нет ничего темного, *ни* загадочного... (Сенковск., Русск. истор. драмы, 1833). Он не может *рассуждать, ни беседовать*, чтоб не хитрить: обыкновенная риторическая фигура в его разговорном слоге — плутня... (Сенковск., Предубежд., 1834). ...Я не оспариваю факта, что четыре тысячи душ и триста тысяч дохода, о которых упомянул Шпирх... никак *ни могли уменьшить* во мне *удивленья* красоте и уму Теолины, *ни поколебать любви* к ее особе (там же). Оборотнев был совершенно убежден, что статскому советнику благовидной наружности и важной осанки, да еще и со звездой, нет *препоны, ни помехи*, нет *сопротивления, ни отказу* (Даль, Бедовик, 1839). Я даже в доме умалишенных вывел наказания, ни желая *вступать в соревнование* с безумными, *ни побеждать* их в нелепости (Герцен, Доктор Крупов, 1846).

Из других особенностей употребления *ни*, характерных для первой половины XIX века, следует ещё отметить такую: намного чаще, чем теперь, в обобщающем (уступительном) **что ни** вторая часть опускалась:

...То закупают, другое заказывают, *что день*, то новая шляпка, *что бал*, то новое платье (Крыл., Урок дочкам, 1807). *Что шаг* от матери, то смерть, *Что шаг*, то новы преступленья! (Батюшк., Отрыв. из „Мессинск. невесты“ Шиллера). *Что год, что день*,

то связи рвутся... (А. Одоевск., Элег. на смерть Грибоед., 1829). *Что шаг* — то гроб, на жизнь — ответной жизни нет (А. Одоевск., Два образа, 1832). ...*Что день*, то душу каплуна в Валгаллу Переселяю я... (Лажечн., Христиерн II и Густ. Ваза, 1841).

При глаголе: „Оракул наш *что молвит*, то соврет“ (Крыл., Оракул, 1807).

Ни́же́, союз со значением „и ни“, употреблявшийся в XVIII веке, но не имевший тогда широкого распространения, относительно нередок до сороковых годов XIX века. Позже, не имея поддержки в живой речи, он замирает совсем, исчезая около 70-ых годов:

И смертный злобный и лукав Ни в хижину, *ниже* в чертоги Не скроется от ваших глаз (Озер., Эдип в Афин., 1804). Бог с ним, с Плетневым! Не желаю ему, *ниже* Сынам отечества, никакого зла (Батюшк., письмо Н. И. Гнедичу, 1821). Тут-то уже я думал быть вне всякой опасности, ибо никому из знакомых не намерен был открывать места своего пребывания, *ниже* тебе, любезный брат, хотя бы случай и открыл мне твое убежище (Нарежный, Бурсак, 1824). ...Нет, никогда я зависти не знал, О, никогда, *ниже*, когда Пиччини Пленить умел слух диких парижан, *Ниже* когда услышал в первый раз Я „Ифигении“ начальны звуки (Пушк., Моц. и Сал., 1830). Лишь год назад два талисмана Светилися в тени твоей, *И ниже*[1] замысла обмана Не скрылося в душе детей!.. (Лерм., Дереву, 1830). И сам он однако таким поведеньем Не был доволен; но тут ни его увещанья, ни ласки, *Ниже* упреки, ничто помочь не могло (Жуковск., Ундина, 1836). ...Но то беда, что ни за какие деньги, *ниже* имения, с улучшениями и без улучшений нельзя приобресть такого желудка, какой бывает у господина средней руки (Гоголь, Мертв. души, I, 1842).

Ещё, видимо, в живом употреблении **ниже** у Даля: „У меня, брат, нет, *ниже* зелененькой“ (Займы). „...Поэтому нас два столба эти не удивят; ни тот, который стоит уже многие годы в неизменном кафтане своем и не думает, вероятно, ни о чем, *ниже* другой, в черном сюртуке, с острыми карими глазами, который столько досаждает и себе и другим всеми странностями своими и затяжною думою“ (Бедовик, 1839), и т. п.

§ 6. Изъяснительные союзы изучаемого времени не характеризуются ничем примечательным. Изредка можно указать случаи плеонастического употребления **что будто:**

Я видел сон, *что будто* я певец... (Хомяк., Сон, 1828). На это Кот отвечал: — Почтенный людоед, Давно слух носится, *что будто* вы Умеете во всякий превращаться, какой задумаете, вид (Жуковск., Кот в сапогах, 1845). ...Патер уж знает меня; говорит он, *что будто* Был я в лодке, когда он в воду упал... (Жуковск., Ундина, 1836). Горько мне было читать, милостивый

[1] Редкий случай „и ниже“.

государь мой, намеки на то, *что будто* бы вас оскорбил, изменил нашей первобытной дружбе и отзывался о вас с дурной стороны (Достоевск., Двойник, 1846).

Особенность синтаксиса этого времени составляет и относительно частое у некоторых писателей в тех случаях, где мы имеем теперь вводные слова — безличные предложения, употребление последних в качестве главных с союзом **что**, вводящим к ним придаточные, теперь выступающие у нас в качестве главных с вводными словами. Наиболее часто такое употребление при *разумеется*:

Разумеется, что я вопиял, сколько сил доставало, призывал всех святых во свидетели своей невинности (Нарежн., Бурсак, 1824). Французских кадрилей проплясали немного; но за мазурку принимались три раза — *разумеется, что* при этом надо было показать свою любезность, которую иногда трудно бывает выдержать в продолжение пяти, шести фигур (письмо Станкевича, 1837). *Разумеется, что* посланному был сообщен только первый пункт этой резолюции (Ушаков, Последний из княз. Корсунских, 1837). *Разумеется, что* маленькие Луизы были наделяемы щедрее, нежели Юльхен и Мальхен (Греч, Поездка в Герм., 1830). *Разумеется, что* крес взошел, вырос, и в Малинове рассказывали, будто Онуфрий Парфентьевич сослепу не розглядел этого обстоятельства и явился в присутствие с кресовым воротником (Даль, Бедовик, 1839)[1]. *Вероятно, что* в этих местах было большое озеро (Греч, Путев. письма, 1817—1838). *Не правда ли, что* ты осенью приедешь? (П. Киреевск., письмо к Язык., 1833). *Правда, что* и Мирослав ему в скромности не уступает: от него ни слова не слышно о Ксении (Крыл., рец. на пьесу „Марфа Посадн. или покорен. Новаграда", 1808). *„Должно быть, что* он не христианин!" — сказал третий (Вельтм., Урсул, 1841). ...Притом, *кажется, что* славянские слова и обороты вовсе не нужны в иных местах (Батюшк., письмо Н. И. Гнедичу, 1809). *Кажется, что* я отправлюсь в Рим не прежде великого поста, чтобы в тишине насладиться его великолепием (письмо Н. Станкевича, 1840). *Быть может, что* она России свобожденье Предоставляет мне со славой произвесть... (Озер., Димитр. Донск., 1807). *Быть может, что* сонный Со сном золотым встрепенется (Фет, 40-ых годов).

§ 7. Причинные союзы первой половины XIX века: книжный, широко распространённый во всех видах литературы **ибо**; книжный же и тоже широко распространённый **так как**; разговорный и довольно частый и в письменном языке **как**; повидимому, как и теперь, обычный в разговорной речи в придаточных предложениях, следующих за главными, **потому что**; книжный

[1] Другие примеры см. Л. П. Лобов, Из истории русск. литер. языка, Сборн. Общ. филос., ист. и соц. наук при Перм. гос. унив., вып. 3, 1929, стр. 184.

для того что и употребительный почти исключительно в стихотворном языке **затем что**; устарелый книжный **поелику**. В архаизирующих стилях возможны были церковнославянские: **зане**, **понеже** (этот союз был относительно нередок в канцелярском слоге), сугубо архаический, допускавшийся только в поэзии **бо**.

Союз **ибо** в тридцатых и сороковых годах — такой же предмет осуждения некоторыми писателями, так же гоним за свою архаичность, как уже упоминавшиеся местоимения *сей* и *оный*. К нему, как и к последним, Белинский рекомендует („О сочинениях Н. Греча", 1838) применить свой „рецепт"[1]. Любопытно, однако, что союз этот даже в собственном языке Белинского держится упорно и рекомендуемым заменам через „так как" и „потому что" подвергается менее часто, чем можно было бы ожидать после подобных высказываний. Ср., напр.: „И она [могила] сто́ит их, *ибо* не живые в ней, мертвой,— но она, мертвая, рождает жизнь в живых" („Стих. М. Лерм."). „...И если его поэма не может быть переведена ни на какой язык, *ибо* колорит ее весь в русско-народном языке, то тем не менее она художественное произведение..." (там же). „...*Ибо* купец, кстати и не кстати говорящий при каждом слове „два аршина с четвертью", еще не голландец" („Полн. собр. соч. А. Марлинск.", 1840), и под.

Не обходится совсем без *ибо*, возможно, впрочем, чаще со стилистической установкой, и сам Сенковский; примеры: „К счастью, он их не приметил, *ибо* люди мигом расхватали их с неимоверною жадностию..." (Похожд. одн. ревижской души, 1824). „...И наделали много шуму, и не нашли ничего, *ибо* ничего и не было" (там же). „...Я осталась в шесте, из которого потом уже никак нельзя было вырваться, *ибо* святой муж в тот же вечер сделал из него посох и приказал оковать его золотом с обеих концов" (там же)[2].

Определённо без стилистической установки: „И это последнее условие считаю я даже важнейшим, нежели первое, *ибо* вся польза, которую человечество получает от истории, заключается в образцах прекрасных и возвышенных характеров... (Русск. истор. драмы, 1833). Он презирал человека, *ибо* без этого нельзя быть тираном (там же).

Так как и **как** употребляются обычно в придаточных предложениях, предшествующих главным, причём *так как* характерно для самостоятельного употребления и значительно реже встречается после союзов *и*, *а*, *но*, или после подчинительных, а *как*, наоборот, чаще всего выступает именно после этих союзов:

---

[1] „...Читая хорошую книгу, даже вслух, я вместо *сих*, *ибо* и *оных* произношу *эти*, *потому что*, *они*, и так привык к этому, что часто хвалю книгу за отсутствие в ней нелюбимых мною слов".

[2] По Гречу, Практ. русск. грамм., 1827, стр. 403, „союз *ибо* предшествует выражению общей умозрительной или нравственной причины..."

1. *Так как* один мудрец издал книгу о санскритской словесности, которой я не читал — таких вздоров я не читаю — то я сейчас сочинил на нее презлую критику... (Сенковск., Предубеждение, 1834). *Так как* по самой лучшей деревне Хорошинского цынута нельзя судить ни об обычаях, ни о нравах, ни об уме, ни о способностях молдавского народа, то я откладываю описание его до первого джока, который мне случится видеть в Орхеевском цынуте (Вельтман, Странник, 1832). *Так как* я должен теперь еще год остаться за границею... то я должен наперед сказать вам о моих будущих надобностях... (письмо Н. Станкевича, 1840). *Так как* способность быть народным есть своего рода талант, то она имеет свои бесконечные степени, подобно всякому таланту (Белинск., И. А. Крылов, 1845).

2. Немилосердный старик сделал в своем доме закон, чтоб здесь никто, даже и гости, иначе не говорили, как по-русски; *а так как* он в уезде всех богаче и старее, то и немудрено ему поставить на своем (Крыл., Урок дочкам, 1807). *Но так как* всякому человеку случается в жизни обмолвиться умным словом, то и один из моих ораторов сделал под конец обеда очень дельное замечание (Жихар., Дневн., 1807). *Но так как*, живучи, я был здоровьем слаб, То сам я областью не правил... (Крыл., Вельможа, 1834—1836). У входа в опустошенное местечко стоял на часах солдат из рекрут, недавно прибывший на службу, *а так как* фельдмаршал приехал только накануне из Пскова, то новобранец и не имел случая видеть его карлу (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). О Толстом я тебе ничего сказать не могу, потому что почти что не знаю, *а так как* непременно хотят, чтобы я писал о нем, то и скажу тебе... (письмо П. Киреевск. Языкову, 1833). *А так как* он красавец был собою, То и совсем немудрено, что скоро И дочери прекрасной королевской Понравился (Жуковск., Кот в сапогах, 1845). *А так как* бедный Марк Павлыч в подобных случаях прибегал к единственной утешительнице своей — трубке, то заведено было подымать рев и плач в доме, изрыгая проклятия на эту трубку (Даль, Пчел. рой).

3. Десять тысяч у него было; пятнадцать тысяч предполагал он попробовать занять у Костанжогло, *так как* он сам объявил уже, что готов помочь всякому желающему разбогатеть... (Гоголь, Мерт. души, II).

4. *Как* батюшка был тогда более надлежащего в духе, то начал очень нескромно шутить с женою сего Вулкана, пригожею чернобровкою, настоящею Венерою (Нарежн., Российск. Жильблаз, 1814). *Как* в замке его [шкапа] был ключ, то Аристион и отпер (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). *Как* я не первый день живу на свете, то мне небольшого труда стоило понять, что этот иероглиф значил — „Не принимать никого!“ (Сенковск., Предубеждение, 1834). *Как я* [душа] была ей [голове] не в пору и распирала собою череп, то ребенок ощущал от меня нестерпимую боль в мозгу... (Сенковск., По-

хожд. одной ревижск. души, 1834). *Как* древесная плоть вянет не скоро, то я не могла тотчас из нее освободиться... (там же). *Как* Гар-Пион был выше всего парижского народонаселения целою головою, то ему очень удобно было видеть, в каком смущении находилось собрание старшин (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841). Догадливый Сысой... объявил, *что как* прежде поданное на стол кушанье давно уже оледенело, то он носил его на кухню, где оно разогрето, и теперь все готово (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822).

5. „Мы еще не имеем на то права", отвечал он с тяжким вздохом... „*А как* консул Далмат и его товарищи все философы, то они на сии преимущества имеют всякое законное право" (Нарежн., Бурсак, 1824). По этому случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. *Но как* Иван Кузьмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). Доктор сказал мне, что это он и не называет болезнью и *что*, *как* время уже много притупило во мне это раздражение, *так* оно пройдет совсем, одним временем, без всякого лечения, исключая вод..." (письмо Н. Станкевича, 1840). *Но как* сей дом принадлежит не садовнику Григорию Обану, а брату его, кожевнику Илье Обану, то сим и объявляется... (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841). Нельзя сказать, что он не любил ее, *но как* он любил выше всего себя, чины и деньги... то родительская любовь не имела времени выказываться (Булгар., Победа от обеда, 1841). Возвратившись с прогулки, сын и зять с горя решились продать часть своего имения; *а как* она прилегала к полям Алексеевки, то Игривый сошелся с ними и купил ее (Даль, Пав. Алексеев. Игривый, 1847). Не знаем, до какой степени полезна такая критика... *Но как* натуры своей никто переменить не в состоянии, то признаемся, мы не можем победить нашего отвращения к уклончивой критике, как и ко всему уклончивому... (Белинск., „М. Д." Гоголя), 1842). Он написал трагедию Клеопатра, *и*, *как*, по замечаниям знаменитого Дмитревского, признал ее неудачною, написал другую — Филомела (Белинск., И. А. Крыл., 1845). О древней верности, конечно, Слыхали как-нибудь и вы! *Но как* сказания молвы Все дело перепортят вечно, То я вам точный образец Хочу представить наконец (Лерм., Незабудка, 1830).

Случай одновременного употребления *а так как* и *и как* имеем в повести Н. Павлова „Аукцион" (1834): „*А так как* мы имеем выгодное мнение о польских красавицах *и как* вообще человеку не хочется никогда объяснить нового явления естественным образом, надобны по всем чудеса, то в театре разнеслась молва, что приехала польская графиня..."

Потому что:

Австрийский курьер ездит только два раза в месяц, но с ним ловко, *потому что* он берет только одного пассажира с собою (письмо

Н. Станкевича, 1840). Морозное петербургское утро склонялось к вечеру, — *потому что* в Петербурге в эту пору года есть только утро и вечер: дня не имеется в наличности (Верёвкин-Рахманный, Кокетка, 1836). „Да что ж тебе? Ну, и ступай, если захотелось", сказал хозяин и остановился, *потому что* громко по всей комнате раздалось храпение Платонова, а вслед за ним Ярб затянул еще громче (Гоголь, Мертв. души, II).

Для того что:

Она... выдает дочь за безродного Миронова, *для того* только, *что* он исполнен достоинств (Крыл., Рец. на пьесу „Марфа Посадн. или покорение Новаграда", 1808). — А для чего ж ты это сделал? — *Для того, что* был уверен, и теперь еще... да, и теперь еще надеюсь, что сей жертвой мы спасем от гибели наше отечество! (Загоск., Юр. Милослав., 1829). Черный наряд мне по сердцу и *для того, что* это как бы траурное платье по княгине (Греч, Поездка в Герм., 1830) [1].

Ср. возможное по отношению к причинному же „для чего?" **потому что**: „*Для чего* не предупредили вы меня? — *Потому что* боялся дать вам в руки шнур моих замыслов, не скрепив их мертвым узлом" (Лажечн., Ледян. дом, 1835). Богатонов: *Для чего* вы не хотите выйти за князя Блесткина? — Лиза: *Потому что* он мне не нравится (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817).

Пример употребления *для того что* при скоплении причинных союзов: „К Никите Федоровичу Глазову таскался он *для того что* тот поправлял его бумаги, *потому что* Перепеченко был не весьма силен в русском языке" (Булгар., Победа от обеда, 1841).

При отрицании возможно **не для того, чтобы**...:

Уединение любя, Чиж робкий на заре чирикал про себя *Не для того, чтобы* похвал ему хотелось, И не за что; так что-то пелось! (Крыл., Чиж и Еж, 1814).

Как могло влиять на логическую сторону фразы совпадение *для того* в значении причинном (...*что*) и целевом (...*чтобы*), показывает, напр., такой отрывок из философских „Русских ночей" В. Одоевского (VII — Последний квартет Бетховена, 1831):

...Ему [поэту] полезно иногда нисходить до внешней природы, хоть *для того, чтоб* уверяться в превосходстве своей внутренней, а еще и *для того, что*, к стыду человека, буквы в книге природы не так изменчивы, не так смутны, как в языке человеческом..."

Затем что:

...Все это говорил Министр Юстиции! Куда бежать от такой юстиции?.. Давно уже я заметил, что слово Юстиция употре-

[1] Попутно стоит упомянуть свидетельство Сенковского (Древн. гекзам., 1841) о том, что речение для того чтобы произносилось в его время не так, как теперь: звучало оно, по его показанию, для того (чтобы).

блено, как видно, *за тем, что* остаток совести не позволял произнести слово: Правосудие — Cela serait par trop fort (Дневн. Н. И. Тургенева, 1818).

В языке поэзии причинные союзы вообще редки. В басне встречаются *для того что, затем что, от того что, так как, как*. В драме, лирике и эпосе в употреблении преимущественно **затем что:**

И свадебны обеды *Затем* лишь не терплю, *Что* сельских иереев, Как папа иудеев, Я вовсе не люблю (Пушк., Городок, 1814). Отчизна, родина — слова пустые для меня, *Затем что* я не ведаю цены их (Лерм., Испанцы, 1830). Теперь, желал бы я напрасно Смочить горящие уста, *Затем, что* чаша влаги страстной, Как голова твоя — пуста (Лерм., Глуп. красавице). Зачем горячие мечты Поэта в небо увлекают Из мрака дольней суеты? — *Затем, что* в небе вдохновенье, И в песнях есть избыток сил, И гордой воли упоенье В надоблачном размахе крыл. *Затем, что* с выси небосклона Отрадно видеть край земной И робких чад земного лона Далеко, низко под собой (Хомяк., Жаворонок, Орел и Поэт, 1833). Он тут стоит *затем, что* тут Построил он свой город славный (Огарёв, Юмор, 1840—1841). Он горд *затем, что* он велик! (там же) [1].

Реже **оттого что (оттого, что)**: „И сердце вновь горит и любит *оттого, Что* не любить оно не может" (Пушк.).

Поелику „поскольку" — в причинном значении. Примеры такого употребления можно привести из писателя, всей своей манерой относящегося к XVIII веку:

Отпоры мои всегда были резки, *поелику* я характера пылкого и стремителен во всех побуждениях сердца (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижн. в 1815 г.). *Поелику* она [Саранская] меньше всех важных ярмонок в государстве, следовательно, все приезжие ежечасно вместе, когда они гуляют по лавкам (там же).

Относительно нередко *поелику* встречается в научном и деловом языке; ср., напр., в „Моск. телеграфе" 1829 года (XXVI): „...И *поелику* воля у него [Декарта] не имеет ни малейшего отношения к движеньям тела человеческого, то необходимо душа и тело управляются двумя системами законов, совершенно различными" (статья „О нынешнем состоянии Физиологии").

Вполне естествен этот союз, при их общей архаизирующей установке, в „Илиаде" Гнедича и в „Одиссее" Жуковского.

Шутливо на старомодность этого *поелику* намекает Сенковский („Турецк. цыганка", 1834): „...Так как, или *поелику*, спанье

---

[1] Ср. употребление вопросительных речений, прямо противоположное нашему:

...*Для чего* прежде свадьбы не заставить его выполнить данное обещание,— восклицает третья.

— *Зачем* упустили его, — пищала тетушка в пятом колене (Загоскин, Неравный брак).

после обеда есть очевидно закон самой природы, то было б крайне мудро ввести в употребление ложа при десерте“[1].

Употребление **зане** ограничено, вообще говоря, языком поэзии: Почил безмятежно, *зане* совершил В пределе земном все земное (Баратынск., На смерть Гете, 1832). И воспевал я вас, и вы благоволили Веселым юноши стихам, *Зане* тогда сильны и сладкозвучны были Мои стихи (Язык., К. К. Павловой, 1841).

Едва ли не единственный поэт, обнаруживающий к нему пристрастие, — А п. Г р и г о р ь е в. Ср., напр., у него: „Светлей сияет пламень вечный; Он в духе ярко отражен, *Зане* любовью бесконечной Там с чувством ум соединен“ (1845). Любопытно при этом, что **зане** в его употреблении не имеет даже резко-архаической окраски предшествующего времени: „Вы рождены меня терзать, *Зане* друг другу мы чужие, И ничего, чего другие Не скажут вам, мне не сказать“ (1843). Это пристрастие Ап. Григорьева к *зане* иронически отмечено, между прочим, в грубой эпиграмме, „Эпитафии“ ему Н. Щербины (1859).

С выраженной архаизирующей установкой его находим, напр., у Пушкина в „Борисе Годунове“ в словах Пимена: „...К его одру, царю едину зримый, Явился муж необычайно светел, И начал с ним беседовать Феодор И называть великим патриархом, И все кругом объяты были страхом, Уразумев небесное виденье, *Зане* святый владыка пред царем Во храмине тогда не находился“, или у Языкова в „Сампсоне“ (1846): „В объятиях неги его усыпила Далила, и кудри обстригла ему: *Зане* в них была его дивная сила, Какой не дано никому!“

Понеже судебно-канцелярского языка пародирует в басне „Крестьянин и Овца“ (1821—1823) Крылов: „...Приговор Лисы вот от слова до слова: Не принимать никак резонов от Овцы: *Понеже* хоронить концы Все плуты, ведомо, искусны...“

Пригодность *понеже* для торжественно-эпического архаизирующего слога иллюстрирует употребление, напр., Жуковского в переводе „Одиссеи“: „Нет! ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев Также моих не могу я винить, на которых отважность Муж полагается каждый при общем раздоре, *понеже* В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был Сын...“

Употребление **бо** ограничено сугубо-архаизирующим стилем эпической поэзии. Ср., напр.:

Но не узрит уже ни родимого дома, Ни детей, ни жены своея; Здесь искусит *бо* силу иль Зевсова грома, Иль Афины копья (Катенин, Софокл, 1818).

Употребляется этот церковнославянский союз только энклитически.

Специальная архаичность **бо** подчёркнута в пародии П. А. Вяземского на шишковца Е. Боброва: „Нет спора, что Бобров

[1] Интересно замечание Н. Г р е ч а, Практич. русск. грамм., 1827, стр. 404, о том, что „все союзы, предшествующие предъидущим причинным предложениям, в хорошем слоге мало употребительны“ и обыкновенно, „превращаются в заключительные“ или заменяются деепричастными оборотами и т. п.

богов языком пел; Из смертных *бо* никто его не разумѣл" (К портрету Бобр., 1810).

§ 8. Союзы цели. Наиболее употребительный и соответствующий живому употреблению союз цели, как и теперь, — **чтобы**; книжный, церковнославянского происхождения, — **дабы**, в первые десятилетия ещё применяемый довольно неразборчиво в самых различных стилях:

...И я, *дабы* избежать всякой встречи с кем-либо из знакомых, взял большой круг и к скромному жилищу моей любезной жены пришел уже незадолго перед закатом солнечным (Нарежный, Бурсак, 1824). Подъезжая поближе, я свистал и, сколько было сил, кричал на лошадей, *дабы* дать знать Евгении о прибытии ее друга (там же). Местное начальство воспользовалось и сим случаем, *дабы* новыми притеснениями мстить народу за его сопротивления (Пушк., Ист. Пугач., 1832—1833). Они отправили от себя выборных в Петербург, *дабы* объяснить и оправдать кровавое происшествие (там же). ...Не признает современный суд, что много нужно глубины душевной, *дабы* озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл созданья (Гоголь, Мерт. души, I, 1842).

В стихотворном языке:

Умел он... Друзей поссорить молодых И на барьер поставить их, Иль помириться их заставить, *Дабы* позавтракать втроем... (Пушк., Евг. Онег., VI, 1826—1828). И потихоньку удалился, *Дабы* отец не пробудился (Жуковск., Роланд оружен., 1832). ...А сам отправился, *дабы* вельможу злого, Столь гнусные дела творящего во тьме, Пред светом обличить (Пушк., Анджело, 1833).

Довольно редкий случай *дабы*, равного „чтобы" после глагола *бояться*, т. е. не с целевым значением: „Греки, *боясь, дабы* гнев Ахиллеса не воспрепятствовал благополучному их возвращению в отечество, принуждены были умертвить юную царевну", встречаем в предисловии Мерзлякова к его переводу сцен из трагедии Эврипида „Гекуба" (изд. 1825 г.).

Устарелость *дабы* хорошо сознавалась уже Карамзиным, который, осуждая слог перевода „Неистового Роланда", между прочим замечал: „Вследствие чего, дабы" и прочее. Это слишком по-приказному и очень противно в устах такой женщины, которая, по описанию Ариостову, была прекраснее Венеры" („Моск. журнал", III). Несмотря на это, **дабы** держалось долго и упорно, всё более сокращаясь в беллетристике, но мало выходя из употребления в книгах научных и вообще в литературе рассудочного и делового характера. Сам Карамзин в определённом слоге вынужден был разрешать себе употребление этого союза; ср.: „...Передовая многочисленная дружина государева вошла в Новгород, окружив его со всех сторон крепкими заставами, *дабы* ни один человек не мог спастися бегством" (Ист. Госуд. Росс., IX, 1821).

Архаическое да в функции союза, культивируемое XVIII веком

в пафосных стилях, в поэзии первой половины XIX века реже, но с архаическим налётом употребляется ещё в ней рядом авторов:

На вражьи грянем силы, *Да* в чадах к родине любовь *Зажгут* отцов могилы! (Жуковск., Певец в стане русск. воин., 1812). Отец семейства! приведи К могиле мученика сына: *Да закипит* в его груди Святая ревность гражданина! (Рылеев, Волынск., 1822). О! я молюсь, мой добрый гений, *Да* вновь *увижу* те края, Где все достойно песнопений... (Язык., П. А. Осиповой, 1826). Помнит древнюю вражду, Помнит мстительное море, И *да* мщенья *примет* мзду, Шлет на град потоп и горе (Шевырёв, Петроград, 1829). Как нежно, пламенно, как искренно желает, *Да выйдет* он, ее любимец, пред людей В достоинстве своем и в красоте своей... (Язык., П. В. Киреевскому, 1835). Я поставлю пред тобою Вдохновенья твердый щит, *Да* язвительные люди *Не дохнут* чумой страстей На кристалл прозрачной груди, На эмаль твоих очей (Бенедикт., Моей звездочке, 30-ых годов). О вспомни их, орел полночи! Пошли им звонкий твой привет, *Да* их *утешит* в рабской ночи Твоей свободы яркий свет! (Хомяк., Орел, 1832). Нет, к нам направь свои укоры, Нас к покаянию зови, *Да увлажатся* наши взоры, Сердца исполнятся любви (К. Аксак., Поэту-укорителю, 1845). По силам спешим мы на голос мученья, *Да даст* нам победу над ним утешенье: Побежденная скорбь хороша! (А. Григор., 1845).

Употребление такого *да* в прозе встречается только у более старых авторов и обыкновенно как средство подчёркнутой архаизации:

Народ и граждане *да властвует* Иоанн в Новегороде, как он в Москве властвует! или — внимайте его последнему слову—или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, *да усмирит* мятежников! (Карамз., Марфа Посадн., 1802).

§ 9. Сравнительные союзы и союзные слова, бывшие в употреблении в первой половине XIX века, в большинстве продолжают употребляться и теперь. К особенностям, утраченным в настоящее время полностью или возможным с архаической окраской — стареющим, относятся такие:

Чертой литературного синтаксиса, утвердившейся, повидимому, только во второй половине XIX века, является употребление союзных слов *насколько..., настолько...*, употребление, положившее чёткую грань между чисто-наречным значением и значением количественным. В первую половину века в обоих случаях в ходу ещё безразличное **сколько..., столько...**:

Столько тяжело было выдерживать с ним [Кашкаровым] сообщество, потому что, от природы будучи прост даже до глупости, никогда не получил он воспитания, ничего не учил, ничего не знал, ни о чем говорить не смыслил, кроме музыки, *столько*, напротив, *он пленял* гармонией струн своих, и все наизуст (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Обращение его [Лагарпа] *столько же просто, сколько ум то-*

нок; он много знает, ибо все помнит (письмо Батюшкова А. И. Тургеневу, 1819). „Будьте же *откровенны столько же, сколько вы великодушны*“, сказал я ей фразою, не помню из какого романа (Сенковск., Предубеждение, 1834). Здесь мы последуем преимущественно за гг. Капфигом и Деппингом, стараясь также познакомить читателей и с содержанием их сочинений, *столько же примечательных* своей эрудицией, *сколько любопытных* (Грановск., Судьбы евр. народа, 1835). Большинство публики, с своей стороны, оскорбленное, *сколько похвалами* „прямой критики“ новому таланту, к которому оно еще не прывыкло.. *столько же* — или еще больше — ее *откровенными выходками* против гениальных гг. А, Б и В, к которым оно давно привыкло и которых хотя уж и не читает, но по привычке и преданию все еще считает гениями, — это большинство вдвойне не благоволит к новому таланту (Белинск., ⟨„М. Д.“ Гоголя⟩, 1842).

Ср. и **столько же... как...**:

Но *будь справедлив*, Аммалат, *столько же, как я откровенен* (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832).

Не далее начала XIX века в употреблении было характерное для XVIII века союзное речение **подобно как**:

Еще друзья и ближние останавливались на площади и на улицах говорить между собою, но скоро настала всеобщая тишина, *подобно как* на море после бури, и самые огни в домах... один за другим погасли (Карамз., Марфа Посадн., 1802). ...Надобно, чтобы король прусской, приучив французов к огню сражений (*подобно как* шведы учили в свое время армию Петра Великого), заключил с ними мир! (Карамз., Статьи полит. из „Вестн. Евр.“, 1802).

Разговорный характер имело речение **точно как** и значительно более редкое **точно как будто**:

Вытвердила матушка, да только это и барабанит. *Точно как* свисток, которым приманивают тетеревей на охоте, все одна мелодия (Греч., Поездка в Герм., 1830). В комнату звуки плывут, я предаюсь им вполне. Сердце в них находило всегда какую-то влагу. *Точно как* будто росой ночи омыты они (Фет, 40-ых годов).

Некоторый налёт просторечия принадлежал, повидимому, уже в первой половине XIX века союзу **словно** и союзному речению **словно как (как словно)**:

Молодость, *словно* крепкий мед, бьет через край, пока не установится (Лажечн., Басурм., 1837).

Почивал наш герой нехорошо, т. е. никак не мог даже на пять минут заснуть совершенно: *словно* проказник какой-нибудь насыпал ему резаной щетины в постель (Достоевск., Двойник, 1846).

Не успел я от страха в память прийти, как с обоих боков поднялись у урода *Словно как* парусы... (Жуковск., Война мышей и лягуш., 1831). ...И спина, и хвост, и передние лапы *Словно как* мерзлые... (там же). Он [гром], *словно как* пыль, по

тебе пролетел, И бурное море тебе рукоплещет (Язык., Маяк, 1839—1841).

Смотри: песчаный бор, река, пустынны виды. Гора, висяща над горой, *Как словно* в Фракии глухой... (Батюшк., Филомела и Прогна, 1811).

Ср. и в слоге с прямой установкой на фольклор:

И с царевной на крыльцо Пес бежит и ей в лицо Жалко смотрит, грозно воет, *Словно* сердце песье ноет, *Словно* хочет ей сказать: „Брось!..“ (Пушк., Сказка о мертв. царевне, 1833)[1].

Ещё в большей мере налёт, очень близкий или почти переходящий в колорит народной речи, принадлежал союзу **ровно**:

...Словом, *ровно* добрый плотник: что захотел, то и срубил (Даль, Дышло).

Союз **что**, как дающий речи народную, „почвенную“, противопоставляемую книжной, окраску, охотно употребляют авторы, имеющие в виду соответствующую стилистическую установку:

Цыганка славная и голос золотой, Когда соловушком присвиснет на раскате. Зальется, зазвенит, *что* колокольчик твой (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Щеки — *что* твоя малина, в глазах огонь соколиный... (Лажечн., Басурм., 1838). ...Не так ли ты, Русь, *что* бойкая, необгонимая тройка, несешься? (Гоголь, Мертв. души, I, 1842). Его [Языкова] язык, еще более окрепнувший, ему же послужил в улику: он был на тощих мыслях и бедном содержании, *что* панцырь богатыря на хилом теле карлика (Гоголь, В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847).

Со стилистической народно-архаической окраской Пушкин употребляет союз *что* особенно часто в „Борисе Годунове“ (1825—1830) и „Русалке“ (1832); несколько примеров его находим, напр., и в фольклорно окрашенном переводе из Мицкевича „Будрыс и его сыновья“ (1833):

Все ворожит, *что* красная девица. — Борис еще поморщится немножко, *Что* пьяница пред чаркою вина... — Тьмы сабель молодца, *Что* зыбкие колосья, облепили (Бор. Год.). ...А пуще Беречь свою девическую честь — Бесценное сокровище; она — *Что* слово: раз упустишь, не воротишь. — Княгинюшка! мужчина, *что* петух: Курикуку, мах, мах крылом — и прочь! А женщина — *что* бедная наседка: Сиди себе да выводи цыплят (Рус.). ...Янтаря, *что* песку там морского. — ...Весела, *что* котенок у печки — И как роза румяна, а бела, *что* сметана... (Будр. и его сын.).

Что в качестве поэтического эквивалента „как, подобно чему-либо“ („Что звук пустой...“) в „Евг. Онегине“ вызвало осуждение

---

[1] И. И. Дмитриев, „Взгляд на мою жизнь“, 1823, среди не нравящихся ему „нововведений“, относящихся, видимо, по его оценке, к „простонародному“ языку, упоминает *словно* вм. „как бы, подобно“.

Замечание Н. Греча, Практич. русск. грамм., 1827, стр. 40: „*словно*“ более означает сходство в выражениях нежели в предметах“ не соответствует фактам.

в „Атенее". По поводу этого упрёка Пушкин в своём наброске ответа (1828) замечает: „Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет *что*".

Гораздо реже такой союз в случаях, когда общая стилистическая установка на народность отсутствует: „...Когда уж месяц над рекой, *Что друг*, вечернею порой В раздумьи по долинам бродит..." (Козл., К другу В. А. Жуковскому, 1825).

Церковнославянское **яко** возможно уже в начале века лишь как сугубый архаизм, употребляемый только с определённой стилистической целью:

Так и в словах патриарха („Бор. Год."): „...Народ увидит ясно Тогда обман безбожного злодея И мощь бесов исчезнет *яко* прах".

При сравнительной степени в книжном языке первой половины XIX века решительно преобладает союз **нежели**, к средине века всё более уступающий свою преимущественную роль разговорному **чем**. Изредка встречаются случаи **что**... то: „Боже мой! *что больше* я гляжу, *То больше* в нем черты отцовски нахожу" (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Для народно окрашенного слога этого времени характерны, хотя и не часты (их находим главным образом у Крылова), фразы з союзом **чем** и инфинитивом при опущенной сравнительной степени:

Возьми-ка у меня щенка любого От жучки: я бы рад соседа дорогого От сердца наделить, *Чем* их топить (Крест. в беде, 1811). Ты, жавронок, *чем* по верхам Тебе кувыркаться, кружиться, Ты б корму поискал по нивам, по лугам, Чтоб с сиротами поделиться (Добрая лисица, 1814). Без всякого сомнения, не отказался б я погреть теперь сердечко подле какой-нибудь леди в Плимуте или дремать в тамошней опере после сытного обеда, *чем* слушать медвежий концерт ветров и всякую минуту ждать отправления в безызвестную экспедицию (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор., 1831).

Ср. и родственный тип в значении „вместо того чтобы...": Нередко от того погибель всем бывает, Что *чем бы* общую беду встречать дружней, Всяк споры затевает О выгоде своей (Крыл., Раздел, 1813). Обробел я пуще, и *чем бы* схватить поскорее Руками иль пасть на него [головля], ...схватил я за лесу... (С. Аксаков, Рыбач. горе, 1829). Тут, *чем бы* перестать И достальной свой век спокойно доживать, А промысел оставить свой другому, — Он в море корабли отправил по весне (Крыл., Фортуна и Нищий, 1816).

Лишь в качестве известного раритета, если не говорить о специальных выражениях [(*не*) *больше*, *как;* (*не*) *дальше*, *как* и под.], иногда можно встретить в первые десятилетия в духе употребления XVIII века при сравнительной степени **как (и)**: „Сего рода богини требуют от богатых и старых любовников не менее расходов, *как и* знатные барыни" (Нарежн., Российск. Жиль-

блаз, 1814). „До сих пор я жил *иначе, как* люди живут“ (Пушк., письмо Кривцову, 1831).

К относительно редким же случаям надо отнести и **нежели как**: „...Ты плыл с полком, это был поход, вы везли с собою все рассеяние товарищества — бури же не было — вы больше проводили времени за стаканом или, лучше сказать, за бутылкой, *нежели как* в созерцаниях и размышлениях — c'est tout different (письмо Чаадаева брату М. Я., 1823). Если верить словам твоим, то ты гораздо менее виноват, *нежели как* тебя обвиняют (Нарежн., Бурсак, 1824). „...Читателям уже известно, в какое она пришла удивление, когда, по приезде в Барвеново, все нашла в ином виде, *нежели как* предполагала“ (Перовск.-Погорельск., Монастырка, II, 1830). „Исаакиевский мост совсем иной представлял вид, *нежели как* теперь“ (Погорельский, Черная курица). „Молодые писатели возмечтали, что, собрав все ужасы в одну книгу, сжав их еще плотнее, разнообразя их еще более, *нежели как* у наставника, они перещеголяют авторскую его знаменитость...“ (Сенковский, Истор. роман, 1834)[1] и **нежели чем** (lapsus calami?) в письме Пушкина к А. Н. Гончарову (1830): „Вам обязан я больше, *нежели чем* жизнию“.

§ 10. В значении временно́го союза в первые десятилетия XIX века относительно часто, особенно в поэзии, употребляется **как**. В отличие от нынешнего употребления союз этот не имеет в это время, как и раньше — в XVIII веке, специальной стилистической окраски — слога, близкого к народному или к просторечию, и не ограничен специальными временными значениями (*всякий раз, как*; *перед тем, как*; *после того, как*; *как вдруг*; *только тогда, как* и под.).

Примеры из языка поэзии:

Прошли те времена, *как* робкие умы В татарах видели орудие небесно, Чему противиться безумно и невместно (Озер., Димитр. Донск., 1807). Но в день для нас ужасной, *Как* меч в руках убийц, *как* ярость в их сердцах, *как* греки ни во что к богам вменяют страх, Не время прибегать к речам или витийству (Озер., Поликсена, 1809). Простительно [жестокосердие] в боях, *как* гневом бой кипит, Оно постыдно в час, *как* враг у ног лежит... (там же). Иль позднею зарею, *Как* ночь на небесах, Покрытых темнотою, Чернеет в облаках — Близ келии встречаю Я сумрачную тень... (Пушк., К сестре, 1814). ...И кто не воспылает? Кому не пишется любовью приговор, *Как* длинные она ресницы подымает И пышет страстью взор? (Давыд., 1814). Так поздним хладом пораженный, *Как* бури слышен зимний свист, Один на ветке обнаженной Трепещет запоздалый лист (Пушк., 1821). Здесь, лирой северной пустыни оглашая, Скитался я в те

---

[1] Ср. сомнительное указание Н. Греча, Практич. русск. грамм., 1827: Союз *как* в сих случаях употребляется редко: оный присовокупляется к *нежели*, когда следует за неокончательным наклонением пред дополнением глагола: *в городе жить скучнее, нежели как* в деревне“.

дни, *как* на брега Дуная Великодушный грек свободу вызывал Пушк., Овидию, 1821). Раскинув легкие власы, *Как* идут пленницы младые Купаться в жаркие часы И льются волны ключевые На их волшебные красы,— Забав их сторож неотлучный, Он тут... (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). Прошли те времена, *как* верила Россия, Что головы царей не могут быть пустые... (Язык., Н. Д. Киселёву, 1823). Так при уходе зимних дней, *Как* солнце взглянет взором вешним, Еще до зелени полей Весны певица в крае здешнем Пленяет песнею своей (Дельвиг, В альб. А. Н. Вульф, 1826). В вечернее время, в час первого сна, *Как* блещет туман средь долин, На месте, где прежде бывала она, Брожу беспокоен один (Лерм., К Дурнову, 1830). А какова она, шумящих волн громада, Весной, *как* с выси берегов Через ее разлив не перекинешь взгляда, Чрез море вод и островов! (Язык., К Рейну, 1840). Какая мысль чело его палила, *Как* на тебя резец он свой вознес?.. (Щербина, Статуе Елены, 1846).

Примеры из языка прозы, гораздо более редкие:

Поди, друг мой, проспись! А *как* хмель у тебя сойдет, то прикажи впрячь 6 лошадей в мою карету, и кончено дело (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Старосты пошумели еще немного после нас, но лошадей впрягли в карету, и барышни, сверх всякого нашего чаяния, догнали нас, *как* мы обедали недалеко от Суждаля, в удельном селении Торчине (там же). Адриан тотчас познакомился с ним как с человеком, в котором рано или поздно может случиться иметь нужду, и *как* гости пошли за стол, то они сели вместе (Пушк., Гробовщ., 1830).

В том значении, в каком теперь мы употребляем союзное речение *как только*, в первой половине XIX века обыкновенно пользовались речением **как скоро**:

Как скоро взаимное уважение и сердечная теплота растопили оковы приличий или, лучше сказать, принужденностей, нежная искренность и беззаветное доверие заступили в ней место недоступности и тонкого злословия (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). *Как скоро* почтамт станет принимать посылки, отправлю к вам мою Историю, которой 3-го тома за холерою не мог я ныне допечатать (Н. Полевой, письмо А. Бестужеву, 1830). *И как скоро* Пышка с своими к болоту приблизился: „Здравствуй, почтенный воин", сказал он ему... (Жуковск., Война мышей и лягуш., 1831). *Как скоро* отряд начал подъезжать к Шварцбаху, означенному полосою сгущенного дыма, Мурзенко махнул своей пятисотне и бросился с нею вплавь через реку (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833).

Но ср. и **как только**: „И *как только* слышен снова Звонкий топот бегуна, Уж красавца молодого Ждет старуха у окна" (К. Павлова, Старуха, 1840).

Как в значении „как вдруг" и теперь обычно после предложений с наречиями-союзами *едва, лишь только*. Своеобразное

употребление его после главного со сказуемым без этих наречий-союзов можно отметить у Крылова („Лев состареш.“, 1823): „Лев бедный в горе том великом, Сжав сердце, терпит все и ждет кончины злой, Лишь изъявляя ропот свой Глухим и полным рыком; *Как* видит, что Осел туда ж, натужа грудь, Сбирается его лягнуть, И смотрит место лишь, где б было побольнее“.

Нередко подобное употребление этого союза, напр., у Нарежного: „Разговор их, конечно, продлился бы не малое время, *как* на стенных часах в столовой ударило семь“ (Аристион, или Перевоспитание“, 1822). „На другой день поутру пан Артамон захотел проехаться верхом и посмотреть сельские работы, *как* нечаянное и странное зрелище обратило все внимание его и прочих членов семейства“ (Два Ивана, 1825).

Ср. и у Пушкина в „Истор. Пугач.“ (1832—1833): „В начале сентября находился он [Кожевников] на своем хуторе, *как* приехал к нему Иван Зарубин и объявил за тайну, что великая особа находится в их краю“.

В роли союзов-наречий времени в первой половине XIX века, наряду с обычным у нас теперь *пока, до тех пор, пока*, стареющим *покуда*, в широком обращении, видимо, не имевшим в это время той специальной окраски архаизации или тяготения к народному слогу, какая принадлежит ему в настоящее время, — **доколе (доколь)** (ср. относительно частое употребление его в обыкновенном языке этого времени в роли наречия). В этом убеждает и замечание И. И. Дмитриева в его „Взгляде на мою жизнь“, где он новому **покаместь** противопоставляет привычные для него [для языка „Ломоносова, Шишкова и Карамзина“] — **доколе, пока.**

Ср. примеры из языка авторов тридцатых годов:

Стану продолжать начатый рассказ — *доколе* не прервут его, воспрянув от сна, дражайшие мои соотчичи (Греч, Поездка в Герм., 1830). *Доколе* Славин уверен в своей Софии, дотоле он не страшится никаких бедствий (Ушак., Киргиз-кайсак, 1830). *Доколе* одна любовь действовала в ее сердце, она могла владеть собою; но когда к этой страсти присоединилась другая, обыкновенная ее спутница, ревность — притворство и молчание сделались ей нестерпимыми (Греч, Черн. женщина, 1834). Не получивший хорошего воспитания... Набойкин дотоле был похож на добропорядочного человека, *доколе* он находился в беспрерывной зависимости от службы и людей (Ушак., Последн. из княз. Корсунских, 1837).

Так и вообще в значении границы: „Характера нет, *доколе* сильные страсти не действуют в человеке — есть только поведение (Сенковск., Драмы из эпохи самозванцев, 1834).

На фоне подобных примеров нужно и в стиле торжественном соответствующие случаи не относить к многочисленным в нём чертам архаизации: „Но торжеством еще Мамай не должен

льститься. *Доколь* среди татар не упаду я мертв" (Озер., Димитр. Донск., 1807).

От *доколе* надо, видимо, со стороны стилистической отличить выступавшее с заметной окраской народной речи — **поколе (поколь)**.

...А сам, как бурный вихрь, пустился, Не взвидя света, ни дорог, *Поколь*, в овраг со всех махнувши ног, До смерти не убился (Крыл., Конь и Всадн., 1814). Иного так же мы боимся, *Поколь* к нему не приглядимся (Крыл., Лев и Лис., 1819). *Поколе* ж есть руки, я их не простру за подачей (Гнедич, Рыбаки, 1821). ...И держался на месте своем, *поколе* не издержался (Даль, Бедовик, 1839). Не сообрази человек всего этого второпях да не поправься, *поколе* еще было время — ну, и пропал бы, что называется, ни за грош (Даль, Дышло).

Заметим, что в главном предложении нашему *до тех пор, пока...* может соответствовать (в архаизирующем стиле) **по тех пор**: „Ждать я намерен *по тех пор*, покуда еще невредимо Судно мое..." (Жуковск., Одиссея, V). Ср. и: „С бурей сражаясь, *по тех пор* с него не сойду я" (там же).

Значительно чаще, чем теперь, писатели первой половины XIX века употребляют **покуда** за счёт параллельного, в настоящее время возобладавшего *пока*. Иногда в прозе, комедии и басне этого времени встречается и наречие-союз **покудова**, теперь полностью отошедший к народному слогу:

Скорей в сырую землю, поскорей, *Покуда* я себя роптаньем не лишила Спокойствия и там... (Лерм., Испанцы, 1830). ...Но в тот же день Саломея Петровна, воротясь домой, завела разговор со своим Федором Петровичем о доходах имения и предложила ему воспользоваться хорошей погодой и, нимало не откладывая, съездить в имение, *покуда* не начались осенние дожди (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Покудова в словах Лизы („Горе от ума", Грибоедова, 1824): „Не спи, *покудова* не скатишься со стула" ни с какой стороны не характеризует её лексику социально; ср. *откудова*: „Да расскажи подробно, Где был, скитался столько лет? *Откудова* теперь?" (Фамусов).

Цитированное выше указание И. И. Дмитриева позволяет **покаместь (покамест)** отнести к чертам влияния на литературный язык мещанской разговорной речи:

...*Покамест* ему все это подавалось и разогретое и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор... (Гоголь, Мертв. души, 1842). Столпившиеся наверху лестницы чиновники тоже улыбались и ждали, *покамест* его превосходительство опять засмеются (Достоевск., Двойник, 1846).

Покамест часто употребляет и Пушкин.

Отметим ещё употребляемый во временной функции по-народному окрашенный союз **что** со значением „лишь только, только что": „Лиза: *Что* встанет — доложу-с. Извольте же итти: разбудите, боюсь" (Горе от ума), и широкую употребительность

временно́го и вместе с тем уступительного союза-речения **между тем как (меж тем как):**

Каждый день народ волнами притекает в обширный театр — восхищаться музыкой Россини и усладительным пением своих сирен, *между тем как* Везувий, наш сосед, готовится к извержению (письмо Батюшкова А. И. Тургеневу, 1819). Чтобы вернее достигнуть своей цели, они притворились совершенно невнимательными, слепыми, *между тем как* смотрели в оба глаза (Нарежный, Два Ивана, 1825). И *между тем как* господин Голядкин начинал было ломать себе голову над тем, что почему вот именно трудно протестовать хоть бы на такой-то щелчок,—между тем эта же мысль о щелчке незаметно переливалась в какую-нибудь другую форму... (Достоевск., Двойник, 1846). *Меж тем как* пан Харитон, сидя на столе, повествовал Фоме последнее свое приключение, пришедший в чувство дьячок поставил сулею на стол и слушал его с разинутым ртом и устремленными взорами (Нарежн., Два Ивана).

В поэзии:

Но *между тем как* все с безмолвным удивленьем Вперили ум, и слух, и взор И, плавно двигаясь под лирным строем, хор Гремит таинственным, высоким песнопеньем — За ратью рать идет от Тибра берегов (Катенин, Мир поэта, 1842).

Упомянем наконец союз **только что** в значении нынешнего „как только" по отношению к будущему времени: „Погоди, братец, погоди; *только что* дела мои примут счастливый оборот, первому тебе уплачу" (Вельтман, Аленушка, 1836).

§ 11. Союзы условия. Наряду с установившимся в настоящее время в качестве господствующего союза — **если,** в первой половине XIX века употребляют без специальной стилистической окраски **ежели** и — намного чаще, чем теперь — **коль** и **коли.**

Примеры **ежели.**

Союз этот особенно часто в ходу у Крылова: „Что, *ежели,* сестрица, При красоте такой, и петь ты мастерица, Ведь ты б у нас была царь-птица" (Ворона и Лис., 1807). „Кто знатен и силен, Да не умен, Так худо, *ежели* и с добрым сердцем он" (Слон на воевод., 1808), и под.

Нередок он, впрочем, и у других писателей: „...*Ежели* найду, чего ищу, Я буду истинно довольна и счастлива" (Гриб., Молод. супруги, 1815). „Но *ежели* в глуши, близ водопада, Что под горой клокочет и кипит, Прелестный сон, усталости награда, При шуме волн на дикий брег слетит..." (Пушк., Сон, 1816). „*Ежели* в прекрасный вечер, смотря на заходящее солнце, последними лучами озлащающее зеленые холмы..., я воскликну в минуту восторга: как величественно, как прекрасно творение! — никто не подумает назвать заблуждением чувство, которое заставило меня изъясниться таким образом" (Баратынск., О заблужд. и истине, 1820). „Мой план обдуман; я буду зодчим, вы подрядчиком: *ежели* материалов достанет, ваше будущее устроено"

(Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836). „...И *ежели* осмотришься вокруг, То не сочтешь в уме противоречий Между мечтой о изобильи благ И бытием...“ (Соколовск., Хеверь, 1837).

Из старого канцелярского фонда попадает к Нарежному и другим писателям, ещё связанным с XVIII веком, архаическое **буде:**

Если угодно, то завтра, *буде* погода дозволит, то и я с вами отправлюсь верхами... (Аристион, 1822). „Я вам говорил правду,— сказал Макар, раздевая Аристиона, что лучше попытаться у г. Горгония, а после уже, *буде* одолеет охота, итти в солдаты“ (там же). Повечеру Горгоний объявил собранию, что как он, так и друг его никогда не ужинают; а посему и предоставил удовлетворять сей потребности, *буде* она кому-либо необходима покажется, каждому по его произволу (там же).

Коль в языке трагедии начала XIX века — господствующий союз условия:

Но можешь *коль* еще совет услышать мой, От вида Ксении ты взор избави свой! (Озер., Димитр. Донск., 1807). Так, он, *коль* жертвы здесь я крови не пролью, В теченьи лет младых пусть жизнь прервет мою... (Озер., Поликсена, 1809).

В других жанрах он (и **коли**) имеет обыкновенно некоторый налёт языка народного или просторечия:

Коль корни обнажишь, оно [дерево] засохнуть может (Крыл., Свинья под дубом, 1824). *Коль* до когтей у них дойдет, То, верно, льву не быть живому (Крыл., Мышь и Крыса, 1816). ...Мы, верно, уж поладим, *Коль* рядом сядем (Крыл., Кварт., 1811). Приляг-ка, брат, и отдохни, Да *коли* хочешь, так сосни (Крыл., Пустынн. и Медведь, 1807). Да, дурен сон, как погляжу; Тут все есть, *коли* нет обмана (Гриб., Горе от ума, 1824). *Коли* жив я только буду, Чудный остров навещу И у князя погощу (Пушк., Сказ. о царе Салт., 1831).

В стихотворном языке относительно нередко, однако, употребление этого союза и без подобной окраски: „*Коль* обласкает — так ошибкой!“ (Лерм., Изм.-бей, 1832). „Прочти, *коль* вздумаешь, спиши И не забудь меня в глуши“ (Полеж., 1828).

Только некоторый налёт народного слога или, скорее, просторечия выступает в языке прозы в варианте **коли, коли б:**

Оставайся, пожалуй, *коли* ты на крепость нашу надеешься... Хорошо, *коли* отсидимся или дождемся сикурса; ну, а *коли* злодеи возьмут крепость? (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). Почему же не посечь, *коли* за дело? (Гоголь, Мертв. души, I, 1842; слова кучера Селифана).

Естественно, что большое пристрастие к союзу *коли* обнаруживает в соответствии общей своей манере Даль: .

Заметим, что дело у нас на Руси не последнее, в особенности *коли* речь идет о чиновнике, что Евсей был человек грамотный (Бедовик, 1839).

Под влиянием пословичного стиля *коли* вносится в афористический слог и ненародной окраски:

Счастие — женщина: *коли* полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец (Лерм., Вадим, ок. 1834).

При всём отмеченном надо, однако, принять во внимание, что в изучаемое время *коли* менее чётко противопоставляется стилистически другим союзам условия, нежели в последующие десятилетия; по крайней мере его можно встретить и в обычной, нежанровой речи без заметных установок на специальную функцию:

Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюся непременно на подмогу зимой, *коли* здесь не околею (письмо Пушк. П. А. Плетнёву, 1830). Узнай, пожалуйста, где живет мой татарин и, *коли* можешь, достань с своей стороны тысячи две (письмо Пушк. П. В. Нащокину, 1830). Но мне есть утешение: *коли* не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты не знаком и кто тебя не стоит (письмо Грибоед. П. А. Катенину, 1820). Ступайте прямо на лестницу. *Коли* вы найдете кого в передней, то вы спросите, дома ли графиня (Из письма Лизы в „Пиков. даме" Пушк., 1833). Ах, братец, *коли* б ты был здесь (письмо П. Киреевск. Языкову, 1834).

Повидимому, иную окраску — чисто книжную в языке первой половины XIX века, сохраняя её ещё в ближайшие десятилетия, имело союзное речение **коль скоро** „если только, если уж" (ср. **коль скоро** в значении „когда"):

Я знаю всех прелестных женщин, и притом у меня есть очень основательное правило — *коль скоро* увижу хоть немножко хорошее личико, даже маленькую ножку, тотчас расспросить об их фамилии... (Сенковск., Предубеждение, 1834). Вы будете у меня? — *Коль скоро* вы таким любезным образом позволяете мне исполнить всегдашнее мое желание... (там же). Ср. более архаичное **как скоро**: „*Как скоро* союз сей ему не противен, то благословение неба и мое да будет над вами" (Нарежный, Аристион, 1822).

Для связи этого союза с первоначальным представлением характерно: „Мости: О! много чести... *Скоро* издаете? Третий: *Коль-скоро* милостивым одобреньем Мою тетрадь рука украсит ваша" (Кукольник, Джулио Мости, 1836).

В качестве характерного аффективно окрашенного союза условия в предложениях безличных или обобщённо-личных встречаем ещё **как**, не чуждое и позднейшему употреблению:

Вообще, *как* хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти все дышат кротостью и смирением; за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать? (Гриб., О разборе вольного перевода Бюргер. баллады: Леонора, 1816). *Как* посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший, — Свежо предание, а верится с трудом (Гриб., Горе от ума, 1824). ...И жизнь, *как* посмотришь с холодным вниманьем вокруг — Такая пустая и глупая шутка... (Лерм., И скучно и грустно, 1840).

Реже аффективное, не вышедшее и позже из употребления, *как* в значении условного союза — в других сочетаниях, с налётом просторечия:

Богатонов: Нет, я еще не отчаиваюсь; *как* буду ее увещевать каждый день, так, может быть, наконец, князь ей и понравится (Загоскин, Г-н Богатонов, 1817). Поневоле запретишь, *как* никто ни за что взяться не умеет (Гриб., Студент, 1817) Ну, что *как* проспится да в Петербург махнет донесение? (Гоголь, Ревиз., 1834). Вот беда, *как* Иван скажет (Гоголь, Нос, 1835).

Ср. обычное и теперь **как не** при вопросительных местоимениях и местоимениях-наречиях без подобной окраски:

Что ж и составляет величие человека, *как не* мысль? (Пушк., Мысли на дороге). Кто же, *как не* автор, должен сказать святую правду? (Гоголь, Мертв. души, I, 1842).

Среди употребительных в первой половине XIX века союзов условия надо упомянуть ещё обыкновенно аффективно окрашенное **когда бы**, **когда б** с очень широкой амплитудой чувствований в словах, с которыми оно может сочетаться; ср.:

Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья, *Когда бы* это сделал я! (Крыл., Волк и Пастухи, 1816). „Неблагодарная!" промолвил Дуб ей тут: „*Когда бы* вверх могла поднять ты рыло, Тебе бы видно было, Что эти жолуди на мне растут" (Крыл., Свинья под дубом, 1824). ...Однако же, *когда б* я не пахала, То нечего б тебе здесь было и стеречь (Крыл., Собака и Лошадь, 1830). О чем жалеть? *Когда б* ты знала, *Когда бы* ты воображала Неволю душных городов! (Пушк., Цыганы, 1824—1827). Все это было бы смешно, *Когда бы* не было так грустно (Лерм., А. О. Смирновой, 1840). ...Что слишком счастлив был бы я, Хоть мне давно она знакома, *Когда бы* вспомнила меня Она без помощи альбома (А. А. Крылов, В альбом Н. Н. Б-ой).

Что касается употребляемого, наряду с *если* и *ежели*, **когда**, то оно, вообще говоря, не имеет отчётливо выраженной стилистической окраски, хотя, повидимому, воспринималось как союз, эмоционально несколько более подчёркнутый и, может быть, с некоторым, лёгким налётом просторечия; ср. такие примеры, как: „*Когда* же мнишь любовь ее сыскать, То лучше отложи все ковы в долгий ящик" (Гриб., Молод. супруги, 1815). — Нет, такого объявления я никак не могу поместить. — Да *когда* у меня точно пропал нос! (Гоголь, Нос, 1836). „Милостивый государь, *когда* я что говорю, так я это думаю и готов повторить" (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840).

Наиболее новый в истории русского языка условный союз (условно-причинный: *если... то... = так как... то*) **раз** в литературе изучаемого времени почти не встречается. Допускающий и другое толкование пример можно отметить в „Басурмане" Лажечникова (1838): „Заборы были высоки, светлицы и терема девиц крепко-накрепко защищены; но *раз* случай помог влечению сердца или, просто, неопытности, *раз* эта преграда разрушена, и грех, если не страсть, торжествовал над всем: над связями семейными, над стыдом девическим, над святынею". Аналогичный выступает в „Студенте" (1817) Грибоедова и Катенина с той, однако, разницею, что *раз* в нём ещё не имеет значения самостоятельного

союза, но близко к тому, чтобы получить его от предшествующего *коли*: „Звездов: *Коли* раз начала, зачем после скромничать?“

§ 12. Уступительные союзы, употребляющиеся в первой половине XIX века, те же, что и принятые теперь.

Сравнительно с нашей синтаксической практикой заслуживает быть отмеченным немногое:

Грамматика первой половины XIX века не разрешала начинать главное предложение, соответствующее уступительному **хотя**, иным союзом, кроме **однако**; так, Сенковский в одной из библиографических заметок пишет: „Бывают странные усердия! Кто-то хлопочет в этой книжке о правильности русского языка, нарушая сам правила его грамматики... ему неизвестно даже то, что союзу **хотя** соответствует **однако ж**, а не **но**“ („Библ. для чтения“, XIV, 1836). Ср. и Востоков, „Русск. грамм.“, § 110.

Практически, однако, это правило не всеми соблюдалось уже издавна:

...И *хотя* один гость следовал беспрестанно почти за другим, *но* после ярмонки можно было сию маленькую суету назвать уединением сельским, не нарушая слова... (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). „По словам вашим,—промолвил Аристион, — Горгоний есть человек, *хотя* особенного свойства, *но* честный и умный...“ (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). *Хотя* крайне хотелось нам отдохнуть в сем месте и провести остаток дня и ночи, *но* благоразумие требовало сколько можно скорее и дальше удалиться от Батурина (Нарежный, Бурсак, 1824). ...*Хотя* и казалось В эту минуту ему, что стоял там, ровен с деревами, Белый, слишком знакомый ему великан, и оскалив Зубы, кивал ему головою — *но* самый сей ужас Только что с большею силою влек его в лес... (Жуковск., Ундина, 1836).

Как и теперь, изредка в роли уступительного союза выступало речение **даром что**: „Это сущий ангел — графиня Катерина Николаевна—*даром что* она вдова“ (Сенковск., Предубеждение, 1834).

Пусть и **пускай** в роли аффективно окрашенных уступительных и — реже — условных союзов, часто с соответствующими им в главных предложениях союзами **но, а, и**, в поэзии первой половины XIX века, особенно лирической — стилистически влиятельная грамматическая категория. В большинстве случаев их аффективность поэты этого времени ещё увеличивают анафорическим построением фразы (параллельными предложениями с одинаковым началом): *Пусть* мира красоты исчезнут для меня, *Пускай* в степях влачу свой жребий безызвестный, Но кроткая б, слепца, вела рука твоя (Милон., К***, 1810). *Пускай* навек исче ла младость, Пируйте, други: стуком чаш Авось приманенная радость Еще заглянет в угол наш (Баратынск., Пиры, 1820). *Пускай* судьба определила Гоненья грозные мне вновь, *Пускай* мне дружба изменила, Как изменила мне любовь,— В моем

изгнаньи позабуду Несправедливость их обид; Они ничтожны, если буду Тобой оправдан, Аристид (Пушк., Ф. Н. Глинке, 1822). *Пусть* я последний раб, но раб искусства, Не женщины,— и я уже доволен (Кукольник, Джулио Мости, 1836). О, полно извинять разврат! Ужель злодеям щит порфира? *Пусть* их глупцы боготворят, *Пусть* им звучит другая лира; но ты, остановись, певец; Златой венец — не твой венец (Лерм., К***[1], 1830). *Пускай* злодей беснуется грозя, *Пусть* он идет и воздвигает брани, Я за себя бояться не могу... (Соколовск., Хеверь, 1837). *Пускай* любви, *пускай* я воли жажду, В спокойствие закован ледяное, Внутри себя я радуюсь и стражду... (А. Григор., Стар. песни, стар. сказки, 1846).

В целях комического эффекта **пускай**, с его обычной лирической окраской, даётся Грибоедовым в „Горе от ума" сниженным пустотой „чувств", вложенных Репетиловым в его патетические уверения Чацкого: „*Пускай* лишусь жены, детей, Оставлен буду целым светом, *Пускай* умру на месте этом..."

Как относительно редкий случай определённо условного *пусть* стóит привести из „Горя от ума": „Чацкий: *Пусть* я посватаюсь, вы что бы мне сказали?"

Характерный для старого языка союз со значением, переходным от уступительности к условности, представляет **добро бы, добро** (в главном ему соответствуют **но, а то**). Позже он употребляется редко и в тех случаях, где его встречаем, носит окраску народного слога.

Примеры из авторов первой половины XIX века:

Не понимаю, зачем браться не за свое дело. *Добро бы* эти оперы приносили ему какую выгоду, а то ровно никакой (Жихар., Дневник, 1807). Сужу-с не по рассказам. Запрет он вас, — *добро* еще со мной, А то... (Гриб., Горе от ума, 1824). И эту глупую, несчастную фигуру Я должен выставить сегодня на показ! *Добро б* я был талант (Загоскин, Благородн. театр, 1828). *Добро бы* она написала хорошо по-французски: это необходимая часть в воспитании русской девицы; но женщине писать умно и хорошо по-русски, этого я от роду не слыхал (Греч, Поездка в Герм., 1830). „Господи владыко! простонал мой Савельич: заячий тулуп почти новешенький! И *добро бы* кому, а то пьянице оголтелому!" (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). ...Неужели эти красивые, щегольские фразы, эта блестящая риторическая мишура есть отголосок чувства, излияние страсти, а не выражение затаенного желания рисоваться, кокетничать своим чувством или своей страстью? И *добро бы* все эти фразы были в письме, а то в разговоре, в монологе!.. (Белинск., Полн. собр. сочин. А. Марлинск., 1839).

К уступительно-ограничительным союзам относится **разве**:

---

[1] Как установил Г. В. Маслов (Сборник „Пушкин в мировой литературе", 1926), стихотворение обращено к Пушкину.

Нет, душистых струй востока Мне противен тонкий яд, *Разве б* Гурии пророка *Принесли* свой аромат, *Разве б* в знойном аромате Талисманом я *владел*... (Подолинск., Магометанке, 1837). Обыкновенно, как и теперь, *разве, разве что* с будущим временем изъявит. наклонения.

Очень редко **как разве**: „...В город К ним не хожу я, *как разве* тогда, когда Пенелопой бываю призван...“ (Жуковск., Одисс., XIV).

§ 13. Союзы, вводящие главные предложения, следующие за придаточными,— **то** и более аффективно окрашенные **так** и **и**. Сравнительно с нынешним употреблением и ближе к тому, что характерно для XVIII века, в первой половине XIX эти союзы употребляются чаще и возможны не только после придаточных предложений времени, причины и условия, но также и после придаточных цели. Ещё характернее их употребление, близкое семантически к нашим результативным союзным речениям и союзам на границе фразных членений (*таким образом*, *поэтому* и под.), но, видимо, со специальной особенностью — бóльшим ощущением некоторой логической подчинённости предшествующего главного предложения, получающего таким образом оттенок условности, причинности и под.

1. *Едва* отрады луч блеснул в душе Гекубы, *И* возвещаешь ей ты горести сугубы (Озер., Поликсена, 1809). *Едва* ты явишься, *и*, позабыв наряды, На красоту твою все обратятся взгляды (Гриб., Молод. супруги, 1815). *Лишь только* яблоко упало, *И* с семечками съел его Мальчишка мой (Крыл., Мальчик и Червяк, 1819). *Лишь только* я начну—*И* рюмка мне готова (Полежаев, День в Москве, 1829—1831). *Лишь только* Анджело вступил во управленье, *И* все тотчас другим порядком потекло... (Пушк., Анджело, 1833). *Лишь только* я тебя увидел — *И* тайно вдруг возненавидел Бессмертие и власть мою (Лерм., Демон, 1838). Напрасно хотел Киприяно пересилить борьбу между враждебными дарами Сегелиеля: *едва* незаметное впечатление касалось раздраженных органов страдальца, *и* снова микроскопизм одолевал его, *и* несозрелая мысль прорывалась в выражение (В. Одоевск., Русск. ночи, VII — Импровизатор, 1833). *Едва* назначали ему предмет, — *и* высокие мысли, трогательные чувства в одежде полнозвучных метров вырывались из уст его, как фантасмагорические видения из волшебного жертвенника (там же).

Раздастся *ль* гул во тьме ночной — *И* все тревогою объяты (Ф. Алексеев, Река, 1828).

Сочетание обоих союзов второй части сложного предложения этого типа (**как и и**) представляет пример: „*Лишь только* начался было обыкновенный разговор, *как и* отворилась дверь из ближайшей комнаты и явилась невеста, выведенная легкою рукою Прасковьи Савишны“ (Погодин, Черн. немочь, 1829).

2. *Едва* сей важный муж выступил за ворота, *то и* вскричал весело: „Так, я не ошибся“ (Нарежный, Аристион, или Перевоспи-

тание, 1822). *Лишь* кошелек нести сберется, *То* сердце у него сожмется... (Крыл., Бедн. богач, 1828).

3. Девушка, вместо ответа, подала ему письмецо, которое *как скоро* прочел он, *то* сделался как бешеный (Нарежн., Российск. Жильблаз, 1814).

4. *Между тем как* у них у обоих не было заветных тайн друг от друга, *то и* бывала почасту речь о том, что Игривый намерен вскоре отправиться на год в университет для окончания курса (Даль, Пав. Алексеев. Игривый, 1847).

5. Прогуляться по городу и не думай, а *пойдешь* в церковь, *то* иди с конвоем бабушек и тетушек, земли под собою не слыша от страха и потупив глаза (Масальск., Осада Углича, 1841). *Где только,* бывало, *услышит* про невесту, не только увидит ее, *то* уж и готов хоть сейчас к венцу с нею (Даль, Пчел. рой).

6. *Чтобы* и таковым доставить посильные способы к образованию, *то*... при каждой семинарии устроены просторные избы с печью или двумя, окруженные внутри широкими лавками (Нарежн., Бурсак, 1824). *Чтоб* плод тебе твои труды желанный дали, *То* надобно, чтоб ты два века жил (Крыл., Старик и трое молод., 1806—1825). *Чтоб* не без пользы совершить путешествие по Арктическому и Антарктическому полушарию глобуса, представляющего землю, *то* должно вести подробную опись всем попадающимся в глаза предметам... (Вельтман, Странник, 1832). ...И *чтобы* неожиданность этого извещения придала ему цену... *то* всего лучше держать на нынешний день музыканта в отдалении... (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Но *чтоб* читатели видели их перед собою и отличили Мирона от Якова, *то* надо хоть немного показать сходство их и несходство (Даль, Колбасн. и бородачи, 1845).

7. Начальник губернии того времени любил понтировать, *то* и жители, ему подчиненные, банк метали свободно... (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижн. 1813 г.).— Ср. к характеру мысли: „*Так как* начальник губернии того времени любил понтировать, *то*...“— Он же [Вельяшев], как я предвижу, опять займется диссертациею об ухабах: *то* до письма ли будет ему? (письмо Д. Давыдова Вяземскому, 1815).

Как Пронского кузнец, уж я заране льщусь, Что вы позволите мне быть у вас всечасно: *То* скуки, кажется, боитеся напрасно (Шаховск., Урок кокеткам, 1815). Немудрено, чтобы эти слухи дошли и до Петербурга, *то* сделай одолжение, зажимай рот клеветникам вольным и невольным (письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1825, Остаф. арх., III). Я решилась С твоей судьбой и бурной и неверной Соединить судьбу мою; *то* в праве я требовать (Пушк., Бор. Год., 1825—1830). Надобно только получше настроить дудку, *то* под нее все запляшет (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). А отчего я так хорошо его [праздник, данный в последний год царствования Анны Иоанновны] знаю, *то* извольте знать, слышал я об нем от покойной моей бабушки... (Лажечн., Ледян. дом, 1835). Я верно четыре раза писал Евдокиму, почтен-

нейший брат Алексей Петрович, чтобы он уведомил меня о вашем подагрическом припадке; *то* ему следовало бы на сей счет меня и успокоить (письмо Д. Давыдова Ермолову, 1837). Театр мы завели для собственной забавы, *Так* вам бы пригласить порядочных людей (Загоскин, Благородный театр, 1828). ...Я вас любил, *так* мне ль не знать, Что пальчик ветреный и нежный, С листа на лист скользя небрежно, Привык вступленья пропускать... (Подолинск., Наследник Твардовского, 1839).

§ 14. Из союзных речений, которые употреблялись в первой половине XIX века и затем были вытеснены синонимическими, характерно (но) **не менее того**, полностью заменённое около шестидесятых годов нынешним, видимо, иностранным по происхождению, *тем не менее, но тем не менее* (ср. фр. néanmoins и нем. nichtsdestoweniger):

Сафир: Вы скоро съездили. Эльмира: Не правда ль, торопливо? *Не менее того* мой выезд пресчастливой (Гриб., Молод. супруги, 1815). Князь Николай Юсупов, воспитывавшийся в Туринском университете, восхищавшийся трагедиями Расина и трагедиями товарища своего по Туринскому университету Альфиери, *не менее того* остается верен Сумарокову и признает в нем великого трагика, хотя и соглашается, что язык его устарел (Вяземск., Старая записн. книжка, VIII, стр. 39). Жалею о Бирукове, когда он в беде, *но не менее того* презираю его, когда он в должности (письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх., III). Есть случаи, есть впечатления, есть встречи, переменяющие всю задуманную нами дорогу, которую мы уже почти совершили. Истина горькая; *но не менее того* это истина (Тимоф. и Сенковск., Джулио, 1836). Перемены, которые Павел Алексеевич в это короткое время мог заметить в Карпуше, не слишком утешали Игривого; новый гость, которого тот привез, как-то еще менее был по вкусу соседа; *не менее того*, когда, по распоряжению хозяина подали на радости так называемого шампанского, то все трое молодых людей... пили в круговую за здравие друг друга, обнялись на побратимство и скрепили дружбу свою братским *ты* (Даль, Пав. Алексеев. Игривый, 1847). Шифбрух шел немножко быстро к цели, как мы видим, и нельзя сказать, чтоб это было совсем по вкусу скромному семейству колбасника; *не менее того* остроты Шифбрух ходили в доме Тофельса, как ходячая монета... (Даль, Колбасники и бородачи, 1845).

Ср. возобладавшее в настоящее время *тем не менее* уже в письме Пушкина к Жуковскому из Михайловского в июне — июле 1825 г.

ГЛАВА IV.

ПОРЯДОК СЛОВ.

§ 1. Вводное замечание.

В первой половине XIX века и русская проза и стихотворный язык достигли того разнообразия выражения, которое предшествующему веку ещё не давалось, несмотря на ряд сделанных в этом направлении усилий. Большая роль в этом отношении принадлежала раскрепощению порядка слов, в XVIII веке ещё очень зависимого от влияний иноязычных образцов и, может быть, в большей или меньшей мере от ошибочного по установкам школьного регулирования. Чем художественный язык мог быть обязан такому раскрепощению в разумных границах, в своё время наивно нарушенных Тредиаковским, который своими художественными неудачами скомпрометировал идею свободного словорасположения,— убедительно уяснила и практика, и отчасти, рядом с нею, опиравшаяся на неё теория. Гнедич в предисловии к своему переводу „Илиады" писал: „Это памятник древности, требующий от переводчика не новой Илиады, как Попиева, но, так сказать, слепка, который бы, сколько позволяет свойство языка, был подобен слепкам ваятельным. А какой язык, если не наш, богатый, гибкий, прозодический, обладает драгоценнейшим свойством, особенно для перевода с греческого, свободным словорасположением, свойством, давшим и переводу славянской Библии точность слепка".

§ 2. Выдвинутый вперёд родительный падеж собственного имени.

Из XVIII века переходит в XIX и держится первые десятилетия в деловой и эпистолярной прозе порядок слов — выдвинутый вперёд родительный падеж собственного имени со значением лица — владетеля, автора и под.:

Я не знаю, поймешь ли меня, но мне кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы из „Марфы Посадницы", нежели *Шишкова холодные творения* (Батюшк., письмо Н. И. Гнедичу, 1809). Мы взяли почтовых под все экипажи с Введенского села, оставя тут своих лошадей, с тем, чтоб они, выкормя, дошли до нас в Русино, *Владыкина деревню* (И. М. Долгорук., Журнал

путешеств. из Москвы в Нижний 1813 г.). ...Но шапка не снималась, и я с минуту бился в ней, как *Дмитриева Голубок* в силке (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). 4-го я предпринял общий поиск и разделил партию на три части так, чтобы в каждой из них находилась часть *Попова полка*. Две сотни этого полка и старая команда сборных казаков моих, под начальством Попова, были направлены к речке Вязьме... (Д. Давыдов, Дневн. партиз. действий 1812 г., 1820—1822). Далее перекладывал он [Державин] в стихи полковые поговорки, переписывал *Баркова сочинения* (Вяземск., Стар. записк. кн., 1818—1828). *Бестужева статья* об нашей братии ужасно молода, но у нас все елико печатано имест действие на святую Русь... (Пушк., письмо Вяземскому, 1823). *Рылеева Войнаровский* несравненно лучше всех его Дум... (письмо Пушкина А. Бестужеву, 1824). *Козлова и Языкова стихотворения* вышли, два антипода, но тут не по шерсти им дано, и забодает не Козлов (Вяземск., А. И. Тургеневу, Остаф. арх., III, 1833). *Сенковского статья* в „Библиотеке" хороша, и слог его мне нравится; есть игривость и легкость в нем (письмо Давыдова Языкову, 1834). ...А я бы лучше желал, чтобы она напечатана была с письмами, подобно тому, как *Батюшкова статья* к изданию Муравьева (письмо А. И. Турген. Вяземскому, 1837, Остаф. арх., IV). Да я знаю наверное, что это *Пушкина книга*! Вот нашли кого дурачить! („Библ. для чтен.", XIV, 1836).

Ближе к современному нам языку случаи с тенденцией использовать такой порядок слов для антитезы:

...Ищите гармонию русского стиля у Пушкина: у него найдете булатный, закаленный в молнии стих и кипящие, как водопад горный, звуки, но не *Жуковского* это *стихия* (Н. Полевой, Очерки русск. лит., I, 1839).

Основание для такого порядка слов следует искать отчасти в стилистических особенностях административного языка, отражавшего влияние старинных образцов[1], отчасти — во влиянии порядка слов с предшествующими притяжательными именами прилагательными, производными от существительных собственных: „Петров указ", „Екатеринино время" и под.

Иное расположение слов в случаях вроде: „Там, против древнего *дома Ярославова*, уже собрались посадники с золотыми на груди медалями..." (Карамз., Марфа Посадн., 1802); „Только *смерть Борисова* решила успех обмана; только изменники явные и тайные могли желать, могли ускорить ее; но всего вероятнее, что удар, а не яд прекратил бурные *дни Борисовы*" (Карамз., Ист. Госуд. Росс.) — отражает уже специально-карамзинскую эстетическую (ритмическую) установку.

Выдвинутый вперёд родительный падеж долго держится (не вышел полностью из употребления этот порядок и в настоящее

[1] Ср. „Исторический комментарий к литерат. русскому языку", 2 изд. (1939), стр. 284—285.

время), особенно в функции определительной (в подавляющем большинстве случаев с предшествующим согласуемым с ним прилагательным), порядок слов, очень распространённый уже в древнерусском деловом (административном) языке:

Старые актеры говорят, что *московского театра актер* Иван Калиграфов играл роль Дмитрия Самозванца лучше всех известных актеров... (Жихар., Дневн., 1807). Уши слышали нестройные голоса, с коими провожали ее на тот свет *здешнего света бабы*... (И. М. Долгорукий, Журн. путеществ. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Мне нравятся одни *простого состояния женщины*... (Нарежн., Российск. Жильблаз, 1814). У ног его сидел, сложив свои ноги под себя крестообразно, *Бутырского полка солдат*, небольшого роста, худощавый (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Пили *тамошнего изделия пиво*, очень неприятного вкуса, и заплатили очень дорого за очень плохой обед (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). Кто хочет купить хорошие, *отличной доброты вещи* разного рода, за самую умеренную цену? (Сенковск., Аукц., 1834). ...Но к счастию подъехал к нам *его полка солдат* и помог мне посадить раненого на мою лошадь (Дурова), Кавалерист-девица, I, 1836). Он мне показывал *своей работы кошелек*: редкая дама может так искусно вышить (Гоголь, Мертв. души, I, 1842). Глафира Львовна в продолжение двух недель сделала ей два подарка: *купавинской фабрики платок* и одно из своих шелковых платьев (Герцен, Кто виноват?, 1845—1846). Сам Панфил Федосеевич, в каком-то *павловских времен мундире*, похаживает взад и вперед в беспокойном ожидании, осматривается и охорашивается в зеркало (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Нет надёжных оснований думать, что такого рода размещение слов восходит прямо к влияниям живой народной речи. В большинстве случаев данные конструкции производят впечатление книжных, отчасти возникших, может быть, под иностранным влиянием (такие, напр., официальные, как *Бутырского полка солдат*), отчасти отразивших порядок слов, нормальный для обычных определений, выраженных именами прилагательными („Пили тамошнего изделия пиво“ — „тамошнее пиво“; „Мне нравятся одни простого состояния женщины“ — „...одни простые женщины“).

Иногда, повидимому, выдвижение определительных конструкций на место, предшествующее имени прилагательному, могло диктоваться теми или другими специальными моментами организации частей фразы. Напр., в приведённом выше примере из „Путешествия в Арзрум“ на выбор такого места для родительного падежа могло влиять и неудобство непосредственного сочетания двух определительных („пиво тамошнего изделия очень неприятного вкуса“). То же самое вызвало, вероятно, расстановку и в примере из „Аукциона“ Сенковского („вещи отличной доброты разного рода“).

Намёк на этот порядок слов как канцелярский искусно исполь-

зуется Достоевским в косвенной передаче речи Голядкина: „...И все провозглашают хором, что любезность и сатирическое *ума его направление* не в пример лучше любезности и сатирического направления настоящего господина Голядкина“ (Двойник, 1846).

§ 3. Вынесенный вперёд родительный падеж и за ним управляемое предлогом имя существительное.

В стихотворном языке XVIII и начала XIX века очень распространён порядок слов — „вынесенный вперёд родительный падеж и за ним управляемое предлогом имя существительное, от которого данный родительный падеж зависит“:

В трепещущих сердцах и *жертв в потоках кровных*... (Озер., Поликсена, 1809). И *каждого листа в паденье* Я вижу смерть перед собой (Милон., Паден. листьев, 1812). ...И *вальса в бешеном круженье* Завидовал свободе дерзких глаз? (Дельвиг, К Т-ой, до 1815 г.). Мой друг! Остался я живым, Но был уж *смерти под косою*... (Пушк., Эпигр., 1816). Друзья мои! возьмите посох свой, Идите в лес, бродите по долине. *Крутых холмов* устаньте *на вершине*... (Пушк., Сон, 1816). ...Что ум высокий можно скрыть *Безумной шалости под легким покрывалом* (Пушк., Каверину, 1817). Быть может, *лампады при бледных лучах* Знакомого образа в милых чертах Искала с тоскою мятежной (Козл., Байрон, 1824). И бодр и весел выбегаю *Травы на бархатный ковер* (Языков, Тригорское, 1826). Пусть, неизменен, *жизни новой* Приду *к таинственным вратам* (Язык., Мол., 1825). Что мне экспромтом написать *Дней быстрых на закате*? (В. Пушк., Экспромт, 1827). Когда б *великого певца* Я облечен был *в сан высокий*, Порокам, не щадя лица, Я б уготовил пир жестокий! (А. Илличевск., Куплеты, 1827). Когда светило дня свой первый луч зажжет *Египта древнего на памятниках темных*... (Шевырёв, Лотос, 1828). И крепко, крепко наши спали *Отчизны в роковую ночь* (Лерм., Поле Бород., 1830). Я к хижине сходил *холмов с крутого ската* (Козлов, Сон ратника, 1833). Арсений! — так! я узнаю, Хотя *могилы на краю* Улыбку прежнюю твою И в ней шипящую змею! (Лерм., Бояр. Орша, 1835). Но *водоема в тесной чаше* Не вечно будет заключен... (Хомяк., Ключ, 1835). Вы, кому любовь дано Пить *очей в лазурной чаше*,— Будь лазурно небо ваше! (Бенедикт., Черн. очи, 30-ых годов).

Значительно реже примеры нынешнего поэтического порядка слов — с предлогом, выдвинутым впереди словосочетания „родительный падеж, зависимый от следующего за ним имени существительного, управляемого данным предлогом“: „Сравнится ль что в моих стихах *С нежнейшей матери слезами*?“ (Жуковск., К докт. Фору, 1813). „Спокойно смотрю я *с земли рубежа* На сторону лучшия жизни“ (Жуковск., Теон и Эсхин, 1815). „А я один средь чуждых мне людей Стою в ночи, беспомощный и хилой, *Над страшной всех надежд моих могилой*, Над мрачным гробом всех моих друзей“ (Кюхельбекер, Лицейск. годовщ.

19 окт. 1837 г.). „Но мы глядим на звезды неба, *На мира вечного объем...*“ (К. Павлова, И. С. Аксакову, 1846).

§ 4. Постановка глаголов на конце предложений.

Старое пристрастие,— результат влияния на М. В. Ломоносова, как и на его предшественников, латинских образцов прозы,— к постановке глаголов в конце ритмических отрезков слабеет уже в послеломоносовский период. В начале XIX века в художественной прозе оно ещё наблюдается, и то не резко, главным образом у старых писателей (Карамзина, И. Долгорукого, Нарежного) и почти замирает к тридцатым годам. Вот несколько примеров:

Соловей, который, по древним басням, столь восхитительно пел на могиле Орфеевой, был конечно родом из Японии!! ибо нигде не поют они столь приятно, как там; и самыми красивыми перьями *отличаются*[1] (Карамз., О рос. посольстве в Японии, 1803). Левит разделил с нами свою хижину, и мы его только при встрече *видели* (И. М. Долгорук., Журн. путешествия из Москвы в Нижний 1813 г.). Простите, село Мыт и река Лух! Я никогда вас не забуду, и после меня дети мои еще о вас *говорить* между собою долго *будут* (там же). ...Они поднесли мне 1000 рублей в подарок или, как ныне модным словом *зовут*, в пожертвование (там же). Скоро Иван старший с семейством *ушел*, и мрачная тишина в обоих домах *водворилась* (Нарежный, Два Ивана, 1825). Отважный, но слишком самонадеянный и малорассудительный, вместо того, чтобы воспользоваться успехами своими и укрепиться в Лифляндии, он [Карл XII] посвятил зиму в Лаисе забавам звериной охоты, побил, мимоходом, саксонцев под Ригой и отправился в другой край Европы пощеголять своею непобедимою армией, как дитя полученною им в дар острою саблею, которою в первый раз *владеет* и спешит рубить все, что ему навстречу *попадется* (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Вот в чем состоят мои исследования и изучения! Я не ищу средств к обнародованью их, но от людей умных и добросовестных не скрываю того, что мне узнать *случилось* (Греч, Черн. женщина, 1834).

Наиболее долго и часто на конце ритмических отрезков употребляются только формы глагола **мочь**, которым инфинитив предшествует; видимо, под влиянием такого порядка слов подобный же устанавливается и в отношении безличного сказуемого **можно:**

Рассуждая таким образом, ясно видеть *можем*, что состав одного языка не сходствует с составом другого... (А. Шишков, Рассужд. о стар. и нов. слоге росс. яз., 1803). Милая хозяйка приглашала меня танцовать и даже указывала мне дам, которых бы я ангажировать *мог*, но я решительно отказался... (Жихарев,

[1] Пунктуация — Карамзина.

Дневн., 1807). ...Доктор Рожерсон... находит, что кислая капуста, соленые огурцы и квас в гигиеническом отношении чрезвычайно полезны для нашего петербургского простонародья и предохраняют его от разных болезней, которые бы в нем развиться *могли* от влияния климата и неумеренного во всех случаях образа жизни (там же). Все возрасты встречали ее данью уважения, признательности и любви простых сердец, которых красноречие ни с каким другим сравниться *не может* (там же). ...Но это уже роскошь, которую одни богатые мужики доставить *могут*, а их везде немного (И. М. Долгорукий, Журнал путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). ...Хотя и теперь она на всякую душу сильно подействовать *может* (там же). В лице полковника, в словах его и во всей его наружности заключалось что-то таинственное, чего проникнуть я никакими догадками *не мог*, но что сильно увеличило желание мое познакомиться с ним короче (Перовск.-Погорельск., Двóйник, или Мои вечера в Малоросс., II, 1828). „Извините, любезный сосед, сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха доныне слышать *не можем*: извините, что я вам помешал... я желал поскорее с вами познакомиться“ (Пушк., Гробовщ., 1830). ...Но он вырос со мною, он мне друг! Узнать же вы его легко *можете* (Греч, Черн. женщина, 1830). Читатели легко представить себе *могут*, что и Блистовской немаловажное занимал место в ее мыслях (Перовск.-Погорельск., Монастырка, II, 1833). ...Он рассчитал, что князь ничего более сделать *не может*, как только вызвать его на дуэль, от которого он как от дела противузаконного отказаться имеет право (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837). Не откажи в благодеянии, которое ты оказать мне *можешь* (Масальск., Осада Углича, 1841). Алчность щук не имеет пределов. Они нередко кидаются на таких рыб или утят, которых никак заглотать *не могут*, из чего выходят презабавные явления (С. Аксак., Записки об ужении рыбы, 1847).

Ср. и в случае с относительно слабым ритмическим разрывом: „Вы видите пред собою, сказал он — человека, который бесспорно назвать себя *может* несчастнейшим из смертных“ (Перовск.-Погорельск., Двойник, II).

К постановке на конце тяготеет и **можно**:

Одно, в чем упрекнуть его *можно*, это в совершенном пренебрежении своего туалета (Жихар., Дневн.). ...Но никто не заметил мне того, что я заметил сам себе, то-есть что стихи мои не заключают в себе ничего, кроме одного набора слов, и что в них нет ни одной мысли, на которой бы остановиться *можно было* (там же). Знаю книгу Босвеля о Джонсоне и точно думаю, что в сем роде и о Карамзине нам написать *можно* (письмо А. Турген. Вяземскому, Остаф. арх., III, 1827). По виду их скорее заключить *можно*, что они в биржевой, а не в бальной зале (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830); но ср. там же: „Слитый говор слышится издалека, сквозь который только порой *можно* отличить слова: „барин! барин! ко мне...“ — В таком состоянии

застал страну эту Карл XII, о котором сказать *можно*, что он рожден был быть полководцем, но ошибкою судьбы призван царствовать (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). Она сегодня в Кремле узнала вашего молодого барина и послала меня нарочно дождаться, когда он приедет домой, сказать, чтобы он к ней пожаловал завтра или послезавтра, в котором часу ему *будет можно* (Ушак., Последн. из княз. Корсунск.). Несмотря на все примечательности Лемберга и Кракова, я ни за что не остался бы в них жить — от одного запаху умереть *можно* (письмо Н. Станкевича, 1837).

§ 5. Причастия, прилагательные-определения и притяжательные местоимения в положении за именами существительными.

Одно из наиболее типичных явлений для порядка слов изучаемого времени — унаследованное от XVIII века и от более раннего времени по церковнославянским образцам подчёркнутое пристрастие к постановке причастий в конце причастных групп за словами определяемыми. Явление это слабеет лишь к концу тридцатых годов в художественной прозе и относительно долго после того держится ещё в прозе научной.

Примеры:

...При записке, что, в уважение столь превосходного произведения Апеннин, он помирится с страной, *столь ужасно им изображаемой* (Жихар., Дневн., 1807). Рейн поворачивается от востока к западу, и оттого правый берег его, *виноградными лозами покрытый*, питается лучами полуденного солнца (Греч, Путев. письма, 1817—1838). Кельх сохранил нам описание одного постного обеда, *ревельским епископом на турнире данного*: оный состоял из 50 различных блюд (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821). Читал ли „Некрологию" Уварова, *Бехтеевым сочиненную*? (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1825, Остаф. арх., III). В войске нашем находились и народы закавказских наших областей, и жители земель, *недавно завоеванных* (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). Всегдашние занятия покровского помещика состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и проказах, *ежедневно притом изобретаемых* (Пушк., Дубровск., 1832). Днем освещалась она [изба] двумя небольшими окошками на улицу, *прямо против дверей бывшими*, снаружи украшенными грубою резьбою и раскрашенными, отчего и назывались они красными (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Тут высоко поднял Шемяка кубок, *перед ним стоявший*... Шемяка бросился к брату, видя уже несколько мечей, *на него устремленных* (там же). ...И переменяли лучину, когда она догорала, зажигая новую, которую брали из кучки готовых лучин, *подле них лежавшей* (там же). Несмотря на чувства, *исключительно меня волновавшие*, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). ...Тогда я был вне себя, я исчезал в гармонии, *мною созданной* (В. Одоевск., Русск. ночи,

VI — Последн. квартет Бетховена, 1831). Выбравши себе самую незаметную и узкую тропу, шел он [Крылов] по ней почти безшуму, пока не перерос других, как крепкий дуб перерастает всю рощу, *вначале его скрывавшую* (Гоголь, В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847). На всех поворотах нагромождена была бездна всякого жилецкого хлама, так что чужой, небывалый человек, попавши на эту лестницу в темное время, принуждаем был по ней с полчаса путешествовать, рискуя сломать себе ноги и проклиная вместе с лестницей и знакомых своих, *неудобно так поселившихся* (Достоевск., Двойник, 1846).

Ср. у Герцена в „Докторе Крупове" (1846) в части, пародирующей устарелый слог учёных сочинений (Предисловие доктора Крупова к его „сочинению" — „О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности"): „Я не пленить хочу моими сочинениями, а быть полезным, сообщая чрезвычайно важную теорию, *доселе от внимания величайших врачей ускользавшую*, ныне же недостойнейшим из учеников Иппократа *наукообразно развитую и наблюдениями проверенную*".

Постановка имени прилагательного за именем существительным, с которым оно согласуется, также продолжает в первые десятилетия манеру XVIII века и церковнославянских образцов. Она не составляет правила, но встречается несравненно чаще, чем теперь. Определяется она, повидимому, в основном двумя мотивами: часто — стремлением в большей мере, чем это имеет место теперь, подчёркивать характеризующий существительное признак, и — несколько реже — мотивом сообщения речи ритмической округлённости, эстетической законченности. Само собою разумеется, что могла действовать в определённых случаях и установка на архаизацию или хотя бы некоторый налёт её.

Примеры первого:

Все эти стихи, равно как и множество других, в продолжение всей трагедии выражаемы были превосходно и производили в публике *восторг неописанный* (Жихар., Дневн., 1807). Я полагал, что наш П. А. Рахманов считал себя математиком только про свой обиход, а на поверку выходит, что он признается и многими известными учеными за одну из лучших *голов математических* (там же). На песчаном грунте выстроено недавно несколько обширных *корпусов деревянных*, которые разбиты на номера и между собою разделены широкими проулками (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижний 1813 г). Иоанн трепетал от гнева, ударил жезлом о камень и сказал *голосом страшным*: „Чернец! доселе я излишне щадил вас: отныне буду, каковым меня нарицаете!" — и вышел с угрозою (Карамз., Ист. Гос. Росс.). Прелестно, воскликнула вторая богиня, прелестно было произведение сестры моей, когда я слетела с неба; но взор напрасно искал разнообразия *на земле бесцветной*. Все было хладно, безжизненно, как те образы, которые представляют серые тучи *в день пасмурный* (Веневитин., Скульпт., живоп. и музыка, 1827).

Зиящие огни молнии раздирали клубящиеся *тучи железные*... неукротимые порывы вихря ознаменовали путь свой по земле *рвами глубокими*... (Нарежный, Два Ивана, 1825). Бесконечно верный и столько же глупый Афанасий сидит на козлах подле почтилиона и... бессмысленно глядит в даль, дитя *природы незавидной* (Греч, Поездка в Герм., 1830). Шумные толпы расхаживали пред домом вокруг овального зеленого луга по широкой аллее, уставленной скамейками. *Гулянье приятнейшее*! (там же). Один из сих царственных потомков, именем Амозис, собрал наконец столько сил, что напал на чужеземцев в самом *Египте Нижнем*... (Перев. „Кратк. обозрения ист. Египта" Шамполлиона Младш., „Моск. телеграф", № 3, 1834). Пониже Дюмона покачивался на барабане, боком положенном, капитан Преображенского полка Глебовской, молодой и *наружности привлекательной* (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833). ...Первый отъезд есть *урок горестный*... Неизъяснимое волнение тревожит нас; сердце поражено *ударом неожиданным* (Вельтман, Странник, 1832). Свет жирника падал на его русское цветущее лицо, выражавшее ум и какую-то беспечность, столь общую русским в молодых летах, когда ни одна *страсть сильная* не кипит в душе и не выражается на лице; кудри русых волосов его обрисовали *щеки румяные*, придавая вид мужества молодому князю (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). На месте нынешних теремов и дворцов стояли и тогда дворцы, терема, хоромы, *избы брусяные*, гридни и вышки княжеские, *строения обширные*, в разные времена воздвигнутые, *неправильные*, и все *деревянные* (там же). Думай, решайся; но знай, что в следующий раз мы встретимся или родными, или *врагами непримиримыми*! (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Ни время, ни землетрясения не могли совершенно разрушить трудов тленного человека, и пята тысящелетий не совсем раздавила, не совсем втоптала в землю остатки *древности незапамятной* (там же). Она небрежно отвечает ему; отуманенные грустью взоры пронзают толпу всадников и ищут между ними молодого В...а, двоюродного брата ее, к которому пылает *страстью преступной* (Лажечн., Ледян. дом, 1835). Долго вел я потом *жизнь кочующую*, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). Видно, не глубоко врезаны в душах наших заветы *старины разумной*... (письмо Чаадаева Вяземскому, 1847).

Примеры второго:

Ее грозная тень будет являться нам подобно *мертвецу бледному* и терзать сердца наши бесполезным раскаянием! (Карамз., Марфа Посадн., 1802). Невидимый голос в глубине души моей шептал: „Потеря свободы, потеря милой любимой жены и залога *любви пламенной*!" (Нарежный, Бурсак, 1824). Заблистали *молнии излучистые*, раздались ужасные удары грома, посыпался крупный град... (там же). Потом, обогатясь корыстями, несметным числом *тканей узорчатых*, серебра и золота и *жемчуга окатного*,

возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостию и славили в песнях (Гриб., Загородн. поездка, 1826). Минул день. Укатился другой *за хребты ледяные* (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Он очнулся, приподнялся и жалобно умолял нас не покидать его на съеденье *зверям лесным* (там же). На горах уже низвергался дождь, и вздутый им водопад, с левой стороны Чиркея, пенясь клубился *по уступам горным* (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Готов хоть на стаю орлиную, лишь бы одержать мне победу над *врагом ненавистным*,— отвечал Мамон (Лажечн., Басурман, 1838).

Особенно долго держится пристрастие литературного языка к постановке на конце ритмических отрезков эмоционально окрашиваемого слова *человеческий*. Такое употребление широко проходит через всю первую половину XIX века, частично заходя и в ближайшие десятилетия:

Он не первый и не последний вымещал на целой половине рода человеческого досаду на одну девушку (Бестуж.-Марлинск., Лейт. Белозор, 1831). Я покидаю землю плода, чтобы перенестись в землю труда... этого великого будильника души человеческой... (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). ...Но оставляя Александрину, я переселялся в мир существенный и мерил мысленно необъятное пространство, разделяющее нас. Тут не было места надежде, тут мне не помогало легковерие человеческое (Н. Павлов, Именины, 1835). Достоинство жизни человеческой — в борьбе... награду надобно выстрадать (Герцен, Кто виноват?, 1845—1846). Ах, как вы знаете сердце человеческое! — сказала вне себя Саломея Петровна... (Вельтман, Саломея, 1846—1847). ...Звуки как будто пели об обманутой любви и безнадежной тоске. Все страдания, вся скорбь души человеческой слышались в них (Гончар., Обыкновен. ист., 1847).

Из специальных категорий имён прилагательных, которые приблизительно до сороковых годов XIX века употребляются особенно часто в положении за существительными, отметить надо главным образом следующие:

Производные от личных имён:

Я не могу запомнить всех прекрасных стихов в сцене Димитрия *с послом Мамаевым*... (Жихар., Дневн., 1807). Театр представляет греческий стан; в стороне *шатер Пирров*; на средине могильный *холм Ахиллов*... (Озер., Поликсена, 1809). Голландцы с ужасом воспоминают оное [время], и благословляют российское оружие, избавившее всю Европу *от деспотизма Наполеонова* (Н. Бестужев, Записки о Голландии 1815 г., 1821). Всех главных сановников митрополитовых взяли под стражу, терзали, допрашивали *о тайных замыслах Филипповых* и ничего не сведали (Карамз., Ист. Гос. Росс.). Всегдашний трепет гнева и боязни, угрызение совести без раскаяния, мука стыда, злоба бессильная в неудачах оружия, наконец адская казнь сыноубийства — истощили меру *сил Иоанновых*... (там же). Они отважно взглянули один на другого, придвинули к себе страннические посохи.

похожие на *булаву Геркулесову*, и Никанор пошептал что-то на ухо своему спутнику (Нарежн., Два Ивана, 1825). Путь мой шел мимо Бердской слободы, *пристанища Пугачевского* (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). Мы имеем только первый том, в котором события доведены *до царствования Юстинианова* (Грановск., Судьбы еврейск. народа, 1835). ...Только с этим условием *рука Анастасьина* может ему принадлежать (Лажечн., Басурм., 1838).

Ср. и в случае переносного употребления притяжательной формы имени прилагательного: „...Гребцы в разноцветных чалмах и шелковых рубахах, с засученными по плеча рукавами, которые таким образом открывают *мышцы Геркулесовы*, мчали их с проворством венецианских гондольеров...“ (Сенковск., Турецк. цыганка, 1834).

Далее, очень распространена до сороковых-пятидесятых годов тенденция ставить на втором месте определения — имена прилагательные с притяжательным значением вообще:

На западном небе начало просиявать багровое *чело солнцево*, готовящееся вскоре опочить за пределами нашего небосклона (Нарежн., Два Ивана, 1825). Я стоял на улице, смотрел в раскрытые окна и рвал ручонку свою *из руки няниной* (Греч, Поездка в Герм., 1830). *Люди тетушкины* не только все перебили и перепортили, но и развратили было моего Афанасья (там же). ...Я должен остаться врагом Ряполовских, когда готов стать перед ними на колени, должен гнать их, увлеченный в бедственную *крамолу отцовскую*... (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Я решилась употребить все способы выучиться ездить верхом, стрелять из ружья и, переодевшись, уйти *из дома отцовского* (<Дурова>), Кавалерист-девица, I, 1836).

Широчайшее распространение имеет такой же порядок слов с прилагательными, производными от названий народов, местностей и под.:

Великолепный дом Диомидов стоял лицом на один *из базаров батуринских* совершенно в противоположной стороне... от дома Ермилова... (Нарежный, Бурсак, 1824). Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство заточить пылкого, кипучего юношу [Пушкина] *в деревне русской*? (письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх., III). Какая поэтическая смерть,— смерть Бейрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, и убежал *от темницы европейской* (письмо Вяземского А. И. Тургеневу, 1824, Остаф. арх., III). Несколько вечеров провел я в садах при звуке *музыки и песен грузинских* (Пушк., Путеш. в Арзрум, 1829—1835). Я невольно расхохотался, но долго было бы толковать простодушному *уроженцу тверопецкому*, что́ земля, и что́ карта... (Греч, Поездка в Герм., 1830). Она была *уроженка дрезденская*, в молодости завезена в Россию родителями, и осиротела (там же). Не только рукою действует он против *отрядов шведских*, он работает сердцем и головой... (Лажечн., Последн. новик, 1831—1832). Старость, заключавшая

собою день бурный, как вьюга *на степях приволжских* или кура *в лесах сибирских* (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Порой это мутный водопад, извергнутый глубокою пещерою; порой это пламенный ключ *нефти бакинской* (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). *Патриархам тивериадским* предоставлены были большие права... (Грановск., Судьбы евр. народа, 1835). Короли Меровинги и *духовенство французское* не ласковее вестготов обходились с изгнанниками (там же). Вообще надобно заметить, что корень *вол* повторяется в именах значительного числа *урочищ вендских*, не говоря уже о других *землях славянских* (Грановск., Волин, 1845). Михайло Памфилович, не оспаривая матери, побежал наверх, занимать гостя, который, развалясь на диване по-хозяйски, расспрашивал его *про обычаи московские* (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Порядок слов при притяжательных именах прилагательных отражает временное колебание — между порядком слов, естественным для согласования — с одной стороны, и для управления — с другой. Если тип „Козлова и Языкова стихотворения", по всей вероятности, отразил в себе влияние обычной адъективной конструкции, то, наоборот, порядок слов „шатер Пирров", „холм Ахиллов" представляет собою, вероятно, продукт уподобления словорасположению при управлении именами существительными („шатер Пирра", „холм Ахилла"),— старинный тип, может быть эстетизированный как инверсивный.

Что касается порядка слов при именах прилагательных со значением принадлежности к народам, местностям и под., то тут надо думать скорее о моменте семантическом, заявлявшем свои права резче, чем в последующее время: инверсивным порядком подчёркивался его смысловой вес.

Наиболее долго державшейся особенностью старого порядка слов, особенностью, не вышедшей полностью из употребления и теперь, является постановка на конце ритмических отрезков и тактов зависимых от имён существительных родительных падежей местоимений третьего лица — **его, её, их** и притяжательных местоимений, согласуемых с существительными — **мой, твой, свой** и под.

В случаях вроде: „Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии *слогу его* [Жуковского]" (письмо Пушк. Вяземскому, 1825)—такую постановку слова *его* естественно объяснять эстетическими соображениями, сохраняющими своё значение и для настоящего времени (иначе получились бы в отрезках одинаковые концы); но в бесконечном количестве других примеров такого порядка слов подобные соображения не имели места, и здесь выступала традиционность манеры:

Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно *из головы его* (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). Все, что выражает силу молодости, не расслаблен-

ной, но могучей, полной будущего, стало вдруг предметом *стихов его* [Языкова] (Гоголь, В чем же наконец существо русской поэзии, 1847). Однако этого письма я ни за что не покажу *жене моей*, а то она, наверное, рассердится... (Хмельницк., Актеры между собой, 1821). Опершись на ружья или гордо взбрасывая их за плечо, стояли горцы, угрюмо поглядывая на нас *из-под мохнатых шапок своих* (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Я все оборачивался назад, все любовался этим ненаглядным зрелищем — но скоро гряда холмов и дождевая завеса заградили *горизонт мой* (там же). За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях *уважения и благодарности нашей* (письмо Пушк. И. Лажечникову, 1835). ...Мы нарочно ничего не говорили до сих пор о четырех пьесах не антологического содержания, но превосходных: указанием на них мы достойно заключим *статью свою* (Белинск., Стихотв. Апол. Майкова, 1842). На бледном лице Саломеи выражалось то злобное равнодушие *к судьбе своей*, которое составляет противоположность отчаянию (Вельтман, Саломея, 1846—1847). Позабыв и общество и всякие современные связи с ним человека, и всякие требования *земли своей*, все жило в какой-то поэтической Элладе, повторяя стихи Пушкина... (Гоголь, В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847). Стоит только посмотреть около себя, сейчас увидишь, как это народное чванство, нам доселе чуждое, вдруг изуродовало все лучшие *умы наши*... (письмо Чаадаева Вяземскому о „Выбр. местах из переп. с друз." Гоголя, 1847).

Этот порядок слов при местоимениях производит впечатление сохранённого по преимуществу как ритмический. Формы личного (анафорического) местоимения 3 лица, как и притяжательные, легко энклитизируются и потому естественно оказались использованными в эпоху, ещё очень ценившую напевность фразы с характерными, чаще всего — дактилическими, кляузулами синтаксических отрезков.

Заслуживают упоминания замечания П. А. Вяземского по поводу „Марьиной рощи" Жуковского (реценз. на „Сочинение в прозе" В. Жуковского, изд. второе, СПБ, 1826; 1827), проливающие свет на то, что живая тенденция русского языка держаться порядка „имя прилагательное — имя существительное" искусственно преодолевалась как однообразная. Вяземский, вероятно, в этом взгляде имевший своих сторонников, отмечая обилие прилагательных (эпитетов) в повести Жуковского, к недостаткам употребления относил также преобладающую постановку их перед существительными. „Излишество их,— писал он,— тем у нас чувствительнее, что, по какому-то заведенному и, вероятно, машинальному порядку, мы ставим почти всегда прилагательное пред существительным. Мне кажется, что сия повадка, не основанная ни на единственном течении мысли, ни на духе языка нашего (?), придает утомительное однообразие слогу и какую-то медленность

в его движении (?). *В Истории Государства Российского*, в сей сокровищнице и святилище языка нашего, можно найти многие примеры счастливому разнообразию в перестановке прилагательных. В Карамзине, а особенно в историческом творении его, сие передвижение слов делалось, так сказать, само собою, вследствие один раз навсегда обдуманного навыка. Молодым авторам подобает следить за собою, подмечать себя".

§ 6. Отрыв имени существительного от управляющего им имени прилагательного или причастия.

Избегаемый в современном литературном языке порядок слов „прилагательное или причастие — имя существительное, с которым оно согласовано — управляемое прилагательным (причастием) непосредственно или при помощи предлога имя существительное" вполне обычен и даже господствует в первые десятилетия XIX века:

Там русские ученые увидят *высочайшую вулканическую гору в мире*... (Карамз., О рос. посольстве в Японии, 1803). Когда сегодня за обедом в павильоне... я рассказывал *о произведенном на меня впечатлении трагедиею и Яковлевым*, хозяин и хозяйка захохотали... (Жихар., Дневн., 1807). В сию прошедшу ночь, как сладостный покой Над станом царствовал с глубокой тишиной И слышен был лишь *стон падущих зданий в Трое*... (Озер., Поликсена, 1809). Давно ль Аргоса царь стал жалостлив душей, Сей *не жалевший царь о дочери своей*... (там же). Почтите *падшего героя За честь, отчизну и вино* (Вяземск., Партиз.-поэту, 1815). Пусть *на омытые луга росой денницы* Красивая весна бросает из кошницы Душистую лазурь и свежий блеск цветов (Вяземск., Перв. снег, 1819). Видите ли, здесь под крышею, *складываемый провиант с наших транспортов*? (Н. Бестуж., Зап. о Голланд. 1815 г., 1821). *Бурею занесенные немцы на приморский берег Двины* проложили рыцарям путь в Ливонию (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 182[1]). ...Он спокойно смотрел *на встающие раскаты пред бастионами своими*... (там же). Давно *закравшийся недуг В младую грудь подруги милой*... (Рылеев, Войнар., 1823—1824). ...Или *разыгранный „Грейшиц" Перстами робких учениц* (Пушк., Евг. Онег., гл. III, 1824—1827). Вяземскому посылаю *вынутую просвиру отцом Шкодой за упокой поэта* (Пушк., письмо брату, 1825). ...Но вскоре с невских берегов *Покрытый воин сединами* Приехал век дожить меж нами (Козлов, Чернец, 1825). ...Так жизнь, затерянная в свете, *Есть бурей загнанный ручей В разлив бунтующих зыбей*... (Вяземск., Коляска 1826). Лапландские горцы составляют *отличное поколение от Норвежцов*, с которыми обыкновенно жил наш путешественник („Моск. телеграф", 1829). ...*Ключу от брошенной шкатулки в море* (Пушк., Скуп. рыц.,

1830)[1]. ...И *простертый саван снежный На холодный труп земли* (Вяземск., Дорожн. дума, 1830). Чуть завидел я *падшего товарища впереди меня*, я встретил зверя на лету пулею... (Бест.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). — „Впереди меня", судя по контексту, относится к „падшего". — И чувств расстроенных язык своеобразный И *упоенный взгляд любовью и тоской* (Давыд., 1834). ...И на устах пылал *Готовый поцелуй для уст нетерпеливых* (там же). Во время поездки по Нилу случился между сопутниками его гражданин Мемфиса, один *из посвященных мудрецов в таинства* священных познаний (Вельтман, Аленушка, 1836). Неверов успевал побывать в Ганновере, пострaнствовать в горах Гарц и провести ночь на Броккене, *знаменитой горе в немецких преданиях*... (письмо Станкевича, 1837). ...Вы пришли сюда *в самый благополучный час для бритья* (Сенковск., Паден. Ширванск. царства, 1842). Мне было жаль волшебных снов, Отрадных, детских упований И *мне завещанных преданий От простодушных стариков* (Полонск., К демону, 1844).

Изживание такого порядка слов в последующее время (он иногда появляется снова, даже в наши дни, в письменной речи неотделанной и под.) скорее всего объясняется победой тенденции к более рациональному с синтаксической точки зрения размещению синтагм — контекстному. В сочетании „И упоенный взгляд любовью и тоской" управляемые слова *любовью и тоской* отрываются от управляющего *упоенный*, между тем как нынешнее размещение слов „взгляд, упоенный любовью и тоской" обеспечивает постановку рядом синтаксических членов, непосредственно связанных друг с другом.

Заслуживает внимания и тот факт, что устарелая конструкция, о которой идёт речь, характерна главным образом для стихотворного языка первой половины XIX века: проза, требовавшая меньшей свободы в отношении порядка слов, раньше перешла на более свободное словорасположение.

§ 7. Подлежащее среди деепричастной конструкции.

Старинный порядок слов, при котором подлежащее разрывало сочетание деепричастия с зависимым от него словом, иногда ещё встречается в изучаемое время, но почти исключительно у поэтов, начавших свою литературную деятельность в XVIII веке:

Созвав отвсюду он Разумников, из них установил собранье И о науках спор им предложил на суд (Крыл., Водолазы, 1813). *Проведав он от старых грамотеев*, что в мире есть страна, Где вечно царствует весна, За розами побрел — в снега Гипербореев (Батюшк., Странствователь и Домосед, 1815). *Тут старосту*

[1] Ф. Е. Корш был явно неправ с исторической точки зрения, относя эти случаи у Пушкина к „натяжкам". (Разбор вопроса о подлинности „Русалки" А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева, СПБ, 1898, отт. из „Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук", III, кн. 3, стр. 80).

лизнув Лев милостиво в грудь, Еще изволя раз на пляску их взглянуть, Отправился в дальнейший путь (Крыл., Рыбья пляска, 1823—1824). *С знакомцем съехавшись однажды я в дороге*, С ним вместе на одном ночлеге ночевал... (Крыл., Бритвы, 1828). *Гуторя слуги вздор*, плетутся вслед шажком (Крыл., Муха и Дорожные, 1803). *Сошедши Пышка с холма и увидя гостей*, в минуту узнал их (Жуковск., Война мышей и лягушек, 1831). *Глядя епископ на пепел пожарный*, Думает: „Будут мне все благодарны...“ (Жуковск., Суд бож. над еписк., 1831).

Ср., однако, и у Грибоедова („Молод. супруги“, 1815): „По крайней мере мне казалось иногда, Что, *сидя ты со мной*, не в духе...“; „Ах! *убегая раз она домашней сени*, Тобою занята гораздо будет менее“; „И *подшед Филон к прекрасной, Ей* не встречен в первый раз“; у Вяземского: *„В тени фиалка притаясь*, Зовет к себе талант безвестный“ (Цветы, 1823).

Как один из наиболее поздних примеров, можно отметить: *„Отряхнув она с очей Мрак невежественной ночи*, К свету утренних лучей Отверзает бодро очи“ (Шевырёв, Петроград, 1829).

Этот порядок слов исторически восходит к той глубокой древности, когда деепричастий ещё не было, а тяготеющие к сказуемым причастия, из которых они выделились, подобно именам прилагательным могли предшествовать своему определяемому. Как и при причастных оборотах, в языке в конце концов возобладало распределение, обеспечивающее фразе более рациональное расположение слов — постановку рядом прямо связанных друг с другом членов.

Заслуживает внимания при этом, что, повидимому, отказ от старого порядка слов совершался с некоторой постепенностью. Последний держался в поэзии ещё тогда, когда проза от него уже почти полностью отказалась. Но и в поэзии расстановка слов с подлежащим в середине деепричастной группы держится дольше в случаях с личными местоимениями в роли подлежащих, нежели в предложениях с подлежащими знаменательными — именами существительными. Объясняется это, вероятно, известным ритмическим свойством ряда местоимений — относительно легко превращаться в слабоударяемые. Таким образом, порядок слов „деепричастие — личное местоимение“ сохранялся дольше, как соответствовавший старой ритмической тенденции славянских языков ставить энклитики и слабоударяемые слова на второе место фразных отрезков.

§ 8. Постановка относительного местоимения в придаточных предложениях.

Правило нового литературного языка, требующее, чтобы относительное местоимение в придаточном предложении, за исключением случаев управления, следовало за определяемым словом или словосочетанием главного, ещё нередко не осуществляется в языке первых десятилетий XIX века:

Сие самое препятствовало *в биржевой зале* дать бал, *которая* хотя и очень для забав общественных пригодна, но правительство местное не уполномочено позволить даже свечки зажечь во внутренней стороне канала (И. М. Долгорук., Журн. путешеств. из Москвы в Нижн. 1813 г.). Желал бы тебе рассказать много чего, но *по разным причинам* не могу, *из коих* первая, что не умею (письмо Чаадаева брату — М. Я., 1823). Площадь кипит. *Слитый говор* слышится издалека, *сквозь который* только порой можно отличить слова: „барин! барин! ко мне! у меня лучше, у меня дешевле, для почину, для вас!“ и тому подобное (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Важнейшая часть происшествия отнесена к эпохе приезда *Дидерота* в Россию, *который*... узнал русских вдоль и поперек... (Ушак., Последн. из княз. Корсунск., 1837). И сходится много *на площадь* людей, *Которой* гордится столица... (К. Аксак., Сон, перв. половины 40-ых годов). К случаю только поручено ему было от короля римского узнать, *что за страна* находится на востоке, *о которой* слухи стали доходить и до цесарского дома и *которой* дела начинали понемногу вязаться с делами Европы (Лажечн., Басурм., 1838).

§ 9. Место зависимых относительных местоимений.

XVIII век культивирует, как правило, постановку зависимых относительных местоимений в начале придаточных предложений. Почти через всю первую половину XIX века проходит в основном такой же порядок слов, лишь очень медленно в отдельных случаях уступая место нынешнему, требующему постановки относительных местоимений (**который**, **какой**, **кои** и под.) за именами, инфинитивами и деепричастиями, управляющими ими:

...Вам, *которого лавровый венец* украсили музы листками, кои остались от венка Анакреона (Озер., в посвящ. Державину „Эдипа в Афин.“, 1804). Погибни память тех, *которых* может *дух* Беды отечества спокойным видеть взором (Озер., Димитр. Донск., 1807). Тогда будет что сказать, а теперь нечего, ибо очень рано с утра пустились в путь, дабы не потерять Саранской ярмонки, *которой* приближалось *самое счастливое время* (И. М. Долгорук., Журн. путеш. из Москвы в Нижний 1813 г.). Под ней [горой] робко теснились бесчисленные стада баранов, *которых смушками* славен и богат Чиркей издавна (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Оргия, *которой* я был *невольным свидетелем*, продолжалась до глубокой ночи (Пушк., Капит. дочка, 1833—1834). ...Халеф уже нисколько не походил на себя, а являл верный слепок безобразной маски Сычан-Бега, *которого* носил и *платье* (Сенковск., Паден. Ширванск. царства, 1842). В последние годы своей жизни он принял намерение, *которому подобного* нельзя найти в истории самых безумных тиранов... (Грановск., Судьбы еврейск. народа, 1835). От утра до вечера

сидела я за работою, *которой* надобно признаться ничего в свете не могло быть *гаже*... (<Дурова>, Кавалерист-девица, I, 1836).

Порчу сию надобно поправить, и в намерении моем согласны оба почтенные мужа сии, *которых считать* в числе моих приятелей поставлю за особенную честь и удовольствие (Нарежный, Бурсак, 1824). У меня есть сыновья, *которых* можешь ты *зарезать* обнимая, у меня есть дочь, которую можешь ты зачаровать, отравить змеиными своими взорами (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832).

...Но дайте ныне мне язык души и чувства, *Которому бы вняв* в сей день, Агамемнон Восстал и опроверг губителей закон... (Озер., Поликсена, 1809). ...И тогда, если б я имел и волшебный жезл, *которым махнувши* мог бы вас перенести отсюда... (письмо Крыл. В. А. Олениной, 1825).

...Он спокойно смотрел на встающие раскаты пред бастионами своими — готовился к отчаянной обороне, *какой* Кошкаров в Лаисе и Икскуль фон Паденорм в Нейгаузене дали ему славные *примеры* (Бестуж.-Марлинск., Поездка в Ревель, 1821).

Всякое утро, после завтрака, они займутся по нескольку часов рассуждениями о предметах, *коих познание* более необходимо для человека, а особливо для дворянина (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822).

Отсылаем читателя к упомянутой статье, где было раскрыто нами подробно то, *чего* здесь мы представили только одни *результаты* („Моск. телеграф", № 3, 1834). В XIV веке славянское название получило перевес над латинским даже в литературе, *чему* служат *доказательством* взятые мною в эпиграф к этой главе слова Эрнста фон Кирхберга... (Грановск., Волин, 1845).

В чаше заключалась жареная индейка и несколько булок, *на что глядя* эскулап не считал сей вечер потерянным (Нарежный, Два Ивана, 1825). Найдены способы объяснять детям посредством игрушек предметы самые важные, а г. Борис Федоров открыл даже способ посредством детских театров производить для отчизны великих людей. *Что́ видя*, г. Дюплеси счел нужным великих людей, которых со временем произведет детский театр нашего великого детского драматурга, сделать на всякой случай великими математиками („Библ. для чтения", XIV, 1836).

Примеры нынешнего порядка слов:

Я был некогда в сношении с Линднером, но и не подозревал в нем того мудреца..., которого нашел и *беседою коего* насладился в уютном садике, где он окружен цветами и ульями (письмо А. И. Тургенева Вяземскому, 1827, Остаф. арх., III). У него не было недостатка ни в деньгах для обзаведения, ни в доброй воле к исполнению, ни в познаниях сельского хозяйства, *приобретению коих* посвятил он все досуги свои (Бестуж.-Марлинск., Испытание, 1830). Настоящее время имеет также свои текущие потребности, *удовлетворение коих* не мешает думать о будущем (письмо Вяземск. А. И. Тургеневу, 1833, Остаф. арх., III). Таков

народ. Не даром один из тех людей, *взора которых* трепещут миллионы, не смел являться народу, пока не выучился играть ролю свою у какого-то скомороха (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Магараджа, *святости которого* люди удивлялись по обеим сторонам Гангеса и, удивляясь, не переставали грешить и проказничать, по совету мудреца немедленно употребил эту машину к водворению честности, беспристрастия и правосудия в своих владениях (Сенковск., Похожд. одн. ревижск. души, 1834). ...Поэт же, *талант которого* лишен национальной струи, всегда, более или менее, есть явление временное и преходящее... (Белинск., Ив. Андр. Крылов, 1845). ...А между тем Саломея Петровна, проникнутая какой-то ревностью, что муж отбивает у нее гостя, с которым ей так хотелось наговориться, *душой которого* хотела бы она пополнить, напоить свою душу, алчущую света ума и пламени сердца, стояла, ломая руки, в зале у окна... (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Ср. в письме Пушкина П. В. Нащокину (1834): „Каждое слово уничтожает сплетни, *половине коих* я не верил, но *коих другая половина* сильно меня тревожила“,— и в письме Белинского Гоголю из Зальцбрунна (1847): „Я думаю это оттого, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, *роль которого* вы так неудачно приняли в вашей фантастической книге [„Выбранн. мест. из переписки с друзьями]“; но выше: „Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах, ни о тех воплях дикой радости, которые издали при появлении ее все враги ваши, и нелитературные, Чичиковы, Ноздревы, Городничие..., и литературные, *которых имена* хорошо вам известны“.

Конечная победа нынешнего порядка слов, вероятно, обязана таким моментам:

1. Он составлял, за относительно редкими исключениями, правило и для изучаемого времени в случаях, когда относительным местоимением управляло имя существительное, падеж которого зависел от предлога:

...И теперь надобно иметь свидание с незнакомым человеком, *от суждения коего* должна зависеть участь дальнейшей его жизни... (Нарежный, Аристион, или Перевоспитание, 1822). На вершине горы, *у подошвы коей* лежит городок, возвышаются прекрасные развалины замка... (Греч, Путев. письма, 1817—1838). Мы перебегаем вдоль завалов и спускаемся в теснину, *по дну которой* вьется узкая тропа... (Бестуж.-Марлинск., Письма из Дагестана, 1831). Собеседники начали брать куски мяса пальцами, разломив пироги, *по цвету и вкусу которых* трудно было догадаться, пшеничные или ржаные они были (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). Нукеры ханские, *на числе и отважности коих* опирается власть его, с утра до вечера толкаются во дворах и в комнатах хана (Бестуж.-Марлинск., Аммалат-бек, 1832). Это истина, ужасная истина, *для открытия коей* я нарушила

страшную клятву (Ушак., Последн. из княз. Корсунских, 1837). Всех глаза устремились на Языкова. Все ждали чего-то необыкновенного от нового поэта, *от стихов которого* пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дело (Гоголь, В чем же наконец существо русск. поэзии, 1847).

Ср. только редкое отступление от этого правила: „Мазарини ищет человека, *на которого скромность* он может положиться и развернуть картины вдвоем“ (Кукольник, Эвелина де-Вальероль, 1841).

2. Издавна существовала ритмическая тенденция ставить элементы, по их природе пригодные делаться энклитиками, на второе место синтаксических членений. Относительные местоимения принципиально могли подчиниться подобной тенденции.

3. Образцом для закрепления нового порядка слов при управлении имён естественно являлся господствующий тип „имя существительное управляющее — родительный падеж зависимого имени“ (*победа разума, угроза противника* и под.), поддержанный в его влиянии упомянутым типом порядка слов при имени существительном, зависимом от предлога.

Вопреки достаточно определённо выраженной склонности языка заменять неконтактный порядок слов контактным расположением связанных между собою грамматически членов,— эта общая тенденция, как видим, оказалась нарушенной в сложном предложении на сильном интонационном переломе фразы — между главчым и придаточным предложениями.

Что касается таких моментов расположения слов, как „которой приближалось самое счастливое время“, „...которой я был свидетелем“, то для них характерно нарушение контактности и в пределах старой организации фразы — под влиянием сильно действовавшей и тогда и теперь другой тенденции — обеспечить логически подчёркиваемым членам конечное место.

Порядок слов в первой половине XIX века, как позволяют охарактеризовать его приведённые синтаксические типы, отличается от принятого теперь главным образом двумя особенностями: 1) большей близостью к церковнославянским образцам и следовавшим за ними стилистическим обыкновениям XVIII века; 2) меньшей контактностью синтаксически связанных между собою членов.

В некоторых случаях (напр., в конструкциях с местоимениями), как мы видели, переход от старого расположения слов к новому совершался так, что старый порядок слов находил поддержку себе в определённых эстетизируемых ритмических тенденциях.

ГЛАВА V.

ИЗ СТИЛИСТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА.

§ 1. Свободная косвенная речь.

К стилистико-синтаксическим достижениям русского литературного языка первой половины XIX века, возникшим отчасти под влиянием французских образцов, можно отнести различные виды косвенной речи с теми или другими отражениями эмоциональных моментов сжато предаваемой ею прямой. Под пером выдающихся мастеров эта изящная форма, соединяющая в себе отражённые, но вместе с тем ещё выразительные эмоциональные краски воспроизводимой в наиболее важных элементах фразы героев повествования — с объективирующей сдержанностью авторского сообщения, выступает и в поэзии, и в прозе этого времени как прекрасный род передачи голосов, которым, по авторскому замыслу, нужно звучать сдержанно, приглушенно, неискренне, иногда — оставаться только „внутренними" голосами, выражением размышлений, загнанных в себя чувствований и под.

Замечательнейшие образцы такой свободной косвенной речи в поэзии должны быть отмечены у Пушкина, — это две передачи изъяснений по-разному хитрящих: Кочубея и Мазепы[1]:

...Он [Кочубей] голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит —
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
„В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна.
Но он и дочери прощает..."

[1] На них уже останавливался В. Волошинов, Марксизм и философия языка, 1929, стр. 165 и 184. Им же указан и пример из „Кавказск. пленника".

— Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
„И знает бог и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь, у двери гроба,
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украйны,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя
Умом и саблей рад бы спорить,
Трудов и жизни не жалел.
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго быв его друзьями!..“
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей.

В „Кавказском пленнике“ (1821) впечатление глубокой лиричности производят окрашенные тембром прямой речи заключительные слова отрывка:

Воспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг
Его закованные ноги...
Все, все сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости священная свобода!
Он раб.

Такой же лиричностью прямой речи проникнута вся партия воспоминаний и размышлений пленника, данных в третьем лице после слов: „И пленника младого грудь Тяжелой взволновалась думой...“

В прозе интересные примеры опущения указаний на зависимый характер высказывания, при переключении на него при помощи замены первого лица третьим, можно указать, напр., в стилистически очень высоко стоящем „Ятагане“ Н. Ф. Павлова

(1835). Не случаен, конечно, тот факт, что именно Павлов, один из основателей русской психологичесской повести[1], одним же из первых культивирует и свободную косвенную речь. Вот несколько примеров её:

„Полковник был вне себя от открытия, отдохнул, успокоился, Наталья Степановна объяснится за него с княжной. А Наталью Семеновну попросит ее сын“ [2].

„— Прислан из гвардии разжалованный по суду в солдаты за убиение на дуэли“.

— А, прислан! — перервал полковник, вскочил со стула и схватил весело бумагу.

Его радость ручалась за ласковый прием несчастному: он не даст ему почувствовать неизмеримости расстояния, на которое так быстро раздвинули их, и протянет добродетельную, хоть всегда тяжелую, руку помощи...“

„Тут Бронин почувствовал на себе тяжелую ношу совета, который должно считать приказом, подозревал, почему не велено ему показываться у князя, но нетерпение утешить нежную мать превозмогло подчиненность. Он верно никого не найдет там... легко скрыть от полковника... к тому же можно ли ему испугаться страшилищ благоразумия, и в это утро, в этот час, в это мгновение не броситься к той, кто...“

Исключительно многообразные формы свободной косвенной речи, делающейся у него одним из необходимейших инструментов повествования — передачи загнанных глубоко в себя мыслей и чувствований героя-маньяка, находим далее у Ф. М. Достоевского, этого прославленного знатока болезненных движений внутреннего мира. Чуть ли не весь его „Двойник“ построен стилистически на приёмах „внутренней“ речи, синтаксически выражаемой в формах, переходных от прямой к косвенной.

Примеры из этой повести можно брать почти наудачу:

Разом понял герой наш все положение дел. Дело в том, что работа его [Голядкина-младшего] (как он после узнал) почти превзошла ожидания его превосходительства и поспела действительно к сроку и во-время. Его превосходительство были крайне довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину-младшему, крепкое спасибо; сказали, что вспомнят при случае и никак не забудут. — Множественное число сказуемого при *его превосходительство*, „крепкое спасибо“, „вспомнят и никак не забудут“ — сообщают фразе точность выражений и самого Голядкина, и того, что слышано было им в прямой речи, как передача сказанного „его превосходительством“.

Или:

---

[1] Это было хорошо видно его современникам: так, Шевырёв („Моск. наблюдатель“, 1, 1835) главным свойством Павлова считал — „дар наблюдать душу и описывать ее тайные события“.

[2] Пунктуация — автора. Интонации, отражающей мысль фразы, более соответствовало бы двоеточие после первого предложения.

Дело в том, что незнакомец этот показался ему теперь как-то знакомым. Это бы все еще ничего. Но он узнал, почти совсем узнал теперь этого человека. Он его часто видывал, этого человека, когда-то видывал, даже недавно весьма, где же бы это? уж не вчера ли? Впрочем, и опять не в том было главное дело, что господин Голядкин его видывал часто; да и особенного-то в этом человеке почти не было ничего,— особенного внимания решительно ничьего не возбуждал с первого взгляда этот человек.— Навязчиво возвращающиеся слова „видывал", „особенного", точно воспроизводимые из прямой речи „где же бы это?", „уж не вчера ли?", общий тембр речи,— все это делает звучание фразы почти дословным, но отражённым неполно в соответствии с её характером скорее мелькающих мыслей-чувствований, нежели настоящей словесно оформленной мысли.

В большей или меньшей мере свободная косвенная речь делается достоянием и других авторов этого времени. Вот, напр., отрывок, иллюстрирующий её применение у И. А. Гончарова (Обыкн. ист., 1847):

Он [П. И. Адуев] строго разобрал в уме и то, что сделали с ним, и то, что надо было делать ему самому.

Вот на какие посылки разложил он весь этот случай. Племянника своего он не знает, следовательно и не любит, а поэтому сердце его не возлагает на него никаких обязанностей: надо решать дело по законам рассудка и справедливости. Брат его женился, наслаждался супружеской жизнию,— за что же он, Петр Иваныч, обременит себя заботливостью о братнем сыне, он, не наслаждавшийся выгодами супружества? Конечно, не за что.

Но с другой стороны представлялось вот что: мать отправила сына прямо к нему, на его руки, не зная, захочет ли он взять на себя эту обузу, даже не зная, жив ли он и в состоянии ли сделать что-нибудь для племянника. Конечно, это глупо; но если дело уже сделано и племянник в Петербурге, без помощи, без знакомых, даже без рекомендательных писем, молодой, без всякой опытности... в праве ли он оставить его на произвол судьбы, бросить в толпе, без наставлений, без совета, и если с ним случится что-нибудь недоброе, не будет ли он отвечать перед совестью?..

Тут кстати Адуев вспомнил, как семнадцать лет назад покойный брат и та же Анна Павловна отправляли его самого. Они, конечно, не могли ничего сделать для него в Петербурге, он сам нашел себе дорогу... но он вспомнил ее слезы при прощаньи... ее ласки, ее пироги и наконец ее последние слова...

Или взять хотя бы такой пример из другого мастера: „Вследствие этого (что делать!) Марье Ивановне ужасть как захотелось скорее просватать Дунечку..." (Вельтман, Саломея, 1846—1847), где отдельные слова явно звучат как точно воспроизводимые („что делать!" „ужасть"), но синтаксически слитые с собственной речью автора, будто бы только пересказывающей.

Очень многочисленны и своеобразны примеры свободной косвенной речи в „Ледяном доме“ Лажечникова (1835).

§ 2. Приложения.

Как черта поэтического слога получающая углублённую разработку в творчестве мастеров стиха пушкинского периода, выступает разнообразие синтаксического выражения приложений. Отметим более других интересные со стилистической стороны типы:

1. Выдвинутое непосредственно перед личным местоимением или перед глаголом, за которым следует его личное местоимение, обособляемое приложение:

Простой воспитанник природы, Так *я*, бывало, воспевал Мечту прекрасную свободы И ею сладостно дышал... (Пушк., Кн. Голицыной, 1817). С тех пор, *игралище Борея,* Не сетуя и не робея, Ношусь *я*, странник кочевой, Из края в край земли чужой (Давыд., Листок, 1816—1818). ...На взморье, *хижины уютной обитатель,* Он стада малого был мирный обладатель... (Крыл., Пастух и Море, 1819). *Талантов обожатель страстный, Я* прежде был ее поэт (Пушк., П. А. Катенину, 1821). *Суровый славянин, я* слез не проливал, Но понимаю их (Пушк., Овидию, 1821). *Изгнанник самовольный,* И светом, и собой, и жизнью недовольный, С душой задумчивой, *я* ныне посетил Страну, где грустный век ты некогда влачил (там же). Увы, *среди толпы затерянный певец,* Безвестен буду *я* для новых поколений... (там же). ...И, *вольный друг воспоминаний, Он* станет петь дела отцов (Язык., Посвящ. А. М. Языкову, 1822). ...*Не христианин и не раб,* Прощать обид *я* не умею (Рылеев, К N. N., 1824). ...*Страданий любви исступленный певец, Он* высказал сердцу все тайны сердец, Все буйных страстей упоенья (Козл., Байрон, 1824). ...И, *гости юные земли,* Не знаем *мы*, зачем пришли (Шевырёв, Четыре повести, 1827). ...Там, *смелый гость свободы просвещенной, Певец вина и дружбы и прохлад,* Настроил *я*, младый и вдохновенный, Мои стихи на самобытный лад... (Язык., Воспом. об А. А. Воейковой, 1831). ...И там, где даже серна не промчится, *Дитя природы,* с детской простотой, *Она*, резвясь, играет и катится (Лерм., Изм.-бей, 1832). ...Духов бесплотных сладострастья, *Твой верный сын,* не жажду *я* (Тютч., 30-ых годов).

Ср. и в прозе: „Пора! *Недостойный муж, недостойный сын отечества*, омерзевший друзьям, самому себе, *я* только тягощу собою землю“ (Лажечн., Ледян. дом, 1835). *Почеренная их тайн, она* будет иметь возможность ее спасти (там же).

Особенно своеобразный случай в прозе у Бестужева-Марлинского, в „Мулла-Нуре“ (1835—1836): „*Неопытный! он* еще не знал, что на золото в нравственной торговле можно купить только мишуру, а не самую вещь, личину, а не лицо. *Юноша! он* считал все легким и возможным“.

2. Особую группу представляют случаи, когда подобного рода приложения относятся не к именительному падежу, а к косвенным:

Врагу стеснительных условий и оков, Нетрудно было *мне* отвыкнуть от пиров... (Пушк., Чаадаеву, 1821). ...*Поэту радости и хмеля*, И *мне* судил всесильный рок Узнать практического Леля Нравоучительный урок (Язык., Элег., 1825).

Характер предикативной окраски, отличающий эту группу от первой, иллюстрируется различием параллельных средств выражения: „Будучи..., я...“, но „мне, являющемуся...“ и под. Данная группа ещё дальше, чем первая, от речевых типов обиходного языка и представляет ещё в большей мере продукт специально поэтической речи.

3. Родственный первому тип — с формой лица, заключённой или подразумеваемой в глаголе. При глаголе второго лица восприятие подобного имени существительного может колебаться между отношением к нему как именно к приложению предикативного типа (=*будучи...*) и — почти в равной мере — как к обращению:

И в золоте, в лучах, *Богиня празднества*, кадимая жрецами И упоенная мольбами и хвалами, Из жалости одной *взор бросишь* на того, Кто более всех любит... (Давыд., Договоры, 1808). *Сам ратник, сам трубач, пищит* во всю гортань (Крыл., Лев и Комар, 1809). ...Или, *мудрец придворный,* С улыбкою притворной Пред лентою цветной Поникнув головой, С вертушкою слепой Знакомиться *желаешь*? (Пушк., Послан. к Галичу, 1815). *Из Периге, гость жирный и душистой,* Покинутый судьбы на произвол, *Ступай*, пирог, к брегам полночи льдистой! (Вяземск., Послан к А. И. Тургеневу, 1820). *Поклонник муз, поклонник мира,* Забыв и славу и любовь, О, скоро вас *увижу* вновь, Брега веселые Салгира! (Пушк., Бахчисар. фонт., 1823—1824). *Дитя сама,* в толпе детей Играть и прыгать *не хотела*... (Пушк., Евг. Онег., гл. II, 1823—1826). ...И тихо, *странник потаенной,* Невидимым *приникну* к ней (Давыд., Речка, 1834). *Питомец радости,* покорный наслажденью, Зачем, коварный друг, не внемля приглашенью, Наш пир вечеровой вчера *не посетил*? (Фет, 40-ых годов).

Ср. и случай, где прямо указанное лицо относится не к тому звену слитного предложения, к которому тяготеет приложение: „...Я плакал без укор, без гнева угрожал И за вину твою — *любовник боязливый* — Себе у ног твоих прощения *искал*!“ (Давыд., 1816).

4. Предшествующее имени существительному — носителю высказывания — приложение, обособляемое ритмомелодически, в большей или меньшей мере получает предикативную окраску:

О первенец зимы, блестящий и угрюмой, *Снег* первый, наших нив о девственная ткань! (Вяземск., Первый снег, 1819). *Гроза луны, свободы воин,* Покрытый кровию святой, Чудесный твой *отец*, преступник и герой, И ужаса людей, и славы был достоин

(Пушк., Дочери Карагеоргия, 1820). ...И — *достояние отцов* — Воскреснет прежняя *свобода*! (Рылеев, Войнаровск., 1823—1824). ...И, *муз возвышенных пророк*, Наш *Дельвиг* все для нас оставит... (Пушк., Языкову, 1825). *Несчастью верная сестра, Надежда* в мрачном подземелье Разбудит бодрость и веселье... (Пушк., В Сибирь, 1827). И в пристань, *царь морей крылатый*, Дарами дальних стран богатый, *Флот* торжествующий влетел (Жуковск., Поликратов перстень, 1831). *Безмолвная подруга лучших дней* — Настроенная *лютня* перед ней... (Лерм., Литвинка, 1832). *Мужей несравненных заветный предел* — *Эллада*! Он в час твой кровавый Сливает свой жребий с твоею судьбой! (Козл., Байрон, 1834). А между тем *желанный солнца луч*, *Краса-заря* плескала вверх свой жар Пурпуровый и радужно-янтарный... (Соколовск., Хеверь, 1837).

5. Возможная предикативность выдвинутого вперёд приложения к имени существительному — носителю сути высказывания — подчёркивается тем, что сказуемое (или зависимые от него слова) отделяет приложение от определяемого им существительного, усиливая тяготение к себе приложения:

...И, *жертва темная*, умрет мой слабый *гений* С печальной жизнию, с минутною молвой!.. (Пушк., Овидию, 1821). *Богини мира*, вновь явились *музы* мне И независимым досугам улыбнулись (Пушк., Чаадаеву, 1821). ...И вот в приют мой, *гость незванной*, Спустился тихо *Новый Год* (Шевырёв, На новый (1828) год). О, для чего второй *гонец* Настичь не мог их — *мой свинец*! (Лерм., Хаджи-абрек, 1833). *Грозный страж твоей свободы, Сокрушитель чуждых сил*, Вкруг тебя широко воды *Океан* седой разлил (Хомяк., Остров, 1836). ...*Нежданный сын последних сил природы* — Возник *поэт*: идет он и поет... (Баратынск., Последний поэт, 1835). На суку извилистом и чудном, *Пестрых сказок пышная жилица*, Вся в огне, в сияньи изумрудном, Над водой качается *жар-птица* (Фет, 40-ых годов).

6. Родственный тип — с обратным порядком частей: вперёд выдвинуто определяемое; предикативное приложение является вторым членом. Особенно част этот тип в поэзии Лермонтова:

...И снова *знамя вольности кровавой* Явилося — *победы мрачной знак* (10 июля 1830). „Отмсти, товарищ!“ и в одно мгновенье (Достойное за смерть убийцы мщенье) *Простая сакля*, веселя их взор, Горит — *черкесской вольности костер* (Изм.-бей, 1839). *Она* [печаль] то ластится как змей, То жжет и блещет будто пламень, То давит мысль мою как камень — *Надежд погибших и страстей Несокрушимый мавзолей*! (Демон, 1838)[1]. Тогда, мечтается, с прохладным ветерком *Молчание* летит под маковым венком, *Друг ночи и о ней желанный возвеститель*! (Милон., Уныние, 1811). ...Чтоб *прекрасная* явилась, Чтоб от вы-

[1] В последнем примере синтаксическое построение не свободно от неясности: „мавзолей“ одинаково может быть приложением к „печаль“ и к „мысль“.

шины В тихий дол лицом склонилась, *Ангел тишины* (Жуковск., Рыцарь Тогенбург, 1818).

Ср. в прозе Н. Ф. Павлова (Аукцион, 1834): „Там в сумраке виднелся разбитый *корабль Вернета*; тут мгновенным блеском загорались *черты Байрона*: *буря природы* и *буря души*!"

7. Получающее предикативную окраску приложение к личному местоимению стоит за сказуемым, обособляясь от него ритмомелодически: Когда наступит час желанный, и *я*, в отеческом дому, В приюте дружбы, *гость нежданный*, Прижмуся к сердцу твоему? (Милон., К сестре моей, 1812). Ты видел, как потом в волнении страстей *Я* тайно изнывал, *страдалец утомленный* (Пушк., Чаадаеву, 1821). Меж тем в глуши *ты* нежно, тихо расцвела, *Цветок любви* (Козл., К полев. маргар., 1835). ...Когда *он* верил и любил, *Счастливый первенец творенья*... (Лерм., Демон, 1838).

8. Приложение следует за личным местоимением и обособляется ритмомелодически, без предикативной окраски:

Увы! заутра ожидала *Ее*, *наследницу Гудала*, Свободы резвое дитя, Судьба печальная рабыни... (Лерм., Демон, 1838).

С предикативной окраской:

Мне кажется, на жизненном пиру Один, с тоской, явлюсь *я*, *гость угрюмый*, Явлюсь на час и одинок умру (Пушк., Послан. к Горчак., 1816). *Я*, *обожатель их свободы*, Как я в душе любил всегда Их бесконечные походы... (Лерм., Моряк, 1832).

9. Приложение, выдвинутое перед определяемым им именем существительным, хотя и изолируется ритмомелодически, не получает предикативной окраски — тяготения к сказуемому:

Но ринулись *посланницы снегов*, *Кипящие метели поколений*, И пал гигант... (Шевырёв, Стансы Риму, 1830)[1]. Так посреди чужих степей, Подруг внимательных не зная, *Прекрасный путник*, *Птичка рая* Сидит на дереве сухом, Блестя лазоревым крылом (Лерм., Изм.-бей, 1832). Сокрыт в глуши, в тени древесной, *Любимец муз и тихих дум*, *Фонтан* живой, фонтан безвестный, Как сладок мне твой легкий шум! (Хомяк., Ключ, 1835).

10. Приложение, оттянутое к концу, несёт на себе большую тяжесть высказывания и выступает как основной член мысли с доминирующим над остальными логическим ударением:

Властителя вселенной В пустынном острове среди морей Таится *гроб* уединенный — *Училище царей*! (Филимонов, Судьба Наполеона, 1821—1822). Да перейдет сюда с тобой *Твой верный друг и домовой* — *Твое душевное веселье*... (Шевырёв, Четыре новоселья, 1827). Есть *чувство правды* в сердце человека — *Святое вечности зерно* (Лерм., Мой дом, 1830). Он там, он поддержит в борьбе роковой *Великое дело* великой душой — *Святое Эллады спасенье* (Козл., Байрон, 1834). Другое — то роскош-

[1] Если бы перед словом „посланницы" была поставлена запятая, возможно было бы чтение, при котором „посланницы" получило бы предикативную окраску.

ное явленье, То южных стран душистое дитя, *Магнолия, венец всего творенья*... (Огарёв, Марии, Александру и Наташе, 1839).

Синтаксическую разновидность — с приложением к опущенному личному местоимению — имеем в случае: „Безглагольна перед светом, Будешь петь в тиши ночей: *Гость ненужный в мире этом, Неизвестный соловей*“ (К. Павлова, 1840)[1].

11. Приложение даётся в самом конце фразы или фразного отрезка как дополнительный, синтаксически слабо вплетённый в общую структуру предложения член:

Журнальный шут о них статейку тиснул, Без подписи ж пустив ее, *злодей* (Пушк., Ex ungue leonem, 1825).

Но ты, святой Эльбрус, *ты*, будто конь седой, На коем смерть предстанет миру, К светилу вечному, к далекому эфиру Вознесся снежною главой, *Ровесник мира величавый* (Тепляков, Кавказ, 1828). Только б *он* в лавровых сенях, У тебя красой цветя, О моих любовных пенях Помнил, — *милое дитя* (Шевырёв, К З. А. В-ой, 1829).

§ 3. „Обещающие“ местоимения.

Русская поэзия первой половины XIX века, реже — лирически окрашенная проза, относительно часто культивирует местоимения третьего лица, не отсылающие, как обычно, к уже названным именам существительным, а к тем, которые ещё должны быть названы. Эти содержательные „обещающие“ местоимения, за которыми даются слова обычно большой эмоциональной силы и семантического веса, — широко распространённый в эту эпоху приём своеобразной интимизации. Исторически он, повидимому, восходит к французским стилистическим влияниям XVIII и начала XIX века[2]:

Повсюду перст *ее* неотразимый! Повсюду *молнии*, карающей певца (Батюшк., Умирающ. Тасс, 1816). *Они* пришли, *твои златые годы*, Огня любви прелестная пора! (Пушк., Послан. Горчак., 1816). Товарищ, верь: взойдет *она, Звезда пленительного счастья*, Россия вспрянет ото сна, И на обломках самовластья Напишут наши имена (Пушк., К Чаадаеву, 1818). Я видел вас, я *их* читал, *Сии прелестные созданья*, Где ваши томные мечтанья Боготворят свой идеал (Пушк., Е. А. Тимашевой, 1826). Свободы гордой вдохновенье! Тебя не слушает народ: *Оно* молчит, *святое мщенье*, И на царя не восстает (Язык., Элег., 1824). Под солнце самое взвился И в яркой вышине Незримый жаворонок поет Заздравный гимн весне. Что *с нею*? что *с моей душой*? С ручьем она ручей И с птичкой птичка! с ним журчит, Летает в небе с ней! (Баратынск., 1831). Пусть надо мной гремят про-

[1] В примере сохранена характерная пунктуация оригинала.

[2] См. В. Виноградов, Язык Пушкина, 1935, стр. 313—315. — У него же замечания и по поводу случаев, когда предшествующим является местоимение второго лица. Последний тип широко известен уже в античной литературе.

клятья! Так! пусть клянут меня *они, Мои озлобленные братья...* (И. Карелин, Оклеветанный, 1836). Так, за роскошный жизни пир Я, как больной, засел уныло. *Он* взор манил — *мой дивный мир,* Но сердцу все в нем изменило! (Б. Александров, Бедняк, 1836). Окружена широкими морями, В тени олив покоится *она, Развалина, покрытая гробами, В ничтожестве великая страна* (Щербина, Эллада, 1846).

Пример из прозы:

Я вручила ему резец, и вскоре мрамор оживился под его руками, и человек окружил себя собственным миром. *Они* еще живы, *священные памятники его усилий* — его славы (Веневитинов, Скульпт., живоп. и муз., 1827).

Интимизирующую окраску обыкновенно имеет и другой приём — напоминания, повторного называния — приложения к местоимению третьего лица, отсылающему к предыдущему:

Мой неискусный карандаш Набросил вид суровый ваш, Скалы Финляндии печальной; *Средь них, средь этих голых скал,* Я, дни весны моей опальной Влача, душой изнемогал (Баратынск., 1835). ...В могилу он унес летучий рой Еще незрелых, темных вдохновений, Обманутых надежд и горьких сожалений! Он был рожден *для них, для тех надежд, Поэзии и счастья...* (Лерм., Памяти А. И. Одоевского, 1839).

§ 4. Спадающие сравнения.

Одна из очень характерных структур поэтического языка изучаемого времени, выходящая из употребления позже, — развёрнутые спадающие (завершающие) сравнения. Синтаксически они представляют в первой части фразное высказывание, т. е. имеют ритмомелодику завершённой мысли. Второй член сравнения, часто очень развёрнутый, даётся после фразной паузы и вводится указательным местоимением, обыкновенно образа действия — **так**. Эти спадающие сравнения широко культивирует и лирика первой половины XIX века, и эпос, в конечном счёте воспроизводящий этой особенностью поэтического слога манеру, сложившуюся уже в Гомеровых поэмах. Они излюбленный приём элегии, особенно элегического завершения и крупных отрезков и целых стихотворений; ср., напр., „Я пережил свои желанья...“ Пушкина (1821):

...Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?
— *Так* поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

или „Элегию“ (1824 г.) Языкова:

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.
Прошел, прошел их милый сон.
Но все душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...
Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

Подобным же образом заканчиваются у Языкова, напр. элегии: „Зачем божественной Хариты...“ (1824), „Свободен я: уже не трачу...“ (1825), „Моя Камена ей певала...“ (1825), „Поэту радости и хмеля...“ (1825) и др.

В стихотворении „П. А. Осиповой“ Пушкина (1825) мы имеем тот же тип, но с красиво отодвинутым *так*:

...Но и в дали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.
Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Ср. и в „Делии“ Баратынского (до 1827):

В замену снов младых тебе не обрести
Покоя, поздних лет отрады;
Куда бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивые досады!
Немирною душой на мирном ложе сна
Так убегает усыпленье,
И где для каждого доступна тишина,
Страдальца ждет одно волненье.

Примеры из эпоса: у Жуковского в „Пери и Ангел“ (1821):

...Он вслушался в ее стенанья,
И ангельского состраданья
Слезой блеснули очеса:
Так чистой каплею роса
В сиянье райского востока,

Так капля райского потока
Блестит на цвете голубом,
Который дышит лишь в одном
Саду небес (гласит преданье).

...Но вот, насытясь разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. *Так* злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.
(Пушк., Медн. всадн., 1833).

...И слово „пытка" там и там
Вмиг пробежало по устам.
Но узник был невозмутим,
Бесчувственно внимал он им.
Так, бурей брошен на песок,
Худой увязнувший челнок,
Лишенный весел и гребцов,
Недвижим ждет напор валов.
(Лерм., Бояр. Орша, 1835).

Намного реже спадающие сравнения в прозе этого времени, куда они проникли под явным влиянием стихотворного эпического слога:

Она существовала в мире прошедшего, для нее столько бедственного, но все еще ей драгоценного. Густав, на зло обстоятельствам, нередко представлялся ее уму и сердцу. *Так* несчастная приходит украдкою от злых людей бросить цветок на могилу, где лежит милый ей мертвец, которого некому, кроме ее, помянуть и с которым жаль расстаться, как с живым (Лажечн., Последн. новик, 1831—1833).

Между тем товарищи дедушки Матвея стояли в стороне, не понимая, что́ все это значит; но, видя испуг хозяина и замешательство дедушки Матвея, они предчувствовали что-то недоброе. *Так* овцы прижимаются одна к другой, не понимая опасности, но чувствуя ее (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832).

Книг он, вообще сказать, не любил читать, а если заглядывал иногда в гадательную книгу, так это потому, что любил встречать там знакомое, читанное уже несколько раз. *Так* городской житель отправляется каждый день в клуб, не для того чтобы

услышать там что-нибудь новое, но чтобы встретить тех приятелей, с которыми он уже с незапамятных времен привык болтать в клубе. *Так* чиновник с большим наслажденьем читает адрес-календарь по нескольку раз на день не для каких-нибудь дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная роспись имен. „А! Иван Гаврилович такой-то!..“ — повторяет он глухо про себя. — „А! вот и я! гм!..“ И на следующий раз снова перечитывает его с теми же восклицаниями (Гоголь, Ив. Федор. Шпонька и его тетушка, 1832).

Эти выражения не отыскиваются в уме и воображении: они просто выпадают на перо из сердца. *Так* дорогие жемчужины легко выкатываются из своей колыбели при малейшем прикосновении к ней, между тем как самые бедные, незрелые добывать надо, раскрывая с трудом крепко сомкнутые уста раковины (Лажечн., Басурм., 1838).

Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия, я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страданья — и никогда не мог насытиться. *Так* томимый голодом в изнеможеньи засыпает и видит пред собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние (Лерм., Герой наш. врем., 1839—1840).

„Ну, слушайте ж, что такое эти мертвые души“, сказала дама приятная во всех отношениях, и гостья при таких словах вся обратилась в слух: ушки ее вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диване и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сделалась вдруг тонее, стала похожа на легкий пух, который вот так и полетит на воздух от дуновения.

Так русский барин, собачей и иора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, превращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь. Весь впился он очами в мутный воздух и уж настигнет зверя, уже допечет его, неотбойный, как ни вздымайся против него вся мятущая снеговая степь, пускающая серебряные звезды ему в уста, в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку (Гоголь, Мертвые души, I, 1842).

§ 5. Синтаксические приёмы интимизации.

„Рыцарь нашего времени“ Карамзина (1802), как уже упоминалось, — своеобразная коллекция разнообразных стилистических приёмов, которыми автор входит в контакт со своим читателем, делая его участником и процесса своего сообщения, и своих чувств, максимально приобщая его к тому, в чём хочет иметь

его участником, напрягая его интерес и по-своему изящно играя этим интересом. Ближайшее поколение писателей — поэтов и беллетристов вносит в приёмы интимизации новые черты своей творческой изобретательности.

1. Античность и французский классицизм широко применяли обращения как средство риторической патетики. Более новы в европейской литературе XVIII и начала XIX века обращения к героям повествования.

В русской литературе обращения к героям повествования как выражение авторского сочувствия к тому, что они переживают и думают, очень распространены и в поэзии, и в прозе всей первой половины XIX века. Припомним хотя бы незабываемое по его исключительной, доходчивой теплоте обращение автора — Пушкина в главе третьей „Евгения Онегина" (строфа XV): „*Татьяна, милая Татьяна*! С тобой теперь я слезы лью: Ты в руки модного тирана Уж отдала судьбу свою. Погибнешь, *милая*..." и т. д.

В прозе XIX века эта манера, восходящая уже к XVIII веку, открывается Н. М. Карамзиным и при поддержке влияний европейской литературы переходит к прямым и косвенным его ученикам.

...И [Ольга] с потворством внимала шепоту сердца, которое от часу громче твердило: „люблю, люблю Романа!" *Ты* спознала, *непреклонная красавица*, грусть и сладкие вздохи, и неясные желания, и в награду бессонницы — сны, украшенные образом незабвенным (Бестуж.-Марлинск., Роман и Ольга, 1823). Стих, стемнел шумный Новгород... Покойно все на берегах Волхова; только ты не спишь и не дремлешь, *прелестная Ольга*, и сильно бьется сердце девическое, высоко воздымается грудь твоя: ожиданье, страх и раскаяние тебя терзают (там же).

Любимая няня уже распустила ей русую косу, сняла с нее праздничные ферези, прочитала молитву вечернюю... *Добрая старушка*, для чего нет у тебя отговоров от любви-чародейки! Ты бы вылечила ими свою барышню от кручины, от горести, от истомы сердечной. Или зачем сердце твое утратило память юности? Ты бы провидела страсть милой Ольги, заглушила б ее еще в цвету советами и рассеянием... Ах, зачем, *добрая няня*, ты не ведаешь отговоров от любви-чародейки? зачем старостью отуманились твои очи? (там же).

Победа над собою пролила небесную отраду в утомленное чувство красавицы, и ангел сна осенил ее крылом своим. Покойся, *душа непорочная*! Ты не одну еще ночь встретишь тоскою бессонницы, не одно изголовье смочишь слезами... и долго *тебе* ронять их на ветер, долго ждать друга милого! (там же).

...*Бедная Анастасия!*

Прекрасный цвет подснежника, рос *ты* один в неге родной долины! И красное солнышко приходило каждый день любоваться в твои утренние зеркала, и светлый месяц, после знойного

дня, спешил опахивать тебя крыльями своих ветерков... Откуда ни возьмись буря, занесла издалече, с чужбины, семя повилики, рядом к тебе, и повилика растет, ластится около тебя своею любовью, душит *тебя, чудный цвет*! Этого мало: червь приполз к твоему корню, впился в него, и подточит вас обоих, если не спасет благодетельная рука (Лажечн., Басурм., 1838).

2. Другой приём интимизации, обычный в практике первой половины XIX века и частый и в последующее время, — повелительные наклонения, приглашающие читателя подумать, взвесить, оценить сообщаемое автором:

Он [Антон] заснул, когда солнце было уже высоко, но и во сне не покидал его образ Анастасии.

Вместе с его сердцем *разберите* сердце девушки, воспитанной в семейном заточении...; *прибавьте* к тому, что она каждый день видит предмет своей любви; *прибавьте* заклятие отца и мысль, что она очарована, что она, земная, не имеет возможности противиться сверхъестественным силам... Перебрав все это, станете ли удивляться, что она уже не противится этим силам и совершенно предалась очарованию? (Лажечников, Басурм.). Проезжая мимо Жолтиковского бора, *вспомните*, что под мрачным навесом его совершилась эта передача [велик. княжества Тверского] (там же).

Сродни этому приёму более характерный и своеобразный — приписывание высказывания о происходящем и под. читателю в виде сочетаний со *скажешь, ты сказал бы* и под. в смысле „можно было бы сказать".

Они относительно нередки, как мы уже отметили, в поэзии первых десятилетий XIX века. Из прозаиков к ним особое пристрастие питают А. А. Бестужев-Марлинский и И. И. Лажечников.

Для лексического разнообразия, которое возможно при синтаксическом типе, о котором идёт речь, характерны, напр., такие места в „Боярине Орше" М. Ю. Лермонтова (1835): „Покрыт одеждою раба, Стоял Арсений у столба, Но в молодом лице его *Вы не нашли б* ни одного Из чувств, которых смутный рой Кружится, вьется над душой В час расставания с землей". — „Чела крутого смуглый цвет, Глаза, в которых мрак и свет В борьбе сменялися не раз, Почти *могли б уверить Вас*, Что в нем кипела кровь татар..."

3. **Мы** (или форма первого лица множественного числа глагола) часто в повествовательных стилях первой половины XIX века выполняет специальную функцию, утраченную или сильно сократившуюся в литературе XX века. Автор за ним принимает на себя роль посредника между описываемыми событиями и читателем и, обыкновенно, с некоторой шутливостью, проистекающей из самой безнадёжности сделать сколько-нибудь правдоподобной ту долю участия в реальной передаче, которую он приписывает себе, вводит таким образом посторонние небольшие моменты „режиссёрского" характера. Примеры:

„Скоро Иван старший с семейством ушел, и мрачная тишина в обоих домах водворилась. *Заглянем* в дом пана Харитона. На другой день, рано поутру, ...Анфиза с дочерьми сидела..." и т. д. (Нарежный, Два Ивана, 1825). „Но что между тем делалось в избе, куда вошли князья и неизвестный старик и не велели никого впускать? Свидетелей после этого не могло быть, но *мы узнали* однакож, ибо в жару беседы ни князья, ни старик не заметили, что хозяин, со страха спрятавшись за печку, слышал, наблюдал все и потом пересказал кому-то, тот — другому, этот — третьему. *Нам досталось*, конечно, из сотых рук. *Послушаем*..." (Н. Полевой, Клятва при гробе госп., 1832). „Покуда Василий Игнатьич с сыном сбираются в дом к невесте, *мы отправимся* вперед, за Москву-реку, ознакомиться с Селифонтом Михеевичем, с его супружницей, с прекрасной дочерью Авдотьей Селифонтовной и с их житьем-бытьем (Вельтман, Саломея, 1846—1847).

Пушкин в „Метели" (1830) вносит в этот сделавшийся в его время уже ходячим приём яркую, оживляющую точку:

„Но *возвратимся* к добрым ненарадовским помещикам и *посмотрим*, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись..."

Подчёркнуто интимизирующий и вместе с тем удивляющий характер приобретает манера автора — заявлять о себе в каком-то отношении к героям своего повествования, когда это повествование историческое и когда автор своё участие внешне разделяет с читателем. Ср.:

„...Это славный стихотворец немецкий Павел Флемминг. Может быть, он читает Олеарию свой „Сонет к Москве-реке". *Пойдем, послушаем.* Да, *мы не ошиблись*: и в каком восторге от стихов Флемминга этот крошечный толстый немец!" (Н. Полевой, Новый Год в Москве в 1635 и 1700, 1836). „Кому это кланяется Олеарий? А, *мы и не заметили* послов, присланных от молодой шведской королевы Христины. Вам известно, что в прошедшем году герой отец ее пал в кровавой битве за счастье народов Германии, и Христина ищет дружбы русского царя" (там же).

4. Наиболее оригинальная форма интимизации отношения читателя к повествованию избрана Бестужевым-Марлинским. Вторая глава его повести „Испытание" (1830), имеющая эпиграф из Байрона: If I have any fault it is digression — „Если за мной есть вина, так это отступления[1]", заканчивается ярко и неожиданно таким воображаемым диалогом между читателем и автором:

— Помилуйте, господин сочинитель! — слышу я восклицание многих моих читателей: — вы написали целую главу о Сытном рынке, которая скорее может возбудить аппетит к еде, чем любопытство к чтению.

— В обоих случаях вы не проиграете, милостивые государи!

[1] В оригинале — единств. число.

— Но скажите, по крайней мере, кто из двух наших гусарских друзей, Гремин или Стрелинский, приехал в столицу?

— Это вы не иначе узнаете, как прочитав две или три главы, милостивые государи!

— Признаюсь, странный способ заставить читать себя.

— У каждого барона своя фантазия, у каждого писателя свой рассказ. Впрочем, если вас так мучит любопытство, пошлите кого-нибудь в комендантскую канцелярию заглянуть в список приезжающих.

Очень оригинальный же переход в родственной манере имеем, напр., в конце IV главы романа Герцена „Кто виноват?“ (1847):

...Все это изгладилось, само собою разумеется, при первом взгляде Любоньки.

— Повесть, кажется, близка к концу,— говорите вы, разумеется, радуясь.

— Извините, она еще не начиналась, — отвечаю я с должным почтением.

— Помилуйте, остается послать за священником.

— Да-с, но ведь я считаю концом, когда за священником посылают, чтоб он соборовал маслом, да и то иной раз не конец. А когда служитель церкви является с тем, чтоб венчать, то это начало совсем новой повести, в которой только те же лица. Они не замедлят явиться перед вами.

Из литературы:

Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, часть II.

В. Чернышёв, Правильность и чистота русской речи, изд. 3-е, СПБ, 1914.

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2, М., 1938.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть первая.

ФОНЕТИКА.

Стр.

§ 1. Вводные замечания 5
§ 2. Церковнославянские огласовки 6
§ 3. Свобода выбора форм с выпадением гласных и удлинением на один слог 7
§ 4. Вставка и выпадение *о, е* при сонорных в конце слова 11
§ 5. Полногласные формы и родственные огласовки в случаях, где впоследствии возобладали церковнославянские 14
§ 6. *е — ё* 15
§ 7. *я — е* 17
§ 8. О произношении *о — а, е — и, ье — ья* . . . . . —
§ 9. О рифмующихся *г — х* 19
§ 10. *чн — шн* . . . . . —
§ 11. *-жск-, -шск-* 21
§ 12. *-сл- — -шл-, -зн- — -жн-* 22
§ 13. О смягчённом *р* . . . . . —
§ 14. *В* перед начальным подударным *о* . . . . . —
§ 15. Фонетика грецизмов 23
§ 16. Начальное *э* в иностранных словах 24
§ 17. Колебания в фонетике европеизмов 25
§ 18. *ё* в некоторых галлицизмах 26
§ 19. *я* после *и* в иностранных словах 27
§ 20. *г — h* . . . . . —
§ 21. Звуковые особенности отдельных иностранных слов . . . . . —

Часть вторая.

МОРФОЛОГИЯ.

Глава I.

Вводные замечания 39

Глава II.

Имена существительные 45

1. Суффиксы имен существительных мужского и женского рода.

§ 1. *-ник, -ница* 45
§ 2. *-тель* 46
§ 3. *-ун* . . . . . —
§ 4. *-щик* 48

Стр.
§ 5. Суффиксы названий народов и под. 48
§ 6. *-ай* и *-тай* 49

2. Суффиксы имен существительных среднего рода.

§ 7. *-ств(о)*, *-ствu(е)* 50
§ 8. Образования среднего рода на *-ние*, *-тие* 53

3. Суффиксы имен существительных женского рода.

§ 9. *-на*, *-ня* 54
§ 10. *-ша* . . . . . —

4. Из бессуффиксных образований.

§ 11. 55

5. Замечания о склонении имен существительных.

§ 12. Родительный падеж единственного числа мужского рода 56
§ 13. Местный падеж единственного числа мужского рода 58
§ 14. Именительный падеж множественного числа имён существительных мужского рода 60
§ 15. Именительный падеж множественного числа среднего рода 63
§ 16. Родительный падеж множественного числа имён существительных мужского и среднего рода 64
§ 17. Родительный падеж множественного числа имён существительных женского и мужского рода на *-я* и *-а* (после шипящих) 67
§ 18. Родительный падеж множественного числа от слов на *-ище* 69
§ 19. Винительный падеж, совпадающий с родительным, у имён существительных неодушевлённых . . . . . —
§ 20. Творительный падеж множественного числа на *-ьми* 70
§ 21. Склонение слов среднего рода на *-мя* 71
§ 22. Склонение слов с тематическим *-ес-* 72
§ 23. Склонение слова *дитя* . . . . . —
§ 24. Несколько мелких явлений из области склонения имён существительных 73
§ 25. Украинские фамилии на *-ко* 76
§ 26. О склонении иностранных слов и собственных имён 77
§ 27. О некоторых словах с беглыми *о*, *е* в склонении 78
§ 28. О существительных, употреблявшихся в форме множественного числа 79
§ 29. Колебания в грамматическом роде и в типах склонения 81
§ 30. Частица *-от*, *-ат* 89

Глава III.

Имена прилагательные и качественные наречия.

1. Аффиксы.

§ 1. Префикс *пре-* 90
§ 2. *-еньк-* (*-оньк-*), *-ехоньк-* (*-охоньк-*) 91
§ 3. *-енек-* (*-еньк-*), *-онек-* (*-оньк-*) в нечленных формах . . . . . —
§ 4. *-ний*, *-няя*, *-нее* . . . . . —
§ 5. *-н-*(*ый*, *ая*, *ое*) 93

Стр.
§ 6. *-ательн-, -ительн-* 9
§ 7. *-им-, -аем-* . . . . . —
§ 8. *-л-* 95
§ 9. *-ическ-* 97
§ 10. *-ов (-ев)* . . . . . —

2. Аналитические формы превосходной степени.

§ 11. 98

3. Формы сравнительной степени.

§ 12. 99

4. Склонение имён прилагательных.

§ 13. Именительный падеж единственного числа мужского рода 100
§ 14. Родительный падеж единственного числа женского рода 103
§ 15. Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода . —
§ 16. Творительный падеж единственного числа женского рода 104
§ 17. Множественное число от слова *рад* . . . . . —

Глава IV.

Замечания об именах числительных 106

Глава V.

Из склонения местоимений.

§ 1. К склонению местоимения 3-го лица и под. 107
§ 2. Замечания об эпентетическом *н* 110
§ 3. Винительный падеж единственного числа от слова *сама* 111

Глава VI.

Глаголы и формы, входящие в их систему.

§ 1. Формы неправильной кратности, давнопрошедшего времени и под. 112
§ 2. Формы на *-ива-, -ыва-* и их эквиваленты 113
§ 3. Формы типа *обязуюсь* 114
§ 4. Глагольный суффикс *-ну-* . . . . . —
§ 5. О некоторых синтетических формах будущего времени совершенного вида 115
§ 6. О некоторых глаголах несовершенного вида 116
§ 7. О некоторых залоговых образованиях 117
§ 8. О формах повелительного наклонения 120
§ 9. О формах *хочем, хочете; бежат* 121
§ 10. Инфинитивы . . . . . —
§ 11. О некоторых образованиях причастий страдательного залога . . . 122
§ 12. О причастиях и деепричастиях сослагательного наклонения 123
§ 13. Формы причастий с аффиксом *-сь* 124
§ 14. Деепричастия „настоящего“ времени . . . . . —
§ 15. Деепричастия прошедшего времени совершенного вида 128
§ 16. Деепричастия прошедшего времени несовершенного вида . . . . —
§ 17. Деепричастия прошедшего времени совершенного вида на *-я* после гласного 130

Стр.
§ 18. Деепричастия прошедшего времени совершенного вида на *-я* (*-а*) после согласного 131

Приложение.

§ 19. Замечание о нарушении супплетивных систем 132

Часть третья.

УДАРЕНИЕ.

Глава I.

Вводные замечания 135

Глава II.

Имена существительные.

§ 1. Префиксальные образования 138
§ 2. Замечания об ударении некоторых суффиксальных образований . . 141
§ 3. Ударение имён женского склонения на *-а, -я* 144
§ 4. Слова женского склонения на *-а, я-* с подвижным ударением . . . 151
§ 5. Ударение имён женского рода склонения на мягкий согласный . . 154
§ 6. Ударение множественного числа среднего рода 159
§ 7. Перенос ударения на предлоги 163
§ 8. Ударение имён существительных в сочетании с числительными . . 169
§ 9. Отдельные существительные с ударением, колеблющимся или отступающим от нынешнего 170

Глава III.

Имена прилагательные 186

Глава IV.

Сравнительная степень 202

Глава V.

Имена числительные 203

Глава VI.

Глаголы и формы, входящие в их систему.

1. Ударение глагола.

§ 1. Подвижное ударение в настоящем времени класса *-е-* 204
§ 2. Ударение в настоящем и будущем времени изъявительного наклонения глаголов на *-и-* 205
§ 3. Ударение глаголов с суффиксом *-ну-* 210
§ 4. Ударение глагольных префиксов 213
§ 5. Перенос ударения на префиксы в формах прошедшего времени . . 215
§ 6. Перенос ударения на отрицание *не* в формах прошедшего времени 221
§ 7. Конечное ударение в форме единственного числа женского рода прошедшего времени 222

2. Причастия.

§ 8. Ударение причастий настоящего времени 226
§ 9. Ударение причастий прошедшего времени страдательного залога . —

Стр.
§ 10. Ударение префиксальных причастий прошедшего времени страдательного залога на *-т-* 228
§ 11. Причастия прошедшего времени страдательного залога от глаголов класса *-и-* 232
§ 12. Причастия страдательного залога прошедшего времени с суффиксом *-ен-* 237
§ 13. Страдательные причастия в кратких формах с удвоенным *н* в функции сказуемого 239
§ 14. Причастия прошедшего времени страдательного залога с суффиксом *-ну-* 240

3. Деепричастия.

§ 15. 240

Глава VII.

Наречия 243

Приложение.

Замечания относительно ударений в русских поэмах Т. Шевченка . . . 245

Часть четвёртая.

СИНТАКСИС.

Глава I.

Общая характеристика.

§ 1. Замечания о синтаксисе Н. М. Карамзина 249
§ 2. Задачи художественного русского синтаксиса после Карамзина . . 252
§ 3. Проблема руссизмов 254
§ 4. Проблема выработки „всеобщей“ национальной речи 257
§ 5. Галлицизмы и европеизмы 258
§ 6. Задачи в области стихотворного синтаксиса 266
§ 7. Новый синтаксис стихотворного языка и связь его с „романтическими“ размерами 268
§ 8. О бессоюзии и эллиптичности в романтической стихотворной фразе 271
§ 9. Вопрос о причастиях и деепричастиях . . . . . —
§ 10. Большие синтаксические структуры в стихотворении 273
§ 11. „Напевная“ фраза 275
§ 12. Аффективные прозаические стили 277
§ 13. Синтаксис А. А. Бестужева-Марлинского 278
§ 14. Синтаксис Н. В. Гоголя 281
§ 15. Комические средства синтаксиса 287
§ 16. Замечания о синтаксисе журналов 290
§ 17. Замечания о новых типах периода 292
§ 18. Синтаксис В. Г. Белинского 293
§ 19. Грамматические труды по синтаксису 296

Глава II. Стр.

Характеристика специальных явлений.

§ 1. Субстантивизация имён прилагательных 298
§ 2. Бессказуемные типы 301
§ 3. Сказуемые-связки 304
§ 4. Выдвинутое в начале предложения *есть* 306
§ 5. Функции форм повелительного наклонения 307
§ 6. Сослагательное (условное) наклонение 310
§ 7. Функции инфинитивов 311
§ 8. Виды и времена 313
§ 9. Залоги 321
§ 10. Об опущении связки *был* в формах страдательного залога 323
§ 11. Об употреблении форм причастий на *-м* и вспомогательных глаголов 325
§ 12. Об употреблении кратких и полных форм имён прилагательных в сочетании друг с другом 326
§ 13. *Каков, таков* и под. 327
§ 14. Согласование сказуемной части с подлежащим 328
§ 15. Типы тяготения имён прилагательных к сказуемым и формам системы глагола 330
§ 16. Прилагательные и причастия страдательного залога в кратких (нечленных) формах при инфинитиве *быть* 335
§ 17. Предикативный творительный 337
§ 18. Двойной винительный 338
§ 19. Родительный времени 340
§ 20. Творительный времени . . . . . —
§ 21. Творительный причинный 341
§ 22. Частные случаи глагольного управления 342
§ 23. Влияние на падежную зависимость отрицания *не* 355
§ 24. Предложное управление 358
§ 25. Винительный падеж, зависимый от сказуемных слов и форм на *-но, -то* 377
§ 26. Родительный объекта 378
§ 27. Дательный падеж, зависимый от имён существительных . . . . . —
§ 28. Зависимость имён существительных и прилагательных от *что* и под. 380
§ 29. Падежная зависимость от имён прилагательных и производных от них наречий 381
§ 30. Конструкции при формах сравнительной степени на *-ейший, -айший* 383
§ 31. Особенности синтаксических связей при числовых наименованиях и родственных им категориях 384
§ 32. Из явлений примыкания 388

Глава III.

Союзы и союзные слова.

§§ 1—14. . . . . 390—423

Глава IV.

Порядок слов.

§ 1. Вводное замечание 424
§ 2. Выдвинутый вперёд родительный падеж собственного имени . . . —

Стор.
§ 3. Вынесенный вперёд родительный падеж и за ним управляемое предлогом имя существительное 427
§ 4. Постановка глаголов на конце предложений 428
§ 5. Причастия, прилагательные-определения и притяжательные местоимения в положении за именами существительными 430
§ 6. Отрыв имени существительного от управляющего им имени прилагательного или причастия 437
§ 7. Подлежащее среди деепричастной конструкции 438
§ 8. Постановка относительного местоимения в придаточных предложениях 439
§ 9. Место зависимых относительных местоимений 440

Глава V.

Из стилистического синтаксиса.

§ 1. Свободная косвенная речь 444
§ 2. Приложения 448
§ 3. „Обещающие“ местоимения 452
§ 4. Спадающие сравнения 453
§ 5. Синтаксические приёмы интимизации 456

Техредактор *Волкова Н. К.*
Редактор *Сарнацкая О. Я.* Корректор *Евреинова Е. И.*

БФ00816. Зак. № 1462. Тираж 10.000. Печ. лист. 29,25. Учётн.-издат. лист. 34,82.
Формат бумаги 60×90 1/16. Количество знаков в 1 печатн. листе 49.000.
Сдано на производство 24/VII 1946 г. Подписано к печати 26/II 1948 г.
Цена книги 12 руб. 25 коп. Переплёт 75 коп.

Харьков, Книжная фабрика им. Фрунзе. Донец-Захаржевская, 6.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

	Строка		Напечатано	Следует
	сверху	снизу		
54	10		эрит	зрит
58		20	окончание, равны	окончание равно
76	3		„глаза“	„веки“
86		10	μνρτος	μύρτος
253	22		слова	слога
376	20		серинзного	сериозного
377		3	распространённого	распространённого
397		11	ни желая	не желая
403		1	для того	для́ того
410	22		з союзом	с союзом
444	8		предаваемой	передаваемой

На стр. 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237 в ряде слов вместо **ы́** по техническим причинам дано **ы**.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

	Строка		Напечатано	Следует
	сверху	снизу		
54	10		эрит	зрит
58		20	окончание, равны	окончание равно
76	3		„глаза“	„веки“
86		10	μνρτος	μύρτος
253	22		слова	слога
376	20		серинзного	сериозного
377		3	распространённого	распространённого
397		11	ни желая	не желая
403		1	для того	для́ того
410	22		з союзом	с союзом
444	8		предаваемой	передаваемой

На стр. 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237 в ряде слов вместо **ы́** по техническим причинам дано **ы**.

Цена 13 руб.